1892 годъ. Октябрь.

ТЕАТРАЛЬНЫЙ,

МУЗЫКАЛЬНЫЙ

И

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„Артистъ“.

№ 23.

Годъ 4-й.

Книга 10-я

МОСКВА.

Типо-литогр. Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°, Пименовск. ул., соб. д.

1892.

СОДЕРЖАНІЕ:

Стр.

I. ВИЛЬГЕЛЬМЪ ТЕЛЛЬ, драма **Шиллера**, пер. А. А. Криль. Акты 2-й и 3-й. 1

II. СЛОВО И ДѢЛО, романъ. Часть I-я *(продолженіе)* **И. Н. Потапенко** . 20

III. ИСТОРІЯ ЖЕНЩИНЫ НА СЦЕНѢ, ст. **И. И. Иванова**. 49

IV. КОРИФЕИ СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ СЦЕНЫ: **Го**, ст. **Catherine de C.** (съ портретомъ Го). 65

V. ИЗЪ ИСТОРІИ АРМЯНСКОЙ СЦЕНЫ. Тифлисскій театръ и бытовая комедія *(продолженіе)*, ст. **Ю. А. Веселовскаго**. 72

VI. СЪ ДИПЛОМОМЪ, повѣсть **Вл. И. Немировича-Данченко**. 81

VII. ***, стихотвореніе **О. Н. Чюминой**. 99

VIII. АРІОЗО ЛЮДМИЛЫ, изъ оперы *„Тушинцы“* **П. И. Бларамберга** . . . 100

IX. МАЙСКАЯ МЕЛОДІЯ. *„Тропинкой узкой мы брели“*, муз. **Б. Коломзра**. 102

X. ГОГАРТЪ, критико-біографическій этюдъ **Всев. Чешихина**. (Съ портретомъ Гогарта и снимками съ его гравюръ) 105

XI. СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ:

Москва. Малый театръ: *„Гроза“* ст. **И. И. Иванова**. 118

„За право и правду“, др. г. Полеваго, ст. **И. И. Иванова**. 122

Возобновленіе Мольеровскаго *Скупаго*, ст. **проф. Алексѣя Веселовскаго** . 128

Большой театръ: *„Жизнь за царя“*.—Дебютанты, ст. **Н. Д. Кашкина**. 132

Театръ г. Корша: *Ева*, др. Фосса.—*Столичный воздухъ*, фарсъ Блументаля и Кадельбурга.—*Коварство и любовь*, др. Шиллера.—*Мюзота*, др. Гюи де Мопассана.—Нѣсколько словъ о десятилѣтнемъ юбилеѣ антрепренерской дѣятельности г. Корша.—Дебютъ г-жи Щепкиной, ст. **Р. С. Т.** 134

Театръ „Скоморохъ“. Открытіе спектаклей ст.—ц—. 140

Спектакли русскаго опернаго товарищества. Открытіе спектаклей, ст. **Н. Д. Кашкина** 141

Концерты на электрической выставкѣ, ст. **С**. 142

Петербургъ. Открытіе Императорскихъ театровъ.—*Ревизоръ* въ новой редакціи академика Тихонравова.—Бенефисъ г-жи Читау и г. Панчина: *Волъ наяволюшка*, др. И. В. Шпажинскаго. „Въ сѣтяхъ“, ком. О. Н. Чюминой, ст. **Г**. 143

Обозрѣніе провинціальныхъ театровъ. 148

Корреспонденціи изъ Астрахани, Балакова, Бѣлгорода, Вильно, Витебска, Владиміра, Воронежа, Ельца, Житоміра, Иваново-Вознесенска, Казани, Кіева, Костромы, Курска, Липецка, Новочеркасска, Одессы, Орла, Пензы, Перми, Риги, Рогачева, Ростова-на-Дону, Самары, Саратова, Севастополя, Симбирска, Симферополя, Славянска, Ставрополя-Кавказскаго, Таганрога, Тамбова, Твери, Томска, Харькова и Черкассъ. 153

Иностранное обозрѣніе. 166

ТЕАТРАЛЬНЫЙ,

МУЗЫКАЛЬНЫЙ и ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„АРТИСТЪ".

1892 годъ. Октябрь.

№ 23.

Годъ 4-й. Книга 10-я.

МОСКВА.
Типо-лит. Высочайше утвержден. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°, Именов. ул., соб. д.
1892.

СОДЕРЖАНІЕ:

Стр.

I. ВИЛЬГЕЛЬМЪ ТЕЛЛЬ, драма Шиллера, пер. А. А. Кривь. Акты 2-й и 3-й. 1
II. СЛОВО И ДѢЛО, романъ. Часть I-я *(продолженіе)* И. Н. Потапенко . 20
III. ИСТОРІЯ ЖЕНЩИНЫ НА СЦЕНѢ, ст. И. И. Иванова. 49
IV. КОРИФЕИ СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ СЦЕНЫ: Го, ст. Catherine de C. (съ портретомъ Го). 65
V. ИЗЪ ИСТОРІИ АРМЯНСКОЙ СЦЕНЫ. Тифлисскій театръ и бытовая комедія *(продолженіе)*, ст. Ю. А. Веселовскаго. 72
VI. СЪ ДИПЛОМОМЪ, повѣсть Вл. И. Немировича-Данченко. 81
VII. ***, стихотвореніе О. Н. Чюминой. 99
VIII. АРІОЗО ЛЮДМИЛЫ, изъ оперы „*Тушинцы*“ П. И. Бларамберга . . . 100
IX. МАЙСКАЯ МЕЛОДІЯ. „*Тропинкой узкой мы брели*“, муз. Б. Коломэра. 102
X. ГОГАРТЪ, критико-біографическій этюдъ Всев. Чешихина. (Съ портретомъ Гогарта и снимками съ его гравюръ) 105
XI. СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ:
Москва. Малый театръ: „*Гроза*“ ст. И. И. Иванова. 118
„*За право и правду*“, др. г. Полеваго, ст. И. И. Иванова. . . . 122
Возобновленіе Мольеровскаго *Скупаго*, ст. проф. Алексѣя Веселовскаго . 128
Большой театръ: „*Жизнь за царя*“.—Дебютанты, ст. Н. Д. Кашкина. 132
Театръ г. Корша: *Ева*, др. Фосса.—*Столичный воздухъ*, фарсъ Блументаля и Кадельбурга.—*Коварство и любовь*, др. Шиллера.—*Мюзотта*, др. Гюи де Мопассана.—Нѣсколько словъ о десятилѣтнемъ юбилеѣ антрепренерской дѣятельности г. Корша.—Дебютъ г-жи Щепкиной, ст. Р. С. Т. 134
Театръ „Скоморохъ“. Открытіе спектаклей ст.—ц—. 140
Спектакли русскаго опернаго товарищества. Открытіе спектаклей, ст. Н. Д. Кашкина 141
Концерты на электрической выставкѣ, ст. С. 142
Петербургъ. Открытіе Императорскихъ театровъ.—*Ревизоръ* въ новой редакціи академика Тихоправова.—Бенефисъ г-жи Читау и г. Панчина: *Вольная волюшка*, др. И. В. Шпажинскаго. „Въ сѣтяхъ“, ком. О. Н. Чюминой, ст. Г. 143
Обозрѣніе провинціальныхъ театровъ. 148
Корреспонденціи изъ Астрахани, Балакова, Бѣлгорода, Вильно, Витебска, Владиміра, Воронежа, Ельца, Житомира, Иваново-Вознесенска, Казани, Кіева, Костромы, Курска, Липецка, Новочеркасска, Одессы, Орла, Пензы, Перми, Риги, Рогачева, Ростова-на-Дону, Самары, Саратова, Севастополя, Симбирска, Симферополя, Славянска, Ставрополя-Кавказскаго, Таганрога, Тамбова, Твери, Томска, Харькова и Черкассъ. 153
Иностранное обозрѣніе. 166
Корреспонденціи изъ Мерана и Вѣны 172
XII. ХРОНИКА 177

ПРИЛОЖЕНІЯ:

XIII. ЕЛКА, ком. въ 1 д. Вл. Ив. Немировича-Данченко 1
XIV. ЛѢТНЯЯ КАРТИНКА въ 1 д., Т. Л. Куперникъ 14
XV. ГИБЕЛЬ СОДОМА, драма въ 5-ти д., Г. Зудермана, переводъ П. К. . 20

XVI. ПОДЪ ОБЛАКАМИ, картина А. А. Киселева . . . .
XVII. ГР. Л. Н. ТОЛСТОЙ ВЪ СВОЕМЪ КАБИНЕТѢ, картина И. Е. Рѣпина. } (Фототипіи гг. Шереръ, Набгольцъ и К° въ Москвѣ).
XVIII. ПОДРУГИ, картина Н. А. Ярошенко (фототипія Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К° въ Москвѣ).
XIX. СКАЗКА О ЗОЛОТОМЪ ПѢТУШКѢ. А. С. Пушкина, *акварель* гр. Ѳ. Л. Соллогуба. Листъ 6-й.

Клише картинъ, заставокъ и виньетокъ исполнены фирмами Баше въ Парижѣ, Бонгъ въ Берлинѣ и П. О. Яблонскаго въ Петербургѣ.

Дозволено цензурою. Москва, октябрь 1892 г.

Артист. 1892. № 23 (окт.).

От редакции.

Реклама.

Драматические сочинения напечатанные в №№1 – 22 журнала Артист, №№ 1-5 Дневника Артиста и №№1 – 17 журнала Театральная библиотека».

Указатель пьес для любительских спектаклей. (Одноактные пьесы).

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА ЖУРНАЛЪ

„АРТИСТЪ“

на 1892 г.

	Безъ доставки.	Съ доставкою и пересылкою.
На 12 мѣсяцевъ (съ января).	10 р. — к.	12 р. — к.
На 9 мѣсяцевъ (съ апрѣля).	6 „ 20 „	7 „ 70 „
На 4 мѣсяца (съ сентября)	5 „ 25 „	6 „ 50 „

СЕЗОННОЙ ПОДПИСКИ БОЛѢЕ ОТКРЫТО НЕ БУДЕТЪ. Съ 1 января 1893 г. будетъ приниматься подписка ТОЛЬКО ГОДОВАЯ съ января по январь.

Для лицъ, подписавшихся въ редакціи, допускается **разсрочка**: при подпискѣ **4** руб., и затѣмъ ежемѣсячно по **2** руб. до полной уплаты всей подписной суммы, а при подпискѣ вмѣстѣ съ **„Театральной Библіотекой“ — 5** р. и затѣмъ ежемѣсячно по **3** р. до полной уплаты всей подписной суммы.

Контора журнала покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ, пользующихся разсрочкой, **высылать слѣдуемые взносы своевременно,** согласно означеннымъ условіямъ, во избѣжаніе задержки въ высылкѣ книгъ.

Другихъ условій разсрочки не допускается.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ

ПОЛНЫЕ КОМПЛЕКТЫ ЖУРНАЛА „АРТИСТЪ“ ЗА ПРОШЛЫЕ ГОДЫ

продаются въ конторѣ редакціи по слѣдующимъ цѣнамъ:

	Безъ доставки.	Съ доставкой и пересылкой.	Съ пересылкою съ наложеннымъ платежомъ.
6 книгъ 1-го сезона $18^{89}/_{90}$ г. (№№ 1—3 и 5—7) (*Экземпляры № 4 всѣ распроданы*)	7 р. 75 к.	10 р. — к.	10 р. 25 к.
7 книгъ 1890 г. (№№ 5—11)	9 „ — „	11 „ 20 „	11 „ 45 „
7 „ 2-го сезона $189^0/_1$ (№№ 8—14)	9 „ — „	11 „ 20 „	11 „ 45 „
7 „ 1891 г. (№№ 12—18)	9 „ — „	11 „ 20 „	11 „ 45 „
7 „ 3-го сезона $189^1/_2$ (№№ 15—21)	9 „ — „	11 „ 20 „	11 „ 45 „
10 „ 1890 г. и $189^0/_1$ г. (№№ 5—14)	13 „ — „	16 „ 50 „	16 „ 85 „
10 „ 1891 г. и $189^1/_2$ г. (№№ 12—21)	13 „ — „	16 „ 50 „	16 „ 85 „
11 „ $189^0/_1$ и 1891 г. (№№ 8—18)	14 „ — „	17 „ 80 „	18 „ 20 „
14 „ 1890 и 1891 г. (№№ 5—18)	18 „ — „	23 „ — „	23 „ 50 „
17 „ (№№ 1—3 и 5—18)	22 „ — „	28 „ — „	28 „ 60 „
20 „ (№№ 1—3 и 5—21)	26 „ — „	33 „ — „	33 „ 70 „

ВЪ КОНТОРѢ ЖУРНАЛА

„АРТИСТЪ“

ПРОДАЮТСЯ

ОРИГИНАЛЫ КАРТИНЪ

К. Е. Маковскаго.

„Женская головка“ (на бубнѣ)
200 р.
Діаметръ $22^3/_4$ сент.

„Мужская голова“ (на бубнѣ)
200 р.
Діаметръ $22^3/_4$ сент.

„Діана“ — 500 р.
Въ рамѣ $71^1/_4 \times 62$ сент.
Безъ рамы 53×44 сент.

„Блондинка“ — 500 руб.
Въ рамѣ 66×54 сент.
Безъ рамы 33×25 сент.

ВЫШЕЛЪ № 18 (ОКТЯБРЬ 1892 Г.) ЖУРНАЛА

„ТЕАТРАЛЬНАЯ БИБЛІОТЕКА“.

СОДЕРЖАНІЕ:

„По разсѣянности“, ком. въ 3 д. Н. В. Казанцева, „Букетъ“, ком. въ 1 д. И. Н. Потапенко, „Вытурилъ“, вод. въ 1 д. Г. Н. Гресссеръ, „Внизъ по матушкѣ по Волгѣ“, сцены В. Р. Щиглева, „Такъ ужь на роду написано“, шутка въ 1 д. Н. Ломакина.
Устройство сцены для любительскихъ спектаклей. Условія подписки см. 4 стр. обложки.

Вильгельмъ Телль.

Драма **Шиллера.**

Переводъ **А. А. Криль.**

ВТОРОЕ ДѢЙСТВІЕ.

ПЕРВАЯ СЦЕНА.

Замокъ барона фонъ-Аттинггаузена.

(Готическое зало, украшенное гербовыми щитами и шлемами. Баронъ фонъ-Аттинггаузенъ, *старикъ 85-ти лѣтъ, высокаго роста и благородной осанки, одѣтый въ подбитый мѣхомъ камзолъ, стоитъ, опираясь на посохъ съ рогомъ серны вмѣсто набалдашника.* Куони *и* шесть работниковъ *съ граблями и косами окружаютъ барона.* Ульрихъ фонъ-Руденцъ, *въ рыцарской одеждѣ, входитъ.)*

Фонъ-Руденцъ.
Что вамъ угодно, дядя?
Фонъ-Аттинггаузенъ.
Подожди;
Сперва по древнему обыкновевью
Съ рабочими я кубокъ разопью.
(Пьетъ изъ кубка и передаетъ его въкруговую.)
Да, было время, съ ними самъ ходилъ я
И въ лѣсъ, и въ поле, самъ я наблюдалъ
За ихъ работою; да, было время,
Я самъ водилъ ихъ въ битвы на враговъ.
Теперь-же только въ клюшники я годенъ.
Теперь, коль солнце не придетъ ко мнѣ,
Я не могу идти за нимъ на Альпы.
Да, что ни день, то все тѣснѣй тотъ кругъ,
Что жизнь моя захватывала прежде,
И скоро въ кругъ тѣснѣйшій попаду,
Гдѣ жизни нѣтъ уже.—Теперь я тѣнь,
Недолго ждать, я буду только имя.
Куони *(подавая фонъ-Руденцу кубокъ)*.
Вотъ кубокъ.
Фонъ-Руденцъ *(колеблется взять кубокъ)*.
Куони.
Пейте. Пусть вино одно
И духъ одинъ насъ всѣхъ одушевляетъ.
Фонъ-Аттинггаузенъ.
Идите, дѣти; послѣ, на свободѣ
Мы о дѣлахъ страны поговоримъ.
Куони *и* работники *(уходятъ)*.
Фонъ-Аттинггаузенъ.
Я вижу ты совсѣмъ готовъ ужъ ѣхать
Въ Альтдорфъ.
Фонъ-Руденцъ.
Да, дядя; медлить мнѣ нельзя.
Фонъ-Аттинггаузенъ *(садится)*.
Зачѣмъ ты такъ торопишься?—Такъ молодъ,
И дорого такъ время для тебя,
Что не найдешь для дяди и минуты?
Фонъ-Руденцъ.
Я вижу ясно, что я вамъ не нуженъ,
Что въ этомъ домѣ я совсѣмъ чужой.
Фонъ-Аттинггаузенъ *(окинувъ его пристальнымъ взглядомъ)*.
Да, къ сожалѣнью, такъ.—Да, къ сожалѣнью,
Твой край родной сталъ для тебя чужимъ.
Не узнаю тебя я больше, Ульрихъ.
Ты гордъ своею шелковой одеждой,
Перомъ павлиньимъ, пурпурнымъ плащемъ,
А на крестьянина глядишь съ презрѣньемъ,
Тебя стыдитъ его привѣтъ радушный.
Фонъ-Руденцъ.
Почетъ, котораго достоинъ онъ,
Всегда ему воздамъ, но не признаю
Я ни за что и никогда за нимъ
Тѣхъ правъ, что онъ себѣ присвоить хочетъ.

Фонъ-Аттингаузенъ.

Подъ гнетомъ короля страна изныла...
На притѣсненья честный человѣкъ
Везъ содраганія глядѣть не можетъ...
Тебя лишь, Ульрихъ, одного тебя
Не трогаетъ общественное горе...
Ты измѣнилъ своимъ, ты перешелъ
На сторону враговъ земли, съ насмѣшкой
На наши ты несчастія глядишь.
Ты ищешь только легкихъ наслажденій,
Заискиваешь милость короля,
Не видишь ты, что кровью истекаетъ,
Замучено отечество твое.

Фонъ-Руденцъ.

Страна замучена... Но кто же, дядя,
Кто виноватъ въ мученіяхъ ея?—
Сказать лишь слово стоитъ, и исчезнутъ
Всѣ бѣдствія, и императоръ нашъ
Ей милосердіе свое окажетъ.—
О, горе тѣмъ, кто ослѣпилъ народъ,
Кто отвратилъ его отъ лучшей доли!
Изъ собственной лишь выгоды своей,
Когда вокругъ всѣ земли присягнули,
Лѣсвымъ кантонамъ не даютъ они
На вѣрность Австріи принесть присягу.
Имъ хорошо теперь, здѣсь наравнѣ
Они съ дворянствомъ... Признаютъ своимъ
Лишь императора здѣсь государемъ,
Чтобъ государя не имѣть совсѣмъ.

Фонъ-Аттингаузенъ.

И это отъ тебя я долженъ слышать!

Фонъ-Руденцъ.

Вы начали, такъ дайте кончить мнѣ.—
Что вы за роль играете здѣсь сами?
Неужто роли земскаго барона,
Владѣющаго леномъ наравнѣ
Съ альпійскимъ пастухомъ, для васъ довольно?
Неужто не почетнѣе для васъ
Принесть присягу Габсбургскому дому
И къ пышному его двору привыкнуть,
Чѣмъ засѣдать въ совѣтѣ и въ судѣ
Съ своимъ крестьяниномъ, какъ пэръ, какъ равный?

Фонъ-Аттингаузенъ.

О, Ульрихъ! Узнаю я голосъ лести!
Онъ подкупилъ твой слухъ, онъ напоилъ
Тебѣ отравой сердце.

Фонъ-Руденцъ.

Да, не скрою,
На сердцѣ глубоко отозвались
Насмѣшки постороннихъ, насъ прозвали
Мужицкими дворянами... О, нѣтъ,
Я дольше не могу глядѣть спокойно,
Какъ юность благородная идетъ
Подъ габсбургскія знамена за славой,
А я въ своемъ помѣстьѣ принужденъ
Весну всей жизни тратить по-пустому,
Въ хозяйничаньи время убивать.
Тамъ, за горами, подвиги гремятъ,
Тамъ славы цѣлый міръ для насъ сіяетъ...
А у меня проржавѣли уже
И щитъ, и шлемъ... Въ швейцарскія долины
Не долетятъ—ни съ битвы звукъ трубы,
Ни возгласы герольда на турнирѣ!
Пустушьей пѣсни скучные напѣвы,
Да стадъ однообразные звонки,—
Вотъ чѣмъ я наслаждаюсь здѣсь.

Фонъ-Аттингаузенъ.

Слѣпецъ,
Пустымъ, мишурнымъ блескомъ увлеченный!
Что жъ, презирай ты родину свою,
Стыдись отцовъ обычаевъ священныхъ!
Но будетъ время, о родныхъ горахъ
И ты вспоминаешь съ горькими слезами.
Тогда и тотъ пастушескій напѣвъ,
Который ты такъ гордо презираешь,
Заставитъ сердце все въ тоскѣ изныть,
Когда его услышишь на чужбинѣ:
Непобѣдима къ родинѣ любовь!—
Не для тебя тотъ міръ чужой, мишурный:
При гордомъ императорскомъ дворѣ.
Съ своей открытою душой, ты станешь
Для самого себя чужимъ. Тотъ міръ
Вѣдь требуетъ совсѣмъ другихъ достоинствъ,
Чѣмъ тѣ, что воспитали здѣсь въ тебѣ
Долины наши.—Что жъ, иди туда,
Продай свою свободу, ставь рабомъ,
Возьми ты землю въ ленъ отъ государя,
Когда ты самъ себѣ здѣсь государь
Въ своемъ владѣньѣ на землѣ свободной.—
Нѣтъ, Ульрихъ! Нѣтъ не покидай своихъ!
Въ Альтдорфъ не ѣзди... О, не оставляй
Ты родины своей святаго дѣла!—
Я въ родѣ Аттингаузеновъ послѣдній....
Со мной умретъ то имя. Щитъ и шлемъ,
Что тамъ висятъ, со мною въ гробъ положатъ.
Ужели долженъ я въ послѣдній часъ
Бояться, что ты ждешь моей кончины,
Чтобъ къ сюзерену новому идти
И отъ него свободныя владѣнья,
Которыя Господь мнѣ даровалъ,
Какъ левъ австрійскій получить.

Фонъ-Руденцъ.

Напрасно
Мы будемъ возставать на короля.
Ему принадлежитъ весь свѣтъ. Неужто
Въ насъ хватитъ дерзости воображать,
Что можемъ разорвать мы цѣпь земель,
Которыми со всѣхъ сторонъ мы сжаты?—
Суды, торговыя дороги, рынки,—
Повсюду все ему принадлежитъ;
И даже вьючный конь на Санъ-Готтардѣ
Ему обязанъ подать уплатить.
Окружены, опутаны, какъ сѣтью,
Его землями мы со всѣхъ сторонъ.
Ужъ не имперія ли защититъ насъ?
Да въ состояньи ли она сама
Себя отъ силы Габсбургскаго дома
Оборонить? Коль не поможетъ Богъ,
То императоръ никакой не въ силахъ

Помочь намъ. Развѣ можно полагаться
На императорское слово намъ,
Когда, мы видимъ, каждый императоръ
И при безденежьи, и для войны
Достать чтобъ денегъ, долженъ прибѣгать
Къ залогу и продажѣ городовъ,
Что покровительства себѣ искали
Подъ имперскимъ орломъ.—Нѣтъ, дядя, нѣтъ!
Во времена тяжелыхъ смутъ, раздоровъ
Благоразуміе нелитъ искать
Защиты вамъ у сильнаго владыки.
Имперія корона переходитъ
Изъ дома въ домъ, нѣтъ памяти у ней
О службѣ вѣрной. Если-жъ государю
Наслѣдственному станемъ мы служить,
Для будущности сѣмена посѣемъ.

Фонъ-Аттингаузенъ.

Какой мудрецъ! Ты хочешь быть умнѣй
Своихъ отцовъ, которые свободу
Своею кровью, достояньемъ всѣмъ
Съ геройскимъ мужествомъ завоевали.
Ступай ты въ Люцернъ, разспроси ты тамъ,
Какъ власть австрійцевъ вашихъ переносятъ.
Ояя и къ намъ придутъ,—овецъ, коровъ
Пересчитаютъ, Альпы размежуютъ,
Въ лѣсахъ свободныхъ нашихъ запретятъ
Охоту намъ; у всѣхъ мостовъ, въ воротахъ
Шлагбаумовъ понаставятъ; нищетой
Заплатятъ нашей за свое богатство,
А нашу кровь прольютъ въ своей войнѣ.
Нѣтъ, если кровь должны мы проливать,
Такъ лучше за свободу, чѣмъ за рабство;
Для насъ такъ выгоднѣй.

Фонъ-Руденцъ.

Что можемъ мы,
Народъ пастушій, противъ войскъ Альбрехта?

Фонъ-Аттингаузенъ.

Ребенокъ, поучись ты понимать
Народъ пастушій этотъ! Ты меня спросилъ бы.
Съ врагами въ битвы я водилъ ихъ самъ,
Я видѣлъ ихъ въ сраженьѣ подъ Фаненцемъ.
Пусть васъ попробуютъ запречь въ ярмо,
Коль мы рѣшились до конца бороться!
Учись народъ родной ты уважать.
Того, чѣмъ ты гордиться былъ бы въ правѣ,
Не промѣняй на блескъ ты мишуры.
Главою быть свободнаго народа,
Который съ искренней къ тебѣ любовью,
Довѣрчиво на смерть пойдетъ съ тобой,—
Вотъ чѣмъ гордиться можно, вотъ гдѣ слава,
Которой добиваться долженъ ты....
Скрѣпляй рожденьемъ созданныя связи,
Всѣмъ сердцемъ родинѣ отдайся ты:
Въ отечествѣ вѣдь снлъ твоихъ всѣхъ корень;
Въ странѣ чужой ты будешь одинокъ,
Какъ хрупкій прутъ, что сломитъ первый вѣтеръ. —
Останься, ужъ давно у насъ ты не былъ,
Пробудь ты съ нами только день одинъ....
Въ Альтдорфъ не ѣзди... только хоть сегодня...
Хоть только этотъ день намъ подари.

(Беретъ его за руку.)

Фонъ-Руденцъ.

Я слово далъ... я связанъ... мнѣ нельзя.

Фонъ-Аттингаузенъ (*опуская его руку, строго*).

Тебѣ нельзя, несчастный... связанъ ты...
Да, связанъ, но не словомъ, не присягой...
Я знаю... связаяъ узами любви.

Фонъ-Руденцъ (*отворачивается*).

Фонъ-Аттингаузенъ.

Что жъ, отворачивайся, сколько хочешь.
Фонъ-Брунекъ, Берта, — вотъ, что такъ тебя
Къ австрійскому двору на службу тянетъ.
Путемъ измѣны родинѣ своей
Пріобрѣсти себѣ жену ты хочешь.
Смотри, не обманись. Чтобъ овладѣть
Тобой, они тебя пенѣстой манятъ
Простакъ, понѣрь, она не для тебя.

Фонъ-Руденцъ.

Довольно я наслушался. Прощайте.

(Уходитъ.)

Фонъ-Аттингаузенъ.

Постой, безумный юноша! — Ушелъ!
И удержать, спасти его нѣтъ силы...
Вотъ такъ и Вольфеншиссенъ измѣнилъ...
Такъ и другіе родинѣ измѣнятъ...
Влекутъ за горы нашу молодежь
Страны чужой чарующія силы.
О, злополученъ былъ тотъ часъ, когда
Въ спокойныя, счастливыя долины
Пришли къ намъ чужеземцы, принеся
Съ собой отраву нашимъ скромнымъ нравамъ.
Жизнь новая могуче пробиваетъ
Себѣ дорогу, старой жизни слѣдъ
Исчезнетъ скоро, времена другія
Настали, народилося уже
Иначе мыслящее поколѣнье.—
Зачѣмъ живу я? Ужъ въ землѣ давно
Всѣ тѣ, съ кѣмъ жилъ и дѣйствовалъ когда-то.
Мой вѣкъ покрытъ землею; благо тѣмъ,
Кто жить не долженъ съ новымъ поколѣньемъ.

(Уходитъ.)

ВТОРАЯ СЦЕНА.

Лугъ, окруженный высокими скалами и лѣсомъ.

На скалахъ тропинки съ перилами и ступенями. На второмъ планѣ — озеро, надъ которымъ сначала видна лунная радуга. Въ глубинѣ сцены — высокія горы, изъ-за которыхъ поднимаются снѣжныя вершины. На сценѣ глубокая ночь; только озеро и ледники освѣщены луною.

Мельхталь, Баумгартенъ, Штрутъ фонъ-Винкельридъ, Мейеръ изъ Сарнена, Буркгардтъ амъ-Бюхель, Арнольдъ фонъ-Сева, Клаусъ фонъ-деръ-Флюэ и четыре *другихъ* поселянина; *всѣ вооружены*.

Мельхталь *(за сценой)*.

Идти виднѣй теперь. За мной ступайте.

Я узнаю скалу; а вотъ и крестъ.
На мѣстѣ мы; здѣсь Рютли.
(Выходятъ на сцену съ факелами въ рукахъ.)

Винкельридъ.

Тише! Стойте!

Сева.

Все пусто.

Мейеръ.

Никого нѣтъ. Прежде всѣхъ
Мы, унтервальденцы, пришли на мѣсто.

Мельхталь.

Который часъ?

Баумгартенъ.

Недавно въ Селисбергѣ
Пожарный сторожъ два ужъ прокричалъ.
(Вдали слышенъ звонъ.)

Мейеръ.

Какой-то звонъ!

Амъ-Бюхель.

Въ лѣсной часовнѣ въ Швицѣ,
За озеромъ, къ заутренѣ звонятъ.

Фонъ-деръ Флюэ.

Да, воздухъ чистъ, и звонъ далеко слышенъ.

Мельхталь.

Подите кто-нибудь зажечь костеръ,
Чтобъ былъ огонь, когда друзья сберутся.
(Два поселянина уходятъ.)

Сева.

Какая ночь прекрасная сегодня!
Какъ тихо въ озерѣ, не шелохнетъ!

Амъ-Бюхель.

Легко имъ будетъ плыть.

Винкельридъ *(указывая на озеро)*.

Да посмотрите!
Не видите вы развѣ?

Мейеръ.

Что же тамъ? —
Ахъ, въ самомъ дѣлѣ, радуга!—и ночью!

Мельхталь.

Свѣтъ мѣсяца ее образовалъ.

Фонъ-деръ-Флюэ.

Вотъ рѣдкое явленье! Многимъ въ жизни
Такого не придется увидать.

Сева.

Ихъ двѣ, вѣдь, радуги; другая выше,
Блѣднѣе только.

Баумгартенъ.

Лодка къ намъ плыветъ.

Мельхталь.

Штауффахеръ! Ждать себя онъ не заставилъ.
(Идетъ съ Баумгартеномъ къ берегу.)

Мейеръ.

Изъ Ури только что-то не идутъ.

Амъ-Бюхель.

Чтобъ не сойтись съ разъѣздами ландфогта,
Имъ обходить далеко по горамъ.
(Тѣмъ временемъ два поселянина развели среди сцены костеръ.)

Мельхталь *(на берегу)*.

Кто тамъ? Пароль?

Штауффахеръ *(изъ лодки)*.

Отечества друзья.
Всѣ уходятъ въ глубину сцены навстрѣчу пріѣхавшимъ. Изъ лодки выходятъ Штауффахеръ, Итель Рединтъ, Гансъ ауфъ-деръ-Мауеръ, Іоргъ имъ-Гофе, Конрадъ Гунъ, Ульрихъ деръ-Шмидъ, Іостъ фонъ-Вейлеръ и четыре *другихъ* поселянина; *всѣ тоже вооружены.*

Всѣ *(громко)*.

Привѣтъ, друзья!
Всѣ остаются въ глубинѣ сцены; а Мельхталь *и* Штауффахеръ *выходятъ на авансцену.*

Мельхталь.

Штауффахеръ, видѣлъ я
Того, кто ужъ меня не можетъ видѣть.
Глаза его своей рукой я трогалъ,
И жажду мщенія я почерпнулъ
Въ его потухшемъ взорѣ.

Штауффахеръ.

Нѣтъ, о мщеньѣ
Не говорите вы. Не отомщать
За зло свершившееся, а бороться
Со зломъ, которое еще грозитъ,
Должны мы. — Разскажите же, какъ дѣло
Вели вы въ Унтервальденѣ, какъ тамъ
На наше дѣло смотрятъ, не грозила ль
Тамъ отъ предателей опасность вамъ?

Мельхталь.

Черезъ Суренна грозныя вершины,
По ледянымъ полямъ, гдѣ крикъ орла
Лишь раздается, я дошелъ сначала
До луга въ Альпахъ, гдѣ свои стада
Пасутъ совмѣстно пастухи изъ Ури
И Энгельберга. Жажду утолялъ
Дорогой я водой, что вытекаетъ
Изъ ложа ледниковъ, а отдыхалъ
Я въ хижинахъ пустыхъ и одинокихъ,
Самъ гость и самъ хозяинъ. Наконецъ
Я до жилья людей добрался. Въ Альпахъ
Повсюду ужъ объ ужасахъ ландфогтовъ
Молва гремѣла; встрѣтили меня
Тамъ съ уваженьемъ къ моему несчастью,
Оно всѣ двери отворяло мнѣ. —
Тамъ новые порядки возбуждаютъ
Негодованье честныхъ всѣхъ людей.
Какъ въ Альпахъ все живетъ, не измѣняясь,
Изъ года въ годъ: растенія цвѣтутъ
Одни и тѣ же; ручейки, потоки
Не покидаютъ ложа своего;
И облака, и вѣтеръ направленья
Не измѣняютъ тамъ; — такъ и они
Хранятъ тамъ свято, неприкосновенно
Обычаи и нравы старины:
Какъ жилъ тамъ дѣдъ, такъ тамъ живетъ и внукъ.
При ихъ привычномъ, ровномъ ходѣ жизни
Они не терпятъ смѣлой новизны. —
— Когда я говорилъ, мнѣ жали руки,
Со стѣнъ хватали ржавые мечи..

Когда въ горахъ святыя имева
Штауффахера и Фюрста произнесъ я,
Оговь отваги вспыхнулъ въ ихъ глазахъ,
На смерть они клялись идти за вами.—
Такъ шелъ я, пользуясь гостепріимствомъ,
Изъ дома въ домъ и, наконецъ, къ себѣ
Пришелъ я въ ту долину, гдѣ родился,
Гдѣ много родственниковъ у меня...
Когда увидѣлъ я отца слѣпого,
Ограбленнаго, на чужой соломѣ,
Что лишь изъ сострадавія ему
Чужіе люди дали...

Штауффахеръ.

Боже мой!

Мельхталь.

Не плакалъ я; о нѣтъ! въ слезахъ безсильныхъ
Я не топилъ моихъ страданій горькихъ.
Нѣтъ, какъ сокровище, я затаилъ
Ихъ въ глубинѣ души моей и думалъ
О дѣлѣ родины своей.—Въ горахъ
Всѣ скрытыя долины, всѣ ущелья,
Жилища у подошвы ледниковъ
Я посѣтилъ. Куда бы ни пришелъ,
Вездѣ я ненависть встрѣчалъ къ тиранамъ:
Вѣдь даже тамъ, гдѣ край жилья людей,
Гдѣ ничего земля не производитъ,
Вѣдь даже тамъ царитъ грабежъ ландфогтовъ...
Горячимъ словомъ поднялъ я народъ,
Онъ вашъ теперь и сердцемъ и душею.

Штауффахеръ.

Вы много сдѣлали въ столь краткій срокъ.

Мельхталь.

Я больше еще сдѣлалъ. Нашъ народъ
Два замка здѣсь страшатъ—Росбергъ и Сарненъ;
За ихъ стѣнами прячется нашъ врагъ,
Оттуда шлетъ овъ на страну несчастья.
Такъ я рѣшилъ изслѣдовать ихъ самъ;
И въ Сарненъ удалося мнѣ проникнуть,
И замокъ этотъ весь я осмотрѣлъ.

Штауффахеръ.

Войти дерзнули въ логовище тигра?

Мельхталь.

Въ одеждѣ пилигрима я пришелъ,
И видѣлъ тамъ ландфогта за пирушкой...
Судите же, владѣю-ль я собой:
Я могъ убить его и не убилъ.

Штауффахеръ.

Да, счастье помогло отвагѣ вашей.
(*Тѣмъ временемъ остальные выходятъ мало-по-малу на авансцену и окружаютъ Штауффахера и Мельхталя*).
Со мной теперь знакомьте вы друзей,
Которые сюда пришли за вами,
Чтобы съ довѣріемъ могли мы всѣ
Сердца и помыслы открыть другъ другу.

Мейеръ.

Кто васъ не знаетъ въ вашихъ трехъ земляхъ?—
Я изъ Сарнена, имя же мнѣ Мейеръ;
Вотъ мой племянникъ —Штрутъ фонъ-Винкельридъ.

Штауффахеръ.

Все имена извѣстныя здѣсь въ Альпахъ.
Одинъ изъ Винкельридовъ побѣдилъ
Въ болотѣ Вейлерскомъ дракона; самъ
Въ бою онъ этомъ палъ.

Винкельридъ.

То былъ мой предокъ.

Мельхталь (*указывая на двухъ поселянъ*).

Вотъ эти унтервальденцы живутъ
За лѣсомъ при аббатствѣ Энгельберга;
Хотя они крестьяне крѣпостные,
А не свободные землевладѣльцы,
Но ими не пренебрегайте вы,
Они не меньше насъ отчизну любятъ.

Штауффахеръ (*крестьянамъ*).

Жму руки ваши. Кто не крѣпостной,
Такому счастью радоваться долженъ,
Но честность, искренность и прямота
Равно есть достояніе всѣхъ звавій.

Конрадъ Гуинъ.

Вотъ это Редингъ, старый вашъ ландамманъ.

Мейеръ.

Я съ нимъ знакомъ: соперникъ мой въ судѣ;
У васъ тамъ о землѣ ведется тяжба.
Мы, Рединги, тамъ—враги, а здѣсь—друзья.
(*Жметъ ему руку.*)

Штауффахеръ.

Отлично сказано.

Винкельридъ.

Постойте, тише!
Вовъ слышенъ Ури рогъ. Они идутъ.
Справа и слѣва по тропинкамъ спускаются съ утесовъ вооруженные люди съ факелами въ рукахъ.

Ауфъ-деръ-Маурръ.

Смотрите, алтаря святой служитель,
Самъ патеръ съ ними къ намъ идетъ сюда.
Какъ вѣрный пастырь своего народа,
Идетъ овъ, несмотря на мракъ ночной,
На утомительность лѣсвыхъ тропинокъ.

Баумгартенъ.

Съ нимъ Петерманнъ и Вальтеръ Фюрстъ идутъ;
Но Телля что-то съ ними я не вижу.

Вальтеръ Фюрстъ, *патеръ* Рессельманнъ, *клирикъ* Петерманнъ, *пастухъ* Куони, *охотникъ* Верни, *рыбакъ* Руоди, *и пять другихъ поселянъ.—Всѣ тридцать три выходятъ на авансцену и становятся вокругъ костра.*

Фюрстъ.

Итакъ, на собственной своей землѣ,
Наслѣдіи отцовъ, должны мы тайно,
Какъ воры, какъ убійцы здѣсь сойтись.
Святое дѣло, чистое какъ день,
Должны мы прятать подъ ночнымъ покровомъ,
Какъ будто замышляемъ заговоръ
На дѣло черное, на преступленье.

Мельхталь.

Не мы виной.—Что мракъ ночной создастъ,
То днемъ свободу, счастіе намъ дастъ.

Рессельманнъ.

Послушайте, что мнѣ Господь внушаетъ.
Мы общины собой здѣсь представляемъ
И можемъ говорить за весь народъ.
Такъ значитъ слѣдуетъ согласно старымъ
Обычаямъ, какъ при другихъ дѣлахъ,
Составить намъ здѣсь общинный совѣтъ.
А если въ чемъ отступимъ отъ законовъ,
То обстоятельства насъ извинятъ.
Господь вездѣ, гдѣ защищаютъ право,
А мы подъ небомъ Господа стоимъ.

Штауффахеръ.

Пусть ночь теперь, намъ свѣтитъ наше право.
Составимъ здѣсь совѣтъ по старинѣ.

Мельхталь.

Народа сердце здѣсь, хоть насъ немного,
Всѣ люди лучшіе сюда пришли.

Конрадъ Гунъ.

Хоть нашихъ древнихъ книгъ не принесли мы,
Но ихъ слова начертаны въ сердцахъ.

Рессельманнъ.

Такъ къ дѣлу; кругъ составимъ и — знакъ власти—
Мечи—средь круга въ землю мы вонзимъ.

Ауфъ-деръ-Мауеръ.

Пусть нашъ ландаманнъ станетъ въ серединѣ,
А по бокамъ товарищи его.

Петерманнъ.

Здѣсь представители всѣхъ трехъ народовъ,
Кому жъ изъ трехъ совѣту дать главу?

Мейеръ.

Объ этомъ пусть со Швицемъ Ури спорятъ,
А Унтервальденъ уступаетъ имъ.

Мельхталь.

Да, уступаетъ: онъ друзей могучихъ
О помощи сюда просить пришелъ.

Штауффахеръ.

Подъ знамя Ури мы въ походахъ римскихъ
Сбирались, пусть же Ури мечъ возьметъ.

Фюрстъ.

Нѣтъ, Швицу мечъ принадлежитъ по праву:
Отъ Швица вѣдь произошли мы всѣ.

Рессельманнъ.

Я помирю вашъ споръ: главой пусть будетъ
Въ сраженьѣ—Ури, а въ совѣтѣ Швицъ.

Фюрстъ (*подавая два меча Штауффахеру*).

Возьмите.

Штауффахеръ.

Нѣтъ, здѣсь есть меня постарше.

Имъ-Гофе.

Годами старше всѣхъ здѣсь Ульрихъ Шмидъ.

Ауфъ-деръ-Мауеръ.

Достойный мужъ, но крѣпостной, и въ Швицѣ
Поэтому не можетъ быть судьей.

Штауффахеръ.

А Итель Рединъ, старый нашъ ландаманъ?
Кого еще достойнѣй намъ искать?

Фюрстъ,

Пусть будетъ аманомъ, главой совѣта!
Согласные пускай подымутъ руки.

(*Всѣ подымаютъ правыя руки.*)

Рединъ (*выходитъ на середину*).

Я не могу надъ книгами дать клятву,
Но звѣздами я вѣчными клянусь,
Отъ правды я во вѣкъ не уклонюсь.

Передъ Рединомъ вонзаютъ въ землю два меча; всѣ становятся въ кругъ. Швицъ занимаетъ середину, направо становится Ури, налѣво — Унтервальденъ. Рединъ стоитъ внутри круга, опираясь на свой мечъ.

Рединъ.

Зачѣмъ въ такой глуши и въ часъ ночной
Здѣсь собрались три горные народа?
Какой союзъ хотите заключить
Подъ этимъ звѣздвымъ небомъ? Отвѣчайте!

Штауффахеръ (*выходитъ на середину круга.*)

Союзъ не новый заключить хотимъ,
Союзъ мы нашихъ предковъ возстановимъ.—
Хоть другъ отъ друга отдѣляютъ насъ
И озеро, и горы, и хоть каждый
Изъ трехъ народовъ, какъ онъ хочетъ самъ,
Живетъ и управляется; но знайте,
Что мы происхожденья одного,
Что наши предки изъ одной отчизны
Сюда пришли, что кровь у насъ одна.

Винкельридъ.

Такъ, значитъ, правду говорятъ намъ пѣсни,
Что мы изъ дальнихъ странъ сюда пришли?
О, разскажите намъ, какъ это было,
Чтобъ новый нашъ союзъ намъ укрѣпить
На основаньи древняго союза.

Штауффахеръ.

Вотъ какъ разсказываютъ старики:
Жилъ нѣкогда на сѣверѣ далекомъ
Большой народъ; голодный годъ пришелъ
И община рѣшила, что десятый,
По жребію, оставитъ край родной.
Переселенье началось. Мужчины
И женщины отправились въ походъ;
Съ рыданьями, слезами оставляли
Они свое отечество. Ихъ путь
Лежалъ на югъ. Среди земель нѣмецкихъ
До этой горной и лѣсной страны
Они мечомъ дорогу пролагали.
Но вотъ, усталые, они пришли
Въ долину, гдѣ Муотта протекаетъ.
Все дичь кругомъ, нѣтъ и слѣда людей;
Лишь хижина на берегу стояла
Да странниковъ паромщикъ поджидалъ...
Но озеро такъ сильно бушевало,
Что переѣхать было бы нельзя.
Тогда они, кругомъ поосмотрѣвшись,

Увидѣли, что этотъ край богатъ
Прекраснымъ лѣсомъ, чистыми ключами,
И имъ казалось, что они нашли
Здѣсь новое отечество; и вотъ
Они рѣшили тутъ и поселиться
И строить начали селенье Швицъ;
Они дни долгіе и трудъ тяжелый
Затратили, чтобъ тамъ разчистить лѣсъ.
Когда земли народу не хватало,
То разселялися они кругомъ;
До Черныхъ горъ и до Вейсланда даже,
Гдѣ за громадой льдовъ другой народъ
Живетъ съ другою рѣчью, достигали.
Такъ основали Станцъ они въ Керивальдѣ,
На Рейсѣ же построили Альтдорфъ—
Но старой родины не забывали.
Изъ всѣхъ чужихъ племенъ, что здѣсь въ странѣ
Селилися среди потомковъ Швица,
Всегда швейцарцы рѣзко выдѣлялись;
Себя даетъ въ нихъ знать и кровь, и сердце.
(*Жметъ руки направо и налѣво.*)

Ауфъ-деръ-Мауеръ.

Да, сердце въ насъ одно, въ насъ кровь одна!

Всѣ (*подымая руки*).

Да, мы народъ одинъ, народъ съ одной душою.

Штауффахеръ.

Такихъ народовъ много, что легко
Склонилися подъ иго чужеземцевъ.
Да на земляхъ и нашихъ много есть
Здѣсь поселенцевъ, признающихъ волю
Чужую надъ собою, свое рабство
Отъ предковъ по наслѣдству получившихъ.
Но мы, потомки истинные Швица,
Всегда свободны были и колѣнъ
Ни предъ какимъ мы княземъ не склоняли.
Свободные, защитникомъ своимъ
Мы сами императора избрали.

Рессельманнъ.

Имперію защитницей своей
Избрали сами мы; такую намъ
И грамоту далъ императоръ Фридрихъ.

Штауффахеръ.

Но и свободный даже человѣкъ
Всегда признаетъ власть и надъ собою.
Судья верховный всѣмъ необходимъ
Для разрѣшенья споровъ. Вотъ причина,
Что побудила предковъ нашихъ землю,
Которую они отвоевали
У матери-природы, подчинить
Главенству императора, который
Себя главой считаетъ и владыкой
Всѣхъ итальянскихъ и нѣмецкихъ странъ.
Какъ и другіе вольные народы,
Служить имперіи во время войнъ
Они себя повинными считали:
Имперія, защитницѣ своей,
Они защитниками были; это
Единственный и благородный долгъ
Людей свободныхъ.

Мельхталь.

Да, и только это;
Что сверхъ того, ужъ будетъ признакъ рабства.

Штауффахеръ.

Когда къ нимъ приходилъ призывъ къ войнѣ,
Подъ знаменемъ имперіи сражались;
Въ Италію ходили добывать
Для императора корону Рима.
Но дома управлялися они
Закономъ и обычаемъ своимъ;
А императоръ вѣдалъ только высшій
По преступленьямъ противъ жизни судъ.
Для этого суда былъ графъ назначенъ,
Но жилъ онъ не у насъ, онъ пріѣзжалъ,
Когда его на судъ къ намъ призывали,
И подъ открытымъ небомъ просто, ясно
Онъ ставилъ приговоръ. Теперь скажите,
Гдѣ въ этомъ всемъ хотя бы слѣдъ былъ рабства?

Имъ-Гофе.

Нѣтъ, ясно, у себя мы никогда
Господства чуждой силы не видали.

Штауффахеръ.

Въ повиновеньѣ отказали мы,
Когда на наше право покусился
Самъ императоръ въ пользу духовенства.
Монахи изъ Эйнзидельна права
Свои на наши Альпы предъявили;
Аббатъ же въ подтвержденье этихъ правъ
Старинную намъ грамоту представилъ;
Согласно этой грамотѣ они
Могли ненаселенными мѣстами
Владѣть... о нашемъ населеньѣ здѣсь
Имперія какъ будто и не знала...
Мы отвѣчали такъ на этотъ искъ:
«Путемъ подлога грамота добыта!
«Не можетъ императоръ отдавать
«Другому въ даръ, что наше ужъ съиздавна.
«А если намъ въ признаньѣ нашихъ правъ
«Имперія откажетъ, мы тогда
«И безъ нее въ горахъ прожить съумѣемъ.»
—Вотъ былъ языкъ отцовъ! Неужто мы
Должны терпѣть позоръ чужаго ига?
Неужто отъ вассала мы снесемъ,
Къ чему и сюзеренъ не могъ принудить?
Мы землю сами создали себѣ:
Трудами рукъ своихъ мы превратили
Лѣса дремучіе въ жилье людей;
Гнѣздо драконовъ, ядомъ отравлявшихъ
Болота наши, истребили мы;
Мы разогнали облака тумановъ,
Висѣвшихъ надъ безлюдною страной;
Удобныя дороги проложили
Мы здѣсь надъ пропастями и въ скалахъ...
Даетъ тысячелѣтнее владѣнье
На землю право намъ; край этотъ нашъ...
И чтобъ чужой вассалъ посмѣлъ явиться
Сюда, и намъ цѣпями угрожать,
И насъ на собственной землѣ позорить!
Да развѣ мы защиты не найдемъ?

(*Сильное волненіе между поселянами.*)

Нѣтъ, есть граница и тирановъ силѣ.
Коль гнетъ невыносимъ и на землѣ
Ужъ не найдется правды, угнетенный
Прибѣгнетъ къ небу, тамъ онъ почерпнетъ
Признанье вѣковѣчныхъ правъ своихъ,
Какъ звѣзды самыя несокрушимыхъ...
Вернется первобытная пора,—
Пора борьбы людей между собою,
Когда лишь мечъ защитой праву былъ...
Коль всѣ другія средства не помогутъ,
Тогда пусть обнажится грозный мечъ...
Мы отъ насилья достоянье наше
Здѣсь защищаемъ... и съ мечемъ въ рукахъ
Мы возстаемъ за родину святую,
Мы возстаемъ за нашихъ женъ, дѣтей!

Всѣ (*гремя мечами*).

Мы возстаемъ за нашихъ женъ, дѣтей!

Рессельманнъ (*выходя на середину круга*).

Но раньше, чѣмъ возьмемся мы за мечъ,
Подумайте, быть можетъ, можно мирно
Намъ съ императоромъ окончить дѣло.
Одно лишь слово,—насъ не притѣснять,
А угождать ужъ станутъ намъ тираны.
Исполните, что требуютъ отъ васъ,
И отъ имперіи вы отдѣлитесь,
Главенство Австріи признайте вы...

Ауфъ-деръ-Мауеръ.

Что говоритъ онъ? Австріи присягу..?!

Амъ-Бюхель.

Не слушайте его!

Винкельридъ.

Измѣнникъ онъ,
Онъ врагъ отечества!

Редингъ.

Друзья, постойте.

Сева.

Принесть присягу Австріи! Позоръ!

Фонъ-деръ-Флюэ.

Неужто силою отъ насъ возьмутъ,
Чего добромъ отдать мы не хотѣли?

Мейеръ.

А если такъ, то, значитъ, мы рабы
И ужь конечно рабство заслужили.

Ауфъ-деръ-Мауеръ.

Пусть будетъ правъ швейцарца тотъ лишенъ,
Кто подчиниться Австріи предложитъ.
Я требую, чтобъ это объявилъ
Ландаммавъ первымъ даннымъ здѣсь закономъ.

Мельхталь.

Да будетъ такъ. Пусть, кто заговоритъ
О подчиненьѣ Австріи, лишится
Всѣхъ правъ своихъ и чести; пусть никто
Въ Швейцаріи не дастъ ему пріюта.

Всѣ (*поднимая правыя руки*).

Закономъ признаемъ!

Рединтъ (*послѣ минутнаго молчанія*).

Да будетъ такъ!

Рессельманнъ.

Принявъ такой законъ, ужь вы свободны,
Ужь силой Австріи теперь не взять,
Чего не получила добровольно...

Іостъ фонъ-Вейлеръ.

Къ порядку! Къ дѣлу, далѣе!

Редингъ.

Друзья!
Скажите, всѣ ль мы средства испытали?
И самъ король Австрійскій, можетъ быть,
Не знаетъ, что мы терпимъ, и не хочетъ,
Чтобъ притѣсняли насъ. Намъ надо прежде,
Чѣмъ мы къ мечу прибѣгнемъ, королю
На притѣсненья жалобу подать.
Вѣдь даже въ самомъ справедливомъ дѣлѣ,
Друзья, ужасно прибѣгать къ мечу.
Защиту лишь тогда Господь окажетъ,
Когда защиты не далъ человѣкъ.

Штауффахеръ (*Конраду Гуну*).

Пусть вашъ разсказъ отвѣтомъ тутъ послужитъ.

Конрадъ Гунъ.

Я ѣздилъ въ Рейнфельдъ ко двору Альбрехта,
Чтобъ на ландфогта жалобу подать
И чтобы грамотою императоръ
Всѣ наши вольности возобновилъ,
Какъ это дѣлали всегда, вступая,
Всѣ императоры, на свой престолъ.—
Тамъ встрѣтилъ я пословъ отъ городовъ
Изъ Швабіи и изъ земель прирейнскихъ;
Ужъ грамоты они всѣ получили
И возвращались весело назадъ.
Меня же, вашего посла, позвали
Въ совѣтъ, а тамъ отправиться домой
Велѣли мнѣ, сказавши въ утѣшенье:
«Теперь нашъ императоръ очень занятъ,
«Но послѣ онъ подумаетъ о васъ». —
Когда въ унынiи я возвращался
Мнѣ встрѣтился тамъ герцогъ Іоаннъ,
Въ слезахъ стоялъ онъ на одномъ балконѣ;
Съ нимъ вмѣстѣ были Тегерфельдъ и Вартъ;
Они сказали мнѣ: «Надѣйтесь только
«Лишь на себя, на справедливость вамъ
«У императора разсчитывать нельзя.
«Онъ своему племяннику родному
«Его наслѣдства не передаетъ.
«Ужь герцогъ совершеннолѣтенъ, можетъ
«Своимъ наслѣдьемъ управлять и самъ.
«Онъ обращался съ просьбой къ государю,
«И вотъ какой отвѣтъ ему былъ данъ:
«Взялъ императоръ отъ щита коронку,
«Далъ герцогу и такъ ему сказалъ:
«— Для юноши и этого довольно».

Ауфъ-деръ-Мауеръ.

Вы слышали?— На справедливость намъ
У императора разсчитывать нельзя.
Лишь на себя надѣйтесь.

Редингъ.

Да, лишь это
И остается намъ. Теперь рѣшимъ,
Какими средствами идти намъ къ цѣли.

Фюрстъ (*выходитъ на средину круга*).
Низвергнуть тяжкій гнетъ и отстоять
Старинныя права, что къ намъ отъ предковъ
Въ наслѣдство перешли,—вотъ наша цѣль;
А новаго мы ничего не ищемъ.—
Вы кесарево Кесарю воздайте.
Пусть каждый обязательства свои
И впредь предъ сюзереномъ исполняетъ.

Мейеръ.
Мое владѣніе—австрійскій ленъ.

Фюрстъ.
Какъ ленникъ Австріи, свой долгъ несите.

Іостъ фонъ-Вейлеръ.
Я Раппельсвейлю подати плачу.

Фюрстъ.
Такъ и платите, какъ платили прежде.

Рессельманкъ.
Я Божьей Матери монастырю,
Что въ Цюрихѣ, присягу далъ на вѣрность.

Фюрстъ.
И вѣрность сохраните вы ему.

Штауффахеръ.
Свой ленъ я отъ имперіи имѣю.

Фюрстъ.
Чего не избѣжать, то пусть свершится,
Но далеко не надо заходить.
Хотимъ отсюда мы изгнать ландфогтовъ
Съ рабами ихъ и замки ихъ свалить,
Но—если можно—безъ пролитья крови.
Пусть императоръ видитъ, что нужда
Принудила насъ къ силѣ обратиться.
Быть можетъ, коль границъ не перейдемъ,
Онъ побѣдитъ свой гнѣвъ. Народъ вѣрнѣе
Заслужитъ уваженье, если онъ
Съ мечемъ въ рукахъ умѣренность проявитъ.

Рединтъ.
Но какъ, скажите, дѣло намъ начать?
Въ рукахъ врага оружье есть; конечно
Не станетъ вѣдь онъ насъ спокойно ждать.

Штауффахеръ.
Сомнѣнья нѣтъ, коль онъ вооруженья
Замѣтитъ наши. Допускать нельзя,
Чтобъ за оружіе успѣлъ онъ взяться;
Въ расплохъ его намъ надо захватить.

Мейеръ.
Сказать легко, а сдѣлать это трудно.
Два замка сильныхъ угрожаютъ вамъ;
Они опора для враговъ, и будутъ
Грозить намъ вдвое, какъ король придетъ
Сюда съ войсками. Раньше, чѣмъ за мечъ
Возьмемся, надо взять Росбергъ и Сарненъ.

Штауффахеръ.
Тяните дѣло, чтобъ узнали все;
Участниковъ не мало въ нашей тайнѣ.

Мейеръ.
Предателей въ лѣсныхъ кантонахъ нѣтъ.

Рессельманнъ.
И завенье лишнее предать насъ можетъ.

Фюрстъ.
Что жъ, отложите, и ландфогтъ найдетъ
Опору новую въ Альтдорфскомъ замкѣ;
Онъ скоро будетъ конченъ.

Мейеръ.
О себѣ
Вы только думаете.

Петерманнъ.
Нѣтъ, неправда!

Мейеръ.
Неправда? И въ неправдѣ обвинять
Насъ смѣетъ Ури!

Рединтъ.
Стойте! Замолчите,
Во имя нашей клятвы.

Мейеръ.
Замолчать
Придется видно, коль и Швицъ за Ури.

Рединтъ.
Я предъ лицомъ союза предлагаю
Своей горячностью не нарушать
Вамъ миръ здѣсь между нами!—Развѣ дѣло
Не общее для всѣхъ мы обсуждаемъ?

Винкельридъ.
Намъ надо отложить до Рождества;
Тогда мы, по обычаю, пойдемъ
Съ подарками къ ландфогту въ замокъ Сарненъ;
Такъ десять иль двѣнадцать человѣкъ
Могло бы, не внушая подозрѣній,
Туда пройти. А такъ какъ въ замокъ входъ
Съ оружьемъ воспрещенъ, они могли бы
Кинжалы въ посохахъ своихъ пронесть.
Другой отрядъ въ лѣсу засаду-бъ сдѣлалъ.
Когда же воротами овладѣть
Удастся первымъ, подадутъ пусть рогомъ
Они сигналъ, тогда второй отрядъ
Пусть изъ засады бросится. Нетрудно,
Я думаю, такъ замкомъ овладѣть.

Мельхталь.
А въ замокъ Росбергъ я берусь пробраться.
Тамъ у меня любовница; она
Охотно согласится для свиданья
Спустить мнѣ ночью лѣстницу въ окно.
А разъ я тамъ, за мной друзья проникнутъ.

Рединтъ.
Но всѣ ли вы согласны отложить?
(*Большинство поднимаетъ руки.*)

Штауффахеръ (*сосчитавъ голоса*).
Двѣнадцать противъ, двадцать за отсрочку.

Фюрстъ.
Когда возьмемъ мы замки на горахъ
Зажжемъ сигнальные костры, пусть быстро
Сбирается по главнымъ городамъ
Кантона каждаго все ополченье.
Тогда ландфогты, видя, что взялись
Мы за оружье не шутя, повѣрьте,
И сами въ бой вступать не захотятъ,
А поспѣшатъ отсюда удалиться.

Штауффахеръ.
Ну, съ Геслеромъ, боюсь я, не легко
Намъ будетъ совладать; отрядомъ сильнымъ

Онъ рейтаровъ командуетъ, и намъ
Безъ бою онъ сраженья не уступитъ.
Въ изгнаньѣ самомъ страшенъ онъ для насъ;
Щадить его и трудно, и опасно.

Баумгартенъ.

Тамъ, гдѣ опаснѣе,—туда меня!
Отмстивъ за честь, я сердце успокоилъ
И съ радостью за родину отдамъ
Я жизнь мою, спасенную мнѣ Теллемъ.

Рединг ъ.

Терпѣніе. Научитъ время насъ.
Какъ дѣйствовать—моментъ укажетъ самый.
Однако близко утро, ужь заря
Позолотила горы. Разойдемтесь,
Чтобъ свѣтлый день не захватилъ насъ здѣсь.

Фюрстъ.

О, изъ долинъ ночь медленно уходитъ.

(Всѣ невольно снимаютъ шляпы и въ безмолвіи глядятъ на зарю.)

Рессельманнъ.

При первомъ свѣтѣ дня, который насъ
Привѣтствуетъ, когда другія земли
Еще погружены во мракъ ночной,
Скрѣпимъ мы клятвой новый нашъ союзъ.
Отнынѣ мы одинъ народъ, мы братья,
Другъ друга не оставимъ мы въ бѣдѣ!

(Всѣ повторяютъ, поднимая правыя руки съ тремя поднятыми отдѣльно пальцами.)

Хотимъ свободны быть, какъ наши предки,
Скорѣе смерть, чѣмъ въ рабствѣ прозябать!

(Какъ выше.)

На Господа небесъ мы уповаемъ,
Людская сила насъ не устрашитъ!

(Какъ выше. Всѣ обнимаются другъ съ другомъ.)

Штауффахеръ.

Теперь идемъ, своей дорогой каждый,
Искать друзей, союзниковъ себѣ.
Хозяйствамъ дома занимаясь, втайнѣ
Вербуйте новыхъ членовъ вы въ союзъ.
До дня назначеннаго все терпите,
Какъ тяжело бы всѣмъ намъ ни пришлось;
Настанетъ день, съ тиранами своими
Всѣ частные и общій счетъ сведемъ.
Обиды личныя пока забудемъ,
Съ обидой общею за нихъ отмстимъ;
Измѣнниками дѣлу всѣхъ мы будемъ,
Коль личный гнѣвъ впередъ мы утолимъ.

(Всѣ съ торжественнымъ спокойствіемъ расходятся въ три разныя стороны. Оркестръ играетъ. Сцена остается нѣкоторое время пустою. Восходящее солнце освѣщаетъ снѣжныя вершины горъ.)

ТРЕТЬЕ ДѢЙСТВІЕ.

ПЕРВАЯ СЦЕНА.

Дворъ при домѣ Телля.

Телль *починяетъ топоромъ ворота.* **Гедвига** *занята домашнею работой.* **Вальтеръ и Вильгельмъ** *въ глубинѣ сцены играютъ маленькимъ дѣтскимъ лукомъ.*

Вальтеръ *(поетъ).*

Горною тропою,
Чуть зардѣлъ востокъ,
Съ лукомъ и стрѣлою
Ужъ идетъ стрѣлокъ.
Тамъ, подъ небесами
Коршунъ-властелинъ,
Здѣсь же, надъ горами
Царь-стрѣлокъ одинъ.
Въ даль, куда ни взглянетъ,
Все его теперь,
Что стрѣлой достанетъ,
Птица или звѣрь.

(Подбѣгаетъ къ отцу.)

Тетива, папа, лопнула; поправь

Телль.

Ну, нѣтъ. Охотникъ долженъ самъ исправить.

Вальтеръ и Вильгельмъ *(уходятъ).*

Гедвига.

Какъ рано дѣти начали стрѣлять.

Телль.

Скорѣй хорошими стрѣлками станутъ.

Гедвига.

Дай Богъ совсѣмъ имъ не умѣть стрѣлять.

Телль.

Имъ надо все умѣть. Въ борьбѣ житейской
Чтобъ не погибнуть, надо быть всегда
Готовымъ къ нападенью и защитѣ.

Гедвига.

Не будетъ удовлетворенъ никто
Тогда своей семейной жизнью.

Телль.

Другъ мой,
Да развѣ удовлетворенъ я ей?
Я не рожденъ быть пастухомъ, безъ толку
Преслѣдовать пустую только цѣль.
Нѣтъ, я тогда лишь жизнью наслаждаюсь,
Когда борьбою полонъ каждый день.

Гедвига.

Да, не понять тебѣ моихъ страданій,
Когда, въ тоскѣ, я жду тебя домой.
О вашихъ подвигахъ въ горахъ разсказы
Сжимаютъ сердце ужасомъ во мнѣ.
Вѣдь каждый разъ, когда съ тобой прощаюсь,

Боюсь, что мнѣ ужъ не видать тебя.
Мнѣ кажется, что будто я ужъ вижу,
Какъ заблудился ты на ледникахъ,
Какъ на скачкѣ ты со скалы сорвался,
Какъ въ пропасть серна сбросила тебя,
Какъ занесенъ, задавленъ ты лавиной,
Какъ подъ тобою трещину далъ ледъ,
Какъ падаешь ты въ страшную могилу,
Какъ ты живой въ ней будешь погребенъ...
Ахъ, не сочтешь смертей, что угрожаютъ
Отважному охотнику въ горахъ.
Несчастенъ, горекъ промыселъ, который
Въ награду только въ пропасть приведетъ.

Телль.

Кто возложилъ на Бога упованье,
Кто ловокъ, остороженъ, духомъ бодръ,
Всегда тотъ побѣдитъ опасность; горы
Тому не страшны, кто рожденъ въ горахъ.
(*Окончивъ работу, убираетъ инструменты.*)
Теперь ворота намъ прослужатъ годы;
Зачѣмъ звать плотника, коль есть топоръ.
(*Беретъ шляпу.*)

Гедвига.

Куда же ты идешь?

Телль.

Къ отцу въ Альтдорфъ.

Гедвига.

И ты ни о какомъ опасномъ дѣлѣ
Не думаешь?—Попробуй отрицать.

Телль.

Съ чего взяла ты это?

Гедвига.

Затѣваютъ
Противъ ландфогтовъ что-то; знаю я,
Что въ Рютли общинный совѣтъ сбирался,
И ты тамъ тоже былъ.

Телль.

Я не былъ тамъ.
Но знай, коль нуженъ буду я отчизнѣ,
Не изміѣю я ей.

Гедвига.

Тебя пошлютъ,
Какъ и всегда, туда, гдѣ есть опасность;
Что потруднѣе, взвалятъ на тебя.

Телль.

Обязанъ каждый дѣлать все, что можетъ.

Гедвига.

Чрезъ озеро ты въ бурю перевезъ
Баумгартена... Спаслись вы только чудомъ...
Ты думалъ ли о дѣтяхъ и женѣ
Тогда хотя минуту?

Телль.

Да, я думалъ,
И потому-то дѣтямъ спасъ отца.

Гедвига.

Подумай, въ бурю плыть, вѣдь это значитъ
Творца испытывать!

Телль.

Кто любитъ думать,
Тотъ слишкомъ мало сдѣлаетъ всегда.

Гедвига.

Ты всякому всегда помочь готовъ,
А будешь самъ въ бѣдѣ, такъ всѣ оставятъ.

Телль.

Дай Богъ, чтобъ помощь не нужна была.
(*Беретъ лукъ и стрѣлы.*)

Гедвига.

Зачѣмъ берешь ты лукъ? Оставь его.

Телль.

Я какъ безъ рукъ, коль нѣтъ его со мною.

Вальтеръ и Вильгельмъ (*входятъ.*)

Вальтеръ.

Куда ты, папа?

Телль.

Къ дѣдушкѣ, въ Альтдорфъ.
Не хочешь-ли со мной?

Вальтеръ.

Хочу, конечно.

Гедвига

Лавдфогтъ въ Альтдорфѣ. Не ходи туда.

Телль.

Уѣдетъ онъ сегодня.

Гедвига.

Потому-то
И не ходи, чтобъ съ нимъ не повстрѣчаться:
Ты знаешь, какъ онъ ненавидитъ насъ.

Телль.

Но что жъ худаго можетъ онъ мнѣ сдѣлать?
Живу я честно, не боюсь враговъ.

Гедвига.

Но честныхъ-то нѣдь онъ и ненавидитъ.

Телль.

За то, что къ нимъ нельзя придраться?—Такъ.
Меня же, думаю, ландфогтъ не тронетъ.

Гедвига.

Ты такъ увѣренъ въ этомъ? Почему?

Телль.

Въ долинѣ дикой Шехена недавно
Я на охотѣ былъ и по скаламъ
Я шелъ такой тропинкой, что со встрѣчнымъ
Нельзя бы было разойтись; стѣной
Скала надъ головой моей висѣла,
А подо мною Шехенъ бушевалъ.
(*Дѣти пододвигаются къ нему и слушаютъ съ напряженнымъ вниманіемъ.*)
Вдругъ мнѣ ландфогтъ навстрѣчу, онъ одинъ
былъ;
Оставовились мы лицомъ къ лицу,
У ногъ же нашихъ пропасть разверзалась.
Смутился онъ, когда узналъ меня,
Какъ видно, вспомнилъ, что еще недавно
За вздоръ меня жестоко наказалъ.
И вотъ передъ собой меня онъ видитъ
Съ оружіемъ въ рукахъ, съ нимъ глазъ на глазъ;
Онъ поблѣднѣлъ, колѣна задрожали,
Еще минута, и отъ страха онъ
Навѣрное свалился бы съ утеса...
Мнѣ стало жаль его, и подошелъ
Къ нему почтительно я со словами:
«Вѣдь это я, мой господинъ ландфогтъ».

Не могъ онъ слова вымолвить, рукою
Махнулъ мнѣ только, чтобъ я проходилъ
Своей дорогой. — Я послалъ, конечно,
И свиту на гору къ нему послалъ.

Гедвига.

Онъ предъ тобой смутился! Берегись!
Онъ не проститъ тебѣ, что ты увидѣлъ
Его въ смущеньѣ.

Телль.

Буду избѣгать
Его я; онъ меня искать не станетъ.

Гедвига.

Ты хоть сегодня не ходи въ Альтдорфъ.
Ужъ лучше же иди ты на охоту.

Телль.

Да что съ тобой. Чего ты такъ боишься?

Гедвига.

Мнѣ что-то грустно. — Не ходи туда.

Телль.

Откуда грусть такая? Гдѣ причина?

Гедвига.

Причины нѣтъ; но, Телль... останься здѣсь.

Телль.

Я обѣщалъ, что буду непремѣнно.

Гедвига.

Коль такъ, иди... оставь мнѣ только Вельти.

Вальтеръ.

Нѣтъ, мама, нѣтъ; я съ папой ужъ пойду.

Гедвига.

И Вельти хочетъ мать свою оставить?

Вальтеръ.

Отъ дѣдушки я принесу тебѣ
Чего-нибудь хорошенькаго.

(*Уходитъ съ отцомъ.*)

Вильгельмъ.

Мама!
А я съ тобой побуду.

Гедвига.

Милый мой!
Одинъ ты у меня теперь остался.

(*Идетъ къ воротамъ и долго провожаетъ глазами ушедшихъ.*)

ВТОРАЯ СЦЕНА.

Дикая, закрытая со всѣхъ сторонъ площадка въ лѣсу; *съ утесовъ ниспадаютъ каскады.* Берта, *въ охотничьемъ костюмѣ, входитъ; вслѣдъ за нею входитъ* фонъ-Руденцъ.

Берта.

Идетъ за мной. Теперь мы объяснимся.

Фонъ-Руденцъ.

О, наконецъ, я вижу васъ одну.
Обрывы пасъ отъ всѣхъ здѣсь отдѣляютъ
И нѣтъ свидѣтелей въ такой глуши.
О, наконецъ, я сердце вамъ открою...

Берта.

Охота гдѣ? Увѣрены ли вы,
Что не придутъ сюда?

Фонъ-Руденцъ.

Они далеко...
Теперь иль никогда!—Отъ васъ я долженъ
Узнать, какая ждетъ меня судьба,
Пусть худшая, пусть даже васъ лишуся;
Минуты дороги... Но отчего
Такъ сумрачно, сурово такъ глядите
Вы на меня?.. Но какъ я смѣлъ мечтать?...
Кто я такой, чтобы о васъ мнѣ думать?
Окружены блестящей вы толпой
Побѣдами увѣнчанныхъ героевъ.
Мнѣ далеко до нихъ; не заслужилъ
Еще я славы. Что могу я дать вамъ?
Лишь сердце вѣрное, одну любовь.

Берта.

Любовь и вѣрность! Да, святыя чувства!
И говоритъ о нихъ мнѣ тотъ, кто самъ
Не любитъ—родину, невѣренъ—долгу.

Фонъ-Руденцъ (*отступаетъ*).

Берта.

Рабъ Австріи, продавшійся врагу
И угнетателю народа.

Фонъ-Руденцъ.

Берта!
Отъ васъ ли слышать мнѣ такой упрекъ?
Кого я искалъ на сторонѣ австрійской
Я, Берта, какъ не васъ?

Берта.

Меня найти
Вы думали на сторонѣ измѣны?
Тогда свою я руку отдала бы
Скорѣй ландфогту Геслеру, чѣмъ вамъ,
Швейцаріи забывчивому сыну, —
Скорѣй тирану, чѣмъ его орудью.

Фонъ-Руденцъ.

Мой Богъ, что слышу я!

Берта.

Что можетъ быть
Намъ родины своей дороже, ближе?
И развѣ есть на свѣтѣ выше долгъ,
Чѣмъ долгъ защитника невинныхъ, слабыхъ,
Чѣмъ долгъ охраны правъ всѣхъ угнетенныхъ?
Душа болитъ во мнѣ за вашъ народъ,
Его страданьями и я страдаю,
Во мнѣ онъ разбудилъ любовь къ себѣ:
Такъ кротокъ онъ и такъ онъ полонъ силы;
Я научилась уважать его.
А вы, который родился швейцарцемъ,
Которому велитъ и долгъ, и честь
Защитникомъ быть своего народа, —
Вы бросили его, ушли къ врагу
И съ нимъ для родины куете цѣпи.
Какъ больно, какъ обидно мнѣ за васъ!
Насиловать свое мнѣ сердце надо,
Чтобъ васъ не презирать.

Фонъ-Руденцъ.

Да развѣ я
Не лучшаго желаю для народа?
Подъ мощною державой короля

Австрійскаго стремился я народу
Спокойствіе доставить...

Берта.

Нѣтъ, а рабство!
Изъ своего послѣдняго пріюта,
Что ей остался только на землѣ,
Свободу вы изгнать хотите.—Нѣтъ,
Народъ гораздо лучше понимаетъ,
Что нужно для него, и здравый смыслъ
Его отъ призраковъ пустыхъ спасаетъ.
Въ тенета вы попали съ головой...

Фонъ-Руденцъ.

Какъ презираете меня вы, Берта!

Берта.

О, еслибъ я могла васъ презирать!..
Но васъ презрѣнія достойнымъ видѣть,
Когда я васъ любить хочу...

Фонъ-Руденцъ.

О, Берта!
Вы мнѣ сулите райское блаженство
И тутъ же въ адъ свергаете меня...

Берта.

Но нѣтъ; въ васъ благородство не угасло;
Оно лишь спитъ, я разбужу его.
Вы заглушаете въ душѣ насильно
Природныя стремленія къ добру;
Но, счастье ваше, васъ они сильнѣе,
Вы благороденъ, добръ на зло себѣ.

Фонъ-Руденцъ.

Вы вѣрите еще въ меня? О, Берта!
Любовь все можетъ сдѣлать изъ меня.

Берта.

Лишь будьте тѣмъ, чѣмъ создала природа,
Займите мѣсто, что она дала!
За родину и за народъ возстаньте,
Боритесь за святыя ихъ права!

Фонъ-Руденцъ.

О, горе мнѣ! Вѣдь если я возстану
На императора, я васъ лишусь.
Вы отъ родныхъ зависите, они
Рукою вашею располагаютъ.

Берта.

Въ лѣсныхъ кантонахъ всѣ мои владѣнья;
И разъ Швейцарія освободится,
Тогда свобода буду вѣдь и я.

Фонъ-Руденцъ.

Какимъ меня вы свѣтомъ озарили!

Берта.

Вамъ не уступитъ Австрія меня.
Тамъ и безъ васъ найдутся претенденты,
Чтобы мое помѣстье захватить.
Грозитъ и мнѣ та алчность, что стремится
Швейцаріи свободу поглотить.
Быть можетъ я наградой за услуги
Любимцу короля присуждена;
Среди интригъ двора и лжи прислуги
Я буду жизнь влачить обречена.
Позорный бракъ тамъ цѣпи мнѣ наложитъ;
Спасти меня любовь лишь ваша можетъ.

Фонъ-Руденцъ.

Такъ вы рѣшаетесь остаться здѣсь
Моей женою и въ моей отчизнѣ?
Но что же, Берта, коль не вы сама,
Моихъ стремленій страстныхъ было цѣлью?
Я жилъ надеждою лишь на любовь,
Я васъ одну искалъ на полѣ славы!
О, Берта, вы согласны промѣнять
Блестящій свѣтъ на жизнь со мной въ долинахъ
Швейцаріи... Исполнились мечты!
Бушуй волна тщеславной жизни свѣта,
О горы наши разобьешься ты!..
Меня шумиха славы не прельщаетъ,
Не унесусь ужъ въ даль своей мечтой!..
Пускай громада скалъ насъ окружаетъ
Со всѣхъ сторонъ незыблемой стѣной,
Пусть насъ запретъ она въ долинѣ тѣсной,
Пусть лишь оставитъ намъ нашъ сводъ небесный!

Берта.

Теперь ты тотъ, какимъ въ моихъ мечтахъ
Ты представлялся мнѣ, и не напрасно
Я такъ глубоко вѣрила въ тебя!

Фонъ-Руденцъ.

Прочь отъ меня тщеславныя мечтанья,
Я счастье здѣсь, на родинѣ найду!
Во мнѣ здѣсь будитъ все воспоминанья
О счастіи младенческихъ годовъ!
Нѣтъ, родины во вѣкъ не позабудешь,
Здѣсь дорогъ каждый кустикъ, каждый дубъ;
И здѣсь, на родинѣ моей ты будешь!
Безъ родины мнѣ счастья не найти.

Берта.

Швейцарія и есть тотъ островъ счастья,
Страна невинности, гдѣ ложь молчитъ,
Гдѣ правда царствуетъ для всѣхъ, гдѣ зависть
Намъ счастья нашего не омрачитъ.
Тебя я вижу, мощью одареннымъ,
Какъ перваго межь равными себѣ,
Свободнымъ уваженьемъ окруженнымъ,
Какъ короля на собственной землѣ.

Фонъ-Руденцъ.

Тебя я вижу въ домѣ госпожею,
Заботами твоими окруженъ,
Я рай найду въ немъ, созданный тобою;
Ты— счастье, ты—любовь, вѣнецъ всѣхъ женъ!
Своей любовью жизнь мнѣ украшаешь
И все вокругъ ты счастьемъ озаряешь!

Берта.

Какъ горько было видѣть, что ты самъ
Своей же жизни счастье разрушаешь...
Какое горе угрожало мнѣ!
Съ гонителемъ, тираномъ предстояло
Мнѣ въ мрачномъ замкѣ жизнь похоронить!
Здѣсь замковъ нѣтъ, и нашъ стѣна не будетъ
Мѣшать народу счастье приносить!

Фонъ-Руденцъ.

Но какъ мнѣ отъ сѣтей освободиться,
Которыми опуталъ я себя?

Берта.

Ихъ разорви ты смѣлою рукой!
Чтобъ ни было, твой постъ среди народа,
На сторону его ты долженъ стать.
(*Вдали раздаются звуки охотничьихъ роговъ*).
Охота приближается... Намъ надо
Теперь разстаться... уходи... Сразись
За родину, ты за любовь сразишься!
Одинъ грозитъ здѣсь всѣмъ намъ общій врагъ
И насъ освободитъ одна свобода.
(*Уходятъ*).

ТРЕТЬЯ СЦЕНА.

Лугъ у Альтдорфа.

На переднемъ планѣ деревья, въ глубинѣ сцены на столбѣ—шапка. Перспектива замыкается, покрытыми заповѣдными лѣсами, горами, надъ которыми возвышаются цѣпь снѣжныхъ вершинъ.

Фрисгардтъ и **Лейтгольдъ** (*стоятъ на часахъ*).

Фрисгардтъ.

Тутъ карауль, не карауль, никто
И не заглянетъ шапкѣ поклониться.
Здѣсь прежде чуть не ярмарка была,
А какъ на столбъ тутъ пугало-то это
Повѣсили, никто и не идетъ.

Лейтгольдъ.

Лишь сволочь шлется и на смѣхъ намъ
Ломаетъ драныя свои шляпевки.
А кто почище-то, идетъ въ обходъ,
Хоть дальше, мимовать бы только шапку
И передъ ней не гнуть своей спины.

Фрисгардтъ.

Когда въ обѣдъ изъ ратуши-то шли,
Имъ проходить вѣдь здѣсь бы надо было.
Ну, думаю, пожива будетъ мнѣ:
Никто бы шапкѣ вѣдь не поклонился.
Такъ нѣтъ вотъ, этотъ Рессельманъ, ихъ попъ,
Какъ на зло отъ больнаго возвращался
И сталъ съ дарами рядомъ со столбомъ,
А клирикъ зазвонилъ тутъ въ колокольчикъ;
Ну, на колѣна встали всѣ, и я,
Конечно предъ дарами, но предъ шапкой.

Лейтгольдъ.

Вотъ что, пріятель, дѣло говоритъ,
Такъ мы сравнимъ себя вѣдь съ этой шапкой.
Передъ пустою шапкой на часахъ
Стоять—по мнѣ обидно для солдата,
Насъ всякій коленъ ни за что считать.
Да что ужъ, шапкѣ кланяться нелѣть—
По моему приказъ совсѣмъ дурацкій.

Фрисгардтъ.

Пустая шапка! что тутъ? эка важность!
Вѣдь кланяешься головѣ пустой.

Гильдегарда, Мехтгильда и Эльсбета съ дѣтьми (*входятъ и останавливаются около столба*).

Лейтгольдъ.

А ты радехонекъ чужой бѣдѣ,
Свинья, тебѣ бы выслужиться только.
По мнѣ пускай, кто хочетъ, ходитъ тутъ,
Зажмурюсь и глядѣть не стану.

Мехтгильда.

Дѣти,
Да кланяйтесь же... это нашъ ландфогтъ.

Эльсбета.

Ахъ дай-то Богъ, пускай ужъ лучше шапка
Осталась бы здѣсь за него, а онъ
Отъ насъ ушелъ, намъ было бы не хуже.

Фрисгардтъ (*отгоняя женщинъ*).

Что стали? Прочь, проклятое бабье!
Кто звалъ васъ? Вонъ! Вотъ вы мужей пришлите,
Пускай покажутъ храбрость намъ свою.

Гильдегарда, Мехтгильда, Эльсбета и дѣти (*уходятъ*).

Входятъ **Телль**, (*вооруженный луком, ведя за руку сына* **Вальтера**; *они идутъ на авансцену и, проходя мимо шапки на столбѣ, не замѣчаютъ ея*).

Вальтеръ (*указывая на горы*).

А правда, папа, будто на горахъ
Деревья есть такія, что ударить
Ихъ топоромъ, и кровь изъ нихъ пойдетъ?

Телль.

Кто, Вальтеръ, говорилъ тебѣ объ этомъ?

Вальтеръ.

Пастухъ. Онъ говорилъ мнѣ, что они
Священные, и кто ихъ только тронетъ,
Такъ изъ могилы выростетъ рука.

Телль.

Они священные; да, это правда.—
Вонъ видишь ледъ и снѣгъ на тѣхъ горахъ,
Которыя за облака уходятъ?

Вальтеръ.

Да, ледники; гудитъ тамъ по ночамъ;
Оттуда сваливаются лавины.

Телль.

Когда бъ не лѣсъ, лавины ужъ давно
Засыпали бы нашъ Альтдорфъ; какъ войско
Лѣсъ этотъ защищаетъ всю страну.

Вальтеръ (*немного подумавъ*).

Послушай, папа; есть такія земли,
Гдѣ нѣту горъ?

Телль.

Да. Если перейти
Чрезъ наши горы и идти все дальше
Внизъ по теченью нашихъ горныхъ рѣкъ,
Тогда придешь въ громадную равнину;
Нѣтъ нашихъ бурныхъ ужъ потоковъ тамъ,
Спокойно, медленно текутъ тамъ рѣки,
Широкій тамъ просторъ открытъ глазамъ,
Лугамъ и пашнямъ тамъ ковца не видно,
Богатъ тотъ край и красоты завидной.

Вальтеръ.

Зачѣмъ же, папа, мы не тамъ живемъ,
Коль тамъ такъ хорошо? Вѣдь здѣсь насъ му-
чатъ,
Здѣсь мы всего боимся.

Телль.

Милый мой,
Богатъ тотъ край, благословенный небомъ,
Но кто воздѣлываетъ землю тамъ,
Не пользуется жатвой.

Вальтеръ.

Развѣ нѣту
У нихъ своей земли, какъ у тебя?

Телль.

Тамъ вся земля иль короля, иль церкви.

Вальтеръ.

Такъ можно вѣдь охотиться въ лѣсахъ?

Телль.

Вся дичь принадлежитъ тамъ королю.

Вальтеръ.

А можно рыбу имъ въ рѣкахъ ловить?

Телль.

Рѣками, моремъ, всѣмъ король владѣетъ.

Вальтеръ.

Да кто же этотъ страшный всѣмъ король?

Телль.

Одинъ лишь онъ ихъ защищаетъ, кормитъ.

Вальтеръ.

Самимъ-то защититься не съумѣть?

Телль.

Сосѣду дѣла нѣтъ тамъ до сосѣда.

Вальтеръ.

Ну, папа, я ужъ лучше буду жить
Здѣсь подъ лавинами; хоть тамъ равнина
Просторная, но тѣсно было-бъ мнѣ.

Телль.

Да, правда, легче ледниковъ бояться,
Чѣмъ ожидать бѣды отъ злыхъ людей.
(*Хотятъ идти дальше.*)

Вальтеръ.

Смотри-ка, папа, на столбѣ-то шапка.

Телль.

Что намъ за дѣло до нея. Идемъ.
(*Хочетъ идти, но Фрисгардтъ копьемъ за-
граждаетъ ему дорогу*).

Фрисгардтъ.

Во имя императора! извольте
Остановиться! Стойте!

Телль (*хватаясь за копье*).

Что вамъ надо?
Зачѣмъ остановили вы меня?

Фрисгардтъ.

Приказъ нарушили. Ступайте съ нами.

Лейтгольдъ.

Зачѣмъ не поклонились шапкѣ вы?

Телль.

Пусти, пріятель.

Фрисгардтъ.

Нѣтъ, братъ. Маршъ въ тюрь-
му!

Вальтеръ.

Отца въ тюрьму! На помощь! Помогите!
(*Кричитъ за сцену.*)
Ахъ, люди добрые, сюда, скорѣй!
На помощь! Вѣдь его въ тюрьму уводятъ!
Входятъ **патеръ Рессельманнъ**, *клирикъ*
Петерманнъ *и съ ними* **три поселянина**.

Петерманнъ.

Что тутъ у васъ?

Рёсселькманнъ.

Зачѣмъ его ты держишь?

Фрисгардтъ.

Врагъ императора, измѣнникъ онъ!

Телль.

Измѣнникъ? я?

Рёсселькманнъ.

Пріятель, ты ошибся.
Вѣдь это Телль, онъ честный гражданинъ.

Вальтеръ (*увидѣвъ Вальтера Фюрста,
бѣжитъ къ нему навстрѣчу*).

Схватили папу, дѣдушка! На помощь!

Фрисгардтъ.

Ну маршъ, въ тюрьму!

Фюрстъ (*подбѣжавъ*).

Я поручитель, стойте!
Телль, ради Бога, что случилось здѣсь?
Входятъ **Мельхталь** *и* **Штауффахеръ**.

Фрисгардтъ.

Онъ власть ландфогта уважать не хочетъ,
Сейчасъ нарушилъ онъ его приказъ.

Штауффахеръ.

Какъ? Телль? Не можетъ быть.

Мельхталь.

Ты врешь, мерзавецъ!

Лейтгольдъ.

Не поклонился шапкѣ онъ.

Фюрстъ.

И только?
За это долженъ онъ идти въ тюрьму?
Пусти его, я за него порукой.

Фрисгардтъ.

Поруки-то оставь ты про себя.
Мы исполняемъ службу. Ну, идемъ!

Мельхталь (*народу*).

Но это возмутительно! Неужто
Допустимъ мы, чтобъ на глазахъ у насъ
Его въ тюрьму могли упрятать.

Петерманнъ.

Сила
На нашей сторонѣ. Не выдавать!
Друзья, мы защищать должны другъ друга.

Фрисгардтъ.

Кто смѣетъ возставать здѣсь на ландфогта?

Трое поселянъ (*вбѣгая*).

Что тутъ?—Мы вамъ поможемъ! — Бейте
ихъ!
Гильдегарда, Мехтгильда *и* **Эльсбета** *воз-
вращаются*.

Телль.
Я самъ отвѣчу за себя. Оставьте.
Ихъ копій-то не испугался-бъ я,
Когда бы захотѣлъ прибѣгнуть къ силѣ.
Мельхталь (*Фрисгардту*).
Посмѣй-ка увести его отъ насъ.
Фюрстъ и Штауффахеръ.
Оставьте!—Тише!
Фрисгардтъ (*кричитъ*).
Бунтъ и возмущенье!
(*Звуки охотничьихъ роговъ.*)
Женщины.
Ландфогтъ къ намъ ѣдетъ!
Фрисгардтъ (*кричитъ еще громче*).
Бунтъ! Мятежъ! Мятежъ!
Штауффахеръ.
Дери, скотина, глотку, чтобъ ей лопнуть!
Рёссельманнъ и Мельхталь.
Да замолчишь ли наконецъ?
Фрисгардтъ (*кричитъ во все горло*).
На помощь!
Служителямъ закона помогите!
Фюрстъ.
Вотъ и ландфогтъ! Бѣда! Что съ нами будетъ?

Геслеръ *верхомъ съ соколомъ на рукѣ*, Рудольфъ деръ-Гаррасъ, Берта, фонъ-Руденцъ *и большой вооруженный* конвой, *который окружаетъ всю сцену* кольцомъ копій.

Рудольфъ деръ-Гаррасъ.
Ландфогтъ! ландфогтъ! дорогу!
Геслеръ.
Разойтись!
Чего сбѣжались?—Кто зоветъ на помощь?
(*Водворяется тишина.*)
Что тутъ случилось?
(*Фрисгардту.*)
Эй, поди сюда!
Ты кто такой? Зачѣмъ его ты держишь?
(*Передаетъ сокола прислугѣ.*)
Фрисгардтъ.
Я часовой, свѣтлѣйшій государь,
И на часы поставленъ здѣсь у шапки.
На мѣстѣ преступленія поймалъ
Я Телля: шапкѣ овъ не поклонился.
Я по приказу задержалъ его,
Народъ же Телля хочетъ силой вырвать.
Геслеръ (*послѣ небольшой паузы.*)
Ужели, Телль, такъ мало почитаешь
Ты императора, да и меня,
Его намѣстника, что отказался
Поклонъ ты передъ шапкою отдать?
Она виситъ, чтобъ узнавать покорныхъ,
Ты этимъ дерзко оскорбилъ меня.
Телль.
Простите, государь! Я виноватъ,
Но въ невниманьи, а не въ оскорбленьи.
Кляпусь въ томъ небомъ. И будь я не Телль,
Коль въ этомъ снова провинюсь. Простите.
Геслеръ (*послѣ небольшого молчанія*).
Всѣ говорятъ, что ты стрѣлокъ искусный,
Что промаха не дашь ты никогда?
Вальтеръ Телль.
И правда. Пана съ яблони сбиваетъ
Любое яблоко на ста шагахъ.
Геслеръ.
Телль, это сынъ твой?
Телль.
Да, мой государь.
Геслеръ.
А сколько у тебя дѣтей?
Телль.
Два сына.
Геслеръ.
Котораго же больше любишь ты?
Телль.
Я одинаково люблю обоихъ.
Геслеръ.
Ну, Телль, коль съ яблони ты въ ста шагахъ
Сбиваешь яблоко, такъ покажи же
Свое искусство намъ... Возьми свой лукъ...
Онъ при тебѣ... и яблоко стрѣлою
Сшиби у сына съ головы.—Смотри,
Совѣтую тебѣ не промахнуться,
Иначе головой отвѣтишь мнѣ.
(*Общій ужасъ.*)
Телль.
О, государь!... такой невѣроятный
Не можете вы дать приказъ... Чтобъ я
У сына съ головы... Нѣтъ, быть не можетъ...
Умилосердись, Боже!... Государь,
Вы отъ отца не можете серьезно
Потребовать...
Геслеръ.
Ты яблоко сшибешь
У сына съ головы,—я такъ желаю.
Телль.
Неужто долженъ собственной стрѣлой
Я въ голову роднаго сына цѣлить?—
О, невозможно, лучше я умру!
Геслеръ.
Стрѣляй, иль ты умрешь и съ сыномъ вмѣстѣ.
Телль.
Чтобъ я убійцей сына сталъ? Нѣтъ, нѣтъ!
О, государь, дѣтей вы не имѣли
И непонятны чувства вамъ отца.
Геслеръ.
Э, Телль, какъ сталъ ты вдругъ благоразуменъ!
Мнѣ говорили, что мечтатель ты,
Что ты живешь не какъ другіе люди,
Что все, что изъ ряду выходитъ вонъ,
Ты любишь... вотъ поэтому я выбралъ
Такой отважный подвигъ для тебя.
Другой задумался бы... ты же смѣло,
Закрывъ глаза, готовъ идти на все.

Берта.

О, не шутите, государь, съ народомъ!
Какъ поблѣднѣли, какъ трепещутъ всѣ...
Они вѣдь къ вашимъ шуткамъ не привыкли.

Геслеръ.

Кто говоритъ вамъ, будто я шучу?
(*Срываетъ съ висящей надъ нимъ вѣтки яблоко.*)
Вотъ яблоко.—Очистите дорогу...
Отмѣряйте, какъ слѣдуетъ, шаги...
Восьмидесяти для него довольно,
Не надо болѣе; но и не меньше:
Хвалился онъ попасть на ста шагахъ...
Теперь стрѣляй, стрѣлокъ, не промахнись!

деръ-Гаррасъ.

О, Боже мой! да это ужъ серьезно!...
Дитя, къ ногамъ ландфогта упади
И умоляй его о милосердьи!

Фюрстъ (*тихо Мельхталю, который едва сдерживается*).

Сдержитесь, не волнуйтесь такъ, Арнольдъ;
Я умолю ландфогта, успокойтесь.

Берта (*Геслеру*).

Довольно, государь! — Безчеловѣчно,
Нельзя такъ чувствами отца играть.
Ужъ если онъ за свой пустой проступокъ
И долженъ быть казненъ — мой Богъ! —
Онъ выстрадалъ теперь ужь десять казней.
Къ себѣ домой его вы отпустите,
Онъ васъ узналъ теперь, и этотъ часъ
И онъ, и правнуки его запомнятъ.

Геслеръ.

Дорогу дайте... Что-жъ ты медлишь, Телль?
Ты избѣжать не долженъ былъ бы казни,
А я великодушно отдаю
Твою судьбу тебѣ въ твои же руки.
Тому нельзя роптать на приговоръ,
Кто самъ своей судьбой располагаетъ.
Ты хвасталъ мѣткостью своей стрѣльбы,
Такъ докажи теперь свое искусство.
Стрѣлка достойна цѣль и призъ великъ.
Попасть съумѣетъ всякій въ центръ мишени,
Стрѣлокъ же настоящій отступать
Не долженъ ни передъ какою цѣлью;
Рукою твердой мало обладать.
Нужна еще неустрашимость взора.

Фюрстъ (*падая передъ ландфогтомъ на колѣна*).

Мы повинуемся вамъ, государь;
Но будьте милосердны, половину
Возьмите вы имѣнья моего,
Возьмите все, но отъ такого дѣла
Ужаснаго избавьте вы отца.

Вальтеръ Телль.

Не надо предъ жестокимъ человѣкомъ
Тебѣ колѣна, дѣдушка, склонять.—
Гдѣ стать я долженъ?—Мнѣ ничуть не страшно.
Мой папа убиваетъ птицу въ лѣтъ,
Я знаю, что меня онъ не задѣнетъ.

Штауффахеръ.

О, сжальтесь, сжальтесь, господинъ ландфогтъ!
Хоть надъ невинностью ребенка сжальтесь!

Рёссельманнъ.

О Богѣ вспомните; въ своихъ дѣлахъ
Предъ Господомъ отчетъ вы отдадите!

Геслеръ (*указывая на сына Телля*).

Къ той липѣ привязать его!

Вальтеръ Телль.

Меня?
Привязывать? Нѣтъ, не хочу! Я буду
Спокоенъ, какъ овечка; не дохну,
А если свяжете, я буду биться.

деръ-Гаррасъ.

Дай хоть глаза я завяжу тебѣ.

Вальтеръ Телль.

Зачѣмъ? Вы думаете испугаюсь,
Когда мой папа выстрѣлитъ?—Ну, вѣтъ;
Я смѣлый вѣдь; я не моргну глазами.
Ну, папа, покажи ему скорѣй,
Какъ ты стрѣлять умѣешь; онъ не вѣритъ
И хочетъ насъ съ тобою погубить...
Стрѣляй и попади на зло злодѣю!
(*Идетъ къ липѣ; ему кладутъ на голову яблоко.*)

Мельхталь (*поселянамъ*).

Какъ? Преступленье на глазахъ у насъ
Свершается!... Да гдѣ же наша клятва?

Штауффахеръ.

Что-жъ дѣлать намъ? Оружья нѣтъ у насъ,
Окружены-жъ мы цѣлымъ лѣсомъ копій.

Мельхталь.

О, еслибъ мы тогда же поднялись!
Прости Богъ тѣмъ, кто предложилъ отсрочку!

Геслеръ (*Телю*).

Ну, къ дѣлу! Не всегда проходитъ даромъ
Ношевіе оружья, иногда
Бываетъ, что стрѣла къ стрѣлку вернется.
Простой мужикъ съ оружіемъ ходить
Себѣ присвоилъ право; оскорбленье
Вѣдь это для властителя страны.
За исключеньемъ рыцарства, никто
Не долженъ здѣсь ходить вооруженный.
Вы лукъ и стрѣлы любите носить;
Прекрасно, я для нихъ вамъ цѣль доставлю.

Телль (*натягивая лукъ и кладя на него стрѣлу*).

Посторонитесь! Мѣсто!

Штауффахеръ.

Что вы, Телль?
Хотите?... Невозможно... Вы въ волненьи,
Колѣна гнутся и рука дрожитъ.

Телль (*опуская лукъ*).

Въ глазахъ темнѣетъ.

Женщины.

Боже милосердый!

Телль *(Геслеру).*

Дозвольте не стрѣлять! Вотъ грудь моя!
(Обнажаетъ грудь.)
Пускай убьютъ меня солдаты ваши!

Геслеръ.

Не жизнь твоя, а выстрѣлъ твой мнѣ нуженъ.
Ни передъ чѣмъ ты не отступишь, Телль,
И смѣло ты всегда за все берешься!
Какъ лукомъ ты владѣешь и рулемъ;
Ты бури никакой не побоишься,
Когда кого-нибудь спасти захочешь.
Теперь, спаситель всѣхъ, спаси себя!

Телль *стоитъ въ страшной борьбѣ съ самимъ собою; руки его дрожатъ; глаза его обращаются то на ландфогта, то къ небу; вдругъ онъ выдергиваетъ изъ колчана другую стрѣлу и прячетъ ее за пазуху.*

Геслеръ *слѣдитъ за всѣми движеніями Телля.*

Вальтеръ Телль *(подъ липою).*

Я, папа, не боюсь. Стрѣляй!

Телль *(овладѣвая собою).*

Да, надо!
(Прицѣливается.)

Фонъ-Руденцъ *(все время стоявшій въ страшномъ напряженіи и едва владѣвшій собою, выходитъ впередъ).*

Нѣтъ, господинъ ландфогтъ, довольно! Дальше
Вы не пойдете... Это опытъ былъ...
И цѣль достигнута... Но если больше
Потребуете, исказите вы
Значенье строгое разумной цѣли.
Коль туго натянуть, такъ лопнетъ лукъ.

Геслеръ.

Молчали-бъ вы, покуда васъ не спросятъ.

Фонъ-Руденцъ.

Нѣтъ, долженъ я, и буду говорить.—
Честь короля священна для меня,
А вы, такъ дѣйствуя, негодованье
Возбудите... Но воля короля
Не такова, я это утверждаю.
Такой жестокости не заслужилъ
Народъ, и нѣтъ у васъ на это права.

Геслеръ.

Га, какъ вы смѣлы стали.

Фонъ-Руденцъ.

Я молчалъ,
Не видѣлъ вашихъ страшныхъ злодѣяній,
Я закрывалъ глаза, въ своей груди
Я подавлялъ гнетущія страданья.
Но долѣе молчать я не могу:
Измѣной это было-бы отчизнѣ
И императору.

Берта *(бросаясь между фонъ-Руденцомъ и Геслеромъ).*

О, Боже мой,
Его вы только больше раздражите!

Фонъ-Руденцъ.

Я свой народъ забылъ, свою родню
Покинулъ я, порвалъ родныя связи,
И съ вами я связалъ свою судьбу...
Я думалъ блага общаго достигнуть,
Власть Австріи усиливъ здѣсь въ странѣ...
Теперь повязка съ глазъ моихъ упала,
И въ ужасѣ надъ бездной я стою...
Вы умъ опутали мнѣ, вы сердце
Мнѣ развратили... Я желалъ добра
И чуть не погубилъ народъ свой...

Геслеръ.

Дерзкій,
Какъ смѣть такъ съ государемъ говорить?

Фонъ-Руденцъ.

Мой государь—не вы, а императоръ.
Свободенъ я, какъ вы, а кто изъ насъ,
Какъ рыцарь, выше,—это мы поспоримъ.
Во имя императора вы здѣсь,
А это имя уважать привыкъ
Я даже тамъ, гдѣ имъ такъ зло играютъ,
Иначе бросилъ-бы давно ужъ вамъ
Свою перчатку я, и вы, какъ рыцарь,
Отвѣтить были-бы принуждены.
— Ну что-жъ, солдатъ своихъ скорѣй зовите...
Но... я не безоруженъ,
(показывая на народъ).
Какъ они;
Мой мечъ со мной! Пусть кто-нибудь посмѣетъ...

Штауффахеръ *(кричитъ).*

Упало яблоко!

Рёссельманнъ.

И мальчикъ живъ!

Между тѣмъ, какъ всѣ обратились къ Геслеру и фонъ-Руденцу, между которыми стоитъ Берта, Телль *пустилъ стрѣлу.*

Голоса.

Онъ въ яблоко попалъ!—Не промахнулся!

Вальтеръ Фюрстъ *зашатался и чуть не падаетъ,* Берта *поддерживаетъ его.*

Геслеръ *(пораженный).*

Какъ! Онъ стрѣлялъ? Неужто?.. Сумашедшій!

Берта *(Теллю).*

Вашъ сынъ вѣдь живъ, придите-же въ себя!

Вальтеръ Телль *(подбѣгая съ яблокомъ въ рукахъ).*

Вотъ, папа, яблоко. Я говорилъ,
Что сына своего ты не задѣнешь.

Телль, *стоявшій нагнувшись, какъ-бы слѣдя за полетомъ стрѣлы, видя подбѣгающаго сына, роняетъ лукъ, бросается къ нему съ распростертыми объятіями и съ жаромъ прижимаетъ его къ сердцу; ноги его подкашиваются и онъ безсильно падаетъ на колѣна. Всѣ растроганы.*

Берта.

О, милосердый Боже!

Фюрстъ *(Теллю и его сыну).*

Дѣти, дѣти!

Штауффахеръ.

Хвала Творцу!

Лейтгольдъ.

Вотъ это выстрѣлъ былъ!
Вѣка о немъ разсказы не умолкнутъ.

деръ-Гаррасъ.

Пока стоитъ громада этихъ горъ,
Разсказывать про выстрѣлъ Телля будутъ.
(Передаетъ Геслеру яблоко).

Геслеръ.

Онъ въ середину самую попалъ!
Да, выстрѣлъ мастерской, признаться надо.

Рёсселькаммъ.

Да, мастерской; но горе-же тому,
Кто вынудилъ его, пытая Бога.

Штауффахеръ.

Но встаньте-жъ, Телль, придите-же въ себя.
Вы мужествомъ себя освободили,
Теперь свободно можете идти.

Рёсселькаммъ.

Идите-жъ, сына къ матери сведите.
(Они хотятъ увести Телля).

Геслеръ.

Телль, стой!

Телль.

Что вамъ угодно, государь?

Геслеръ.

Ты изъ колчана взялъ стрѣлу другую...
Я видѣлъ самъ... Зачѣмъ?

Телль *(въ замѣшательствѣ).*

Ахъ, государь,
У насъ... у всѣхъ стрѣлковъ такой обычай.

Геслеръ.

Не вѣрю я; Телль, это не отвѣтъ,
Причина тутъ была совсѣмъ иная.
Что-бъ ни было, я жизнь тебѣ дарю;
Скажи мнѣ правду прямо, откровенно:
Зачѣмъ стрѣлу другую вынулъ ты?

Телль.

Коль жизнь вы мнѣ дарите, откровенно
Я правду всю скажу вамъ, государь.
(Достаетъ стрѣлу и взглядываетъ на ландфохта страшнымъ взоромъ).
Когда случайно я попалъ-бы въ сына,
Я этою стрѣлой убилъ-бы васъ,
И ужъ тогда бы я не промахнулся.

Геслеръ.

Ну, Телль, я рыцарское слово далъ
И я сдержу его; да, жить ты будешь...
Но злой твой умыселъ я не прощу,
Тебя я спрячу тамъ, гдѣ не увидишь
Ни мѣсяца, ни солнца; надо мнѣ
Отъ стрѣлъ твоихъ себя обезопасить.
Связать его!
(Телля связываютъ).

Штауффахеръ.

Неужто, государь,
Въ тюрьму вы заключите человѣка,
Котораго рука Творца спасла?

Геслеръ.

Пускай она спасетъ его вторично.
Сведите Телля въ лодку; я его
Доставлю самъ въ Кюснахтъ.

Рёсселькаммъ.

Но вы не правѣ.
Не могъ-бы даже императоръ самъ,
Вѣдь это граматамъ противорѣчитъ.

Геслеръ.

Что? граматамъ? Да развѣ утвердилъ
Ихъ императоръ? Вы такую милость
Покорностью пріобрѣсти должны.
На императора вы возстаете,
Бунтовщики, мятежники вы всѣ!
Я зчаю васъ, я вижу васъ насквозь...
Я взялъ лишь одного его, но, знайте,
Вы всѣ сообщники въ его винѣ.
Кто поумнѣй, учись молчать и гнуться.
Геслеръ, Берта, фонъ-Руденцъ, Рудольфъ деръ-Гаррасъ *и солдаты, кромѣ Фрисгардта и Лейтгольда, уходятъ.*

Фюрстъ *(съ отчаяніемъ).*

О, Боже! Все пропало! Онъ рѣшилъ
Меня сгубить со всей моей семьею.

Штауффахеръ *(Теллю).*

Зачѣмъ вы раздражили такъ тирана?

Телль.

Кто понимаетъ, что я испыталъ,
Пусть тотъ попробуетъ владѣть собою.

Штауффахеръ.

Теперь пропало все для насъ! Мы всѣ
Оковапы цѣпями вмѣстѣ съ вами!

Поселяне *(окружая Телля).*

Исчезнетъ съ вами вся надежда, Телль!

Лейтгольдъ *(подойдя къ Теллю).*

И жаль мнѣ васъ, да что-же дѣлать, служба.

Телль.

Прощайте!

Вальтеръ Телль *(ласкаясь къ отцу съ горькимъ отчаяніемъ).*

Папа! Милый папа мой!

Телль *(подымая руки къ небу).*

Отецъ твой въ небѣ, тамъ! Его зови ты!

Штауффахеръ.

Что вы женѣ желали-бъ передать?

Телль *(съ нѣжностью прижимая сына къ своей груди).*

Что сынъ мой живъ, а мнѣ Господь поможетъ.
(Быстро оставляетъ ихъ и уходитъ съ конвоемъ).

(Окончаніе слѣдуетъ).

РОМАНЪ.

Часть первая.

(*Продолженіе.*)

VI.

Михаилъ Никитичъ не отвѣтилъ на записку ни въ тотъ день, ни въ слѣдующій. Онъ вовсе не былъ жестокъ и не разъ ему приходила въ голову мысль о Маринѣ Леонтьевнѣ: вѣдь она мучается, вѣдь она Богъ знаетъ что думаетъ! Но онъ говорилъ себѣ, что это ничего, что иначе онъ не можетъ поступить. „Да, ріентироваться!—говорилъ онъ самъ себѣ языкомъ ея записки.—Это не легко послѣ того, какъ поступилъ опрометчиво, безумно! Проклятыя страсти! Въ сущности, какъ мы ни храбримся съ своимъ умомъ и съ своею совѣстью, а онѣ владѣютъ нами! Онѣ знаютъ, въ какую минуту подойти къ намъ, чтобы захватить насъ врасплохъ".

И ему казалось, что онъ все это время обдумываетъ отвѣтъ. Но это было заблужденіе. Онъ не могъ измѣнить того отвѣта, который былъ поставленъ совершившимся фактомъ, необходимостью. Онъ могъ обдумывать только обстановку отвѣта.

Такъ или иначе, а онъ допустилъ, что женщина ему довѣрилась вполнѣ, онъ принялъ ея довѣріе. Нѣтъ, онъ ни на минуту не думалъ о ней дурно. Онъ ее понялъ. Послѣ трехъ, четырехъ часовъ, проведенныхъ вмѣстѣ, онъ узналъ вполнѣ, что она такое. Это одна изъ тѣхъ женщинъ, несчастье которыхъ составляетъ *слишкомъ послѣдовательное* сердце. Разъ въ это сердце закралось какое-нибудь чувство, онѣ идутъ на-проломъ, ничего не щадя и ни о чемъ не жалѣя. И тогда онѣ отдаютъ все въ жертву своему сердцу. Если сердце это правдиво—хорошо; если оно эгоистично и лживо, онѣ становятся чудовищами. Марина Леонтьевна — правдивое существо.

Наконецъ, онъ почувствовалъ, что необходимо отвѣтить или пойти. Пойти самому было проще, но онъ хотѣлъ прежде отвѣтить письмомъ. Онъ разсчитывалъ выяснить въ немъ всѣ главныя стороны положенія, чтобы она знала, какъ онъ смотритъ на дѣло. Тогда они встрѣтятся безъ недоразумѣнія.

Въ среду въ передобѣденный часъ къ нему зашелъ Четвериковъ. У него былъ очень озабоченный видъ. Что-то тревожное копошилось у него на душѣ. Для Берестина довольно было взглянуть на него, чтобы понять все. Онъ былъ у Потравиной и нашелъ ее печальной. Были какіе-нибудь намеки, которые встревожили его. Или можетъ быть, даже и не было намековъ, а Никласъ самъ себѣ выдумалъ ихъ, потому что онъ не можетъ жить безъ какого-нибудь бремени на душѣ.

Михаилъ Никитичъ уже собрался идти къ о. дьякону. Послѣ обѣда онъ положилъ написать Потравиной.

— Эхъ, какъ ты не во время!—встрѣтилъ онъ пріятеля.—О. дьяковъ сердится, когда я опаздываю!

— Ничего, я съ тобой пройдусь!—угрюмо отвѣтилъ Четвериковъ.

Они пошли деревенской улицей. — Ну, что новаго, Никласъ?—спросилъ Михаилъ Никитичъ.

— Новаго? Что-жъ у меня можетъ быть новаго? Ничего!..

— Это очень мало...

Они помолчали. — Сегодня былъ въ усадьбѣ!—сказалъ Петръ Иванычъ.

— Ну? Это не такъ-то ново. Ты тамъ бываешь каждый день!..

— Тамъ очевидно скучаютъ по тебѣ и ждутъ тебя!..

— Даже *очевидно?* Изъ чего-же это очевидно?

— Изъ всего. Первый вопросъ: не видался-ли съ Михаиломъ Никитичемъ? Второй вопросъ: здоровъ-ли Михаилъ Никитичъ? И наконецъ:—не уѣхалъ-ли Михаилъ Никитичъ?

— Уѣхалъ? Куда?

— Къ роднымъ ты собирался, я какъ-то сообщалъ объ этомъ...

— Гм... Такъ *очевидно*, говоришь?

— Да, совершенно очевидно!

— Экій-же ты проницательный, Петръ Иванычъ! Просто даже удивительно!

— А что?

У Берестина явилось желаніе изумить пріятеля. Быть можетъ, въ сущности это была потребность произнести, наконецъ, вслухъ передъ живымъ человѣкомъ то слово, которое такъ затрудняло его и которое все-таки надо было произнести.

— Да нѣтъ,— сказалъ онъ: — я даже боюсь говорить объ этомъ. Ты не повѣришь...

— Ну, вотъ, что за глупости!

Петръ Иванычъ былъ уже захваченъ любопытствомъ и нетерпѣніемъ. Только одинъ день онъ не былъ въ усадьбѣ и этотъ-то день уже принесъ съ собою какое-то важное событіе. Это съ нимъ всегда такъ бываетъ.

— Ты удивишься моей дерзости...— продолжалъ Берестинъ.

— Дерзости?.. Я не понимаю!..

— Ну, да. Развѣ это не дерзость съ моей стороны: вчера я сдѣлалъ предложеніе Маринѣ Леонтьевнѣ. Я просилъ ея руки.

Четвериковъ остановился, какъ вкопанный.—Ты?.. Вчера?..—бормоталъ онъ.

— Я... Вчера!.. — въ тонъ ему отвѣтилъ Михаилъ Никитичъ.

— Да нѣтъ, ты, просто, дурачишь меня! — наконецъ, объявилъ Петръ Иванычъ.—Это у тебя гнусная манера—постоянно дурачить меня!..

— Можетъ быть, у меня и есть эта гнусная манера, въ такомъ случаѣ покорнѣйше прошу извинить меня! —сказалъ съ разстановкой Берестинъ: —Но въ данномъ случаѣ клянусь тебѣ честью, слышишь, Никласъ?—клянусь честью,что это правда!

— Да какимъ-же образомъ? На какомъ основаніи? Вѣдь для этого надо любить человѣка, любить серьезно!..

— Конечно. Но по твоему — любить серьезно, это значитъ — ходить вокругъ да около человѣка два года, изучать его по пунктамъ, ежечасно заглядывать ему въ душу и тамъ тщательно-полицейски осматривать всѣ закоулки. А? Раньше этого срока никакъ нельзя?

Четвериковъ не принялъ намека на свой счетъ и проговорилъ: — Но во всякомъ случаѣ надо знать человѣка...

— А по моему, когда узнаешь человѣка, тогда и любви конецъ! — сказалъ Михаилъ Никитичъ:—потому что въ самомъ прекрасномъ человѣкѣ при ближайшемъ разсмотрѣніи непремѣнно окажется извѣстное количество дряни. Нѣтъ, Никласъ, истинная любовь загорается сразу, въ моментъ первой встрѣчи, какъ электрическая искра при соприкосновеніи двухъ токовъ. И надо ловить моментъ, пока она не потухла, пока дуновеніе обыденной прозы не загасило ее... я такъ понимаю дѣло. И это фактъ, что я вчера сдѣлалъ предложеніе...

Четвериковъ уже повѣрилъ и изумленіе его превратилось въ хроническое. Онъ шелъ рядомъ съ пріятелемъ и припоминалъ, что видѣлъ сегодня въ усадьбѣ. Да, большая перемѣна. Марина Леонтьевна блѣдна, разсѣянна, чѣмъ-то обезпокоена, говоритъ все о немъ и, повидимому, тяготится присутствіемъ посторонвихъ. Что-то было, и если Берестинъ говоритъ и клянется честью, что было это, то приходится вѣрить. Онъ сдѣлалъ предложеніе. Хорошо. Что-же дальше?

— Что-же тебѣ отвѣтили? — спросилъ онъ.

Берестинъ отвѣтилъ не сразу. Онъ какъ-то непредвидѣлъ этого вопроса. Передавая дѣло не вполнѣ такъ, какъ оно было, онъ считалъ себя въ правѣ поклясться честью. Вѣдь суть была вѣрна, а быть вполнѣ точнымъ онъ не имѣлъ права. Онъ отвѣтилъ, что первое пришло ему въ голову.

— Сказали, что подумаютъ и дадутъ отвѣтъ!..

— Да!—глубокомысленно сказалъ Четвериковъ: — тутъ кому-нибудь да надо подумать!.. Впрочемъ, я въ отвѣтѣ не сомнѣваюсь. Марина Леонтьевна давнымъ

давно къ тебѣ неравнодушна... Что-жъ, я радъ!.. Я всегда этого хотѣлъ для нея...

— Такъ. Ну, а скажи мнѣ, Никласъ, только откровенно, по-пріятельски: что ты думаешь обо мнѣ, объ этомъ моемъ поступкѣ?

Это Берестинъ сказалъ очень серьезнымъ тономъ.

— Развѣ я могу думать о тебѣ что-нибудь дурное, Михаилъ Никитичъ? —съ чувствомъ отвѣтилъ Четвериковъ. — Ты-же знаешь мое глубокое уваженіе къ тебѣ...

— Но однако-жъ... я-бы хотѣлъ поконкретнѣй... Она богата, я бѣдникъ. Что ты объ этомъ думаешь?

— Думаю и увѣренъ, что ея богатство не играетъ никакой роли въ твоемъ выборѣ и что вы вмѣстѣ употребите его на какое-нибудь хорошее дѣло!..

— Да, да! Думай такъ, Петръ Иванычъ! Непремѣнно такъ думай! — внушительно сказалъ Берестинъ. — Мы объ этомъ говорили и согласились употребить деньги на хорошее дѣло. Будь это иначе, я и не подумалъ-бы жениться, какъ-бы ни любилъ ее. У насъ есть планы. Мы начнемъ съ фермы... Знаешь, мой старый проэктъ? Фетисова выпишемъ... Онъ только этого и жаждетъ... Да, Никласъ, судьба дастъ мнѣ въ руки средства принести пользу моимъ братьямъ-мужичкамъ. Марина Леонтьевна во всемъ со мною согласна. Ты знаешь, я былъ пораженъ, встрѣтивъ такое совпаденіе взглядовъ...

„Да, она *съ тобою согласна*“,— подумалъ Петръ Иванычъ.

— Однако, прощай, — сказалъ онъ вслухъ. — Вотъ и домъ о. дьякона!

— Ты куда-же пойдешь?

— Домой, конечно!.. А то, пожалуй, зайду къ рѣкѣ, выкупаюсь! Прощай! Извѣсти меня, когда это все уладится.

Послѣднія слова онъ сказалъ какъ-то печально. Весь этотъ разговоръ оставилъ въ душѣ его какой-то непріятный осадокъ. Почему? Онъ и самъ не зналъ. Его нѣжныя чувства къ Маринѣ Леонтьевнѣ были давно заглушены благоразумными размышленіями. Нѣтъ, не это. А развѣ, можетъ быть, то, что еще третьяго дня утромъ Берестинъ говорилъ о Потравипой въ обидномъ тонѣ, откуда-же взялась эта моментальная „электрическая“ любовь? Онъ и не думалъ заподозрѣвать пріятеля въ чемъ-нибудь неблаговидномъ, Боже сохрани! Но такъ, просто, у него послѣ разговора явилось скверное настроеніе. И пошелъ онъ не домой и не къ рѣкѣ, чтобы выкупаться, а совсѣмъ помимо своей воли очутился на дорогѣ, которая вела въ усадьбу.

„Зачѣмъ я иду туда“?—думалъ онъ. И сейчасъ-же отвѣтилъ себѣ: „Какъ зачѣмъ? Развѣ я не имѣю права интересоваться этимъ дѣломъ? Обѣ стороны мнѣ близки. Онъ—старый товарищъ и пріятель, она—постоянный предметъ его сердечныхъ заботъ. Можетъ быть, у нея уже готовъ отвѣтъ. Если готовъ, то она и отъ него не скроетъ. Подобныя вещи бываютъ тайной, пока они не рѣшены опредѣленно. А вѣнчаютъ вѣдь въ церкви при народѣ“.

Онъ пришелъ въ усадьбу и еще издали замѣтилъ, что Марина Леонтьевна въ палисадникѣ. Онъ узналъ ея бѣлый капотъ.

— Я сегодня рѣшился окончательно надоѣсть вамъ! — крикнулъ онъ ей за пятьдесятъ шаговъ.

— О, что вы, Петръ Иванычъ! — отвѣтила она лѣниво и, какъ ему показалось, неискренно. Конечно, она ждала Берестина, это естественно. Дружба всегда отодвигается на задній планъ, когда является любовь.

Онъ отворилъ калитку и вошелъ въ палисадникъ.

— Ай-ай-ай! Какъ вамъ не стыдно! Скрывать отъ вѣрнаго друга!.. — проговорилъ онъ.

— Скрывать? Что скрывать?—спросила она и вся зардѣлась.

— Да какъ же... я былъ у васъ утромъ и вы мнѣ ничего не сказали. А сейчасъ я видѣлъ Михаила Никитича...

— Вы видѣли? — спросила она дрожащимъ голосомъ. У нея закружилась голова. Она вообразила Богъ знаетъ что. Долгое ожиданіе дало доступъ въ ея голову самымъ нелѣпымъ предположеніямъ. Она готова была допустить, что Берестинъ разсказалъ Петру Иванычу *все* и... Богъ знаетъ... Можетъ быть, они вмѣстѣ смѣялись...

— Ну, да! — отвѣтилъ Четвериковъ. — И онъ мнѣ повѣдалъ великую тайну. Ахъ, какая вы скрытная стали! Вѣдь онъ сдѣлалъ вамъ предложеніе...

Она громко перевела духъ.—Онъ самъ сказалъ это?

— Да, да! Онъ мнѣ сказалъ. А вы обѣщали подумать, и ужь, конечно, подумали...

Она почувствовала, какъ разомъ съ сердца ея спала вся тяжесть подозрѣній и оно забилось легко и радостно. „О, милый, славный, благородный“! думала она: а какъ онъ хорошо поправляетъ мои неловкости“! Я обѣщала подумать! О! что мнѣ думать“!?

Она весело разсмѣялась.—Да, я подумала, Петръ Иванычъ. Приглашаю васъ шаферомъ!..

— Mercі, откликнулся тотъ, глядя куда-то въ сторону.

— А сознайтесь, Петръ Ивавычъ, что васъ это поразило!..

— Я думаю! еще-бы!

— Но что-же васъ собственно поразило?

У нея явился вдругъ игривый тонъ. Непрошенная подозрительная тревога перешла въ какую-то нервную веселость. Она продолжала: — Люди женятся и выходятъ замужъ. Это каждый день дѣлается. Развѣ вы думаете, что мнѣ это не идетъ?

Онъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на нее. Она никогда еще такъ не говорила съ нимъ. Всегда инертная, унылая, скучная, она произносила слова нехотя, лѣниво, а теперь вдругъ вся оживилась и сама она, и ея рѣчь.

— Что поразило? Я не могу сказать что неожиданность — промолвилъ онъ.— Напротивъ, я ожидалъ этого. Я всегда думалъ, что какъ только вы познакомитесь, вы понравитесь другъ другу. Но... не такъ ужъ скоро...

— А, вотъ что! Значитъ, вы только противъ поспѣшности...

— Нисколько не противъ Я вообще— *за*, а *не противъ*. Я только дивлюсь, потому-что такъ не бываетъ или бываетъ рѣдко.

Она подошла къ нему и протянула ему руку.—Ахъ, добрый Петръ Иванычъ, милѣйшій Никласъ!—съ дружескимъ чувствомъ произнесла она:—Вы всегда были моимъ добрымъ другомъ и я вамъ скажу это: я очень счастлива! Васъ это радуетъ?

— Ну, кажется, вы въ этомъ не можете сомнѣваться!.. — промолвилъ онъ, пожимая ея руку.

Они проболтали до обѣда; что-то читали вмѣстѣ, потомъ обѣдали. Марина Леонтьевна все время была спокойная, тихая, какая-то сіяющая. Радость свѣтилась въ ея глазахъ. Часовъ въ шесть Четвериковъ ушелъ, совершенно удовлетворенный, потому-что для него въ этой исторіи уже не было недомолвокъ. Онъ думалъ, что знаетъ все и такъ какъ онъ видѣлъ, что Марина Леонтьевна счастлива, то и поспѣшность уже больше не пугала его.

Вечерѣло. Косые солнечные лучи сдѣлались мягкими, ихъ теплота какъ-бы уступала мѣсто вечерней прохладѣ. Марина Леонтьевна вышла въ садъ. Все-таки на душѣ у нея было не совсѣмъ спокойно. Почему-же онъ третій день уже не заглянетъ къ ней? Если онъ такъ говорилъ съ Четвериковымъ, то значитъ—это его мысли и желанія; почему-же онъ самъ не пришелъ и не сказалъ ей этого?

Она нетерпѣливо ждала его каждую минуту. Когда она шла садовой аллеей, ей послышались позади шаги. Съ трепетно-бьющимся сердцемъ она оглянулась, но это былъ не онъ. Мужикъ въ чумаркѣ, въ большихъ сапогахъ торопливо нагонялъ ее. Приблизившись къ ней, онъ снялъ свою сивую барашковую шапку.

— Я къ вамъ, барыня!—сказалъ онъ, кланяясь ей.

Мужика этого она видѣла въ первый разъ.—А что такое?—спросила она.

— Отъ Михаила Микситича...

— Что?—спросила она другимъ голосомъ,—дрожащимъ, взволнованнымъ.

— Записку прислали!

— Записку?

Она почти вырвала у него изъ рукъ запечатанный конвертъ и отошла отъ него, прибавивъ на ходу.—Подождите тамъ, въ домѣ!.. я сейчасъ прочту!..

„Записка, записка“! твердила она, вся охваченная тревогой. Что онъ можетъ писать? Болѣетъ онъ? Перемѣнилъ рѣшеніе? Сердце у нея страшно билось. Она пережила мучительное мгновеніе, пока надо было раскрыть конвертъ.

Она опустилась на первую попавшуюся скамью и читала. Берестинъ писалъ ей:

„Прежде всего не безпокойся. Пишу, а не пришелъ самъ только потому, что высказать свои мысли не съумѣю такъ послѣдовательно и точно, какъ написать. Это мысли спокойныя, разсудительныя, а мы съ тобой уже доказали свою малую способность къ спокойствію и разсудительности“.

Съ первыхъ-же строкъ она успокоилась. Довольно было этого „ты“, чтобы прошла вся ея тревога. О, это „ты“ очень много значитъ.

„Когда я ушелъ отъ тебя, меня мучили угрызенія совѣсти. Я обвинялъ себя въ поспѣшности, въ необдуманности, и говорилъ себѣ: ты не имѣлъ права! Но, подумавъ хорошенько, я понялъ, что все это праздныя обвиненія. Если это случилось, значитъ этому было время случиться, какая тутъ можетъ быть рѣчь о поспѣшности. Если это было необдуманно, значитъ— это было увлеченіе; тѣмъ лучше, потому-что увлеченіе безкорыстно, безразсчетно. Мы пережили эту минуту свободнаго, безразсчетнаго увлеченія, тѣмъ лучше для насъ; это не всякому выпадаетъ

па долю. Обыкновенно бываетъ такъ: сперва люди осмотрятъ другъ друга со всѣхъ сторонъ и, соображаясь съ обстоятельствами, рѣшатъ: онъ мнѣ подходитъ, я могу его выбрать себѣ въ мужья; она обладаетъ такими-то и такими-то данными, это мнѣ нравится, я предложу ей быть моей женой. И когда уже все соображено, рѣшено, предусмотрѣно,—люди допускаютъ увлеченіе, назначивъ для него день и часъ... Но развѣ это увлеченіе? О, нѣтъ! Оно приходитъ внезапно, неожиданно, какъ вихрь... И право-же гораздо лучше потомъ считаться съ послѣдствіями его, чѣмъ раньше предусматривать ихъ.

Вотъ и мы будемъ теперь считаться съ послѣдствіями. Мнѣ нѣтъ надобности предлагать тебѣ руку и сердце, потому-что для насъ самихъ мы уже мужъ и жена. Намъ остается только сдѣлать, чтобы и другіе согласились считать насъ мужемъ и женой. А это очень просто: надо только переговорить съ отцемъ дьякономъ, а ужъ онъ скажетъ батюшкѣ, и назначить день и часъ. Это — послѣдствіе, которое само собою вытекаетъ изъ предыдущаго. Ну, подумай и назначь. А я соглашусь на все.

Но есть другіе вопросы поважнѣе. Наши положенія такъ различны, что не такъ легко привести ихъ къ одному знаменателю. Что я по происхожденію крестьянинъ, а ты — дворянка, помѣщица, это ничего. Ты вѣдь въ главномъ согласна со мной. Я сдѣлался твоимъ мужемъ не для того, чтобы стать помѣщикомъ. И вотъ тутъ начинается главное. Если ты потребуешь отъ меня, чтобы я принялъ обликъ богатаго помѣщика, то-есть человѣка, боящагося личнаго труда или считающаго его для себя позорнымъ, человѣка, живущаго на всемъ готовомъ, то встрѣтишь съ моей стороны сильный и непобѣдимый отпоръ. Я родился въ трудѣ и выросъ въ немъ. Вступая въ жизнь сознательно, я положилъ себѣ жить трудомъ и только трудомъ. Я видѣлъ въ самомъ корнѣ бѣдность и безпомощность моихъ братьевъ-крестьянъ и поставилъ на всю жизнь своимъ долгомъ работать и стараться, чтобы имъ было лучше. Если я буду видѣть, что, благодаря моимъ стараніямъ, хоть десятку изъ нихъ будетъ лучше, то и это уже дастъ мнѣ удовлетвореніе. Я не разсчитываю непремѣнно на твои средства, но если ты дашь мнѣ часть ихъ на дѣла, о которыхъ я думаю, то будетъ хорошо. Чѣмъ больше ты примешь къ сердцу мои стремленія и мои дѣла, тѣмъ тѣсвѣе мы соединимся съ тобой. Внѣ этихъ дѣлъ, внѣ этихъ стремленій, я не существую, меня нѣтъ. Я знаю, что у тебя добрая душа, а мои стремленія направлены на улучшеніе участи самыхъ обездоленныхъ. И потому я увѣренъ въ тебѣ и въ прочности нашего союза.

Еще очень важно тебѣ знать слѣдующее. Домъ, въ которомъ ты живешь,— помѣщичій, онъ приспособленъ для широкой жизни, для комфорта. Я былъ-бы непослѣдователенъ, если-бы допустилъ для себя жизнь полную комфорта и излишествъ. Даже тѣ минимальныя удобства, которыми я пользуюсь въ качествѣ сельскаго учителя, доставляютъ моей совѣсти мученья. Нельзя пользоваться лишнимъ, когда у другихъ, у моихъ братьевъ, нѣтъ необходимаго. Я не хотѣлъ-бы, чтобы ты отказывалась отъ своихъ привычекъ. Они сопровождали тебя съ дѣтства, сдѣлались твоей второй природой. Но для себя я хотѣлъ-бы устроить такую жизнь, чтобъ не было ничего лишняго, безъ чего нельзя было-бы обойтись. Ты пойми: я не то говорю, что стѣсняюсь пользоваться твоими удобствами. Я хотѣлъ-бы только по возможности доставшіяся мнѣ удобства раздѣлить съ другими, у кого ихъ вовсе нѣтъ. Однимъ словомъ, сдѣлавшись твоимъ мужемъ, я останусь такимъ-же бѣднякомъ, какъ и былъ.

И такъ ты, дѣлаясь моей женой, должна выбрать одно изъ двухъ: или жить со мною разною жизнью, по внѣшности, или отказаться отъ многаго. Чѣмъ ближе ты подойдешь къ послѣднему, тѣмъ тѣснѣе будетъ нашъ союзъ. Однимъ словомъ, я былъ-бы вполнѣ счастливъ, если-бы нашъ союзъ былъ союзомъ двухъ людей, рѣшившихся вмѣстѣ работать на пользу обездоленнаго ближняго, причемъ каждый внесетъ въ эту работу то, что можетъ и что у него есть. Все это я долженъ былъ тебѣ высказать, и теперь, когда ты знаешь мои основныя мысли, мы можемъ жить безъ недомолвокъ и недоразумѣній".

Письмо совсѣмъ не было подписано. Но она такъ обрадовалась ему, что не замѣтила этого. Она сложила его и положила въ карманъ. Затѣмъ встала и быстро пошла къ дому. Проходя мимо сарая, гдѣ стояли лошади, она заглянула въ дверь и сказала кучеру:

— Дмитрій, заложите пролетку! Поскорѣе! — А сама пошла наверхъ и начала переодѣваться. Но тутъ она вспомнила, что въ кухнѣ ждетъ человѣкъ отъ Берестина. Она позвала горничную и велѣла сказать ему, что отвѣта не будетъ.

Она одѣвалась быстро, точно торопи-

лась къ сроку. Когда она сошла внизъ въ шляпкѣ, въ перчаткахъ и съ зонтикомъ, пролетка еще не была готова. Ей пришлось ждать.

— Скоро-ли вы, Дмитрій?—нетерпѣливо спрашивала она.

— Сію минуту!—отвѣчалъ Дмитрій и подумалъ: „вотъ загорѣлось“! Онъ не помнилъ, чтобы барыня когда-нибудь спѣшила. Все она дѣлала терпѣливо, спокойно, хладнокровно. Отъ того и онъ не торопился.

Наконецъ, пролетка была готова. Марина Леонтьевна сѣла, натянула возжи и покатила быстро, энергично подгоняя лошадь.

Уже солнце зашло. По пути встрѣчались ей мужики, на своихъ громоздкихъ возахъ, запряженныхъ волами, возвращавшіеся съ поля. Ее узнавали и кланялись ей, она съ улыбкой отвѣчала на поклоны. Она перегнала сторожа, который припесъ ей письмо. Вотъ и Оболтовка, вотъ и школа. Берестинъ сидѣлъ на завалинкѣ, задумчиво глядя въ даль. Но при приближеніи пролетки онъ вдругъ поднялся и пошелъ ей на встрѣчу.

— Это ты? Какъ это мило съ твоей стороны?—сказалъ онъ, подойдя къ ней и пожимая ея руку.

— Ты не занятъ? — спросила она съ сіяющей улыбкой въ глазахъ.

— Нисколько!

— Поѣдемъ вмѣстѣ. Прокатимся. Если хочешь, заѣдемъ къ Троесвѣтушкѣ. Огорошимъ ее новостью!

— Пожалуй! Погоди, возьму шляпу!

— Скорѣе! мнѣ не терпится!

Онъ входилъ въ домъ и вернулся оттуда въ шляпѣ. Черезъ минуту они ѣхали вмѣстѣ. Правила лошадью Марина Леонтьевна. Сумерки спустились. Небо было безоблачно и ясно. Весь западъ былъ окрашенъ въ прозрачно-розовый цвѣтъ. Марина Леонтьевна съ давно неиспытаннымъ наслажденіемъ полной грудью вдыхала свѣжій вечерній воздухъ. Берестинъ молчалъ, ожидая, что она заговоритъ о письмѣ. Но она о письмѣ не думала. Все, что въ немъ написано, казалось ей такимъ яснымъ, простымъ и не подлежащимъ спору или обсужденію.

— Такъ ты сдѣлалъ мнѣ предложеніе?—спросила она, взглянувъ на него искоса и прищуривъ глаза отъ улыбки.

— Какъ?—спросилъ онъ въ свою очередь, не поняв сразу, въ чемъ дѣло.

— А я обѣщала подумать?...—продолжала она.

— Ахъ, да, да!... Да неужели-же Ниласъ успѣлъ уже вторично побывать у тебя?

— Успѣлъ. И ты не можешь себѣ представить, какъ онъ меня обрадовалъ. Я вѣдь страшно безпокоилась и даже... сомнѣвалась...

— Сомнѣвалась? Въ чемъ? Въ моей честности?

— О, что ты? При чемъ тутъ честность? Ты самый честный человѣкъ въ мірѣ. Я боялась, что ты раскаиваешься... Но когда я узнала, что ты сдѣлалъ мнѣ предложеніе, а я обѣщала подумать,—все какъ рукой сняло!...

— Что-же ты ничего не скажешь на мое письмо?—спросилъ онъ.

— Ты пишешь не дурно. Есть стиль немного тяжеловатый!...

— Вотъ какъ! А еще что?

— А больше ничего!

— Ты шутишь, не правда-ли?

— Ахъ, разъ навсегда, Михаилъ: все будетъ такъ, какъ ты захочешь! Я съ тобой согласна во всемъ. Я вовсе не такъ цѣню комфортъ, какъ ты думаешь. Внѣшнія удобства для меня на второмъ планѣ. Я искала, или лучше ждала живой симпатичной души, чтобъ она слилась съ моей душой. Я дождалась. Вотъ все, что мнѣ нужно. Говорю тебѣ: бери мои средства, они столько-же и твои, и употребляй ихъ на твои планы, а я буду твоей помощницей во всемъ!... Для меня въ этомъ найдется много радостей. Я слишкомъ хорошо узнала, что счастье не въ удобствахъ, не въ комфортѣ... Вотъ тебѣ мой отвѣтъ, мой милый!...

— И спасибо тебѣ за этотъ отвѣтъ. Я вижу, что мы не напрасно поторопились, потому, что каждый шагъ, каждая высказанная мысль сближаетъ насъ все больше и больше. Да, счастье не въ удобствахъ. Счастье въ томъ, когда вмѣстѣ, рука объ руку работаешь надъ однимъ дѣломъ и видишь, что это дѣло полезно, что оно облегчаетъ участь тѣхъ кого любишь двумя сердцами, какъ однимъ... не правда-ли?

Она тихонько прижалась къ нему.—Да, милый, я люблю ихъ, тѣхъ, кого ты любишь. Ты увидишь, какъ я люблю ихъ!... Берестинъ чувствовалъ себя счастливымъ. Еще вчера приходили ему въ голову мрачныя мысли. Ему казалось, что въ его отношеніяхъ къ Потравиной нѣтъ самаго главнаго — прочнаго чувства, но теперь онъ ясно видѣлъ, что любитъ ее. По крайней мѣрѣ онъ чувствовалъ себя по отношенію къ ней такъ, какъ чувствуешь, когда любишь. Что нужно для любви? Надо, чтобъ были—женщина и мужчина, надо, чтобъ

они были симпатичны другъ другу, чтобъ у нихъ было физическое влеченіе другъ къ другу, вотъ ужъ одна сторона любви готова. Если-же сходятся ихъ стремленія, вкусы, если они любятъ одно и то же, и посвящаютъ свою жизнь, свои силы одному дѣлу, то любовь закрѣплена. У нихъ все это есть, чего-же еще надо? Неужели настаивать, чтобы прошли нѣсколько недѣль, мѣсяцевъ,—законный срокъ, когда люди узнаютъ другъ друга?

Уже совсѣмъ стемнѣло и на небѣ заблистали звѣзды, когда они пріѣхали въ большое торговое село Макарьевку. Здѣсь было двѣ церкви, гостиный рядъ, трактиръ съ чаемъ и нѣсколько кабаковъ. Село тянулось на четыре версты въ длину и не было въ немъ ни рѣки, ни пруда, ни озера. Повсюду были вырыты колодцы, надъ которыми меланхолически возвышались тонкіе журавли съ привязанными къ нимъ ведрами. Макарьевка лежала на большой торговой дорогѣ, которая шла изъ уѣзднаго города въ губернскій, и, благодаря этому, въ ней было большое оживленіе. На краю села стоялъ даже постолый дворъ, куда постоянно заѣзжали путешественники.

Но богатое село довольствовалось маленькой одноклассной школой, куда ходили четыре десятка мальчиковъ и дѣвочекъ. Впрочемъ земство уже шесть лѣтъ обѣщало устроить здѣсь большую образцовую школу и даже поговаривали объ учрежденіи въ Макарьевкѣ учительской семинаріи. Но пока обѣщали и поговаривали, село довольствовалось маленькой школой, которой завѣдывала Надежда Михайловна Троесвѣтова.

Въ школѣ былъ свѣтъ. Они подъѣхали и остановились у самаго дома потому, что двора вовсе не было. Сейчасъ-же въ домѣ произошло движеніе, дверь растворилась и вышла Надежда Михайловна въ какой-то затасканной юбкѣ, въ коротенькой бѣлой кофточкѣ. Она вглядѣлась въ пріѣхавшихъ и на лицѣ ея выразилось искреннее изумленіе.

— Вотъ неожиданная пара!—воскликнула она.

— Да, пара!—сказала Марина Леонтьевна, которая опять чувствовала порывъ веселости и желаніе подурачиться...

— Ну, что-жъ, милости просимъ къ намъ *въ хату!*—промолвила Троесвѣтова.—Извиняюсь за костюмъ!

— Лучше поѣдемте съ нами.

— Куда?

— Къ намъ! Въ усадьбу!

— Ну, что вы выдумали! Съ чего это я ночью поѣду? При томъ у меня родственница!

— Да что-же, вы ее обязаны стеречь?—спросилъ Берестинъ.

— Положимъ, что нѣтъ. Она отлично безъ меня обойдется. Но чего я поѣду?

— Мы васъ приглашаемъ... на свадьбу!—проговорила Потравина.

— Что-о?

— На свадьбу!

— На чью свадьбу?

— На нашу! Вѣдь мы—пара!

— Что за настроеніе у васъ сегодня?

— Прекрасное настроеніе, какое только можетъ быть у помолвленныхъ!...

Это было слишкомъ странно для шутки. Троесвѣтова начала серьезно вслушиваться въ ея слова.

— Объясните пожалуйста... Вы выпили, что-ли?—сказала она.

— Фи, какія вы глупости говорите! Развѣ я когда-нибудь выпивала?—Говорю вамъ: мы женихъ и невѣста. На дняхъ будемъ вѣнчаться... Поѣдемте!...

— Ей Богу, я поѣду съ вами! Это очень забавно!... — промолвила Троесвѣтова и, прибавивъ на ходу:—я сейчасъ! скрылась въ комнатѣ. Черезъ двѣ минуты она поспѣшно вышла въ своемъ клѣтчатомъ платьѣ, которое считалось парднымъ.

— Но, позвольте, гдѣ-же я сяду? Вѣдь пролетка для двоихъ только! — сказала она.

— А вотъ такъ!—отвѣтилъ Берестинъ и тотчасъ-же помѣстился въ ящикѣ пролетки, внизу.—Садитесь на мое мѣсто!

Троесвѣтова быстро и ловко, не смотря на свою тяжеловѣсность, вскочила въ пролетку. Они поѣхали.

— Я родственницѣ наврала, что зовутъ по важному дѣлу! — сказала она. — Она славная женщина, только скучная. Совсѣмъ не умѣетъ смѣяться!...

— А развѣ вы нашъ бракъ не считаете важнымъ дѣломъ?—спросила Потравина.

— А знаете,—сказала Надежда Михайловна вмѣсто отвѣта... я теперь вѣрю!... Сначала это показалось мнѣ дикимъ, а теперь вѣрю. Въ сущности это должно было случиться рано или поздно...

— А вы не находите, что это случилось немножко рано?

— Пожалуй... Но это не важно! А право, это очень весело!... А Четвериковъ знаетъ?

— Знаетъ.

— Ну, и что-же онъ?

— Угрюмо одобряетъ!—отвѣтилъ Берестинъ.

— Еще-бы не угрюмо?

— Почему еще бы?

— Потому, что онъ неравнодушенъ къ вамъ!

— О, что вы? Онъ просто относится ко мнѣ по-дружески!

— Да, знаемъ мы эту дружбу!... Между мужчиной и женщиной можетъ быть дружба только когда они оба уроды или имъ двѣсти лѣтъ вмѣстѣ!

— А вотъ мы и за нимъ заѣдемъ!

— Куда-же вы его дѣнете?

— Какъ-нибудь примостимъ. Я хочу сегодня кутнуть! — она обратилась къ Берестину:—Ты ничего не имѣешь противъ шампанскаго?

— Я никогда не пилъ его и не знаю, какое оно на вкусъ! — отвѣтилъ онъ.

— А я его терпѣть не могу. Но безъ него нельзя!... Всегда пьютъ въ такихъ случаяхъ! При томъ-же оно у меня есть и даромъ лежитъ!...

Марина Леонтьевна уже давно направила лошадь по дорогѣ въ Потравино. Болтовня между ею и Троесвѣтовой все время не прекращалась. Надежда Михайловна не могла нарадоваться, глядя на ея чудное настроеніе. „Вотъ чего ей не доставало! думала она:—мужа! И какъ это просто, а съ виду всегда кажется, что человѣка гнететъ гражданская скорбь. Какъ однако скоро побѣдилъ ее Берестинъ! А впрочемъ, кажется, она была раньше побѣждена! Нѣтъ, а онъ! Вотъ это требуетъ поясненій.“

Четвериковъ усѣлся въ ящикѣ, рядомъ съ Михаиломъ Никитичемъ. Дома онъ сидѣлъ въ одиночествѣ и въ сущности ему очень хотѣлось быть въ усадьбѣ. Другого мѣста, гдѣ-бы онъ могъ отвести душу, не было. А тамъ теперь должно быть очень много поучительнаго, въ виду новыхъ событій. Но онъ уже былъ сегодня у Потравиной два раза, въ третій пойти было неловко. Поэтому онъ, уже рѣшившій, было, съ досады лечь спать съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ мучиться безсонницей и мрачными мыслями, искренно обрадовался, когда за нимъ заѣхали.

Они пріѣхали въ усадьбу шумно. Марина Леонтьевна тотчасъ-же дѣятельно вошла въ роль хозяйки, велѣла освѣтить всѣ комнаты нижняго этажа, приготовить чай и ужинъ.

Четвериковъ никакъ не могъ войти въ топъ общаго настроенія. Онъ самъ былъ крайне недоволенъ этимъ, потому что ясно видѣлъ разницу между собой и всѣми остальными. Всѣмъ было весело. Троесвѣтова и Берестинъ дурачились, говорили глупости и смѣялись, а Марина Леонтьевна дружески улыбалась имъ обоимъ. Четвериковъ дѣлалъ надъ собой усиліе, вмѣшивался въ разговоръ, пытался шутить, но выходило дѣланно и неудачно.

И тутъ, когда онъ услышалъ разговоръ о шампанскомъ, ему пришла въ голову мысль сказать тостъ, но такой тостъ, чтобы въ немъ онъ могъ высказаться весь. И онъ ходилъ по комнатамъ, обдумывая свой тостъ.

— О, Боже мой! Да это — цѣлое пиршество! — воскликнула Троесвѣтова, увидѣвъ обширныя приготовленія въ столовой. Маринѣ Леонтьевнѣ показалось, что при этомъ восклицаніи у Берестина сдѣлался недовольный видъ. Она подошла къ нему и сказала тихо:

— Ты не сердись пожалуйста! Сегодня ты у меня въ гостяхъ! Я слишкомъ довольна, чтобы не устроить праздникъ!

— О, какіе пустяки! — воскликнулъ онъ: неужели ты думаешь, что я могу придавать этому значеніе? Развѣ ты всю свою жизнь проводишь такъ?

Всѣ перешли въ столовую.

Марина Леонтьевна привѣтливо навязывала всѣмъ кушанья и вино. Она разошлась и ей такъ была къ лицу роль заботливой и любезной хозяйки. Берестинъ часто поглядывалъ на нее и находилъ ее сегодня хорошенькой. Четвериковъ ѣлъ мало и совсѣмъ отказался отъ вина.

— Что это вы, право, Петръ Иванычъ! — Сказала ему Марина Леонтьевна:—я могу подумать, что вы чѣмъ-то недовольны сегодня!... Развѣ что-нибудь случилось противъ вашего желанья?

— Напротивъ, напротивъ! — отвѣтилъ Четвериковъ. — Мои желанія осуществились *скорѣе*, чѣмъ я ожидалъ! — онъ подчеркнулъ слово „скорѣе“.

— Никласъ противъ скорости въ брачныхъ дѣлахъ! — замѣтилъ Берестинъ. — Онъ того мнѣнія, что люди должны тридцать лѣтъ изучать другъ друга и затѣмъ — уже, выучивши другъ друга наизусть, подъ старость наслаждаться брачной жизнью!

Марина Леонтьевна съ укоромъ посмотрѣла на него. Зачѣмъ онъ говоритъ съ Петромъ Иванычемъ такимъ тономъ? Въ особенности сегодня не слѣдовало этого дѣлать. Но Четвериковъ не обидѣлся. Онъ отвѣтилъ совершенно спокойно:

— Я этого вовсе не думаю!

— А, теперь я знаю! — продолжалъ Берестинъ прежнимъ тономъ: — онъ не доволенъ, что Марина Леонтьевна, его такъ сказать, духовная дочь, выходитъ замужъ безъ его благословенія!

Всѣ засмѣялись, а Четвериковъ и на это сказалъ:—и это неправда! Я ее благословилъ и благословляю!

— Такъ повѣдай-же намъ, наконецъ, свои мысли, Никласъ, мрачный ты человѣкъ!

Въ это время принесли шампанское. Петръ Иванычъ, увидѣвъ передъ собою наполненный бокалъ, тотчасъ-же почувствовалъ, что наступилъ его моментъ. Онъ взялъ бокалъ, поднялся и сказалъ не безъ торжественности:

— А вотъ и повѣдаю!—и поднявъ свой бокалъ, онъ продолжалъ:—Господа! Мы собрались сюда столь-же внезапно, сколь внезапенъ поводъ нашего совмѣстнаго пребыванія здѣсь...

— Какой высокій стиль!—замѣтилъ Берестинъ.

— Не перебивай!—сказалъ ораторъ, обративъ на мгновеніе къ нему свое лицо.— Но внезапность—не бѣда. Часто бываетъ, что строго-обдуманныя предпріятія на практикѣ оказываются никуда негодными и наоборотъ—идея, пришедшая въ голову внезапно, неожиданно, оказывается плодотворной. А потому, господа, удивленію здѣсь нѣтъ мѣста. Я держусь того мнѣнія, что лучшаго союза, чѣмъ тотъ, при совершеніи котораго мы присутствуемъ, трудно сыскать. Доброе сердце Марины Леонтьевны смѣло пойдетъ на осуществленіе свѣтлыхъ, честныхъ плановъ Михаила Никитича и въ нашемъ печальномъ героѣ закипитъ симпатичная работа, въ которой, можетъ быть, и мнѣ суждено найти утѣшеніе. Объ одномъ изъ такихъ плановъ я уже кое-что знаю. Я говорю объ опытной фермѣ, устройство которой уже, кажется, рѣшено. Это будетъ благодѣтельная вещь для народа и я уже успѣлъ сегодня, послѣ разговора съ Михаиломъ Никитичемъ, написать два слова нашему общему другу Фетисову, который жаждетъ отдаться этому дѣлу и смыслитъ въ немъ...

— Молодчина, Никласъ!—вставилъ Михаилъ Никитичъ.

— Ахъ, не перебивай пожалуйста! Господа! Я знаю Михаила Никитича со школьной скамьи. Мы съ нимъ давніе пріятели. Онъ знаетъ, какъ я всегда относился къ нему искренно и питалъ уваженіе къ его прямому характеру и благороднымъ стремленіямъ — служить всѣми силами крестьянству, изъ котораго онъ самъ происходитъ. И меня никто не можетъ заподозрить въ какомъ-нибудь недоброжелательствѣ по отношенію къ Михаилу Никитичу. И потому я могу смѣло говорить все, что думаю. Господа, быть бѣднымъ и отказаться отъ пріобрѣтенія для себя личныхъ благъ земныхъ, это симпатично, благородно; таковъ былъ до сихъ Михаилъ Никитичъ. Быть богатымъ и, вмѣсто того, чтобы употреблять свое богатство на роскошь и излишество, отдавать ихъ на доброе дѣло, это — признакъ прекраснаго сердца; такова была, есть и будетъ Марина Леонтьевна. Но когда бѣднякъ, испытавши нужду, становится обладателемъ богатства, которое раскрываетъ передъ нимъ полную возможность широкой жизни, познанія всѣхъ заманчивыхъ благъ свѣта, словомъ, открываетъ ему легкій и прямой путь къ тому, о чемъ бѣдность часто только мечтаетъ въ тиши, и когда такой бѣднякъ все-таки остается вѣренъ своимъ прежнимъ стремленіямъ и вмѣсто того, чтобы увлечься возможностью достигнуть высшаго личнаго счастья, онъ продолжаетъ неизмѣнно идти прежней узкой и каменистой дорогой, дорогой добровольныхъ лишеній и труда на пользу ближняго, то это уже, господа, подвигъ, это настоящій подвигъ! Я ни на минуту не сомнѣваюсь, что примѣръ такого подвига покажетъ намъ всею своею жизнью Михаилъ Никитичъ и за него я подымаю этотъ бокалъ!...

Съ нимъ чокнулись просто, безъ особеннаго шума и выпили. Тогда всталъ Берестинъ и сказалъ:

— Отвѣчу тебѣ, Никласъ! Не вижу никакого подвига въ томъ, чтобъ отказаться отъ непринадлежащихъ тебѣ благъ! Послѣ женитьбы я остаюсь тѣмъ-же, чѣмъ былъ до женитьбы. А потому и подвига никакого не будетъ. Пью твое здоровье, Никласъ, вѣрный другъ и будущій соработникъ!

Опять чокнулись и выпили.

— А я скажу простыми словами—промолвила Троесвѣтова, взяла бокалъ съ виномъ, но не встала.—Пусть только наши добрые друзья—Михаилъ Никитичъ и Марина Леонтьевна—найдутъ другъ въ другѣ истинное счастье на всю жизнь, а прочая приложатся! За счастье ихъ и пью!...

Этотъ простой тостъ вызвалъ сильное оживленіе. Марина Леонтьевна поцѣловалась съ ней; Берестинъ подошелъ къ ней и съ чувствомъ пожалъ ей руку.

Поднялись шумные разговоры. Всѣ рѣшали вопросъ, когда быть вѣнчанью. Недоставало одного шафера, было рѣшено сейчасъ-же выписать Фетисова. Троесвѣтова проэктировала устроить балъ для всего Потравина.

Уже было далеко за полночь, когда пролетка съ Берестинымъ и Четвериковымъ выѣхала изъ усадьбы. Надежда Михай-

ловна, не взирая на то, что у нея гостила родственница, осталась ночевать у Марины Леонтьевны.

VII.

Обстоятельства, которыя произошли въ теченіе недѣли, всѣ вращались вокругъ одного центра—вѣнчанья. Фетисовъ былъ, разумѣется, приглашенъ для немедленнаго устройства фермы и былъ очень разочарованъ, когда, пріѣхавши, узналъ, что ферма только рѣшена въ принципѣ и ничего еще для нея не готово. Онъ понялъ, что экстренное приглашеніе ему прислали главнымъ образомъ ради того, что не доставало шафера.

Это былъ человѣкъ съ виду слабый и безпомощный. Небольшого роста, худощавый, немного сутуловатый, съ блѣднымъ лицомъ и дѣтски наивными сѣрыми глазами, онъ въ обращеніи былъ тихъ, предупредительно вѣжливъ, уступчивъ, мягокъ. У него всегда былъ такой видъ, будто онъ въ чемъ-нибудь извиняется.

Его помѣстили въ двухъ комнатахъ пустого флигеля, стоявшаго въ десяти шагахъ отъ главнаго дома усадьбы. Онъ приходилъ къ чаю и къ обѣду въ столовую, и Марина Леонтьевна съ большими усиліями пыталась какъ-нибудь занять, разговорить его.

Четвериковъ, разумѣется, давно уже отрекомендовалъ его самымъ блестящимъ образомъ. Онъ наговорилъ ей про Фетисова удивительныхъ вещей: „Это человѣкъ желѣзной воли. Это истинный работникъ народнаго дѣла“.

Она пристально всматривалась въ него и никакъ не могла уловить, гдѣ, въ чемъ у него можетъ скрываться желѣзная воля. Говорить съ нимъ о чемъ-нибудь не было никакой возможности. Она пробовала говорить съ нимъ обо всемъ, что только могло интересовать его.

— Вы, кажется, давно стремились заняться фермой?—спросила она его.

— Да-съ,—отвѣчалъ онъ почтительно и мягко:—я давно желалъ!

— Вы разсчитываете, что это принесетъ большую пользу крестьянамъ?

— Да-съ, должно принести!

— Вы готовились къ этому дѣлу?

— Да-съ, я учился въ сельскохозяйственной школѣ!

И послѣ каждаго такого „да-съ“, сказаннаго съ наилюбезнѣйшей улыбкой и съ легкимъ поклономъ, его блѣдное лицо дѣлалось глубоко-серьезнымъ, а глаза смотрѣли куда-то, въ неопредѣленную точку. Очевидно, онъ считалъ, что, отвѣтивъ прямо на вопросъ, онъ сдѣлалъ все, что отъ него требовали. Повидимому, больше всего онъ боялся, какъ-бы не прозѣвать чего-нибудь такого, чего отъ него могутъ потребовать, поэтому онъ ловилъ вопросы и отвѣчалъ на нихъ тотчасъ-же. Но за то онъ могъ просидѣть молча цѣлый часъ, если его ни о чемъ не спрашивали. Молчаніе его не безпокоило нисколько.

Убѣдившись, что устройство фермы не къ спѣху, а что прежде всего отъ него хотятъ, чтобъ онъ былъ шаферомъ при вѣнчаніи, онъ никому ничего не сказалъ, а остался жить въ отведенномъ ему флигелѣ, въ ожиданіи дѣла. Троесвѣтова нашла его „невыносимымъ и, должно быть основательно глупымъ“.

— Не понимаю, какую онъ можетъ устроить ферму... Развѣ куриную какую-нибудь!..—говорила она Маринѣ Леонтьевнѣ.

— А Богъ его знаетъ, что у него тамъ скрывается подъ этими гладко зачесанными волосами!..—возразила Потравина, хотя въ душѣ сама думала такъ-же, какъ она. Но ни Берестиву, ни Четверикову онѣ не высказали своихъ мнѣній.

Фетисовъ-же проводилъ дни въ одиночествѣ. Онъ раза два повидался съ друзьями, кратко распросилъ ихъ о томъ, какая ферма предполагается, на какихъ основаніяхъ и когда. Получивъ удовлетворительные отвѣты, онъ удовольствовался этимъ.

Онъ привезъ съ собою два чемодана. Оба они были сильно истрепаны, видно, что служили на своемъ вѣку достаточно. Въ одномъ помѣщались несложныя принадлежности его туалета, въ другомъ книги. Эти книги всегда ѣздили съ нимъ, никогда составъ ихъ не обновлялся и Фетисовъ всегда усердно читалъ ихъ и только ихъ,—въ который разъ, это было лишь ему извѣстно. Тутъ были книги спеціальныя по сельскому хозяйству и кромѣ того сочиненія одного публициста шестидесятыхъ годовъ! На нихъ Фетисовъ развивался, въ нихъ почерпнулъ идеи, которыя сдѣлались его любимыми и въ нихъ только вѣрилъ.

Фетисову было лѣтъ тридцать съ небольшимъ. Онъ, какъ и Берестинъ, происходилъ изъ крестьянской семьи и при томъ самой бѣдной, такъ-же учился въ сельской школѣ и, обнаруживъ выдающіяся способности, былъ отданъ на земскій счетъ выше, но попалъ не на учительскую дорогу, а въ сельскохозяйственное училище. Еще будучи въ старшемъ классѣ, онъ рѣшилъ во чтобы-то ни стало какъ-нибудь приложить свои знанія для

крестьянъ. Онъ считалъ это своимъ священнымъ и единственнымъ долгомъ. Знакомясь съ сельскохозяйственными знаніями, онъ съ каждымъ новымъ шагомъ убѣждался, что въ нихъ вся суть спасенія крестьянства отъ бѣдности и раззоренія, но выйдя изъ школы и присмотрѣвшись къ практикѣ, онъ понялъ, что безъ денегъ ничего нельзя подѣлать. На приглашеніе взять мѣсто „ученаго приказчика“ въ большой помѣщичьей экономіи онъ не откликнулся. Онъ пробовалъ примѣнить свои знанія на крошечномъ надѣлѣ отца, но безъ всякихъ средствъ — онъ только вызвалъ смѣхъ въ цѣлой деревнѣ. Не разъ призывали его къ дѣлу люди, которыхъ онъ считалъ искренно преданными его цѣлямъ; но едва только дѣло развивалось, какъ онъ разочаровывался въ ихъ искренности. Онъ видѣлъ, какъ, на глазахъ у него, дѣло поворачивали въ другую сторону, начинали изъ него извлекать пользу въ свой карманъ, и онъ съ негодованіемъ, но сохраняя свое обычное спокойствіе и мягкость, возвращался къ отцу, гдѣ старался, какъ могъ, помогать въ домашнихъ работахъ, чтобы не ѣсть даромъ крестьянскаго хлѣба.

Голова его владѣла немногимъ, но за то владѣла прочно. У него была только одна идея: служба крестьянству на почвѣ сельскохозяйственныхъ знаній, и ничто въ мірѣ не могло заставить его отказаться отъ этой идеи, въ которую онъ вѣрилъ безусловно.

Не смотря на разочарованія, онъ легко довѣрялся новымъ призывамъ. А здѣсь еще были люди, которыхъ онъ считалъ честными и преданными тому-же дѣлу— Четвериковъ и Берестинъ. Его удивило только то, что такое дѣло, какъ устройство опытной фермы, страннымъ образомъ связано съ свадьбой и съ нея начинается. Но у него было достаточно терпѣнія, чтобы ждать.

Онъ одѣвался въ серпянковыя брюки и пиджакъ изъ грубой сѣрой парусины, носилъ некрахмальныя рубахи, но все это было изысканно-чисто и аккуратно. Только сапоги у него были плохи и сильно искривлены, но противъ этого онъ ничего не могъ подѣлать.

На недѣлѣ Берестинъ явился къ о. дьякону въ обычный часъ обѣда и заявилъ:

— Ну, о. дьяконъ, напророчили-же вы!

— А что такое?—съ испугомъ спросилъ о. дьяконъ, вообразивъ, что случилось что-нибудь непріятное.

— Да вотъ вы тогда сказали, что мнѣ хорошо бы жениться на помѣщицѣ... Помните?

— Ну? ну?—съ большимъ оживленіемъ спросили дьяконъ и дьяконша вмѣстѣ. Послѣдняя оставила даже комодъ, въ которомъ разыскивала салфетки къ обѣду.

— Такъ оно и вышло: я женюсь!..

— Да ну-те! Да можетъ ли это быть?

— Вотъ вы теперь удивляетесь, а тогда говорили, что это такъ просто...

— Да нѣтъ, постойте, Михаилъ Никитичъ... Вы не того... Не смѣетесь надо мной?

— Полноте, что вы? Съ какой стати мнѣ смѣяться? Говорю вамъ —женюсь. Честное слово!

— Нѣтъ, вы побожитесь, тогда повѣрю!.

— Чудакъ вы, о. дьяконъ! Извольте, я побожусь: ей Богу!

О. дьяконъ повѣрилъ и всплеснулъ руками.—Да вѣдь это превосходно! Значитъ, будете помѣщикомъ! Вотъ это дѣло! Такъ я понимаю жениться! А не то, что я вотъ на своей дьяконшѣ женился: ни у нея, ни у меня ни кола, ни двора! Послѣднее, впрочемъ, было сказано въ шутку и дьяконша это знала и, тоже шутя, пригрозила ему кулакомъ. —Слава Богу нажили—прибавила она.

— Такъ когда-же мы вамъ скрутимъ руки? а?—продолжалъ о. дьяконъ.

— Да вотъ въ слѣдующее воскресенье! А сколько вы съ насъ сдерете?

— Сдеремъ, именно сдеремъ! Съ кого-же и драть, какъ не съ такихъ? Я-же сказалъ вамъ тогда, что пятьдесятъ карбованчиковъ дадите!..

Берестинъ выразилъ на лицѣ ужасъ.— Да что вы? Что вы, о. дьяконъ? Вѣдь это мое жалованье за два мѣсяца! воскликнулъ онъ.

Дьяконъ изумился.—Что за жалованье такое? Какое теперь жалованье? Берете четырестатысячную жену и жалѣете... Ай-ай-ай! Какъ вамъ не стыдно!

— Я, о. дьяконъ, беру просто жену, а четыреста тысячъ при ней остаются и до меня не касаются...— серьезно отвѣтилъ Михаилъ Никитичъ.

— Ну, разсказывайте мнѣ ерунду! При ней остаются!? Деньги то при ней, а она при васъ! Ну, значитъ и деньги будутъ при васъ... Нѣтъ, я не ожидалъ отъ васъ этого, чтобы вы такъ скупились. Жениться-то приходится только разъ въ жизни. Такъ неужели жалѣть какой-нибудь полсотни рублей? Это даже стыдно!

„Нѣтъ, подумалъ Берестинъ,—не втолковать этого ему ни за что! Да и толковать не стоитъ“!

— Вы вотъ что, о. дьяконъ!—сказалъ онъ,—вы поговорите съ Мариной Леонтьевной. А у меня и денегъ-то всѣхъ въ карманѣ двадцать пять рублей, которыя я получилъ изъ земства за послѣдній мѣсяцъ...

Дьяконъ пожалъ плечами.—Что вы только городите, Михаилъ Никитичъ? Неужто вы и послѣ женитьбы будете киспуть учителемъ въ школѣ?

— А разумѣется буду! Почему-же нѣтъ?

— На кой же вамъ это, съ позволенія сказать, дьяволъ?

— А развѣ вы думаете, что учителемъ быть нехорошо, позорно?

— Не думаю я этого вовсе. Зачѣмъ позорно? Дѣло почтенное, трудъ, честный трудъ! Только эта должность, извѣстно, для бѣднаго человѣка, а богатому это не идетъ...

— Да вѣдь я же бѣдный человѣкъ!

Дьяконъ разсердился.—Что вы мнѣ турусы на колесахъ разсказываете? Женится на Потравиной и бѣднаго Лазаря корчитъ! Охота вамъ право надо мной смѣяться?

Берестинъ махнулъ рукой. „Никакъ этому въ его головѣ не уложиться“! подумалъ онъ и сталъ обѣдать.

Когда наступило воскресенье, о вѣнчаньи помѣщицы съ учителемъ изъ Оболтовки знали всѣ окружныя села. Церковь и церковная ограда были полны народа. И всѣ были очень удивлены, когда увидѣли помѣщицу, владѣлицу огромнаго имѣнія, въ довольно простомъ бѣломъ платьѣ съ очень скуднымъ количествомъ цвѣтовъ. Марина Леонтьевна очень мало позаботилась о внѣшней обстановкѣ. И времени было не много, и это ее не занимало. Троесвѣтова нашла, что ея бѣлое платье вполнѣ удовлетворительно и при этомъ разсказала, что сама вѣнчалась въ Кіевѣ въ больничной церкви, въ коричневомъ платьѣ, въ томъ самомъ, въ которомъ посѣщала лекціи. Она тогда готовилась въ фельдшерицы. Мужъ ея, тогда—студентъ медицины, былъ въ коротенькомъ пиджачкѣ и въ ситцевой косоворотой рубахѣ. И все обошлось, какъ нельзя лучше. Съ мужемъ она прожила счастливо, жаль только, что онъ, бѣднягa, рано умеръ.

Но это еще куда ни шло, съ платьемъ невѣсты примирились, но не могли понять, почему нѣтъ никакой пышности. Всѣ были увѣрены, что на свадьбу съѣдутся важные гости изъ уѣзднаго, а то, пожалуй, и изъ губернскаго города. Будутъ коляски, кареты, разфуфырепныя барыни, чиновные господа. И на мѣсто всего этого — учительница изъ Макарьевки въ своемъ клѣтчатомъ платьѣ, въ которомъ видѣли ее уже сто разъ, ея родственница, одѣтая какъ то по дорожному, въ какомъ-то сѣромъ ватерпруфѣ, учитель изъ Потравина, правда, въ черномъ сюртукѣ, и еще какая то фитюлька, которая недавно появилась въ усадьбѣ. Это было совершенно непонятно.

Но примирѣніе было полное, когда приказчикъ изъ Потравинской экономіи пригласилъ весь народъ, рѣшительно всѣхъ кто хочетъ, на большой экономическій дворъ. Тутъ было приготовлено угощеніе на славу. Водка, вино, пиво, чай, орѣхи, пряники, всякія сласти, пироги и разныя закуски, все это выпивалось и съѣдалось съ величайшимъ стараніемъ.

Мужики говорили:—Такъ то оно лучше. Господъ не назвали, а нашего брата угостили по христіански. Вотъ сейчасъ и видно, что Михайло Никитичъ изъ нашего крестьянскаго роду!

Дѣло разумѣется не обошлось безъ безобразій. Любители накачались до пьяна и экономическій дворъ былъ ареной для нѣсколькихъ дракъ.

Въ самой же усадьбѣ былъ приготовленъ скромный завтракъ, на которомъ кромѣ близкихъ людей, участвовали батюшка съ попадьей и дьяконъ съ дьякопшей. Этимъ дѣло и ограничилось. О. дьяконъ былъ совершенно удовлетворенъ, Марина Леонтьевна сама вручила ему пятьдесятъ рублей, которыя онъ торжественно внесъ въ общую кружку.

Быть можетъ ни одно обстоятельство изъ событій послѣднихъ дней не заставило Берестина такъ ясно почувствовать перемѣну въ своемъ положеніи, какъ переѣздъ изъ школьной квартиры въ усадьбу. Онъ переѣзжалъ одинъ. Пожитковъ у него было такъ мало, что они всѣ помѣстились въ пролеткѣ. Конечно, онъ не думалъ о томъ, что этотъ переѣздъ у кого нибудь можетъ вызвать улыбку, но инстинктивно онъ поѣхалъ въ школу за вещами не раньше, какъ наступили густыесумерки.

Укладывая свои вещи въ небольшой сундукъ, онъ размышлялъ на ту тему, что какъ-никакъ, что бы онъ тамъ ни говорилъ, а все же онъ покидаетъ жалкое помѣщеніе школьнаго учителя и переѣзжаетъ въ лучшее. Значитъ женитьба все таки производитъ перемѣну въ его жизни. И онъ такъ или иначе, будетъ пользоваться удобствами, какія представляетъ усадьба. Не можетъ же онъ, не рискуя оказаться смѣшнымъ, запереться въ одной комнатѣ и не заглядывать въ остальныя, въ которыхъ живетъ его жена; не можетъ же онъ поста-

вить для себя простую мебель, какая была у него здѣсь, и тщательно избѣгать садиться на болѣе мягкую и изысканную, какая стоитъ въ усадьбѣ, или, обѣдая за однимъ столомъ съ своей женой, ѣсть кушанья, приближающіяся къ простой кухнѣ дьяконши, въ то время, какъ жена его будетъ ѣсть болѣе тонкія блюда.

Все это, разумѣется, пустяки, но фактъ тотъ, что женитьба обязываетъ его многое перемѣнить въ своемъ образѣ жизни.

Уѣзжая онъ увидалъ школьнаго сторожа.

— Будьте здоровы, Михаилъ Никитичъ! —сказалъ ему сторожъ.—А когда же намъ пришлютъ новаго учителя?

— А зачѣмъ вамъ новый учитель? развѣ старый уже не нравится?—спросилъ Берестинъ.

— Ге! Гдѣ вамъ? Вы теперь помѣщики! Чего вамъ!—добродушно смѣясь отвѣтилъ сторожъ.

— Да я и не думалъ покидать школы! Я буду учительствовать!

— Правда?

— Конечно правда!

— Ну, и чудакъ же вы, Михаилъ Никитичъ! Для чего вамъ эта канитель, когда вы сами помѣщики?

— А если мнѣ это нравится?

Сторожъ махнулъ рукой. — Чему тутъ нравиться! Всякому дурню, у котораго подъ носомъ воронье гнѣздо, втолковывать мудрость, мучиться надъ нимъ! Да Богъ съ нимъ! Я вотъ простой человѣкъ, а ежелибъ мнѣ давали большое жалованье и сказали: будь учителемъ! Я бы не взялъ! Нѣтъ, лучше сторожемъ, ей Богу, лучше! Спокойнѣй! А то вдругъ стали помѣщиками и чтобы добровольно учить! Да это что же,— батюшка на васъ покаяніе такое наложилъ, или какъ!?

Берестинъ, разумѣется, не спорилъ съ нимъ, потому что это было безполезно. Сторожъ былъ одного мнѣнія съ о. дьякономъ.

VIII.

Фетисовъ былъ человѣкъ точный и требовалъ отъ другихъ точности. Когда онъ, пріѣхавъ въ Потравино, вмѣсто приготовленій къ устройству фермы, засталъ приготовленія къ свадьбѣ, онъ былъ удивленъ. Но Четвериковъ объяснилъ ему положеніе дѣлъ и растолковалъ, что и самая ферма находится въ зависимости отъ свадьбы, что она должна быть какъ бы первымъ слѣдствіемъ, вытекающимъ изъ этого союза. Онъ и принялъ это къ свѣдѣнію и рѣшилъ ждать до свадьбы. Но вотъ свадьба совершилась, онъ подождалъ еще день и затѣмъ приступилъ къ Берестину съ прямымъ вопросомъ.

— Когда же мы начнемъ ферму?

— Ахъ, братъ, неужели ты полагаешь, что я не думаю объ этомъ!—отвѣтилъ Берестинъ.

Этотъ отвѣтъ показался Фетисову неудовлетворительнымъ.—Ты думаешь? Развѣ у васъ еще не все обдумано? Я былъ увѣренъ, что остается только приступить къ дѣлу.

— Да это почти такъ и есть. У меня планъ готовъ; впрочемъ, ты знакомъ съ нимъ и одобряешь его, остается только выхлопотать разрѣшеніе...

— Разрѣшеніе?— съ ужасомъ воскликнулъ Фетисовъ. —У васъ нѣтъ разрѣшенія?

И глаза его выразили почти безнадежное отчаянье. Онъ не первый разъ приступалъ къ устройству фермы и зналъ, что такое значитъ выхлопотать разрѣшеніе.

— О! такъ вы меня слишкомъ рано позвали!—сказалъ онъ.—Слишкомъ рано, разрѣшеніе, это—безконечно!...

— Ты думаешь?

— Я это знаю навѣрно!

— Но ты забываешь, что у Марины Леонтьевны есть въ городѣ кой-какія связи...

— Да, вотъ, можетъ быть, связи... не знаю!.. Посмотримъ! это по началу будетъ видно!..

— Я увѣренъ въ этомъ. Вотъ я поговорю съ нею...

Этого „поговорю“ не любилъ Фетисовъ. Онъ былъ очень огорченъ. Онъ зналъ Берестина за человѣка основательнаго и вдругъ вмѣсто дѣла застаетъ одну мечту! Но, можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ связи что-нибудь помогутъ. Онъ рѣшилъ подождать еще недѣлю.

Берестинъ самъ не зналъ, почему онъ сослался на связи Марины Леонтьевны въ городѣ. Отъ нея онъ ничего не слышалъ объ этихъ связяхъ, а если припять во вниманіе, что у нея никто изъ городскихъ не бываетъ, то надо думать, что въ городѣ у нея нѣтъ даже знакомствъ. Но онъ зналъ настойчивый характеръ Фетисова и потому не отложилъ этого дѣла въ долгій ящикъ.

Самому ему было не ловко на третій день послѣ свадьбы завязать разговоръ о фермѣ. Это значило-бы слишкомъ явно связывать одно съ другимъ и могло-бы обидѣть Марину Леонтьевну. Поэтому онъ воспользовался присутствіемъ Фетисова за обѣдомъ.

— Такъ ты думаешь, что это потребуетъ много времени?—спросилъ онъ.

Фетисовъ понялъ, что рѣчь идетъ о фермѣ, такъ какъ съ нимъ больше не о чемъ было говорить.

— Я знаю десятокъ примѣровъ!—отвѣтилъ онъ.

— Вы о чемъ это? о фермѣ?—спросила его Марина Леонтьевна, которая тоже знала, что Берестинъ ни о чемъ другомъ съ нимъ не заговоритъ.

— Да-съ, о фермѣ!—почтительно отвѣтилъ Фетисовъ. Какъ только къ нему обращалась Марина Леонтьевна, тотчасъ у него появлялась почтительность и неизмѣнное „да-съ“.

— Мнѣ кажется, что только стоитъ съѣздить въ губернскій городъ, все закупить, вотъ и ферма готова!..—сказала Марина Леонтьевна.

— Такъ-то оно, такъ! Да вотъ Антонъ Яковлевичъ говоритъ, что разрѣшеніе трудно выхлопотать...

— Какъ разрѣшеніе? развѣ нужно разрѣшеніе? — съ удивленіемъ воскликнула она.

— Да-съ, необходимо! — отвѣтилъ Фетисовъ.

— Да зачѣмъ-же разрѣшеніе? Вѣдь мы-же ни у кого не просимъ ни земли, ни средствъ... я думаю, что на своей землѣ я могу дѣлать, что мнѣ угодно!..

— Нѣтъ-съ. Надо разрѣшеніе!—категорически заявилъ Фетисовъ. — Можно дѣлать, что угодно, для себя, въ предѣлахъ своего хозяйства, а это для публичнаго пользованія...

— Да надо, надо! это правда!—сказалъ Берестинъ и этого уже было достаточно, чтобъ она повѣрила.

За обѣдомъ разговоръ на эту тему не продолжался, но за то послѣ, когда они остались вдвоемъ, Берестину легко было возобновить его.

— Я не знаю, какъ намъ быть съ этимъ разрѣшеніемъ!—сказалъ онъ.

— А какъ это дѣлается?—спросила Марина Леонтьевна.

— Да дѣлается-то у насъ все одинаково. Подается прошеніе, а потомъ тянется недѣли, мѣсяцы, а то и годы...

— О, что ты? неужели такъ долго?

— Да! но есть, конечно, способы ускорить. Мнѣ не хотѣлось-бы тебя затруднять...

— О, пожалуйста, пожалуйста! Если только я могу что-нибудь сдѣлать!..—поспѣшно перебила она его.

Я не знаю, можетъ быть не найдется-ли у тебя какихъ-нибудь связей въ городѣ?

— Связей? у меня? ты-же знаешь, что я ни съ кѣмъ не веду знакомства!..

— Да, конечно знаю!

И онъ замолчалъ. Онъ узналъ только то, что ему было извѣстно. Но она, подумавши, продолжала:—ну, а еслибы были, положимъ... то что изъ этого вышло-бы?

— Тогда ты могла-бы похлопотать и дѣло пошло-бы скорѣе...

Она вздохнула, какъ-бы вспомнивъ что-то тягостное.—Если очень нужно, Михаилъ, то... я могла-бы... Видишь, у меня въ губернскомъ городѣ есть двоюродная тетка... она съ вліяніемъ...

— Такъ это отлично! чего-же лучше?—радостно воскликнулъ онъ.—Какъ-же ты говоришь—нѣтъ связей?

— Да... А связей все-таки нѣтъ... Видишь-ли... я у этой тетки была всего одинъ разъ, года четыре назадъ... я ее не любила, эту тетку...

Онъ замѣтилъ, что когда она заговорила о теткѣ, брови ея слегка сдвинулись и въ глазахъ явилась какая-то тѣнь грусти. Онъ поспѣшилъ остановить ее.

— Если тебѣ это почему-либо непріятно, то ты не ѣзди... я не хочу этого... какъ-нибудь обойдемся.

Она опять вздохнула.—Да, это было-бы очень тяжело!—сказала она.—Ты не знаешь этого. Эта тетка—по матери, и она играла печальную роль въ жизни моей матери... Видишь-ли, милый, я должна тебѣ сказать, что она... дурпая женщина. Ты вѣдь не знаешь, что мать моя была очень несчастна. Отецъ покинулъ ее очень рано... и покинулъ для... вотъ этой тетки!.. Она была очень красива... очень! И сознательно увлекала моего отца. Онъ былъ человѣкъ слабый, безхарактерный... ты понимаешь, милый, что мнѣ тяжело вспоминать объ этомъ...

— Ну, и не надо!—мягко сказалъ онъ, замѣтивъ на глазахъ ея слезы. Онъ нѣжно взялъ ее за руку и привлекъ къ себѣ.—Съ чего ты взяла, что я хочу навязать тебѣ какую-нибудь непріятность? Боже меня сохрани! ты перестань даже думать объ этомъ. Разрѣшеніе мы какъ-нибудь выхлопочемъ, Фетисова обуздаемъ...

Она прижалась къ нему и тотчасъ-же почувствовала, что должна принести какую-нибудь жертву. Счастье ея, которое она уже считала недостижимымъ, казалось ей слишкомъ большимъ; передъ его громадностью совсѣмъ стушевывалась тяжесть предстоящаго визита къ теткѣ. Вѣдь тетка непремѣнно что-нибудь сдѣлаетъ. Она только и ждетъ этого визита. Это для нея вопросъ самолюбія.

— Знаешь что?—сказала она.—Это пустяки! я поѣду къ теткѣ!

— Нѣтъ, нѣтъ, тебѣ это тяжело, и я этого не хочу!—отвѣтилъ онъ.

— Пустяки, пустяки! я поѣду! ты не думай: она приметъ меня отлично! Да вѣдь это было такъ давно, она уже старуха! Вѣдь въ сущности и у каждаго найдется какой-нибудь грѣхъ... неправда-ли?

Онъ дивился этой быстрой перемѣнѣ въ ней. Онъ еще не зналъ, что для нея его ласка. Онъ еще разъ попытался возразить, но она говорила такъ настойчиво, что онъ согласился.

Губернскій городъ былъ верстахъ въ семидесяти. Надо было выѣхать съ утра и разсчитывать прибыть послѣ обѣда. Отъѣздъ Марины Леонтьевны былъ назначенъ на пятницу. Она разсчитала, что самое раннее—она можетъ вернуться въ понедѣльникъ.

Въ четвергъ съ вечера Берестинъ замѣтилъ, что она сдѣлалась грустна и задумчива. Въ послѣдніе дни этого совсѣмъ съ нею не было, пришелъ Четвериковъ, послали за Надеждой Михайловной, въ домѣ не прекращались веселый говоръ и смѣхъ. Но Марина Леонтьевна была молчалива и только старалась отвѣчать улыбкой на общую веселость. Но эта улыбка ей мало удавалась. Нельзя было не видѣть, что у нея что-то есть на душѣ.

Былъ тихій лунный вечеръ. Всѣ вышли въ садъ. Троесвѣтова своимъ звучнымъ голосомъ и раскатистымъ смѣхомъ будила спавшихъ птицъ, которыя испуганно срывались съ гнѣздъ и тревожно перелетали на другія мѣста.

Михаилъ Никитичъ нарочно отсталъ отъ другихъ, а съ нимъ, разумѣется, осталась и Марина Леонтьевна. Онъ хотѣлъ поговорить съ ней о ея настроеніи, которое его тревожило.

— Отчего ты сегодня такая... грустная?—спросилъ онъ.

Она сдѣлала веселое лицо и протестовала—о, что ты? что ты? ничего подобнаго... напротивъ, мнѣ весело!..

Онъ взялъ ее подъ руку и сказалъ тономъ вѣжнымъ и задушевнымъ: — слушай, Маринка! Это неправда, я же вижу... мы должны говорить другъ другу все...

Сердце ея сильно и радостно забилось. Онъ первый разъ назвалъ ее этимъ именемъ. До сихъ поръ онъ какъ-то избѣгалъ называть ее.

— Ну?—продолжалъ онъ:—сказывай, что у тебя на душѣ?

— Во всякомъ случаѣ ничего серьезнаго... и ты навѣрно будешь смѣяться!... отвѣтила она.

— Пусть... посмѣемся вмѣстѣ!..

— Видишь-ли, Михаилъ, я ѣду въ городъ... я четыре дня буду безъ тебя... это ужасно!...

Она сама засмѣялась и крѣпче прижалась къ нему.

— Такъ ты не ѣзди!—отвѣтилъ онъ, тоже смѣясь.

— Нѣтъ, я непремѣнно поѣду!... Ну, а ты... ты не можешь со мной поѣхать? хорошо-бы—вмѣстѣ!...

Онъ подумалъ. — Да вѣдь это придется представляться твоей теткѣ!—сказалъ онъ.

— Ну, что-жъ такое! я передъ ней похвастаюсь—какой у меня красивый мужъ! А то вѣдь она отъ злости все утверждала, что у меня дурной характеръ и что я изъ-за этого останусь на всегда старой дѣвой... поѣдемъ, Михаилъ, милый.

Перспектива представленія теткѣ не слишкомъ ему нравилась. Но она такъ мило говорила это и такъ тронула его ея грусть при мысли о четырехдневной разлукѣ, что онъ не могъ протестовать.

— Хорошо. Поѣдемъ! это будетъ очень весело, неправда-ли?—отвѣтилъ онъ.

Она чуть не бросилась ему на шею, не смотря на то, что гости были въ пяти шагахъ. Къ нимъ подошли всѣ, и Марина Леонтьевна уже была весела, разговорчива и смѣялась не меньше Троесвѣтовой.

Съ вечера было сдѣлано распоряженіе кучеру къ семи часамъ утра приготовить коляску, а кухаркѣ—провизію на дорогу. Фетисову было сообщено, что завтра ѣдутъ хлопотать о разрѣшеніи и что связи наплись. Онъ серьезно и дѣловито замѣтилъ:

— Это хорошо!

IX.

На другой день Марина Леонтьевна поднялась рано. Она ночь спала плохо, но эта безсонница была не та уже, что прежде. Ей мѣшали спать пріятныя ожиданія отъ предстоящей поѣздки. Не говоря уже о томъ, что Михаилъ согласился ѣхать съ нею,—она еще чувствовала, что этой поѣздкой способствуетъ общему дѣлу. Она не достаточно ясно представляла себѣ, какую пользу можетъ принести ферма, но, повѣривъ на слово Михаилу, Петру Иванычу и Фетисову, она была очень довольна, что вокругъ нея и отчасти благодаря ей, заводится хорошее дѣло. Сознаніе своей безполезности, ненужности, безси-

лія, неумѣлости, само собою отходило отъ нея и она начинала думать, что съ Михаиломъ ея жизнь можетъ быть кому-нибудь полезна.

Въ шесть часовъ она уже распоряжалась, чтобы были собраны и уложены всѣ необходимыя для путешествія вещи, потомъ будила мужа, затѣмъ торопила его поскорѣе пить чай, и, наконецъ, они выѣхали.

День стоялъ жаркій, но дулъ вѣтерокъ и въ открытомъ экипажѣ не было душно. Лошади бѣжали быстро, и они разсчитывали къ обѣду быть въ городѣ.

Въ открытой коляскѣ двоимъ было просторно и удобно. Въ продолженіи всей длинной дороги у нихъ не вышло ни одного дѣльнаго разговора. Урывками они обращались другъ къ другу съ замѣчаніями, дѣлясь дорожными впечатлѣніями. Впечатлѣнія эти были скудны и однообразны. Попадались хуторки, лежавшіе въ сторонѣ отъ дороги; проѣхали одно большое село. По обѣ стороны дороги тянулись пустынныя скошенныя нивы, изрѣдка притомъ оживленныя какимъ-нибудь небольшимъ вишневымъ садомъ, изъ за зелени котораго выглядывали двѣ три хуторскихъ хаты.

И каждый изъ нихъ поневолѣ углублялся въ себя и сосредоточивался на своихъ думахъ. Михаилъ Никитичъ чувствовалъ себя странно, непривычно. Проведя всю жизнь на скудныхъ хлѣбахъ, сначала крестьянскихъ, а потомъ школьныхъ, при самой скромной обстановкѣ, онъ никогда не пользовался тѣми удобствами, которыми теперь не можетъ не пользоваться. Теперь онъ какъ то внезапно перешелъ на другое положеніе. „Да, это очень удобно, что и говорить, размышлялъ онъ, но мнѣ не къ лицу. И если я еще теперь дѣлаю эти маленькія уступки Маринѣ, то просто потому что жаль смущать ее". Въ самомъ дѣлѣ, не могъ же онъ ѣхать въ телѣгѣ рядомъ съ ея экипажемъ или заставить ее измѣнить своей всегдашней привычкѣ!

Но нѣтъ, это не то; не въ этомъ дѣло и не это тревожило его. Безъ сомнѣнія, ему придется представиться этой госпожѣ. Изъ разсказа Марины уже видно, что это за птица. Онъ, разумѣется, не желаетъ играть комедій и не можетъ скрыть отъ нея, что онъ простой сельскій учитель. Что же она подумаетъ? Какъ объяснитъ себѣ этотъ бракъ? Да такъ же, какъ объяснилъ его о. дьяконъ. И значитъ онъ долженъ выносить на себѣ ея взгляды, смотрящіе на него, какъ на человѣка, женившагося на богатствѣ. Не станетъ же онъ объяснять ей свои мотивы, цѣли и планы. Вотъ эта роль безпокоила его очень.

— Какъ ты думаешь? Я не могу не быть у твоей тетки?—спросилъ онъ Марину Леонтьевну.

Она испуганно взглянула на него.—Не быть у ней? Развѣ тебѣ это тяжело?

— О, нѣтъ! поспѣшилъ онъ успокоить ее, видя, какъ на нее подѣйствовалъ вопросъ: — О, нѣтъ... Почему тяжело? Я только спросилъ... Между прочимъ...

Но она уже безпокоилась. Они ѣхали уже часа четыре и все это время она чувствовала себя счастливой. Такъ немного въ сущности она требовала отъ судьбы для своего счастья и это немногое случилось. Вотъ онъ, желанный, такъ часто являвшійся ей въ мечтахъ, сидитъ рядомъ съ нею, онъ — мужъ ея. Онъ— человѣкъ живой, полный силъ, богатый здоровыми, честными планами и она своимъ состояніемъ помогаетъ ему работать, открываетъ ему путь къ широкой плодотворной дѣятельности. О, она неизмѣримо счастлива. Она думала теперь только объ одномъ. Начнется постройка фермы, другія дѣла, которыхъ она еще не знаетъ. Михаилъ будетъ отдаваться имъ всей душей, въ ихъ жизнь постоянно будутъ насильно вмѣшиваться другіе, какъ Фетисовъ, Четвериковъ. Вѣдь всѣ они заинтересованы въ этихъ дѣлахъ. А ей между прочимъ хотѣлось быть съ нимъ вдвоемъ, потому что теперь ей больше ничего не нужно. Счастье эгоистично, она это сознавала. Въ душѣ она даже упрекала себя за нѣкоторую измѣну Петру Ивановичу и Троесвѣтовой. Прежде она не могла дня провести безъ нихъ. Теперь она о нихъ не думаетъ, а когда думаетъ, то развѣ въ томъ смыслѣ, что они могутъ тяготить ее. И у нея въ головѣ зрѣла мысль, которую она даже себѣ самой не рѣшалась ясно формулировать, до такой степени эта мысль казалась ей неосуществимой. Ей хотѣлось куда-нибудь уѣхать съ Михаиломъ, уѣхать мѣсяца на два, на три, куда-нибудь подальше, чтобы они были совсѣмъ одни, совсѣмъ вдвоемъ.

Но развѣ это возможно? Онъ такъ горячо преданъ своему дѣлу, что не выдержалъ и трехъ дней и сейчасъ же принялся за его осуществленіе и вотъ они уже ѣдутъ въ городъ хлопотать о разрѣшеніи. Скажетъ-ли она ему объ этомъ? Улучитъ ли удобную минуту? Будетъ ли такая минута?

Впрочемъ, въ этомъ случаѣ она была не совсѣмъ эгоистична. Она думала не только о себѣ, но и о Михаилѣ. Она знала, какую онъ жизнь прожилъ до сихъ поръ. Онъ не пользовался никакими благами міра, онъ совсѣмъ не видалъ свѣта. Ей страшно хотѣлось доставить ему это удовольствіе. Но она знала навѣрное, что онъ не согласится на это. О, ни за что!

И вотъ въ то самое время, какъ она обдумывала, какъ бы заговорить съ нимъ объ этомъ, онъ обратился къ ней съ своимъ вопросомъ. Почему онъ спросилъ объ этомъ? Можетъ быть ему, въ самомъ дѣлѣ, непріятно идти къ теткѣ? А она мечтала о томъ, чтобы явиться къ теткѣ съ мужемъ, да, непремѣнно съ мужемъ. Положимъ, это ребячество, это нельзя серьезно принимать въ счетъ,—ея желаніе опровергнуть мнѣніе тетки, что она останется старой дѣвой, потому что у нея дурной характеръ. Но пусть—ребячество, что дѣлать, если ей это доставило бы высокое удовлетвореніе...

Городъ былъ близокъ. Дневная жара стала ослабѣвать. Было около трехъ часовъ. Марина Леонтьевна стала припоминать то, что она прежде знала въ губернскомъ городѣ. Вѣдь нужно было остановиться въ гостиницѣ.

— Ахъ, да, да!—сказала она вслухъ и пояснила:—я все думала о томъ, гдѣ намъ остановиться... И вспомнила, что мы съ матерью всегда останавливались въ „Лондонской гостиницѣ“.

— Это что-то шикарное? а?—спросилъ Михаилъ Никитичъ, знавшій очень хорошо губернскій городъ, въ которомъ онъ жилъ.

— Развѣ здѣсь есть что-нибудь шикарное?—съ улыбкой сказала Марина Леонтьевна.—Такъ себѣ, приличная гостиница!

Михаилъ Никитичъ ничего не сказалъ на это. Онъ думалъ о томъ, что имъ во всю жизнь придется руководствоваться разными вкусами. Она привыкла брать самое дорогое, не справляясь о цѣнѣ, онъ-же всегда искалъ все подешевлѣ, не слишкомъ заботясь о качествѣ. Будь онъ одинъ, онъ остановился бы на какомъ-нибудь отдаленномъ постояломъ дворѣ или въ меблированныхъ комнатахъ, а теперь будетъ жить въ первомъ въ губерніи отелѣ. Все это мелочи, которыя ему приходилось пересчитывать въ умѣ одну за другой. Каждая изъ нихъ была ничтожна, смѣшно было придираться къ ней, но онъ смутно чувствовалъ, какъ изъ этихъ мелочей уже начинаетъ составляться нѣчто замѣтное.

Губернскій городъ напоминалъ имъ прошлое, для каждаго особое, нисколько не похожее одно на другое. Эти широкія улицы, вымощенныя щебнемъ только по средней линіи, аршина на три въ ширину, ему говорили о томъ времени, когда онъ, отличенный выборомъ учебнаго начальства изъ среды своихъ деревенскихъ сверстниковъ, прибылъ сюда, въ школу, которая казалась ему чѣмъ-то необыкновенно высокимъ. Эта школа была уѣздное училище. Жизнь въ бѣдности, на пятнадцать рублей въ мѣсяцъ земской стипендіи, представляла уже громадный шагъ впередъ въ сравненіи съ жизнью въ крестьянской избѣ. И уже тогда, въ двѣнадцать лѣтъ, въ голову его приходили какія-то нелѣпо-честолюбивыя мечты о какой-то совершенно непонятной, но тѣмъ не менѣе значительной роли въ будущемъ. О жизни онъ имѣлъ самое тусклое представленіе. Ему казалось, что, отмѣченный начальствомъ какъ лучшій и способнѣйшій ученикъ деревенской школы, онъ долженъ занимать какое то выдающееся мѣсто въ природѣ. И все это вмѣстѣ—городъ, такъ не похожій на деревню, школа, настоящая школа, съ мундирами учителей, съ учебниками, классами, баллами, экзаменами, карцеромъ, совсѣмъ не то, что скромная школа въ деревнѣ, гдѣ учились они вмѣстѣ, „впополамку“, и эта самостоятельная жизнь на вольной квартирѣ гдѣ-то въ пригородѣ, на задворкахъ,—туманило ему голову.

И долго еще этотъ туманъ стоялъ у него въ головѣ и окутывалъ его мозгъ. Вотъ онъ уже въ учительской семинаріи. Тутъ—общежитіе, тѣсное товарищество. Какія-то новыя понятія, новыя рѣчи, которыя сперва и долго кажутся ему непонятными. Есть такіе-же, какъ и онъ, вышедшіе изъ крестьянства. Между ними есть много читавшіе и предлагающіе книги и ему. И они ничего не говорятъ о великой роли, а напротивъ, твердятъ ему о маленькомъ служеніи своей деревнѣ, своему крестьянству. Помнитъ онъ, съ какимъ негодованіемъ онъ въ первое время слушалъ эти рѣчи, помнитъ и краснѣетъ, потому что это ясно—его соблазняло то, чѣмъ онъ никогда не обладалъ,—эта жизнь въ большихъ, роскошныхъ домахъ, въ довольствѣ, въ пѣгѣ, что онъ видѣлъ у другихъ, видѣлъ издали, конечно. Но постоянное общеніе съ товарищами, расширеніе знакомствъ незамѣтно брало свое и исподоволь подтачивало его идеалъ, въ сущности искусственно привитый его уму и чуждый его душѣ. Незамѣтно онъ взялся и за книги, а взявшись за нихъ, уже погрузился въ чтеніе. И самъ не знаетъ онъ, какъ и когда

произошелъ этотъ переходъ... Онъ пламенно полюбилъ то, что прежде приводило его въ негодованіе.

Тогда онъ поклялся себѣ и двумъ-тремъ товарищамъ и близкимъ людямъ, въ числѣ которыхъ были Четвериковъ и Фетисовъ, всю жизнь посвятить на скромную работу для пользы *своихъ*, т.-е. крестьянства.

Вотъ что напоминалъ ему городъ. Здѣсь на окраинѣ и поодоль стоитъ трехъэтажное каменное зданіе, окрашенное въ кирпичный цвѣтъ. Это—учительская семинарія. Не Богъ знаетъ въ какомъ довольствѣ онъ жилъ тамъ, но за то тамъ, въ этомъ зданіи, въ головѣ его зародились добрыя, свѣтлыя мысли, и душѣ его возвратились ея прирожденныя чувства, которыя раньше были затуманены слишкомъ большимъ контрастомъ между крестьянской жизнью и городской и полнымъ незнаніемъ жизни и людскихъ отношеній.

И всякій разъ, когда ему приходилось идти мимо этого зданія, его охватывало какое то чувство благодарности, почти благоговѣнія.

И теперь дорога шла мимо зданія учительской семинаріи.

— Здѣсь я учился,—сказалъ онъ Маринѣ Леонтьевнѣ, указывая на трехъ-этажный домъ, и по тону, какимъ онъ произнесъ это, по выраженію его глазъ, она поняла, что это одно изъ пріятныхъ его воспоминаній.

— Ты смотришь на этотъ домъ съ любовью!—промолвила она. - Это рѣдко случается...

— О, еще-бы, еще-бы! — восторженно воскликнулъ онъ: — Моя душа увидѣла здѣсь свѣтъ...

А ея воспоминанія были не такъ отрадны. Здѣсь она провела ранніе годы. Она помнитъ ихъ смутно, словно туманъ застилаетъ ей глаза, но сквозь этотъ туманъ мелькаютъ ей не свѣтлыя точки, на которыхъ отрадно было-бы остановиться взору, а какія-то темныя пятна. Ни одного факта, ни одного событія. Но что-то мрачное, что-то безотрадное, какъ скверный сонъ, подробности котораго забыты, а осталось только одно впечатлѣніе, встаетъ въ ея душѣ и при этомъ является, какъ живой, образъ ея матери, бѣдной, обиженной, страдающей. Это была вѣчная ссора, вѣчно напряженное состояніе, вѣчное ожиданіе чего-то непріятнаго. Она тогда не понимала подробностей, но послѣ узнала ихъ и оцѣнила. Тогда уже началась „игра“ со стороны тетки. Она уже овладѣла душей ея отца и его вѣчно тянуло въ городъ, тогда какъ мать всѣми силами души протестовала противъ этого. Но слабая, безвольная, она ѣхала за нимъ и жила въ городѣ мѣсяцы среди униженій, подчасъ публичныхъ, любящая, ревнивая, оскорбленная.

Потомъ на нее „нашла сила воли“, она рѣшилась съ страшной болью въ сердцѣ отказаться отъ него и увезла ее въ Москву и тамъ заперлась отъ людей, отъ всего міра, который, казалось ей, способенъ дѣлать только зло, какъ дѣлалъ только зло ей *онъ*.

Эти мрачныя воспоминанія становились для Марины Леонтьевны еще тяжелѣй отъ сознанія, что здѣсь, въ этомъ городѣ и теперь живетъ та самая женщина, которая была причиной всего зла. И къ этой теткѣ она пойдетъ съ просьбой.

Она не хотѣла думать объ этомъ. Вѣдь это рѣшено и будетъ сдѣлано. Вѣдь это для Михаила, для сего дня, — этого довольно, чтобы она рѣшилась не на такую еще муку.

И каждый съ своими мыслями и чувствами, которыя шли по такимъ разнымъ дорогамъ, они ѣхали по городскимъ улицамъ. Вотъ главная улица, отличающаяся отъ другихъ магазинами и тѣмъ, что она вымощена вся. Вотъ и большое зданіе, самое большое въ городѣ, въ четыре этажа, извѣстное всякому обывателю. Это „Лондонская гостиница“, стоящая по цѣлымъ мѣсяцамъ пустой, и биткомъ набитая во время съѣздовъ земскихъ и дворянскихъ. Для помѣщиковъ губерніи считается вопросомъ чести остановиться въ „Лондонской гостиницѣ“, а потому въ періодъ такихъ съѣздовъ номера берутся здѣсь за мѣсяцъ впередъ, по телеграфу и платятся цѣны, болѣе чѣмъ „столичныя“.

Время было глухое, никакихъ „съѣздовъ“ не предвидѣлось. Поэтому, завидѣвъ порядочную коляску, отельные стражники растворили ворота настежъ и любезно привѣтствовали пріѣхавшихъ. Номеръ былъ отведенъ безъ всякаго осѣдомленія у господъ. Это былъ номеръ — по коляскѣ,—въ бель-этажѣ, въ три комнаты, отдѣланный изящно, удобно, чисто.

— Батюшки! Какая роскошь!—воскликнулъ Михаилъ Никитичъ, осматриваясь въ отведенномъ помѣщеніи. Марина Леонтьевна улыбнулась.

— Это ничего. Ты у меня въ гостяхъ!... сказала она.

— Да, это такъ... Но зачѣмъ *тебѣ* такая роскошь? Посмотри, сколько здѣсь лишняго? Вѣдь за все это ты заплатишь въ три дорога.

Ее непріятно покоробило это выраже-

ніе: „ты заплатишь“, но она ни однимъ намекомъ не дала ему понять этого.

— А видишь-ли, милый... Насъ можетъ посѣтить тетка... Такъ это для нея!... неожиданно для себя самой сочинила она. Это вовсе не входило въ ея соображенія. Она сейчасъ же прибавила:—однимъ словомъ—ты у меня въ гостяхъ... И не разсуждай пожалуйста! Въ гостяхъ не принято критиковать!... Сейчасъ я стану угощать тебя!

Она потребовала, чтобы имъ дали обѣдъ и очень мило разыгрывала роль хозяйки, которая угощаетъ. Онъ замѣтилъ, что въ ея шуткѣ есть комизмъ и смѣялся.

Вечеромъ они ходили въ городской садъ, гдѣ была музыка и пѣвицы. Но тамъ было пыльно, душно и глупо. Они скоро ушли оттуда и утомленные дорожной жарой рано легли спать.

На слѣдующій день съ утра началось дѣловое настроеніе. Марина Леонтьевна готовилась ѣхать къ теткѣ. Рѣшено было, что сперва она поѣдетъ одна. Собственно говоря, она не знала достовѣрно, здѣсь-ли тетка и жива-ли она. Предполагалось, что еслибы она умерла, то объ этомъ такъ или иначе дошла-бы вѣсть въ Потравяно, а если жива, то ей больше негдѣ быть, какъ здѣсь.

— Скажи пожалуйста,—спросилъ Михаилъ Никитичъ,—вѣдь это я долженъ буду наряжаться къ ней? Въ черный сюртукъ? а?

— Право не знаю... отвѣтила она: — я не думаю, чтобы это было обязательно.

— Нѣтъ, кажется, обязательно... Вѣдь она дама высшаго полета!...

Она не подумала, конечно, какъ въ этой фразѣ сказался весь Берестинъ, со всѣмъ его крестьянскимъ происхожденіемъ и простецкимъ воспитаніемъ. Она только улыбнулась.

— Ну, ужь и высокаго!.. Не очень-то!— мягко сказала она.— А на счетъ сюртука не знаю... Да вѣдь ты взялъ съ собой..?

— Какъ-же, взялъ... Вотъ его надо вытащить, чтобы онъ выровнялся. Я думаю, за дорогу весь измялся.

Онъ открылъ чемоданъ и вытащилъ оттуда черную пару.

— Вотъ!—сказалъ онъ, раскладывая ее на диванъ. Она осмотрѣла ее и покачала головой.

— Что ты такъ неодобрительно смотришь?—спросилъ онъ.—Развѣ плоха?

— Плоха, Михаилъ, право, плоха! — сказала она и посмотрѣла на него перѣшительно. Она не знала, посмотритъ-ли онъ на это просто или обидится. Онъ развелъ руками.

— Чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ. Лучшей не имѣю!—отвѣтилъ онъ.

Одежда была дѣйствительно плоха. Сюртукъ служилъ Берестину уже года три и служилъ добросовѣстно. Зимой онъ надѣвалъ его по воскресеньямъ въ церковь и во всѣхъ торжественныхъ случаяхъ. Спина слегка порыжѣла, а полы вытерлись; попадались и пятна. Другія части костюма вполнѣ соотвѣтствовали сюртуку, такъ какъ онѣ несли одну съ нимъ службу.

— Такъ нужно купить новую!—сказала Марина Леонтьевна.

Онъ поднялъ на нее удивленные глаза.—Новую, зачѣмъ, чтобы надѣть одинъ разъ къ твоей теткѣ? Это совершенно лишнее, мой другъ...

— Нѣтъ, не лишнее, Михаилъ! Право, не лишнее! Можетъ быть, и еще куда-нибудь придется одѣть, когда будешь хлопотать о разрѣшеніи... А главное, къ теткѣ надо явиться comme il faut! Это важно для впечатлѣнія...

— Да вѣдь это стоитъ дорого... А у меня и денегъ-то не много, да и не хотѣлъ-бы тратиться...

Она вдругъ подошла къ нему близко и онъ, къ своему крайнему удивленію, увидѣлъ, что глаза ея наполнились слезами. Она положила обѣ руки ему на плечи.

— Милый, когда ты перестанешь говорить такъ?—произнесла она дрожащимъ голосомъ. — Развѣ ты не видишь, какъ это... обижаетъ меня?

— Обижаетъ? Что-же тебя тутъ обижаетъ, Маринка?

— Какъ что? Ты не вѣришь моему чувству, не вѣришь его полнотѣ, безконечности... Я хочу быть твоей со всѣмъ, что у меня есть. Нѣтъ ничего и не должно быть моего... Все—наше,—твое и мое!.. Зачѣмъ-же ты такъ говоришь? Зачѣмъ ты отдѣляешь мое отъ твоего и говоришь, что у тебя денегъ мало, когда *у насъ* ихъ достаточно, ты знаешь. . Милый, не дѣлай этого, умоляю тебя...

— Ну, полно, Маринка, полно... Все это, конечно, глупости, неважности... Мы когда нибудь поговоримъ объ этомъ, потолкуемъ... Ты невѣрно поняла меня... Ну, ладно, пусть будетъ такъ, по твоему...

Онъ рѣшительно не могъ устоять противъ этого трогательнаго протеста, когда глаза ея наполнились слезами и голосъ дрожалъ. Онъ чувствовалъ, съ какою

безкопечною предапностью, съ какимъ довѣріемъ она стремилась къ нему, какъ искала близости, единенія во всемъ, во всемъ. Это его покоряло.

— Такъ будетъ по моему, Михаилъ?— спросила она, оживившись.

— По твоему, по твоему!—повторилъ онъ.

Она поцѣловала его въ лобъ.

— Вотъ тутъ паши деньги, которыя я взяла на расходы, сказала она, указывая на бумажникъ, лежавшій въ раскрытомъ сакѣ.—Я, право, совсѣмъ не умѣю обращаться съ ними. Пожалуйста возьмись за это ты!...

— О, я вѣдь буду скупъ! Ты знаешь!— отвѣтилъ опъ съ улыбкой.

— Ничего, ничего! Когда я тебя попрошу хорошенько, ты станешь добрѣе, правда? Ну, я ѣду! Вонъ и коляску уже подали! А затѣмъ, если найду тетку въ здравомъ умѣ и твердой памяти, заѣду за тобой...

Она одѣла шляпку, взяла зонтикъ и перчатки и направилась къ двери, но на порогѣ остановилась.—Поцѣлуй меня, на прощанье!—промолвила она.

Онъ поцѣловалъ ее.

— Ахъ!.. А правду сказать, мнѣ тяжело къ ней ѣхать... Но нѣтъ, нѣтъ, не думай! Я все-таки ѣду съ удовольствіемъ... Для *нашего* дѣла, Михаилъ? Да? Можно мнѣ такъ говорить? — прибавила она, улыбаясь.

— О, еще-бы! Я думаю, *для нашего!*— сказалъ онъ и, поцѣловавъ еще разъ, отпустилъ ее.

Онъ смотрѣлъ въ окно, когда коляска отъѣзжала, а Марина Леонтьевна улыбалась ему и кивала головой.

Затѣмъ опъ взглянулъ на свою сюртучную пару, разостланную на диванѣ. „А вѣдь правда, она никуда не годится"! подумалъ онъ и, захвативъ деньги, вышелъ въ городъ.

X.

Михаилъ Никитичъ прошелъ главной улицей и повернулъ въ маленькій садикъ, въ которомъ акаціи росли густо и давали много тѣни, но не было ни дорожекъ ни скамсекъ, благодаря чему садикъ не посѣщался публикой. Городская, а въ особенности провинціальная публика любитъ порядокъ и не слишкомъ цѣнитъ природу.

Онъ нашелъ большой камень, лежавшій подъ деревомъ и сѣлъ на немъ. Ему захотѣлось узнать сколько денегъ взяла съ собой Марина „на наши расходы". Опъ вынулъ бумажникъ и пасчиталъ восемь сотепъ. Марина взяла это на два дня! Эта сумма почти составляетъ его жалованье за два года. Какая однако страшная разница! Если онъ приметъ буквально то, чего хочетъ Марина, чего она проситъ со слезами на глазахъ, то онъ можетъ въ два дня или въ одинъ часъ,— какъ ему угодно, — истратить столько, сколько долженъ былъ зарабатывать тяжелымъ учительскимъ трудомъ въ теченіе двухъ лѣтъ.

Марина не знаетъ, что такое деньги, это понятно. Она ихъ никогда не пріобрѣтала трудомъ. Они всегда являлись къ ней готовыми и въ большихъ суммахъ. Но онъ знаетъ хорошо, что значитъ заработать такую сумму, какая лежитъ теперь у него въ бумажникѣ.

„Будь на моемъ мѣстѣ человѣкъ слабый, безъ опредѣленныхъ задачъ въ жизни, думалъ опъ, какой соблазнъ представился-бы ему! Марина любитъ меня беззавѣтно, я даже не думалъ, что такъ можно любить; она готова безкоптрольно отдать все свое состояніе въ мои руки. Но вѣдь это только счастливый случай, что ей попался человѣкъ, не избаловавшый жизнью, не усвоившій себѣ дорогихъ привычекъ и вкусовъ".

Онъ порылся въ карманѣ и досталъ еще свои деньги. Ихъ было двадцать три рубля. „Порядочная разница между заработанными и наслѣдственными"!—подумалъ онъ съ улыбкой, и пошелъ покупать сюртукъ.

Онъ зашелъ въ лучшій магазинъ, потому что сюртукъ предназначался для важныхъ цѣлей. Съ него запросили много, но онъ, по привычкѣ, торговался до изнеможенія. Когда онъ пришелъ домой и вслѣдъ за нимъ принесли изъ магазина покупку, онъ саркастически подумалъ: „вотъ первая покупка на женинъ счетъ! Однако, мнѣ предстоитъ жестокая борьба съ Мариной, борьба хитростью, мягкостью, потому что я не хочу обижать ее прямыми отказами. Чтобы стоять въ уровнѣ съ нею, мнѣ нужно тратить на себя въ десять разъ больше, чѣмъ я зарабатываю". Онъ мысленно перебралъ въ памяти весь свой инвентарь и нашелъ, что у него все плохо. Съ этимъ плохимъ онъ, будь одинокъ, проходилъ-бы очень еще долго, но теперь каждая вещь не избѣжитъ ревизіи со стороны Марины и будетъ вызывать протестъ за протестомъ.

„Ну, а въ сущности говоря, все это мелочи, о которыхъ не стоитъ думать и изъ-за чего не стоитъ разводить исторій. Будемъ смотрѣть на главное, на дѣло и

положимъ на него наши души вмѣстѣ съ Мариной", — закончилъ онъ.

Марина Леонтьевна застала его въ черномъ костюмѣ, который онъ только что надѣлъ для примѣрки. Войдя, она остановилась и разсмѣялась.

— Какъ ты хорошо выбралъ! Какъ разъ по твоей фигурѣ!.. Немножко мѣшковатъ, но это тебѣ идетъ... Если-бы было какъ разъ въ пору, то было-бы хуже!..—говорила она, осматривая его.

— Ну, а твои похожденія удались?— спросилъ онъ.

— О, вполнѣ. Тетка оказалась существующей. Она живетъ открыто и у нея бываетъ весь губернскій городъ. Но слава Богу, что у нея собираются по вторникамъ, а мы не доживемъ здѣсь до вторника. Меня нисколько не интересуетъ „весь губернскій городъ", я думаю,—и тебя тоже... Но прежде всего будемъ завтракать!

Имъ подали завтракъ. Марина Леонтьевна разсказывала о своемъ визитѣ. Тетка очень постарѣла. Глядя на нее, и не подумаешь, что въ свое время она была грѣшницей. Въ комнатахъ у нея много божественнаго. Картины на библейскіе сюжеты, много иконъ, теплится лампада. Она, разумѣется, не узнала Марину Леонтьевну, а узнавши, отнеслась такъ, какъ будто забыла все прошлое. Да и навѣрно половину она-таки забыла. Ахъ, какъ время мѣняетъ людей. Вѣдь она была красавицей, а теперь... „ты увидишь, что это такое". Это оттого, что красота ея была чувственная и жизнь чувственная. Есть красивыя лица, но въ ихъ красотѣ главное—какая-то духовная, идеальная прелесть. Тѣ и въ старости остаются прекрасными.

Но сообщеніе о замужествѣ произвело эффектъ. Впрочемъ тетка искренно обрадовалась, безъ злости, какъ добрая родственница.

— Покажи, покажи мнѣ своего мужа!— приставала она къ Маринѣ Леонтьевнѣ: — что онъ—молодой, красивый, а?

— О, да, молодой и красивый!— отвѣтила Марина Леонтьевна съ увѣренностью.

„Вѣдь это правда,—прибавила она, разсказывая объ этомъ,—вѣдь ты красивъ, Михаилъ!"

— Ну, какой-же я красивый!—возразилъ онъ.—Я медвѣжеватъ и неловокъ!..

— Вотъ это-то мнѣ и нравится! Я терпѣть не могу, когда мужчина, солидный мужчина—ловокъ, какъ балетный танцоръ. Это противно. Тетка звала обѣдать, но я отказалась. Я сказала, что мы обѣдаемъ рано, въ три часа, по деревенски, а у нея въ пять. Я, конечно, соврала, но хорошо сдѣлала, не правда-ли? Ахъ, да! — спохватилась она. — Что же это я тебѣ ничего не скажу о дѣлѣ? У тетки бываетъ, и сегодня будетъ—она позвала его къ четыремъ часамъ для насъ—членъ управы какой-то... я сказала ей про ферму, но она ничего не поняла, а я не съумѣла растолковать, да и не стоитъ. Что она поймета? А съ этимъ членомъ управы ты поговоришь самъ... Ну, видишь, все устраивается превосходно...

Она была весела и оживлена. Очевидно, ее это очень радовало, что все идетъ хорошо и что она способствуетъ этому. Ей также пріятно было сознавать, что Михаилъ согласился признавать ея имущество своимъ, „нашимъ", и черный сюртукъ, въ который онъ былъ одѣтъ теперь, былъ какъ бы первымъ доказательствомъ этого.

— Ну, ѣдемъ къ теткѣ! Ты перемѣни галстухъ, Михаилъ! У тебя есть другой тамъ, въ чемоданѣ... Этотъ не такъ свѣжъ. Но ты не умѣешь завязывать... Дай-ка, я тебѣ завяжу!..

И она съ большимъ стараніемъ и искусствомъ завязала ему галстухъ.

Коляска не въѣзжала во дворъ, а ждала ихъ у подъѣзда. Они поѣхали къ теткѣ. Было половина четвертаго. Они разсчитывали непремѣнно повидаться съ членомъ управы.

Тетка жила въ собственномъ домѣ и занимала весь единственный этажъ. Мебель у нея была старомодная, тяжелая, но обитая новымъ шелкомъ—малиновымъ съ большими цвѣтами. Въ небольшомъ залѣ висѣла люстра, задрапированная кисеей. На стѣнахъ было много рамъ, изъ которыхъ выглядывали дешевыя гравюры и аляповатыя картины. Одна комната была вся обвѣшена и уставлена иконами въ серебряныхъ кіотахъ; здѣсь теплилась лампада; здѣсь на широкомъ угольникѣ лежали три засохшія просфоры. Здѣсь, очевидно, тетка замаливала старые грѣхи, когда вспоминала о нихъ. Тетка заранѣе приняла мѣры, чтобы визитъ вышелъ торжественнымъ. Она отлично знала, что пріѣдутъ около четырехъ часовъ, но горничной пришлось докладывать, а гостямъ прождать въ гостиной минуты три, разсматривая совершенно неизбѣжный альбомъ съ выцвѣтшими фотографіями предковъ.

Тетка появилась. Она была вся въ черномъ, шелковая юбка шелестѣла, на головѣ черный кружевной чепецъ. Шла она мелкими шажками. Но смотря на то, что

Фототипія Шереръ Набгольцъ и К° въ Москвѣ.

годы согнули ее, она все еще казалась высокаго роста. Черты лица ея были крупны, сильно выдавались большой носъ, прежде красивый, а теперь покрытый какими-то черными точками, и выпуклые круглые, выцвѣтшіе глаза.

„Непріятное, жесткое выраженіе", подумалъ Михаилъ Никитичъ, вставая при ея появленіи. Она прищурила глаза и всматривалась въ него. Онъ ей понравился и она заговорила съ улыбкой, которая открывала одинъ только зубъ, оставшійся въ нижней челюсти отъ нѣкогда красивыхъ бѣлыхъ крупныхъ зубовъ, игравшихъ не малую роль въ числѣ ея побѣдныхъ рессурсовъ.

Она затѣяла въ высокой степени дѣловой разговоръ. — Думаете хозяйствомъ заниматься? Слышала, слышала! Ферму заводите? Да, да, мнѣ говорила племянница... А прежде чѣмъ занимались?

— Я учителемъ былъ и теперь еще состою! — отвѣтилъ Берестинъ.

— Учителемъ... Да, да! сельскимъ!.. Слышала, слышала!..

Она дѣйствительно знала это. Марина Леонтьевна сказала ей. Но ей хотѣлось услышать это отъ него. Ей хотѣлось видѣть, съ какимъ лицомъ онъ это скажетъ. По ея предположенію, онъ долженъ былъ сконфузиться, но онъ отвѣтилъ просто и прямо смотря ей въ глаза. Дальше разговоръ шелъ о сельскомъ хозяйствѣ. Она не вѣрила въ плодотворность этого занятія. Она всегда тяготѣла къ городу и ей, понятно, хозяйство приносило убытокъ. Поэтому она давно уже продала свою землю и держала свой капиталъ въ бумагахъ. Она и гостя предупреждала, какъ-бы онъ не разочаровался.

Берестинъ старался только объ одномъ,— чтобы поддержать разговоръ, но не возражалъ ей и менѣе всего былъ склоненъ знакомить ее съ сущностью своего плана. Онъ видѣлъ, что этой головѣ, набитой грѣховными воспоминаніями о старыхъ романахъ, ни за что не повять въ чемъ дѣло. Онъ съ петерпѣніемъ ждалъ обѣщаннаго члена управы.

Этотъ господинъ сразу показалъ свою аккуратность и дѣловитость тѣмъ, что позвонилъ ровно въ четыре часа, когда его звали. Онъ вошелъ,—маленькій, толстенькій, подвижной, съ замѣтной лысиной, съ бритымъ лицомъ, въ желтой чечунчѣ, остановился на порогѣ и выразилъ крайнее удивленіе, смѣшанное съ радостью.

— Батюшки! Вы-ли это? — воскликнулъ онъ, словно увидѣлъ стараго друга, съ которымъ провелъ лучшіе дни своей жизни.

Берестинъ поднялся и пошелъ ему навстрѣчу. Онъ сейчасъ-же узналъ Артема Ильича Прунченко, давняго земскаго дѣятеля, члена управы, завѣдующаго школами. Онъ совсѣмъ забылъ, что у него есть такое знакомство. Онъ привыкъ видѣть, что земскіе дѣятели часто смѣняютъ другъ друга и никакъ не ожидалъ, что Прунченко до сихъ поръ на своемъ мѣстѣ.

— Какъ? вы знакомы? — спросила тетка, не ожидавшая этого.

— Да какъ-же, Боже мой! — радушно говорилъ Прунченко, пожимая руку Берестина. — Это-же мой питомецъ, вѣдь я его, такъ сказать, отъ купели воспринялъ!..

Онъ добродушно улыбался и очевидно былъ искренне радъ встрѣчѣ. Онъ уже кое-что понялъ. Тетка писала ему два часа тому назадъ, что будетъ ея племянница, урожденная Потравина, съ мужемъ и что у нихъ есть къ нему просьба. Онъ зналъ, что Потравина богата и сейчасъ-же, войдя въ гостиную, догадался, что ея мужъ это никто иной, какъ Берестинъ.

Берестина онъ зналъ давно. Еще когда Михаилъ Никитичъ былъ мальчикомъ въ сельской школѣ, Прунченко завѣдывалъ школами. Онъ лично присутствовалъ на экзаменѣ въ школѣ, когда Берестинъ былъ признанъ выдающимся ученикомъ и его образованію было рѣшено дать дальнѣйшій ходъ. Собственно говоря, онъ самъ своею властью это и рѣшилъ. Вотъ почему онъ сказалъ, что „воспринялъ Берестина отъ купели". Затѣмъ онъ не упускалъ изъ виду своихъ питомцевъ, слѣдилъ за ними, искренно огорчался, когда какой-нибудь изъ нихъ не оправдывалъ надеждъ и, сбитый съ толку и пути поверхностно схваченными начатками науки, а также попробовавъ городскаго житья, начиналъ безобразничать и поневолѣ шелъ куда нибудь въ военные писаря и становился записнымъ пьяницей. Такихъ было не мало. Вызванные изъ мужицкой избы и предоставленные самимъ себѣ земскіе питомцы подвергались всѣмъ опасностямъ путешествія по новой совсѣмъ не знакомой дорогѣ, исполненной случайностей, и часто сбивались съ пути. Такіе, какъ Берестинъ и Фетисовъ, были скорѣе счастливымъ исключеніемъ, чѣмъ правиломъ. За то Прунченко цѣнилъ ихъ и дорожилъ ими.

Въ земствѣ онъ считался народникомъ и горячо стоялъ за то, чтобы лучшимъ изъ сельскихъ школьниковъ давать дальнѣйшій образовательный ходъ на земскій счетъ. Когда противники указывали ему на печальные примѣры, онъ съ своей стороны

указывалъ на такихъ, какъ Берестинъ, вышедшихъ въ люди и честно служившихъ своему скромному призванію. Но печальные примѣры взяли перевѣсъ, это онъ и самъ видѣлъ и съ грустью согласился съ мнѣніемъ своихъ противниковъ. Теперь земство уже не дѣлало опытовъ.

„А молодчина этотъ Берестинъ, подумалъ Прунченко:—какую партію сдѣлалъ! Изъ крестьянъ въ помѣщики попалъ“!

Подумалъ онъ это беззлобно. Въ качествѣ своеобразнаго, доморощеннаго народника, онъ радовался такой блестящей карьерѣ „человѣка изъ народа“.

— Ну, что батюшка, въ чемъ дѣло? Чѣмъ могу служить?—спрашивалъ онъ Михаила Никитича послѣ всѣхъ привѣтствій и представленій. — Говорите, батюшка, потому что тороплюсь, всегда тороплюсь!..

Онъ дѣйствительно вѣчно торопился, исполняя земскія дѣла за себя и за другихъ. Про него говорили въ земствѣ, что онъ „золотой человѣкъ“ и мѣсто члена управы было ему навсегда обезпечено.

— Я боюсь, что мы надоѣдимъ дамамъ! — сказалъ Берестинъ. — Вѣдь это скучная матерія.

Прунченко сообразилъ, что ему хочется поговорить наединѣ.

— Ну, конечно, что дамы смыслятъ въ дѣлахъ!? шутливо замѣтилъ онъ. — Но я думаю, намъ позволятъ пройти сюда вотъ!

Онъ указалъ на дверь, которая вела въ небольшую комнату безъ всякаго, повидимому, назначенія. Тетка любезно кивнула головой въ знакъ того, что она разрѣшаетъ, и они ушли. Прунченко даже притворилъ за собою дверь.

— Радъ, что вижу васъ! Радъ, что вы устроились хорошо... Я всегда говорилъ, что вы достойны прекрасной судьбы!.. началъ Прунченко, дружески похлопывая Берестина по колѣну.—Давно это? Давно женились?

— Даже недѣли нѣтъ!—отвѣтилъ Берестинъ.—А вы все хлопочете. Я думалъ, что вы ужь на покоѣ. Зналъ-бы, прямо къ вамъ. обратился...

— О, какой тамъ покой? Дѣла по горло... Да я и не хочу на покой! Я подохну безъ земскаго дѣла! Люблю его. Да, да, ко мнѣ-бы и обратились, отлично.... Но въ чемъ-же дѣло?

— Вотъ въ чемъ дѣло, Артемъ Ильичъ! Жена моя, какъ вамъ не безъизвѣстно, обладаетъ большими средствами... Прунченко кивнулъ головой въ знакъ того, что ему это хорошо извѣстно.

— И вотъ—продолжалъ Берестинъ: — она желаетъ употребить свои средства на полезное дѣло...

— Прекрасное намѣреніе... Какое-же именно дѣло избираетъ ваша супруга?

— А видите-ли... Я давно мечталъ объ этомъ. Мнѣ нечего вамъ доказывать полезность этого дѣла. Земство давно стремится устроить такую вещь, и вы первый хлопотали объ этомъ, да денегъ у васъ нѣтъ... Я говорю объ образцовой фермѣ...

Прунченко даже вскочилъ. — Чудная идея! Да, да, да! Я давно изъ кожи лѣзу, чтобы провести этотъ вопросъ! — восторженно воскликнулъ онъ. — Да, да! Я говорю: мужикъ—онъ смѣтливъ, понятливъ. Покажите ему только лучшія средства, сдвиньте его, и онъ васъ самихъ перегонитъ!.. Я это всегда говорилъ. А мнѣ указываютъ на какіе-то неудачные опыты гдѣ-то, въ какомъ-то земствѣ... Да что мнѣ эти опыты? Вы скажите, кто взялся за дѣло? Какіе люди? Смыслятъ-ли они? Любятъ-ли это дѣло?... Вотъ что я говорю!

— У насъ поведетъ дѣло человѣкъ, всей душой преданный ему и вы его знаете...

— Кто такой?

— Фетисовъ!

— Фетисовъ?

Прунченко сдѣлалъ кислую мину.

— Вы развѣ находите его неподходящимъ?—спросилъ Берестинъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, не то! Я знаю Фетисова, онъ честный, безусловно честный человѣкъ, и знаетъ дѣло, и любитъ дѣло... Онъ остановился, какъ будто ему трудно было досказать самое главное.

— Но что-же—промолвилъ Берестинъ.

— Ахъ, что? Что? Вы вотъ всѣ молоды, пылки, и не хотите быть благоразумными. Я знаю, вы, пожалуй, станете обвинять меня въ отсталости... Ну, что-жь, обвиняйте, снесу!... Фетисовъ—честный человѣкъ, да! Фетисовъ знаетъ дѣло, любитъ дѣло, это такъ! Но, знаете, онъ не уменъ... Онъ узокъ, у него лобъ крѣпокъ, слишкомъ крѣпокъ... И онъ для наглядности постучалъ пальцемъ о свой собственный лобъ.

— Но этого и не нужно... большаго-то ума!—возразилъ Берестинъ, который относительно крѣпости лба у Фетисова былъ совершенно согласенъ съ Прунченко.

— Нѣтъ, нужно. Очень даже нужно!.. съ глубокимъ убѣжденіемъ сказалъ членъ управы. — Я говорю: онъ узокъ, и дѣло сведетъ на узкую тропинку. Да! Кромѣ того онъ замѣченъ, да, замѣченъ! Ему тысячу разъ предлагали мѣсто въ экономіяхъ, и земство предлагало, а онъ систематически отказывался. Почему? Всякій видитъ, поче-

му. Тенденціозно. Ну, можешь держаться своихъ убѣжденій, но зачѣмъ такъ демонстративно всюду показывать это. Вѣдь это сейчасъ замѣчаютъ и отмѣчаютъ... Вѣдь вотъ мы съ вами... У насъ тоже есть убѣжденія и, можетъ быть, не хуже Фетисовскихъ. Но еслибы мы вздумали полностью проводить ихъ въ жизнь, рѣзать, что называется, направо и налѣво, вкривь и вкось, то давно сломали бы свои ножи... Нѣтъ, а мы по одежки протягиваемъ ножки, а между прочимъ — нѣтъ-нѣтъ-да и сдѣлаемъ что-нибудь доброе!... Такъ-то! Фетисовъ не годится. Да мы его и не возьмемъ, мы не можемъ взять его, не имѣемъ права. Намъ запретятъ и даже уже запретили...

— Почему вы говорите „мы“, т.-е. земство?—спросилъ Берестинъ. – Вѣдь ферма эта будетъ частная, а не земская...

Прунченко отскочилъ отъ него, какъ будто испугался. — Какъ частная? — воскликнулъ онъ.

— Да такъ, частная... Вѣдь это жена моя устраиваетъ!... отвѣтилъ Берестинъ, не понимая, какимъ образомъ произошло такое недоразумѣніе.

— Она сама хочетъ устроивать? Она сама?

— Ну, да! Она и я...

— Да, да, да! Я понимаю, понимаю!— промолвилъ Прунченко и вдругъ какъ-то видимо охладѣлъ и сѣлъ. —Дѣйствительно, заговорилъ онъ уже безъ прежняго энтузіазма.—Я не совсѣмъ понялъ васъ. Я понялъ такъ, что ваша супруга хочетъ пожертвовать въ земство извѣстную сумму на устройство образцовой фермы. А вы хотите сами... Да! Ну, чтожъ помогай Богъ! Только едва-ли что-нибудь выйдетъ!

— Почему-же?

— Почему? Потому что... Потому!—съ оттѣнкомъ досады пояснилъ Прунченко.— Потому что, – продолжалъ онъ съ горечью,—у насъ всюду идетъ какое-то взаимное недовѣріе. А вы хотите сами, ну и дѣлайте сами!.. Но вотъ что: не разрѣшатъ вамъ! Ни въ какомъ случаѣ не разрѣшатъ! Не довѣрятъ.

— Но вы, т.-е. земство разрѣшитъ?

— Мы—хоть сейчасъ! Сдѣлайте милость. А высшая инстанція не разрѣшитъ... А впрочемъ... Знаете, я васъ очень люблю, Берестинъ... Извольте, я буду хлопотать. Мы дадимъ губернатору объ васъ самые лучшіе отзывы... Извольте... Но Фетисова спрячьте подальше, понимаете? Подальше! Чтобы и носъ его не показывался.— Онъ взглянулъ на часы и поднялся.—Тороплюсь, батюшка, дѣла по горло... Прощайте! Завтра до двѣнадцати приходите въ земскую управу и мы сдѣлаемъ формальности... До свиданія!...

Берестинъ тоже всталъ.

— А какъ вы думаете, спросилъ онъ,— если, допустимъ, будетъ удача,—сколько времени пройдетъ, пока получимъ разрѣшеніе?

— Мѣсяца три minimum! —отвѣтилъ Прунченко.

— Такъ долго? Да зачѣмъ-же такъ долго?

— О, дѣло пойдетъ путешествовать по инстанціямъ. Дѣло вѣдь не шуточное, а серьезное! Да, такъ до свиданія! Дозавтра!..

Прунченко пролетѣлъ чрезъ гостиную, на ходу простился съ дамами и испарился.

Марина Леонтьевна сейчасъ-же по лицу Берестина поняла, что переговоры не были слишкомъ удачны. Она начала торопиться домой. Тетка выразила сожалѣніе, что они не остаются обѣдать. Они увѣрили ее, что только-что отобѣдали.

— Ну, что онъ сказалъ тебѣ?—спросила Марина Леонтьевна, когда они ѣхали обратно.

— Мало утѣшительнаго!

Онъ разсказалъ ей суть своего разговора съ Прунченко. Къ его удивленію, она не только не огорчилась, а даже какъ будто повеселѣла.

— Ну, что-жъ, дѣло подождетъ. Три мѣсяца не Богъ знаетъ какой срокъ?— Замѣтила она.

— Да, а Фетисовъ? Его теперь ничѣмъ не удержишь, а въ другой разъ не заманишь!

Она объ этомъ не думала. У ней были свои мысли, свои планы. „Можетъ быть, мнѣ удастся уговорить его на эти три мѣсяца поѣхать куда нибудь!... думалось ей. — Напримѣръ, въ Крымъ. Въ Крыму такая чудная осень! Можетъ быть, это и къ лучшему, что ферму начнемъ строить только черезъ три мѣсяца“!

XI.

Марина Леонтьевна была чрезвычайно довольна своей поѣздкой въ городъ. Вотъ уже третій день они здѣсь, а они были только у тетки два раза и разъ въ городскомъ саду. Все остальное время они проводили вдвоемъ. Она только этого и хотѣла. Быть съ нимъ, слушать его, глядѣть на него, или хотя бы только чувствовать, что съ нею только онъ и нѣтъ между ними третьяго лица,—это было для нея высокое наслажденіе. Она думала только о томъ, какъ бы сдѣлать ему какое-нибудь удовольствіе.

Нѣкоторыя мелочи омрачали ея радужное настроеніе. Она настаивала на томъ,

чтобы Михаилъ, пользуясь пріѣздомъ въ городъ, закупилъ себѣ все, что нужно. У него было мало бѣлья, онъ еще дома упоминалъ о какихъ-то книгахъ, которыя ему были нужны. Онъ не говорилъ уже теперь, что у него мало *своихъ* денегъ, но она ясно видѣла, что онъ думалъ.

„Неужели, размышляла она, по поводу каждой мелочи у насъ будетъ особый разговоръ? Это ужасно"! Она уже не могла пускать въ ходъ свою милую шутку,—что онъ у нея въ гостяхъ, потому что гости не пользуются бѣльемъ хозяевъ.—Она думала объ этомъ въ тихомолку и послѣ долгихъ мучительныхъ думъ, она однажды живо собралась и, сказавъ, что ей надо купить кой-какіе мелочи, ушла изъ дому.

„Я это сдѣлаю, я заставлю его согласиться на это!" настойчиво говорила она себѣ.

Она пошла въ банкъ и все время чувствовала сердцебіеніе. На душѣ у нея было тревожно. Ей все казалось, что она дѣлаетъ нѣчто роковое, нѣчто такое, что можетъ поколебать ея отношенія къ Михаилу. Но пусть такъ. Она должна это сдѣлать, потому что эти разговоры о мелочахъ слишкомъ мучительны для нея.

Въ банкѣ были ея деньги, что-то около ста тысячъ. Она потребовала половину и тотчасъ-же внесла ихъ на имя Михаила Никитича Берестина. „Я подѣлилась съ нимъ тѣмъ, что у меня есть, подумала она.—Онъ не хочетъ, чтобы все было наше, такъ пусть все будетъ *его* и *мое*".

И когда она шла домой, у нея сдѣлалась мигрень отъ тревоги. „Какой разговоръ будетъ! Что онъ подумаетъ! Что онъ скажетъ"! мысленно говорила она себѣ, но шла рѣшительными шагами, ни на минуту не сомнѣваясь, что доведетъ дѣло до конца.

Она вошла къ себѣ блѣдная и взволнованная, сняла шляпку и перчатки и сейчасъ-же подошла къ мужу.

— Ты здорова-ли?—спросилъ онъ, замѣтивъ въ лицѣ ея перемѣну.

— Не совсѣмъ... Но я сейчасъ буду здорова... Это отъ тебя зависитъ... сказала она, черезъ силу улыбаясь.

— Какимъ образомъ? Скажи, я сдѣлаю это...

— Сдѣлаешь? Даешь слово?

— Ну, какъ-же я могу дать слово, не зная въ чемъ дѣло?

— Вотъ то-то и есть!... Нѣтъ, нѣтъ, Михаилъ, я не хочу связывать тебя словомъ. Я не хочу насилія. Я знаю, что ты и такъ это сдѣлаешь *для меня*...

Волненіе ея еще усилилось. Онъ это ясно видѣлъ и началъ тревожиться.

— Я хочу тебѣ сдѣлать одинъ маленькій подарокъ. Примешь?—сказала она.

— Маленькій подарокъ? Почему-же мнѣ не принять отъ тебя маленькій подарокъ?—спросилъ онъ, смѣясь.

— Значитъ, примешь?.. повторила она.

— Да, но отчего ты такъ волнуешься? Знаешь, это похоже на то, какъ будто этотъ маленькій подарокъ ты украла гдѣ-нибудь и даришь мнѣ...

Это сравненіе разсмѣшило ее. Смѣясь она вынула изъ кармана бумагу и вложила ему въ руку.

— Что это?

Онъ развернулъ бумагу и читалъ, а она отошла отъ него и сѣла въ выжидательной позѣ.

— Онъ свернулъ бумагу и положилъ на столъ. Лицо его покраснѣло, брови сдвинулись.

— Зачѣмъ ты хочешь, чтобы мы поссорились, Марина?—спросилъ онъ—съ укоромъ глядя на нее.—Этого подарка я не приму. Онъ мнѣ не нуженъ. Ты не могла выбрать худшаго подарка...

Онъ отвернулся и глядѣлъ въ окно, а она сидѣла въ своей прежней позѣ. Лицо ея, еще больше побѣдиѣвшее, выражало отчаяніе.

— Милый!—промолвила она дрогнувшимъ голосомъ и остановилась, потому что онъ не обернулся къ ней.

Произошло долгое мучительное молчаніе. Ей въ это время казалось, что она кровно оскорбила его, и что онъ никогда этого не проститъ ей. О, какъ онъ твердъ съ своихъ принципахъ и рѣшеніяхъ! Его ничѣмъ не поколеблешь. Она сдѣлала это слишкомъ поспѣшно, грубо, просто. И нотъ результатъ. Она больше не могла сказать ни слова и опустила голову, а слезы уже навертывались у нея на глазахъ.

А въ его груди кипѣла буря. Она не знала, что задѣваетъ самое больное его мѣсто. Вѣдь онъ такъ этого боялся, чтобы кто-нибудь не подумалъ, что его женитьба связана съ деньгами. Зачѣмъ ему деньги? Они ему не нужны. Онъ женился потому, что увлекся, преступилъ предѣлъ. Онъ женился потому, что долженъ былъ поступить честно. Раньше онъ не думалъ о женитьбѣ. Женщина, сдѣлавшаяся его женой, оказалась милой, доброй, честной, симпатичной ему, и онъ ее полюбилъ, она стала дорога ему. Но деньги... Кто смѣетъ думать, что въ его разсчетахъ играли какую-нибудь роль деньги? О, дьяконъ такъ думаетъ, но Богъ съ нимъ, онъ иначе и

не умѣетъ думать, потому что онъ думаетъ готовыми мыслями. И вдругъ она предлагаетъ ему деньги, этотъ *маленькій подарокъ въ пятьдесятъ тысячъ* чуть не наличными деньгами. Какъ-же она понимаетъ его? Что она объ немъ думаетъ?

Но онъ обернулся, взглянулъ на нее. Ея жалкій, подавленный видъ, эти готовыя брызнуть изъ глазъ слезы, смягчили бурю въ душѣ его и онъ сказалъ, правда нѣсколько сурово, но спокойно и не возвышая голоса:

— Марина, возьми это, и дѣвай куда хочешь и мы съ тобой помиримся!..

Въ послѣднемъ словѣ ей послышалось даже что-то тайное, участливое, дружеское. Она поднялась и мигомъ очутилась близъ него.

— Я не хотѣла обидѣть тебя или разсердить, милый, милый!... Не сердись на меня!... Это нужно, это необходимо... Ахъ, ты не понимаешь меня, ты не понимаешь моей любви!.. говорила она, словно въ какомъ-то бреду, прижимаясь къ его груди.—Я хочу, чтобы все было твое, вмѣстѣ со мною... Милый, милый... А ты не хочешь. Нѣтъ, возьми это, возьми и спрячь. Ну, вѣдь я могу умереть завтра, что тогда? Ну, не хочешь на себя, возьми для дѣла... Пусть ты будешь хозяиномъ всѣхъ дѣлъ, а не я... Ты, во всемъ ты, а я только иду за тобой! Милый, согласись!...

Онъ уже ясно видѣлъ, что не устоитъ противъ этой мольбы. Это была какая то безконечно-искренняя преданность, обезоруживавшая его.

— На дѣло, Маринка... Такъ ты такъ и напиши, что деньги ты назначаешь на такое-то дѣло,—на устройство фермы, и поручаешь мнѣ!..—сказалъ онъ.

— Нѣтъ, этого не надо! Я не хочу связывать тебя! Ты завтра придумаешь что нибудь лучшее, болѣе полезное, ферму могутъ не разрѣшить... Нѣтъ, нѣтъ, просто ты возьми и, когда надо будетъ, распорядись!

— Охъ, Маринка, Маринка! Ты въ сущности ужасный человѣкъ!...

Она обнимала его и прижималась къ нему и въ то-же время клала ему въ карманъ бумагу.

— Пусть будетъ такъ,—сказалъ онъ.

Она засмѣялась дѣтски-простымъ смѣхомъ.—О, милый мой! какъ я люблю эти слова: „пусть будетъ такъ“! Помнишь когда ты ихъ сказалъ, а я повторила? Послѣ этихъ словъ ты сдѣлался моимъ. Ну и.... пусть будетъ такъ!....

— Ты очень любишь меня, Маринка?—спросилъ онъ, лаская ея волосы.

— Очень люблю?! Нѣтъ, эти слова не годятся! страстно сказала она: — я люблю тебя такъ, что если-бы для твоего счастья нужно было вытерпѣть страшныя муки, я перенесла-бы ихъ съ улыбкой! Вотъ какъ я люблю тебя!... Знай это, Михаилъ, всегда знай!

Онъ прижалъ ее къ себѣ и поцѣловалъ, а потомъ усадилъ въ кресло.—Но помни, Маринка, что деньги на ферму или на другое дѣло, если не разрѣшатъ ферму. Мнѣ не надо денегъ, мнѣ довольно тебя!..

Она не возразила! Она ликовала въ душѣ. Тотчасъ же она торопливо потащила его въ банкъ, гдѣ надо было чтобъ онъ лично продѣлалъ нѣкоторыя формальности. Пятьдесятъ тысячъ безповоротно принадлежали ему и никто не могъ у него отнять ихъ, ни даже она, безъ его согласія.

Въ этотъ же день Михаилъ Никитичъ побывалъ у Прунченко въ управѣ.—А все-таки,—сказалъ ему на прощанье Прунченко:—а все-таки скажу: напрасно ваша жена не поручитъ этого дѣла намъ, земству. Мы его отлично повели-бы! И главное это помогло-бы намъ осуществить завѣтную мечту, чему мѣшаетъ только одно: денегъ нѣтъ!

— Мы подумаемъ!—сказалъ Михаилъ Никитичъ, хотя въ душѣ онъ зналъ, что никогда на это не согласится. Прунченко, можетъ быть не зналъ, что во всякомъ хорошемъ дѣлѣ самое высокое удовлетвореніе получается тогда, когда самъ его дѣлаешь. Берестинъ искалъ именно этого удовлетворенія. Для него было-бы мало простого сознанія, что гдѣ-то ведется полезное дѣло, хотя-бы и благодаря его содѣйствію.

Во время его отсутствія Марина Леонтьевна съѣздила въ гостиный дворъ и закупила для него массу вещей.

— Вотъ это ужъ дѣйствительно маленькій подарокъ!—сказала она и закрыла ему ротъ рукой, когда онъ хотѣлъ что-то возразить.—Только вотъ книгъ не могла купить; не знаю какія, но сейчасъ придетъ изъ книжнаго магазина мальчишка, ты ему дашь списокъ и онъ принесетъ сюда книги.

Онъ только качалъ головой. Но что можно было сказать противъ такой милой тиранiи? Да и къ чему? Эти пустяки въ сущности не важны.

Скоро дѣйствительно пришелъ мальчикъ изъ магазина, а черезъ полчаса прибыли и книги.

— Знаешь—что!сказала Марина Леонтьевна:—Поѣдемъ сегодня на ночь! Это пре-

лестно! Прохладно, тихо, теперь лунныя ночи! Восхитительно!

— А не опасно?—спросилъ онъ.

— О, у насъ есть револьверъ! Да мнѣ съ тобой никуда и никогда не страшно!.. Поѣдемъ.

— Пожалуй! Это недурно.

Она радовалась и этому! Вообще эта поѣздка дала ей столько пріятныхъ, счастливыхъ минутъ, что она съ ужасомъ думала о той четверти часа, когда колебалась—ѣхать или не ѣхать въ городъ. Грустныя воспоминанія о бѣдной матери какъ-то стушевывались, блѣднѣли передъ живой радостью, которую она испытывала.

Они выѣхали часовъ въ восемь вечера. Стояла тихая ночь. Мѣсяцъ освѣщалъ имъ путь. Со степи вѣяло прохладой. Марина Леонтьевна сидѣла близко-близко около мужа и молча наслаждалась этой чудной степной ночью съ темносинимъ звѣзднымъ небомъ, и этой близостью.

— Я такъ счастлива, такъ счастлива!.. шептала она. —Неужели такъ всегда будетъ?

— Это отъ насъ зависитъ! отвѣчалъ онъ.

— О, еслибы только отъ меня!... опять шептала она.

— Милая Маринка! Нельзя забирать все счастье намъ двоимъ. Надо дѣлать, чтобы и другимъ досталось на долю хоть немного!

— О, да, да! Я буду тебѣ помогать! Ты знаешь, я люблю тебя и за то, что ты это—ты, и за то, что ты любишь людей и хочешь жить для нихъ... Да, я буду твоей подругой вполнѣ, я буду твоей помощницей....

И для него эта ночь была очаровательно-чудной. Вмѣстѣ съ чарами любви, личной любви къ женщинѣ, она наполнила его голову горячими мечтами, поднявшими его духъ на высоту. Какъ хорошо складывается жизнь, какъ ему много счастья, много удачи! Какъ счастливо онъ встрѣтилъ и нашелъ себѣ подругу! Сколько они сдѣлаютъ вмѣстѣ добра! Вотъ онѣ, давнія мечты! Имъ таки суждено осуществиться. Пусть думаютъ всѣ, кто хочетъ, что онъ женился на богатой Потравиной для денегъ. Пусть! но потомъ они увидятъ, что это была ложь и сами себѣ скажутъ укоръ.

Было за полночь, когда они пріѣхали въ усадьбу. Фетисовъ уже спалъ, они поужинали вдвоемъ.

На другой день уже съ утра въ усадьбѣ были Четвериковъ и Троесвѣтова. Они ждали хозяевъ въ этотъ день къ обѣду и очень были удивлены, когда встрѣтили ихъ за чаемъ.

— Ну, братъ,—сказалъ Михаилъ Никитичъ Четверикову, разсчитывая, что и Фетисовъ, который тутъ сидѣлъ, услышитъ и сдѣлаетъ свои выводы,— скоро сказка сказывается, да дѣло-то дѣлается не скоро!..

— Что такъ?— спросилъ Четвериковъ.

— Разрѣшеніе на ферму дадутъ-ли, еще бабушка на двое ворожила. А если и дадутъ, то не раньше трехъ мѣсяцевъ! Да, кстати, Артемъ Ильичъ Прунченко велѣлъ тебѣ кланяться и тебѣ тоже, Антонъ Яковлевичъ!— прибавилъ онъ, хотя Прунченко и не думалъ кланяться Фетисову.— Онъ все еще дѣйствуетъ по земству, все также торопится и все у него дѣла но горло! Но глядитъ еще молодцомъ и остался такимъ-же славнымъ малымъ какъ и былъ.

— То-есть симпатичнымъ болтуномъ!— сказалъ Фетисовъ.

— Пожалуй, хотя не совсѣмъ такъ!— мягко возразилъ Берестинъ. — Съ одной стороны я симпатичныхъ болтуновъ предпочту противнымъ и пошлымъ дѣльцамъ, а съ другой стороны — Прунченко много работаетъ и если хоть изрѣдка сдѣлаетъ что-нибудь полезное, то и за то спасибо!...

— Что-же онъ сдѣлалъ такого полезнаго?—спросилъ Фетисовъ.

— Для насъ съ тобой очень много, Антонъ Яковлевичъ. Благодаря ему, мы кое-чему научились!..

— Ну, вотъ, благодаря ему!—скептически замѣтилъ Фетисовъ. Онъ всегда чувствовалъ, что Прунченко питаетъ къ нему антипатію и это, помимо его воли, вызывало въ немъ враждебное чувство къ Артему Ильичу и заставило не признавать его заслугъ, которыя несомнѣнно были у стараго, честнаго хлопотуна.

Фетисовъ удовольствовался сообщеніемъ Михаила Никитича и больше ни о чемъ не распрашивалъ. Онъ вообще слушалъ и принималъ въ разсчетъ то, что прямо шло къ его дѣлу, подробности-же его не интересовали.

Послѣ чаю онъ отправился во флигель, гдѣ ему отвели квартиру, повозился тамъ съ четверть часа, а затѣмъ пришелъ къ Берестину.

— Я хочу просить тебя, Михаилъ Никитичъ, если это не затруднительно, дать мнѣ телѣгу и лошадь!.. сказалъ онъ.

— Зачѣмъ? Куда? — съ изумленіемъ спросилъ Берестинъ. Онъ не ожидалъ такого быстраго рѣшенія.

— Поѣду домой, къ отцу!..

— Чего-жъ ты такъ торопишься?

— Да вѣдь мнѣ-же здѣсь нечего дѣлать!

— Ну, зачѣмъ-же непремѣнно дѣлать! Просто погости съ нами!..

— Что-жъ гостить? Нѣтъ, я поѣду...

Это „что-жъ гостить“ было единственнымъ доводомъ, который онъ привелъ противъ.

— Нѣтъ, право, ты обижаешь насъ, Антонъ Яковлевичъ! — попробовалъ еще разъ сломить его Берестинъ.—Ты бы остался...

— Нѣтъ, я поѣду!.. А впрочемъ, можетъ быть, лошадь найти затруднительно, такъ я пѣшкомъ пойду! Мнѣ все равно, я привыкъ...

— О, что-ты, что-ты!? Конечно лошадь найдется... Хорошо, я сейчасъ скажу! Но надѣюсь, Антонъ Яковлевичъ, ты насъ не покинешь, когда мы получимъ разрѣшеніе. Безъ тебя мы шагу не можемъ сдѣлать...

— Да, разумѣется, только прошу позвать меня, когда разрѣшеніе будетъ въ карманѣ.

Берестинъ сообщилъ Маринѣ Леонтьевнѣ о желаніи Фетисова. Она тотчасъ-же велѣла заложить свѣжую пару въ коляску и коляска была подана къ флигелю.

Фетисовъ вышелъ съ чемоданчикомъ, но тутъ-же остановился и положилъ свою ношу на землю.

— Зачѣмъ-же коляску? — сказалъ онъ тономъ жалобы, обращаясь къ Берестину. — Я просилъ телѣгу... Я никогда не ѣздилъ въ коляскѣ...

— Извини, Антонъ Яковлевичъ, телѣги не нашлось!— промолвилъ Берестинъ.

Телѣга, разумѣется, нашлась бы, но никому и въ голову не пришло, что Фетисовъ ее потребуетъ.

— Не нашлось?— съ какой-то кислой миной спросилъ онъ и подумалъ. Затѣмъ, какъ-бы отчаявшись въ чемъ-нибудь, онъ схватилъ свой чемоданъ и съ недовольнымъ выраженіемъ на лицѣ сѣлъ въ коляску, отвѣсилъ всѣмъ общій поклонъ и уѣхалъ. Онъ сказалъ совершенную правду, что никогда не ѣздилъ въ коляскѣ и его тощая мизерная фигурка, раскачивавшаяся во всѣ стороны, имѣла въ ней смѣшной видъ. Онъ никакъ не могъ укрѣпиться на кожанномъ сидѣньѣ и его ежеминутно отбрасывало изъ одного угла въ другой.

— Ну, знаете,—рѣшительнымъ тономъ сказала Троесвѣтова, когда коляска скрылась изъ глазъ: — право, онъ идіотъ, этотъ вашъ Фетисовъ, а вы говорили, что онъ—золото!

— Ну, зачѣмъ-же идіотъ?—Простой человѣкъ недалекій, ограниченный, узкій, вотъ и все!—вступился за него Берестинъ:—но онъ очень полезенъ для своего дѣла...

— Сомнѣваюсь, чтобъ онъ могъ быть полезенъ для какого-нибудь дѣла!—отпѣтила Троесвѣтова.

— А вотъ увидите!...

Наступилъ августъ. Михаилъ Никитичъ поговаривалъ о началѣ занятій въ школѣ. Марина Леонтьевна предвидѣла рядъ скучныхъ и тягостныхъ дней, когда Михаилъ будетъ уѣзжать съ утра въ Оболтовку и возвращаться къ вечеру. Ей особенно стала не давать покоя мысль о поѣздкѣ куда нибудь вдвоемъ.

Время шло, а она все не рѣшалась высказать свою мысль. Она мало надѣялась на успѣхъ. А между тѣмъ оставить мысль не высказанной не могла. Она рѣшилась.

Они ѣздили въ поле подышать степнымъ воздухомъ. Пролеткой, по обыкновенію, правила Марина Леонтьевна. Она была въ этотъ день молчалива, потому, что съ утра готовилась къ разговору.

Они возвращались домой. Вечеръ наступалъ, прохладный августовскій вечеръ. Вороны цѣлыми тучами возвращались съ поля къ гнѣздамъ. Цѣлый отрядъ аистовъ, готовившихся къ отлету на зимнія квартиры, выстроился на берегу ставка. Иногда подувалъ вѣтерокъ, напоминавшій слегка объ отдаленной еще осени. Марина Леонтьевна нервно передернула возжами и погнала лошадь.

— У меня есть къ тебѣ, Михаилъ, великая просьба! — сказала она, стараясь поскорѣе сказать все.—Если исполнишь, сдѣлаешь меня совсѣмъ, совсѣмъ счастливой!...

— Я-бы хотѣлъ сдѣлать тебя совсѣмъ, совсѣмъ счастливой, Марина!—отвѣтилъ онъ.

— Ну, тогда исполни! Вотъ теперь осталось еще три мѣсяца до начала фермы. Мнѣ такъ хочется проѣхаться съ тобой куда-нибудь, въ Крымъ, что-ли, или на Кавказъ... Поѣдемъ!

— Ахъ, Марина, что ты! А школа? Какъ-же я ее оставлю?—спросилъ онъ.

— Школу все равно ты оставишь, когда займешься фермой...

— Да, оно такъ!... Но вѣдь, душа моя, это меня избалуетъ страшно!... Что, если я сдѣлаюсь нѣженкой, ты будешь виновата?

Она уже впѣла къ своей радости, что вовсе не встрѣтила съ его стороны протеста, какого ожидала.

— О, ты никогда не сдѣлаешься нѣженкой! Ты не такой! Ты сдѣлаешь это для меня! Три мѣсяца ты пожертвуешь мнѣ, а тамъ я передамъ тебя фермѣ...

Онъ подумалъ. Ему хотѣлось доставить ей это удовольствіе. Вѣдь она имѣетъ на это право. Она такъ много отдаетъ его дѣлу, нужно-же и ей дать что-нибудь. Въ головѣ его роились еще другія мысли: имѣетъ-ли онъ право позволить себѣ эту роскошь? Вѣдь путешествіе вдвоемъ съ Мариной несомнѣнно будетъ роскошью. Но какъ же иначе сдѣлать? Можно только отказать ей въ этомъ. Но это жестоко, когда нѣтъ существенной причины. Школу онъ дѣйствительно оставитъ, когда займется фермой, она права. Не лучше-ли теперь заявить объ этомъ начальству, въ началѣ года, чтобъ успѣли своевременно прислать учителя?

Однимъ словомъ все клонилось къ тому, чтобъ согласиться и онъ согласился.

Дня черезъ три они собирались въ дорогу. Марина Леонтьевна торопилась, какъ будто боясь, чтобъ какая-нибудь случайность не измѣнила его рѣшенія.

— Ты смотри, — говорилъ Берестинъ, прощаясь съ Петромъ Иванычемъ, — какъ только будетъ получено разрѣшеніе, немедля телеграфируй. Мы сейчасъ-же пріѣдемъ!...

— Ладно! Ладно! — сказалъ Четвериковъ и съ какимъ-то грустнымъ чувствомъ смотрѣлъ вслѣдъ отъѣзжавшему экипажу. Онъ зналъ, что Берестина умолила ѣхать Марина Леонтьевна, зналъ, что это для нея большое счастье, и тѣмъ не менѣе какое-то дурное предчувствіе охватывало его. „Что-то тутъ не такъ, что-то не такъ!“ — говорилъ онъ себѣ и самъ не могъ опредѣлить, что именно не такъ и чѣмъ онъ недоволенъ.

А Троесвѣтова ликовала и откровенно завидовала уѣхавшимъ.

— Что вы такой букой смотрите, словно родственника похоронили? — говорила она Четверикову. — По моему, они лучшаго ничего не могли придумать! Ферма фермой, а всякій имѣетъ право хоть разъ въ жизни поблаженствовать... Ферма не убѣжитъ...

— Да, ферма-то не убѣжитъ, да...

Онъ хотѣлъ сказать: „да какъ-бы онъ не убѣжалъ отъ фермы“, но не докончилъ фразы.

— Ахъ и мрачный-же вы человѣкъ, Никласъ — медвѣжья лапа! Истинная вы медвѣжья лапа и мнѣ съ вами скучно! — промолвила Троесвѣтова и уѣхала въ свою Макарьевку скучать съ родственницей, которая все еще гостила у нея.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

И. Потапенко.

Исторія женщины на сценѣ.

Любовь къ женщинѣ — самое обыкновенное, доступное всѣмъ чувство. Разсказы о ней всѣмъ повятны, для всѣхъ могутъ быть интересны и симпатичны. Страданія любви чаще всего бороздятъ безбрежное море человѣческихъ огорченій и драматическіе поэты всѣхъ временъ и народовъ находили и находятъ въ этихъ страданіяхъ обильнѣйшій источникъ вдохновенія. Только античная драма не хотѣла знать о ней, но она не хотѣла звать вообще дѣйствительной жизни: она хранила свою сцену для Олимпа и его боговъ... Вездѣ, кромѣ античной драмы, — по выраженію одного изъ героевъ Шекспира:

> По всей землѣ не встрѣтите поэта,
> Дерзнувшаго приняться за перо,
> Не обмокнувъ его сперва въ прекрасныхъ
> Слезахъ любви...

И мы невольно во время всякаго спектакля съ особеннымъ интересомъ ждемъ момента, когда на сценѣ появится героиня пьесы. Мы знаемъ, что эта героиня центръ драматическаго узла, и въ чертахъ ея лица, въ ея рѣчахъ стремимся отгадать будущую развязку. Характеръ любимой и любящей женщины налагаетъ окраску на все дѣйствіе. Она сойдетъ со сцены, но въ насъ еще долго будутъ жить тѣ или иныя впечатлѣнія, и эти впечатлѣнія будутъ приговоромъ для всего произведенія автора, — и не только для произведенія автора.

Женскій типъ, излюбленный литературой, бросаетъ свѣтъ и на другіе, несравненно болѣе широкіе и важные вопросы. Онъ не только будетъ свидѣтельствовать о взглядѣ современниковъ на женщину, объ ихъ идеалѣ женщины, — въ этомъ типѣ раскроется для насъ яркая страница человѣческой культуры въ давное время. На лицѣ женщины мы безошибочно прочтемъ нравственную характеристику извѣстнаго общества, узнаемъ уровень его гуманнаго развитія. Въ литературномъ типѣ женщины заключено *сердце* извѣстной эпохи и духовные интересы женщины — наиболѣе вѣрный показатель общей культуры. Исторія женскаго литературнаго типа — самая точная и въ то же время простая исторія гуманности, терпимости, той цивилизаціи, которая характеризуется не обиліемъ научныхъ знаній и всевозможныхъ техническихъ изобрѣтеній, — а благородствомъ духа, идеальными стремленіями мысли, уваженіемъ къ человѣческой личности. Вотъ эта цивилизація какъ нельзя яснѣе читается на лицахъ и біографіяхъ женщинъ, вдохновлявшихъ драму и сцену. И мы на каждомъ шагу будемъ убѣждаться, до какой степени точно и откровенно героиня на сценѣ отражаетъ нравственныя и умственныя теченія дѣйствительности. Исторію этихъ теченій можно писать, называя главы извѣстными женскими типами: въ характеристику типа войдутъ всѣ черты современнаго общественнаго идеала.

Мы возьмемъ нѣсколько такихъ типовъ, созданныхъ въ самые цвѣтущіе періоды драмы — различнаго направленія. Мы будемъ руководиться прежде всего явленіями литературы; возьмемъ среди нихъ наиболѣе цѣльныя и жизненно-разносторонніе: дѣйствительная жизнь сама придетъ въ связь съ этими явленіями. Сцена будетъ только руководящимъ свѣтомъ въ темной дали прошлаго. По временамъ, изъ этой дали мы будемъ брать факты, не попавшіе на сцену, но тѣсно связанные съ сценой, пересоздавшіе ее, восполняющіе ея созданія. Это намъ особенно будетъ нужно, когда время не представитъ всеобъемлющаго драматическаго поэта, сумѣвшаго сосредоточить въ своемъ творчествѣ всѣ стремленія современниковъ и олицетворить ихъ въ живыхъ образахъ.

I.

Первой главой въ нашей исторіи будетъ — женщина, какъ она воплотилась на сценѣ Шекспира. Здѣсь намъ не потребуется историческихъ изслѣдованій: самый образъ простъ и ясенъ до послѣдней черты. Мы бросимъ на него только нѣсколько лучей изъ творчества другаго поэта, стоявшаго въ томъ же культурномъ теченіи, служившаго той же эпохѣ, если не по

времепв, то по ея ввутревпему содержанію. Мы говоримъ о Боккачьо.

Итальянскій новеллистъ путемъ своихъ простыхъ, искренно-откровенныхъ исторій введетъ насъ въ духовную жизнь возрожденія и поставитъ лицомъ къ лицу съ героиней эпохи, съ той самой женщиной, какую англійскій поэтъ воплотилъ въ длинномъ рядѣ героинь своихъ драмъ и комедій. Оба поэта нарисовали необыкновенно-увлекательный образъ, сливающій въ первобытной чистотѣ всѣ естественныя силы и чары женской природы.

Это—женщина возрожденія. Она молода, красива собой. Избытокъ крови возбуждаетъ въ ней страстную жажду жизни и счастья. А жизнь и счастье она понимаетъ только въ одномъ смыслѣ,—въ смыслѣ любви. Никакихъ досадныхъ «вопросовъ» не возникаетъ подъ ея чистымъ дѣвственнымъ челомъ, не будетъ этихъ «вопросовъ» и послѣ того, какъ ясные дѣвическіе глаза зажгутся и затуманятся страстью. Всѣ усилія мысли и юной энергіи направлены къ одной цѣли—любить и быть любимой.

Одна современница этой веселой эпохи въ кругу своихъ подругъ и друзей поетъ:

Какой бы женщинѣ и пѣть, коли не мнѣ,
Чьи всѣ желанья спѣшатся впонѣ?
Приди же, о Амуръ, всѣхъ благъ моихъ причина,
И всѣхъ надеждъ моихъ и исполненій всѣхъ!
Споемъ-ка вмѣстѣ мы; но пѣсень тѣхъ предметомъ
Не будь ни тяжкій вздохъ, ни горькая кручина,
Что возвышаетъ цѣну мнѣ твоихъ утѣхъ;
Но только тотъ огонь, блестящій яркимъ свѣтомъ,
Горя въ которомъ, я—средь игръ и празднествъ въ этомъ
Веселіи, тебя чту съ Богомъ наравнѣ.
Въ тотъ день, какъ въ твой огонь впервые я вступила,
Амуръ, моимъ глазамъ явилъ внезапно ты
На диво юношу, въ комъ слившись такъ прекрасно,
И пылъ, и красота, и доблестная сила
Не превышаемой достигли высоты
И равныхъ стали бы искать себѣ напрасно,
Онъ такъ плѣнилъ меня, что я о немъ всечасно
Съ тобой, владыко мой, пою наединѣ.
Но въ томъ нашла себѣ я наслажденье
Въ томъ, что какъ онъ мнѣ милъ—мила ему и я,
Благодаря тебѣ, посредникъ всемогущій!
Такъ въ здѣшней жизни я имѣю исполненье
Желанья моего,—а преданность моя
Ему любимому, и въ жизни мнѣ грядущей,
Надѣюсь, снищетъ миръ. То видитъ Вездѣсущій
И приметъ насъ въ Своей божественной странѣ.

Эту канцону поетъ одна изъ героинь Боккачьо. Знаменитый авторъ Декамерона представилъ самую полную и вѣрную исторію и характеристику женщины Возрожденія. Его семь дамъ и трое молодыхъ людей въ теченіи десяти дней раскрыли въ необозримомъ рядѣ блестящихъ картинъ всю жизнь, всю душу женщины, царившей въ современную эпоху и во всѣхъ своихъ родовыхъ чертахъ перешедшей въ шекспировскую поэзію.

Жизнь эта въ высшей степени проста. Она начинается, идетъ и приходитъ къ концу среди любви. Психологія—еще проще: она прекрасно сказалась въ вышеприведенной канцонѣ и еще полнѣе скажется въ веселыхъ исторіяхъ, которыми наперерывъ герои и героини итальянскаго автора забавляютъ другъ друга.

Здѣсь всѣ добродѣтели и пороки исчезаютъ предъ одной неизбѣжной величайшей силой человѣческой природы—предъ любовью. Ею вдохновляется мысль, она оправдываетъ ложь и обманъ, только съ ней красна жизнь и возможно счастье.

Героини Боккачьо живутъ въ эпоху, когда религіозное чувство проникаетъ душу человѣка, когда вліяніе неба признается глубоко и искренно въ каждомъ будничномъ фактѣ. Религіозное чувство во всей полнотѣ и непосредственной искренности перенесено на любовь.—Мы видѣли, въ канцонѣ Амуръ совершенно серіозно возводится въ санъ божества, и пѣсня въ честь его оканчивается выраженіемъ вѣры, что служеніе этому божеству будетъ вознаграждено и въ будущей жизни. Небо здѣсь постоянно вмѣшивается въ судьбу юноши, дѣвицы или молодой женщины исключительно съ одной цѣлью—чтобы тому и другой создать возможно больше двей любовныхъ радостей.

Напримѣръ, къ одной старухѣ приходитъ за совѣтомъ дама, воспылавшая любовью къ первому красавцу своего города. Дама проситъ помощи у опытной женщины. Старуха съ перваго слова согласна помочь ей. Иначе и быть не можетъ, потому что старуха исповѣдуетъ слѣдующій нравственный законъ. «Дочь моя», говоритъ она влюбленной дамѣ, «Господь знаетъ, и Онъ вѣдаетъ все, что ты очень хорошо сдѣлаешь; если бы даже ты не совершила того по какой другой причинѣ, тебѣ, какъ и всякой молодой женщинѣ, слѣдовало бы такъ поступить, дабы не потерять время юности, потому что для человѣка съ разумѣніемъ нѣтъ печали выше сознанія, что онъ упустилъ время. И какому чорту мы годны, состарѣвшись, какъ на то развѣ, чтобы сторожить золу у камелька!».

Всѣ женщины у Боккачьо держатся этой морали.

Молодой красавецъ попалъ на ночлегъ въ гостиницу. Рядомъ съ нимъ вочуетъ дѣвушка, одѣтая въ мужское платье. Это—дочь англійскаго короля, она должна была покинуть родину, чтобы отецъ не выдалъ ее замужъ за шотландскаго короля, древняго старика. Случайно ей пришлось ѣхать съ краснымъ юношей по одному пути. Съ перваго же взгляда на него она, по ея словамъ, «воспылала такою любовью, какой ни одна женщина не любила», и поэтому рѣшила взять въ мужья своего спутника, а не кого-либо другаго. Все это она сама объясняетъ юношѣ, потому что она твердо увѣ-

репа въ слѣдующемъ: «Господь послалъ благовременное мнѣ желаніямъ, если я не воспользуюсь имъ,—такого случая, быть можетъ, долго не представится».

И она пользуется...

Дѣвушку выдали замужъ за старика. Судьба посылаетъ ей спасеніе въ лицѣ отважнаго похитителя. Мужъ узнаетъ объ ея убѣжищѣ и является во всеоружіи нравственныхъ сентенцій. Молодая женщина встрѣчаетъ его доводы самымъ энергическимъ отпоромъ. Она говоритъ мужу: «Вы, какъ я была съ вами, показали, что очень дурно меня знаете, ибо если бы вы были или еще оказываетесь мудрымъ, за каковаго вы желаете, чтобы васъ принимали, у васъ было бы настолько разумѣнія, чтобы видѣть, что я молода, свѣжа и здорова, а слѣдовательно должны были бы понимать, что потребно молодымъ женщинамъ, помимо одежды и пищи, хотя онѣ по стыдливости о томъ и не говорятъ».

Вопросъ, законна ли ея любовь къ человѣку, похитившему ее у мужа, разрѣшается, по ея мнѣнію, весьма просто. «На этого человѣка я напала», говоритъ она,—«такъ хотѣлъ Господь, милостиво воззрѣвшій на мою молодость».

Разсказчики Боккачьо во всѣхъ этихъ случаяхъ вполнѣ на сторонѣ своихъ героинь. Одинъ изъ нихъ разсказалъ о томъ, какъ одинъ простодушный монахъ сыгралъ роль посредника въ любовныхъ дѣлахъ дамы и кавалера. Заключеніе разсказа такое: «Уладивъ свои дѣла, они (т.е. любовники) устроились такъ, чтобы не возвращаться болѣе къ господину монаху и провели вмѣстѣ въ такомъ же весельѣ много другихъ дней, къ каковымъ и я прошу Господа, чтобы онъ по своей святой милости привелъ и меня и всѣ христіанскія души, того желающія.»

Мы видимъ, что дѣвушки и женщины уже сами открыто, смѣло идутъ къ тому, что по ихъ мнѣнію, даровано на ихъ долю самимъ Небомъ. И на этомъ пути нѣтъ препятствій, которыя могли бы ихъ заставить задуматься, испугать. Если совершенно естественно уйти отъ стараго мужа и оставить родительскій домъ изъ страха—стать женой старика, еще, конечно, проще провести родителей, живя рядомъ съ ними.

У Боккачьо на этотъ счетъ разсказана одна изъ прелестнѣйшихъ новеллъ.

У родителей—стариковъ есть красавица дочь. Къ нимъ въ домъ ходитъ «нѣкій юноша, красивый и здоровый»—характерно постоянное соединеніе этихъ достоинствъ у любовниковъ *Декамерона*. Естественно—Риччьярдо, (такъ звали красиваго, здороваго юношу), полюбилъ дѣвушку. Она—продолжалъ разсказчикъ, замѣтивъ это, не избѣгая удара, также начала любить его». Скоро рѣчь заходитъ о тайномъ свиданіи. Но какъ устроить его? Катерину пристально сторожатъ родители,—но она готова на всякій плавъ своего милаго. И Риччьярдо предлагаетъ ей вѣрный путь: она должна придти ночью на балковъ, выходящій въ садъ и отважный рыцарь вадѣется, что ему «удастся устроиться тамъ.» Дѣвушка въ восторгѣ отъ предложенія и немедленно принимается за дѣло.

Исторія происходила въ концѣ мая,—и вотъ Катерина начинаетъ жаловаться матерв, что ей становится невыносимо жарко спать въ комнатѣ. Мать удивляется: ей самой совсѣмъ не жарко. Дочь не смущается: «Вамъ бы слѣдовало сказать, матушка», возражаетъ она, «что это вамъ такъ показалось, и быть можетъ, вы сказали бы правду; но надо же вамъ подумать, насколько дѣвушки горячѣе пожилыхъ женщинъ.» Противъ этого, конечно, мать ничего не можетъ возразить. «Чего же ты хочешь?» спрашиваетъ она у дочери. Дочь съ самой милой и скромной улыбкой предлагаетъ такое средство — спастись отъ жары: «если бы то дозволилъ мой отецъ и вы, я бы охотно устроила кроватку на балконѣ возлѣ отцовской комнаты и надъ его садомъ, и тамъ бы стала спать, слушая пѣвіе соловья и находясь въ болѣе прохладномъ мѣстѣ, я почувствовала бы себя лучше, чѣмъ въ вашей комнатѣ.»

Мать, ничего не предчувствуя, по простотѣ душевной, сразу согласилась на предложевіе дочери. Но отецъ возсталъ: соловей, котораго собиралась слушать его дочь, сильно смущалъ старика. Но Катерина не успокоилась. Въ слѣдующую же вочь она такъ сильно мучилась отъ жары и такъ безпокойно металась на своей кровати, что помѣшала спать и матери.

Мать утромъ пошла къ мужу. «Вы совсѣмъ не любите пашу дочку», обратилась она къ старику съ рѣзкой рѣчью, «что вамъ до того, что она поспитъ на балконѣ? Всю то ночь она не находила мѣста отъ жары; къ тому же вы удивляетесь, что ей нравится пѣніе соловья: вѣдь она дѣвочка, а дѣвочки любятъ, все что на нихъ похоже.»

Послѣ такихъ доводовъ отецъ согласился,—и дѣвушка съ слѣдующей же ночи начала слушать соловья.

Но отецъ не могъ отдѣлаться отъ подозрѣній: ему захотѣлось посмотрѣть, какъ это его Катерина засыпаетъ подъ соловьиныя пѣсни. Риччьярдо такимъ образомъ поймали на мѣстѣ преступленія. Исторія окончилась къ общему благополучію. Справили пышную, блестящую свадьбу. Послѣ этого Риччьярдо «въ мирѣ и въ свое утѣшеніе охотился вмѣстѣ съ нею (т.-е. съ женою) за соловьями днемъ и ночью, сколько ему было угодно.»

Въ приведенномъ разсказѣ рискъ охоты со стороны Катерины былъ невеликъ. Героизма особеннаго не требовалось, хотя слушатели новеллы могли оцѣнить энергію и настойчивость новой героини.

Эти качества поднимаются у дѣвушекъ Боккачьо ва высшую степень мужества, когда злая судьба идетъ ваперекоръ ихъ затаеввымъ, дорогимъ стремлевіямъ сердца.

Эти любительвицы соловьинаго пѣвія и веселыхъ канцонъ являются въ полномъ смыслѣ геронями, когда небо не посылаетъ, а отнимаетъ или готовится отнять у вихъ любовь.

Новеллъ па эту тему множество. Героическіе подвиги являются въ самыхъ разнообразвыхъ формахъ. Въ одной новеллѣ дѣвушка, услышавъ о смерти любимаго юноши, одва пускается въ открытое море па утломъ челвокѣ: она ищетъ въ волнахъ вѣрной смерти. Другая спѣшитъ послѣдовать за милымъ, внезапно сковчавшимся въ ея объятіяхъ; третья, получивъ сердце милаго, убитаго ея жестокимъ отцомъ, поливаетъ это сердце отравлевной водой и умираетъ. Но трогательвѣе всего поступокъ мессинской дѣвушки, Изабетты, съ головой любовника, убитаго ея братьями.

Лоренцо былъ бѣденъ, во «очень красивый собой и чрезвычайно пріятвый въ обращеніи.» Овъ служилъ при торговомъ дѣлѣ трехъ мессинскихъ купцовъ и успѣлъ понравиться сестрѣ своихъ хозяевъ. Изабетта страстно влюбилась въ юношу и, продолжаетъ разсказчикъ, «они въ короткое время другъ въ другѣ увѣрились и совершили то, чего каждый изъ вихъ наиболѣе желалъ». Но тайна вхъ скоро открылась. Старшій изъ братьевъ подсмотрѣлъ свиданія влюбленныхъ, сообщилъ объ этомъ другимъ и всѣ трое рѣшили отомстить дерзость безроднаго бѣдпяка. Они зазвали Лоренцо погулять за городъ, убили его и тѣло скрыли въ уединенномъ мѣстѣ.

Изабетта, конечно, скоро замѣтила отсутствіе Лоренцо, но па ея вопросы братья давали уклончивые отвѣты. Тогда самъ Лоренцо пришелъ на помощь своей милой. Когда однажды Изабетта заснула въ слезахъ, опъ явился ей и открылъ преступленіе ея братьевъ и мѣсто, гдѣ скрыли они его тѣло.

Изабетта отправилась къ указавному мѣсту, вырыла тѣло Лоренца, отрѣзала у трупа голову и вернулась домой. Здѣсь ова долго плакала, омочила слезами голову своего милаго,— наконецъ, взяла большой цвѣточный горшокъ, положила въ него голову, засыпала ее землей и посадила сверху вѣсколько отростковъ прекраснаго салернскаго базилика. Ова стала тщательно поливать его розовой и померапцевой водой—«либо своими слезами». «У пей было обыкновеніе», повѣствуетъ разсказ, «всегда сидѣть по близости этого горшка и съ страствымъ желапьемъ смотрѣть на него, ибо онъ хранилъ ея Лоренцо; насмотрѣвшись, ова садилась вадъ нимъ и принималась плакать, и плакала долго, такъ что орошала весь базиликъ. А базиликъ, частью отъ долгаго в постояннаго ухода, частью отъ того, что земля была жирная вслѣдствіе разлагавшейся внутри головы, сталъ чудеснымъ и очень пахучимъ»...

Какая правдивая и поэтическая картина преобразовавія смерти и тлѣнія въ жизнь и вѣжный разцвѣтъ!... Но разцвѣталъ только базиликъ, а красота и жизнь дѣвушки все больше и больше увядали.

Братья замѣтили, что какая-то тайная печаль отравляетъ дни ихъ сестры. Скоро загадка разъяснилась. Цвѣтокъ былъ отнятъ. Изабетта долго и веотступно просила возвратить ей ея сокровище — и скончалась въ слезахъ. Только съ жизнью оковчилась ея любовь. Но память объ этой любви не умерла. Исторія перешла въ канцону, которая — закапчиваетъ разсказчикъ — и теперь еще поется:

Что то былъ за нехристь злой,
Что мой цвѣтокъ похитилъ..

Такихъ исторій у Боккачьо множество. Вѣдь современвкп писателя па самомъ дѣлѣ, въ личной жизни,— переживали и счастье и муки любви въ той самой формѣ, какъ разсказываютъ объ этомъ дамы и кавалеры Боккачьо. Сама эпоха вела жизнь и поэзію по одному и тому же пути.

Эта эпоха повторилась до мельчайшихъ чертъ сходства въ Англіи, во времена Шекспира. Великій поэтъ былъ также поэтомъ возрожденія, и, такъ называеман, «старая веселая Англія»— old merry England—въ жизни и въ литературѣ видѣла блестящее осуществленіе тѣхъ самыхъ мотивовъ, изъ которыхъ создались разсказы Боккачьо. Англійское возрожденіе только вемногимъ отличалось отъ итальянскаго, насколько дѣло касалось литературы. На сѣверѣ любовные мотивы выходили, можетъ быть, еще откровеннѣе, часто даже грубѣе,—но Шекспиръ съ истиннымъ чутьемъ художника внесъ въ нихъ своеобразную строгость и стройность. Его представлоніе о женщинѣ гораздо возвышеннѣе и чище, чѣмъ у Боккачьо. Поэзія Шекспира не знаетъ невѣрныхъ женъ и дѣвушекъ, мѣняющихъ предметы своихъ увлеченій. Въ одной только комической драмѣ— «Троилъ и Крессида» въ лицѣ главной героини представлено непостоявство женскаго сердца. Но вся пьеса— пародія на героическій стиль классицизма в въ ней вѣтъ «серьезныхъ» положеній и героевъ— положительныхъ въ какомъ бы то ни былосмыслѣ, съ точки зрѣнія автора.—Клеопатра въ исторической драмѣ не идетъ въ счетъ: Шекспиръ, рисуя образъ «Нильской змѣйки», хотѣлъ только остаться вѣрнымъ своему историческому источнику—Плутарху и оставилъ въ сторонѣ свои личные взгляды па женщину, женскую душу и женскую любовь.

Тамъ, гдѣ поэтъ свободно отдавался своему вдохновенію, гдѣ предстояло міру грезъ или дѣйствительности воплотиться подъ властью

личнаго творчества поэта, тамъ продъ нами женщина во всемъ блескѣ дѣвственной чистоты, нравственной силы и стойкости, когда дѣло идетъ о любви.

Исторію романическихъ отношеній между мужчиной и женщиной Шекспиръ высказалъ устами одной изъ своихъ умственно-сильныхъ и развитыхъ героинь—устами Изабеллы въ трагедіи «Мѣра за Мѣру»:

О женщины! Да сохранитъ ихъ небо!
Все лучшее позоритъ въ нихъ мужчина,
Во зло употребляя...

Въ этой трагедіи, дѣйствительно, всѣ героини стоятъ на высотѣ нравственнаго превосходства надъ мужчинами и являются жертвами эгоизма мужчинъ.

Шекспиръ безусловно вѣритъ въ любовь женщины. Сколько бы воли поэтъ ни давалъ всякимъ случайностямъ, капризамъ людей и судьбы—женская любовь остается неизмѣнной въ этомъ водоворотѣ отъ начала до конца. Поэтъ, повидимому, не допускаетъ и мысли, чтобы женщина, по своей волѣ, могла оскорбить чувство вѣрности.

Шекспировская женщина — олицетвореніе чистой поэзіи. Это существо въ нравственномъ отношеніи въ высшей степени простое, непосредственное. Оно совершенно чуждо высшей умственной жизни, идейныхъ увлеченій, общихъ вопросовъ. Всѣ силы ея природы сосредоточиваются на самомъ естественномъ стремленіи молодаго здороваго организма — на стремленіи любить и быть любимой. Все изъ этого чувства вытекаетъ и къ нему возвращается. Какими бы желаньями не воодушевлялась дѣятельность женщины, сколько бы нравственной силы и воли ни проявляла шекспировская героиня, мы можемъ быть увѣрены, что это дѣлается и будетъ постоянно дѣлаться только во имя любви.

Любовь и жизнь у Шекспира синонимы. Любить для женщины такъ же естественно, какъ жить, и такъ же необходимо, какъ дышать. Приходятъ извѣстные годы—и этотъ могучій, неукротимый инстинктъ прорывается неудержимой волной. Судьба посылаетъ встрѣчу съ человѣкомъ, который непремѣнно долженъ возбудить пламенное чувство, единственное на всю жизнь. И ни одна дѣвушка не сопротивляется, не можетъ сопротивляться этому порыву. Мало этого,—ей не приходитъ на умъ стыдиться его, даже краснѣть при первомъ словѣ любви, при первомъ поцѣлуѣ.

Вы помните, какъ начинается романъ Ромео и Джульетты? Молодые люди встрѣчаются на вечерѣ въ первый разъ, говорятъ другъ другу нѣсколько любезныхъ привѣтствій и поцѣлуй немедленно слѣдуетъ за этими привѣтствіями. Джульетта не только не сопротивляется,—она весьма прозрачнымъ намекомъ проситъ втораго поцѣлуя и откровенно сознается Ромео: «Твой поцѣлуй сжигаетъ нѣгой страстной»!..

А между тѣмъ, она совершенно не знаетъ, кто это такъ свободно говоритъ съ ней? Оказывается,—это ея врагъ по семейнымъ отношеніямъ, но это нисколько не смущаетъ ея только что возникшее чувство. Она только, какъ бы мимоходомъ, удивляется игрѣ судьбы, сведшей ее съ врагомъ ея родителей. Ей и на умъ не приходитъ, во имя семейныхъ традицій, во имя воли родителей—отступить отъ своей любви. Она «любить должна», хотя Ромео и «врагъ» ея семьи:

Любовь, любовь, какъ ты чудесъ полна!
И я любить врага теперь должна.

И дальше рѣчи Джульетты полны искренности. Она ни на минуту не задумывается высказать переполняющее ее чувство. Ромео едва успѣваетъ отвѣчать ей. Картины будущаго счастья, наслажденье настоящимъ, всевозможныя пожеланья безпрестанно слышатся намъ при каждомъ свиданіи. Джульетта сама спѣшитъ приготовить Ромео ко всѣмъ радостямъ ихъ любви:

Доброй ночи, милый!
Отъ благопріятнаго дыханья лѣта
Пусть разцвѣтетъ зародышъ этой страсти
Плѣнительнымъ цвѣткомъ—до новой встрѣчи!
Прости. Да разольется тишина
Въ душѣ твоей съ тѣмъ сладостнымъ покоемъ
Которыми полна такъ грудь моя.

Та же исторія повторяется съ Розалиндой. Ей стоило только увидѣть Орландо,—и страсть охватила ея дѣвственное сердце. Розалинда не въ силахъ скрыть ея. Высказывая похвалу доблести Орландо, она невольно сознается въ своей любви къ нему:

Мессэръ, дрались вы славно
И побѣдить съумѣли не однихъ
Своихъ враговъ...

Рѣчь обрывается, но для Орландо ясенъ ея смыслъ.

Поэтичнѣе всего начало первой любви у Миранды. Въ лицѣ этой дѣвушки, воспитанной среди идиллической пустыни, незнающей никого кромѣ отца, Шекспиръ хотѣлъ воплотить чистѣйшія стремленія дѣвическаго чувства, создать плѣнительнѣйшій женскій образъ изъ свѣта и любви.

Миранда видитъ миланскаго принца, только что спасшагося отъ кораблекрушенія. Она восхищена, она не знаетъ съ чѣмъ сравнить это невѣдомое ей явленіе. Она говоритъ отцу, не находя въ себѣ силъ молчать и скрывать свой восторгъ:

Готова я божественнымъ созданьемъ
Его назвать. Въ природѣ ничего
Прелестнѣе его я не видала...

Та же искренность и неудержимое чувство дышатъ въ первыхъ бесѣдахъ Миранды съ принцемъ. Она не можетъ видѣть его подъ гнетомъ

тяжелаго труда, она больше его самого заботится объ его отдыхѣ:

Прошу, не будьте такъ прилежны.
О, если бы хоть молнія сожгла
Всѣ гадкія, уродливыя бревна,
Которыя вы складывать должны!
Ну, бросьте же полѣно, отдохните.
Оно въ огнѣ заплачетъ отъ того,
Что васъ теперь собою утруждаетъ.
Родитель мой въ науки погруженъ;
Я васъ прошу, присядьте, отдохните;
Свободны вы на цѣлыхъ три часа.

И Миранда готова принять на себя тяжелый трудъ...

Наконецъ, припомните, какъ начался чудный романъ Отелло съ Дездемоной. Роману предназначенъ былъ страшный кровавый конецъ,— но начало его блещетъ всей прелестью дѣвственнаго идеальнаго увлеченія.

Представьте грубаго извнѣ, некрасиваго воина, не искуснаго «въ кудрявыхъ фразахъ мира», никѣмъ никогда не любимаго. Онъ разсказываетъ о своихъ приключеніяхъ Дездемонѣ, какъ взрослые бывалые люди разсказываютъ сказки дѣтямъ. Отелло и на умъ не приходитъ, что его разсказъ можетъ возбудить въ душѣ его слушательницы другое чувство, кромѣ любопытства. И вдругъ — разсказываетъ онъ предъ своими судьями:

Въ ея глазахъ съ восторгомъ видѣлъ слезы,
Когда ей разсказывалъ о страшныхъ
Несчастіяхъ изъ юности моей.

Но этого мало. Отелло могъ принять эти слезы за простую чувствительность юной дѣвушки. Дездемона сама невольно истолковала ему смыслъ своихъ слезъ, высказала его ясно, откровенно, отъ полноты сердца призналась въ своей любви:

Окончилъ я—и цѣлымъ міромъ вздоховъ
Она меня за трудъ мой наградила,
И мнѣ клялась, что это странно, чудно,
И горестно, невыразимо горько;
Что лучше ужъ желала бы она
И не слыхать про это, но желала-бъ,
Чтобъ Богъ ее такой, какъ я создалъ.
Потомъ она меня благодарила,
Прибавивши, что если у меня
Есть другъ, въ нее влюбленный — пусть онъ только
Разскажетъ ей все то, что я сказалъ —
И влюбится она въ него.

Отелло оставалось только принять этотъ намекъ.

Если чувство любви всюду является такимъ естественнымъ, необходимымъ, сказывается невольно, какъ вздохъ облегченья, какъ лучшій моментъ жизни,—ясно, что здѣсь не будетъ мѣста *внѣшней* романической обстановкѣ любви, не будетъ ухаживаній, кокетства, вымышленныхъ, слащавыхъ комплиментовъ, фальшивыхъ мукъ и приподнятаго, аффектированнаго счастья.

У Шекспира нѣтъ *дамъ* въ свѣтскомъ смыслѣ слова, нѣтъ героинь какъ ихъ понимаютъ въ романахъ, нѣтъ кокетокъ, какими видятъ женщинъ въ салонахъ. Миранда съ перваго взгляда любитъ и говоритъ объ этомъ тому, кого полюбила; это „дитя природы", не знающая условій общественной искусственной жизни,— но Дездемона — дочь венеціанскаго патриція, воспитанная среди тончайшей атмосферы аристократическаго общества,—поступаетъ совершенно такъ же, какъ и Миранда. До встрѣчи съ Отелло она не хочетъ и слышать о любви и бракѣ. Она отказываетъ „знатнѣйшимъ красавцамъ Венеціи". Повидимому она должна чувствовать себя избалованной, отовсюду ждать „кудрявыхъ фразъ",— и отецъ Дездемоны только чародѣйствомъ можетъ объяснить ея увлеченіе... Но это чародѣйство объясняется какъ нельзя проще: Оттело былъ именно тотъ, кого инстинктивно ждало и любило, еще не зная его — сердце Дездемоны.

Передъ нами еще другая героиня, отъ которой мы, повидимому, скорѣе всего должны ждать *романа*, кокетства, игры въ дамскія чувства.

Порція богатая и знатная наслѣдница. Со всѣхъ концовъ свѣта стремятся искатели ея руки,—но ея судьба не въ ея власти. Отецъ отдалъ свою дочь на волю случая. Повидимому, всѣ данныя для того, чтобы махнуть рукой на разумный результатъ страннаго завѣщанія—и воспользоваться завидной ролью совершенно свободной богатой наслѣдницы. Къ тому же и Порція не можетъ чувствовать настоящихъ нравственныхъ обязательствъ предъ будущимъ счастливымъ претендентомъ на ея красоту и богатство: вѣдь ящикъ съ портретомъ Порціи можетъ попасть и недостойному...

И что же? Порція съ первой же встрѣчи съ Бассаньо отдаетъ ему свое сердце. Она совершенно далека отъ мысли—скрыть свое влеченіе, чтобы не остаться въ ложномъ положеніи, если Бассаньо будетъ такъ-же несчастливъ, какъ и его предшественники. Порція проситъ Бассаньо подождать дѣлать опасный выборъ: она не хотѣла бы потерять свое счастье такъ скоро, она хочетъ дольше пожить надеждой. И она предъ нимъ откровенно сознается въ этомъ:

Вамъ все мое принадлежитъ. О, злая
Судьба! Зачѣмъ преграду ставишь ты
Межъ собственникомъ и его правами?
Я ваша — да — но все таки не вамъ
Принадлежу. Коль такъ судьбѣ угодно,
То въ адъ идетъ пускай она — не я.
Я говорю однако слишкомъ много;
Но цѣль моя — чтобъ время протянуть
Подолѣе и вашъ замедлить выборъ.

Когда выборъ сдѣланъ, Порція съ изумительной скромностью и смиреніемъ преклоняется предъ своимъ будущимъ господиномъ:

Синьоръ, меня вы видите такою,
Какою Богъ на свѣтъ меня создалъ.
Я для себя самой бы не имѣла
Желанія быть лучше; но для васъ
Хотѣла бы я въ двадцать разъ утроить
Свою цѣну, быть въ десять тысячъ разъ
Прекраснѣе, въ сто тысячъ разъ богаче...
.... Теперь я дѣвушка простая,
Безъ свѣдѣній, безъ опытности, тѣмъ
Счастливая, что не стара учиться,
И тѣмъ еще счастливѣй, что на свѣтъ
Не родилась тупою для ученья;
Всего же тѣмъ счастливѣе, что свой
Покорный умъ теперь она вѣряетъ
Вамъ, мой король, мой мужъ, учитель мой.
И я, и все мое — отнынѣ ваше.

Это она говоритъ бѣдному, безродному жениху, для котораго во всѣхъ отношеніяхъ единственное спасеніе бракъ съ Порціей.

Кокетокъ нѣтъ у Шекспира еще и по другой причинѣ. Если кокетству мѣшаетъ искреннее органическое чувство, одно на всю жизнь, — оно въ пьесахъ Шекспира устраняется также цѣлью, какая постоянно ставится одинаково для мужской и женской любви. Цѣль эта — бракъ. Онъ постоянно имѣется въ виду — въ драмахъ, въ комедіяхъ, все равно разыгрывается-ли на почвѣ страсти трагедія или развертывается сіяющая сцена невозмутимой жизненной радости.

Въ комедіи, гдѣ, повидимому, болѣе всего романическихъ вздоховъ и томленій, мысль о бракѣ одинаково вдохновляетъ и героевъ и героинь. Даже вздохи и томленія возникли только потому, что одинъ изъ героевъ задумалъ построить жизнь наперекоръ естественныхъ стремленій молодости, хотѣлъ „поститься, на женщинъ не смотрѣть, не спать и все учиться“. Женщины возвращаютъ этого еретика на путь истинный: выходитъ нѣчто въ родѣ салоннаго романа кокетокъ и ихъ жертвъ, по результатъ ни на одну минуту не теряется изъ виду. Здѣсь не забавляются любовью, а — напротивъ — пользуются ею какъ нравственно-просвѣтительнымъ средствомъ. И „безплодныя усилія любви“ оканчиваются перспективой супружескаго счастія.

Вмѣсто кокетокъ на сценѣ Шекспира встрѣчаются дѣвушки съ совершенно противоположными стремленіями, доведенными до крайней степени. Эти героини *сами* молятъ о любви, о ласкѣ, готовы непрестанно надоѣдать своимъ легкомысленнымъ мучителямъ. Самая типичная изъ этихъ героинь — Елена въ комедіи. „Сонъ въ лѣтнюю ночь“. Деметрій убѣдительно повторяетъ ей, что онъ ея не любитъ и не можетъ любить, а Елена отвѣчаетъ ему:

За это я сильнѣе
Тебя люблю! Деметрій, я собачка,
Которую, чѣмъ болѣе ты бьешь,
Тѣмъ болѣе она тебя ласкаетъ!
Да, обходись со мною, какъ съ собачкой,
Толкай меня ногами, бей меня,
Не обращай вниманья, погуби...
Но какъ бы я презрѣнна ни была,
Лишь слѣдовать позволь мнѣ за собою!
Въ твоей любви могу-ль просить я мѣста.
Смиреннѣе того, въ которомъ ты
Не отказалъ, конечно-бъ, и собакѣ;
Но счастлива была бы я и тѣмъ.

Эти рѣчи впадаютъ даже нѣсколько въ карикатурный тонъ, какъ и вся пьеса обнаруживаетъ тонкую, хотя и добродушную иронію поэта надъ любовными безумствами. Но самая возможность именно такой карикатуры характерна для Шекспира. Смыслъ явленій остается тотъ же всюду, гдѣ творчество поэта вполнѣ серьезно и вытекаетъ изъ его положительнаго міросозерцанія. Множество другихъ дѣвушекъ дѣлаютъ въ сущности то же самое, о чемъ говоритъ Елена, — только поступки ихъ проявляются въ другой формѣ, чѣмъ погоня въ лѣсу за легкомысленнымъ ослѣпленнымъ кавалеромъ. И эти поступки поэтъ записываетъ совершенно серьезно въ исторіяхъ идеальной женской любви.

Мы сказали выше, что у Шекспира нѣтъ измѣнницъ и невѣрныхъ женъ. Это ясно изъ изложенной исторіи Шекспировской женщины, — это еще яснѣе изъ личныхъ признаній Шекспировскихъ жевщинъ.

Дездемонѣ приходится выслушать страшное обвиненіе. Сначала оно для нея не такъ страшно, какъ — удивительно, невѣроятно. Она обращается за разрѣшеніемъ своего недоумѣнія къ болѣе опытной Эмиліи:

Что, Эмилія, скажи
По совѣсти, неужли въ самомъ дѣлѣ
Есть женщины, способныя мужей
Обманывать такъ низко?

Дальнѣйшій разговоръ въ высшей степени интересенъ и превосходно характеризуетъ идеальный типъ женщинъ, какъ его представлялъ Шекспиръ:

Эмилія.

Безъ сомнѣнья
Но мало ихъ...

Дездемона.

А ты такъ поступить
Рѣшилась бы, когда-бъ тебѣ давали
Хоть цѣлый міръ?

Эмилія.

А вы бы развѣ нѣтъ?

Дездемона.

Нѣтъ, никогда клянусь небеснымъ свѣтомъ!

Эмилія.

Да вѣдь и я при свѣтѣ ни за что.
Удобнѣе все это дѣлать ночью.

Дездемона.

И сдѣлала-бъ ты это, если-бъ дали
Тебѣ весь міръ?

Эмилія.

Охъ! міръ — большая вещь.
И дорого платить такой цѣною
За маленькій проступокъ!

Дездемона.

Нѣтъ, оставь!
Не вѣрю я, что говоришь ты правду.
. . . . . .
. . . . . .
Нѣтъ, не хочу и вѣрить я, что въ свѣтѣ
Есть женщина такая.....

Совершенно также относится къ этому предмету и Имогена. Іахимо намекаетъ ей, что она прекрасно можетъ отомстить невѣрному мужу. Она не понимаетъ намека коварнаго итальянца:

Отмстить—но какъ? Будь это даже правда—
Хотя такое сердце у меня,
Что не легко умомъ повѣрить—какъ
Я буду мстить?...

Мы упомянули, что среди этихъ идеальныхъ женъ исключеніемъ является Крессида. Но здѣсь исключеніе не слѣдуетъ понимать, какъ полную противоположность вѣрности. Крессида измѣняетъ Троилу, но дѣлаетъ это безсознательно, будто не чувствуя, не понимая своего поступка. Она всецѣло во власти своего легкомыслія. Послушайте, какъ она сама судитъ о своей измѣнѣ,—и всякій упрекъ невольно перейдетъ въ снисходительную улыбку. Она только что простилась съ Діомедомъ, зоветъ его на слѣдующее свиданіе, но ей жаль забыть и Троила. Она заочно посылаетъ ему привѣтствіе:

Простимся также
И мы, Троилъ! Пока еще мнѣ больно
Забыть тебя, но глазъ уже невольно
Влечетъ къ нему. Невѣрный глазъ всегда
Влечетъ нашъ умъ: въ томъ женщинъ всѣхъ бѣда!
Кого-жъ винить, что вѣрныхъ нѣтъ межъ нами,
Когда въ обманъ мы вводимся глазами?

Очевидно, здѣсь измѣна не затрогиваетъ ни сознанія, ни чувства. Легкомысленная дочь Калхаса просто жалкая, безпомощная игрушка своихъ «невѣрныхъ глазъ». Впечатлѣнія ея не доходятъ до сердца.

Дездемона и Имогена, не представляющія даже возможности супружеской измѣны, являются прекраснымъ олицетвореніемъ еще другой черты женской любви. Онѣ въ своей жизни полнѣе чѣмъ кто-либо воплощаютъ эту черту. Мы говоримъ о *всепрощеніи*, о безграничной снисходительности и гуманности шекспировской женщины къ любимому человѣку. Нѣтъ проступка, который бы здѣсь не былъ прощенъ и оправданъ.

Имогена сама въ концѣ драмы обращается со словами прощенія къ своему жестоко-опрометчивому мужу. Дездемона еще нѣжнѣе относится къ ослѣпленію Отелло. Всѣ обиды не колеблютъ ея чувства. Послѣ ужасной сцены въ присутствіи венеціанскихъ пословъ, она говоритъ:

.... Буду
Всегда любить, хотя бы онъ разводомъ
Отверъ меня,—о, пусть тогда покой
Разстанется на вѣкъ съ моей душою!
Всесиленъ гнѣвъ; его же гнѣвъ способенъ
Взять жизнь мою, но не отнять любовь.

Эмилія предупреждаетъ Дездемону, что лучше бы пока не встрѣчаться съ Отелло. Дездемона и слышать объ этомъ не хочетъ:

Я пылко такъ люблю его, что даже
И гнѣвъ его, и злоба, и упреки—
Все для моей души
Плѣнительно и мило.

И умираетъ Дездемона со словами любви. На вопросъ, кто ея убійца?—она называетъ себя и проситъ мужу-убійцѣ передать свой «послѣдній привѣтъ».

Герміона должна вынести участь Дездемоны, хотя судьба и спасетъ ее отъ трагическаго конца. Въ самыя тяжелыя минуты, внимая неправильнымъ обвиненіямъ мужа, она не смѣетъ отвѣтить ему и словомъ упрека; она говоритъ ему только: «ты ошибся».

Геро въ комедіи «Много шуму изъ ничего» также становится жертвой клеветы, должна на время исчезнуть изъ семьи живыхъ людей,—но въ концѣ своихъ страданій она воскресаетъ исполненная прежней любви и всепрощенія. И это снова дѣлается безъ всякихъ фразъ, съ плѣнительной простотой искренняго, глубокаго чувства. Она говоритъ Клавдію:

Останься я въ живыхъ,
Такъ я была бы вамъ женой; воскресши
Я снова отдаю вамъ руку.

Еще большія преступленія и большія жестокости прощаетъ Елена Бертрану, въ комедіи «Конецъ—всему дѣлу вѣнецъ», Маріанна Анжело въ драмѣ «Мѣра за мѣру»... Юлія въ комедіи «Два Веронца»—слова прощенія сопровождаетъ необыкновенно нѣжнымъ сердечнымъ упрекомъ измѣнившему ей Протею:

Взгляни—я та, которая была
Предметомъ клятвъ твоихъ, и сберегла
Глубоко въ сердцѣ ихъ, хотя извлечь
Ты съ корнемъ ихъ старался вѣроломствомъ.

Вообще, женщины у Шекспира крайне скромны въ рѣчахъ, когда дѣло идетъ о любви и жертвахъ ради нея. Онѣ не знаютъ ни пышныхъ словъ, ни эффектныхъ проявленій страсти, горя, радости.

Герміона, оскорбленная публично въ самомъ дорогомъ своемъ чувствѣ, говоритъ окружающимъ:

.... быть можетъ, вы,
Не видя слезъ въ глазахъ моихъ, и сами
Не станете жалѣть меня; но знайте,
Что я полна той благородной скорби,
Которая, упавши разъ на душу,
Томитъ ее и жжетъ съ такою силой,
Что не залить потокомъ горькихъ слезъ.

Юлія, разставаясь съ Протеемъ, останляетъ его молча. Легкомысленный искатель удовольствій изумленъ, но онъ невольно догадывается о краснорѣчивомъ смыслѣ молчанія:

Какъ вышла молча?
Но чувство сильное не знаетъ словъ,
А вѣрность украшается дѣлами.

Для Протея это только звучныя слова,—для шекспировскихъ женщинъ—неизмѣнное правило жизни.

При всей скромности и наивности овѣ превращаются въ настоящихъ героинь, когда дѣло идетъ о любви, о любимомъ человѣкѣ. Первый вопросъ здѣсь, конечно, касается семейныхъ отношеній. Дѣвушка всю жизнь прожила въ семьѣ подъ властью отца, въ любящихъ глазахъ матери. Судьба опредѣлила ей полюбить человѣка, ненавистнаго или презираемаго среди ея родныхъ. Какъ ей поступить? Во французскихъ драмахъ и комедіяхъ классической эпохи и даже позднѣйшаго времени геровзмъ дѣвушки долженъ былъ сказываться въ отказѣ отъ личнаго увлеченія и въ безусловной покорности желаніямъ родителей. Дѣвушка являлась героиней, если она изивпяла себѣ и своему чувству ради семейнаго авторитета. У Шекспира совершенно наоборотъ. Чувство любви здѣсь самое законное и святое чувство, и любимый человѣкъ высшій нравственный и практическій авторитетъ.

Сильвія, собираясь бѣжать изъ отцовскаго дома отъ ненавистнаго брака, замышляемаго ея отцомъ, коротко и ясно выражаетъ нравственное міросозерцаніе влюбленной дѣвушки. Она вербуетъ себѣ сообщника и убѣждаетъ его слѣдующими доводами:

Не бойтесь гнѣва моего отца,
А помните о горѣ вашей дамы;
Подумайте, что мой побѣгъ меня
Избавитъ отъ безбожнаго союза,
Противнаго и небесамъ, и людямъ.

Такого рода побѣги весьма часто совершаются у Шекспира и постоянно съ полнымъ сознаніемъ нравственнаго долга. Здѣсь нѣтъ и рѣчи о страхѣ предъ гнѣвомъ родителей, предъ грядущими лишеніями изъ-за вражды ихъ къ опасному предпріятію. Цимбелинъ осыпаетъ Имогену жесточайшими упреками,—она отвѣчаетъ ему:

Не сокрушайте, государь, себя
Досадою! Она меня не тронетъ;
Подъ нимъ скорби тяжкой и глубокой
Исчезъ мой страхъ.

Она помнитъ только Постума, и остается вѣрной себѣ до конца драмы. Въ ковцѣ пьесы, въ общемъ сравнительно слабой, предъ нами въ высшей степени тонкая, по истинѣ геніальная сцена въ психологическомъ отношеніи: Имогева — счастлива, видя своего мужа, она бросается ему въ объятія, не находитъ словъ высказать свое счастье. А что же остается отцу? При видѣ этой сцены, ему приходится напомнить о себѣ дочери легкимъ упрекомъ:

Что жъ, дочь моя, вѣдь тутъ я только зритель,
И для меня нѣтъ слова у тебя?...

Имогена съ самаго начала является одной изъ самыхъ мужественныхъ героинь. Условія ея жизни при дворѣ отца должны были въ сильной степени помогать развитію мужества: злостная мачиха интриганка, слабодушный отецъ, попавшій въ ея руки, вынуждали Имогену стоять одиноко, бороться за себя собственными силами. Житейская борьба началась рано,— и исторія съ Постумомъ только вавболѣе сильный моментъ въ этой борьбѣ. Можно бы думать, что именно Имогена и выказала столько нравственной силы и самоотверженія, когда ей пришлось страдать изъ-за своей любви. Но, оказывается, что она только одна изъ многихъ, изъ всѣхъ шекспировскихъ героинь. Дѣвушки, воспитанныя въ самой любовной атмосферѣ семейнаго счастья, проявляютъ то же мужество, ту же рѣшимость.

Джульетта—единственная дочь Капулетти. Ни о какихъ интригахъ, ни о какой междуусобной злобѣ въ семьѣ она не знаетъ. Одиночество ей не вѣдомо,—напротивъ, отецъ и мать—ея лучшіе друзья. Но это только до встрѣчи съ Ромео. Съ этой минуты у нея *своя* семья и *свое* будущее. Она готова отречься отъ всего, чѣмъ жила до сихъ поръ, и даже готова совѣтывать это Ромео:

Ромео! Для чего ты
Ромео? Отрекися отъ отца,
Брось это имя, или, если ты
Не хочешь этого, то поклянись,
Но лишь такой любовью, какъ моя—
И я не Капулетти.

Ромео убилъ Тибальта, родственника Джульетты. Она сначала страшно поражена, но печаль о Ромео превосходитъ всѣ другія огорченія:

Мнѣ ль осуждать супруга моего?
. . . . . .
Супругъ мой живъ, Тибальта лишь не стало:
Вѣдь радость тутъ, зачѣмъ же слезамъ течь?
Но слово есть... и это слово хуже,
Чѣмъ смерть сама Тибальта...
Звукъ этотъ умерщвляетъ
Вдругъ десять тысячъ братьевъ...

этотъ звукъ—изгнаніе Ромео.

И Джульетта идетъ, повинуясь исключительно голосу любви.

Такъ же поступаетъ Дездемона: она покидаетъ отца ради Отелло. Даже кроткая Корделія смѣло исповѣдуетъ предъ отцомъ свободу женскаго сердца и единственную власть надъ нимъ—любви къ мужу. Она осмѣливается сказать Лиру, что эта любовь имѣетъ большія права даже рядомъ съ ея долгомъ дочери.

Въ комедіяхъ господствуетъ тотъ же принципъ: нѣтъ власти высшей, чѣмъ голосъ чувства. Сильвія союзъ съ полюбимымъ человѣкомъ считаетъ безбожнымъ, неестественнымъ. Гермія признаетъ его фактически-невозможнымъ:

... рости, и жить, и умереть
Хочу одна, скорѣй чѣмъ соглашуся
Я дѣвственность мою отдать тому,
Чью власть душа всей силой отвергаетъ!

При такомъ убѣжденіи, въ глазахъ дѣвушки, очевидно, не будутъ имѣть никакого зна-

чепія и всѣ другія внѣшнія условія: вмѣстѣ съ волей родителей, ничтожное происхожденіе, богатство, общественное положеніе мужчины. Все это не идетъ въ счетъ, когда ставится вопросъ о любви. Гермія говоритъ *о душѣ*: исключительно душой, т. е. человѣкомъ какъ онъ есть самъ по себѣ,—вызывается любовь всѣхъ другихъ шекспировскихъ героинь.

Самый разительный фактъ—любовь Дездемоны къ Отелло. Отцу трудно, невозможно понять этой любви, а Дездемона говоритъ:

> Въ его лицѣ мнѣ духъ его являлся,
> Я подвигамъ его и славѣ громкой
> Свою судьбу и душу посвятила...

Отелло еще точнѣе объясняетъ увлеченіе Дездемоны: «она меня *за муки* полюбила». Очевидно, здѣсь не было мысли о происхожденіи Отелло, объ его плебейскомъ положеніи въ аристократической Венеціи.

Имогена проникнута тѣми же чувствами. Ей со всѣхъ сторонъ говорятъ о неравенствѣ ея брака съ Постумомъ, указываютъ, какъ на подходящую партію, на принца Клотена, она отвѣчаетъ:

> Я поступила хорошо: орла
> Я избрала и ворона отвергла.

Она даже высказываетъ такое желаніе:

> О, когда-бы
> Отецъ мой былъ пастухъ, а Леонатъ
> Сосѣда сынъ!

Имогена знаетъ единственный способъ вѣрно оцѣнивать людей—по заслугамъ. Безъ этихъ заслугъ даже сынъ Юпитера — ничтожное и презрѣнное созданіе.

Всѣ эти примѣры показываютъ намъ, что у Шекспира женщиной владѣетъ не исключительно физіологическое влеченіе, что это не простая страсть молодаго здороваго организма: въ лицѣ любимаго человѣка женщинѣ является нѣчто совершенное во всѣхъ отношеніяхъ,—въ физическомъ и духовномъ. Это античный взглядъ на человѣка, взглядъ, воскресшій во всей силѣ—въ эпоху возрожденія: въ прекрасномъ тѣлѣ—прекрасный духъ. Джульетта не можетъ помириться съ мыслью, чтобы внѣшняя красота Ромео скрывала «бѣсовскій духъ»; и нѣсколько минутъ спустя она склоняется къ отрицательному отвѣту: Ромео остается для нея идеаломъ и по красотѣ, и по душевнымъ доблестямъ.

Очевидно, это взглядъ, подсказанный сердцемъ, чувствомъ, а не анализомъ, это—мысль, родившаяся вмѣстѣ съ любовью, огонь, загорѣвшійся отъ внезапной искры увлеченія. *Идеи*, т. е. отвлеченнаго разсудочнаго представленія, здѣсь нѣтъ, — и шекспировскимъ женщинамъ идеи, какъ отвлеченныя понятія,—недоступны. При всемъ мужествѣ шекспировская героиня остается женщиной, т. е. существомъ исключительно во власти непосредственнаго, органическаго чувства, порыва, увлеченія. Имогена прекрасно выразила это въ слѣдующихъ словахъ. На предостереженія Пизанія — не пускаться въ опасное и невѣрное путешествіе на поиски Постума, она отвѣчаетъ:

> Я лишь впередъ гляжу, но ни направо,
> Ни влѣво, ни назадъ: повсюду тамъ
> Слѣпитъ меня туманъ...

Здѣсь нѣтъ сомнѣнія, рефлексій, *идей* въ ихъ чистомъ видѣ. Если шекспировская героиня становится на сторону какого-либо общаго дѣла, можно быть увѣреннымъ, что это дѣло ея мужа, ея милаго и только поэтому оно интересуетъ ее. Блестящій примѣръ въ этомъ отношеніи Порція, дочь Катона.

Порція съ необыкновеннымъ вниманіемъ слѣдитъ за жизнью, дѣйствіями и настроеніями своего мужа. Она замѣтила его душевную смуту и не отстаетъ съ разспросами, несмотря на молчаніе и гнѣвъ сурового республиканца. Тогда она является къ нему почью и говоритъ умоляющимъ и въ то же время настойчивымъ тономъ:

> Ты боленъ духомъ, милый Брутъ: по праву
> Жены я знать болѣзнь твою должна;
> Тебя я на колѣняхъ заклинаю
> Моей когда-то славной красотой,
> Твоей любовію и тѣмъ обѣтомъ,
> Который насъ въ одно соединилъ:
> Открой мнѣ, отчего ты такъ задумчивъ?...

Брутъ опять склоненъ отговориться, рѣчь Порціи становится еще энергичнѣе:

> Скажи мнѣ, Брутъ,
> Уже ли въ нашемъ брачномъ договорѣ
> Условье постановлено, чтобъ я
> Твоихъ секретовъ ни когда не знала?
> Уже ль съ тобой слилась я лишь отчасти,
> Въ извѣстной степени, какъ напримѣръ,
> Должна дѣлить съ тобой постель и пищу,
> Порою разговаривать? Такъ я
> Живу отъ сердца твоего невблизи,
> Не въ городѣ, въ предмѣстьяхъ городскихъ?
> О! если такъ, то Порція для Брута
> Наложница, а не жена.

Порція вся во власти своей любви къ великому человѣку. Она исполнена вѣры въ свои силы: «Я женщина, но я Катона—дочь!» Ея энтузіазмъ сообщается и Бруту; онъ молитъ боговъ дать ему силу — «быть достойнымъ этой благородной жены».

Порывъ Порціи искренепъ и благороденъ, но онъ не *идеенъ* и онъ захватываетъ Порцію только, какъ женщину, а не какъ гражданку, хотя она и вспоминаетъ Катона. Порція не пойдетъ до конца рядомъ съ Брутомъ, потому что у нея нѣтъ *идеальнаго міросозерцанія*, нѣтъ непоколебимаго мужества, воспитываемаго принципомъ, убѣжденіемъ, независимо отъ личныхъ отношеній. И Порція сама *невольно* вводитъ свою женскую природу. При первыхъ признакахъ опасности, она теряется, и искреннее сознаніе срывается съ ея устъ:

Какъ слабо сердце женщины! О, Брутъ!
Пусть небо въ предпріятіи твоемъ
Тебѣ поможетъ!

Порывъ, очевидно, упалъ, страстное возбужденіе охладѣло, энтузіазмъ, родившійся изъ чувства къ дорогому человѣку, началъ колебаться. Вскорѣ мы слышимъ отъ Брута такой разсказъ о судьбѣ Порціи:

Она томилась
Моимъ отсутствіемъ, терзалась мыслью,
Что молодой Октавій и Антоній
Усилились (молва о ихъ успѣхахъ
Съ ея кончиной совпадаетъ): это
Подѣйствовало на ея разсудокъ,
И какъ то разъ, въ отсутствіи прислуги,
Она горячій уголь проглотила.

Вы припоминаете, что приблизительно такая же судьба и у другой шекспировской героини, пошедшей было на дѣло своего мужа, даже давшей ему сильнѣйшій толчекъ. Леди Макбетъ также вначалѣ драмы полна отваги и энергіи, въ то время когда мужъ ея колеблется и мучится сомнѣніями. Дальнѣйшая участь супруговъ совершенно обратная: Макбетъ все больше крѣпнетъ и осваивается на своемъ пути, *леди*, его былая вдохновительница—страдаетъ, бродитъ по ночамъ, гонимая призраками, и кончаетъ самоубійствомъ въ ту минуту, когда Макбету весь міръ представляется сплошнымъ фарсомъ...

И эта исторія подтверждается на другихъ шекспировскихъ героиняхъ. Женская природа сказывается у нихъ неотразимо, невольно, — за какое бы дѣло онѣ не брались, въ какомъ бы видѣ ни представали. Имогена одѣлась въ мужское платье и въ порывѣ любви стремится вынести всѣ невзгоды ради Постума, — но первыя слова ея на этомъ пути:

О, тяжела, я вижу, жизнь мужчины:
Устала я....

Мужской костюмъ не мѣняетъ человѣка: Розалинда падаетъ въ обморокъ при видѣ крови, Віола дрожитъ при видѣ оружія, Виргилія— римлянка, жена Коріолана, не выноситъ даже мысли о крови...

Невольно припоминаются — наивное признаніе Дездемоны: «вѣдь въ самомъ дѣлѣ, я еще дитя»... и впечатлѣнія Лаэрта при видѣ безумной Офеліи:

Тоску и грусть, страданья, самый адъ—
Все въ красоту она преобразила.

На шекспировской сценѣ совершенное венарушимое царство женственности, часто возвышенной, идеально-самоотверженной и въ то же время слабой, наивной, заключающей въ себѣ всю поэтическую, прелесть всѣ практическіе недостатки порывовъ, чувства и увлеченія.

Природа женщины у Шекспира въ высшей степени проста по своему духовному составу. Здѣсь никакой теоретической работы не происходитъ, общихъ принципіальныхъ вопросовъ не поднимается, какихъ либо *идей* не возникаетъ. Поэтому, у Шекспира въ сущности нѣтъ *психологіи* женскихъ типовъ, нѣтъ *душевной исторіи* женщины. Онѣ не развиваются, а являются на сцену готовыми и сходятъ съ нея съ тѣми же внутреннимъ мотивами, съ какихъ началась драма. Всю глубину психологическаго анализа Шекспиръ раскрываетъ исключительно на мужчинахъ. Но за то поэтъ безусловно вѣритъ въ женское сердце и чистоту женскаго инстинкта. И онъ часто дѣлаетъ женщинъ защитницами своихъ дорогихъ идей. Цѣлая комедія «Безплодныя усилія любви» отдана возстановленію правъ природы и молодости; и дѣло это поручено женщинамъ, преимущественно французской принцессѣ. Гуманность женскаго сердца простирается часто гораздо дальше любовной страсти, захватываетъ общіе вопросы. Графиня Руссильовская, принимая сторону незнатной невѣсты своего сына, говоритъ вообще за человѣческое достоинство и равноправность. Въ комедіяхъ Шекспира весьма мало намековъ на современность. Одинъ изъ немногихъ и самый эффектный вложенъ въ уста женщины.

Въ эпоху поэта существовала порода разочаронапыхъ юношей, живо напоминающая поколѣніе нашихъ «героевъ времени». Они страдали меланхоліей и гнѣвались на міръ Божій, лишенный, по ихъ мнѣнію, интереса и крайне бѣдный наслажденіями. Меланхолію и разочарованіе эти преждевременные старцы привозили изъ чужихъ краевъ, гдѣ съ примѣрнымъ усердіемъ тратили деньги и молодость. Розалинда встрѣчается съ однимъ изъ этихъ героевъ и провожаетъ его злой насмѣшкой вадъ его наносной меланхоліей и лицемѣрной разочарованностью...

Симпатія Шекспира къ его героиняхъ сообщается и намъ. Наивныя, искренно-непосредственныя, честно и вѣрно любящія, вѣчно готовыя загораться благороднымъ пламенемъ восторга увлеченія, — въ одно время мужественныя подруги и милыя дѣти — онѣ навсегда останутся прекраснѣйшими созданіями поэзіи. Да, здѣсь много граціи и красоты, но это не идеалъ: здѣсь нѣтъ мысли. Вся природа отлилась въ *чувство*, о существованіи другой стороны человѣческой жизни нѣтъ даже и предчувствія. Мы знаемъ только одно: пусть время и люди дополнятъ эту природу, освѣтятъ красоту свѣтомъ мысли—и предъ нами будетъ совершеннѣйшее создавіе поэзіи и правды.

Это будетъ, но не скоро. Женщина переживетъ сначала эпоху упадка въ своей исторіи. Недаромъ одна изъ шекспировскихъ героинь молила небо сохранить женщинъ отъ позора — и причину позора указывала въ мужчинахъ. Справедливъ ли вполнѣ этотъ взглядъ— вопросъ въ настоящую минуту для насъ вто-

ростепенный. Справедливо—одно: настало время, дѣйствительно отмѣченное позоромъ женщинъ.

Это время XVII и XVIII вѣка до великой французской революціи, эпоха господства французской классической литературы и нравовъ Парижа и версальскаго двора.

II.

Основная и господствующая черта у женщины Возрожденія — подчиненіе естественнымъ вліяніямъ наперекоръ всѣмъ внѣшнимъ преградамъ семейнымъ и общественнымъ — настоящее рабство предъ голосомъ природы. Наступила пора, когда, по выраженію одного знаменитаго писателя, *природу подмѣнили* — и для женщины создали другой авторитетъ совершенно обратный и враждебный прежнему: авторитетъ общества, вѣрнѣе, *свѣта*, салона, аристократической гостиной и спальной.

У Шекспира любовная исторія весьма часто связана съ жизнью природы. Одинъ изъ его героевъ выражаетъ эту тенденцію поэта въ слѣдующихъ словахъ:

Сладка мечта любви въ тѣни лѣсовъ
Среди благоухающихъ цвѣтовъ...

И поэтичнѣйшій романъ у Шекспира начинается будто по мановенію лѣтняго солнца и роскошныхъ цвѣтовъ; по крайней мѣрѣ героиня романа желаетъ «страсти» разцвѣсть «отъ благотворнаго дыханья лѣта», и въ драмѣ категорически поясняется, что «всегда сильнѣй въ день жаркій кровь кипитъ». Старикъ вспоминаетъ, какъ возникаетъ любовь, когда «апрѣль душистый слетитъ вдругъ съ душистыми цвѣтами»... Дѣйствіе многихъ пьесъ Шекспира происходитъ именно «въ тѣни лѣсовъ». Вообще, здѣсь природа — лучшій другъ молодости и прекраснѣйшая сцена для ея радостей.

Не то въ классическую эпоху.

Теперь не любятъ природы, не понимаютъ ея. Жизнь людей замкнулась въ душные салоны: дворъ и городъ, и особенно дворъ—единственная сцена общепризнанныхъ аристократическихъ страданій и галантныхъ приключеній. «Изучайте дворъ, старайтесь узнать городъ»,— таково правило, деспотически управляющее вдохновеніемъ поэтовъ.

А чему же можно было научиться при дворѣ и въ городѣ? Современный поэтъ отвѣтитъ:

La ville aussi bien que la cour
Ne respiraient que les jeux et l'amour...

Поэтъ могъ бы оставить одно *les jeux*: l'amour—подразумѣвалось бы, потому что въ это счастливое время любовь тоже была игрой и даже носила подходящее названіе—*galanterie*. Здѣсь установлены опредѣленныя правила, термины, пріемы,—и всѣ имъ подчиняются съ манекенной точностью и, прежде всего, конечно, женщины. Онѣ болѣе чѣмъ кто либо ради *galanterie* должны убить сердце и личное чувство, на всю жизнь *подмѣнить природу — модой*.

Намъ неоднократно приходилось характеризовать эту эпоху и современную женщину. На этотъ разъ мы приведемъ характеристику одного изъ замѣчательнѣйшихъ современниковъ фальшиваго строя. Этому писателю принадлежитъ мѣткое выраженіе — *подмѣнить природу* и оно объяснитъ намъ, какъ этотъ подмѣнъ отразился на женщинѣ.

Сенъ-Прэ, герой романа Руссо «Юлія или новая Элоиза», переселился въ Парижъ изъ идиллической страны патріархальныхъ нравовъ, былъ пораженъ нравами столицы. Онъ очень подробно описалъ Юліи свои впечатлѣнія въ области семейныхъ и сердечныхъ отношеній парижскаго «свѣта»:

«Кажется, что весь строй естественныхъ чувствъ здѣсь разрушенъ. Сердце не создаетъ никакихъ привязанностей; дѣвушка не имѣетъ на нихъ права; оно принадлежитъ только замужнимъ женщинамъ, которыя не исключаютъ при выборѣ никого, кромѣ своихъ мужей. Привлечѣ матери имѣть двадцать любовниковъ, чѣмъ дочери одного. Прелюбодѣяніе ихъ не возмущаетъ, въ немъ не находятъ ничего непристойнаго; имъ переполнены самые скромные романы, поучающіе общество, и развратъ не подлежитъ осужденію, лишь только онъ связанъ съ супружеской невѣрностью. О Юлія! здѣсь такая женщина, которая не побоится сто разъ осквернить свое брачное ложе, осмѣлится своими грязными устами осудить нашу цѣломудренную любовь и оскорбить узы двухъ искреннихъ сердецъ, никогда не измѣнявшихъ другъ другу... По словамъ парижанъ, бракъ есть таинство, но таинство, не имѣющее у нихъ силы даже самого ничтожнаго гражданскаго договора; повидимому, это не что иное какъ соглашеніе двухъ свободныхъ лицъ жить вмѣстѣ, носить одну фамилію и признавать своихъ дѣтей; затѣмъ бракъ не даетъ болѣе никакихъ правъ одного супруга надъ другимъ; поэтому мужъ, который вздумалъ бы осуждать поведеніе своей жены, возбудилъ бы здѣсь противъ себя такой же ропотъ, какъ у насъ мужъ, который допустилъ бы свою жену до публичнаго разврата. Съ своей стороны жены не особенно строги къ мужьямъ, и не было примѣра, чтобы жена отомстила мужу за то, что онъ подражаетъ ея невѣрности. Впрочемъ, можно ли ожидать другихъ болѣе честныхъ отношеній тамъ, гдѣ въ основаніи брачнаго союза сердце не принимаетъ никакого участія. Кто женится ради состоянія или положенія, тотъ не налагаетъ на себя никакихъ нравственныхъ обязательствъ».

«Даже любовь и та потеряла здѣсь свои права и извращена не менѣе, чѣмъ бракъ. И

если здѣсь супруги суть не что иное, какъ мужчины и женщины, которые ради большей свободы согласились жить вмѣстѣ, то и любовники также совершенно равнодушны другъ къ другу; они видятся или для развлеченія, или изъ тщеславія, изъ привычки, или ради животной потребности; сердце не принимаетъ никакого участія въ такой связи, въ ней ищутъ только удобства и нѣкотораго сходства въ характерахъ. Имѣть любовную связь значитъ, если хотите, имѣть знакомство, жить вмѣстѣ, ладить съ кѣмъ, видѣться и еще что-нибудь меньше, если возможно. Любовное свиданіе продолжается не дольше обыкновеннаго визита: любовныя отношенія—это смѣсь забавныхъ разговоровъ, забавныхъ писемъ, переполненныхъ характеристиками, правилами, философіей и остроуміемъ. Что касается любовныхъ наслажденій, они не требуютъ особенной тапвственности; находятъ благоразумнымъ согласовать минуты желаній съ удобствами ихъ удовлетворенія: кто первый пришелъ, тотъ и успѣваетъ, любовникъ или другой кто; мужчина—всегда мужчина, всѣ почти одинаково красивы, но тутъ, по крайней мѣрѣ, видна послѣдовательность, и почему въ самомъ дѣлѣ необходимо быть вѣрной болѣе любовнику, чѣмъ мужу! Кромѣ того, въ извѣстномъ возрастѣ всѣ мужчины одинаковы и всѣ женщины тоже; всѣ эти куклы выходятъ изъ одного роднаго магазина, а потому не стоитъ выбирать, можно взять первую, какая удобнѣе попадется подъ руку».

Сенъ-Прэ объясняетъ причину зла въ слѣдующихъ соображеніяхъ: «Главное зло большихъ городовъ заключается въ томъ, что тамъ люди дѣлаются другими, чѣмъ они есть, и что общество даетъ имъ, такъ сказать, существо, не сходное съ ихъ собственнымъ. Это особенно справедливо относительно Парижа и еще болѣе относительно его женщинъ, для которыхъ единственный предметъ заботы составляетъ мнѣніе другихъ. Встрѣчая даму въ обществѣ, вы видите вмѣсто парижанки только кумира моды. Ея ростъ, сложеніе, походка, талія, взглядъ, разговоры, манеры — все это не принадлежитъ ей, и если вы увидите ее въ ея природномъ состояніи, то навѣрно не узнаете».

Сенъ-Прэ не можетъ скрыть, что это рабство предъ модой щедро вознаграждается преклоненіемъ мужчинъ предъ жертвой этого рабства. Въ парижскомъ обществѣ къ услугамъ женщины — любезности кавалеровъ, таланты поэтовъ, идеи мыслителей, вдохновеніе художниковъ. Женщина кажется здѣсь царицей вкуса и законодательницей всей умственной жизни. Ей поклоняются всѣ. Но за этимъ поклоненіемъ скрыто совершенно другое чувство,— страшное, гибельное для женщины, растлѣвающее умъ и сердце ея и ея поклонниковъ. «Власть женщины», пишетъ Сенъ-Прэ, «зависитъ не отъ привязанности, или уваженія къ ней мужчины, а является только слѣдствіемъ учтивости и свѣтскаго обычая, такъ какъ французское волокитство, при всей своей угодливости, не исключаетъ презрѣнія къ женщинѣ».

Изъ дальнѣйшихъ словъ Сенъ-Прэ оказывается, что это презрѣніе вполнѣ сознательно, даже мотивируется несомнѣнными данными: мужчины презираютъ современныхъ имъ женщинъ, потому что хорошо знаютъ ихъ. «Того, кто уважаетъ ихъ», продолжаетъ Сенъ-Прэ, «считаютъ за неопытнаго новичка, за древняго рыцаря, за мужчину, который знаетъ женщинъ только по романамъ».

Дальше мы узнаемъ еще болѣе удивительныя вещи: оказывается, что и сами женщины иного отношенія не ждутъ къ себѣ, что онѣ не только мирятся съ скрытымъ презрѣніемъ мужчинъ, но даже начинаютъ презирать тѣхъ, кто изъявляетъ по отношенію къ нимъ противоположныя чувства. «Сами женщины», говоритъ Сенъ-Прэ, «судятъ о себѣ съ такой справедливостью, что чувство уваженія къ нимъ не заслуживаетъ ихъ одобренія. Первое качество счастливаго волокиты заключается въ его крайнемъ нахальствѣ».

Это затаенное, а часто и явное презрѣніе къ женщинѣ начиналось со дня ея рожденія и оканчивалось вмѣстѣ съ ея свѣтской карьерой.

Семьи XVII вѣка не знали, воспитаніе дѣтей ему было невѣдомо. Болѣе всего, конечно, отъ этого страдала женщина. Свѣтскія общества и удовольствія мѣшали дамѣ быть матерью. Всѣ заботы ея ограничивались мимолетными утреннимп свиданіями съ ребенкомъ, небрежными замѣчаніями на счетъ цвѣта лица или костюма. До восьми лѣтъ они только и слышали отъ матери: «какъ ты одѣта! что съ тобой! У тебя нынче какое-то больное лицо? Поди скорѣй порумянься или нѣтъ, не надо; ты нынче останешься дома. Дѣвочкѣ давалось понять, что она должна быть «маленькой дамой», чтобы заслужить ласковое слово. Наивнаго, дѣтскаго, естественнаго не признавалось.

Съ восьми лѣтъ «маленькая дама» воспитывалась въ монастырѣ. Иногда до поступленія въ монастырь въ 12 лѣтъ ее выдавали замужъ и сохраняли въ монастырѣ до брачнаго возраста. Цѣли монастырской школы прекрасно объяснены въ комедіи Мольера «Школа женъ». Арнульфъ дрессируетъ себѣ въ жены Агнесу, хочетъ воспитать изъ нея положительную «дурочку» во всѣхъ отношеніяхъ,— и онъ вполнѣ достигъ бы этой цѣли, если бы сама природа не заговорила въ сердцѣ юной узницы и не указала въ естественныхъ влеченіяхъ дѣвушки сильнѣйшаго врага замысловъ Арнульфа. Но не всегда въ монастыряхъ воспитывались такія наивности. За монастырскія стѣны проникали часто шумъ, блескъ и всевозможныя новости

свѣтской жизни и болѣзненно, лихорадочно раздражали юное воображеніе. Нѣкая m-lle d'Albet оставила послѣ себя книгу «Признанія хорошенькой женщины». Книга написана молодой дѣвушкой по выходѣ изъ монастыря. Оказывается, на основаніи разсказовъ, m-lle d'Albet составила необыкновенно точное и яркое представленіе о городскихъ и придворныхъ нравахъ: можно было подумать, что авторъ жилъ не за стѣнами монастыря, а вращался безвыходно въ кругу салоннаго общества. Бывали примѣры, когда монастырскія воспитанницы подъ сѣнью монастырскихъ сводовъ составляли самые смѣлые планы будущей карьеры въ свѣтѣ,—планы, которые сдѣлали бы честь настоящимъ авантюристкамъ полусвѣта.

Неволя и нарушеніе естественныхъ законовъ всегда производятъ зло въ томъ или другомъ направленіи или окончательно убиваютъ жизненные источники мысли и сердца или извращаютъ ихъ до крайней степени.

По выходѣ изъ монастыря дѣвушка тотчасъ должна была выйти замужъ. Какъ это происходило—комедія оставила намъ достаточно свидѣтельствъ. У одного Мольера наберется длинная галлерея отцовъ и матерей, устраивающихъ браки своихъ дочерей, какъ всѣ другія коммерческія сдѣлки. О личныхъ чувствахъ дѣвушекъ здѣсь нѣтъ и рѣчи. И сами женихи этимъ большею частью не интересовались. Въ комедіяхъ множество примѣровъ сватовства и постоянно женихи стараются возможно скорѣе кончить эту процедуру: въ ихъ рѣчахъ и слѣда нѣтъ увлеченья, искренняго чувства—одна наглость и хищническій инстинктъ. Здѣсь откровенность часто переходитъ всякое вѣроятіе.

Ломени въ приложеніи къ своей книгѣ «La comtesse de Rochefort et ses amis» напечаталъ нѣсколько неизданныхъ пьесъ изъ описываемой нами эпохи. Одна изъ нихъ написана графомъ и называется «Le bel esprit du temps». Здѣсь между прочимъ, происходитъ интересная бесѣда между отцомъ молодой дѣвушки и кавалеромъ, ищущимъ ея руки. Отецъ—старикъ буржуа по своимъ старомоднымъ взглядамъ на каждомъ шагу оказывается въ смѣшномъ положеніи. Кавалеръ поучаетъ его на счетъ тайнъ современнаго супружества. Прежде всего старикъ узнаетъ что за бракомъ вовсе не слѣдуетъ семья: дѣтей кавалеръ не помѣренъ имѣть,—это стѣснило бы свободу его жены и сдѣлало бы ей множество непріятностей и даже опасностей для здоровья и красоты. А свобода должна быть на первомъ планѣ: кавалеръ вовсе не требуетъ любви, ума,—ему нужны только пзящныя манеры, хорошій вкусъ, умѣнье держать себя на званыхъ обѣдахъ и занимать свѣтское общество. Всѣ отношенія къ мужу исчерпываются «вѣжливостью при встрѣчѣ, извѣстнымъ уваженіемъ при случаѣ», именно *при встрѣчѣ, при случаѣ*, потому что, объясняетъ кавалеръ, совмѣстной жизни не должно быть, даже должны быть изгнаны обѣды въ семьѣ, всякій можетъ поѣсть въ своей комнатѣ. Вообще всѣ эти «civilités puériles», связывающія отца, дѣтей, мужа, жену, какъ членовъ одной семьи, должны быть выброшены изъ житейскаго обихода.

И все-таки, бракъ былъ единственнымъ путемъ для женщины спастись отъ неволи и выйти на свѣтъ Божій,—и одна современница эпохи откровенно сознается: «я вышла замужъ за тѣмъ, чтобы выѣзжать въ свѣтъ, видѣть балъ, гулянья, оперу и комедію».. Другая еще откровеннѣе. По ея словамъ, «искушеніе имѣть карету, брилліанты, красивыхъ лошадей, было такъ велико, что она вышла бы замужъ за самаго непріятнаго человѣка, лишь бы обладать всѣмъ этимъ».

Очевидно, какая участь ждала чувство, если бы оно при всѣхъ злосчастныхъ условіяхъ захотѣло все таки сказаться. Оно создавалось, и стоило извѣстныхъ усилій со стороны молодаго мужа—вытравить этотъ безпокойный элементъ изъ своей брачной жизни. Заключая бракъ, онъ совсѣмъ не разсчитывалъ на страсть: ему нужна была только «пріятная сторона вещей». И онъ постепенно—путемъ холоднаго равнодушія, презрѣнія, а то и просто нравоучительныхъ наставленій—старался перевоспитать наивную женщину. Если она плохо понимала модный кодексъ нравственности, учитель обращался къ ней съ слѣдующей тирадой, сохраненной намъ современнымъ драматургомъ: «по истинѣ, madame, я не думалъ, что дѣло между нами приметъ такой серьезный оборотъ. Правда, мы другъ другу нравились; вы оказали мнѣ честь—нашли меня по своему вкусу, вы съ своей стороны вполнѣ пришлись на мой вкусъ. Я вамъ объяснилъ свои симпатіи къ вамъ, вы сдѣлали тоже самое, но между нами ни слова не было сказано о продолжительной любви. Если бы вы заговорили о ней,—мнѣ было бы, конечно, пріятно, но теперь я смотрѣлъ на ваше расположеніе ко мнѣ, какъ на результатъ счастливаго мимолетнаго каприза, сообразно съ этимъ я и дѣйствовалъ»...

Женщины быстро усвоили науку, разсталась съ мечтами о любви, столь естественными для дѣвическаго сердца,—бросили играть «роль недоступныхъ», *le métier de cruelles*, и вступили въ интригующую, соблазнительную, непроницаемую мглу «милой лжи» —*le mensonge aimable*. И съ этого момента начиналась нескончаемая школа кокетства, любовныхъ похожденій, минутныхъ интригъ, тайнаго и явнаго разврата. Женщина цѣнится сообразно съ количествомъ романовъ, которые она сумѣетъ завязать и оборвать. «Скандальная хроника» является для нея дипломомъ на зрѣлость свѣтской дамы и умной женщины. Арнульфъ совершенно правъ, произнеся

въ порывѣ гнѣва: «Умная жена—чертъ въ любовныхъ интригахъ!» *Une femme d'esprit est un diable en intrigue!* и когда предъ нами проходитъ на сценѣ исторія одной изъ такихъ умныхъ женщинъ, Селимены, когда мы видимъ, какъ эта красавица для собственнаго удовольствія ведетъ за разъ цѣлый рядъ приключеній и ради нихъ мучитъ достойнѣйшаго изъ всѣхъ своихъ кавалеровъ,—намъ становится понятнымъ слѣпое, убѣжденное стремленіе Арнульфа отыскать полный контрастъ этой свѣтской умницѣ. Арнульфъ, конечно, слишкомъ увлекается признавая верхомъ благоразумія—женитьбу на дурѣ, но это увлеченіе вполнѣ естественно создавалось въ эпоху Селименъ.

Селимены скоро усвоили полное отвращеніе къ человѣку, «который ищетъ чувства»—*qui veut du sentiment:* это стало въ ихъ глазахъ однимъ изъ самыхъ жалкихъ «предразсудковъ провинціи»—*préjugés de province* и мы знаемъ, съ какимъ ужасомъ мольеровская Селимена встрѣчаетъ приглашеніе Альцеста—покинуть развратное, тунеядное городское общество. Слово «уединеніе» звучитъ для нея настоящимъ проклятіемъ. Внѣ двора и города она не понимаетъ ни красоты, ни счастья...

Вскорѣ дворъ и городъ увидѣли «послѣднія слова» своей науки. Женщины наравнѣ съ мужчинами стали заводить «холостыя квартиры», обманывать одновременно мужа и любовника—и современная комедія найдетъ здѣсь богатѣйшіе мотивы для потѣхи своей публики...

Къ тридцати годамъ среди такой дѣятельности женщина теряла все жевственное, изпанивалась и физически и нравственно. Комическій авторъ свидѣтельствуетъ, что къ этому возрасту его современница «выпивала стыдъ до капли»—*a toute honte bue,*—и ей оставалось, за недостаткомъ любовныхъ наслажденій, погрузиться въ омутъ новой лжи, новаго еще горшаго лицемѣрія—явить изъ себя подвижницу знанія и религіи. Эту исторію Мольеръ разсказалъ въ двухъ строкахъ:

Heroines du temps mesdames les savantes,
Poussenses de tendresses et de beaux sentiments..

Одна и та же женщина въ различные періоды своей свѣтской карьеры—«напускала на себя нѣжныя чувства» и прикидывалась ученой, меценаткой. У Мольера цѣлый рядъ живыхъ иллюстрацій этой метаморфозы. Другіе авторы комедій не отставали отъ знаменитаго учителя. Въ пьесѣ «Les Précieurs»—выведенъ типъ меценатки, создающей литературныя репутаціи. Пьеса написана врагомъ партіи энциклопедистовъ и насмѣшка направлена на хозяйку одного изъ знаменитѣйшихъ философскихъ Салоновъ XVIII вѣка—m-lle L'Espinasse. Авторъ ошибся въ цѣли, но отъ этой ошибки не потеряла смыслъ его пьеса—для современнаго общества, гдѣ рядомъ съ искренними убѣжденными сторонницами просвѣтительнаго движенія—не мало было каррикатурныхъ жертвъ моды, педантокъ, не ушедшихъ дальше мольеровскихъ любительницъ поэзіи и грамматики. Героиня комедіи «Les Précieurs» клянется, что человѣкъ, попавшій подъ ея покровительство, сведетъ съ ума весь Парижъ, дворъ найдетъ его божественнымъ, его будутъ рвать на части. Напротивъ, всякій, кто не посѣщаетъ ея салона, никогда не выйдетъ изъ неизвѣстности и ничтожества...

Мольеровская Арсиноя, отцвѣтшая салонная авантюристка, старается при случаѣ направлять свою покровительственную дѣятельность въ другую сторону: она предлагаетъ Альцесту милости двора съ явнымъ разсчетомъ—тронуть жесткое сердце „Мизантропа".

На примѣрѣ Арсиноя раскрывается еще рядъ интересовъ, захватывавшихъ старыхъ кокетокъ: это сплетня, злая, двуязычная, нахальная,—сплетня, вымѣщающая на другихъ невольное воздержаніе отъ привычныхъ когда-то авантюровъ...

Ханжество рядомъ со всѣми этими доблестями разумѣется само собой. Но какое? Ханжество всегда отвратительно, но въ классическую эпоху въ видѣ женщины оно являлось смѣсью лицемѣрія и специфическаго салоннаго комедіанства. Изпосившаяся кокетка на все продолжала смотрѣть съ точки зрѣнія своей житейской карьеры... Мы приведемъ одинъ, въ этомъ отношеніи, весьма характерный эпизодъ.

Однажды нѣсколько свѣтскихъ дамъ собрались къ обѣдѣ. Ждали одного принца и отъ нечего дѣлать болтали и переглядывали молитвенники. Вдругъ, на глаза одной собесѣдницѣ попалось нѣсколько молитвъ, по ея мнѣнію, вульгарныхъ и безвкусныхъ. Дама принялась жестоко критиковать дурной тонъ молитвенныхъ выраженій. Сосѣдка ей замѣтила, что Богъ, вѣроятно, не обращаетъ никакого вниманія на то, что называютъ хорошимъ или дурнымъ тономъ, лишь бы молитва была произнесена искренно и съ усердіемъ. Дамѣ это замѣчаніе показалось дикимъ; горячо и совершенно серьезно она отвѣтила: «О нѣтъ!—не думайте этого...»

Если религіозное чувство никакъ не могло выбиться изъ подъ гнета этикета, что же говорить о другихъ движеніяхъ человѣческаго сердца! Комедія показываетъ намъ, какъ женщина училась систематически лгать, училась подавить въ себѣ все естественное и искреннее: такъ было въ будничной жизни, классическія драмы имѣли въ виду изображать возвышенныя явленія и великихъ героевъ и героинь. Но, при всемъ своемъ паѳосѣ, онѣ были продуктомъ своего времени и драматическія героини также фальшивы и антипатичны намъ, какъ и дѣйствительныя женщины XVII и XVIII вѣка.

Прежде всего интересны общія впечатлѣнія выпесевныя героемъ Руссо изъ французскаго театра интересующей насъ эпохи. Сенъ Прэ особенно пораженъ узостью стремленій французской сцены. Глядя на нее, зритель могъ вообразить, «что Франція населена одними графами в кавалерами», о настоящемъ народѣ здѣсь нѣтъ и помину. Сообразно съ героями идетъ и драма. Сенъ Прэ приводитъ выраженіе одного зрителя послѣ представленія одной французской трагедіи: «я ничего не видѣлъ, по слышалъ массу словъ». «Тоже самое», прибавляетъ Сенъ Прэ, «можно сказать о представленіи каждой французской пьесы. Корпель и Расинъ... ничто иное какъ говоруны»... Каждое представленіе проходитъ въ красивыхъ, роскошно украшенныхъ и напыщенныхъ діалогахъ, изъ которыхъ сразу видно, что первую заботу всякаго дѣйствующаго лица составляетъ желаніе блеспуть фразой. Всѣ говорятъ общими мѣстами. Какъ бы ни было взволновано дѣйствующее лицо, оно всегда думаетъ о зрителѣ болѣе, чѣмъ о себѣ, *для него сентенція дороже чувства*... На сценѣ существуетъ особаго рода величіе, обусловленное изысканностью жестовъ и рѣчи, которое *не позволяетъ страсти говорить своимъ языкомъ*»... Отмѣченныя нами выраженія особенно достойны вниманія. Они показываютъ, что *ложь*, господствовавшая въ жизни классической эпохи, завладѣла и сценой. «На сценѣ и въ жизни», говоритъ Сенъ Прэ, «все представляется болтовней, вздоромъ, словами, не имѣющими никакого значенія». Замѣчательно, что туже самую мысль выражалъ даже ложноклассическій поэтъ, современникъ Корпеля, — и въ весьма остроумныхъ словахъ:

Le mal est bien divers
Demourir en effet et demourir en vers,

т. е. смерть въ стихахъ далеко не то что на самомъ дѣлѣ. Такъ и все было въ классической драмѣ: стихи были пустой звучной фразой...

Эта ложь и пустозвонство и здѣсь, конечно, сильнѣе всего отразились на женщинахъ.

Драматическія героини необыкновенно краснорѣчивы: гдѣ у Шекспира достаточно нѣсколькихъ словъ, часто *молчанія*, у Расина и Корнеля онѣ произносятъ громадные монологи и ведутъ съ своими героями диспуты по всѣмъ правиламъ діалектики. Темы диспутовъ намъ заранѣе извѣстны: ихъ намъ объяснилъ Сенъ Прэ, разсказавъ о герояхъ французской сцены—графахъ и кавалерахъ. Поэтому, у Корнеля влюбленная дѣвушка будетъ диспутировать о рыцарскомъ *point d'honneur*, у Расина о томъ, въ чемъ состоитъ страсть женщины благороднаго происхожденія. Этотъ вопросъ весьма важевъ, потому что идеальная героиня Ифигенія полюбитъ Ахилла только потому, что онъ царскій потомокъ, и идеальный герой Язонъ пойдетъ еще дальше: онъ оказывается даже любовницъ никогда не бралъ изъ народа— ne fit jamiis de communes princesses: потому что онъ рожденъ только для утѣхи принцессъ: il est ne'seulement pour charmer des princesses...

Развѣ это не болтовня и при томъ ежеминутно впадающая въ самое вульгарное фанфаронство? Здѣсь блещутъ фанфаронадой не только герои-любовники, но и старцы-отцы. Постоянно ихъ пустозвонство оглушаетъ женскія уши. Напримѣръ, расиновскій Агамемнонъ посылаетъ Ифигенію на смерть съ слѣдующимъ напутствіемъ:

Aller et que les grecs, qui vont vous immoler,
Reconnaissant mon sang en le voulant couler...

Отецъ приноситъ въ жертву богамъ свою дочь: это варварство салонный драматургъ удержалъ въ своей пьесѣ, переполненной свѣтскими кавалерами и дамами въ стилѣ XVII вѣка,—но не забылъ украсить трагическій моментъ шутовскимъ воплемъ малеванпаго маркиза версальскаго двора.

И комедія и драма одинаково рисуютъ намъ героиню лжи, фразерку, выдрессированную куклу, напомаженный раскрашенный манекенъ. Рабство предъ этикетомъ, предъ законами порабощеннаго общества совершенно извратило человѣческую природу и болѣе всего природу женщинъ. Извращеніе особенно бросается въ глаза, когда мы сравнимъ классическую даму съ шекспировской героиней: два полвѣйшихъ контраста .Съ одной стороны—правдивое, страстное чувство, гуманность, искреннее, непосредственное самоотверженіе,—съ другой—игра въ чувство, замаскированная жесткость сердца и бездушіе, звучное фразерство и лицемѣріе. Предъ нами двѣ женщины, одинаково не самостоятельныя, зависимыя—но только отъ разныхъ силъ: отъ природы и отъ общества. Теперь мы перейдемъ къ исторіи женщины, освобождающейся, сознающей себя, какъ личность, и если еще не завоевавшей свободы, то знающей «въ чемъ заключается эта свобода и какія пути ведутъ къ ней».

(Продолженіе слѣдуетъ).

И. Ивановъ.

Корифеи современной французской сцены *).

2) Го (Got).

Эдмонъ Го, занимающій въ настоящее время должность старшины (doyen) товарищества Comédie Française, человѣкъ лѣтъ 60 или 65. Онъ играетъ на сценѣ перваго французскаготеатраещесъ 1847 г.

Воспитанникъ парижскаго лицея „ Charlemagne “, въ которомъ онъ прошелъкурсъ съ отличіемъ, причемъ нѣсколько разъ получалъ награды на конкурсныхъ испытаніяхъ, Го собирался одно время продолжать занятія въ нормальной школѣ (Ecole normale). Школа эта, какъ извѣстно, служитъ разсадникомъ, въ которомъ университетъ вербуетъ молодыхъ профессоровъ; такимъ образомъ весьма вѣроятно, что Го, по выходѣ изъ нормальной школы, получилъ бы мѣсто преподавателя въ одномъ изъ провинціальныхъ лицеевъ. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ оказался бы вполнѣ на высотѣ своего назначенія и на такомъ поприщѣ, но тогда драматическое искусство потеряло бы въ немъ одного изъ самыхъ преданныхъ дѣлу и выдающихся исполнителей. Во всякомъ случаѣ Го и понынѣ сохранилъ, благодаря пройденной имъ школѣ, склонность къ литературнымъ занятіямъ. Онъ является авторомъ нѣсколькихъ оперныхъ либретто (librets d'Opéra), а также издалъ свои рѣчи, сказанныя по поводу разныхъ событій (discours de circonstance), и письма, которыя отличаются изяществомъ и даже можно сказать изысканностью изложенія.

Го выступилъ впервые въ Comédie Française 17-го іюля 1847 года въ роли *Маскариля* въ комедіи Мольера „Les Précieuses Ridicules“(Смѣшныя Жеманницы). Успѣхъ былъ полный и Го сразу занялъ мѣсто на ряду съ лучшими артистами Comédie Française, какови Прова, Сансонъ, Ренье и др., по тонкости и оригинальности своей игры, заразительной веселости и удивительному драматическому чутью.

Въ 1851 году Го былъ принятъ въ товарищество (Sociétariat). Съ тѣхъ поръ онъ не покидалъ „своего“ театра и, вѣрный ему, не соблазнился погоней за болѣе громкими, быть можетъ, но и болѣе призрачными успѣхами странствующихъ артистовъ. Страстно преданный своему дѣлу, Го постоянно стремился къ

*) См. „Артистъ“ № 21.

усовершенствованію своей игры и слава „дома Мольера“ была ему всего дороже. Болѣе всѣхъ другихъ содѣйствовалъ онъ преуспѣянію Comédie Française и посему онъ съ полнымъ правомъ пользуется въ настоящее время вполнѣ исключительнымъ положеніемъ.

Въ теченіе своей сорокапятилѣтней службы Го либо создалъ заново, либо переигралъ рѣшительно всѣ роли, которыя соотвѣтствовали его амплуа въ репертуарѣ старинныхъ или современныхъ пьесъ. Было бы слишкомъ долго перечислять ихъ всѣ, поэтому мы ограничимся упоминаніемъ тѣхъ его ролей, въ которыхъ онъ болѣе всего прославился, или такихъ, въ которыхъ онъ на насъ, лично, произвелъ особое впечатлѣніе.

Вопреки своей наружности, Го, начавшій полнѣть еще въ очень молодые годы, обладаетъ большою гибкостью и разнообразіемъ въ своей игрѣ; онъ съумѣлъ, между прочимъ, придать весьма оригинальный оттѣнокъ тѣмъ своеобразнымъ, причудливымъ и забавнымъ личностямъ, которыми нашъ театръ обязанъ насмѣшливому и остроумному перу Альфреда Мюссэ. Такъ, напримѣръ, неподражаемо имъ были сыграны роли „Аббата“ въ пьесѣ — „Il ne faut jurer de rien“ и „Тибіа“ въ комедіи „Les caprices de Marianne“. Обѣ эти роли, съ нѣсколько подчеркнутымъ грубоватымъ, граничащимъ съ карикатурой, комизмомъ едва ли не самыя забавныя роли театра Мюссэ, столь изобилующаго неожиданностями. Именно въ этихъ роляхъ Го могъ дать полную волю своему игривому задору, своей нѣсколько парадоксальной веселости. Ему ставили въ упрекъ то, что онъ по временамъ впадалъ въ шаржъ, принималъ черезчуръ комичныя позы и т. п., но на нашъ взглядъ это вполнѣ допустимо въ данномъ случаѣ, такъ какъ сомнительно, чтобы Мюссэ самъ серьезно относился къ личности своего аббата, а можно ли требовать, чтобы исполнитель роли отнесся къ ней съ большимъ уваженіемъ, чѣмъ самъ авторъ? Го разошелся въ волю и нѣтъ возможности передать всю комичность (drôlerie) его жестовъ, его смущенный видъ въ теченіе всей пьесы, въ которой, впрочемъ, аббатъ является только мимоходомъ и, вѣроятно, остался бы не замѣченнымъ, еслибы его характеру не была придана нѣсколько шутовская окраска (Ce grain de plaisanterie un peu grasse). Кто не помнитъ этой уморительной бесѣды между баронессой и аббатомъ, бесѣды, которая ведется отрывисто, полна постоянныхъ недоразумѣній и неожиданностей, при чемъ оба собесѣдника говорятъ о различныхъ предметахъ, сами того не замѣчая, и, повидимому, отнюдь этимъ не стѣсняясь:

Аббатъ.

Что вы думаете, сударыня, о послѣдней проповѣди? Слышали-ли вы ее?

Баронесса, продолжая думать о своей вышивкѣ, отвѣчаетъ: „Зеленое и красное, на черномъ фонѣ, точь въ точь какъ та мебель, что на верху. Но скажите, аббатъ, читали ли вы Жоселена?“

Аббатъ.

Да, сударыня, у него есть красивые стихи, но, признаюсь, основа *)...

Баронесса.

Основа? Я уже говорила вамъ, что фонъ черный, также какъ и на мебели; вы увидите это въ деревянной оправѣ... (sur du palissandre).

Въ такомъ родѣ продолжается разговоръ, забавный донельзя, возбуждающій неудержимый смѣхъ. Въ концѣ пьесы Го съумѣлъ еще придумать крайне комичную выходку — это въ сценѣ, когда баронесса, заперевъ для большей безопасности свою дочь на ключъ, къ своему удивленію не находитъ ее въ комнатѣ, а аббатъ признается, что это онъ освободилъ плѣнницу:

Аббатъ.

Когда я услыхалъ ея крикъ, я еще колебался; но, что прикажете? Я видѣлъ ее тутъ, безъ чувствъ, на полу... Она кричала благимъ матомъ, а ключъ былъ у меня въ рукахъ...

Баронесса.

Возможно ли это? Я васъ спрашиваю. Моя дочь сбѣжала...

Аббатъ.

Еще будь на то время, я быть-можетъ, удержалъ бы ее за шаль... или по крайней мѣрѣ... словомъ, удержалъ бы ее своими просьбами **), своими справедливыми увѣщаніями...

Го произносилъ фразу: „удержалъ бы за шаль“ съ такимъ уморительнымъ жестомъ, при этомъ у него былъ такой несчастный видъ и въ тоже время онъ казался такимъ растеряннымъ, какъ-бы обалдѣлымъ (ahuri), что неудержимый хохотъ охватывалъ невозмѣнно всѣхъ зрителей и, признаюсь, никому не приходилъ въ голову вопросъ, не прибѣгаетъ ли артистъ къ нѣсколько грубоватымъ пріемамъ, чтобы вызвать впечатлѣніе комизма? Хорошъ былъ также Го и въ роли Тибіа въ первомъ дѣйствіи „Les Caprices de Marianne“, когда онъ появлялся слѣдомъ за своимъ барономъ, со смиреннымъ и въ тоже время лукавымъ выраженіемъ лица, въ бархатной шапочкѣ, нахлобученной на глаза, на маленькіе, живые глаза, такъ искрящіеся плутовствомъ, съ румянымъ лицомъ, красныя пятна котораго наглядно свидѣтельствовали о нѣкоторыхъ слабостяхъ этого добраго малаго. Нужно было

*) Непереводимая игра словъ: *le fond* — des vers и *le fond* — de la tapisserie.

**) Игра словъ: retenir *par* son chale... *par* mes prières...

слышать, какимъ тономъ онъ отвѣчалъ на замѣчанія своего барина, достопочтеннаго Клавдія, этого „судьи, преисполненнаго тонкости и язвительности“, которому по пожилой возрастъ, ни безобразіе, ни тысяча другихъ недостатковъ не помѣшали жениться на красавицѣ Маріаннѣ, на той самой Маріаннѣ, которую любитъ Сэліо, и за которой ухаживаетъ Октавъ, когда онъ не пьянъ. Клавдій ревнуетъ, безпокоенъ; ему чудится въ домѣ духъ любовниковъ, ему кажется, что никто спроста не проходитъ мимо его дома, что словно съ неба валятся гитары и любовныя посредницы. Го съ неподражаемымъ комизмомъ отвѣчалъ на вопросы Клавдія: „Тибіа, я думаю, что у Маріанны есть любовники“?—„Вы такъ думаете, сударь? Полноте, у вашей жены нѣтъ любовниковъ. Это все равно, какъ если бы вамъ представилось, что у меня есть любовницы...“

— „Почему же бы тебѣ и не имѣть ихъ, Тибіа? Ты порядочный уродъ, но ты очень уменъ“.

— „Согласенъ... согласенъ...“

— „Вотъ видишь-ли, Тибіа, ты самъ въ этомъ признаешься. Сомнѣній больше нѣтъ; мой позоръ разглашенъ.“

— „Почему разглашенъ?“

Вся сцена ведется въ томъ же тонѣ; это непрерывный рядъ недоразумѣній, остротъ, репликъ забавно-лукавыхъ, находчивыхъ, быстрыхъ какъ мысль. Не буду распространяться объ этихъ пьесахъ, ибо въ Россіи впервые театръ Мюссэ былъ оцѣненъ по достоинству. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не благодаря г-жѣ Вольпи, сперва, а затѣмъ г-жѣ Алламъ, драматическія произведенія Мюссэ были поставлены на сценѣ Михайловскаго театра въ С.-Петербургѣ? Во Франціи ихъ стали давать гораздо позже. Замѣчу только, что когда указанная III сцена перваго дѣйствія „Les caprices de Marianne“, сцена между Клавдіемъ и Тибіа, была у насъ разыграна такими великими артистами какъ Провѣ и Го, комизмъ ея доходилъ до крайней степени, и въ то же время онъ отличался такою тонкостью и „игристостью“ (pétillant et capiteux), что невольно напрашивается сравненіе его съ чуднымъ Лакрима-кристи, которымъ упивался Октавъ, который сдѣланъ изъ сока лозъ, выращенныхъ на лавѣ Везувія подъ палящимъ солнцемъ, напиткомъ, которымъ Брессанъ, исполнявшій въ ту пору роль Октавія, въ прелестныхъ выраженіяхъ (да будетъ намъ позволено напомнить объ нихъ читателю) уподоблялъ, съ цѣлью уязвить Маріанну, любви какой-нибудь неприступной красавицы (belle dédaigneuse).

— „Два слова, прелестная Маріанна. Какъ вы думаете—сколько времени надо ухаживать за этой бутылкой, которую вы видите, чтобы добиться ея расположенія? Она, по вашему замѣчанію, исполнена божественнаго духа и простое вино столь же мало походитъ на нее, какъ мало походитъ простолюдинъ на своего барина. Однако, посмотрите, какъ она сговорчива! Она, сдается мнѣ, не получила никакого воспитанія, у нея нѣтъ никакихъ принциповъ: посмотрите, какъ она добра! Одного слова достаточно, чтобы ее извлечь изъ заключенія. Еще вся въ пыли, она вырвалась на волю, чтобы доставить мнѣ усладу на четверть часа, а затѣмъ погибнуть... Ея дѣвственный вѣнецъ, окаймлев вый душистымъ сургучемъ, распался въ прахъ и не скрою отъ васъ, что она чуть было не цѣликомъ влилась въ мои уста въ горячности перваго поцѣлуя“.

Го создалъ роль Аббата въ 1848 году, а роль Тибіа въ 1850 г., но съ тѣхъ поръ онъ неоднократно вновь выступалъ въ этихъ роляхъ и всякій разъ имѣлъ полный и вполнѣ заслуженный успѣхъ. Однако, въ какой бы мѣрѣ Го ни съумѣлъ придать особый отпечатокъ ролямъ подобнаго рода, какъ ни разнообразна и разносторонняя была, вообще, его артистическая карьера, она сводится, по нашъ взглядъ, къ двумъ главнѣйшимъ созданіямъ: Жибуаѐ (Giboyer) и Мэтръ Герэнъ (Maître Guerin). Благодаря указаннымъ двумъ ролямъ, а также вслѣдствіе нѣкоторыхъ другихъ причинъ болѣе интимнаго характера, имя Го останется на вѣки связаннымъ съ именемъ одного изъ нашихъ первоклассныхъ драматическихъ писателей; я имѣю въ виду Эмиля Ожье. Дѣйствительно, Го является по преимуществу исполнителемъ произведеній Эмиля Ожье, съ которымъ онъ былъ связанъ и тѣсною дружбой. Онъ былъ для Ожье тѣмъ же, чѣмъ Жоффруа и г-жа Тіюрэ были для Лабиша, Деклэ — для Дюма, Режанъ — для Мельяка, т.-е. самымъ полнымъ и самымъ совершеннымъ олицетвореніемъ извѣстныхъ типовъ.

Впрочемъ, еще раньше чѣмъ выступить въ „Les Effrontés“ и въ „Le fils de Giboyer“ Эмиля Ожье, въ 1861 и 1862 гг., пьесы, въ которыхъ Го стяжалъ себѣ настоящій тріумфъ, онъ имѣлъ большой успѣхъ въ пьесѣ, которая одно время была весьма популярна и мы мимоходомъ скажемъ о ней нѣсколько словъ. Пьеса эта, нынѣ признанная устарѣлой и неудачной, скроенная по образу комедій Скриба, была произведеніемъ одного весьма остроумнаго человѣка, который въ тоже время пользовался репутаціей большого дамскаго любезника; звали его Леонъ Лайа (Léon Laya); въ эпоху Имперіи онъ пользовался нѣкоторой извѣстностью въ театральномъ мірѣ. Впервые Л. Лайа обратилъ на себя вниманіе небольшою, но весьма остроумною пьесою, очень живо написанною, въ духѣ произведеній Лабиша и

водевилей, основанныхъ на рядѣ недоразумѣній. Она озаглавлена „L'Étourneau“. Затѣмъ онъ поставилъ „Le Duc Job“ и въ этой комедіи Го нашелъ одну изъ лучшихъ своихъ ролей.

Леонъ Лайа остался приверженцемъ Орлеанской фамиліи, что доказывается письмами къ нему королевы Маріи-Амели и герцога Омальскаго, бывшаго въ ту пору въ изгнаніи. Какой-то любитель рѣдкостей отдалъ въ переплетъ эти письма вмѣстѣ съ оригиналомъ пьесы „Le Duc Job“ и намъ удалось познакомиться съ этимъ сборникомъ. Указанныя письма, быть-можетъ, представятъ нѣкоторый интересъ нашимъ читателямъ, такъ какъ прежде всего они свидѣтельствуютъ о несомнѣнномъ успѣхѣ, который выпалъ на долю пьесы Лайа, когда она только что появилась въ свѣтъ, а также весьма краснорѣчиво свидѣтельствуютъ и объ уваженіи, которымъ пользовался ея авторъ. Приводимъ сперва письмо королевы Маріи-Амели:

Claremont, 10 февраля, 1860 г.

Съ большимъ удовольствіемъ получила я вашу комедію „Le Duc Job“, которую вы любезно мнѣ доставили; очень васъ благодарю за нее. До сихъ поръ мнѣ еще не удалось прочесть ее, но я имѣю свѣдѣніе объ успѣхѣ, который она имѣла, знаю, что успѣхъ этотъ самый почтенный, ибо находится въ полномъ согласіи съ ея нравственной тенденціей, что въ наши дни большая рѣдкость. Примите мои самыя искреннія поздравленія. Я васъ не благодарю за тѣ чувства, которыя вы выражаете въ письмѣ ко мнѣ: они мнѣ уже давно извѣстны и давно снискали мое полное уваженіе. Съ удовольствіемъ пользуюсь случаемъ, чтобы напомнить вамъ объ этомъ. Искренно къ вамъ расположенная.

Марія-Амели.

А вотъ и письмо герцога Омальскаго:

Twickenham, 20 февраля 1860 г.

М. Г., я уже раньше прочелъ „Герцога Жоба“ и молча, но отъ всего сердца, раздѣлялъ вполнѣ справедливое сочувствіе, которое ваша пьеса встрѣтила въ обществѣ. Благодарю васъ за то, что вы дали мнѣ поводъ лично передать вамъ мои поздравленія. Вашъ изящный томикъ займетъ почетное мѣсто въ моей библіотекѣ. Въ особенности онъ мнѣ будетъ понятенъ по тѣмъ чувствамъ, которыя вы питаете къ нашей семьѣ; не сомнѣвайтесь, что мы ихъ цѣнимъ по достоинству. Прошу васъ вѣрить моему искреннему къ вамъ расположенію

Генрихъ Орлеанскій.

Го, въ то время еще совсѣмъ молодой человѣкъ, исполнялъ роль героя пьесы герцога Жоба—безукоризненнаго джентльмена, человѣка чести прежде всего, храбраго воина, бѣднаго, само собой разумѣется, и столь же безкорыстнаго, столь же великодушнаго и благороднаго, словомъ, настоящій типъ джентльмена, хотя и нѣсколько склоннаго къ резонерству—типъ, нѣсколько шаблонный, и впадающій въ декламаторство, какъ только дѣло касалось его двухъ коньковъ: чести и денегъ.

Чувства рыцарской чести и безкорыстія, исповѣдуемыя герцогомъ, замѣтимъ кстати, не мало мѣшаютъ ему жениться на богатой родственницѣ, которую онъ любитъ, но ему нужно разстроить ея бракъ съ человѣкомъ, который ея не стоитъ...

Эмма очень милое созданіе, нѣсколько вѣтренное и легкомыслепное, воспитанное въ средѣ крайне пустой; она болтаетъ всякій вздоръ, повторяетъ все, что слышала. Она не любитъ Валетта, котораго ей прочатъ въ мужья; но это человѣкъ сильный, ловкій, зарабатывающій много денегъ, и она этимъ удовлетворяется, по крайней мѣрѣ удовлетворяется до того времени, пока она не почувствовала, что любитъ герцога или вѣрнѣе—пока самъ герцогъ не проговорился и не выдалъ па половину своей тайны. Сцена эта весьма удачна: Эмма пристаетъ къ Жану съ распросами о Валеттѣ и проситъ сказать ей вполнѣ откровенно свое мнѣніе объ этомъ человѣкѣ, къ которому, она это чувствовала, онъ не благоволилъ:

Жанъ.

Ты мучишь меня!

Эмма.

Стало-быть это серьезно?

Жанъ. (*смущенный.*)

Гмъ?.. серьезно... что?

Эмма.

То, что ты отъ меня скрываешь... Какъ пристально ты смотришь на меня!

Жанъ. (*грустный.*)

Я не на тебя смотрю... смотрю на этотъ локонъ!..

Эмма.

Локонъ!.. (*въ сторону.*) Его голосъ дрожитъ.

Жанъ.

Помню—это было три мѣсяца тому назадъ, въ Африкѣ, 20 іюня, въ четыре часа утра, у подножья Ипредина; только что пробили тревогу... мы пошли на приступъ и въ самомъ разгарѣ боя, подъ свистомъ пуль, въ облакѣ пыли и порохового дыма... я увидѣлъ его также ясно, какъ теперь вижу!

Эмма.

Жанъ!

По словамъ очевидцевъ, Го произносилъ этотъ монологъ (носящій, правда, отпечатокъ своего времени) и слѣдующій за нимъ бравурный разсказъ съ увлекающимъ и заразительнымъ одушевленіемъ. Отмѣтимъ мимоходомъ въ той же пьесѣ прелестную сцену, когда Эмма, полю-

бившая Жана, старается свести сумму въ 32 т. фр., которые первоначально казались ей необходимыми для обзаведенія, къ 19 т. фр., т. е. ровно къ той суммѣ, которая составляла годовой доходъ съ ея приданаго вмѣстѣ съ небольшимъ капиталомъ Жана. Она мирится на этой суммѣ, послѣ цѣлаго ряда уступокъ и жертвъ. Вся эта сцена ведена очень тонко: прежде всего Эмма соглашается пожертвовать лишней лошадью въ упряжи, затѣмъ тысячью франковъ на наряды, затѣмъ еще другою лошадью и пр. и пр... но вѣдь она любитъ Жана! Легко предвидѣть, что всѣ эти жертвы окажутся напрасными и когда Эмма выходитъ за мужъ за Жана, онъ получаетъ въ наслѣдство отъ какого-то друга, весьма кстати умершаго, четыре милліона. Герцогъ Жобъ сталъ милліонеромъ.

Теперь перейду къ тѣмъ ролямъ Го, которыя особенно выдавались въ его почтенной артистической карьерѣ. Имѣю въ виду роль Жибуаé въ „Les Effrontés“ и въ „Le fils de Giboyer.“ Жибуаé въ первой изъ названныхъ пьесъ выведенъ лишь эпизодически, тѣмъ не менѣе, и въ небольшихъ сценахъ, гдѣ онъ появляется, онъ такъ живо схваченъ, такъ оригинально, такъ глубоко и правдиво очерченъ, что заслоняетъ собою другихъ дѣйствующихъ лицъ комедіи, и отодвигаетъ на второй планъ даже такіе мастерскіе типы, какъ маркиза д'Оберива, банкира Шаррьэ и спекулятора Вернулье. „Наглецы“ (Les Effrontés) чрезвычайно глубоко задуманная комедія; это крайне удачная картина нравовъ цѣлаго слоя общества, злѣйшая сатира противъ того міра аферистовъ и дѣльцовъ, которые спекулируютъ и устраиваютъ свои дѣлишки въ ущербъ всѣмъ понятіямъ о чести и любви къ ближнему—людей, которые заслуживаютъ самаго безпощаднаго обличенія. Наиболѣе выдающимся лицомъ въ этомъ мастерскомъ произведеніи является безспорно самъ Жибуаé, бродяга и выскочка, котораго загубили его дарованія, ибо онъ былъ слишкомъ уменъ и образованъ, чтобы остаться въ простонародной средѣ, но не обладалъ ни достаточной выдержкой, ни необходимою нравственною устойчивостью, чтобы занять мѣсто въ высшихъ слояхъ общества; это — талантливый журналистъ, который могъ бы достигнуть громкой извѣстности, но вмѣсто этого сталъ продажнымъ орудіемъ въ рукахъ другихъ и запятналъ свою репутацію. Жибуаé прошелъ черезъ всякіе искусы и всего испробовалъ: онъ былъ и агентомъ страхового общества, и стенографомъ, и прикащикомъ у книгопродавца, и секретаремъ у депутата центра, которому онъ составлялъ рѣчи, а затѣмъ стряпалъ „труды“ (bâclait des ouvrages) для какого-то герцога, у котораго была страсть къ писательству; далѣе онъ же занимался подготовленіемъ юношей къ экзамену на баккалавра, состоялъ главнымъ редакторомъ еженедѣльной газеты La Bamboche; жилъ онъ чѣмъ попало, бралъ взаймы и съ каждой вновь полученной десятифранковой монетой утрачивалъ какую-нибудь изъ прежнихъ иллюзій или предразсудковъ; такъ достигъ онъ сорокалѣтняго возраста, съ пустымъ кошелькомъ и износившись тѣломъ и душою. Вотъ этотъ-то Жибуаé, вскользь намѣченный въ „Наглецахъ“, становится центральнымъ лицомъ во второй пьесѣ Ожьэ—„Le fils de Giboyer.“ Но здѣсь онъ развернулся; онъ становится даже до извѣстной степени привлекательнымъ, потому-что подъ презрѣнной оболочкой чувствуется вся сила его ума, его способность ощущать красоту, хотя бы только въ теоріи, способность даже понимать добро; этотъ бродяга, который готовъ на всякія низости изъ-за какихъ-нибудь 20 франковъ, безгранично вѣритъ въ наступленіе, въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, царства разума и правды. Особенно содѣйствуетъ перерожденію Жибуаé и въ значительной мѣрѣ примиряетъ съ нимъ — это его любовь къ сыну; это правдивое и благородное чувство родительской любви, сразу возвышаетъ его въ глазахъ тѣхъ лицъ, которыя незадолго передъ тѣмъ относились къ нему съ полнымъ и заслуженнымъ презрѣніемъ. Жибуаé страстно любитъ своего сына, любуется имъ, желалъ бы видѣть его доблестнымъ, независимымъ, великодушнымъ; онъ мечтаетъ для сына обо всемъ томъ, о чемъ, быть-можетъ, въ порывахъ юности мечталъ когда-то для себя самого, о томъ идеалѣ, отъ котораго такъ далека выпавшая ему на долю грустная дѣйствительность.

„Я составилъ книгу, говоритъ онъ какъ-то, книгу, которая является сводомъ всего, достигнутаго мною опытомъ, всѣхъ моихъ воззрѣній и идей. Я считаю эту книгу правдивой и прекрасной; я горжусь ею—она мирится съ самимъ собою. Однако, я низачто не рѣшусь издать ее подъ своимъ именемъ, дабы мое имя не повредило ей!“

— „Вы, можетъ-быть, правы“,—замѣтилъ маркизъ.

— „Если я не рѣшаюсь подписать своей книги, какъ же я могу рѣшиться назвать себя отцомъ своего сына?“

Жибуаé продолжаетъ свое дѣло втихомолку до того времени, когда въ заключительной сценѣ (на мой взглядъ, нѣсколько искусственной), оба—отецъ и сынъ, послѣ борьбы въ великодушіи, получаютъ возмездіе за свои благородныя чувства, которыя, увы! вознаграждаются гораздо чаще на сценѣ чѣмъ въ дѣйствительности.

Но какъ бы ни была хороша эта комедія, по глубинѣ замысла и совершенству выполненія, какъ ни жизненно выведенный въ немъ

типъ Жибуаé,—признаюсь, я всетаки предпочитаю ея „старшую сестру“, т. е. „Наглецы.“ Правда, Жибуаé, какъ уже было сказано, не играетъ въ ней главной роли, но, быть-можетъ, именно поэтому она намъ больше нравится, ибо трудно отказать Жибуаé въ нѣкоторой симпатіи, но не хотѣлось бы и поддаваться этому чувству. Кромѣ того, сколько выведено въ ней рядомъ съ Жибуаé характеровъ, очерченныхъ тонко и художественно, какъ, напримѣръ, маркизъ д'Обервъ или журналистъ Сержэнъ, сколько высказано поразительно вѣрныхъ замѣчаній о существенномъ различіи между современнымъ обществомъ и обществомъ при старыхъ порядкахъ, о значеніи денегъ, о тѣсной связи между коммерческими дѣлами и политикой; наконецъ, припомнимъ во второмъ дѣйствіи правдивую и грустную сцену разрыва между двумя лицами, обладающими одинаковою чуткостью сердца и дальновидностью. Развязка комедіи подверглась, правда, довольно рѣзкой критикѣ и, быть-можетъ, не безъ основанія. Говорили, что все прошлое банкира Шэрье, все, что намъ извѣстно объ его жизни и объ его отношеніи къ дѣламъ, отнюдь не подготовляетъ васъ къ его quasi-героическому самопожертвованію въ концѣ пьесы. Дѣйствительно, съ трудомъ вѣрится, чтобы этотъ буржуа, пользовавшійся безъ всякаго зазрѣнія совѣсти огромнымъ состояніемъ, источники котораго его нисколько не смущали, рѣшился бы вдругъ, безъ всякой внутренней борьбы, не „обновясь душою и совѣстью“, а просто по одному взгляду своего сына—отдать половину своего состоянія! Этотъ сынъ Жибуаé также вызываетъ въ насъ нѣкоторое недоумѣніе; онъ, казалось, по своимъ нравственнымъ качествамъ отнюдь не былъ призваянъ къ роли судьи; напротивъ того, это добрый малый довольно легкомысленнаго поведенія; онъ живетъ открыто на средства своего папеньки, содержитъ танцовщицъ, играетъ, дѣлаетъ долги... Такимъ образомъ, насъ не только удивляетъ внезапный героизмъ этихъ людей, но и вся искусственность и условность развязки пьесы. Насъ эта развязка неудовлетворяетъ и съ чисто матеріальной стороны, такъ какъ совершенно невѣроятно, чтобы достаточно было лишь половины состоянія старика Шэрье для того, чтобы удовлетворить кредиторовъ въ этомъ несчастномъ дѣлѣ; нужно было вдвое, втрое, быть-можетъ, вчетверо богаче для этого. Какъ бы то ни было, пьеса, не смотря на нѣкоторые недостатки, все же должна быть признана мастерскимъ произведеніемъ и немаловажна заслуга Го, который создалъ роль Жибуаé, умѣло оттѣнивъ въ типѣ бродяги извѣстнаго рода благородство и умственное превосходство, надѣливъ его при полной нравственной распущенности, легкимъ оттѣнкомъ иронiи, которая спасаетъ его отъ окончательнаго принiженія.

Раньше чѣмъ разстаться съ театромъ Эмиля Ожье, вспомнимъ возобновленіе (23 апрѣля 1889 года) его комедіи „Maître Guérin“, на представленіи которой мы присутствовали: Го съ такимъ же успѣхомъ сыгралъ роль Герэна теперь, какъ и 25 лѣтъ тому назадъ. „Удивительный это типъ Герэнъ, замѣчаетъ Жюль Леметръ въ „Journal des Débats.“ Ироническій, скрытный, порою съ порывами благодушія; жадный, энергичный, честолюбивый, тиранъ въ домашнемъ быту; весельчакъ съ оттѣнкомъ свободомыслія и вмѣстѣ съ тѣмъ склонный къ резонерству... Онъ прежде всего весьма себѣ на умѣ этотъ Герэнъ, супругъ доброй и ограниченной женщины, тихой и скромной; сталъ онъ милліонеромъ благодаря сорокалѣтнему упорному труду; сынъ его уже полковникъ,— полковникъ въ 35 лѣтъ; онъ къ нему питаетъ нѣкоторое смутное уваженіе, хотя въ тоже время слегка и презираетъ за отсутствіе практическаго чутья... Герэнъ представитель цѣлой плеяды нотаріусовъ и буржуа въ нашей благодатной Франціи, и, если угодно, представитель породы хищниковъ и кулаковъ передъ лицомъ мечтателей и одураченныхъ ими жертвъ... Немаловажна заслуга Го, который съумѣлъ воплотить намъ этотъ мощный типъ, во всей его полнотѣ и оригинальности, отнюдь не впадая въ преувеличеніе, ни въ жестахъ, ни въ мимикѣ. Онъ отнесся съ видимымъ уваженіемъ къ изображаемому имъ лицу, и это уваженіе послужило къ тому, чтобы еще болѣе возвысить и оттѣнить талантъ Го“.

Главнымъ отличіемъ игры Го является, на нашъ взглядъ, крайняя отчетливость, точность, отдѣлка въ такой степени совершенная, что нельзя ни къ чему придраться; выработанность его игры доходитъ порою до холодности, даже до жесткости; его дикція всегда мастерская, отчетливая, ясная и сжатая; въ его игрѣ нѣтъ ни тѣни романтизма, нѣтъ того, что дѣйствуетъ „по вдохновенію“, словомъ, это прямая противоположность игрѣ Мунэ Сюлли, который всегда зарывается, увлекаетъ васъ, нисколько не заботясь о строгой точности выполненія и нерѣдко граничащаго съ геніальностью.

Го сыгралъ еще роль Меркадэ на сценѣ Comédie Française, 22 октября 1868 г., роль, созданную Жоффруа въ театрѣ Gymnase; онъ съумѣлъ придать ей особый характеръ, какъ бы создавая типъ заново и словно преобразовывая эту личность. Дѣйствительно, Жоффруа представилъ Меркадэ добрякомъ, немножко въ родѣ Жеронта, тогда какъ Го рѣзче оттѣнилъ типъ дѣльца, сухого въ обращеніи и въ рѣчахъ, озабоченнаго, сварливаго и вмѣстѣ съ тѣмъ придалъ ему оттѣнокъ лукавства и иронiи, которыя содѣйствовали еще болѣе рель-

ефному изображенію характера этого заматерѣлаго дѣльца.

Упомянувъ въ заключеніе о томъ, что Го съ большой честью выполнилъ, послѣ Прова, главную роль въ комедіи „Le gendre de Monsieur Poirier“, а, послѣ Ренье, игралъ въ „Le supplice d'une femme“, что въ „L'ami Fritz“ онъ создалъ мастерски типъ раввина, я думаю, что мы перечислили всѣ главнѣйшія роли созданныя Го и указали на главнѣйшія особенности столь почтенной карьеры этого уважаемаго человѣка и добросовѣстнаго актера, столь преданнаго своему дѣлу.

Го нынѣ оставилъ сцену Comédie Française, но руководитъ еще, съ рѣдкимъ умѣніемъ и преданностью дѣлу, курсами въ Консерваторіи; онъ уже успѣлъ образовать цѣлую плеяду молодыхъ и блестящихъ учениковъ и, въ качествѣ профессора Консерваторіи, недавно былъ удостоенъ ордена почетнаго легіона.

Catherine de C.

„Танцы Франціи“ картина Моро. (Салонъ 1892 г.)

Изъ исторіи армянской сцены.

Тифлисскій театръ и бытовая комедія.

*(Продолженіе *).*

IV.

Въ разобранныхъ до сихъ поръ трехъ комедіяхъ Сундукьянца передъ нами прошла галлерея отрицательныхъ купеческихъ типовъ, которымъ противопоставлялись положительныя личности изъ интеллигенціи или народа. Но неужели все армянское купечество состоитъ только изъ Саркисовъ и Арутиновъ? Неужели не найдется и среди него сколько-нибудь симпатичнаго образа, на которомъ могъ бы остановить свой взоръ изслѣдователь бытовой комедіи? Такой образъ Сундукьянцъ рѣшилъ показать въ слѣдующей своей пьесѣ «Кандацъ Оджахъ» (Разоренное гнѣздо), поставленной на сценѣ въ 1873 году. Здѣсь мы знакомимся съ пожилымъ купцомъ Осепомъ Гулабьянцомъ, который, быть можетъ, придерживается въ нѣкоторомъ отношеніи отсталыхъ взглядовъ и невполнѣ понимаетъ значеніе европейской культуры, которому вообще недостаетъ развитія и образованія; но никто лучше его не видитъ и всѣхъ дѣйствительно слабыхъ сторонъ современной ему армянской жизни, а нравственныя достоинства его,—честность, прямодушіе, любовь къ справедливости,—придаютъ еще больше вѣса его приговорамъ. Считаемъ нужнымъ указать, что эта комедія доступна и европейской публикѣ, такъ какъ она переведена была нѣсколько времени тому назадъ г. Лео Рубени (псевдонимъ редактора газеты «Арцаганкъ» Абгара Іоаннисьяна) на нѣмецкій языкъ подъ названіемъ «Die ruinirte Familie», и составляетъ одинъ изъ выпусковъ лейпцигской «Armenische Bibliothek».

Какіе пороки обличаетъ Сундукьянцъ устами своего положительнаго героя? Что прибавитъ «Разоренное гнѣздо» къ сдѣланной авторомъ до этого характеристикѣ тифлисскаго армянскаго общества? Въ отвѣтъ на эти вопросы слѣдуетъ указать, что въ разбираемой комедіи при сличеніи старины съ новыми воззрѣніями (хотя опять не съ истинно новыми, а съ такими, которыя только поддѣлываются подъ новое или представляютъ собою искаженіе его), отдано предпочтеніе доброму старому времени. Конечно, нельзя считать, будто всѣ рѣчи Осепа выражаютъ мнѣнія автора; не слѣдуетъ думать, что и авторъ стоитъ за сохраненіе всего стараго въ полной неприкосновенности; напротивъ того, мы подчасъ ясно видимъ, какъ въ рѣчахъ старика сказывается вліяніе недостаточнаго развитія, предразсудковъ, нетерпимости или раздражительности;

*) См. „Артистъ“ № 22.

но общая мысль его сѣтованій и укоровъ всеже близка и понятна автору комедіи. Осепъ возстаетъ противъ страсти къ роскоши и мотовству, которая постепенно на его глазахъ начинаетъ распространяться въ армянскомъ обществѣ, противъ презрѣнія къ своему народу, сословію или средѣ, противъ поверхностнаго образованія, которое кажется ему еще болѣе вреднымъ, чѣмъ необразованность, наконецъ, противъ всего порочнаго, фальшиваго и напыщеннаго. Протестъ его носитъ, конечно, нѣсколько другой характеръ, чѣмъ знакомые уже намъ рѣчи Микаэла или Пепо; пересмотръ современной жизни производится имъ съ другой точки зрѣнія; во это то и дѣлаетъ для насъ вдвойнѣ интересными его мысли, его жалобы; естественно, весьма любопытно узнать, какую форму приметъ недовольство существующими житейскими условіями у представителя того общественнаго класса, въ которомъ поверхностный наблюдатель умѣетъ находить только алчныхъ матеріалистовъ, за различными спекуляціями или мелкими дѣлишками не имѣющихъ ни времени, ни желанія анализировать окружающее и вообще думать о чемъ-либо, кромѣ личныхъ выгодъ.

Посмотримъ, что происходитъ вокругъ честнаго, прямодушнаго купца, съ какими явленіями приходится ему сталкиваться. Съ одной стороны онъ видитъ, какъ въ обществѣ начинаетъ распространяться невѣдомая дотолѣ роскошь и расточительность; желаніе жить не по средствамъ дѣлается заурядньмъ явленіемъ. Вполнѣ естественно, замѣчаетъ Осепъ, что человѣкъ, имѣющій 10,000 рублей годового дохода, живетъ на эту сумму; но чаще случается, къ сожалѣнію, что человѣкъ, у котораго всего только 1000 руб. дохода, желаетъ въ пышности и роскоши подражать тому, у кого есть 10,000. Мало того: стоитъ одному изъ двухъ братьевъ истратить на что-нибудь 50 рублей, какъ уже другой братъ спѣшитъ истратить столько же, чтобы не отстать отъ перваго. Дочь простого ремесленника, скромнаго труженика - пролетарія, на послѣдвія деньги покупаетъ себѣ роскошное, хотя и безвкусное шелковое платье съ громаднымъ шлейфомъ, вадѣваетъ модныя перчатки и выходитъ на улицу съ дорогимъ атласнымъ зонтикомъ. Жены, увлекаясь новою для нихъ игрою въ лото или въ карты, проигрываютъ иногда въ одинъ вечеръ то, что мужья зарабатываютъ, трудясь цѣлую недѣлю. Всякій старается отдѣлать свой салонъ, какъ можно роскошнѣе, и, главное, такъ, чтобы онъ не уступалъ въ блескѣ салону сосѣда, отстать отъ котораго было бы позоромъ. Но чтобы не отстать отъ другихъ, нужно также заботиться о столѣ и его изысканности; старыя дѣдовскія кушанья признаются недостаточно тонкими, и начинается реформа стола въ европейскомъ вкусѣ, причемъ на эту реформу тратятся десятки рублей. Осепъ, сторонникъ простоты и экономіи, принужденъ,— онъ самъ разсказываетъ объ этомъ,— тратить 10 рублей въ мѣсяцъ на одно только сладкое печевіе для дѣтей; а тамъ идутъ разные обѣды, ужины, пиры; онъ долженъ держать повара, лакея, имѣть красиво убранную гостиную и столовую для пріема гостей, и для всего этого нужно находить девьги. Между тѣмъ бороться съ этимъ течевіемъ онъ уже не можетъ, и его жена, Соломэ, увлеченная охватившею общество страстью къ роскоши, медленно ведетъ его къ разоренію. «Будь кто-нибудь другой на моемъ мѣстѣ, клянусь тебѣ, онъ уже сто разъ потребовалъ бы развода», замѣчаетъ Осепъ въ разговорѣ съ своей теткой Хахо. Стоитъ ей увидать у знакомыхъ, быть можетъ въ десять разъ богаче ихъ, дорогое платье, какой-нибудь предметъ, на который всѣ обращаютъ вниманіе, она рѣшаетъ, что и ей необходимо имѣть подобное же платье и подобный же предметъ. «Какъ будто она принадлежитъ къ породѣ обезьянъ», съ горькой иронією говоритъ Осепъ, жалуясь на страсть жены копировать всѣ поступки, затѣи, расходы сосѣдей и знакомыхъ. Простота жизни настолько отошла уже въ область предавія, что даже въ дѣтяхъ сказывается желаніе франтить, легкомысленное отношевіе къ деньгамъ, пріобрѣтаемымъ цѣною тяжелаго труда. Осепъ упоминаетъ о слѣдующемъ небольшомъ, но очень характерномъ эпизодѣ, дающемъ понятіе о томъ, какъ новое повѣтріе захватило постепенно даже дѣтей. Однажды онъ купилъ на базарѣ пару сапогъ для своего маленькаго сына и заплатилъ за нихъ 3 абаза (абазъ— 20 к.); и что же,— едва мальчикъ узналъ, что сапоги стоятъ такъ дешево, онъ съ пренебрежевіемъ швырнулъ ихъ чуть не до потолка, и, заливаясь слезами, заявилъ, что онъ хочетъ носить сапоги только въ 2 р. 50 к. «Что я могъ тутъ еще сдѣлать, какъ не купить новую пару?» замѣтилъ Осепъ; «я могъ бы заставить мальчишку ходить въ дешевыхъ сапогахъ, еслибы всѣ кругомъ дѣлали то же самое; но при теперешнихъ условіяхъ, какимъ образомъ сократить свои расходы?»

Интереснымъ и поучительнымъ ковтрастомъ этому стремленію къ расточительности и роскоши являются картины не особенно отдаленнаго, но уже забытаго прошлаго, которыя воскрешаютъ въ своей бесѣдѣ Осепъ и Хахо. Разсказы этихъ двухъ лицъ могутъ служить цѣннымъ матеріаломъ для характеристики стараго армянскаго быта. Мы живо представляемъ себѣ тотъ домъ, гдѣ жила въ дѣтствѣ Хахо; въ главной, а, можетъ быть, и единственной комнатѣ этого дома припоминается ей длинный и широкій диванъ, покрытый большимъ ковромъ; по вечерамъ посреди этой комнаты разводили

жаровню, и всѣ дѣти садились вокругъ нея. Въ потолкѣ было отверстіе для прохода дыма; на зарѣ чрезъ это отверстіе врывался въ комнату дневной свѣтъ, а когда наступала темнота, черезъ него видны были звѣзды. Ночь проводили они всѣ, — въ виду господствовавшей простоты нравовъ, — въ этой же комнатѣ, не нуждаясь ни въ какихъ удобствахъ, скоро засыпая здоровымъ, крѣпкимъ сномъ. Во всемъ образѣ жизни чувствовалась разумная бережливость и незатѣйливость вкусовъ; одинъ котелъ для варки кушанья былъ у нихъ въ домѣ, вспоминаетъ Хахо, одинъ вертелъ, одна большая разливательная ложка; мужчины покупали и приносили съ собою всѣ съѣстные припасы, и кушанье приготовлялось самими членами семейства, безъ помощи поваровъ или кухарокъ. А между тѣмъ не нужно думать, чтобы они жили скупо и лишали себя удовольствій: когда по вечерамъ по срединѣ дивана постилалась голубая скатерть и начинался ужинъ, много подавалось вкусныхъ блюдъ, въ кубокъ наливалось прекрасное вино, и онъ переходилъ изъ рукъ въ руки, постоянно наполняясь. Одѣвались всѣ въ національные костюмы, живописные, красивые, но безъ того неразумнаго великолѣпія, къ которому стали привыкать въ новѣйшее время. Словомъ, все дышало простотой, зажиточностью и благоразуміемъ. Какими далекими кажутся эти патріархальныя времена! Какъ далеко отъ тифлискаго «салона» новой формаціи, украшеннаго дорогою мебелью, картинами, вазами для цвѣтовъ, до непритязательной комнаты съ однимъ большимъ диваномъ и съ отверстіемъ для дыма въ потолкѣ! «Все такъ же течетъ Кура, и горы кругомъ все тѣ же, во люди совсѣмъ измѣнились», справедливо замѣчаетъ Хахо.

Но вмѣстѣ съ этой расточительностью, безпрепятственно развивающейся въ то время, какъ въ томъ же Тифлисѣ живутъ тысячи бѣдняковъ, съ трудомъ добывающихъ себѣ пропитаніе, въ армянскомъ обществѣ появилась уже затронутая нами при разборѣ предшествующихъ комедій Сундукьянца полу-образованность. Она появилась не какъ внутренняя потребность общества, а какъ мода, слѣдовать которой сдѣлалось вскорѣ столь же обязательнымъ, какъ и модѣ на новыя кушанья или платья. Она пріобрѣтала все больше и больше значенія, между тѣмъ какъ рядомъ съ нею развивалось и настоящее, серьезное стремленіе къ культурѣ, захватившее лучшую часть не только тифлискаго, но и вообще армянскаго общества. Осепъ, не получившій образованія, смотрѣвшій безъ особаго довѣрія на то, какъ всѣ кругомъ, стараясь не отстать другъ отъ друга, стали отдавать своихъ дѣтей учиться, по большей части вовсе не думая о томъ, пригодится-ли дѣтямъ то, чему они учатся, далъ однако и своей дочери Нато салонное образованіе, какое получали всѣ ея подруги; она училась по-французски, по-русски, игрѣ на фортепіано, рукодѣльямъ. Но не много пользы принесло поверхностное образованіе, и по природѣ пустая и вѣтреная дѣвушка, какъ главный результатъ своего ученія, усвоила себѣ сознаніе, что она теперь образованнѣе и выше своей среды, что ея вкусы самые утонченные. Она запомнила также нѣсколько французскихъ и русскихъ словъ, а изъ уроковъ музыки вынесла во первыхъ умѣнье играть иногда передъ гостями мелкія салонныя пьески (причемъ на покупку нотъ она тратитъ иногда до 5 руб. заразъ), а во вторыхъ убѣжденіе, что ей необходимо посѣщать всѣ концерты, — въ сущности, конечно, не ради музыки, а ради того, что тамъ столько интересной публики, столько кавалеровъ и она можетъ появляться въ самыхъ нарядныхъ и изящныхъ своихъ туалетахъ... «Необыкновенно понравился мнѣ этотъ концертъ», замѣчаетъ какъ-то Соломэ. «Слава Богу, что эта мода у насъ появилась. Вѣдь это превосходный базаръ для дѣвушекъ, желающихъ выйти замужъ», откровенно признается она. Любопытно, что Осепъ кромѣ минутъ раздраженія, когда у него вырываются выходки противъ образованія вообще, какъ чего-то лишняго для лицъ его сословія, умѣетъ отличать полу-образованность отъ истиннаго образованія. Онъ замѣтилъ, напр., несмотря на свою занятую жизнь, что Нато умѣетъ играть только 2—3 вещицы на фортепіано, да и тѣ съ грѣхомъ пополамъ. «Всему научилась она на половину, — и музыкѣ, и языкамъ», говоритъ Осепъ; «скажи мнѣ, что она умѣетъ дѣлать? Можетъ-ли она что-нибудь сшить или скроить себѣ платье?.. Да она не умѣетъ даже порядочно говорить по армянски,—а вѣдь это ея родной языкъ. Можетъ-ли она хоть страницу написать безъ ошибокъ? Можетъ-ли бѣгло произнести хоть десять французскихъ словъ подъ рядъ? Да въ чемъ она вообще знаетъ толкъ? Хорошая изъ нея выйдетъ хозяйка! Право, жаль человѣка, который на ней женится; развѣ она будетъ въ состояніи дѣлить съ нимъ невзгоды жизни? Завтра будетъ она матерью и ей придется воспитывать дѣтей... Вотъ будетъ отличное воспитаніе!» Эта фраза о воспитаніи не случайно вырвалась у Осепа, и отрадно слышать отъ старика, въ другомъ мѣстѣ комедіи, выраженіе негодованія по поводу того, что тифлисскія армянки, увлекаясь балами, вечеринками, пикниками, забыли о своихъ дѣтяхъ, не заботясь объ ихъ воспитаніи и сдали ихъ на руки наемной прислуги. Итакъ образованіе, полученное Нато, встрѣчаетъ рѣзкую критику со стороны здравомыслящаго, хотя и мало культурнаго купца; но вѣдь на это образованіе шли въ свое время громадныя суммы, которыя вмѣстѣ съ расходами на удовлетвореніе прихотей Соломэ, приближали для Осепа часъ разоренія.

М. Ярошенко
1892

Но не только расточительность и внѣшнее образованіе составляютъ важнѣйшій недостатокъ общества, которое окружаетъ Осепа; есть у этого общества и много другихъ темныхъ сторонъ, напр. существованіе уже знакомыхъ намъ эксплуататоровъ, которые разоряютъ всѣхъ, кто вступаетъ съ ними въ какія-нибудь отношенія. На этихъ темныхъ сторонахъ и на столкновеніи съ ними Осепа и построенъ сюжетъ комедіи, къ изложенію котораго мы теперь обращаемся.

Въ первомъ дѣйствіи мы застаемъ Осепа уже на пути къ разоренію; дѣла его идутъ еще сносно, но постоянные непроизводительные расходы, виновницами которыхъ являются то Соломэ, то Нато, значительно содѣйствовали его обѣдненію. Но вотъ послѣ постоянныхъ издержекъ на наряды или увеселенія, которыя Осепъ долженъ былъ покрывать, Соломэ снова обращается къ мужу съ просьбою о деньгахъ; на этотъ разъ дѣло имѣетъ болѣе серьезный характеръ. Нато пора выдать замужъ, и слѣдуетъ позаботиться о приданомъ, обѣщать жениху болѣе или менѣе значительную сумму денегъ. Осепъ самъ думаетъ часто о будущности дочери и хочетъ, какъ можно лучше устроить ея судьбу, выдавъ ее за честнаго, трудящагося и любящаго ее человѣка; но онъ хотѣлъ бы найти жениха въ своемъ сословіи, зная, что такой женихъ будетъ проще по вкусамъ, не станетъ напускать на себя важность, да и не будетъ требовать особенно громаднаго приданаго. Мы узнаемъ, что онъ въ разное время указывалъ уже Соломэ на трехъ или четырехъ молодыхъ людей, способныхъ и трудолюбивыхъ, притомъ горячо любившихъ Нато. Но дѣвушка, встрѣчая въ этомъ отношеніи поддержку со стороны пустой и недальновидной матери, и слышать не хочетъ о бракѣ съ купцомъ. «Стало быть, вы хотите сдѣлать изъ меня жену торгаша», говоритъ она какъ-то матери, «чтобы всѣ надо мною потѣшались? Зачѣмъ же вы меня такъ воспитали? Ужь не для того-ли, чтобы выйти за такого человѣка, научилась я по французски, по русски и играть на рояли? Зачѣмъ же купцу рояль? Ему годятся банки съ огурцами и горшки съ масломъ, а не мой французскій языкъ! Хотѣлось бы знать, какъ онъ станетъ со мной говорить! Должно быть: moi aller, vous joli, tu voir... Нѣтъ, ни за что на свѣтѣ не выйду я за купца. Я не хочу знать никакого купца. Скорѣе брошусь въ воду, чѣмъ выйду за него замужъ». Начинаются слезы, чуть не истерика. Слышатся отрывочныя фразы: «такъ, стало быть, купецъ будетъ водить меня гулять на бульваръ? онъ будетъ меня и въ театръ провожать, и въ клубъ?..» Съ трудомъ удается матери успокоить и утѣшить ее.

Но и мать держится того же взгляда; и ей кажется, что, зная слегка игру на рояли и нѣсколько французскихъ словъ, замужъ выйти за купца невозможно. Между нею и Осепомъ происходятъ любопытные разговоры на эту тему. Осепъ говоритъ все время съ гордостью человѣка, честно трудящагося изъ за насущнаго хлѣба. «Такъ по твоему купецъ непремѣнно дурной человѣкъ?» спрашиваетъ онъ жену. «По твоему и я ничего не стою, я, который день и ночь ломаю себѣ голову надъ тѣмъ, какъ бы достать для васъ хлѣба». «Да ты самъ, кто такая?» восклицаетъ онъ, когда Соломэ, говоря о женихахъ, предложенныхъ имъ, употребляетъ выраженіе: «развѣ они намъ пара? кто они такіе? кто ихъ родители?» «Чья же ты дочь?» спрашиваетъ Осепъ, «чья жена? Ужь не происходишь-ли ты отъ царя Ираклія и не супруга-ли ты какого-нибудь принца?»

Кого же считаетъ Соломэ подходящимъ женихомъ для дочери? Идеаломъ представляется ей чиновникъ, который, по ея мнѣнію, всегда бываетъ человѣкомъ образованнымъ, и который, конечно, оцѣнитъ достоинства Нато. Страсть выдавать дочерей непремѣнно за военныхъ или за чиновниковъ, господствовавшая въ то время въ армянскомъ обществѣ, подвергалась не разъ осмѣянію въ литературѣ; противъ нея направлены, напр., нѣкоторыя стихотворенія Натканьяна. Какъ бы въ исполненіе этихъ пожеланій, случайно, на концертѣ, Нато удается познакомиться съ молодымъ чиновникомъ, Александромъ Мармаровымъ, который положительно приводитъ ее въ восторгъ, такъ что она рѣшаетъ немедленно, что это ея будущій женихъ, и съ тѣмъ большимъ упорствомъ отказывается отъ брака съ купцомъ. Соломэ вполнѣ одобряетъ вкусъ дочери; она нѣсколько разъ принимается восхвалять достоинства молодого человѣка; «онъ красивъ, какъ фазанъ», говоритъ она какъ-то, конечно, желая сказать комплиментъ. Но у Мармарова, какъ мы узнаемъ, есть еще много достоинствъ: онъ вѣжливъ, образованъ, у него прекрасныя манеры; къ тому же онъ на хорошемъ счету въ служебномъ мірѣ,—и, можетъ быть, когда нибудь станетъ даже губернаторомъ. На самомъ дѣлѣ, однако, необыкновенный молодой человѣкъ является самымъ зауряднымъ эгоистомъ-дѣльцомъ. Когда онъ остается одинъ, онъ съ поразительнымъ безстыдствомъ излагаетъ свою житейскую философію, свои планы относительно будущаго. Предполагаемый кандидатъ въ губернаторы пока занимаетъ довольно незначительное мѣсто въ какой-то канцеляріи и подыскиваетъ себѣ богатую невѣсту изъ купеческаго сословія только для того, чтобы жить въ довольствѣ, обирать семью жены и накоплять деньги. Безъ денегъ, разсуждаетъ онъ, человѣкъ не имѣетъ никакой цѣны; сколько ни трудись, никто не станетъ тебя почитать, если у тебя нѣтъ денегъ. Но если онъ женится на богатой дѣвушкѣ, все

пойдетъ по другому; невѣста принесетъ съ собою хорошее приданое, затѣмъ онъ постарается пріобрѣсти всеобщія симпатіи среди новыхъ родственниковъ и постепенно будетъ высасывать у семьи всѣ ея доходы, весь капиталъ. Каждый годъ онъ будетъ имѣть проценты съ денегъ, полученныхъ въ видѣ приданаго, затѣмъ жалованье, затѣмъ еще нѣсколько сотъ рублей *кромѣ того*, — по всей вѣроятности сумма, составляющаяся изъ взятокъ. Деньги онъ будетъ беречь, каждый годъ откладывать не менѣе, какъ рублей по тысячѣ,—черезъ 15 лѣтъ онъ будетъ счастливымъ обладателемъ почти 20000 рублей! Кромѣ денежныхъ выгодъ женитьба на богатой имѣетъ и другія преимущества: она заставитъ всѣхъ говорить объ немъ и дастъ ему положеніе въ обществѣ. Вся канцелярія будетъ поражена, когда узнаетъ, что Мармарову такъ повезло. Конечно, хорошо, если невѣста сверхъ того и красива и влюблена въ него, но главное все таки въ ея деньгахъ. Бѣдная Нато! Мы начинаемъ жалѣть ее, когда видимъ, о комъ она мечтаетъ, кого идеализируетъ. Незавидной партіей даже для пустой, капризной, недалекой, но все же искренно увлекающейся дѣвушки является этотъ полу-образованный чиновникъ-дѣлецъ, по натурѣ грубый матеріалистъ и человѣкъ совершенно не развитой, умѣющій, однако, время отъ времени вставить среди армянскихъ фразъ «il donc», «mauvais genre», «chic» и т. д., который красивъ, какъ фазанъ, и мѣтитъ въ губернаторы.

Понятно, что для Мармарова имѣетъ важное значеніе точная цифра денегъ, которыя отецъ невѣсты даетъ за дочерью, и онъ не дѣлаетъ опрометчивыхъ шаговъ, а высматриваетъ, гдѣ больше дадутъ. Чтобы не слишкомъ компрометировать себя, онъ остается въ тѣни, а поручаетъ все дѣло своей сестрѣ Хамперн, которая и ходитъ, въ качествѣ свахи, торгуясь съ родителями. Это дастъ Мармарову возможность впослѣдствіи упоминать съ неодобреніемъ о странномъ образѣ дѣйствій сестры, объ ея алчности до денегъ, какъ будто эти деньги должны были идти не въ его карманъ. Когда у него завязываются сношенія съ семействомъ Осепа, онъ, черезъ сестру, передаетъ Соломэ, что хочетъ получить за невѣстой 8000 рублей. Соломэ готова дать хоть 20000 этому восхитительному жениху, которому, по ея словамъ, купецъ не достоинъ развязать даже ремень у обуви. Но деньги не въ ея рукахъ; приходится выпрашивать ихъ у Осепа. Осепу не нравится хлыщеватый чиновникъ, такъ ясно показывающій, что любитъ не Нато, а ея приданое; тѣмъ не менѣе, видя, что жена необыкновенно желаетъ этого брака, что даже Хахо ничего не имѣетъ противъ него, онъ изъявляетъ согласіе, но на просьбы дать 8000 рублей отвѣчаетъ рѣшительнымъ отказомъ. Онъ говоритъ прямо, что дѣла его идутъ плохо, что, если не удастся одинъ его разсчетъ, онъ черезъ нѣсколько двей можетъ разориться. Соломэ продолжаетъ настаивать, восхваляя выдающіяся достоинства жениха; наконецъ, Осепъ соглашается дать шесть тысячъ, но ни копѣйки больше, и заявляетъ, что, еслибы даже голосъ съ неба раздался, приказывая ему прибавить 2000, онъ и тогда не могъ-бы этого сдѣлать; сумма, которую онъ обѣщаетъ,—самое большее, что онъ можетъ дать, да и то съ опасностью разоренія. Тогда Соломэ, не вѣря или не желая вѣрить въ истину словъ мужа, и полагая, что онъ просто скупится, рѣшается на необдуманный шагъ; выторговавъ у Хамперн тысячу, хотя и обязавшись при этомъ уплатить ей лично еще 250 рублей, она безъ вѣдома мужа обѣщаетъ дать за дочерью 7000 руб., такъ какъ увѣрена, что Осепъ эти деньги найдетъ, если захочетъ, а что онъ будетъ сердиться и, пожалуй, кричать на нее, это она какъ-нибудь перенесетъ. Она и не подозрѣваетъ, что этотъ поступокъ повлечетъ за собою тяжелыя несчастія для всего семейства. Какъ только дѣло слажено, Мармаровъ является съ визитомъ къ Соломэ, въ качествѣ жениха, говоритъ комплименты Нато, совершенно очаровываетъ Соломэ своею вѣжливостью и изящными манерами. Быстро происходитъ помолвка молодыхъ людей въ отсутствіе Осепа.

Но, между тѣмъ какъ женская часть семейства занимается этимъ, Осепъ переживаетъ тяжелыя минуты. Его вѣрный другъ Гево внезапно приходитъ сообщить ему страшную для него новость: одинъ изъ его должниковъ, Сантурьянъ, отъ котораго онъ ожидалъ на другой день получить 10000 рублей, объявляетъ себя несостоятельнымъ. Между тѣмъ, изъ этихъ денегъ Осепъ собирался покрыть свои личные долги, причемъ ближайшій срокъ платежа черезъ два дня! Такимъ образомъ, ему грозитъ опасность обанкротиться, подобно Сантурьяну, такъ какъ онъ не въ силахъ уплатить кредиторамъ. Намъ станетъ еще яснѣе эта зависимость между полученіемъ денегъ отъ должника и уплатой собственнаго долга, если мы обратимъ вниманіе на то, какъ ведется та отрасль торговли, которою занимается Осепъ: почти никто не торгуетъ на собственный капиталъ, а долженъ занимать деньги у другихъ на извѣстный срокъ; съ другой стороны, конечно, и у него занимаютъ деньги; такимъ образомъ, получивъ деньги отъ своего должника, купецъ уплачиваетъ кредитору, затѣмъ занимаетъ деньги у новаго лица; и отъ равновѣсія между приходомъ и расходомъ зависитъ въ значительной степени успѣхъ торговыхъ операцій. Мы видимъ подобный разсчетъ и на примѣрѣ Осепа: срокъ полученія долга на день предшествуетъ сроку уплаты кре-

диторамъ. Можно представить себѣ горе и ужасъ Осепа при мысли объ ожидающемъ его несчастіи и позорѣ! Находясь въ этомъ подавленномъ пастроеніи, предчувствуя дальнѣйшія бѣды, Осепъ, придя домой, узнаетъ, что его дочь помолвлена и застаетъ Мармарова у себя въ домѣ; мало того, онъ долженъ встрѣчать жениха, говорить ему привѣтствія. Онъ не находитъ словъ, языкъ отказывается ему служить; къ великому негодованію Соломэ и удивленію Мармарова, онъ выслушиваетъ просьбу будущаго зятя «считать его отнынѣ въ числѣ своихъ дѣтей», какъ-бы не отдавая себѣ отчета въ томъ, что слышитъ, и неспособный придумать какія-нибудь отвѣтныя любезности. Мармаровъ смущенъ и озадаченъ этой встрѣчей, но тѣмъ не менѣе заговариваетъ о своей будущей свадьбѣ, о томъ, что нужно будетъ пригласить 20 человѣкъ его знакомыхъ, между прочимъ его начальника; Осепъ отвѣчаетъ машинально: «дѣлай, какъ хочешь». Но его подавленное состояніе доходитъ до высшей степени, когда Соломэ, уводя Мармарова по внутреннія комнаты, говоритъ мужу мимоходомъ, что она обѣщала жениху семь тысячъ приданаго. Оставшись наединѣ съ Хахо, Осепъ, сраженный и главнымъ своимъ горемъ, и этимъ новымъ извѣстіемъ, изливаетъ свое отчаяніе, мрачныя предчувствія, и негодованіе по поводу поступка жены, которая еще увеличила такимъ образомъ его расходы въ ту минуту, когда ему грозитъ разореніе. Но вдругъ Осепъ вспоминаетъ, что онъ, какъ хозяинъ дома, долженъ быть любезнымъ съ Мармаровымъ, принимать его съ почетомъ, какъ жениха дочери. «Да, я долженъ идти, чтобы не показаться смѣшнымъ въ его глазахъ. Вѣдь этотъ господинъ—чиновникъ на государственной службѣ», съ горькой усмѣшкой говоритъ Осепъ; онъ дѣлаетъ надъ собою усиліе и отправляется занимать будущаго зятя.

Но за первымъ несчастіемъ слѣдуютъ новыя бѣды. Дѣло въ томъ, что въ числѣ лицъ, желавшихъ имѣть Мармарова своимъ зятемъ, былъ богатый купецъ Барсегъ, который предполагалъ выдать за него свою некрасивую и глупую дочь. Но они не сошлись въ деньгахъ (на недостатки невѣсты Мармаровъ не обратилъ бы вниманія), и Соломэ отбила для своей дочери этого завиднаго жениха, во-время уговорившись съ Хамперн. Барсегъ и его жена, Кали, взбѣшенные своимъ пораженіемъ, рѣшаютъ отмстить Осепу и разстроить бракъ Нато съ Мармаровымъ. Средство для этого у нихъ въ рукахъ: Барсегъ—кредиторъ Осепа, и поэтому можетъ теперь, мстя ему, причинять ему важныя денежныя затрудненія. Правда, онъ обѣщалъ ему еще мѣсяцъ не требовать уплаты послѣдней части долга; но никакой документъ не подтверждаетъ этого обѣщанія, а устныя завѣренія или даже клятвы Барсегъ, подобно Арутину въ комедіи «Пепо», не ставитъ ни во что, если въ дѣло замѣшаны его личные интересы и выгоды. Взбѣшенный своимъ пораженіемъ, подстрекаемый женою, Барсегъ, который давно уже не долюбливалъ Осепа, главнымъ образомъ за его честность и нежеланіе идти на компромиссы, посылаетъ сказать ему, чтобы онъ немедленно принесъ весь свой долгъ.

Прежде чѣмъ говорить о сценѣ свиданія двухъ купцовъ, — одной изъ лучшихъ въ комедіи, — скажемъ нѣсколько словъ о личности Барсега. Это представитель той же породы эксплуататоровъ, съ которой мы уже познакомились при разборѣ предшествующихъ комедій; но отличіе Барсега въ томъ, что онъ не только человѣкъ безсердечный и корыстный, но прямо уголовный преступникъ, который не попалъ подъ судъ только потому, что всѣ его боятся, и ни у кого не хватаетъ мужества обличить его. Только одинъ его родственникъ, человѣкъ полу-помѣшанный и почти всегда пьяный, въ странной, безсвязной формѣ, произноситъ иногда суровый приговоръ надъ Барсегомъ и раскрываетъ тѣ средства, при помощи которыхъ онъ разбогатѣлъ и возвысился. Безумно звучащія рѣчи этого человѣка, который является напоминать потерявшему стыдъ и совѣсть купцу о честности и справедливости, грозитъ ему смертью и страшнымъ судомъ, заключаютъ въ себѣ много любопытныхъ подробностей, относящихся къ прошлому Барсега. Уже изъ словъ Хахо мы узнаемъ, что отцомъ богача былъ бѣдный сапожникъ Матгусъ; самъ онъ служилъ когда-то въ одной изъ тифлисскихъ лавокъ и бѣгалъ по городу съ различными порученіями въ рваной одеждѣ и дырявой обуви; постепенно онъ выбился на болѣе широкую дорогу, началъ заниматься торговлею и вскорѣ разбогатѣлъ. Но сколько темнаго и порочнаго было въ этомъ быстромъ обогащеніи! Сталъ онъ, напр., въ качествѣ солиднаго лица, пользующагося извѣстной репутаціей, собирать деньги въ пользу церкви,—и положилъ ихъ въ свой карманъ. У роднаго брата онъ отнялъ приходившуюся ему часть наслѣдства; своего компаньона онъ обманулъ и насчиталъ на него небывалые долги; лавку сосѣда и, вѣроятно, конкурента, онъ поджегъ; многихъ онъ нарочно постарался сдѣлать своими должниками, чтобы впослѣдствіи поживиться на ихъ счетъ и разорить ихъ. «Не цѣни слишкомъ дешево принадлежащіе мнѣ рубли», говоритъ самъ Барсегъ женѣ. «За каждый изъ нихъ я двадцать разъ продалъ свою душу». Но не только въ крупныхъ дѣлахъ сказывается вся порочность и безнравственность его — онъ вмѣстѣ съ тѣмъ пускается на мошеническія продѣлки и плутовство въ мелочахъ. Въ первой сценѣ второго дѣйствія мы видимъ, какъ онъ заставляетъ служащаго у него маль-

чика Мизо мѣрить ситецъ и вытягивать его при этомъ, чтобы изъ шести аршинъ сдѣлать семь. Когда мальчику это не удается, а ситецъ едва не начинаетъ рваться, Барсегъ безжалостно бьетъ его и ругаетъ за неумѣніе заботиться о хозяйскихъ интересахъ. Для него ничего не стоитъ также черезъ посредство вѣрнаго клеврета своего, прикащика Дарчо, спустить кусокъ старой гнилой матеріи, покрывъ его снаружи новою, какому-то пріѣзжему. Вотъ тѣ пути, какими возвысился сынъ скромнаго мастерового Маттуса, всѣми называемый теперь Василіемъ Матвѣевичемъ, пользующійся почетомъ чуть не во всемъ Тифлисѣ, важно разъѣзжающій по городу на собственныхъ лошадяхъ!

Вызванный внезапно Барсегомъ, Осепъ приходитъ къ нему въ домъ. Характеры этихъ двухъ лицъ, являющихся представителями двухъ противоположныхъ теченій въ купечествѣ, становятся еще болѣе понятными послѣ этой сцены. Въ противоположность Барсегу, Осепъ все свое состояніе нажилъ честнымъ трудомъ, — отчасти потому, конечно, у него такъ мало состоянія; никогда не пускался онъ на уловки, часто бывалъ прямо непрактиченъ и не понималъ своихъ прямыхъ выгодъ,—по крайней мѣрѣ съ точки зрѣнія окружающихъ его дѣльцовъ и плутовъ. Барсегъ ясно опредѣляетъ разницу между своимъ отношеніемъ къ жизни и взглядами Осепа. «По моему, весь міръ не что иное, какъ сосудъ съ медомъ. Кто, не подпуская другихъ близко, умѣетъ захватить для себя лучшую часть, тотъ для меня человѣкъ, тому хвала и честь. Кто-же, какъ Осепъ, стоитъ вдали и ждетъ, пока очередь дойдетъ до него, тотъ просто оселъ».

Барсегъ съ первыхъ же словъ обращается съ Осепомъ грубо и нахально. Онъ скоро переходитъ къ вопросу о деньгахъ. «Принесъ ты мои деньги? давай ихъ скорѣе»! обращается онъ къ старику. Осепъ отвѣчаетъ ему съ тѣмъ особымъ достоинствомъ, которое свойственно людямъ честнымъ, не сознающимъ за собой никакой вины. «Развѣ я твой слуга, что ты такъ говоришь со мною? Ты, вѣроятно, не знаешь, кто передъ тобой стоитъ? Будь остороженъ, потому что если я крикну на тебя, ты задрожишь отъ страха». Когда Барсегъ, грубо обрывая его, снова обращается къ вопросу объ уплатѣ денегъ, Осепъ напоминаетъ, что, когда онъ въ послѣдній разъ уплачивалъ ему долгъ, Барсегъ обѣщалъ ему требовать уплаты остальной части только черезъ мѣсяцъ; на это Барсегъ отвѣчаетъ, что онъ не хочетъ ничего знать о томъ, что *тогда* было; хотя-бы онъ и говорилъ это, теперь ему нужны деньги, и онъ требуетъ уплаты сейчасъ-же. Но безстыдству негодяя суждено проявиться въ еще болѣе грубыхъ формахъ; признавъ, что обѣщаніе ждать съ уплатой было имъ дано, и только не считая себя обязаннымъ его держать, онъ черезъ нѣсколько минутъ спрашиваетъ Осепа, есть ли у него какой-нибудь документъ, подтверждающій эту разсрочку. «Да развѣ твое слово не есть тотъ-же документъ?» говоритъ Осепъ и въ его словахъ слышится благородное довѣріе идеалиста. «Зачѣмъ-же намъ еще тратить бумагу»? «Я тебѣ никогда не давалъ моего слова», внезапно заявляетъ Барсегъ, сообразившій, что никто не можетъ уличить его въ обманѣ. Тутъ негодованіе постепенно овладѣваетъ честнымъ Осепомъ. «Боже, что я слышу»? восклицаетъ онъ; «ты—купецъ, и попираешь ногами свое слово! Постыдись себя самого»! Онъ беретъ Барсега за руку, быстро подводитъ его къ зеркалу и показываетъ ему, какъ противъ его воли поблѣднѣли его лицо, его губы. Даже Барсегъ нѣсколько смущенъ. «Пусти меня», кричитъ онъ, освобождаясь изъ рукъ Осепа; «ты, право, поступаешь совершенно такъ, какъ будто бы *ты* былъ кредиторомъ». «Нѣтъ, ты кредиторъ»! говоритъ Осепъ. «Я предпочелъ бы проваляться живымъ сквозь землю, чѣмъ быть кредиторомъ, подобнымъ тебѣ. Какъ ты думаешь, какую цѣну будешь ты отнынѣ имѣть въ моихъ глазахъ»? Барсегъ продолжаетъ настаивать на немедленной уплатѣ и коритъ Осепа будущей свадьбой дочери, этой несчастной свадьбой, затѣянной противъ его воли, — на которую Осепъ, по его словамъ, собирается истратить занятыя у него деньги. Желая окончить поскорѣе разговоръ съ безчестнымъ человѣкомъ, Осепъ заводитъ рѣчь о данномъ имъ Барсегу въ видѣ залога векселѣ третьяго лица, нѣкоего Ростома; пусть онъ достанетъ этотъ векселъ, и они вмѣстѣ пойдутъ и продадутъ его съ учетомъ; пусть эти деньги пойдутъ на покрытіе долга, хотя бы Осепу и пришлось на этой продажѣ потерпѣть убытки. Барсегъ притворяется, что не понимаетъ, о чемъ идетъ дѣло; когда же Осепъ объясняетъ ему и указываетъ на то, что это вѣдь не слово, отъ котораго онъ можетъ отпереться, а документъ, негодяй отвѣчаетъ хладнокровно, доходя до высшихъ предѣловъ наглости: «Да какое тебѣ дѣло, что у меня въ рукахъ этотъ документъ? Это касается теперь только меня и Ростома». Намѣреніе Барсега присвоить себѣ этотъ векселъ и получить впослѣдствіи деньги, доводитъ Осепа до высшей степени негодованія, и онъ въ грозныхъ словахъ произноситъ осужденіе Барсегу и всѣмъ ему подобнымъ. «Съ тебя не довольно быть лгуномъ», восклицаетъ онъ, «ты хочешь быть еще воромъ и разбойникомъ? Такъ, значитъ, вѣрно то, что про тебя говорятъ люди, вѣрно, что ты всѣхъ обокралъ и тѣмъ составилъ себѣ состояніе, что ты разорилъ 25 семействъ, что у каждаго изъ нихъ ты потушилъ его свѣтильникъ и зажегъ такимъ образомъ свой собственный? Да, я вижу

теперь, все, что разсказываютъ про тебя, правда!... Теперь я начинаю думать, что эти стулья, этотъ диванъ, это зеркало, твоя одежда, твоя палка—словомъ, каждый предметъ, который ты называешь своимъ, представляетъ собою одного изъ ограбленныхъ тобою людей. Возьми-же и мои кости въ придачу! Пусть переполнится мѣра! Ты сдѣлалъ свою совѣсть каменною, ты не хочешь ничего слушать, — но я тебѣ говорю, придетъ день, когда совѣсть твоя проснется, и каждый предметъ, который здѣсь лежитъ или стоитъ, будетъ припоминать тебѣ твои позорныя дѣла. Тогда пойди и оправдайся, если можешь, передъ твоимъ Творцомъ! Стыдъ тому, кто тебя продолжаетъ считать человѣкомъ»! Осепъ уходитъ, негодующій и возмущенный, бросивъ въ лицо Барсегу всю его низость. Но далеко еще до того дня, когда въ негодяѣ проснется совѣсть, — въ отвѣтъ на грозныя рѣчи Осепа онъ только разражается презрительнымъ смѣхомъ. И, дѣйствительно, онъ сознаетъ, что непремѣнно восторжествуетъ, такъ какъ юридически вполнѣ правъ.

А въ домѣ Осепа тѣмъ временемъ всѣ только и думаютъ, что о предстоящей свадьбѣ. Мармаровъ уже сталъ почти членомъ семьи, онъ ведетъ съ Нато нѣжные разговоры, они строятъ планы относительно будущаго, т. е. вѣрнѣе, она мечтаетъ о различныхъ удобствахъ, удовольствіяхъ и развлеченіяхъ, которыя будутъ въ ея распоряженіи послѣ свадьбы, а онъ поддакиваетъ ей, въ душѣ рѣшившись, когда женится, не обращать почти никакого вниманія на ея вкусы и прихоти. Нато предполагаетъ, напр., устроить jour-fixe два раза въ мѣсяцъ; Мармаровъ предлагаетъ—хоть каждую недѣлю; Нато выражаетъ желаніе абонироваться на ложу въ театрѣ, а именно на одинъ вечеръ въ недѣлю; Мармаровъ говоритъ, что лучше абонироваться на два вечера; зашла рѣчь о фортепіано—и заботливый женихъ сообщаетъ, что одинъ изъ его знакомыхъ привезъ изъ-за границы роскошную рояль, которая стоитъ 1500 руб.; съ пренебреженіемъ говоритъ онъ о какомъ-то фортепіано въ 500 рублей, которое Нато видѣла въ музыкальномъ магазинѣ. Дѣвушка въ восторгѣ отъ раскрывающейся передъ ней перспективы счастья и довольства, она мечтаетъ о чудномъ времени, когда ей будутъ доступны всѣ удобства и развлеченія, и когда она будетъ одѣваться, по ея собственному выраженію, «à la dernière mode». Но какъ смѣется надъ этими надеждами и желаніями Мармаровъ, когда, оставшись одинъ, вспоминаетъ разговоръ съ Нато! Онъ рѣшаетъ, что, пока ему не удастся разбогатѣть, онъ не станетъ тратить денегъ на ложи, концерты, вечера или наряды жены, и будетъ отвѣчать отказомъ на всѣ ея слезныя просьбы.

Между тѣмъ Осепъ все время въ тревожномъ ожиданіи дальнѣйшихъ несчастій. Онъ бѣгаетъ по всему городу, ища поддержки, матеріальной помощи или сочувствія,—и всюду принужденъ разочаровываться въ людяхъ; нигдѣ не встрѣчаетъ онъ состраданія, жалости или желанія помочь ему въ бѣдѣ; самые близкіе люди, — братъ, двоюродный братъ, дядя,—сразу измѣнили свое отношеніе къ нему, какъ только узнали, что счастье ему измѣнило. Но Осепъ и не подозрѣваетъ, что ожидающее его несчастье еще серьезнѣе, чѣмъ онъ предполагалъ; изъ разговора съ Мармаровымъ,—который, замѣтимъ кстати, пришелъ просить его, какъ и можно было ожидать, уплатить ему сейчасъ-же 7000,—онъ узнаетъ, что по закону кредиторъ имѣетъ право во всякое время явиться въ домъ его, какъ несостоятельнаго должника, и произвести опись его имущества. Это извѣстіе, какъ громомъ, поражаетъ Осепа; до тѣхъ поръ онъ думалъ, что его могутъ только вызвать къ суду; такимъ образомъ онъ имѣлъ бы извѣстный срокъ, въ теченіе котораго могъ бы еще какъ-нибудь собрать деньги. Слова Мармарова вскорѣ начинаютъ сбываться; вбѣгаетъ Гево, и, всячески стараясь щадить Осепа, который отъ горя чуть не сходитъ съ ума, сообщаетъ ему, что его лавка только что опечатана. Осепъ въ отчаяніи бросается вонъ изъ комнаты, хотя и сознаетъ, что уже все кончено.

Не успѣлъ Осепъ оставить комнату, какъ въ нее входитъ разряженная женская компанія съ Соломэ и Нато во главѣ. Это все родственницы или знакомыя, дѣлающія видъ, что очень радуются «счастью» Нато, и явившіяся по приглашенію хозяйки на семейный вечеръ. Комната ярко освѣщена, и это освѣщеніе еще болѣе дѣлаетъ замѣтными роскошь и блескъ новомоднаго салона, устроеннаго въ домѣ Осепа противъ его воли. Начинается игра въ лото, которая сдѣлалась, какъ мы уже знаемъ, такою популярною въ тифлисскомъ обществѣ; и вотъ, въ то самое время, какъ всѣ думаютъ только объ игрѣ, кромѣ, развѣ, одного Мармарова, — изъ головы его все не выходитъ бесѣда съ Осепомъ, который хотя и не назвалъ ему именъ и не далъ болѣе подробныхъ разъясненій, но уже одними разговорами о долгахъ, кредиторахъ, описи и т. д. и отказомъ уплатить немедленно деньги навелъ его на тревожныя мысли,—за сценой внезапно слышатся грубые голоса, и въ комнату врывается Барсегъ, нахальный и взбѣшенный, со словами: «Нѣтъ, вотъ это отлично! я работаю въ потѣ лица, а вы устраиваете тутъ иллюминацію на мои деньги». Гости, а также и Соломэ, не понимаютъ сначала, что случилось; Соломэ требуетъ, чтобы Барсега вывели изъ комнаты; но негодяй заявляетъ, что онъ сейчасъ покажетъ, кому нужно выйти отсюда. И дѣйствительно, черезъ минуту входитъ судебный приставъ съ письмоводителемъ, за нимъ Осепъ и

толпа незнакомыхъ людей, частью въ европейскихъ, частью въ кавказскихъ костюмахъ; комната оглашается шумомъ, разговорами посторонпихъ лицъ; всѣ держатъ себя такъ, какъ можно себя держать только въ домѣ, гдѣ нѣтъ хозяина. Начинается опись; на мебель приставъ наклеиваетъ ярлыки; за тѣмъ столомъ, гдѣ за минуту передъ тѣмъ играли въ лото, составляется списокъ всѣхъ опечатываемыхъ и редметовъ. Гости, испуганные и смущенные, жмутся къ сторонкѣ, видя, какъ стулья, столы, диваны постепенно описываются и перестаютъ быть собственностью Осепа. Но что дѣлаетъ въ это время Мармаровъ? Онъ, собиравшійся жениться только изъ за приданаго, конечно, отнюдь не соблазняется браконъ съ дочерью разорившагося человѣка, почти нищаго. Онъ ищетъ благовидваго предлога, чтобы удалиться. И вотъ, когда Осепъ, отлично угадывающій, что происходитъ въ душѣ его наречепнаго зятя, проницески замѣчаетъ: «Александръ, поищи себѣ гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ приданаго; я не могу теперь ничего дать за своею дочерью»; Мармаровъ, принимая оскорбленный видъ, гордо заявляетъ: «Какъ, вы еще хотите потѣшаться надо мною?! Я человѣкъ не вашего десятка, милостивый государь!.. Я пріобрѣлъ чувство собственнаго достоинства не для того, чтобы терять его черезъ васъ!» Говоря послѣднія слова, онъ берется за шапку и благоразумно скрывается, поясняя при этомъ Нато, что онъ ее любилъ, очень любилъ, но что теперь онъ противъ своей воли долженъ отъ пея отказаться. Барсегъ злобно хохочетъ, видя, какъ разстроились планы Соломэ. Осепъ, указывая на удаляющагося Мармарова, обращается къ женѣ со словами: «Вотъ тебѣ твой чиновникъ»! Несчастная Нато съ крикомъ «Александръ! Милый Александръ!» падаетъ на диванъ и неутѣшно плачетъ. Между тѣмъ всѣ эти терзанія довели Осепа почти до безумія; онъ срываетъ съ себя верхнее платье, схватываетъ свою шапку, а также развыя вещи со стола и бросаетъ все это на полъ, приговаривая: «бери, бери, хватай все это, насыщайся!» Барсегъ, на котораго это горе и отчаяніе не производитъ никакого впечатлѣнія, отвѣчаетъ на полу-безумныя рѣчи спокойно, хотя, однако, почему-то въ полголоса: «давай все, давай». Осепъ схватываетъ, наконецъ, со стола зажженный канделябръ и бросаетъ его на полъ съ крикомъ: «захватп и это въ свою пасть!» Гево старается успокоить и утѣшить Осепа, говоритъ ему, что онъ себя ведетъ, какъ безумный; «милый Гево», отвѣчаетъ Осепъ—«я поступилъ безумно уже тогда, когда поселился въ этомъ городѣ. Эта жизнь была не по мнѣ. Теперь я разоренъ, я нищій». Уничтожевный, подавленный, онъ бросается къ выходу. А опись между тѣмъ продолжается. Женщины, пришедшія въ гости и ставшія невольными свидѣтельницами разгрома, начинаютъ тяготиться этимъ зрѣлищемъ. «Что намъ здѣсь еще дѣлать?» говоритъ одна изъ нихъ. «Вотъ такъ компанія!» замѣчаетъ она вполголоса, указывая на убитую горемъ семью Осепа. Она уходитъ, за нею исчезаетъ и большинство приглашенныхъ, не желая раздѣлять съ несчастнымъ семействомъ тяжелыя минуты. Все кончено; и Соломэ, и Нато, и Осепа ожидаетъ нищета. Старое гнѣздо разорено...

Только что разобранная комедія, была послѣднимъ изъ крупныхъ бытовыхъ произведеній Сундукьянца, писанныхъ на тифлисскомъ діалектѣ. Мы уже достаточно говорили въ свое время о характерѣ таланта драматурга, объ общественномъ значеніи его комедій; укажемъ теперь въ заключеніе, что въ четырехъ своихъ бытовыхъ произведеніяхъ Сундукьянцъ сдѣлалъ смотръ едва-ли не всѣмъ слоямъ тогдашняго тифлисскаго общества; у него есть типы взъ купечества,—Замбахопъ, Есап, Саркисъ, Бриллiантовъ, Арутинъ, Барсегъ, Осепъ; изъ военнаго и чиновничьяго міра—полковникъ Суратовъ, Мармаровъ; изъ простого народа—Пепо, Какули, Гико; изъ молодой интеллигенціи—Микаэлъ; есть у него не мало женскихъ типовъ, взятыхъ изъ разныхъ сословій,—Анапи, Соломэ, Суратова, Епимія, Кекелъ, Хахо. Эта близость комедій къ дѣйствительности, открывшая для публики возможность видѣть на сценѣ живыя лица, слышать бойкую, образную, родную рѣчь и вмѣстѣ съ тѣмъ изъ каждой пьесы выносить полезные совѣты и указанія, была причиной тому, что комедіи Сундукьянца долгое время почти исключительно господствовали на тифлисской сценѣ. Не нужно думать, чтобы Сундукьянцъ послѣ «Разореннаго гнѣзда» совершенно прекратилъ свою дѣятельность; изъ подъ его пера вышло еще нѣсколько веселыхъ водевилей и фарсовъ изъ тифлисской жизни, въ томъ-же родѣ, какъ упомянутый уже водевиль «Гипервавъ согбръ хэръ э»; особеннымъ успѣхомъ пользовался его фарсъ «Воскавъ Петровичъ». Большимъ остроуміемъ и умѣніемъ подмѣчать слабыя и смѣшныя стороны городской жизни отличаются и сатирическіе фельетоны, которые Сундукьянцъ помѣщалъ одно время въ газетѣ «Арцаганкъ». Наконецъ, въ 1890 году появилась его большая комедія «Амусинперъ» (супруги), сюжетъ которой взятъ изъ салонной жизни тифлисскихъ армянъ; объ этомъ произведеніи намъ еще придется говорить.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Ю. Веселовскій.

Съ дипломомъ!

I.

Кромѣ трехъ-четырехъ товарокъ по институту, и обѣ барышни Ставроковскія пріѣхали проводить Анну Тимофѣевну. Она была взволнована. Ей хотѣлось горячо поблагодарить новыхъ друзей, но удерживала боязнь употребить какое-нибудь неловкое, «нелитературное» выраженіе. У нея уже вошло въ привычку сдерживать свои порывы и произносить только фразы, строго обдуманныя. Она и не подозрѣвала, что эта манера, которую Ставроковскія называли «тактомъ», еще больше привлекала къ ней образованныхъ дѣвушекъ.

На дебаркадерѣ Николаевскаго вокзала было тихо. Пассажирскій поѣздъ почти весь состоялъ изъ вагоновъ третьяго класса. Одинъ—микстъ, выкрашенный на половину въ синюю, на половину въ коричневую краску, одинъ—спеціально втораго класса, весь коричневый, всѣ же остальные—длинные, ярко-зеленые, съ маленькими окошечками.

Изъ всѣхъ пассажирскихъ поѣздовъ Николаевской дороги это — самый тихій. Поэтому Ставроковскія и рекомендовали его Аннѣ Тимофѣевнѣ.

— Ѣдетъ все народъ не торопливый, собирается не спѣша,—говорила ей вчера младшая Ставроковская:—не кричитъ, не предъявляетъ никакихъ требованій...

По платформѣ рѣдко раздаются шаги. Артельщиковъ почти нѣтъ. Не видать и никакихъ мундировъ или вообще лицъ, имѣющихъ начальствующій видъ. Только тамъ, далеко впереди, около багажнаго вагона, мелькаетъ красный околышъ «помощника». Кондукторы спокойно стоятъ у вагоновъ. Безпрерывное шипѣніе паровоза, да изрѣдка чьи-то голоса гулко раздаются въ разряженномъ, утреннемъ воздухѣ.

Когда раздалась мелкая дробь втораго звонка, небольшая компанія задвигалась. Анну Тимофѣевну осыпали всевозможными пожеланіями. Она крѣпко перецѣловалась со всѣми.

— Не забывайте же насъ,—сказала старшая Ставроковская.— Напишите обо всемъ, какъ уладите ваши дѣла, какъ устроитесь.

— Что вы, Надежда Ивановна! Я вашу ласку до гроба не забуду. Вы человѣка подняли во мнѣ.

— Напишите непремѣнно,—прибавила младшая.— Кто знаетъ? Можетъ быть, еще увидимся.

— Все подробно отпишу.

Прощаніе съ товарками было нѣсколько проще, но пожалуй еще горячѣе.

— Спасибо вамъ за все,— говорила Анна Тимофѣевна каждой.

— Дай вамъ Богъ всякихъ благополучій!

— Вы счастливая! Уѣзжаете на родину,— сказала одна.

— Мнѣ съ вами такъ хорошо было,— отвѣтила Анна Тимофѣевна,— что кажется вѣкъ бы не разставалась!

Изъ-за окошечка она ласково кивала своимъ друзьямъ и старалась крѣпко запомнить ихъ лица. Тѣ стояли передъ вагономъ, и такъ какъ разговаривать было нельзя, то испытывали чувство неловкости.

Наконецъ, раздался третій звонокъ, оберъ-кондукторъ и паровозъ обмѣнялись своими свистками, и поѣздъ двинулся. Когда онъ вышелъ изъ-подъ навѣса и передъ глазами Анны Тимофѣевны вдругъ свѣтло раскинулось широкое пространство, наполненное высокими зданіями,— она прошептала:

— Прощай, Петербургъ! Должно ужъ никогда не увидимся.

Темная, боковая стѣна какого-то высокаго дома долго еще мелькала передъ глазами. По ней снизу до верху тянулись грязноватыя полосы трубъ. Появлялись и исчезали длинныя фабричныя строенія. Тамъ и сямъ повисли въ воздухѣ широкія ленты дыма. Несмотря на ясное, солнечное утро, городская даль была окутана легкимъ туманомъ. Кое-гдѣ выскакивалъ изъ него блестящій шпицъ. На ближайшихъ церквахъ дрожали золоченые купола. Панорама города иногда вдругъ пряталась за цѣпью товарныхъ вагоновъ и только мелькала между ними. Тогда передъ глазами Анны Тимофѣевны проскакивали какія то большія буквы и цифры, которыхъ она не умѣла разбирать. Но скоро вагоны исчезали и снова покойно разстилалась городская ширь.

Анна Тимофѣевна долго стояла у окна. Ей хотѣлось навсегда запомнить все, что она увидитъ. Она знала, что никогда не вернется сюда. Хотѣлось высмотрѣть то «у взморья», гдѣ она прожила почти два года, но туманъ скрывалъ отъ нея даль, да и не умѣла она ориѣнтироваться. Оставалось слѣдить за попадавшимися по пути одноэтажными, бревенчатыми строеніями, имѣвшими видъ не то больницы, не то богадѣльни; за фабриками—съ рядомъ небольшихъ домовъ на фабричномъ дворѣ, огороженномъ деревяннымъ заборомъ; за кладбищами, ютившимися къ небольшихъ и еще не особенно тѣнистыхъ, но высокихъ рощицахъ.

А городъ все уменьшался и все круче заворачивалъ влѣво.

Поѣздъ какъ будто остановился раза два еще до первой станціи. Анна Тимофѣевна запомнила, что ее зовутъ «Колпино». Почему-то названіе первой станціи нерѣдко упоминалось во время разговоровъ въ Петербургѣ. Чуть ли не чаще, чѣмъ даже Москва, которая въ Петербургѣ считается провинціей.

Было начало іюня и пассажирскій поѣздъ исполнялъ всѣ функціи дачныхъ поѣздовъ. Онъ не пропустилъ ни одной платформы.

Дачи выглядывали изъ зелени, одноэтажныя съ мезонинами, незатѣйливой архитектуры. Отъ нихъ къ платформамъ вились дороги. Дневная сутолока замѣтна начиналась повсюду. По дорогамъ мелькали телѣги, по линіи то и дѣло попадались рабочіе...

Пора было устроиться и Анна Тимофѣевна оглядѣлась. Она сидѣла на самой крайней скамейкѣ. Длинный вагонъ третьяго класса былъ на половину пустой и скамейка вся цѣликомъ была предоставлена въ ея распоряженіе. Анна Тимофѣевна подумала, что это, можетъ быть, хорошее предзнаменованіе. Она суевѣрно считала, что если везетъ, такъ ужъ во всемъ, и по мелочамъ можно догадаться «на какой линіи ея счастье».

Передъ нею сидѣлъ старикъ лѣтъ 60, «купеческаго облика»,—мысленно опредѣлила она. Небольшой, худощавый, съ сѣдой круглой бородкой, въ картузѣ, низко надвинутомъ на глаза, онъ сидѣлъ опираясь на палку. Рядомъ съ нимъ— сынъ или внукъ, франтовато одѣтый въ купеческій кафтанъ. У него было немножко скучающее, немножко сконфуженное лицо.

Анна Тимофѣевна взглянула подъ свою скамейку, на мѣстѣ ли ея чемоданъ,—небольшой, старый, но изъ отличной черной кожи и прекрасной работы. Въ углу на скамейкѣ лежалъ ея узелъ, тоже затянутый кожей и ремнями. Оттуда выглядывала подушка въ пестрой, совсѣмъ простецкой наволочкѣ. Багажъ ея довершала корзина, очевидно, съ провизіей.

Она попыталась уже во второй разъ спустить окно. Въ первый разъ она хотѣла открыть его еще на дебаркадерѣ. Окно не поддавалось.

— Пётра! Помоги имъ!—приказалъ старикъ молодому.

Тотъ галантно сорвался съ мѣста и послѣ небольшихъ усилій спустилъ окно.

— Пожалуйте-съ,—проговорилъ онъ и отошелъ на свое мѣсто.

— Благодарю васъ. А я еще въ Петербургѣ старалась, да такъ и не смогла открыть.

Она высунулась въ окно, но ее скоро потянуло на разговоръ. Она ощущала то доброе настроеніе, когда хочется говорить много и когда всѣ люди кажутся симпатичными. Старикъ предупредилъ ее:

— Чемоданчикъ, видимое дѣло, по случаю купили?

Онъ мотнулъ головой подъ ея скамейку.

— Какой? Этотъ? Нѣтъ. Свой.

— Дорого дали? Заграничной работы. Хорошая вещь.

— Не знаю. Это, видите ли, барина одного... Тамъ далеко, на югѣ.

— Такъ-съ.

Онъ прищурившись посмотрѣлъ на Анну Ти-

мофѣевну и, повидимому, соображалъ: «изъ какихъ она будетъ».

Врядъ ли ему удалось рѣшить это. Аннѣ Тимофѣевнѣ было на видъ лѣтъ за тридцать. Бодрое и напряженное состояніе дѣлало ее нѣсколько моложе. Но меньше тридцати ей не могло быть. Одѣта не то, чтобы очень просто, но и по-барски. Въ шляпѣ. Ѣдетъ въ третьемъ классѣ, а чемоданъ богатый, хотя и старинный. Рѣшилъ бы старикъ, что это горничная «большихъ господъ», но онъ видѣлъ, кто ее провожалъ и какъ она съ ними цѣловалась и руки имъ пожимала.

— Далеко ѣдете?—спросилъ онъ.

— Далеко. Въ Полтавскую губернію.

Она говорила модленно, точно стараясь выговаривать слова особенно чисто, но южный акцентъ былъ слишкомъ рѣзокъ, чтобы его не замѣтить. И «губернію» она произнесла съ тѣмъ г, которое свойственно малороссамъ и котораго не существуетъ въ русской азбукѣ.

— И сами оттуда,—сказалъ онъ полу-вопросомъ.

— Да. А что, слышно?

— Слыхать.

— Вотъ не могу отдѣлаться. А ужъ какъ стараюсь,—сказала она съ улыбкой.— Да и знаете ли, здѣсь въ Петербургѣ еще не такъ, а вотъ съ московскими такъ вовсе въ разрѣзъ моя рѣчь.

— Нешто московскіе иначе говорятъ, чѣмъ у насъ?

— Разница. Напримѣръ, вы какъ говорите? «Порвый»?

— Первый,—повторилъ старикъ.

— Ну, вотъ. А московскіе—«перьвый». Или еще слово—кровь. И въ Петербургѣ и у насъ говорятъ «кровъ», а въ Москвѣ чисто: кровь.

— Это вѣрнѣе, что ли?

— Вѣрнѣе.

— И пишется черезъ мягкую ерь,—вставилъ молодой.

Анна Тимофѣевна вспомнила, что рѣчь объ южномъ говорѣ шла съ годъ назадъ у Ставроковскихъ, когда она была тамъ въ первый разъ и тогда ей самой подобныя замѣчанія были вновѣ. Теперь ей стало пріятно, что она не забыла: такъ хотѣлось крѣпко сохранить въ памяти все, что она видѣла и слышала за эти два года...

— Выходитъ, надо и порь... Какъ вы сказали?

— Перьвый?

— Такъ тоже правильнѣе?

Молодой съ любопытствомъ, но исподтишка, ждалъ отвѣта сосѣдки. Самъ онъ не могъ припомнить, есть здѣсь «мягкая ерь» или нѣтъ.

— Нѣтъ, теперь ужъ правильнѣе по нашему—«первый».

Молодой чуть киввулъ головой: я, дескать, такъ и зналъ. Старикъ повернулъ къ нему голову:

— Тутъ, стало быть, безъ ери пишется?

— Видимое дѣло,—отвѣтилъ тотъ.

«Лавочники»,—подумала о нихъ Анна Тимофѣевна.

— А вы, что же, торговлей занимаетесь?—спросила она.

— Торгуемъ,—отвѣтилъ старикъ.—Лѣсная торговля у насъ.

— И далеко ѣдете?

— Тутъ сейчасъ и сойдемъ. Дѣльце тутъ есть. А вы, стало быть... за Москву?

— Охъ, мнѣ долго ѣхать. И за Москвой-то еще тысячу верстъ.

— О!

— Да.

— Въ Москвѣ, стало быть, отдыхать будете?

— Нѣтъ, не до отдыха мнѣ. Тороплюсь.

Она чуть было не прибавила «дѣти у меня тамъ», но удержалась. Старикъ, навѣрное, спросилъ бы: «стало быть, замужемъ?» и ей пришлось бы или солгать, или посвящать его въ свою жизнь. Краска выступила на ея лицѣ, она безпокойно подвинулась, но бодрая мысль снова овладѣла ею: скоро конецъ этому!

— Къ мѣсту, что ли, спѣшите? Чѣмъ изволите заниматься?

— Фельдшерица я. Только что окончила экзамены на фельдшерицу-акушерку.

Старикъ посмотрѣлъ какъ-то подозрительно.

— Это, стало быть... повитуха, что-ли?

— Да, и повитуха. Ученая повитуха, если хотите. — Она разсмѣялась. Ей вдругъ стало весело.

— Такъ-съ. А эти, что провожали васъ, въ томъ-же родѣ, къ примѣру, будутъ?

— Нѣкоторыя. А двѣ изъ нихъ... Можетъ быть, замѣтили,—тутъ стояли полѣвѣе?

— Примѣтилъ.

— Да. Это дочери одного генерала, штатскаго. Ставроковскій—не слыхали?

— Не приходилось.

— Одна—женщина-врачъ, старшая. Понимаете?

— Понимаемъ. По медицинской части.

— Да. Со всѣми правами доктора. Очень образованная дѣвушка. А другая сестра завѣдуетъ городской библіотекой. То-же ученая.

— Какая-же имъ охота?

Анна Тимофѣевна переспросила его и наклонилась, чтобы лучше слышать.

— Вѣдь вы, кажись, сказали,—генеральскія дочки, молъ?

— Да. И домъ свой у отца ихняго, в состояніе имѣетъ.

— Ну, вотъ-съ. Стало быть, зачѣмъ-же барышнямъ по ученой части? Или въ законѣ счастья не было?

— Это что такое —въ законѣ?

— То-есть, по части законнаго брака. Я и говорю, какой-же резонъ? Ну, которая дѣвушка изъ нужды, или тамъ... родителей поддержать. Это понять можно, отчего не понять. И даже, въ случаѣ чего, похвально. А ежели у нихъ домъ свой и при капиталѣ, такъ... и выходитъ не къ чему.

Старикъ говорилъ медленно, часто запинаясь и подбирая слова. Его маленькіе глаза строго смотрѣли изъ-подъ широкаго козырька фуражки.

Анна Тимофѣевна съ трудомъ понимала его. Онъ упорно отказывался возвышать голосъ, а колеса шумно тарахтѣли по связкамъ рельсъ.

— Такъ въ этомъ-же худого ничего нѣтъ!— сказала она и вдругъ почувствовала, какъ у нея къ горлу подступило раздраженіе. Даже не сразу поняла откуда оно, это ощущеніе.

— Кто говоритъ! Худого нѣтъ, а.... лишнее. Къ чему?

Анна Тимофѣевна откинулась.

— Вотъ странный взглядъ! Я думала, что въ Петербургѣ никто ужъ такъ не смотритъ.

Тотъ, повидимому, не понялъ ее, но смотрѣлъ на нее уже съ явнымъ недружелюбіемъ. Раздраженіе все сильнѣе овладѣвало Анной Тимофѣевной, такъ что она едва сдерживалась.

— Если-бы я услыхала такое...—ей хотѣлось сказать „невѣжество“ – такое понятіе у насъ въ глуши,—не удивилась-бы. А тутъ!...— Она пожала однимъ плечомъ и повернулась къ окну.

— Старики всѣ такъ разсуждаютъ, — замѣтилъ Петръ.

— Ты куда?— грозно окликнулъ его старикъ.

Тотъ равнодушно отвелъ взглядъ на потолокъ.

— Не къ чему это, выходитъ не къ чему,— пробормоталъ старикъ и смолкъ.

Анна Тимофѣевна подумала о старшей Ставроковской. Будь та на ея мѣстѣ, съумѣла-бы отвѣтить, а она не находитъ словъ. Только сердце у нея сильно бьется и какъ-то особенно непріятно бьется, точно дурное предчувствіе охватило ее. „Лучше помолчу“— подумала она.

Скоро ея сосѣди вышли и она осталась одна. Гдѣ-то въ концѣ вагона кричалъ грудной ребенокъ. А черезъ одну скамейку тянулась спокойная бесѣда двухъ голосовъ. Слышались слова „протестъ“, „воксель“...

Неудовлетворенное чувство не покидало Анну Тимофѣевну. На душѣ было смутно, мысли путались. То вспоминались ей оборванныя фразы, слышанныя въ Петербургѣ, отъ товарокъ, отъ профессоровъ, отъ Ставроковскихъ. То вдругъ охватывало желаніе помечтать, какъ она пріѣдетъ домой, какъ встрѣтится съ дѣтьми. Но не могла она сосредоточиться ни на воспоминаніяхъ о пережитыхъ двухъ годахъ, ни на ожиданіи предстоящихъ встрѣчъ.

— Должно быть, не выспалась,— подумала она,—оттого и голова такая тяжелая.

Она разстегнула ремни узла. Движенія у нея были рѣшительныя, энергичныя. Пухлые пальцы широкихъ рукъ распоряжались быстро и ловко.

Кромѣ подушки, въ узлѣ было теплое пальто съ барашковымъ воротникомъ и два мягкихъ шерстяныхъ платка. Пальто она сначала повѣсила, потомъ подумала, что его могутъ украсть и разложила вдоль скамейки. Платки положила подъ голову. Сняла съ себя лѣтнее пальто и, свернувши его, тоже положила подъ подушку. Шляпу повѣсила.

Анна Тимофѣевна прилегла и попробовала заснуть, но ей не спалось. Всѣ послѣдніе дни оставили въ ней такое глубокое впечатлѣніе, что казалось — она еще не совсѣмъ пережила ихъ. Воспоминаніе о нихъ наполняло ея душу гордостью, какой она не испытывала никогда въ жизни. Да, она твердо помнитъ, что никогда такъ сознательно не ощущала въ себѣ человѣческаго достоинства. Меньше двухъ лѣтъ провела она въ Петербургѣ, пріѣхала сюда полуграмотная, едва умѣла читать и писать съ множествомъ орографическихъ ошибокъ. И вотъ она ѣдетъ домой съ дипломомъ на городскую фельдшерицу Она блестяще сдала экзамены, пройдя въ два года то, что другія проходятъ въ три. Изъ тридцати слишкомъ ея товарокъ только четверымъ удалось сдѣлать тоже. Да и тѣ не слыхали отъ профессоровъ такъ много комплиментовъ, какъ она. Ее захвалили публично. У нея и сейчасъ радостно сжимается сердце!...

II.

Она помнитъ себя еще дѣвченкой, „Анюткой“, въ маленькой малороссійской деревнѣ дворовъ въ 80. Ихъ хата и сейчасъ стоитъ на краю деревни, однимъ окошечкомъ прямо противъ большой барской усадьбы. Это было лѣтъ 25 назадъ. Фигура отца едва мелькаетъ въ ея воспоминаніяхъ,— маленькая худощавая, съ нерасчесанной копной черныхъ волосъ, такой-же всклоченной бородкой, съ больными, всегда воспаленными и гноившимися глазами. У него была болѣзнь, отъ которой никто не могъ вылечить: рѣсницы росли внутрь, подъ вѣки. Докторъ давалъ какую-то примочку, отъ которой ему сначала становилось легче, а потомъ еще хуже.

Фигура отца представляется ей не иначе, какъ на крылечкѣ, гдѣ онъ жался въ углу, чтобы не мѣшать входившимъ и выходившимъ изъ хаты. Онъ сидѣлъ всегда, точно свернувшись въ маленькій комочекъ, облокотившись о колѣни и закрывъ лицо обѣими руками. Онъ уже почти ничего не видѣлъ и не могъ работать. Мать постоянно грызла его и въ минуты наибольшаго раздраженія говаривала:

— Ишь, смерть тебе не бере!...

Только когда вѣяли хлѣбъ, то его ставили около вѣялки крутить рукоятку, но отъ пыли опъ чувствовалъ себя потомъ еще хуже.

А во дворѣ работа кипѣла. Ввозили арбы хлѣба, складывали его въ красивые стоги, съ звѣздой на верху, потомъ молотили каткомъ, работали день и ночь....

Анютку съ восьми лѣтъ уже начали отдавать „въ няньки“. Сначала въ какую-то еврейскую семью. Она даже не можетъ хорошенько припомнить, гдѣ это было. Во всякомъ случаѣ, верстъ за двадцать отъ ихъ деревни. Она должна была таскать на рукахъ какого-то хотя и не тяжелаго, но противнаго ребенка, и она ненавидѣла его, втихомолку часто даже била. Но били и ее не рѣже, иногда за оплошность, а иногда и безъ всякой причины. Жили тамъ грязно, гораздо хуже, чѣмъ у нея дома. Кормили не вкусно и впроголодь.

На лѣто ее взяли домой. Здѣсь работы оказалось нисколько не меньше, но Анюткѣ было веселѣе. Она охотно вскакивала „до солнца“, выгоняла овецъ къ тому мѣсту, откуда слышалась свирѣль чабана; сыпала зерна курамъ и уткамъ, а когда зерна не было, то просто гнала ихъ подальше отъ дома, чтобы опѣ сами отыскивали себѣ пищу; убирала хату, носила топливо, зажигала печь, варила даже борщъ или картофель, бѣгала за водой къ колодцу, куда одинъ разъ полетѣла совсѣмъ, такъ что ее едва вытащили и едва привели въ чувство; нянчила своего братишку. За то вечеркомъ она бѣгала съ другими дѣвченками по улицѣ, а въ свободный часъ, когда всѣ въ домѣ, пообѣдавши, завалились отдохнуть, Анютка забиралась въ крохотный вишневый садокъ, укладывала спящаго братишку въ корыто подъ тѣнью деревца, а сама вскарабкивалась на „загату“ и наблюдала оттуда, что дѣлается въ „панской“ усадьбѣ.

Тамъ въ это время тоже обѣдали. Анютка видѣла, какъ дивчата, то одна, то другая, перебѣгали по солнцу изъ дома во флигель, гдѣ помѣщалась кухня, и возвращались оттуда съ большой бѣлой миской, или съ блюдомъ... Она знала этихъ дивчатъ: изъ ея же деревни были. Но онѣ всегда такъ чисто одѣвались! Старая барыня была, говорятъ, строгая, но добрая. Анютка слышала отъ кого-то, что у дивчатъ въ сундукахъ копилось отличное приданое. И деньги онѣ получали. Не то, что Анютка, которую отдавали въ няньки только за харчи да за одежу. Когда „панскія дивчата“ появлялись зачѣмъ-нибудь на деревнѣ, Анютка бросала всѣ дѣла и выбѣгала на улицу „подивиться“ на широкія ленты, вплетенныя въ ихъ косы. И ее грызли чувства удивленія и зависти.

Даже съ загаты, за полтораста саженъ, Анютка старалась разсмотрѣть, какъ одѣты дивчата. Но тѣ проходили быстро. Анютка ждала ихъ возвращенія, а пока наблюдала, какъ собирались около кухни три страшныхъ черныхъ собаки, какъ онѣ иногда входили во флигель, какъ съ визгомъ выбѣгали оттуда, какъ кухарка Прихитчиха, съ вѣчно подоткнутымъ платьемъ, выливала тутъ-же около кухни помои, какъ собаки бросались къ нимъ, разсчитывая найти тамъ что-нибудь съѣдобное...

А за усадьбой тянулся длинный, темный садъ, воздухъ передъ нимъ дрожалъ, какъ будто тамъ волновались какія-то блестки.

Братишка начиналъ орать. Солнце вышло изъ-за дерева и его лучи падали прямо на лицо мальчишки. Приходилось покидать загату и спѣшить къ обязанностямъ няньки.

Во второй разъ на зиму Анютку отдали къ нѣмцамъ. Здѣсь ей было несравненно лучше, чѣмъ у евреевъ. И били ее мало, и кормили хорошо. Зато работать заставляли больше. Но и здѣсь она съ чувствомъ горечи вспоминала о своей родной хатѣ, которая всегда казалась ей окутанною солнцемъ и лѣтнимъ зноемъ. Въ длинные, зимніе вечера чаще всего вспоминала она день подъ Ивана Купала. Онъ оставилъ въ ней особенно сильное впечатлѣніе.

Это было уже подъ вечеръ. Паны вышли за деревню погулять. Много ихъ было, или ей отъ удивленія показалось, что ихъ такъ много. Дивчата съ мальчишками собирались прыгать черезъ огонь и каждый несъ свою долю соломы. На Анюткѣ былъ вѣнокъ изъ мальвы. Когда она съ любопытствомъ глядѣла на пановъ, старая барыня обратила на нее вниманіе, подозвала къ себѣ и спросила: чья она. Анютка отвѣчала «батькина». Тѣ чего-то расхохотались. Что еще говорили, она не помнитъ, или не поняла, но одна фраза плотно засѣла у нея въ памяти.

— Ахъ, какая хорошенькая дѣвченка! — сказала старая барыня. — Тебя бы, дурочку, умыть да принарядить, ты была бы красавица!

Съ этихъ поръ Анютка всегда старательно умывалась нѣсколько разъ на день, терла себѣ мыломъ и руки и щеки, за что часто получала шишки и отъ своихъ и отъ нѣмцевъ.

Она прожила у нѣмцевъ два года и немножко научилась говорить «по нѣмецки». Когда вернулась домой, ее отдали въ школу, въ деревню за полторы версты. Училась она нехотя, однако курсъ кончила. Учитель называлъ ее способной, но лѣнтяйкой и часто трепалъ ее за уши.

Кончивъ школу, она впродолженіи четырехъ лѣтъ вела вольную жизнь дивчины. Хозяйство у нихъ было бѣдное, отецъ къ этому времени совсѣмъ ослѣпъ, мать начала хворать ногами. Работниками были ея старшій братъ, жена его, да она. Братъ Василій былъ очень „жадный до земли“ и снималъ въ аренду

гдѣ только могъ. Душеваго надѣла у нихъ оставалось $7\frac{1}{2}$ десятинъ. Былъ еще братъ Самсонъ, но тотъ рано ушелъ изъ дому и поступилъ гдѣ-то въ школу агрономовъ. О немъ въ то время Анютка едва помнила. Къ каждому августу Василій бралъ то въ одномъ мѣстѣ 4 десятины въ товариществѣ, то въ другомъ, верстъ за 15, еще десятинъ восемь. И всюду надо было поспѣвать. Въ неурожайный годъ было скверно, а въ урожайный и еще хуже. Приходилось убирать 15—20 десятинъ, разбросанныхъ въ разныхъ мѣстахъ. Бывало, конца нѣтъ уборкѣ. Возятъ-возятъ, молотятъ-молотятъ, а хлѣбъ все лежитъ на полѣ въ копнцахъ. Того и гляди перемѣнится погода, хлѣбъ и вовсе пропадетъ. А тутъ надо ковопію мочить, картофель копать, за огородомъ слѣдить, за бахчей, „цеглы“ лежатъ съ весны приготовленные,—думали хату перестранвать... Объ наймѣ рабочихъ и думать нечего. Рабочихъ нѣтъ, да и денегъ нѣтъ. А хоть бы и были деньги,— у Василія не много вытянешь. На платье взять, такъ и то двѣ недѣли надо ругаться такъ, что сосѣди слышатъ.

Сама ова себѣ хозяйка, Анютка, а ничего у нея нѣтъ. Начиная съ конца іюня работаетъ, не разгибая спины, не досыпая и не доѣдая. Съ певѣсткой то и дѣло грызется. Только и отведетъ душу, что въ субботу, когда всю ночь прогуляетъ съ другими дивчатами, или съ парнями „около млина“. Тогда въ хоровыхъ пѣсняхъ ея голосъ, бывало, раздается звончѣе другихъ, ея смѣхъ заразительнѣе, усталость какъ рукой сниметъ и парни, на перебой, льнутъ къ ней.

Зимой легче. Пойдутъ „вечерницы“. Весело по крайней мѣрѣ. А впереди грозный призракъ — замужество. Воли не будетъ, работа удвоится, пойдутъ дѣти и черезъ три-четыре года, въ двадцать лѣтъ — она старуха. Хорошо еще, что Василію не разсчетъ выдавать ее замужъ...

Ей пошелъ 18-й годъ. Управляющій панской усадьбы позвалъ дивчатъ съ деревни чистить дорожки сада—работа знакомая. Анютка любила ее, въ особенности въ маѣ, когда садъ полонъ жизни, пѣнія птицъ...

На зовъ посланнаго изъ усадьбы шелъ, кто хотѣлъ. Платили двадцать копѣекъ въ день. Собиралась гурьба дивчинъ въ пятнадцать. Бабамъ ужъ не полагалось идти съ ними. Дивчата чистили дорожки,— на это въ усадьбѣ имъ раздавали такія „скобочки“ — шутили, болтали и цѣлый день распѣвали.

Анютка входила сюда постоянно съ душевнымъ замираніемъ. Даже не скрывала этого отъ подругъ. Она часто заглядывалась на окна усадьбы и, казалось, хотѣла воображеніемъ проникнуть внутрь ея. А если кто изъ пановъ подходилъ „подивиться“ на работу дивчатъ,—она, ни мало не конфузясь, оглядывала всякаго съ ногъ до головы.

Это было 17 лѣтъ тому назадъ.

Анна Тимофѣевна не можетъ припомнить подробностей, какъ она очутилась въ услуженіи на хуторѣ у Александра Георгіевича Вилейкина. Помнитъ только, что въ первый разъ она увидѣла его именно во время чистки сада. У него было такое лицо,—„мабуть кислепькаго богато поівъ“—тогда-же опредѣлила она своимъ подругамъ, на что тѣ громко расхохотались. Его брезгливая, недовольная гримаса особенно осталась у нея въ памяти. Но было въ немъ и что-то привлекательное. Какой-то задумчивый валетъ на глазахъ, молодое лицо съ темноватой бородкой... А когда онъ уходилъ, то шелъ, смотря себѣ подъ ноги, заложивъ руки въ карманы и легкій перевалецъ, съ какимъ отодвигалась его спина въ чесучовой визиткѣ, понравился Анюткѣ.

Александръ Георгіевичъ былъ сынъ той старой барыни, которая первая сказала Анюткѣ объ ея красотѣ. Барыня умерла нѣсколько лѣтъ назадъ, а въ усадьбѣ хозяйничала ея сестра, тетка Александра Георгіевича, вдова лѣтъ сорока-пяти. До того Вилейкинъ жилъ въ Москвѣ, а съ этихъ поръ рѣшилъ поселиться на своемъ хуторѣ и хозяйничать.

Помнитъ Анна Тимофѣевна первое время своей новой службы. Она страшно робѣла. Все боялась, что не такъ подастъ кушанье, нехорошо вычиститъ сапоги, дурно приготовитъ постель. Командовала ею жена прикащика Попелюхина, женщина лѣтъ подъ 50. До появленія Александра Георгіевича домъ занимала семья прикащика. Теперь онъ выстроилъ для нея другой, попроще. Мебель къ себѣ частью привезъ изъ Москвы, частью перетащилъ изъ большой усадьбы. Изъ Москвы же онъ привезъ громадный шкафъ съ книгами. Анюта тогда должна была вытереть каждую книгу тряпкой. Она сразу замѣтила, что Александръ Георгіевичъ особенно цѣнилъ изъ своей обстановки этотъ шкафъ.

Когда наступила зима, Анюта уже немного свыклась съ своей работой и могла присмотрѣться къ тѣмъ, кто ее окружалъ.

Самъ Александръ Георгіевичъ,— Анюту не сразу пріучили называть его „барипомъ“—сначала взялся за дѣло горячо. Цѣлые вечера бесѣдовалъ съ прикащикомъ, учился... смѣшно ей тогда было—учился тому, что такъ всѣмъ извѣстно. Когда косить, когда молотить, когда сѣять,— словомъ онъ ничего не понималъ въ самомъ простомъ крестьянскомъ хозяйствѣ. Но кажется скоро понялъ.

Любилъ онъ съѣздить на охоту за дрофой, а позже и за зайцемъ и даже за лисицей. Сколько ни присматривалась Анюта,— охота, повидимому, была самымъ любимымъ занятіемъ

барина. Книжекъ онъ что то мало читалъ. Только послѣ обѣда, и то черезъ четверть часа засыпалъ. Часто онъ уѣзжалъ въ усадьбу къ теткѣ. Усадьба была въ 7 верстахъ. Иногда за нимъ присылали,—значитъ, тамъ собрались гости. Раза два до зимы пріѣзжали гости и къ нему. Пробыли нѣсколько часовъ, пили чай, ѣли арбузы и посмѣивались надъ нимъ. Одна барышня, Марья Васильевна, все звала его въ Москву. „Бросьте, говорила, эту затѣю". Марья Васильевна была съ отцомъ. Фамилія—Шпалковскіе.

Анна Тимофѣевна не понимала, о какой затѣѣ говорила свѣтская барышня.

Марья Васильевна обратила тогда вниманіе и на нее. Сказала что-то по французски и расхохоталась...

Прикащикомъ былъ у барина Григорій Гавриловичъ Попелюхинъ, лѣтъ 55, небольшой, но сильный, коренастый старикъ. Все, что отъ его фигуры осталось въ памяти у Анны Тимофѣевны, это ноги въ видѣ двухъ скобокъ, кривыя. Однако, это не мѣшало ему ходить очень быстро.

Анюта скоро запримѣтила, чуть-ли не прежде всего, что Попелюхинъ собирался хозяйничать по прежнему, забрать въ руки барина и только въ глаза льстить ему. Попелюхинъ—съ барономъ за самоваромъ и онъ же у себя дома были два разныхъ человѣка. Анютѣ стало жаль барина и она падѣялась, что когда-нибудь выдастъ прикащика съ головой.

Жена Попелюхина тоже считала себя хозяйкой на хуторѣ и распоряжалась всѣмъ рѣшительно, какъ своимъ достояніемъ. Ключи отъ кладовой были у нея. Она покупала поросятъ, откармливала ихъ папскимъ добромъ, а продавала въ свою пользу. То же продѣлывала она и съ птицей.

Дѣтвора росла у нихъ, какъ и обыкновенная крестьянская, несмотря на достатокъ. Бѣгала босая, никто за ней не слѣдилъ. Точно чуяли Попелюхины, что приходилъ ковецъ ихъ царствованію и торопились позаботиться о черномъ днѣ.

У прикащика была только одна прислуга—кухарка. Въ домѣ же барина, кромѣ Анюты, была тоже кухарка, ея помощница, кучеръ и мужикъ. Кучеръ, молодой парень „изъ русскихъ", съ первыхъ же дней началъ ловить Анюту, хватать ее при всякой встрѣчѣ, но она разъ закатила ему затрещину...

Полное сближеніе между Александромъ Георгіевичемъ и Анютой произошло быстро и для нея почти неожиданно. Даже за недѣлю ей и въ голову не приходила возможность этой близости. Она тогда вся была поглощена усовершенствованіемъ себя въ качествѣ слуги.

Случилось это зимой, когда Попелюхинъ уѣхалъ въ городъ. Да барина и съ нимъ уже скучалъ. По возвращеніи Попелюхина, на святки, Александръ Георгіевичъ самъ собирался съѣздить туда „поразвлечься".

Но несмотря на такую внезапную перемѣну въ отношеніяхъ между нимъ и Анной Тимофѣевной, — она и теперь, спустя 17 лѣтъ, не можетъ упрекнуть себя въ безнравственности. Это былъ такой горячій, охватившій ихъ обоихъ любовный пылъ, что онъ ей казался сномъ, даже долго спустя.

Она уже замѣчала, что онъ заглядывается на нее, но не придавала его взглядамъ значенія. Такъ далека была она отъ мысли обратиться въ любовницу барина. Но послѣ одного короткаго разговора ей стало ясно, на что онъ ее увлекаетъ. Сначала ей стало стыдно. Однако у нея почти не хватило времени размышлять. Въ то же время Александръ Георгіевичъ рѣшалъ трудный вопросъ. Видимое дѣло, онъ серьезно обдумывалъ предстоявшую связь. Но онъ такъ искренно увлекался Анютой, при томъ же связь съ простой дѣвушкой казалась ему до такой степени „въ тонъ" его новой жизни, что обдумывая, онъ только торопилъ развязку.

Они сошлись какъ пламенные любовники. Разсуждать они начали уже послѣ.

Попелюхина сообщила мужу объ этой новости, когда онъ еще стоялъ въ шубѣ въ передней, весь занесенный снѣгомъ.

„Развлекаться" въ губернію баринъ, разумѣется, не поѣхалъ.

Аннѣ Тимофѣевнѣ трудно и лѣнь припоминать все, что послѣдовало вслѣдъ за тѣмъ. Въ особенности противно вспоминать прикащика съ его женой. Тѣ, повидимому, растерялись и круто перемѣнили свое отношеніе къ „Анюткѣ". Какіе-то совѣты, подходы, зазыванія—все это тогда только пугало ее. Она не думала о будущемъ и ужъ меньше всего о томъ, чтобы имѣть на барина вліяніе. Она продолжала свое дѣло точно въ бреду, по ей не хотѣлось бы приходить въ себя.

Самое счастливое время наступало для нея вечеромъ, послѣ ужина, когда она оставалась съ Александромъ Георгіевичемъ одна во всемъ домѣ и когда они знали, что имъ никто не помѣшаетъ. Сколько тутъ было хохота, поцѣлуевъ, ласкъ! Онъ принимался учить ее. Съ выхода изъ школы она не прочла ни одной книжки и все перезабыла. Эти уроки не приносили ей почти никакой пользы, но они такъ часто прерывались поцѣлуями!

Александръ Георгіевичъ привязывался сильнѣе съ каждымъ днемъ. Онъ самъ никакъ не ожидалъ, что эта простая крестьянская дѣвушка обнаружитъ такъ много огня, красивыхъ порывовъ....

Ему было уже подъ тридцать. Бездѣльная жизнь въ Москвѣ научила его искать интереса

только среди женщинъ. Онъ могъ насчитать въ своемъ прошломъ съ десятокъ встрепавшихъ его связей. Но ни одна не отуманивала его головы. Кромѣ, развѣ, первой. Онъ считался знатокомъ женолюбомъ среди своихъ пріятелей по отношился къ женщинамъ только цинично. И вдругъ на него пахнуло такой свѣжестью, такой нетронутой чистотой!

Разсказы о себѣ, о томъ, какъ онъ износился душой и какъ потянуло его къ простой деревенской жизни, доставляли ему удовольствіе. А Анюта съ жадностью слушала его, стараясь понять хоть что-нибудь.

Незамѣтно для себя и безъ всякаго плана Анюта начала занимать въ домѣ положеніе. Уже черезъ мѣсяцъ онъ самъ настоялъ, чтобы она наняла дѣвченку, которая бы исполняла часть ея работъ. Попелюхины постепенно отодвигались.

Невозмутимое счастіе продолжалось мѣсяца четыре.

III.

Была распутица. Выѣзжать куда-нибудь можно было только по очень важному дѣлу. Грязь такъ липла къ колесамъ, что на третьей верстѣ лошади останавливались.

И вдругъ въ такую дорогу на хуторъ пріѣхала сама Варвара Дмитріевна, тетка Александра Георгіевича. Это было такъ неожиданно и такъ странно, что Александръ Георгіевичъ даже испугался. Но Варвара Дмитріевна успокоила его, сказала, что ничего нѣтъ важнаго, а просто пріѣхала посмотрѣть, какъ онъ живетъ.

За чаемъ она внимательно оглядѣла Анюту, которая скромно прислуживала, и конечно замѣтила, что та въ „такомъ положеніи“.

Она долго бесѣдовала наединѣ съ племянникомъ, сначала тихо, потомъ все громче, наконецъ ихъ бесѣда перешла въ явную ссору. Въ результатѣ она поднялась и уѣхала, почти не простившись съ племянникомъ. Александръ Георгіевичъ былъ страшно возбужденъ. Анюта взволновалась за него, спросила, что случилось, но онъ не сказалъ ей. Приставать съ допросомъ она не посмѣла.

Только долго спустя поняла она въ чемъ было дѣло. Оказалось, что тетка барина пріѣхала съ двумя требованіями: во-первыхъ, и прежде всего, прогнать ее, Анюту, а во-вторыхъ, ввести вновь въ управленіе хозяйствомъ жену прикащика. А Александръ Георгіевичъ не съумѣлъ категорически оградить себя отъ вмѣшательства тетки въ его жизнь. Онъ волновался, сердился, но настоящей храбрости „мужчины“ въ немъ не было.

Впродолженіе многихъ лѣтъ Анюта не могла понять, по какому праву тетка барина могла предъявлять къ нему какія-бы то ни было требованія. Хуторъ съ землей около 700 десятинъ принадлежали ему. Правда, они достались ему отъ матери, а не отъ отца, по тѣмъ не менѣе онъ былъ единственнымъ владѣльцемъ. Чѣмъ же Варвара Дмитріевна пріобрѣла какую то страшную власть надъ племянникомъ?

И ничѣмъ другимъ не могла объяснить Анюта, какъ страшной безхарактерностью молодого пана. Онъ воспитывался и жилъ въ Москвѣ въ домѣ тетки, вмѣстѣ съ нимъ воспитывались у нея же его двѣ сестры, тогда уже барышни, и Варвара Дмитріевна пріобрѣла такое вліяніе надъ ними, какому позавидовала бы и родная мать. Оказалось, кромѣ того, что по завѣщанію матери Вилейкина, ему, Александру Георгіевичу, былъ отказанъ хуторъ съ землей, а его сестрамъ—усадьба, при которой было не болѣе 300 десятинъ земли, съ тѣмъ однако, чтобы, до выхода замужъ, сестры пользовались отъ брата „всяческимъ содѣйствіемъ“. Наконецъ, Варвара Дмитріевна была когда то очень богата и всѣ свои средства убила на своихъ племянниковъ и племянницъ. Теперь у нея оставались только какія то крохи, но и тѣ она собиралась выбросить на жизнь въ Москвѣ, чтобы получше „пристроить“ племянницъ.

Обѣ сестры—и Варвара Дмитріевна, и мать Александра Георгіевича — вышли замужъ несчастливо. Мужъ Варвары Дмитріевны застрѣлился послѣ какой то исторіи въ полку, а Вилейкинъ страдалъ наслѣдственнымъ алкоголизмомъ, отчего жена и спряталась съ нимъ въ деревню, предоставивъ воспитаніе дѣтей своей сестрѣ.

И вотъ Варвара Дмитріевна не переставала смотрѣть на Александра Георгіевича, какъ на мальчика, котораго „надо водить на помочахъ“, какъ онъ выражался въ азартѣ.

Такъ или иначе, между теткой и племянникомъ произошла крупная ссора, грозившая полнымъ разрывомъ.

Это была первая исторія, омрачившая счастье Анюты. Жена прикащика, госпожа Попелюхина, призвала ее къ себѣ и начала уговаривать уйти отъ Александра Георгіевича. Баринъ, молъ, ссорится изъ за тебя съ родными; на твою душу падетъ грѣхъ. А за будущаго ребенка не безпокойся. Баринъ его обезпечитъ.

Но Анюта не поддалась. Вся въ слезахъ она обратилась съ разспросами къ барину. Тотъ вспылилъ еще пуще и заявилъ прикащику, что онъ можетъ искать себѣ мѣсто, а ключи велѣлъ передать Анютѣ. Однако приказаніе не сразу было исполнено. Появился еще братъ Анюты, Василій. Между ними произошла сцена, почище, чѣмъ между теткой и племянникомъ.

Братъ потребовалъ возвращенія Анюты домой, грозилъ ей наказаніемъ въ волости, проклятіемъ. Отъ угрозъ переходилъ къ ласкамъ и обѣщаніямъ тихой жизни. Анюта поняла,

что „тамъ, въ усадьбѣ“ брату Василію пообѣщали хорошую плату за такое дѣло и на отрѣзъ отказалась слѣдовать за братомъ. Сцена кончилась тѣмъ, что Василій ударилъ сестру, а Александръ Георгіевичъ велѣлъ Василія вытолкать.

Словомъ, завязалась жестокая борьба. Но хотя побѣда оказалась, повидимому, и на сторонѣ Александра Георгіевича, тѣмъ не менѣе нельзя было сказать, что онъ добился ее своей энергіей. Онъ ѣздилъ мириться съ теткой и, какъ разсказывала Попелюхина, «на колѣняхъ вымаливалъ право жить съ своей „милкой“».

Ключи остались за женой прикащика. Исторія стихла, но прежде того Анюта должна была еще съѣздить съ братомъ Василіемъ къ Варварѣ Дмитріевнѣ и повиниться передъ нею. Въ чемъ—она не понимала, но на этомъ настаивалъ и Александръ Георгіевичъ.

Этой унизительной сцены, разыгранной Варварой Дмитріевной, какъ ловкая комедія, Анна Тимофѣевна не забудетъ „по гробъ своей жизни“. Во первыхъ ее заставили прождать барыню часа два. За это время ее осматривала вся прислуга въ усадьбѣ. Нашлись, конечно, и добряки, принявшіе въ ней участіе, но эта жалость къ ней только усиливала тяжесть положенія.

Потомъ Анюту позвали въ домъ. Она вошла вмѣстѣ съ братомъ Василіемъ. Варвара Дмитріевна называла ее «потаскушкой», заставляла Василія читать ей какія то нотаціи и нѣсколько разъ подчеркнула, что готова терпѣть ее въ домѣ племянника, если она «не зазнается», но что если она «только подумаетъ» женить на себѣ мальчика, то она, Варвара Дмитріевна, найдетъ противъ нея «управу» и сживетъ ее со свѣта. Затѣмъ заставила ее два раза стать передъ нею на колѣни и дала поцѣловать свою руку.

Василій довезъ свою сестру до хутора почти въ обморочномъ состояніи. Онъ самъ былъ какъ въ воду опущенный, и всю дорогу оправдывался своей бѣдностью и панской силой.

Съ этого дня онъ жестоко запилъ и, какъ работникъ, испортился навсегда.

Александръ Георгіевичъ ждалъ Анюту, «білый якъ крейда»,—это она запомнила. Но когда онъ подошелъ къ ней, она оттолкнула его и ушла въ свою комнату. Двѣ недѣли она не только не входила къ барину, но когда ей говорили, что баринъ самъ просится къ ней, то она рѣзко кричала: «нехай ему бісь, не хочу его бачить!» Это было скандально, но Александръ Георгіевичъ терпѣлъ. Попелюхина одинъ разъ попробовала войти къ Анютѣ съ цѣлью подѣйствовать на нее словомъ убѣжденія, но та при первомъ звукѣ ея голоса схватила со стола стаканъ, который и разлетѣлся въ дребезги объ стѣну. Одно время побаивались за ея мозгъ.

За это время одинокихъ думъ Анюта преобразовалась. Брата Василія она возненавидѣла больше всѣхъ. Но она уже не испытывала и прежней любви къ барину. Она смотрѣла на него теперь, какъ на свою неотъемлемую собственность, но безъ увлеченія его личностью. Въ ея глазахъ онъ остался бариномъ по положенію—и только. Въ этомъ смыслѣ она еще могла относиться къ нему съ нѣкоторымъ почтеніемъ. Личность же его она безповоротно опредѣлила мелкою, ничтожною. Ей казалось чудовищнымъ, что человѣкъ послѣ такихъ зимнихъ вечеровъ, какіе они пережили, довелъ ее до унизительной сцены у Варвары Дмитріевны.

Тѣмъ не менѣе уходить она не желала. До исторіи съ теткой Александра Георгіевича она ни разу не задумывалась о замужествѣ, теперь же эта мысль кремнемъ засѣла ей въ голову. А отмстить когда-нибудь Варварѣ Дмитріевнѣ стало ея завѣтной мечтой. Уйти же вовсе—значило бы сдаться окончательно. Скорѣе она руки на себя наложитъ.

Мало по малу она успокоилась и вернулась къ своимъ обязанностямъ. Александръ Георгіевичъ при первой встрѣчѣ попросилъ у вся прощенія, обѣщалъ никогда не покидать ее и утѣшалъ тѣмъ, что Варвара Дмитріевна уѣдетъ на зиму въ Москву.

Уже послѣ перваго ребенка положеніе Анюты стало прочнѣе. Когда сыну минуло десять мѣсяцевъ и Анюта передала его нянькѣ,—Попелюхины были, наконецъ, удалены. Анюта добилась таки ключей отъ всего хозяйства. Новый приказчикъ уже называлъ ее Анной Тимофѣевной. Въ тотъ же годъ Александръ Георгіевичъ былъ выбранъ мировымъ судьей. Кругъ его уѣздныхъ знакомыхъ расширялся. Его часто навѣщали сосѣди. Анюта ласково принимала ихъ, угощала хорошими обѣдами, вкусными наливками. И гости барина, спустя годъ—другой, звали ее Анной Тимофѣевной. Скоро болѣе частые посѣтители начали подавать ей руку. Но она не увлекалась и продолжала держать себя на положеніи «экономки».

Изъ всевозможныхъ посѣщеній одно оставило въ ней глубокій слѣдъ.

Какъ то лѣтомъ пріѣхали Шпалковскіе—отецъ съ дочерью, той самой Марьей Васильевной, которая чуть ли не первая предсказала Александру Георгіевичу сближеніе съ Анютой.

Дѣвушка была уже въ годахъ и поблекла. Анюта передъ нею казалась пышной красавицей. Александръ Георгіевичъ былъ смущенъ пріѣздомъ Марьи Васильевны. Анюта замѣтила и начала внимательно слѣдить за ними.

На этотъ разъ Марья Васильевна дѣлала видъ, что вовсе не замѣчаетъ «экономки»,

а Александръ Георгіевичъ какъ то обидно «заважничалъ» передъ Анютой, точно нарочно все отдавалъ приказанія, когда она и безъ его требованій аккуратно исполняла свое дѣло. Это раздражало въ ней ревнивое чувство. Она и безъ того не очень то уважала его, а тутъ онъ показался ей совсѣмъ мальчишкой.

Старикъ Шпалковскій пошелъ съ приказчикомъ на токъ, а Александръ Георгіевичъ съ Марьей Васильевной усѣлись въ кабинетѣ около книжнаго шкафа и заговорили о разныхъ «учныхъ вещахъ». Говорили они много и горячо, но Анна Тимофѣевна не вѣрила въ искренность этой бесѣды. Ей казалось, что барышня просто «ловитъ» жениха. Она находила нужнымъ нѣсколько разъ заходить въ кабинетъ. Ревнивое чувство росло. Когда Шпалковскіе уѣзжали, Анна Тимофѣевна слышала, что Александръ Георгіевичъ обѣщалъ барышнѣ скоро пріѣхать, чтобы поговорить о какой то книгѣ. По отъѣздѣ гостей Анюта закатила ему ревнивую сцену. Тутъ она въ первый разъ услыхала отъ него такую рѣзкую фразу:

— Неужели ты думаешь, что я вѣкъ буду довольствоваться такой необразованной дурой, какъ ты.

Она вспыхнула и сказала, что образованіе тутъ не причемъ, а что барышня просто «засидѣлась» и хочетъ женить его на себѣ.

— Можетъ быть! И все-таки она читаетъ и думаетъ. Она мыслящее существо, а ты просто самка!

Слова «мыслящее существо» были незнакомы Анютѣ, но она отлично поняла ихъ смыслъ.

Странный, однако, результатъ получился отъ этой сцены. Анна Тимофѣевна не только заглушила въ себѣ ревность, но даже ощутила чувство зависти къ той барышнѣ. Словно что то новое ворвалось въ ея душу и обнаружило въ ней какой то важный пробѣлъ. Она сознательно стремилась занять въ жизни Александра Георгіевича первенствующее мѣсто и дѣлала для этого все, что могла. Аккуратно хозяйничала, берегла его добро, кормила его прекрасно и на убой, устраивала ему покой, заботилась, чтобы онъ много спалъ и много ѣлъ. Теперь ей вдругъ стало ясно, что всего этого еще не достаточно, что въ его душѣ есть еще какой то уголокъ, чуждый ей, и что ей никогда не завладѣть этимъ уголкомъ, что впродолженіе всей жизни будутъ являться вотъ такія, какъ эта засидѣвшаяся барышня, и хотя на часъ да отнимать Александра Георгіевича у нея. И съ этимъ бы еще можно было примириться, но горе въ томъ, что послѣ такого часа она, Анюта, теряетъ повидимому всякое обаяніе въ его глазахъ. Онъ называетъ ее необразованной дурой и самкой!

Анна Тимофѣевна заставила себя посмотрѣть на него немножко съ другой стороны и вспомнила образъ того молодого человѣка, котораго видѣла въ первый разъ, когда, босоногая, чистила дорожки сада. Сама она съ тѣхъ поръ несомнѣнно стала лучше. Не только одѣвается въ ситцевыя и шерстяныя платья, но и понимаетъ гораздо больше. А онъ, наоборотъ, какъ будто помельчалъ хуже. Правда, онъ—мировой судья, но все-таки весь онъ какой то не такой «панъ», какимъ казался прежде. Все это произошло уже пять лѣтъ спустя послѣ ихъ сближенія, а между тѣмъ мысль о необразованности впервые больно задѣла Анну Тимофѣевну.

Совершенно обратное дѣйствіе произвела эта сцена на Александра Георгіевича. Анюта ждала, что вотъ-вотъ онъ прикажетъ запречь лошадей и поѣдетъ къ Шпалковскимъ и еще скорѣе, чѣмъ предполагалъ, чтобы «экономка» почувствовала, какъ онъ дорожитъ бесѣдами съ умной и образованной барышней. А между тѣмъ онъ точно и забылъ про бывшихъ у него гостей. Прошли дни, недѣли и мѣсяцы, а Александръ Георгіевичъ и не вспоминалъ о нихъ. Повидимому, обругавъ Анюту, онъ излилъ всю жажду встрѣчи съ интелигентной дѣвушкой.

Прошелъ еще годъ. Варвара Дмитріевна возвратилась изъ Москвы въ усадьбу. Обѣ племянницы пріѣхали вмѣстѣ съ нею. Одной было уже подъ 30, другой за 25. Всѣ рессурсы были израсходованы. Ясно стало, что тетка и сестры «садились на шею» Александру Георгіевичу.

Первая встрѣча между Варварой Дмитріевной и Анной Тимофѣевной произошла спустя, по крайней мѣрѣ, полгода послѣ пріѣзда. За это время Анна Тимофѣевна успѣла оказать старой барынѣ нѣсколько знаковъ вниманія. Она посылала въ усадьбу отличнаго масла, квасу, разныхъ овощей и всего, что находилось на хуторѣ лучшаго. При этомъ она учила пословъ, какъ и съ какими словами слѣдовало передавать. Старуха была смягчена и когда появилась на хуторѣ, то назвала Анюту Анной Тимофѣевной и говорила ей «вы». Когда же онѣ остались наединѣ, Варвара Дмитріевна сказала:

— Я вами довольна. Вы хорошо себя держите. Alexandre, конечно, не оставитъ вашего сына и дастъ ему приличное образованіе, если бы даже онъ и женился теперь на какой-нибудь изъ сосѣднихъ дворянокъ.

Анна Тимофѣевна закусила губу и промолчала. Варвара Дмитріевна замѣтила какое впечатлѣніе сдѣлали ея слова на «экономку» и прибавила:

— Да, ему пора жениться. Я объ этомъ похлопочу.

И затѣмъ, какъ ни въ чемъ не бывало, перевела разговоръ на хозяйственные вопросы.

Вражда между этими двумя женщинами обѣщала быть глухой, но безпрерывной. Александръ Георгіевичъ занялъ между ними довольно комическое положеніе, но такъ какъ о женитьбѣ

Въ осьмой уж день проходитъ,
Войско въ горы царь приводитъ
И промежъ высокихъ горъ
Видитъ шелковый шатеръ.

Все въ немножко чудесномъ
Вверхъ шатра: въ ущелья тѣсномъ
Рать побитая лежитъ.

Дозволено цензурою. Москва, 1891 г.

Прил. къ журн «Артистъ». №

Акварель гр. Ѳ. Л. Соллогуба.

Хромолит. Симова и К°. Москва.

Листъ 6-й.

его на Аннѣ Тимофѣевнѣ не могло быть и рѣчи, то до поры до времени не ожидалось и никакихъ тисковъ, въ которыхъ бы застряла его тощая фигурка.

Въ первое время, послѣ пріѣзда Варвары Дмитріевны, Анна Тимофѣевна относилась тревожно ко всякому экипажу, даже къ простой бричкѣ, подъѣзжавшей къ хутору. Ей все казалось, что вотъ-вотъ начнется „сватавіе“ Александра Георгіевича и ей наконецъ придется вступать въ отчаянную борьбу съ врагомъ. Она находилась въ постоянно напряженномъ состояніи и рѣшила безъ боя не уступать. Она не могла себѣ отчетливо представить, какія мѣры приметъ она, но знала, что не остановится ни передъ чѣмъ. Если она не ушла отъ него добровольно „тогда“, то теперь это было бы уже просто глупостью.

А онъ становился все безхарактернѣе. Стоило ему съѣздить въ усадьбу къ сестрамъ и теткѣ, какъ онъ возвращался другимъ человѣкомъ. Ходилъ по комнатѣ какимъ-то «пѣтухомъ», важничалъ, «ломалъ изъ себя барина». Черезъ день-два онъ снова становился ласковъ къ Аннѣ Тимофѣевнѣ, на третій самъ посмѣивался надъ «женскимъ монастыремъ», какъ онъ называлъ теперь усадьбу, говорилъ, что тамъ черезчуръ пахнетъ деревяннымъ масломъ и вигдѣ онъ не зѣваетъ такъ много, какъ тамъ. Недѣля-другая проходили мирно. Но поѣдетъ онъ навѣстить своихъ и снова въ немъ проснется страхъ за то, что Анна Тимофѣевна прибираетъ его къ рукамъ, лишаетъ его самостоятельности. Иногда по возвращеніи «оттуда», онъ начиналъ ухаживать за дворовыми дѣвчатами, стараясь показать Аннѣ Тимофѣевнѣ, что не связанъ съ нею никакими узами.

Анна Тимофѣевна поняла что «тамъ» его всегда «наускиваютъ» противъ нея. Вотъ-вотъ женятъ. Но страхъ ея прошелъ внезапно.

Пріѣхалъ другой братъ ея — Самсопъ. Никогда еще ни одинъ человѣкъ не возбуждалъ въ ней столько симпатій. Она не видѣла его съ дѣтства и, конечно, не признала сразу. Вошелъ къ ней какой-то красивый, славный, высокій, съ добрыми синими глазами, совсѣмъ бѣлокурый, въ купеческой поддевкѣ и большихъ сапогахъ, снялъ шапку, тряхнулъ волосами и сказалъ:

— Не признаешь? Али зазналась, сестрица? Не хочешь брата приласкать?

А у самого все лицо такъ и смѣется.

Кинулась она къ нему на шею, конечно, заплакала и тутъ же подумала: осудитъ или нѣтъ?

Но онъ не осудилъ, обошелся съ сестрой ласково, подалъ ей платокъ шерстяной «въ гостинецъ» и долго съ нею пробесѣдовалъ за самоварчикомъ. Онъ вовсе не былъ похожъ на мужиковъ изъ ея деревни. Прежде всего говорилъ не такъ, какъ они, а почти безъ всякаго акцента. Въ разговорѣ употреблялъ много книжныхъ выраженій. О себѣ онъ разсказалъ, что служитъ огородникомъ и садовникомъ въ большомъ «княжескомъ» помѣстьѣ, получаетъ 600 рублей въ годъ, присматривается къ хозяйству и мѣтитъ въ старшіе прикащики по имѣнію, а имѣніе у князя — около восьми тысячъ десятинъ. Сюда онъ пріѣхалъ, чтобъ справить какія-то бумаги въ волости. Ругалъ мужиковъ, говорилъ:

— Безъ ведра водки не обойдется дѣло, хотя и совсѣмъ чистое. И что за напасть эта мужицкая доля! Вѣришь-ли, сестра? Гляжу я на себя — и думаю, вотъ образовался, человѣкомъ сталъ. А поглядѣлъ на нашихъ деревенскихъ: ни его солдатчина, алибо школа, — какъ былъ ничего-незнайкой, такъ и помретъ.

Анну Тимофѣевну попросилъ онъ разсказать про себя все не спѣша.

— Ты не торопись, а такъ меня познакомь, какъ бы то ни было я у тебя въ душѣ сидѣлъ.

Она и рада была выложить передъ нимъ всѣ свои мечты и горести.

Онъ выслушалъ ее внимательно и сказалъ:

— Думаешь, баринъ женится? Нѣ-ѣтъ! Не туда дѣло клонится. Женитьба его — это только, чтобъ тебя попугать. Я такъ понимаю, что тетка эта самая очень даже довольна твоей судьбой. Дитятко неразумное! Какъ же ты это сама не видишь? Видимое дѣло, ежели бы твой-то задумалъ жениться на какой-нибудь барышнѣ, такъ это и теткѣ, и сестрицамъ его — зарѣзъ. Онѣ теперь на его счетъ проклажаются, онъ ихъ кормилецъ, а женись онъ, — закопная то жена все въ руки заберетъ. А такая, какъ ты, безъ претензій, самая для нихъ подходящая. А попугать тебя — это онѣ считаютъ не лишнимъ. Эхъ, ты, простота!

И въ самомъ дѣлѣ, какъ такая совершенно простая логика не приходила ей въ голову!

— А хозяинъ-то твой, должно, изъ мокрыхъ птицъ, — какъ я подумаю.

— Безхарактерный онъ, это правда.

— Видимое дѣло! Ну, да ничего! Обойдется, Богъ дастъ. Придетъ время — и въ законный вступитъ съ тобой, а не будетъ этого — ну, что дѣлать! Все-же лучше, нежели чѣмъ бросила бы его, да съ дѣтьми.

Такъ полюбился Аннѣ Тимофѣевнѣ братъ Самсопъ, что и не отпустила-бы его. Ей даже пришла въ голову мысль устроить его приказчикомъ у Александра Георгіевича. Но Самсопъ отвергъ.

— Вотъ это ужъ не гожо. Этакъ-бы на меня пальцами показывали. Черезъ сестру, молъ, вылѣзъ. Да и корысть не велика.

На прощаніи онъ сказалъ ей:

— А главное, сестра, совѣсть свою соблюдай. И поучайся всему, что ни услышишь хорошаго. Ежели у тебя сидитъ въ мысляхъ стать его закопной, такъ ты приготовь себя.

Что и за жена, коли она душой все та-же судомойка! Къ этому дѣлу надо подходить со стараніемъ да съ совѣстью.

Съ тѣмъ онъ и уѣхалъ, оставивъ ей свой адресъ.

Когда Варвара Дмитріевна пріѣхала на хуторъ, Анна Тимофѣевна чтобы „поддѣть“ ее,— улучила минуту и сказала:

— Что-же, барыня, нашли вы невѣсту Александру Георгіевичу? Пора-бы. Ему ужъ 35-й годокъ пошелъ.

Рискъ былъ страшный и присутствіе духа требовалось огромное. Но за то въ случаѣ побѣды, Анна Тимофѣевна должна была оказаться въ сильномъ выигрышѣ.

Варвара Дмитріевна не предвидѣла никакихъ подходовъ и невозмутимо замѣтила:

— Есть тутъ у меня кое-кто на примѣтѣ, да все недостойныя.

Еще маленькое усиліе и Анна Тимофѣевна смѣло выговорила:

— Да-съ. Только не опоздать-бы вамъ.

Та подняла на нее испуганный и вмѣстѣ строгій взглядъ.

— Вы, може, думаете—я про себя? Нѣтъ. А замѣтила я, что Александръ Георгіевичъ часто сталъ ѣздить къ Шпалковскимъ. Чуть что не каждый день. И отъ той барышни все записочки получаются. Вотъ я и подумала: якъ-же це безъ васъ обойдется?

Анна Тимофѣевна даже не разсчитывала на такой эффектъ: Варвара Дмитріевна поблѣднѣла, вскочила съ мѣста, оглянулась, взяла ее за рукавъ, приблизила къ себѣ и засыпала вопросами: какъ? когда? отчего-жъ я этого не знаю?

Анна Тимофѣевна рѣшила еще немного продолжить свою выдумку.

— Но о чемъ-же вы думаете? Вѣдь если онъ женится на той дѣвушкѣ,—онъ васъ прогонитъ?—шептала Варвара Дмитріевна.

— Что-жъ, и сама уйду. Не буду дожидаться, пока прогонятъ.

Анна Тимофѣевна вышла и оставила Варвару Дмитріевну въ страшномъ волненіи, а сама расхохоталась, чуть въ ладоши не захлопала отъ удовольствія, что барыня выдала себя.

Черезъ полчаса ее позвали.

— Ты что тутъ наврала?—спросилъ ее Александръ Георгіевичъ.

Варвара Дмитріевна съ нетерпѣніемъ ждала отвѣта. Она еще не знала навѣрное, кто лжетъ: экономка или племянникъ, который клянется, что не видалъ Шпалковскихъ года два.

— А что?

— Откуда ты взяла, что я ѣзжу каждый день къ Шпалковскимъ?—Александръ Георгіевичъ рѣшительно ничего не понималъ.

— Извините, Александръ Георгіевичъ.

А сама улыбается.

Старуха поняла ея выходку, вспыхнула отъ гнѣва и стыда, но не сказала ни слова.

— Да съ чего-жъ ты выдумала? —приставалъ Александръ Георгіевичъ.

Но Анюта словно воды въ ротъ набрала. Улыбается, а молчитъ.

— Laissez la, — сказала Варвара Дмитріевна.

— Чертъ! Ничего не понимаю,—произнесъ Александръ Георгіевичъ. Онъ даже зажмурился и мотнулъ головой, словно стараясь разложить на мѣста свои мозги,—до того ему не понятны были волненіе тетки и улыбка Анюты.

Анна Тимофѣевна почувствовала въ душѣ побѣду: эта старая «гордячка» вдругъ вся очутилась въ ея рукахъ.

— Варвара Дмитріевна! Какого вамъ варенья къ чаю приготовить?—сказала она, точно нѣсколько ослабляя возжи, чтобъ еще сильнѣе дать понять свою силу.

Съ этихъ поръ она перестала называть ее «барыней». Съ этихъ-же поръ и вражда между этими двумя женщинами какъ-бы стихла. Жизнь всѣхъ дѣйствующихъ лицъ потекла обычной деревенской колеей. Какъ-то незамѣтно одна изъ сестеръ Александра Георгіевича вышла замужъ за мѣстнаго доктора. Брату пришлось раскошелиться на свадьбу и на приданое, а компанія противниковъ Анны Тимофѣевны увеличилась еще однимъ членомъ—докторомъ.

Лѣтъ пять тому назадъ Александръ Георгіевичъ простудился на охотѣ и сильно заболѣлъ. Анна Тимофѣевна потеряла голову, ухаживая за нимъ. Его родные около двухъ недѣль жили на хуторѣ, боясь оставить больнаго и... еще съ одной цѣлью. Анна Тимофѣевна должна была хлопотать, чтобы всѣмъ было покойно и сытно.

Въ это время горничной въ домѣ была молодая женщина изъ той-же деревни —Настасья, не жившая съ мужемъ. Анна Тимофѣевна любила ее за расторопность и сообразительность. Глядя на нее, Анна Тимофѣевна вспоминала, какъ сама когда-то заботилась о томъ, чтобы аккуратно исполнять все, что нужно.

Труднѣе всего и несноснѣе было справляться съ капризными требованіями сестры Александра Георгіевича, остававшейся въ дѣвицахъ. Та явно придиралась къ хозяйству на хуторѣ. То того нѣтъ, то другое подай... Анна Тимофѣевна терпѣла и только разъ ругнула гостей у себя въ комнатѣ. Кромѣ Настасьи тамъ никого не было. Та подошла и шопоткомъ сказала:

— А я вже знаю, чего вони тутучки днюють и ночують.

Анна Тимофеевна съ удивленіемъ посмотрѣла на нее. Та начала пространно, но быстро разсказывать, какъ она подслушала гостей, когда тѣ разспрашивали доктора: выздоровѣетъ-ли Александръ Георгіевичъ, какъ докторъ

пожималъ плечами и отвѣчалъ, что не знаетъ, и какъ, наконецъ, они «хлопотали подивиться на якую-то бумажку» въ письменномъ столѣ или въ комодѣ.

Очевидно, родственники интересовались завѣщаніемъ и боялись, чтобъ умирающій не отказалъ своего имущества своей сожительницѣ и ея незаконнымъ дѣтямъ (у Анны Тимофеевны былъ уже и второй сынъ).

Анна Тимофѣевна хорошо знала, что никакого завѣщанія нѣтъ и тутъ только впервые подумала о своей участи въ случаѣ смерти Александра Георгіевича. Насчетъ добросердечія его родныхъ она не заблуждалась: они выгонятъ ее безъ копѣйки.

Эта мысль отравила ея душевное равновѣсіе. Какъ ни старалась она подняться выше матеріальныхъ соображеній,— будущее вѣтъ-нѣтъ и всплыветъ передъ нею грознымъ призракомъ. И когда кризисъ миновалъ, Александръ Георгіевичъ началъ поправляться,—она чувствовала, что въ ея отношеніи къ нему ворвалось что-то постороннее, «поганое», какъ она опредѣляла мысленно свою новую тревогу, произнося это слово на *о* и съ малорусскимъ *г*.

Зять-докторъ посовѣтовалъ Александру Георгіевичу переѣхать для поправленія здоровья въ усадьбу, а на лѣто непремѣнно поѣхать въ Крымъ. Тотъ послушно исполнялъ все, что ему предписывалось. Анна Тимофѣевна осталась одна на нѣсколько мѣсяцевъ. Александръ Георгіевичъ поѣхалъ въ Крымъ съ сестрой-дѣвушкой.

Это были самые тяжелые мѣсяцы раздумья. Аннѣ Тимофѣевнѣ минуло уже 28 лѣтъ. Какъ ни какъ, она прожила съ Александромъ Георгіевичемъ одиннадцать лѣтъ. У нихъ двое дѣтей. Неужели-же онъ не приметъ никакихъ мѣръ къ обезпеченію, если не ея, то хоть сыновей?

Не похоже было, чтобъ онъ крѣпко привязался къ ней. Не смотря на то, что она, какъ сама чувствовала, стала гораздо развитѣе, умнѣе, даже начитаннѣе — она все-таки прочла съ его помощью Пушкина и Толстаго— не смотря на то, что въ ней отъ прежней «деревенщины» почти не осталось и слѣда,— Александръ Георгіевичъ, повидимому, нисколько не цѣнилъ въ ней этого духовнаго роста. Она не хотѣла обманываться, ясно видѣла, что жители усадьбы, если не вовсе перетягиваютъ его на свою сторону, то сильно задерживаютъ ихъ болѣе плотное сближеніе. Но что-же она можетъ сдѣлать еще? Интриговать, наушничать, настраивать его противъ родныхъ, пускать въ ходъ всю женскую хитрость, относиться съ большей страстностью къ нему въ минуты полнаго сближенія? Все это ей становилось противнѣе съ каждымъ днемъ. Ей хотѣлось болѣе чистыхъ пріемовъ для того, чтобы привязать его къ себѣ.

Раздумывая о своемъ положеніи, она писала энергичныя письма брату Самсону и Александру Георгіевичу. Писала полуграмотно, но искренно, и сама чувствовала, какъ эта переписка «поднимаетъ ея духъ», дѣлаетъ ее серьезнѣе и выше.

Александръ Георгіевичъ отвѣчалъ ей короткими, холодными, ничего не значущими записками. Анна Тимофѣевна всегда видѣла за его строками «сестрицу».

Самсонъ-же, напротивъ, написалъ ей два длинныхъ письма, оба заканчивая фразой: «а главное, соблюдай свою совѣсть».

Александръ Георгіевичъ возвратился поздоровѣвшимъ, но апатичнымъ и лѣнивымъ. Должность свою онъ бросилъ и занимался только хозяйствомъ. Но и въ этомъ занятіи не видно было ни малѣйшаго проявленія энергіи. Обрабатывалъ землю такъ, какъ обрабатывали ее и мужики, сѣялъ то, что сѣяли люди, что подскажетъ прикащикъ. Даже убиралъ хлѣбъ безъ помощи тѣхъ машинъ, которыя завелъ въ началѣ своей деревенской жизни. Повидимому, ему лѣнь было даже подумать: а не вытащить-ли изъ сарая паровую молотилку, за которую было заплачено около шести тысячъ? И молотили у него простыми крестьянскими катками, и вѣяли обыкновенными сорока-рублевыми вѣялками, сфабрикованными мѣстнымъ мастеромъ. Онъ опускался съ каждымъ мѣсяцемъ, почти ничего не читалъ, валялся съ папироской на тахтѣ по цѣлымъ днямъ и любилъ только поболтать о-томъ о семъ съ прикащикомъ или съ сосѣдями.

Рядомъ съ нимъ Анна Тимофѣевна казалась соткапной изъ энергіи и изобрѣтательности. Всѣми силами старалась она ободрить его то веселымъ тономъ, то возбужденіемъ соревнованія, разсказывая о какомъ-нибудь болѣе дѣятельномъ помѣщикѣ, то чуть не насильно отправляя его въ степь, на охоту, или на токъ, гдѣ тянулась вялая работа. Ничего не помогало. Изъ него безповоротно вырабатывался типъ землевладѣльца, лишеннаго какихъ-либо стремленій. «Авось» и «какъ всѣ» — единственныя заповѣди, которыхъ онъ придерживался.

Въ концѣ-концовъ онъ даже началъ иронизировать надъ ея горячностью, посмѣиваться, если она рискнетъ произнести какое-нибудь вычитанное словечко. Стоило ей на одинъ шагъ выступить изъ границъ той пошлости, въ которую погрязло его существованіе, какъ онъ улыбался и непремѣнно отвѣчалъ:

— Ого! Скажите пожалуйста!

Ея энергія начинала давить его. Въ немъ развился антипатичный духъ противорѣчій. Чтобы она ни посовѣтовала, онъ поступалъ наоборотъ. Всякое ея стремленіе онъ старался охладить или насмѣшкой, или равнодушіемъ, часто даже утрированнымъ.

Въ усадьбу онъ уѣзжалъ теперь часто и иногда оставался тамъ по цѣлымъ недѣлямъ. Анну Тимофѣевну интересовало, что его можетъ привлекать туда.

— Какъ ты мнѣ надоѣла!—отвѣчалъ онъ,— Никто не липнетъ ко мнѣ, какъ ты,—вотъ мнѣ и лучше тамъ. Никто не лѣзетъ ко мнѣ съ своими совѣтами: сдѣлай то, да займись этимъ. Живутъ себѣ люди, какъ всѣ, и не горячатся безъ толку.

— Скажи, пожалуйста,—замѣтилъ онъ ей какъ-то:—чего ты заважничала? Право, посмотрѣть на тебя со стороны—подумаешь, Богъ вѣсть, что за птица. А на самомъ дѣлѣ, что ты изъ себя представляешь? Вѣдь безъ меня мочила бы теперь коноплю, да бѣлила бы хаты, была бы простой бабой. Ты, кажется, забыла, откуда ты родомъ.

Вотъ Анна Тимофѣевна и взлелѣяла мечту...

Впродолженіе цѣлаго года она скрывала ее отъ Александра Георгіевича, но потихоньку готовилась къ осуществленію ея. Какъ только онъ уѣзжалъ изъ дома, она рылась въ его шкафѣ съ запыленными книгами, отыскивая такія, которыя могли бы хоть немного подготовить ее. Въ то же время перебирала всѣ получаемыя газеты, вадѣясь и тамъ найти указанія.

Какъ-то воспользовалась случаемъ и распросила доктора...

Выждавъ удобный часъ, она заговорила, наконецъ, и съ Александромъ Георгіевичемъ. Она сообщила ему, что хочетъ ѣхать въ Петербургъ, готовиться на фельдшерицу, и попросила у него скромной поддержки.

Она ожидала взрыва хохота, но Александръ Георгіевичъ былъ такъ удивленъ, что даже не имѣлъ времени посмѣяться надъ ней. И потомъ вдругъ на него пахнуло чѣмъ-то далекимъ-далекимъ, временами студенчества. Ему стало какъ-то стыдно.

— Что-жъ, если ты, какъ говоришь, хорошо обдумала,— поѣзжай. Я тебѣ не помѣха. Разсчитывай на мою поддержку.

Больше онъ ничего не сказалъ, но Анна Тимофѣевна замѣтила, что онъ точно сконфузился. Весь этотъ день онъ былъ задумчивъ, часто вздыхалъ, нѣсколько разъ упомянулъ, кстати и не кстати, о томъ, что ему уже сорокъ два года, что его жизнь прошла. Какъ-то внезапно замѣтилъ, что если бы онъ не заѣхалъ въ эту глушь, онъ сдѣлалъ бы себѣ хорошую карьеру, жилъ бы въ столицѣ.

Анна Тимофѣевна поняла, что ея мечта всколыхнула въ его душѣ осадки молодости. Ей стало жаль его, но въ то же время она почувствовала приливъ гордости и взлелѣявая мысль показалась ей еще заманчивѣе.

Она уже не хотѣла объяснять свою главную цѣль—имѣть на всякій случай кусокъ хлѣба. Пусть понимаетъ, какъ хочетъ.

Вѣсть о томъ, что Анна Тимофѣевна собирается въ Петербургъ «на курсы» разнеслась между сосѣдями очень быстро и не вызвала ни одного сочувственнаго слова. Кто погрубѣе, говорилъ: «вотъ дура-то!» или «съума сошла». Кто помягче: «чего это ей вздумалось».

Въ усадьбѣ, напротивъ, «поощрили» ее. Когда Александръ Георгіевичъ съѣздилъ туда и вернулся на хуторъ, Анна Тимофѣевна зорко посмотрѣла ему въ глаза. Она звала, что онъ уже сообщилъ «тамъ» новость и ждала, въ какомъ тонѣ онъ будетъ держать себя съ нею. Она уже привыкла къ тому, что каждый разъ, когда онъ уѣзжалъ къ теткѣ и сестрѣ, онъ возвращался «напичканный» ихъ мыслями.

На этотъ разъ ему было ловко съ нею, онъ былъ любезенъ и внимателенъ. Очевидно, затѣя Анны Тимофѣевны встрѣтила въ усадьбѣ сочувствіе. Но Александръ Георгіевичъ, по простотѣ душевной, принялъ «поощреніе» тетки и сестры за чистую монету и радостно сообщилъ объ этомъ Аннѣ Тимофѣевнѣ.

Она задумалась, но не надолго. Ей надоѣло отыскивать истинные мотивы поступковъ его родни. Ей предстояло такъ много пріятныхъ хлопотъ. Все лѣто она посвятила сначала перепискѣ съ Петербургомъ, потомъ приготовленіямъ ко вступительному экзамену, къ отъѣзду. Написала брату Самсону. Тотъ прислалъ ей письмо къ «князю», его патрону, проживающему постоянно въ Петербургѣ, которое, впрочемъ, не понадобилась. Самсонъ былъ у него уже старшимъ прикащикомъ и пользовался его фаворомъ.

Дѣтей и все хозяйство Анна Тимофѣевна поручала своей любимицѣ Настасьѣ и учила ее, какъ ухаживать за Александромъ Георгіевичемъ.

Что касается его самого то нѣсколько дней еще онъ былъ задумчивѣе обыкновеннаго и относился къ Аннѣ Тимофѣевнѣ съ особенной теплотой и вниманіемъ. Но потомъ точно сразу махнулъ рукой на все и потянулъ попрежнему свое безобидное существованіе.

IV.

«Какъ мало прожито, какъ много пережито!»—вспомнился Аннѣ Тимофѣевнѣ стихъ поэта, любимаго молодежью, слышанный ею на одномъ изъ литературныхъ вечеровъ.

И это она—Анютка, босоногая дѣвченка, пятнка еврейскаго грязнаго мальчишки? Эта та самая Анютка ѣдетъ теперь «притулившись» на деревянной скамейкѣ вагона третьяго класса? Это ей выдано то свидѣтельство, дипломъ, который лежитъ тамъ подъ скамейкой на днѣ чемодана, аккуратно сложенный вчетверо. Неужели это она взбиралась на загату и слѣдила за тѣмъ, какъ кухарка съ подоткнутымъ платьемъ выгоняла изъ кухни собакъ?

Лицо Анны Тимофѣевны, еще красивое, хотя и слишкомъ блѣдное, съ крупными глазами и длинными черными рѣсницами,—расплывается въ самодовольную улыбку и вся она такъ же самодовольно вытягивается на скамейкѣ, заложивъ руки подъ голову. Она смотритъ передъ собой на узкія, ясеневыя доски потолка, покрытыя копотью, прислушивается къ крику груднаго ребенка изъ дальняго угла вагона, теплый нѣтерокъ врывается въ окно и окутываетъ ея голову, кто-то входитъ и выходитъ, хлопая дверьми,—все замѣчаетъ она, но ея воображеніе еще захвачено жизнью въ Петербургѣ.

Ей повезло. Еще подъѣзжая къ Петербургу два года назадъ выглянула она изъ окна вагона на усѣянное звѣздами небо и на одной изъ нихъ остановила свой взглядъ. «Нехай та зірочка посвіте мене»—подумала она по малорусски и рѣшила, что выбрала себѣ «счастье».

И «зірочка» свѣтила ей. Она сразу сошлась съ двумя товарками—обѣ не моложе 25 лѣтъ—и поселилась съ ними въ одной большой комнатѣ. Хозяйка оказалась симпатичной старушкой и взялась кормить ихъ. Жизнь обходилась Аннѣ Тимофѣевнѣ дешево, но ей и нельзя было тратить много. Всѣ ея рессурсы были въ 25 рубляхъ въ мѣсяцъ, которые «положилъ» ей Александръ Георгіевичъ.

Первый годъ прошелъ исключительно въ занятіяхъ. Она работала до изнеможенія. Ничего другаго, кромѣ работы, она не хотѣла и знать. Каждой свободной минутой она пользовалась или для того, чтобы повторить выученное, или продумать все, что она услыхала за утро, или прочесть что-нибудь для пополненія скудной грамоты. Ея товарки то и дѣло звали ее проѣхаться въ центръ Петербурга или побѣгать недалеко отъ дома, но она упрямо отказывалась отъ всякихъ развлеченій. Она бранила себя за безплодно пролетѣвшій часъ.

Было у нея еще одно дѣло, побочное,—исправленіе акцента. И этимъ дѣломъ она занималась съ такимъ же рвеніемъ, позволяя смѣяться надъ собой товаркамъ, а чаще всего прибѣгая за уроками къ хозяйкѣ квартиры.

На лѣто одна изъ товарокъ, что была помоложе, уѣхала къ себѣ на родину. Жить стало бы немножко дороже, если бы хозяйка не сбавила плату. Вмѣстѣ же съ другой подругой Анна Тимофѣевна все лѣто проработала при больницѣ, жадно присматриваясь и прислушиваясь ко всему, что могло оказать ей пользу. Прошло больше года, а Анна Тимофѣевна и понятія не имѣла о настоящемъ Петербургѣ. До нея только долетали какіе-то звуки. Шумный, огромный городъ послѣ небольшаго степнаго хутора казался ей чѣмъ-то неземнымъ, наполненнымъ нечеловѣческими существами. Она даже какъ будто побаивалась вглядѣться въ него. Точно онъ могъ проглотить ее и она не успѣла бы осуществить свою мечту.

Хозяйка, одинокая женщина, любила поговорить съ нею, такъ какъ Анна Тимофѣевна искренно удивлялась всему, что слышала.

Но ко второму зимнему сезону она уже освоилась съ своимъ пребываніемъ въ столицѣ и дала себя увезти нѣсколько разъ, то въ театръ, то на вечеринки, устраиваемыя «въ складчину». И на Петербургѣ немножко посмотрѣла, при чемъ ахала на каждомъ шагу. Не понимала громадныхъ зданій, умилялась передъ соборами, долго не могла постичь, какъ одна лошадь можетъ везти большой экипажъ, гдѣ сидитъ болѣе сорока душъ и т. д.

Одно время она начала-было увлекаться жизнью, чуть-чуть праздною, но тутъ произошло обстоятельство, во время остановившее ее. Та же ея товарка, что уѣзжала на лѣто, влюбилась въ одного изъ посѣтителей ихъ вечеринокъ и бросила институтъ. Аннѣ Тимофѣевнѣ страшно не понравилось это и она съ усиленной энергіей вернулась къ своей работѣ, точно желая замолить чей-то грѣхъ передъ поруганной святыней.

Со Ставроковскими она познакомилась случайно, на литературномъ вечерѣ въ пользу недостаточныхъ студентовъ. Ее представилъ одинъ изъ профессоровъ:

— Вотъ рекомендую: субъектъ съ замѣчательными способностями и съ необыкновеннымъ рвеніемъ.

Обѣ сестры сразу обласкали ее и взяли съ нея слово, что она навѣститъ ихъ.

Это было уже на святкахъ. Анна Тимофѣевна съ чистымъ сердцемъ могла отдохнуть. А побывавши разъ у Ставроковскихъ, она была до такой степени взволнована ихъ дружескимъ пріемомъ, что стала ѣздить къ нимъ каждое воскресенье.

Кто-то сказалъ про Ставроковскихъ, что эти дѣвушки „не отъ міра сего“ и Анна Тимофѣевна поняла это выраженіе. Она еще не встрѣчала людей, такихъ незлобивыхъ и такихъ отзывчивыхъ на чужую боль. Личной жизни для нихъ, повидимому, вовсе не существовало. Не было такого бѣдствія, на которое не отозвались бы первыми Ставроконскія, и если онѣ встрѣчали женщину или дѣвушку, одушевленную стремленіемъ къ самостоятельности, то первые пригрѣвали ее лаской и совѣтомъ.

Этой любовью и незлобивостью отличалась вся семья Ставроковскихъ, состоявшая кромѣ отца и матери, изъ двухъ взрослыхъ братьевъ—доктора и студента и четырехъ сестеръ, изъ которыхъ двѣ провожали потомъ Анну Тимофѣевну, а двѣ еще учились въ гимназіи. Но Анна Тимофѣевна понимала, что весь свѣтъ и вся теплота этой любви исходятъ отъ двухъ старшихъ барышенъ. Отецъ—бывшій крупный

чиновникъ, теперь на покоѣ, казался человѣкомъ суховатымъ, но едва ли не половиною его доходовъ дочери распоряжались по своему...

Въ этомъ домѣ лучшая сторона души Анны Тимофѣевны окончательно окрѣпла.

Нечего и говорить, что уже послѣ втораго посѣщенія всѣ здѣсь знали ея прошлое. Она разсказала свою жизнь, что только помнила,— довѣрчиво, съ убѣжденіемъ, что ее не осудятъ. Эта исповѣдь шла негромко въ небольшей комнаткѣ второй Ставроковской послѣ обѣда, когда старикъ пошелъ отдохнуть, дѣвочки ушли гулять, а братьевъ не было дома.

Послѣ исповѣди Анна Тимофѣевна услыхала отъ самой Ставроковской.

— Вотъ, что я вамъ скажу, милая моя. Ваша затѣя симпатична. Вы умно задумали оберечь себя отъ будущаго. Но не увлекайтесь. Помните, главное, что у васъ есть дѣти, а у дѣтей—отецъ.

Послѣднее она старалась подчеркнуть выразительнымъ поднятіемъ бровей.

Это была маленькая, довольно полная женщина, одѣтая въ черное платье, отлично облегавшее ея сохранившуюся фигурку, съ блѣднымъ, необыкновенно чистымъ лицомъ и гладко причесанными съ проборомъ въ серединѣ серебрившимися волосами.

Дочери въ отвѣтъ на ея слова зашумѣли.

— Ковечно, конечно,—заговорили онѣ вмѣстѣ.—Дѣти и ихъ отецъ все-таки прежде всего, но личность, мама, личность свою она должна беречь отъ всякихъ оскорбленій.

— Я же и говорю...

Анна Тимофѣевна больше чутьемъ понимала, что эти образованныя дѣвушки называли личностью...

Скоро она сблизилась съ Ставроковскими больше, чѣмъ другія, которыхъ, какъ и ее, ласкала эта семья. Ея письма къ Александру Георгіевичу были полны этими именами. Она не могла сдержать желанія похвалиться такими друзьями.

Писала она на хуторъ аккуратно два раза въ мѣсяцъ. Отвѣты всегда начинались словами: „извини, моя милая, что такъ долго не писалъ тебѣ“. Они были кратки и сообщали только о здоровьи дѣтей и о томъ, что Настасья отлично ухаживаетъ за нимъ.

Но Аннѣ Тимофѣевнѣ было не до любовныхъ изліяній. Она и не попрекала Александра Георгіевича за рѣдкія письма...

Уже въ февралѣ ей предложили казенное мѣсто въ Петербургѣ. Отказъ ея удивилъ стараго ординатора больницы. При встрѣчѣ онъ съ недоумѣніемъ спросилъ ее, какъ она можетъ отказываться отъ такого мѣста. Она объяснила, что у нея есть семья на югѣ.

Чѣмъ ближе подходилъ конецъ ея занятіямъ, тѣмъ горячѣе жгло ее желаніе вернуться домой. Незамѣтно для нея самой, въ ней окрѣпло убѣжденіе, что теперь Александръ Георгіевичъ живется на ней. Все, что пришлось ей пережить за пятнадцать лѣтъ тяжелаго, отодвинулось, а все ярче вспоминались искреннія, счастливыя дни. Не только Александръ Георгіевичъ, но и всѣ окружавшіе его казались ей издали гораздо лучше, чѣмъ тамъ на мѣстѣ. Даже о Варварѣ Дмитріевнѣ она думала уже миролюбиво. Ей представлялось, что между ними должно наступить полное примиреніе, что тетка Александра Георгіевича слишкомъ устарѣла для того, чтобы кичиться дворянскимъ гоноромъ, и она, Анна Тимофѣевна, съумѣетъ теперь понравиться ей.

У нея вошло въ привычку передъ сномъ въ постели думать о далекой родинѣ. Весь день она посвящала занятіямъ и бесѣдамъ, и только помолившись въ постели безраздѣльно отдавалась воспоминаніямъ и мечтамъ, неразрывно связаннымъ съ дѣтьми, съ Александромъ Георгіевичемъ и съ хозяйствомъ на хуторѣ. Въ послѣднее время этотъ промежуточный періодъ между рабочимъ днемъ и сномъ становился все длиннѣе. Она дошла до того, что не могла заснуть по полтора и по два часа. Ожиданіе встрѣчи поднимало ея нервы, совъ бѣжалъ отъ нея.

Но всѣ эти думы подвели ее въ концѣ-концовъ къ совершенно неожиданному результату. Она такъ освоилась съ мыслью о замужествѣ, что и не замѣтила, какъ главная цѣль ея пріѣзда въ Петербургъ вовсе отодвинулась. Точно она и задумала то учиться лишь для того, чтобы приготовить себя для роли законной жены Вилейкина, а вовсе не съ цѣлью быть готовой ко всякимъ катастрофамъ.

Часто ее охватывало такое ощущеніе, словно она надорвалась. Тогда не только мысль, но и все тѣло ея требовало покоя, а его она не могла себѣ представить иначе, какъ на хуторѣ, съ Александромъ Георгіевичемъ и съ дѣтьми. И въ это время утомленное воображеніе разсказывало ей теплыя, сердечныя сказки о томъ, какъ она будетъ женой Александра Георгіевича, какъ онъ будетъ хлопотать о признаніи за ихъ дѣтьми законныхъ правъ и какъ всѣ, до его тетки включительно, будутъ ласкать ее, сажать вмѣстѣ съ собой за столъ и разспрашивать о петербургскихъ двковинкахъ.

Ея друзья Ставроковскіе замѣтили это и высказали неудовольствіе. Но ихъ мать втихомолку объяснила, что вѣдь Аннѣ Тимофѣевнѣ не 18 лѣтъ, что не можетъ-же она въ свои 33 года увлечься науками и медициной до того, чтобы забыть привычки пятнадцати лѣтъ.

Охватывали Анну Тимофѣевну и мрачныя мысли. Разъ даже она среди ночи проснулась съ холоднымъ ужасомъ въ душѣ. Она увидѣла во снѣ, что Александръ Георгіевичъ въ ея отсутствіе женился, переѣхалъ въ усадьбу, а дѣтей

отправилъ съ Настасьей къ ней въ Петербургъ. Она проснулась, когда дѣти стояли около ея кровати, плакали и будили ее.

Въ эти минуты она ощущала въ груди чувство тупаго отчаянія, безнадежности. Сама себѣ казалась жалкой, ей вдругъ представлялось, что она все перезабыла, что она не въ состояніи сдѣлать ни одной перевязки, не знаетъ ни одного названія лекарствъ. Тогда она готова была сорваться съ мѣста, бросить все и полетѣть туда, на хуторъ, просить тамъ у всѣхъ за что-то прощенія, только-бы они не выгоняли ее, дали ей теплый уголъ. А за окномъ, какъ нарочно, ревѣла вьюга, тянулись нескончаемые холода, какихъ она тамъ на хуторѣ не знавала, и ей до безумія хотѣлось южнаго солнца, лѣтняго степнаго зноя.

Но приближались часы занятій, Анна Тимофѣевна съ усиліемъ отгоняла мрачные образы, забывалась въ работѣ. А тамъ снова прислушивалась къ сладкимъ сказкамъ, которыя шептало ей воображеніе....

Поѣздъ убѣгалъ отъ Петербурга. Вмѣстѣ съ нимъ въ воображеніи Анны Тимофѣевны начинали блѣднѣть картины ея петербургской жизни. Сначала онѣ уступили мѣсто набѣгавшимъ путевымъ впечатлѣніямъ. На станціяхъ Анна Тимофѣевна робко смѣшивалась съ небольшой толпой, выходившей изъ двухъ вагоновъ второго и перваго класса. Тратила она очень мало. У нея былъ запасъ провизіи на три дня, поэтому она позволяла себѣ только тарелку горячаго впродолженіе сутокъ. Чай заваривала она у себя въ вагонѣ и если противъ нея на скамейкѣ кто-нибудь сидѣлъ, то угощала за тѣ небольшія любезности, которыя ей оказывали: подержать чайникъ, вылить за окно воду и т. д.

Мимо ея окопъ часто, чуть-ли не каждые полчаса, пролетали встрѣчные поѣзда и она удивлялась, кому нужно такое сильное движеніе. Обо всемъ, чего не понимала, она разспрашивала сосѣдей. Тѣ охотно объясняли ей.

Но въ этотъ день она еще не могла совсѣмъ отрѣшиться отъ впечатлѣній пребыванія въ Петербургѣ. За то на другое утро Анна Тимофѣевна какъ-то сразу почувствовала себя ближе къ роднымъ мѣстамъ.

За окномъ вагона картины были уже не тѣ. Попадавшіяся по пути деревни казались ей бѣднѣе и скромнѣе. Люди, толкавшіеся на платформахъ и входившіе въ вагонъ были другаго типа, грубѣе. И одѣты они были проще, не такъ часто. Народа въ вагонѣ становилось больше. Въ немъ чаще встрѣчалась простая сермяга съ котомкой за плечами.

Въ Москвѣ ей надо былъ ждать часа четыре. Ей хотѣлось хоть взглянуть на Москву. Она разспросила, какъ-бы это сдѣлать, не заблудившись въ большомъ городѣ. Ей толковали, называли какія-то улицы, ворота. Все это она перезабыла. Однако, рѣшила издержать рубль на извощика и съѣздить хоть въ Кремль.

Въ Москвѣ было гораздо жарче, чѣмъ въ Петербургѣ. Городъ ей показался страннымъ— до такой степени онъ мало походилъ на чистый и стройный Петербургъ. Улицы не широкія, кривыя, не мощеныя такъ, какъ тамъ. Простаго, рабочаго люда такъ много, сколько ей не приходилось видѣть за всѣ два года пребыванія въ Петербургѣ.

И Кремль не произвелъ на нее никакого впечатлѣнія. Правда, здѣсь было гораздо свѣтлѣе и вся картина была веселѣе, чѣмъ широкій и мрачный видъ на Петропавловскую крѣпость, къ которой присмотрѣлся ея глазъ, но не было ничего грандіознаго, ничего поражающаго. И неспокойно ей было. Каждые десять минутъ она посматривала на часы, боясь, что поѣздъ уйдетъ безъ нея, или что пропадутъ ея вещи, отданныя сторожу на храненіе.

Отъ Москвы ей пришлось ѣхать еще часовъ 30 слишкомъ. Дорога съ постоянными пересадками начала утомлять ее. Анна Тимофѣевна равнодушно слѣдила за мелькавшими панорамами. Каждые полчаса или сорокъ минутъ она слышала надоѣвшій уже протяжный гулъ паровоза. Потомъ поѣздъ замедлялъ ходъ, потомъ раздавался свистокъ «обера». Анна Тимофѣевна смотрѣла изъ окна, какъ онъ соскакивалъ еще на ходу и давалъ новый свистокъ, послѣ котораго поѣздъ останавливался, какъ въ то-же время раздавалась мелкая дробь звонка, какъ на платформѣ показывался красный околышъ, передававшій оберу листокъ желтой бумаги. Тутъ-же недалеко стоялъ жандармъ. За окномъ станціи брасалась въ глаза фигура телеграфиста, склонившагося къ аппарату. Изъ сосѣднихъ вагоновъ выбѣгало нѣсколько рабочихъ къ большой кадкѣ съ водой и съ кружкой на цѣпи, стоявшей около маленькой лавочки, гдѣ продавались квасъ, вобла, печеныя яица и сухой хлѣбъ. Новая дробь звонка, новые свистки и поѣздъ медленно отодвигался. Можно было разсмотрѣть за чугунной рѣшеткой садикъ начальника станціи съ красивымъ цвѣтникомъ. За садикомъ, подальше въ глубь— казармы рабочихъ. Поѣздъ прибавлялъ ходу и черезъ минуту тянулись новые поля, лѣса и деревеньки, а по линіи—все тѣ-же маленькіе каменные домики путевыхъ сторожей и тѣ-же телеграфные столбы, то выскакивавшіе на верхъ, то вдругъ ныряющіе въ какіе-то овраги.

Но вотъ показались первыя хаты-мазанки. У Анны Тимофѣевны дрогнуло въ груди. Онѣ еще попадаются, какъ исключенія среди бревенчатыхъ русскихъ избъ, но уже предвѣщаютъ близость Малороссіи. Лѣса становятся рѣже. Поѣздъ уже не въѣзжаетъ въ лѣсную чащу, какъ это было на сѣверѣ, степь ширится и кажется гораздо менѣе населенной. И солнце припекаетъ больше, чѣмъ тамъ, и небо синѣе,

и облака «кудластѣе». Въ ваговѣ среди говора пассажировъ прорывается *д*.

Къ Харькову волненіе Анны Тимофѣевны ростетъ. Петербургъ забытъ совсѣмъ. Она вся находится въ напряженномъ состояніи. Еще нѣсколько часовъ ѣзды—и она дома. Пятьдесятъ верстъ на лошадяхъ не пугаютъ ее.

Послѣдній протяжный свистокъ паровоза. Вещи Анны Тимофѣевны аккуратно сложены на скамейкѣ. Сама она, одѣтая, стоитъ передъ окномъ и тихо молится. О чемъ,—сама-бы не съумѣла отвѣтить.

Поѣздъ замедлилъ ходъ. Мимо окна тихо проползъ зеленый фонарь на высокомъ шестѣ. Подъ нимъ мелькнула темная фигура стрѣлочника съ выставленной впередъ рогой. Колеса вагоновъ застучали по передаточнымъ рельсамъ и почти безшумно пошли къ ставціи. Вотъ и ставція тихо двигается на встрѣчу. Изъ оконъ падаетъ свѣтъ на платформу, гдѣ виднѣется нѣсколько фигуръ. Ставція проходитъ мимо. Анна Тимофѣевна внимательно вглядывается, ищетъ знакомыхъ лицъ...

Она не извѣщала Александра Георгіевича о днѣ своего пріѣзда. Для того, чтобы онъ выслалъ на станцію лошадей, надо было разсчитать день выѣзда изъ Петербурга недѣли за три. Почтовая станція въ сорока верстахъ отъ хутора и Александръ Георгіевичъ посылаетъ за почтой разъ въ недѣлю. Анна Тимофѣевна написала только, что сдаетъ экзамены прекрасно. Послѣднія извѣстія о дѣтяхъ она имѣла еще въ началѣ мая.

Ей скоро удалось нанять бричку. Ночь была тихая, теплая и звѣздная. Къ утру она должна быть дома. Лицо у нея горѣло отъ дороги и отъ усталости, но сна не было. И разговаривать много съ возчикомъ она не хотѣла. Бесѣда развлекла-бы его, а это отразилось-бы на скорости ѣзды. Когда они отъѣхали отъ станціи верстъ пять, она разспросила только о надеждахъ на урожай. Возчикъ жаловался, что дождей весной не было, что и теперь стоитъ засуха и что «мабуть, усе погоритъ».

Ѣхали въ одну упряжку, мелкой рысцой, верстъ по 7 въ часъ. Только на полъ-пути поили, останавливались въ одной деревнѣ. Анна Тимофѣевна вглядывалась въ разбросанныя, чуть-чуть бѣлѣвшія хаты. По деревнямъ было тихо. Лишь кое-гдѣ встревожевная звукомъ колесъ собака пролаетъ, не поднимаясь съ мѣста, медленно, словно завывая.

Становилось свѣтлѣе. Постепенно вырисовывались очертанія спины и головы возчика, цвѣтъ его свитки. Скоро можно было уже разглядѣть хлѣба по дорогѣ, низкорослые, не обѣщавшіе обильнаго урожая. Небо посѣрѣло. Звѣзды одна за другой начали исчезать. Налѣво на горизонтѣ протянулась свѣтлая полоска. Изъ подъ ногъ лошадей поднималась пыль.

Когда проѣзжали черезъ новую деревню, то уже было свѣтло. Изъ хатъ выходили закутанныя бабы и гнали передъ собой коровъ. Но солнце еще не всходило. Свѣтлая полоса налѣво расширялась, къ правой сторонѣ небо постепенно было темнѣе. Спустя нѣкоторое время Анна Тимофѣевна взглянула наверхъ и увидѣла тамъ только одну блестящую звѣздочку въ той сторонѣ, гдѣ должно было взойти солнце. Востокъ золотился все выше и шире, но звѣздочка не желала гаснуть, словно собираясь вступить въ соревнованіе съ самимъ солнцемъ. Анна Тимофѣевна съ любопытствомъ наблюдала за ней.—Какъ долго выдержитъ она борьбу съ нимъ? Оно уже посылало впередъ свои лучи. Отъ горизонта потянулись двѣ-три полосы. Какое-то облачко, растянувшееся на сторонкѣ, окаймилось красноватымъ отблескомъ. Само оно изъ сизаго превратилась въ голубоватое, а потомъ припяло отъ солнца его золотистый цвѣтъ. А звѣздочка упрямо отказывалась тонуть въ этомъ нахлынувшемъ морѣ свѣта.

«Неборись, зірочка,—подумала съ улыбкой Анна Тимофѣевна,—все равно не выдержать тебѣ!»

И точно, звѣзда начала блѣднѣть, словно переживая предсмертную агонію, и когда изъ-за горизонта выглянула верхняя часть краснаго диска и по землѣ побѣжали отъ него огненныя змѣйки, звѣздочка тихо погасла, а красный дискъ началъ свое быстрое, побѣдное шествіе...

Было уже часовъ семь, когда Анна Тимофѣевна увидѣла длинный садъ и бѣлѣвшій передъ нимъ домъ «усадьбы». Дорога шла прямо на него, но Анна Тимофѣевна указала возчику налѣво на курганъ, за которымъ прятался хуторъ. Скоро они поднялись на гору и хуторъ былъ какъ на ладони.

Первое, на что уставилась Анна Тимофѣевна,—домъ, точно она боялась не найти его на мѣстѣ. Онъ былъ небольшой, красный, изъ жженаго кирпича, съ желѣзной крышей зеленаго цвѣта. Бѣлыя ставни оконъ были закрыты. Передъ домомъ небольшой палисадникъ. Дальше стоялъ домъ приказчика, липачевый, съ соломенной крышей. Еще три-четыре строенія, изъ которыхъ только одно было каменное, высокій шестъ колодца,—и вотъ весь хуторъ. Недалеко стоялъ длинный стогъ соломы, въ полуверстѣ отъ хутора, по «низамъ» темнѣли три стога стараго сѣна, а еще дальше—длинное, низенькое строеніе, куда загонялись на зиму овцы.

Анна Тимофѣевна не отрывала глазъ отъ хутора, прикрывая ихъ отъ солнца ладонью. Ей хотѣлось замѣтить тамъ какое-нибудь движеніе. Но хуторъ точно вымеръ. Только за версту она увидала женскую фигуру, спускавшую въ колодезь ведро...

(*Окончаніе въ слѣдующемъ №*).

Влад. Немировичъ-Данченко.

* * *

Ночь свѣтла, сильнѣе трáвы
Разливаютъ ароматъ,
И напѣвы изъ дубравы
Соловьиные звучатъ.

—

Лунный лучъ, скользя игриво
Посреди полночной мглы,
То освѣтитъ прихотливо
Кленовъ темные стволы,

То змѣясь межъ листвою,
Онъ задѣнетъ на лету—
Всю залитую росою
Вѣтку яблони въ цвѣту.

—

Вотъ теперь къ волнѣ прибрежной
Онъ, ласкаясь, приникъ,
Озаривъ ее небрежно
На одинъ короткій мигъ.

И невольно онъ собою
Мнѣ напомнилъ счастья лучъ,
Засіявшій мнѣ звѣздою
Въ дни былые, изъ за тучъ.

—

Онъ блеснулъ во тьмѣ царящей
Метеоромъ роковымъ,
И, какъ этотъ лучъ блестящій—
Такъ же былъ неуловимъ...

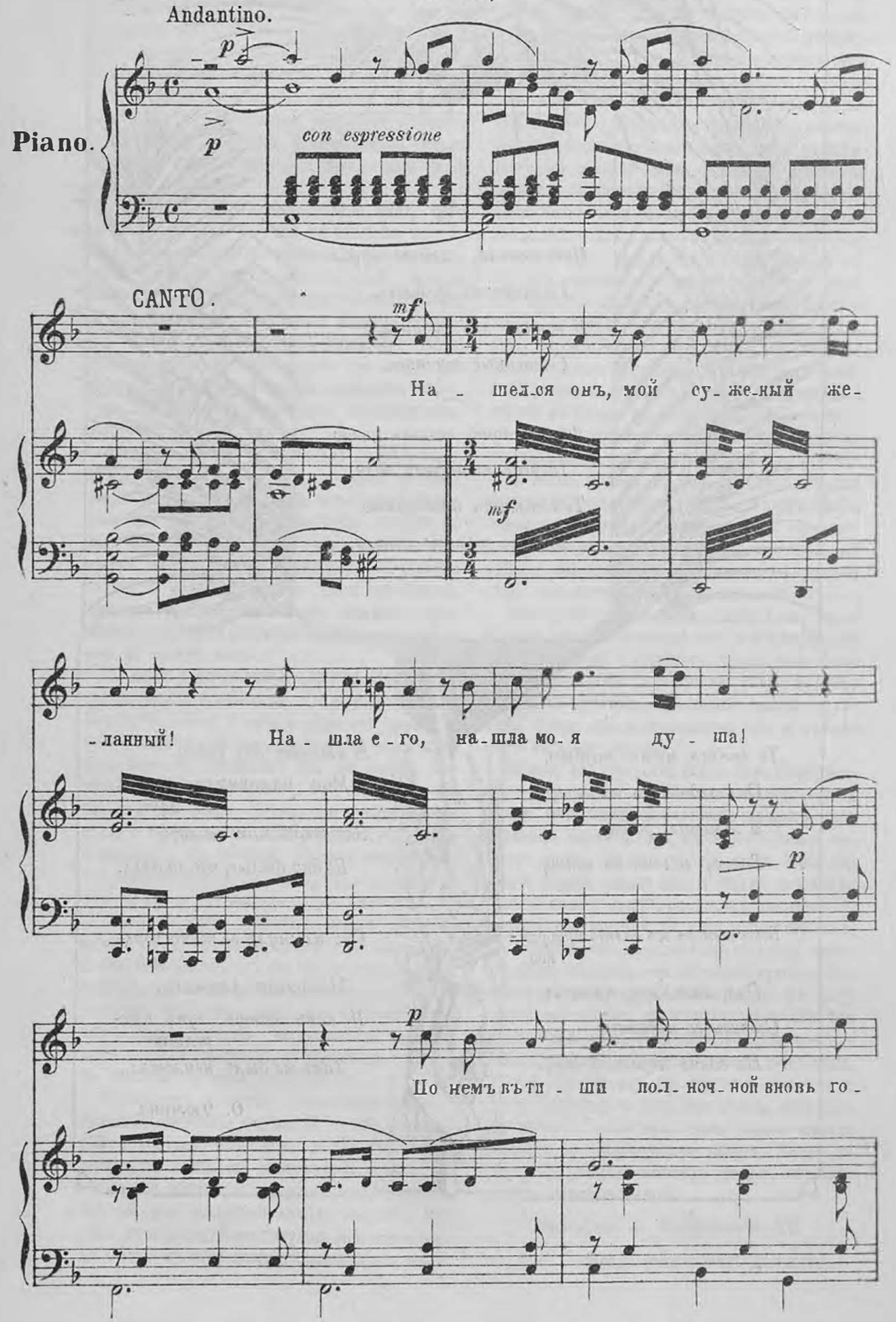
О. Чюмина.

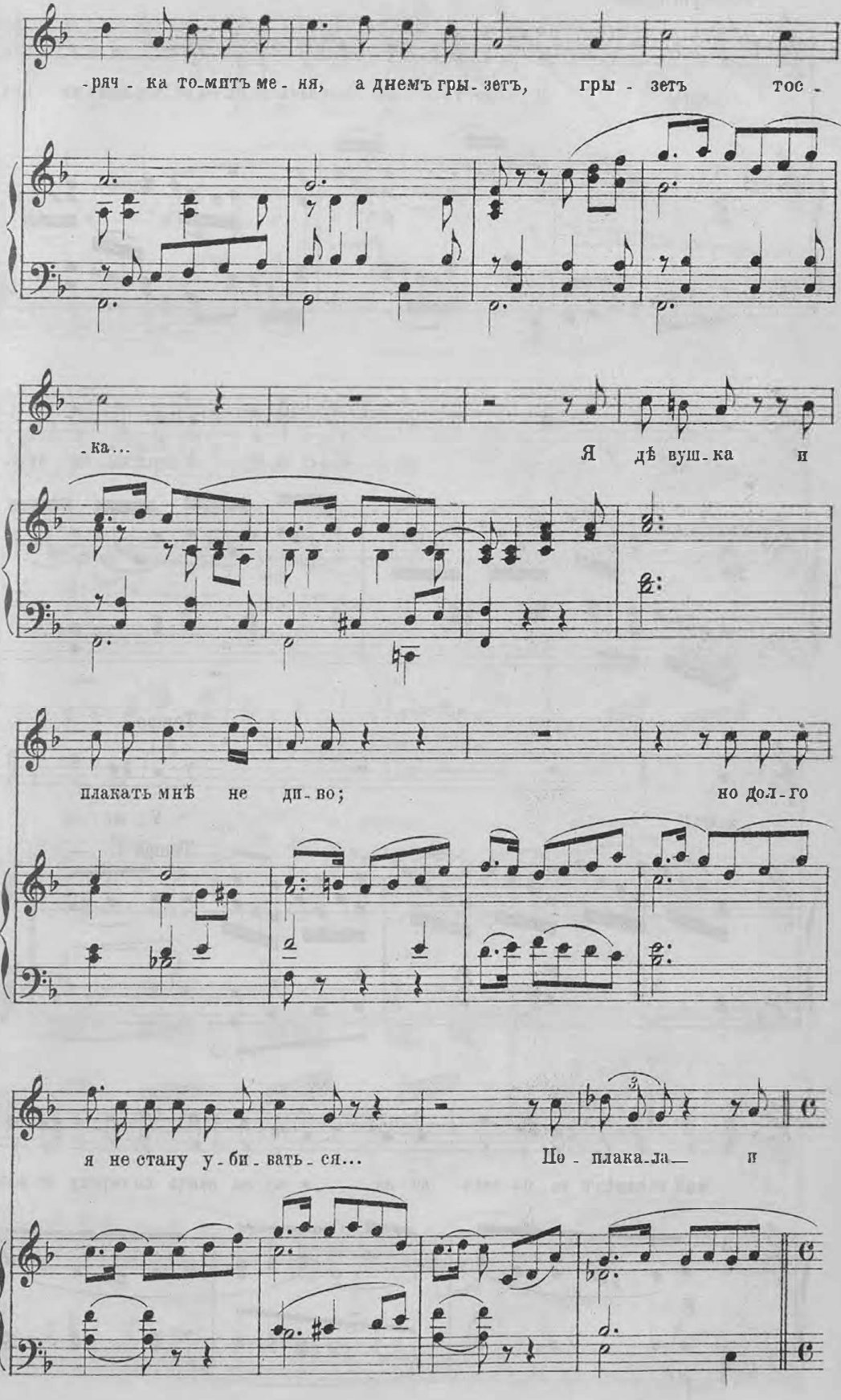
„ТУШИНЦЫ"

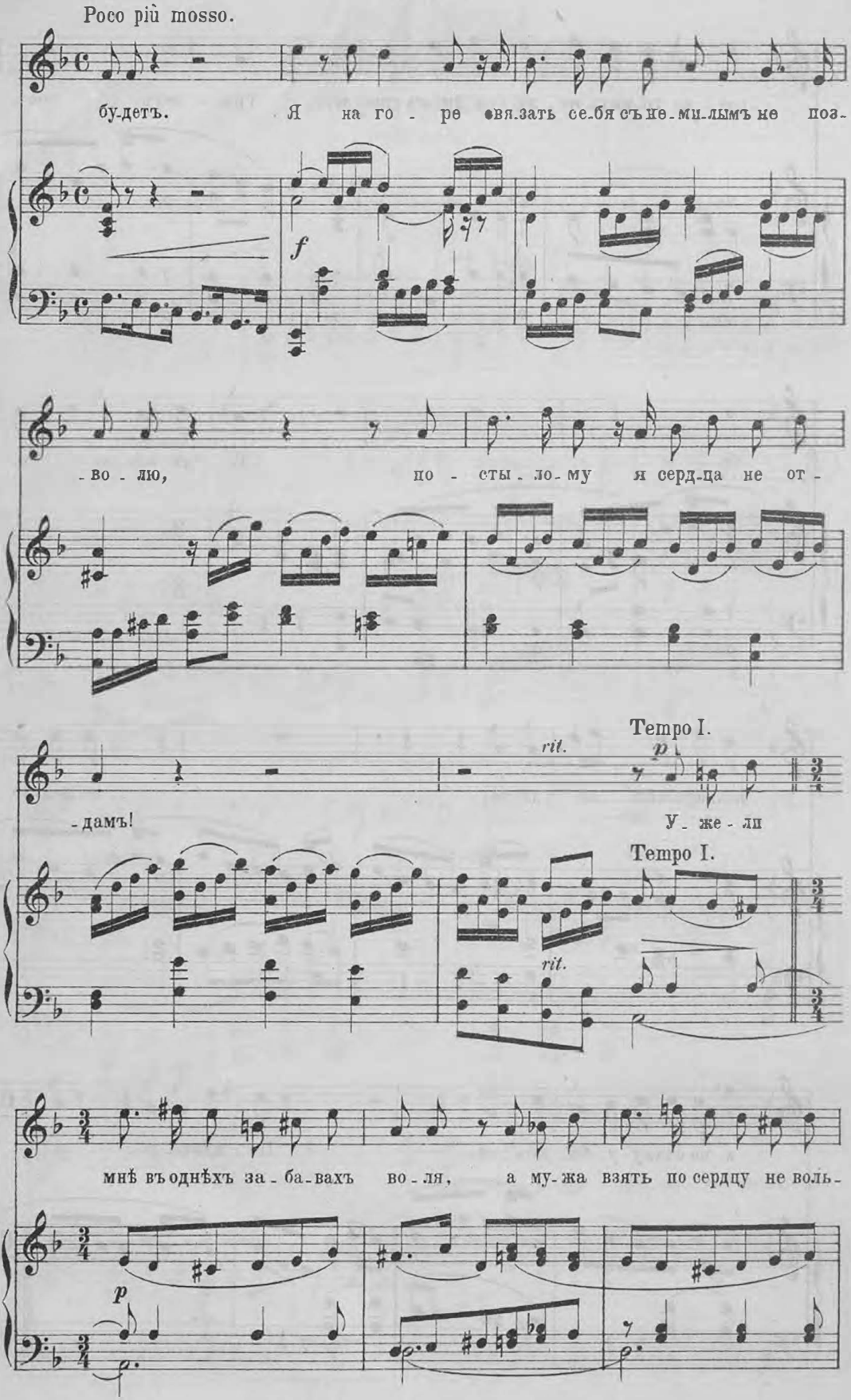
ОПЕРА П. БЛАРАМБЕРГА.

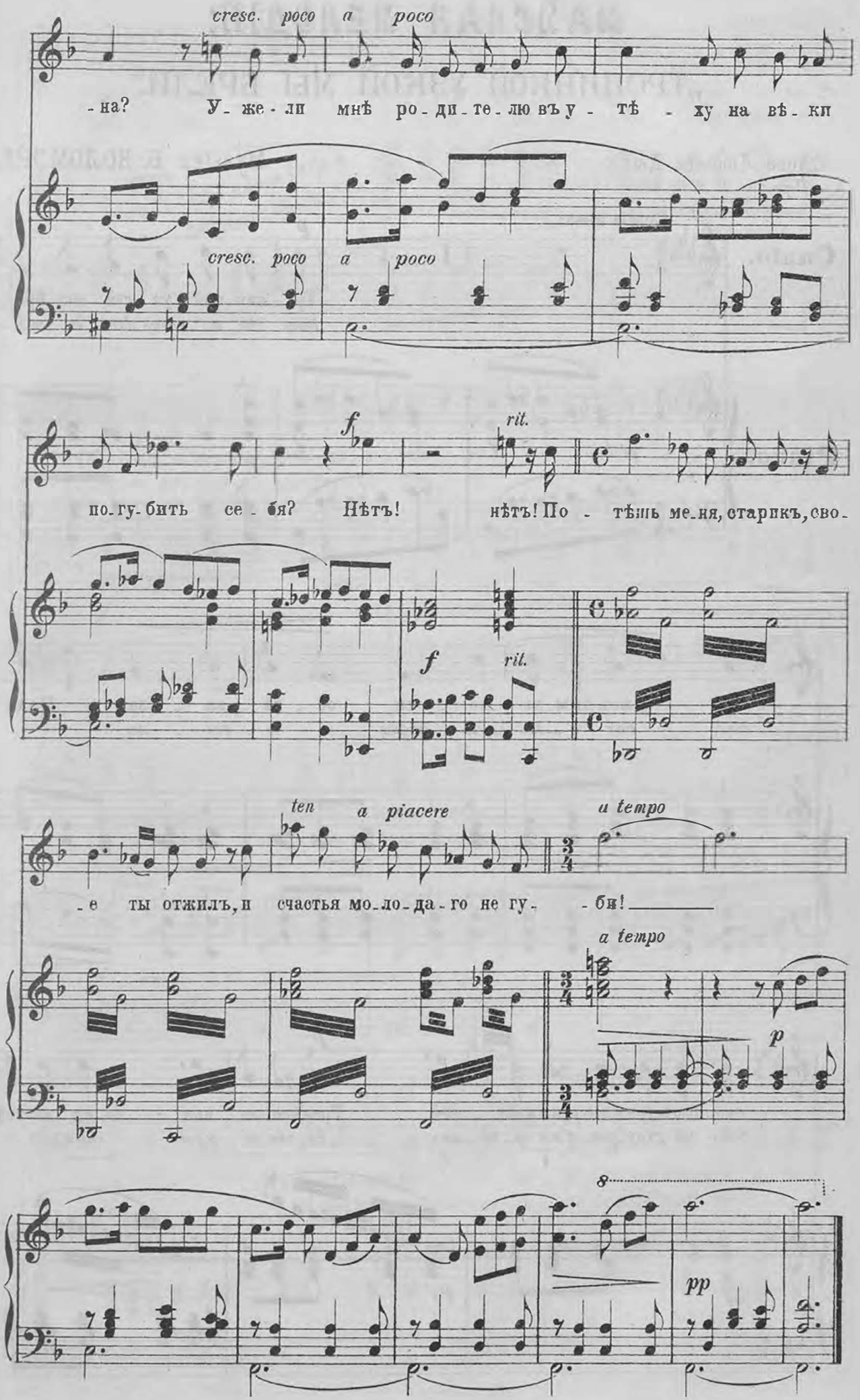
АРІОЗО ЛЮДМИЛЫ.

(III актъ)




-ряч - ка то-митъ ме - ня, а днемъ гры-зетъ, гры - зетъ тос -
-ка...
Я дѣ вуш-ка и
плакать мнѣ не ди-во;
но дол-го
я не стану у-би-вать-ся...
По - плака-ла и


Poco più mosso.
буд-етъ. Я на го - ре свя-зать се-бя съ не-ми-лымъ не поз-
f
-во - лю, по - сты - ло-му я серд-ца не от -
rit.
Tempo I.
p
-дамъ!
У - же - ли
Tempo I.
rit.
мнѣ въ однѣхъ за - ба-вахъ во - ля, а му-жа взять по сердцу не воль-
p

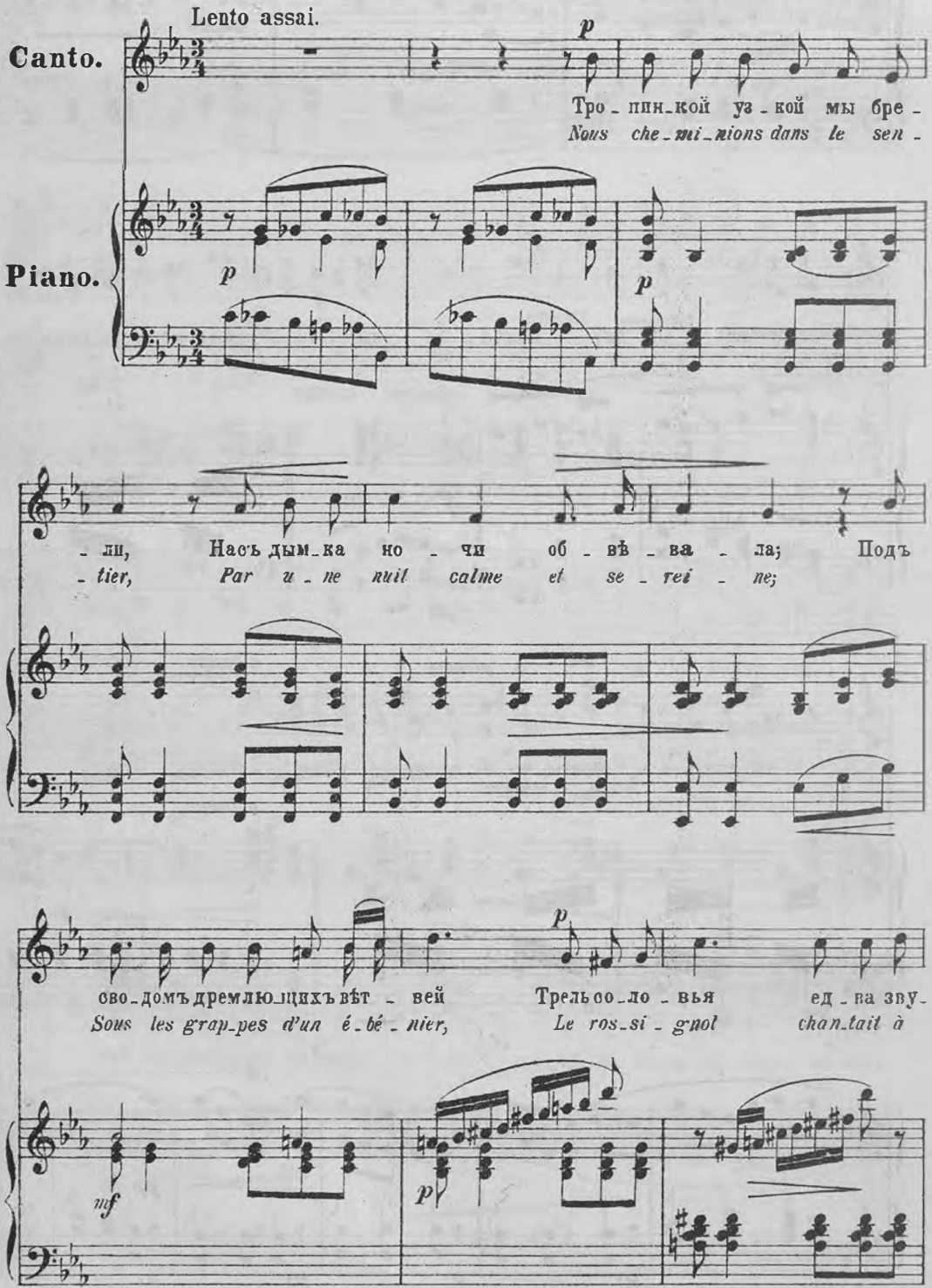

cresc. poco a poco
-на? У-же-ли мнѣ ро-ди-те-лю въ у-тѣ-ху на вѣ-ки
cresc. poco a poco
f rit.
по-гу-бить се-бя? Нѣтъ! нѣтъ! По-тѣшь ме-ня, старикъ, сво-
f rit.
ten a piacere a tempo
-е ты отжилъ, и счастья мо-ло-да-го не гу--би!
a tempo
p
8
pp

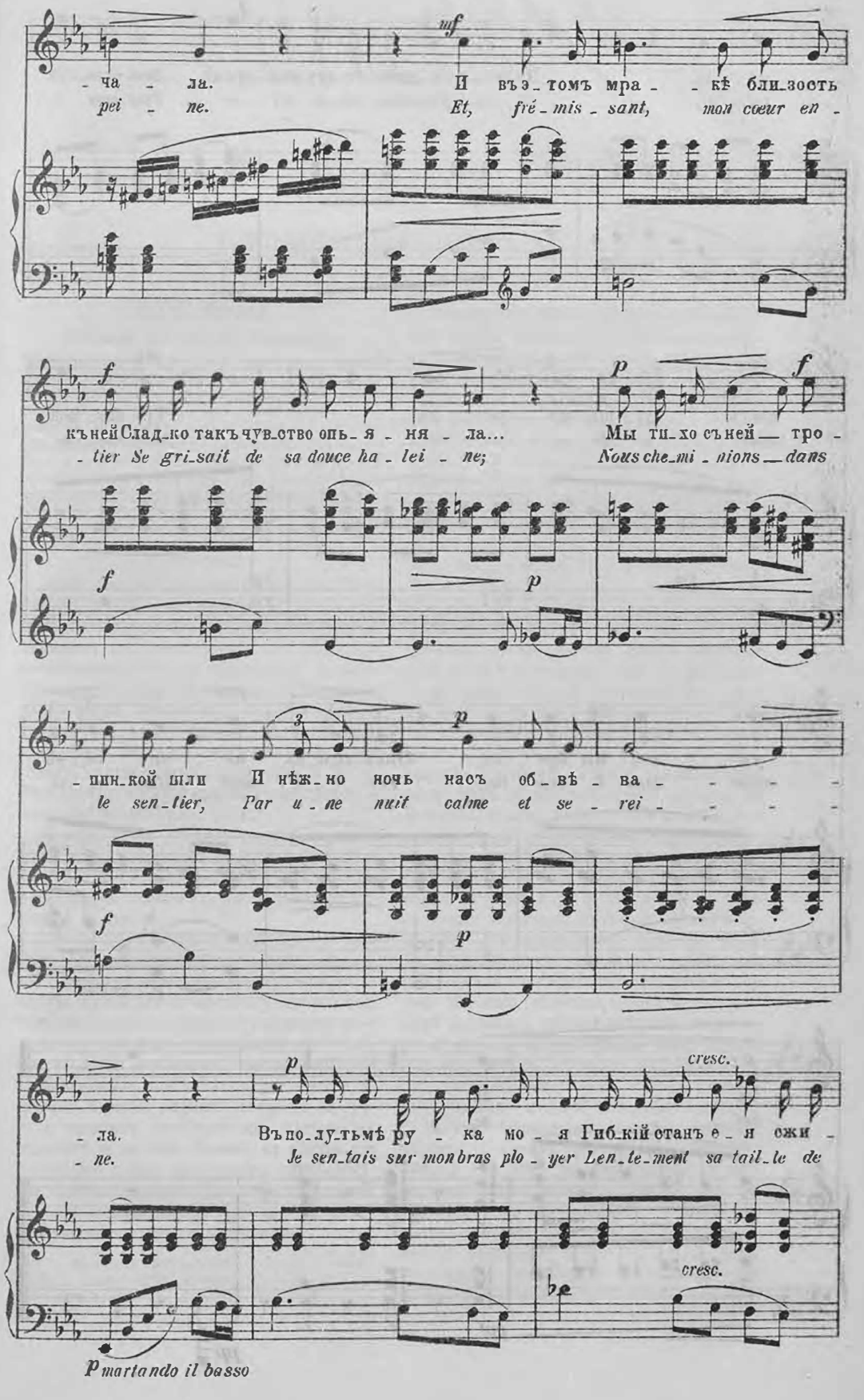
МАЙСКАЯ МЕЛОДІЯ:

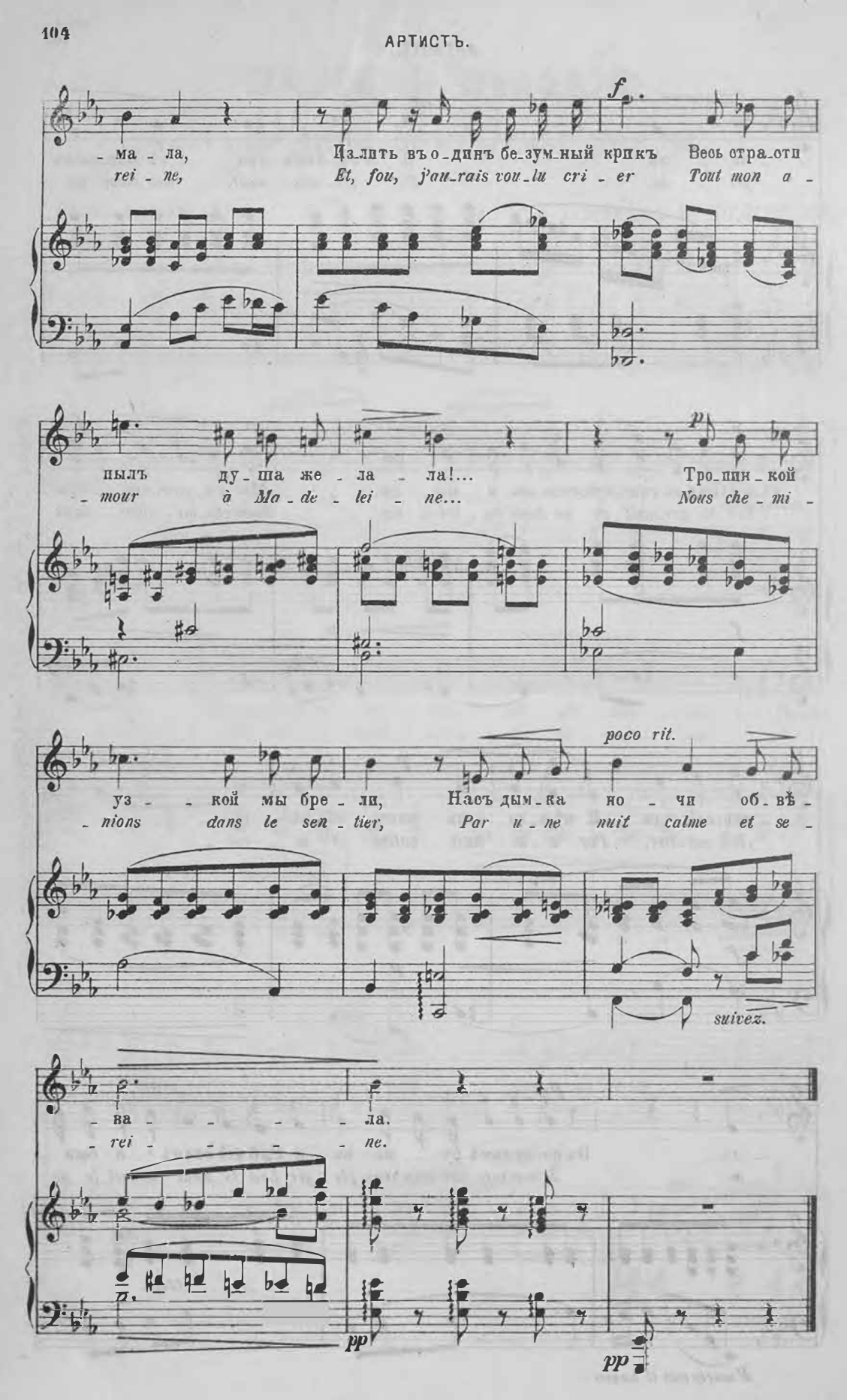
„ТРОПИНКОЙ УЗКОЙ МЫ БРЕЛИ."

Слова Люсьена Дюгэ.
Переводъ Н. Н. Вильде.

Музыка Б. КОЛОМЭРА.




-ча - ла. И въ э-томъ мра - - кѣ бли-зость
pei - ne. Et, fré-mis-sant, mon cœur en -
къ ней Слад-ко такъ чув-ство опь-я - ня - ла... Мы ти-хо съ ней — тро -
-tier Se gri-sait de sa douce ha-lei - ne; Nous che-mi-nions — dans
-пин-кой шли И нѣж-но ночь насъ об-вѣ - ва - - - -
le sen-tier, Par u-ne nuit calme et se - rei - - - -
-ла. Въ по-лу-тьмѣ ру - ка мо - я Гиб-кій станъ е - я сжи -
-ne. Je sen-tais sur mon bras plo - yer Len-te-ment sa tail-le de
P martando il basso


f
- ма - ла, Из-лить въ о-динъ бе-зум-ный крикъ Весь стра-сти
rei - ne, Et, fou, j'au-rais vou-lu cri - er Tout mon a -
пылъ ду-ша же - ла - ла!... Тро-пин-кой
- mour à Ma - de - lei - ne... Nous che - mi -
p
poco rit.
уз - кой мы бре - ли, Насъ дым-ка но - чи об-вѣ -
- nions dans le sen - tier, Par u - ne nuit calme et se -
suivez.
- ва - - - - ла.
- rei - - - - ne.
pp
pp

Гогартъ.

Критико-біографическій этюдъ *).

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Страничка изъ исторіи каррикатуры.

Каррикатура въ обширномъ и тѣсномъ смыслѣ слова. Каррикатурность замысла и исполненія. Отсутствіе каррикатуры у древнихъ народовъ. Каррикатура въ античномъ мірѣ. Анти-языческая миніатюра въ среднихъ вѣкахъ. Нѣмецкая религіозная каррикатура времени реформаціи. Первое собраніе каррикатурныхъ гравюръ. Зачатки политической и соціальной каррикатуры. Французская миніатюра-ребусъ, политическая и скабрезная каррикатура. Изящная каррикатура итальянцевъ. Юмористически-народная каррикатура нидерландцевъ. Полное отсутствіе художественной каррикатуры до Гогарта.

Если понимать каррикатуру въ обширномъ смыслѣ, то подъ этимъ словомъ придется подразумѣвать всякое воспроизведеніе какихъ-нибудь смѣшныхъ или характеристичныхъ чертъ дѣйствительности. Исторія каррикатуры въ широкомъ смыслѣ обнимаетъ каррикатуру въ области сатирической литературы, народной комедіи, скульптуры, даже музыки, въ различныхъ народныхъ обычаяхъ, церковныхъ празднествахъ, «шутовскихъ» обществахъ и т. п. Если такъ, то «исторія каррикатуры» значитъ — «исторія человѣческаго смѣха».

Но если имѣть въ виду границы, полагаемыя самымъ предметомъ, то, очевидно, придется ограничиться бѣглымъ очеркомъ исторіи каррикатуры въ области западно-европейской живописи до Гогарта.

Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что каррикатура предполагаетъ намѣренное извращеніе дѣйствительности или подчеркиваніе какихъ-нибудь отдѣльныхъ ея чертъ; эту намѣренность замысла слѣдуетъ отличать отъ наивности и неумѣлости исполненія. — Неподалеку отъ Гарлема, въ одной деревенской церкви, находится старая картина, представляющая жертвоприношеніе Авраама. Авраамъ собирается застрѣлить огромнымъ кавалерійскимъ пистолетомъ стоящаго на дровахъ Исаака; къ счастію для послѣдняго, ангелъ производитъ осѣчку тѣмъ же способомъ, какимъ Гулливеръ предохраняетъ отъ пожара столицу лиллипутовъ. Однако, разумѣется, это не каррикатура.

*) Главнѣйшіе источники: біографія Kottenkamp'a, комментаріи Lichtenberg'a и исторія шаржа Flögel'я.

Очевидно, каррикатура предполагаетъ извѣстную степень умственнаго и художественно техническаго развитія. — У дикихъ народовъ есть зачатки живописи, но при всей ихъ каррикатурности, въ послѣднихъ не видно сознательной дѣятельности каррикатуриста.

Зачатки европейской живописи, какъ и всей европейской цивилизаціи, слѣдуетъ искать въ Египтѣ. При символическомъ, отвлеченномъ направленіи этого искусства въ странѣ пирамидъ и мумій, неудивительно, что каррикатура, какъ особый родъ живописи, могла зародиться только у болѣе практическаго и жизнерадостнаго народа — именно, у Эллиновъ. — Извѣстія источниковъ отличаются въ данномъ отношеніи большой неполнотой. Плиній увѣряетъ, что каррикатура уже въ древней Элладѣ выработалась въ самостоятельную отрасль живописи. Этому можно повѣрить: поставилъ же Гомеръ въ ряды своихъ полубоговъ полу-звѣря Терсита! — Ктезилохъ, ученикъ, а можетъ быть и братъ Апеллеса (IV в. до Р. Х.), изобразилъ преданіе о рожденіи Вакха въ каррикатурномъ видѣ: Зевсъ въ женскомъ чепцѣ корчится въ женскихъ мукахъ; вокругъ него хлопочутъ богини въ качествѣ акушерокъ. Пиррику приписываютъ созданіе цѣлаго рода живописи, жанра низшаго вида; онъ изображалъ комическія сцены на рынкѣ и т. п. Въ этомъ же родѣ отличался художникъ Антифилъ, жившій между 104—120 олимпіадами, извѣстный своей картиной «Сверчокъ» (по латыни Grillus), давшей названіе всему фантастически-комическому роду живописи (нѣмецкое Grille). Въ Геркуланумѣ сохранился стѣнной рисунокъ, изображающій сверчка, который стоитъ на тріумфальной колесницѣ съ поводьями въ зубахъ и правитъ попугаемъ; можетъ быть, этотъ юмористическій рисунокъ — копія съ «Сверчка» Антифила.

Въ Римѣ каррикатура получила особенное развитіе со времени упадка религіозныхъ вѣрованій. Въ томъ же Геркуланумѣ найдена картина, сюжетъ которой — Эней, выносящій изъ Трои отца своего Анхиза; у обоихъ на плечахъ собачьи головы. Въ Ватиканской библіотекѣ находилась очень любопытная наза, впослѣдствіи отправленная въ Петербургъ, изображавшая посѣщеніе Юпитеромъ Алкме-

ны, матери Геркулеса. Алкмена выглядываетъ изъ окна въ полъ-оборота, въ позѣ недоступной кокетки. Юпитеръ въ бѣлой бородатой маскѣ несетъ лѣствицу, продѣвъ сквозь нее голову и, очевидно, готовится лѣзть въ окно къ своей возлюбленной. Напротивъ него— неуклюжій, толстобрюхій Меркурій въ одеждѣ раба; въ лѣвой рукѣ онъ держитъ опущенный внизъ жезлъ, желая сохранить инкогнито, а

Вильямъ Гогартъ.

правой подымаетъ къ окну лампу, освѣщая путь своему покровителю; онъ изображенъ съ огромнымъ пріапомъ. Авторъ рисунка неизвѣстенъ. Въ неаполитанскомъ музеѣ хранится слѣдующая римская карикатура: Амфиктіонъ хочетъ сжечь на кострѣ Алкмену за ея невѣрность, но никакъ не можетъ, потому что Юпитеръ, спрятавшись съ парой наядъ за тучей, поливаетъ недрами дрова.—Кстати замѣтить, что въ послѣдніе эпохи Римской Имперіи были очень распространены камеи и моветы съ изображеніями непристойнаго содержанія. Франки и другіе германскіе народы украшали въ девятомъ столѣтіи этими остатками классической древности церковныя вещи.

Въ началѣ среднихъ вѣковъ карикатура служитъ средствомъ для осмѣянія языческихъ боговъ и греческихъ философовъ. Развивается комическая миніатюра— частію, какъ самостоятельная иллюстрація текста, частію, какъ украшеніе начальныхъ буквъ и полей; даже по распространеніи книгопечатанія книги продолжаютъ иллюстрироваться такимъ же способомъ. Существуютъ рукописи XIII столѣтія съ миніатюрами, на которыхъ всѣ герои античной миѳологіи представлены въ видѣ звѣрей; въ библіотекѣ города Дуэ есть миніатюра, изображающая обезьяну со скрипкой и подписанная: «Нептунъ»; въ Канской церкви св. Петра, на одной изъ капителей колонны, красуется Аристотель на четверенькахъ, везущій нагую женщину.

Мало по малу средневѣковая каррикатура, не покидая религіозной почвы, направляется на изобличевіе христіанскихъ пороковъ. Въ Фульдской библіотекѣ хранится особенно любопытный манускриптъ эзоповскихъ басней съ рисунками, на которыхъ проповѣдующіе волки фигурируютъ въ монашескихъ рясахъ; котъ въ митрѣ, съ епископскимъ посохомъ въ лапѣ, наставляетъ ихъ на путь истивный. Очень характеристична старая гравюра на деревѣ съ скульптуры Страсбургскаго собора, сдѣланной въ 1298 г. и впослѣдствіи уничтоженной. Гралисица, а кругомъ разсѣлось почтительно стадо гусей, съ четками въ клювахъ; на заднемъ планѣ—кистеръ въ шутовскомъ костюмѣ; вокругъ надпись: «Надурачусь же я вадъ вами досыта!» (Ich will euch wol viel Fabeln sagen, bis ich fülle alln mein Kragen).

Вслѣдъ за духовевствомъ мишенью каррикатурнаго остроумія стали послѣдовательно: евреи (очень распространены гравюры и рельефы, изображающіе ихъ въ видѣ поросятъ вокругъ свиньи) и турки. Вообще время реформаціи—время расцвѣта религіозной и преимущественно нѣмец-

„Гаррикъ въ роли Ричарда III-го.

вюра представляетъ злую сатиру на духовенство. Свинья и козелъ тащатъ на носилкахъ спящую или мертвую лисицу; свинью теребитъ за хвостъ собака; передъ носилками шествуетъ медвѣдь, держащій въ лѣвой лапѣ курильницу, а въ правой—кропилку; за медвѣдемъ выступаетъ волкъ и заяцъ съ горящей свѣчей; процессію замыкаетъ оселъ, читающій мессу по молитвеннику, который держитъ передъ нимъ, надъ своей головою, кошка.— Подобная же каррикатура-басня найдена въ Пфорцгеймской церкви на вышивкѣ подушки 16 вѣка: волкъ въ монашеской рясѣ, но съ гусиной головой, стоитъ на каоедрѣ и читаетъ по книгѣ; подъ каѳедрой притаилась

кой каррикатуры. Конечно, и католическое духовенство не оставалось въ долгу у лютеранъ: въ эту эпоху во Франціи появляются песчетныя каррикатуры на Лютера, вродѣ того, что дьяволъ, дуя черезъ уши и носъ проповѣдника, играетъ на волынкѣ и т. п.

Первое собраніе каррикатуръ относится къ 1494 г. Это — рядъ гравюръ на деревѣ къ «Кораблю дураковъ» (Narrenschiff) Себастіана Брандта, Нюрнбергскаго изданія. Именно это изданіе замѣчательно въ данномъ отношеніи: первое, Базельское изданіе знаменитой сатиры, относящееся къ тому же году, ограничивается рисункомъ въ заголовкѣ, изображающимъ корабль, набитый дураками въ колпакахъ съ бу-

бенчикамн. Вскорѣ явилось и другое собраніе каррикатуръ—именно, при изданіи старинной эпопеи о Рейнеке-Лисѣ, въ Любекѣ, въ 1498 г.

Съ этого времени каррикатурная гравюра на деревѣ почти совершенно вытѣсняетъ каррикатурную миніатюру. Впрочемъ каррикатура продолжаетъ носить религіозную окраску. Такъ, къ сочиненію Ортуина Гроціуса «Lamentationes virorum obscurorum» («Сѣтованія темныхъ людей»; Кельнъ, 1518) приложена гравюра, изображающая приверженцевъ Рейхлина, убитыхъ горемъ и неудачами; черти въ видѣ летучихъ

мышей вручаютъ имъ свѣчи и очки, и мѣхами вдуваютъ въ носъ мысли.

Только съ XVII вѣка каррикатура обращается къ соціальнымъ и политическимъ темамъ, но германская каррикатура уже перестаетъ играть въ это время первенствующую роль. Нѣмецкая религіозная каррикатура, оригинальная по замыслу и тяжеловатая по исполненію, уступаетъ мѣсто болѣе доступной для массы политической и моральной каррикатурѣ, процвѣтающей въ другихъ странахъ. Эпоха тридцатилѣтней войны, тѣмъ не менѣе, изобилуетъ нѣмецкими политическими каррикатурами. Извѣстна гравюра, приложенная къ брошюрѣ: «Очеркъ причудливыхъ и болѣе чѣмъ сатаническихъ козней къ подавленію евангелическаго ученія, 1620 г.» Въ 1622 г. выходитъ фоліантъ съ каррикатурами: «Франкенталь-ское торжество и ликованіе по тому поводу, что испанская Армада въ 1621 г. опять должна была отчалить». — Цвѣтами болѣе невиннаго юмора, осмѣивающаго только нравы, являются каррикатуры при «Чудесной и истинной исторіи Филандера фонъ Зиттевальда» (Страсбургъ, 1650 г.), «Дворяннинѣ» Винклера (Франкфуртъ и Лейпцигъ 1696 г.) и др. Какъ спеціальный сатирикъ нравовъ, нѣмецкій Гогартъ, въ Гер-

маніи въ 18 вѣкѣ появляется Николай Ходовецкій; изъ его рисунковъ извѣствы иллюстраціи къ «Донъ Кихоту» Сервантеса, «Исторіи плохо воспитанной женщины», «Модными глупостями», «Энендѣ» Блумауэра и др.

Во Франціи каррикатура носитъ сначала тотъ же отпечатокъ, что и нѣмецкая. Къ XV вѣку относится весьма своеобразная форма каррикатурнаго ребуса, болѣе художественная, чѣмъ нашъ современный, игрушечный ребусъ. Въ Парижской библіотекѣ хранится до 170 такихъ ребусовъ, составленныхъ на пикардійскомъ нарѣчіи. На одномъ, напримѣръ, изображены шесть дураковъ, сталкивающихся головами; разгадка: ils sont si (six) fols qui se heurtent

(они такъ глупы, что ссорятся). На другомъ нарисованъ дьяволъ, къ спинѣ котораго дуракъ привязываетъ парусъ; внизу два дурака поменьше; разгадка: «au diable voit (вмѣсто va) le (вмѣсто la) follie et les fols (къ чорту глупость и глупцовъ!) На третьемъ — монахиня (Nonne) и аббатъ (Abbé); монахиня бьетъ (bat) аббата по (au) педагогическимъ частямъ (cul); внизу кость (os); слѣдуетъ читать: non habebat oculos (за слѣпоту!) —Въ этихъ миніатюрахъ-ребусахъ видно несомнѣнное вліяніе реформаціонныхъ идей и стремленій. — Вообще

слѣдствіи, во времена великой революціи. Народженію ея способствовала фронда (1648 г.), преслѣдовавшая такого рода «фрондерствомъ» кардинала Мазарини. — Въ концѣ XVI и началѣ XVII вв. развивается родъ карикатуры, соотвѣтствующій страстности національнаго темперамента: скабрезный. Изданіе сатирической эпопеи Рабле «Les songes drôlatiques de Pantagruel» («Потѣшные сны Пантагрюэля»), 1586 г., вѣроятно, для отвода глазъ отъ политическихъ тенденцій книги, было снабжено цѣлымъ рядомъ картинокъ весьма соблазнитель-

религіозная борьба выразилась во французскихъ карикатурахъ съ особенною страстностью, несмотря на категорическое veto, положенное на весь этотъ родъ искусства рѣшеніемъ парламента отъ 15 января 1561 г. Карикатура вошла въ моду, циркулировала при дворѣ; ее подбрасывали къ покои самаго короля. Большимъ почетомъ пользовалось собраніе карикатуръ Беза (Beza) на папство, — фоліантъ 1567 г. подъ заглавіемъ: «Mappemonde papistique» (папская ландкарта).

Ранѣе, чѣмъ въ Германіи, здѣсь зарождается политическая карикатура, ѣдкая, злобная, которая развивается съ поразительною быстротою. чтобы достичь полнаго расцвѣта впо-

наго характера. Говорятъ, успѣхъ именно этого изданія придалъ карикатурѣ знаменитаго Жака Калло извѣстный пикантный оттѣнокъ. Этотъ карикатуристъ создалъ впервые самостоятельный стиль карикатуры: его фигуры съ длинными косами, тощими ногами и горбами установили извѣстную традицію въ искусствѣ. Его «Два искушенія святого Антонія» по безцеремонности и силѣ юмора сравнимы развѣ лишь съ нидерландскими картинами «адскаго» Брейгеля (Höllen-Breughel). Новое направленіе карикатуры нашло бездну представителей и поклонниковъ.

Родиной язвящей карикатуры, наиболѣе непослѣдовательнаго рода искусства, слѣдуетъ

считать Италію. Тамъ не было карикатуристовъ-спеціалистовъ, но великіе художники посвящали нѣкоторое время карикатурѣ. Леонардо да Винчи (род. 1444, ум. 1519) оставилъ послѣ себя до двухсотъ карикатуръ. Онъ никогда не разставался съ альбомомъ, въ который заносилъ всякое лицо, представлявшее какую-нибудь смѣшную неправильность въ строеніи лба, носа, рта и подбородка. Склонность къ карикатурѣ замѣчается даже у серьезнаго, чтобы не сказать суроваго, Микель-Анжело Буонаротти (1474—1563), на такой мрачной картинѣ, каковъ „Страшный Судъ". Судьѣ Миносу, обвитому змѣемъ—фигурѣ заимствованной изъ поэмы Данта,— художникъ придалъ лицо папскаго церемоніймейстера, который бранилъ картину за наготу тѣлъ; оттого у Миноса уши длиннѣе, чѣмъ у всѣхъ остальныхъ чертей, а положеніе головы змѣя на тѣлѣ до нельзя комично. Болѣе невиннымъ характеромъ отличаются карикатуры Рафаэля (1483—1520), нарисовавшаго, между прочимъ, пародію на группу Лаокоона, на которой, вмѣсто людей, фигурируютъ обезьяны. Вообще итальянская карикатура временъ „возрожденія" и даже XVII вѣка рѣдко выходитъ за границы изящества. Часто встрѣчаются коллекціи животныхъ или плодовъ съ чертами людскихъ физіономій (Джанбаттиста Порта, De humane physionomia, 1586; Джованни Батиста Брацце, 1635). Повидимому, карикатура не по сердцу наивному и артистическому темпераменту народа, довольно щепетильнаго въ отношеніи внѣшняго безобразія.

Зато нидерландцы выказали весьма рано особенныя способности къ карикатурѣ. Въ XV вѣкѣ появляется тамъ Іеронимъ Босъ или Бушъ, живописецъ и граверъ, создавшій цѣлый рядъ произведеній въ жанрѣ Калло, между прочимъ также одно „Искушеніе святого Антонія". Типично его „Бѣгство въ Египетъ"; Іосифъ разспрашиваетъ о дорогѣ встрѣчнаго мужика; вдали кабакъ, около котораго, въ толпѣ, показываютъ ручного льва. Гравюра его же „На всѣ четыре стороны" (Aux quatre vents) также небезъинтересна: передъ палаткою сидитъ, въ видѣ насѣдки надъ лукошкомъ, старая баба, увѣнчанная лаврами; налѣво дураки кормятъ и поятъ выводокъ цыплятъ; направо старикъ въ колпакѣ съ погремушками приплясываетъ и бьетъ въ бубенъ—словомъ, здѣсь затронута тема, напоминающая нѣмецкіе „дурацкіе корабли". Здоровый народный юморъ бьетъ ключемъ и въ послѣдующихъ представителяхъ фламандской школы. Петръ Брейгель старшій (1510—1570) оставилъ нѣсколько карикатурныхъ гравюръ, посвященныхъ народной жизни и сценамъ на рынкѣ, общественныхъ праздествахъ и т. п. Сынъ его, также Петръ Брейгель (1569—1625) является уже представителемъ фантастической карикатуры; за любовь его къ изображенію ада, онъ прозванъ „адскимъ" Брейгелемъ. Нидерландцамъ не была чужда и политическая карикатура, но и она носитъ у нихъ своеобразный характеръ: такъ Теодоръ де Бри (XVI в.) нарисовалъ довольно изящный портретъ герцога Альбы, окруживъ его непристойными, хотя и веселыми карикатурами, не имѣющими къ герцогу ни малѣйшаго отношенія. Политическая карикатура въ Голландіи находитъ самостоятельнаго представителя въ лицѣ де Гоге (de Hooge), издавшаго въ Гагѣ, въ 1708 г. Эзоповскія басни въ рядѣ карикатуръ, направленныхъ противъ Франціи. Несомнѣнно, что многія картины фламандскихъ жанристовъ, никогда спеціально карикатурѣ себя не посвящавшихъ—Остаде, Теньера, Броуэра и др.—съ фигурами пьяныхъ мужиковъ, рыночныхъ торговокъ, шулеровъ и т. п. носятъ довольно ясно выраженный карикатурный характеръ.

Изъ этого краткаго обзора видно, что въ главнѣйшихъ государствахъ западной Европы, къ первой половинѣ XVIII в., карикатура получила довольно значительное развитіе. Только въ Англіи карикатура не имѣла самостоятельной исторіи и можно съ увѣренностію сказать, что Гогартъ непосредственныхъ предшественниковъ не имѣетъ.

И однако именно Гогарту удалось соединить въ своей карикатурѣ нѣмецкую прямоту и основательность мысли съ ѣдкостью и легкостью французской ироніи, правдоподобіе карикатуры итальянской примирить съ простонароднымъ здоровымъ юморомъ, свойственнымъ нидерландской карикатурѣ, — словомъ, создать карикатуру художественную.

Такимъ образомъ эта внезапность появленія Гогарта становится въ особенности знаменательной: можно сказать съ нѣкоторымъ правомъ, что его выработало все человѣчество.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Годы юности и борьбы за существованіе.

(1698—1733 гг.)

Дѣтство Гогарта. Проявленіе таланта при занятіи ремесломъ. Непопулярность живописи въ Англіи во время Гогарта. Борьба за существованіе и гравированіе иллюстрацій. Первыя карикатуры. Попытки въ области портрета и исторической живописи. Женитьба Гогарта. Гогартъ сознаетъ, наконецъ, истинное свое призваніе. „Ярмарка въ Сотваркѣ" и успѣхъ сценъ „Жизнь блудницы".

Предки Вилліама Гогарта—Вестморландскіе крестьяне. Отцомъ его былъ школьный учитель, который переселился въ Лондонъ, открылъ тамъ начальную школу и занималъ должность кор-

ректора при газетѣ. Гогартъ родился въ Лондонѣ въ 1698, а можетъ быть, въ 1697 году—въ точности неизвѣстно.

Средства отца настолько были ограничены, что о правильномъ воспитаніи сына не могло быть и рѣчи. Мальчику не удалось насладиться даже дѣтствомъ городскаго пролетарія, проведеннымъ на заднемъ дворѣ или на туманной улицѣ: его рано отдали въ ученье золотыхъ дѣлъ мастеру. Здѣсь его выучили самымъ необходимымъ пріемамъ рисованія и гравированія и засадили копировать гербы.

и живопись: онъ знакомится съ малярами и старается самоучкой добиться усвоенія всѣхъ техническихъ пріемовъ во владѣніи кистью и красками. Такъ проходитъ нѣсколько лѣтъ въ занятіяхъ нелюбимымъ ремесломъ и завѣтнымъ искусствомъ, въ тягостномъ напряженіи энергіи на постылый трудъ и въ напрасной тратѣ силъ на творческое возсозданіе того, что уже выработалось рутиною цѣлаго ряда поколѣній. Какъ бы то ни было, настойчивый и страстный юноша кидаетъ, наконецъ, ремесло и съ двадцати двухъ лѣтъ посвящаетъ себя живописи и гравированію.

Мальчикъ вскорѣ пристрастился къ карандашу. Съ чисто англійской силой воли онъ старается урвать всякую минутку отъ часовъ отдыха, чтобы заняться рисованіемъ.—Разсказываютъ, что зайдя какъ-то со своими товарищами-подмастерьями въ пивную, Гогартъ очень заинтересовался живописнымъ зрѣлищемъ пьяной драки и въ моментъ, когда одному изъ посѣтителей раскровянили физіономію, набросалъ на листкѣ бумаги всю сцену съ дѣйствующими лицами и зрителями; рисунокъ былъ сдѣланъ въ той юмористически-каррикатурной манерѣ, въ которой художникъ впослѣдствіи достигъ неподражаемаго мастерства.

Мало по малу юный Гогартъ сталъ изучать

Гогартъ не могъ бы избрать искусства, менѣе популярнаго на его родинѣ. Нація, создавшая Шекспира и Мильтона, не произвела до Гогарта не только что геніальнаго, но и талантливаго національнаго живописца,—какъ будто въ чувствѣ красоты внѣшней формы ей было отказано самою судьбою. Эпоха возрожденія обогатила и возродила своими идеями національную поэзію, но она могла возбудить лишь поверхностный интересъ къ изобразительнымъ искусствамъ. Генрихъ VIII держалъ при дворѣ, для большаго блеска, живописца; Карлъ I даже раззорялъ свое государство покупкою заграничныхъ картинныхъ галлерей и ускорялъ свой безвременный конецъ, возбуждая ненависть пуританъ,

видѣвшихъ въ итальянскихъ картинахъ идоловъ; послѣдующіе короли реставраціи считали уже своимъ долгомъ имѣть придворнаго живописца (sergeant painter)—какую нибудь безнадежную, но доморощенную бездарность; но, не взирая на все это, національная живопись даже не зарождалась.

У молодого художника не было ни знакомствъ, ни рекомендацій, такъ что онъ не могъ приняться даже за портретное, наиболѣе доходное, мастерство. Ему приходилось малевать гербы или разрисовывать, по тогдашней модѣ, игральныя карты.—Черезъ нѣкоторое время емуудалось достать работу у книгопродавца, и Гогартъ сталъ изготовлять гравюры къ различнымъ сочиненіямъ. Такимъ образомъ онъ иллюстрировалъ переводнаго Апулея, «Путешествіе по Турціи» Обри де ля Мотрэ, переводъ «Кассандры», сочиневіе о военной дисциплинѣ у древнихъ, поэмы Мильтона и «Гудибраса» Бутлера,—слономъ, не отказывался ни отъ какой работы. Матеріальное положеніе его было очень незавидно; онъ самъ разсказывалъ впослѣдствіи: «Я бѣгалъ тогда по улицамъ, совершенно убитый, безъ гроша въ карманѣ. Когда я получалъ десять гиней за доску, я летѣлъ домой, нацѣплялъ шпагу и шелъ гулять съ видомъ человѣка, у котораго въ карманѣ десять тысячъ фунтовъ стерлинговъ».

Нельзя сказать, чтобы первыя работы гравера были удачны. Даже современникамъ кидались въ глаза анахронизмы: въ сочиненіи о римскомъ войскѣ фигурировали солдаты съ барабанами и мушкетами, боги Апулея щеголяли въ кафтанахъ и парикахъ и т. п. Художникъ самъ радовался впослѣдствіи, что его первые опыты забыты, раздѣляя, очевидно, мнѣніе, высказанное Верди: «Первыя сочиненія и первыхъ котятъ надо топить». Лучшими изъ этихъ первыхъ гравюръ были иллюстраціи къ «Гудибрасу»,—по крайней мѣрѣ, впослѣдствіи Гогартъ высказывалъ сожалѣніе, что у него нѣтъ досокъ отъ нихъ. Вѣроятно, недостатокъ образованія сильно вредилъ художнику и тормазилъ развитіе его природнаго дарованія.

Впрочемъ, уже въ это время Гогартъ пробуетъ создать нѣчто въ болѣе свойственной ему сферѣ дѣятельности,—въ области каррикатуры. Обманъ публики акціонернымъ обществомъ южно-океанской торговли побудилъ Гогарта выпустить сатирическую гравюру. Послѣдняя осталась незамѣчевной, можетъ быть, вслѣдствіе слишкомъ сухой, аллегорической обработки сюжета (чортъ рубитъ Фортуну на куски; акціоперы разъѣзжаютъ на палочкахъ; кого-то колесуютъ и т. п.). Даже каррикатура несравненно высшаго достоинства, осмѣивавшая знаменитаго въ то время поэта Попа и его мецената, не обратила на себя вниманія.

Послѣ цѣлаго ряда лѣтъ самой ярой борьбы за существованіе, Гогарту удалось, наконецъ, приняться за живопись—конечно, портретную. Онъ избралъ спеціальностью небольшія семейныя группы въ 12—15 дюймовъ. Новизна мысли и тщательность исполненія доставили ему нѣкоторый кругъ заказчиковъ. Къ несчастію для кармана художника и къ счастію для его таланта, избранная имъ карьера не могла быть практична, въ виду наклонности его къ шуткѣ и сатирѣ. Портретиста стали избѣгать послѣ слѣдующаго происшествія.

Одинъ пэръ, очень дурной собою, заказалъ Гогарту портретъ; Гогартъ съ наслажденіемъ выписалъ все его безобразіе. Пэръ пришелъ въ бѣшенство и отказался платить за работу. Тогда Гогартъ послалъ ему письмо, очень характеристичное для этой сильной и грубоватой натуры. „Если благородный лордъ не выкупитъ своего портрета въ теченіе трехъ дней,—писалъ Гогартъ,—то художникъ пришлетъ къ изображенному имъ благородному лорду хвостъ и сбудетъ картину содержателю звѣринца вмѣсто вывѣски".

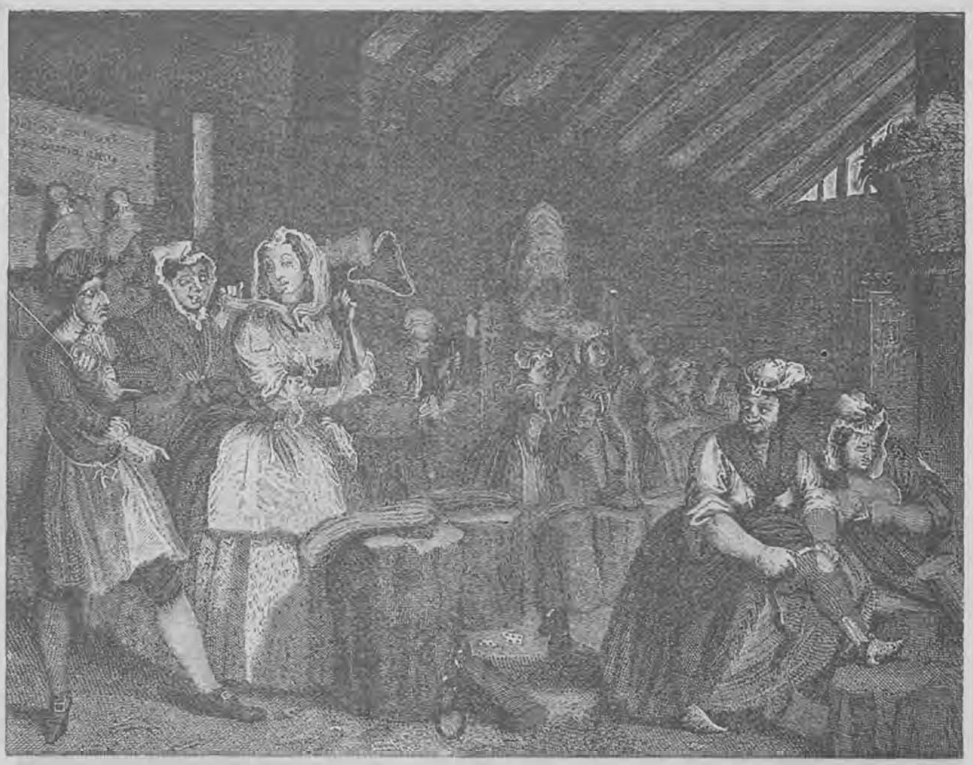
Неудивительно, что въ скоромъ времени Гогартъ принялся за другой родъ искусства — историческую живопись. Имъ была написана, между прочимъ, картина, представляющая Генриха VIII въ моментъ, когда онъ ухаживаетъ за Анной Болейнъ, вызывая гнѣвъ королевы. Такъ какъ грація, величіе и красота никогда не находили поэтическаго отголоска въ первобытной и отчасти матеріалистической организаціи Гогарта, то неудивительно, что въ этомъ родѣ живописи художникъ могъ создавать только посредственныя произведенія. Въ серьезныхъ картинахъ онъ производитъ впечатлѣніе смѣшливаго человѣка, который тщетно старается удержать на своемъ лицѣ сосредоточенное выраженіе. Такъ въ картинѣ „Овечья купель", написанной въ 1730 году, на библейскій сюжетъ, между „чающими движенія воды" появляется современная художнику знаменитая развратница, а также жирная, покрытая нарывами знатная барыня со слугою, который пролагаетъ ей дорогу къ источнику кулаками.

Гогарту было уже тридцать два года, но несмотря на неномѣрную затрату трудовъ и усвлій, онъ все-таки не могъ выбиться на настоящую дорогу, сознать свое призванье. Ему помогла сама жизнь.

При королевѣ Аннѣ и королѣ Георгѣ I „придворнымъ живописцемъ" состоялъ нѣкто Джонъ Торнгиль. Это былъ бездушный педантъ, о бездарности котораго свидѣтельствуютъ рисунки миеологически-аллегорическаго содержанія, которыми онъ покрылъ куполъ Гринвичскаго морского госпиталя, а также копіи съ картоновъ Рафаэля, мертвыя, маскообразныя. Гогартъ рисовалъ ему фигуру сатира на одномъ

изъ миѳологическихъ плафоновъ, познакомился съ его дочерью, влюбился въ нее и добился ея взаимности.

Но Гогартъ былъ простолюдинъ и бѣднякъ, а сэръ Джонъ Торнгиль, въ качествѣ дворянина (knight), занималъ извѣстное положеніе въ обществѣ, благодаря-же привилегіи рисовать дворцы и т. п., обладалъ порядочнымъ состояніемъ. Гогарту оставалось уговорить его дочь на побѣгъ и повѣнчаться съ нею тайкомъ. Отецъ порвалъ съ молодыми всякія сношенія. Гогарту пришлось напрячь всю свою



изобрѣтательность для борьбы за существованіе, ставшей отнынѣ еще болѣе безпощадной.

Вѣрный инстинктъ вывелъ на этотъ разъ художника на вѣрную дорогу: онъ принялся за карикатурную гравюру.

Прежде всего, въ 1733 г., Гогартъ издалъ „Ярмарку въ Соутваркѣ“ (Southwark-fair). Гогартъ изобразилъ знакомыя лондонцамъ сцены въ простонародномъ кварталѣ: тутъ и народный шутъ Панчъ (Punch) *), и уличные актеры, подъ которыми въ „Осадѣ Бялзета“ проваливается полъ, и канатные плясуны, и хорошенькая барабанщица въ качествѣ приманки въ балаганѣ (говорятъ, за грубое обхожденіе съ оригиналомъ этой барабанщицы, Гогартъ отстегалъ ея антрепренера хлыстомъ), и шарлатанъ съ уличной аптекой, и савояръ съ волынкой, и неизбѣжная при всякомъ большомъ сборищѣ, кулачная потасовка.

Этотъ листъ не былъ оцѣненъ по достоинству: для аристократіи, единственной, по тогдашнему времени, цѣнительницы искусства, сюжетъ былъ слишкомъ неожиданъ и грубъ. Но въ томъ-же 1733 г. граверъ выпустилъ рядъ листовъ, возбудившихъ сразу всеобщее вниманіе. То была „Жизнь блудницы“, одно изъ тѣхъ рѣдкихъ, геніальныхъ произведеній, которыя разъ навсегда обезпечиваютъ успѣхъ ихъ творцамъ и указываютъ ихъ истинныя границы ихъ индивидуальности и таланта.

1733 годъ имѣетъ громадное значеніе для всей послѣдующей жизни и дѣятельности Гогарта: послѣ многолѣтнихъ скитаній по дебрямъ и пустынямъ безплоднаго творчества, художникъ вступилъ, наконецъ, въ свою землю обѣтованную.

*) Байронъ каламбуритъ, называя Англію страной, „гдѣ пунчъ—о подвигъ!—чорта убиваетъ!“ (where Punch—hard duty!—kills the devil).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Гогартъ-юмористъ.

(1733—1745 гг.).

Содержаніе сценъ „Жизнь блудницы". Еще объ усовѣ ихъ. Литературныя и театральныя знакомства Гогарта. Необщительность художника. Дальнѣйшая его дѣятельность: „Полночная пирушка", „Жизнь распутника", какъ pendant къ „Жизни блудницы", „Спящій приходъ", „Злополучный поэтъ", „Медицинское совѣщаніе", „Академическая лекція о пустомъ пространствѣ", „Бродячія актрисы"; „Четыре поры дня", „Взбѣшенный музыкантъ", „Вкусъ въ большомъ свѣтѣ", „Характеры и каррикатуры". Итоги этого періода жизни Гогарта.

«Жизнь» или, буквально, «прогрессъ блудницы» (the harlot's progress) обработана Гогартомъ въ драматической формѣ; каждый рисунокъ посвященъ отдѣльному моменту. Это какъ бы иллюстрированная литература, а не живопись; поэтому уже одинъ пересказъ сюжетовъ гравюръ можетъ дать нѣкоторое понятіе о замыслахъ художника.

Первый листъ. — У воротъ лондонской гостинницы низшаго разряда остановились верховая кляча и дилижансъ. Съ клячи собирается слѣзать жалкое существо — нѣчто вродѣ дьякона, помощника деревенскаго пастора (curate); изъ дилижанса вышла здоровая и хорошенькая деревенская красотка, его дочка. На порогѣ гостинницы стоитъ франтъ, довольно поношеннаго вида, встрѣчающій дилижансъ изъ Іоркшэра, извѣстнаго своими красотками. Съ франтомъ, на всякій случай, посредница, которая магнетизируетъ дѣвушку своей болтовней.—Уже на этой гравюрѣ Гогартъ помѣщаетъ точные портреты современныхъ ему лицъ — пріемъ, характеризующій его личность и творчество. Въ лицѣ франта художникъ изобразилъ знаменитаго въ то время ловеласа, полковника Чартерса — того самаго, на смерть котораго д-ръ Арбэтнотъ написалъ пасквильную, но къ сожалѣнію, справедливую эпитафію:

«Здѣсь покоится
уже при жизни начавшій гнить
Франциск Чартерсъ»... и т. д.
«Овъ былъ единственный человѣкъ въ своемъ родѣ, ибо былъ величайшій мерзавецъ
съ сотворенія міра»... и т. п.

Сцена вторая.—Дѣйствіе развивается быстро. Деревенская красавица уже не у Чартерса, а у еврея, повидимому, ростовщика; ея карманный другъ пожаловалъ въ то время, когда

отъ Молли *) еще не вышелъ ея сердечный другъ. Находчивая дѣвица опрокидываетъ столъ съ серебряной посудой, а горничная, подъ шумокъ, выводитъ виновника всей суматохи.

Третій листъ.—Обстановка лучше всего выясняетъ общественное положеніе героини: чердакъ съ претензіями на убранство, яркія тряпки и т. п. Надъ кроватью виситъ «парикъ Джемса Дальтона»—уличнаго вора, повѣшеннаго незадолго до изданія гравюры. На стѣнѣ виситъ портретъ подобнаго же мошенника, Сэчревеля, съ юмористической подписью: „профессоръ богословія". — Очевидно, часы въ рукахъ сонной, только что продравшей глаза Молли — чужая собственность. Понятно появленіе въ дверяхъ, извѣстнаго всѣмъ лондонцамъ во время Гогарта, сановитаго сэра Джопа Гонсона, врачебнаго инспектора и начальника сыскной полиціи.

Четвертый листъ.—Молли падаетъ все стремительнѣе—какъ камень, чѣмъ онъ ближе къ землѣ. Она въ рабочемъ домѣ, выбиваетъ пеньку. Отъ болѣзней и нищеты она такъ ослабѣла, что держится на ногахъ только изъ боязни плетки надсмотрщика. На заднемъ планѣ—рисунокъ мѣломъ на ставнѣ: повѣшенный качается на висѣлицѣ; надъ нимъ буквы: S. J. G.—Sir John Gonson, т.-е. сэръ Джонъ Гонсонъ. Осмѣялъ-ли начальство какой-нибудь мошенникъ, или самъ Гогартъ взглянулъ на Гонсона, какъ на „сусальную" добродѣтель—пензвѣстно.—Замѣчательно, что воображенный здѣсь надсмотрщикъ послужилъ романисту Фильдингу прототипомъ для магистра Тваkума, учителя закона Божія при героѣ романа „Томъ Джонсъ".

Пятый листъ. — Молли умерла въ грязной конурѣ, среди развѣшанныхъ на просушку тряпокъ и т. п. У камина пріютилось искалѣченное существо — ея ребенокъ, вѣроятно, сынъ Чартерса. Хозяйка лачуги старается забрать мало-мальски годный хламъ въ уплату квартирнаго долга. Посреди комнаты переругиваются между собою медики, несогласные въ методахъ лѣченія,— опять портреты современныхъ Гогарту уродовъ.—Про перваго, нѣмца, извѣстно, что онъ началъ профессіей балаганнаго арлекина и кончилъ впсѣлицей. Второй, французъ, по имени Мизопенъ (Misaupin), посилъ

*) Гогартъ пользуется всякимъ случаемъ, чтобы ознакомить зрителя съ именами его дѣйствующихъ лицъ, помощью адресовъ на письмахъ, надписей на коробкахъ и т. п.

кличку Майсъ-опева (Mice-Aupen) Крысы-Опена, такъ какъ въ свободные отъ практики часы онъ занимался отравленіемъ крысъ.

Шестой листъ производитъ впечатлѣніе фарса послѣ комедіи.—Карикатура изображаетъ сцену у гроба Молли. Похоронный подрядчикъ (undertaker) заправляетъ всей церемоніей; онъ затягиваетъ перчатку одной изъ подругъ покойной. Подруги по профессіи окружаютъ со всѣхъ сторонъ гробъ; одна изъ нихъ образуетъ съ пасторомъ—опять портретъ развратнаго духовнаго лица, современнаго художнику—группу, не вызывающую на грустныя мысли. Глумленіемъ звучитъ также и надпись на гробѣ: „Молли Потаскуха; умерла 3 сентября 1731 года, 23 лѣтъ". Нѣсколько ослабляетъ грубость вровни фигура сына покойной, беззаботно вертящаго кубарь, и другая—цвѣтущей дѣвушки, которая читаетъ на лицѣ покойной урокъ морали.

Таково содержаніе перваго великаго произведенія Гогарта. Легко вообразить себѣ впечатлѣніе гравюръ, сдѣланныхъ Гогартомъ по этимъ картинамъ. Живопись, впавшая въ безсодержательный идеализмъ, несимпатичный духу націи, ставшая забавой высшихъ классовъ, обратилась внезапно къ жизни,—какъ будто въ запертой, затхлой комнатѣ открылись вдругъ ставни и ворвался свѣтъ теплаго, солнечнаго дня. Естественность и простота сюжета, понятнаго всѣмъ классамъ городскаго населенія, типичность лицъ, сила и правильность рисунка—все это, при впечатлѣніи новизны и неожиданности, ошеломляло!

Къ счастію для художника, портретъ сэра Джона Гонсона возымѣлъ особенный успѣхъ: одинъ изъ лордовъ привезъ гравюру въ засѣданіе государственнаго совѣта и заинтересовалъ ею всѣхъ своихъ товарищей. Гогартъ сразу вошелъ въ моду въ свѣтскихъ кругахъ. Современная печать отозвалась очень тепло о новомъ геніи и разнесла его славу по самымъ глухимъ закоулкамъ Англіи. «Жизнь блудницы» стала такъ популярна, что появились комедіи на Гогартовскія темы, дававшія огромные сборы. Модные вѣера, зонтики, табакерки и т. п. украшались миніатюрами на тотъ же сюжетъ. Словомъ, Гогартъ самъ никакъ не могъ бы ожидать подобнаго тріумфа; по словамъ одного изъ друзей художника, «разомъ взвился зававѣсъ — и геній предсталъ во всемъ блескѣ».

Только сэръ Джонъ Торнгиль отнесся къ славѣ новой знаменитости съ ядовитостью, достойной академика, принужденнаго подать въ отставку (если не въ буквальномъ, то въ переносномъ смыслѣ слова): «художникъ съ такимъ талантомъ не нуждается въ живописномъ придаткѣ». Впрочемъ, незадолго до своей смерти, старый джентльменъ помирился съ Гогартомъ.

Всѣ дальнѣйшія произведенія Гогарта только поддерживали и укрѣпляли любовь націи къ его творчеству; ничто уже не оставалось теперь незамѣченнымъ. Съ какою поспѣшностью приходилось новой разъ Гогарту заготовлять оттиски, видно изъ того, что типографія его работала какъ-то восемь дней кряду, печатая портретъ Лорда Ловатта (обвиненнаго въ государственной измѣнѣ, послѣ заговора 1745 г.) Газеты кишѣли комментаріями къ каждой новой его гравюрѣ. Гогартъ сталъ желаннымъ гостемъ у великихъ людей того времени.

Онъ познакомился и подружился съ тогдашними литературными и театральными звѣздами. Съ романистомъ Фильдингомъ (авторомъ «Тома Джонса») онъ состоялъ въ самыхъ тѣсныхъ отношеніяхъ,—между прочимъ, нарисовалъ его портретъ. Эта дружба имѣетъ и крупное литературное значеніе въ виду сходства характеровъ обоихъ художниковъ; Фильдингъ неоднократно указывалъ на сходство своихъ героевъ съ Гогартовскими типами.—Гаррикъ былъ пріятелемъ художника, хотя ихъ чуть не поссорила та смѣшливость, которую проявлялъ юмористъ при самыхъ серьезныхъ своихъ намѣреніяхъ. Великій актеръ пописывалъ стихи, которымъ придавалъ особенное значеніе. Гогартъ изобразилъ его на картинѣ масляными красками съ прекраснымъ, поэтическимъ настроеніемъ на лицѣ; художникъ однако никакъ не могъ удержаться, чтобы не нарисовать за креслами жену Гаррика, которая съ насмѣшливымъ и кроткимъ видомъ вынимаетъ изъ рукъ своего супруга перо.—Критикъ Джонсонъ и романистъ Гольдсмитъ (авторъ «Векфильдскаго священника») были также хорошо знакомы Гогарту. Даже такой щекотливый на знакомства и формы общежитія аристократъ, какъ Горацій Вальполь (извѣстный своими попытками историческаго романа, а главное—политическими письмами и мемуарами), въ отношеніи къ Гогарту измѣнялъ своимъ принципамъ.

Гогартъ, дѣйствительно, могъ отталкивать рѣзкостью своей натуры людей щепетильныхъ. Какъ человѣкъ изъ низшаго класса, выдержавшій слишкомъ суровую школу жизни, Гогартъ былъ склоненъ къ излишней самоувѣренности и связанной съ нею замкнутости. До конца своей жизни онъ оставался сильнымъ и честнымъ простолюдиномъ, безукоризненно точнымъ въ деловыхъ и строго-нравственнымъ въ личныхъ отношеніяхъ, но съ вѣчнымъ юмористически-грубоватымъ настроеніемъ, переходившимъ границы, выработанныя общежитіемъ. Недостатокъ образованія способствовалъ также укорененію въ немъ необщительныхъ предразсудковъ, сословныхъ, національныхъ и т. п. (онъ не терпѣлъ офицеровъ, французовъ, шотландцевъ). Словомъ, Гогартъ выдѣлялся своей физической и нравственной угловатостью въ

средѣ такихъ джентльмэновъ, каковы были Гаррикъ и литераторы. Онъ походилъ на машину съ огромнымъ запасомъ паровъ, но безъ регулятора давленія и манометра. Въ искуствѣ ему ставила границы форма, но въ жизни онъ не всегда ставилъ себѣ границы добровольно.

Такъ, если Гогартъ, будучи въ обществѣ, замѣчалъ какое нибудь смѣшное лицо, онъ безъ церемоніи заносилъ его на бумагу и рисовалъ каррикатуру публично; ему случалось, за неимѣніемъ подъ рукой бумаги, набрасывать каррикатуру на своихъ ногтяхъ.—Какъ самоучка, добившійся своей цѣли, онъ не прочь былъ смотрѣть свысока на людей, только ставящихъ себѣ цѣль; онъ горько упрекалъ «историческаго» живописца Рейнольдса за то, что тотъ не идетъ по пути, проложенному имъ, Гогартомъ, и неоднократно выказывалъ свое презрѣніе къ «учености», какъ онъ называлъ изученіе историческихъ образцовъ живописи. Характеръ художника сильно портила лесть, на которую онъ былъ падокъ; Гогартъ почти не выносилъ никакихъ противорѣчій отъ кого-бы то ни было. — Впрочемъ всѣ близкіе друзья легко прощали эти слабости художнику; его рѣзкости съ избыткомъ выкупались его чистодѣтскими веселыми выходками; существуетъ пригласительная карта на пирогъ, посланная Гогартомъ одному изъ его друзей съ изображеніемъ пирога, увѣнчаннаго епископской митрой и греческими буквами eta, beta, pi (eat a bit of pie—скушайте кусокъ пирога!)

Съ тридцатыхъ годовъ жизнь Гогарта не ознаменовывается никакими внѣшними происшествіями. «Его біографія—въ его произведеніяхъ», справедливо замѣчаетъ Горацій Вальполь. Каждый годъ Гогартъ выпускаетъ по мастерскому произведенію, подчиняясь той же органической потребности, по которой здоровое, сильное дерево ежегодно цвѣтетъ и приноситъ плоды.

Послѣ «Жизни блудницы» въ 1734 г. появляется «Полночная модная пирушка» (A midnight modern conversation). Тутъ мы встрѣчаемъ всѣ классы порядочнаго общества: пасторъ, сохраняющій и въ моментъ опьяненія приличествующее его сану величіе (портретъ), рыдающій чиновникъ, который очевидно, запиваетъ отъ „несправедливости“, безшабашный адвокатъ съ парикомъ набекрень, врачъ, поливающій водкой голову пьянаго офицера, политическій дѣятель, который съ необычайнымъ хладнокровіемъ зажигаетъ себѣ вмѣсто трубки рукавчики; передъ нами—все почтенные и умные люди, напившіеся до полной потери сознанія и достоинства.

Къ „Полночной пирушкѣ“ былъ заготовленъ подписной листъ, „Хоръ или репетиція ораторіи Юдиѳь“ (The Chorus or rehearsal of the oratorio of Iudith), съ портретомъ бездарнаго нидерландскаго композитора Феша; дирижеръ, зная свою горячность, привязалъ къ ушамъ очки, но забылъ привязать парикъ, который и слетѣлъ съ него въ самую патетическую минуту.—Впослѣдствіи эта гравюра дала поводъ къ политической каррикатурѣ: въ тѣхъ же позахъ было изображено правительство виговъ, подъ командой сэра Роберта Вальполя, введшаго акцизный налогъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Всеволодъ Чешихинъ.

Современное обозрѣніе.

МОСКВА.

Малый театръ.

Гроза, драма Островскаго.

Восьмаго сентября на сценѣ Малаго театра состоялось восемьдесятъ первое представленіе драмы Островскаго «Гроза». На долю этой пьесы выпала наиболѣе счастливая популярность: именно она, не въ примѣръ другимъ произведеніямъ знаменитаго драматурга, довольно часто идетъ на московской сценѣ, и она же чаще всего подвергалась обсужденію въ литературѣ. У читателей и у зрителей особенно много разнообразныхъ представленій и воспоминій связано съ однимъ изъ лучшихъ созданій творческаго таланта Островскаго,—съ Катериной. Публика, которой такъ рѣдко удается видѣть на сценѣ Малаго театра пьесы Островскаго, всегда удѣляетъ самое пристальное вниманіе спектаклямъ талантливѣйшаго московскаго драматурга, такъ несправедливо забытаго нашей классической сценой. Представленіе «Грозы» должно было возбудить на этотъ разъ еще другой интересъ. Пьеса въ главнѣйшихъ роляхъ была обставлена новыми молодыми исполнителями. Эти исполнители и особенно исполнительницы не въ первый разъ появлялись предъ публикой въ «Грозѣ»; въ такомъ же составѣ «Гроза» шла еще весною, въ минувшемъ сезонѣ. Тѣмъ интереснѣе было оцѣпить уже не свѣжіе результаты новыхъ толкованій популярнѣйшихъ на Московской сценѣ ролей.

На первомъ планѣ среди этихъ ролей стоитъ, конечно, роль Катерины. Катерина—героиня въ высшей степени своеобразная. У Островскаго она встрѣчается единственный разъ и во всѣхъ произведеніяхъ, имѣющихъ дѣло съ коренной русской жизнью, больше этотъ образъ не повторяется. Независимо отъ драматическаго положенія Катерины, она представляетъ большой психологическій интересъ. Она, выросшая во тьмѣ, должна хранить въ себѣ

какіе-то ей самой непонятные порывы, что-то романтическое, совершенно чуждое общему складу окружающей жизни. Она рвется изъ дѣйствительности куда-то въ даль, прекрасную, неотразимо влекущую, но неразгаданную ни для нея, ни для тѣхъ, кто видитъ эти стремленія. Ей тѣсно и душно. Ей хотѣлось бы полетѣть—куда и зачѣмъ,—у нея нѣтъ отвѣта. Въ средѣ, гдѣ она выросла, единственный источникъ удовлетворенія духовныхъ стремленій порывовъ религія, и она будетъ самымъ жизненнымъ первомъ въ нравственномъ мірѣ Катерины. Она религіозна по инстинкту, потому что одно видимое и матеріальное не удовлетворяетъ ея природы. Религіозность — обильнѣйшій источникъ радостей и причина глубочайшихъ огорченій Катерины. Радости были, когда совѣсть была чиста и спокойна—въ годы яснаго, беззаботнаго дѣтства. Огорченія пришли вмѣстѣ съ рабствомъ, вмѣстѣ съ невольной измѣной тому, что Катерина привыкла считать правдой и добродѣтелью.

Авторъ какъ нельзя яснѣе отмѣтилъ эту господствующую ноту въ душѣ Катерины. Въ первой же сценѣ онъ заставилъ ее разсказать о дѣтствѣ и первыхъ годахъ молодости. Все счастіе этихъ лѣтъ наполнено религіозными грезами, видѣніями, молитвами, слезами. Высшимъ наслажденіемъ Катерины была молитва,—молитва совершенно безкорыстная, безотчетная, молитва безъ словъ. «И объ чемъ я молилась тогда», разсказываетъ Катерина, «чего просила—не знаю; ничего мнѣ не надобно, всего у меня было довольно»...

Драматическіе моменты въ теченіе всей жизни Катерины будутъ создаваться религіознымъ чувствомъ, теперь только не чувствомъ счастья, а смертельнаго ужаса, трепета предъ гнѣвомъ небесъ. Катерина полюбила человѣка ей постороннаго,—и въ этомъ прежде всего грѣхъ предъ Богомъ; любовь именно, какъ грѣховное дѣло, страшитъ Катерину, а не какъ нѣчто, совершенно необычное, недопустимое въ семьѣ, въ которой она живетъ. Да она и не особенно и боится этой семьи: она несравненно смѣлѣе, чѣмъ ея мужъ, ведетъ себя съ Кабанихой, а въ случаѣ крайности она можетъ и убѣжать. Варвара лучше всѣхъ понимаетъ ее и вѣритъ, что съ нея все можетъ статься. Отчасти это сознаетъ даже Кабаниха. Она только мимоходомъ и при случаѣ «ѣстъ» невѣстку, между тѣмъ какъ надъ сыномъ она изощряется ежемивутно. Кабаниху сдерживаетъ будто невольная боязнь чего-то ей неизвѣстнаго, «чуднаго», но органически сильнаго, *личнаго*,—что совершенно отсутствуетъ у безотвѣтнаго Тихона и вообще у всѣхъ жертвъ самодурной старухи.

Это *личное* все ярче и ярче разгорается въ душѣ Катерины. Настоящая гроза начинаетъ терзать ея сердце, гроза — скрытая, тайная, гроза, о которой поэтъ сказалъ:

Нѣтъ чувства мучительнѣй тайной грозы.

Катерина долго одна выноситъ муки преступнаго увлеченія. Варвара неожиданно вызываетъ у нея сознаніе, но эта откровенность—результатъ порыва, это—невольный крикъ наболѣвшаго чувства. Вопль вырвется—и Катерина еще глубже уйдетъ въ себя, еще мучительнѣй почувствуетъ свой грѣхъ, еще напряженнѣе сдѣлается каждая минута ея существованія, еще первнѣе будетъ звучать ея голосъ и по временамъ будетъ охватывать безотчетный неотвязный ужасъ. Авторъ въ высшей степени удачно связалъ эти настроенія съ грозой, съ появленіями сумасшедшей старухи. Въ эти минуты душевная гроза Катерины отвѣчаетъ страшными взрывами на внѣшніе факты. Промежутки между этими взрывами—затишье, но только извнѣ: внутри агонія совершается непрерывно, пока, наконецъ, не переходитъ въ настоящій предсмертный бредъ и обрывается катастрофой.

Всю драму Катерины можно сравнить съ душнымъ томительнымъ лѣтнимъ днемъ, который оканчивается бурей. Разница только въ томъ, что послѣ бури въ природѣ наступаетъ прохлада и сіяетъ ясное небо,—для Катерины же нѣтъ покоя и просвѣта. Даже ночью ей нѣтъ отдыха: ее и во снѣ «врагъ смущаетъ». И она всѣми силами таитъ эти муки, хочетъ терпѣть во что бы то ни стало, но она сама знаетъ, что терпѣніе можетъ оборваться, и тогда окончательный и самый страшный взрывъ, на жизнь и смерть. И Катерина не совладать съ собой. Она это знаетъ, и совершенно напрасно хочетъ связать себя клятвой. Ея неуходившееся сердце, какъ выражается Варвара,—порветъ всѣ путы, преступитъ всѣ запреты противъ ея воли и разсудка. Оно побѣдитъ даже на время ея религіозное чувство.

Изъ всего этого ясно, какимъ путемъ должно совершаться воплощеніе Катерины на сценѣ. Это одна изъ самыхъ трудныхъ ролей, какія вообще есть въ драматическомъ репертуарѣ,—и трудна эта роль прежде всего по отсутствію внѣшнихъ проявленій драмы. Катерина невыносимо страдаетъ, но и по характеру и по внѣшнимъ условіямъ эти страданія—ея тайна, она боится выдать ихъ. „Отъ тебя слова не добьешься“, говоритъ ей мужъ. Еще меньше, конечно, Катерина говоритъ съ свекровью. Только Варвара умѣетъ вызвать ее на откровенность,—и то совершенно случайно—Катерина за минуту и не подозрѣваетъ, что ея тайна будетъ открыта. Вотъ эту то жизнь въ самой себѣ, эти жгучія муки — невысказанныя, непонятыя, не облегченныя ни слезами, ни признаньями—должна раскрыть артистка. И какъ? Менѣе всего при помощи какихъ бы то ни бы-

ло внѣшнихъ эффектовъ, хитрой драматической игры. Нѣтъ, зритель долженъ почувствовать всю глубину и оригинальную силу Катерины безъ словъ и жестовъ, какъ чувствуетъ ее Кабаниха, хотя, навѣрное, Катерина извнѣ ведетъ себя съ свекровью совершенно спокойно и покорно. Какъ этого можетъ достигнуть артистка? Здѣсь тайна не искусства, а всей натуры, врожденной драматической силы артистки. И эта сила, разъ она присутствуетъ на сценѣ, немедленно, точно электрическій токъ, сообщается зрительной залѣ, — и зрители, не отрывая глаза, будутъ слѣдить за каждымъ взглядомъ, за мимолетнымъ подавленнымъ вздохомъ, за судорожнымъ, на половинѣ прерваннымъ жестомъ исполнительницы. Мельчайшія частности не ускользнутъ отъ нашего вниманія: цѣльный, точно изваянный образъ будетъ влечь насъ сконцентрированной мощною силой. Только такая сила и можетъ создать правдивый истинно-драматическій образъ Катерины. Если же эту своеобразную глубокую личность разбить на множество отдѣльныхъ сценическихъ явленій, такъ сказать разжидить ее обычными пріемами драматической техники, отъ дѣйствительной роли Катерины не останется и слѣда: передъ нами будетъ просто шаблонная героиня одной изъ сотни современныхъ драмъ.

Г-жа Полякова, несомнѣнно, обладаетъ всѣми данными, чтобы удачно справиться съ одной изъ такихъ ролей. У артистки выработаны обычные пріемы драматической ingénue; она умѣетъ выдвинуть на первый планъ наиболѣе сильный моментъ роли, отдѣльнаго монолога, умѣетъ быть простой и искренней тамъ, гдѣ говоритъ чувство, — и въ общемъ производитъ на зрителей впечатлѣніе симпатичной и интересной исполнительницы. Публика сразу оцѣнила эти стороны молодаго дарованія и отмѣтила ихъ. Это весьма завидное пріобрѣтеніе съ самаго начала и, несомнѣнно въ сильной степени облегчитъ для г-жи Поляковой дальнѣйшее развитіе ея способностей. Но сколько бы эти способности ни развивались, какъ бы горячо ни относилась публика къ этому развитію, артистка никогда не дорастетъ до роли Катерины, если въ основѣ не измѣнитъ своего отношенія къ этой роли. Приведемъ нѣсколько примѣровъ.

Первое появленіе г-жи Поляковой на сценѣ совершенно нехарактерно, мы хотимъ сказать — первыя слова Катерины, ея манера держать себя — ординарны въ высшей степени; ея не отличишь отъ тысячи другихъ барышенъ, одѣтыхъ въ русское платье. Здѣсь важны даже такія мелкія черты, какъ говоръ, манера произносить фразы, манера смотрѣть. Надо помнить, что Катерина въ первой сценѣ чувствуетъ себя совершенно чужой въ семьѣ мужа, и сочувствія Варвары она еще не знаетъ. Она таитъ въ себѣ вражду и невольный позывъ къ борьбѣ съ этимъ внѣшнимъ для нея міромъ. Стоитъ Кабановой мимоходомъ затронуть ее, — и она сейчасъ же принимаетъ вызовъ, но не какъ вообще сварливая невѣстка, искушенная въ непокорности и разныхъ отвѣтахъ, а взрывомъ, не думая даже о словахъ. Ей просто не стерпѣлось въ данную минуту, — въ другую она смолчитъ, хотя вся фигура ея, каждый взглядъ будетъ говорить о протестѣ. Въ слѣдующей сценѣ съ Варварой — тотъ же порывъ, только въ другомъ направленіи и еще болѣе энергичный: порывъ жгучей потребности быть любимой и выслушанной. Это цѣлое событіе для Катерины — сочувствіе Варвары. Она впадаетъ въ своего рода экстазъ; стремленіе полетѣть должно выходить естественно, какъ стремленіе освободиться отъ переполнившихъ грудь ощущеній. Катерина даже пытается бѣжать. У г-жи Поляковой совсѣмъ не вышло этого момента. Шаблонно-чувствительная, слишкомъ размѣренная игра отняла у сцены энергію и жизнь. Безцвѣтнымъ вышелъ также разсказъ Катерины о своемъ дѣтствѣ и дѣвичествѣ. Представьте, чтобы о видѣнныхъ и чудесныхъ снахъ вамъ стала бы разсказывать современная институтка, и — что еще лучше — петербургская барышня, томимая жаждой первой любви? У васъ немедленно явилось бы подозрѣніе въ искренности и правдивости разсказываемыхъ впечатлѣній: — сочиняетъ всякія небылицы, чтобы казаться интереснѣе — таково было бы ваше впечатлѣніе. Совершенно такого результата достигаетъ артистка. Будь разсказаны тѣмъ же тономъ другія вещи, чѣмъ явленія ангеловъ, безотчетныя молитвы — неизвѣстно о чемъ, невидимые голоса и райскіе сады, — мы бы слушали съ интересомъ. Но разсказъ Катерины совершенно другой и разсказчица для него должна быть другая, чѣмъ обыкновенная дѣвица-мечтательница.

А дальше, какой благодарный для исполнительницы переходъ — отъ этихъ восторженныхъ воспоминаній о прошломъ къ настоящему, исполненному самыхъ мрачныхъ предчувствій! Катерина даже не сразу рѣшается высказать эти предчувствія. Она молчитъ, раньше чѣмъ заговорить съ Варварой о близкой смерти. Сколько въ этой сценѣ до самаго конца самыхъ разнообразныхъ настроеній! Отъ гнета смертныхъ предчувствій, Катерина переходитъ къ жаждѣ-страстной, захватывающей жизни, потомъ опять набѣгаетъ тѣнь ужаса предъ совершаемымъ грѣхомъ и выростаетъ въ настоящій безумный трепетъ, когда надвигается гроза и слышится громъ... Г-жа Полякова слабо пользовалась всѣмъ этимъ чуднымъ калейдоскопомъ ощущеній — быстрыхъ, стремительныхъ, лихорадочно-напряженныхъ.

А ковецъ сцены былъ разрушевъ неудачнымъ эффектомъ изъ за кулисъ, обычнымъ на сценѣ Малаго театра. Еще по поводу «Орлеанской Дѣвы» мы замѣтили, что эти эффекты должны выполняться съ величайшей тщательностью, разъ имъ придаетъ извѣстное значеніе авторъ пьесы. И эта тщательность въ драмѣ Островскаго должна быть еще выше, чѣмъ въ пьесѣ Шиллера: гроза для Катерины первина громаднаго нравственнаго потрясенія, ударъ грома отмѣчаетъ цѣлый драматическій моментъ, гроза сердца отвѣчаетъ здѣсь на громъ неба, разгнѣваннаго, по мнѣнію Катерины, на ея грѣхъ. Появленіе сумасшедшей барыни и удары грома одинаково точно должны быть разсчитаны—громъ еще важнѣе угрозъ старухи по своему дѣйствію на Катерину. А между тѣмъ выходило такъ, что онъ гремѣлъ безъ всякаго отношенія къ настроеніямъ Катерины. Она успѣвала выразить свой ужасъ раньше, чѣмъ этотъ громъ гремѣлъ,—и актъ кончался вслѣдствіе этого какъ то странно и смутно, разстраивая впечатлѣніе, на какое разсчитывалъ авторъ.

Сравнительно удачно прошла у г-жи Поляковой сцена прощанія Катерины съ мужемъ,—но и здѣсь слѣдовало сообщить словамъ и игрѣ больше страсти, больше внутренней силы,—и не внѣшней искусственно-разсчитанной игрой, а умѣть вдохнуть эту силу общимъ тономъ голоса, общимъ впечатлѣніемъ движеній и фигуры. Вы помните, до какой степени сильно это впечатлѣніе даже безъ словъ и для людей, менѣе всего заинтересованныхъ Катериной? Борисъ не знаетъ имени той, кого онъ любитъ и не умѣетъ подробно описать ее Кудряшу, — но стоитъ Борису сказать два-три слова о впечатлѣніи, какое производитъ лицо молящейся Катерины,—и Кудряшъ немедленно догадывается. Такія лица умѣютъ говорить безъ словъ и производить глубокое впечатлѣніе безъ всякихъ усилій. Этого должна не забывать исполнительница роли Катерины, если она сколько-нибудь хочетъ приблизиться къ своему оригиналу.

Г-жа Полякова особенно далеко оказалась отъ истинной Катерины въ пятомъ актѣ. Появленіе Катерины подготовлено разсказомъ Варвары объ ея мукахъ и концомъ четвертаго акта. Здѣсь—сцена признанія у исполнительницы была едва-ли не лучшей во всей драмѣ. Небольшой монологъ Катерины былъ произнесенъ искренно и сильно, и это дастъ основаніе надѣяться, что роль Катерины не останется для артистки непреодолимой задачей. Но въ послѣднемъ актѣ эта искренность и сила снова исчезли. Къ монологу второй сцены авторомъ сдѣлана даже пространная ремарка: «весь монологъ и всѣ слѣдующія сцены говоритъ, растягивая и повторяя слова, задумчиво и какъ будто въ забытьи». Г-жа Полякова только отчасти выполнила это наставленіе и достаточно не вдумалась въ него. Растягиванья словъ и даже задумчивости было достаточно, но какой-то дѣланной, будто взвѣ навязанной. Артистка слова растягивала, а жестами и игрой тщательно подчеркивала ихъ, слишкомъ мѣняла тонъ,—и выходило не «забытье», о которомъ говоритъ авторъ, а строго разсчитанная, внѣшняя техническая игра на тему задумчивости и меланхоліи. Монологъ очень длиненъ, и недостатки исполненія рѣзко бросались въ глаза и тѣмъ больше, чѣмъ рѣчь была продолжительнѣе.

Въ сценѣ свиданія съ Борисомъ, въ общемъ сравнительно искренней и прочувствованной, г-жа Полякова затушевала одинъ весьма важный моментъ. Катерина проситъ Бориса взять ее съ собой, проситъ, какъ единственнаго средства спастись отъ страданій, продлить жизнь. Эти слова: «Возьми меня съ собой отсюда» должны вспыхнуть яркимъ пламенемъ послѣдней, только что схваченной надежды. И въ отвѣтъ слышится отказъ, — и надежда такъ же быстро гаснетъ, какъ быстро загорѣлась. Катерина невольно дѣлаетъ паузу, можетъ быть даже, у нея срывается невольный взглядъ укора, раньше чѣмъ покорно опустить голову и сказать: «Поѣзжай съ Богомъ! Не тужи обо мнѣ»... и послѣдующія ея слова дѣйствительно звучатъ укоризной. Г-жа Полякова, въ другихъ случаяхъ весьма щедрая на всевозможные внѣшніе оттѣнки, эту часть сцены ведетъ ровно, какъ-то машинально,—а между тѣмъ у Катерины это—послѣдняя яркая вспышка жизни и загубленной молодости. Непосредственно за этой вспышкой начинается мрачная, безнадежная агонія,—и послѣдній монологъ Катерины звучитъ чувствомъ полной растерянности; врядъ ли она отдаетъ отчетъ во всѣхъ своихъ словахъ, отрывочныя короткія фразы слышатся, какъ въ бреду, мысли путаются, постепенно выдѣляется только одно представленіе—о волнахъ рѣки, текущей здѣсь рядомъ... Какое сильное истинное драматическое впечатлѣніе должно произвести на зрителей это постепенное умираніе необыкновенной личной силы, такъ ярко и смѣло горѣвшей среди невыносимыхъ страданій!... Исполнительница не выразила этой силы и ослабила впечатлѣніе послѣдняго аккорда цѣлаго ряда поразительныхъ диссонансовъ, чудныхъ и прекрасныхъ въ самой своей дисгармоніи.

Роль Варвары исполняла г-жа Турчанинова. Артистка, съ перваго появленія на сценѣ успѣвшая привлечь вниманіе публики, сдѣлала замѣтные успѣхи и теперь одну изъ самыхъ характерныхъ ролей русскаго репертуара исполняетъ вполнѣ безупречно. Можно сдѣлать развѣ только одно замѣчаніе: въ первомъ ак-

тѣ артистка ведетъ сцену съ Катериной нѣсколько торопливо, нервно, чего совсѣмъ нѣтъ ни въ словахъ Варвары, ни въ ея положеніи въ началѣ драмы. Слѣдовало бы также обратить больше вниманія на конецъ сцены свиданія съ Кудряшомъ въ третьемъ актѣ. Здѣсь, кстати, манера игры подробно указана самимъ авторомъ. Мы говоримъ про ту часть сцены, когда Катерина уходитъ съ Борисомъ, и на сценѣ остаются Кудряшъ и Варвара. Но въ общемъ вся роль идетъ у г-жи Турчаниновой ровно и выдержанно, безъ малѣйшаго признака шаблона и искусственности.

Третій молодой исполнитель—г. Рыжевъ въ роли Бориса. Роль одна изъ самыхъ неблагодарныхъ. Борисъ—олицетворенное ничтожество и притомъ трусливый эгоистъ, несмотря на то, что, по словамъ автора, онъ «порядочно образованъ». Нравственная немощь и вѣчная дрожь за себя,—труднѣе представить болѣе жалкую смѣсь антипатичнѣйшихъ чертъ въ характерѣ героя драмы. Только любовь Катерины бросаетъ на этотъ блѣдный призракъ нѣкоторый свѣтъ, и въ сценахъ съ ней, за исключеніемъ сцены разлуки, Борисъ еще можетъ возбуждать у зрителя нѣкоторый интересъ. Г. Рыжевъ ничего не сдѣлалъ для этого интереса, изображая забитаго прикащика Дикаго едва ли не жалче и ничтожнѣе, чѣмъ онъ является въ пьесѣ. Винить артиста, впрочемъ, мы не имѣемъ права—такъ же, какъ и авторъ не повиненъ въ ничтожествѣ своего героя: среда Дикаго и Кабанихи еще и не такъ могутъ обезличить и унизить человѣческую личность.

Въ заключеніе слѣдуетъ упомянуть о г-жѣ Грибуниной, исполнявшей роль Кабанихи. Со стороны артистки было недоразумѣніемъ взяться за эту роль. Усилія, падающія безъ всякаго успѣха въ силу самой природы вещей, могутъ только помѣшать развитію художественнаго таланта въ свойственномъ ему направленіи.

Ив. Ивановъ.

„За право и правду". 5 дѣйствіе. Декорація г. Гельцера.

„За право и правду", драма г. Петра Полевого.

Пьеса по афишѣ называется «бытовой драмой въ пяти дѣйствіяхъ начала XVI столѣтія». Въ этомъ длинномъ титулѣ дѣйствительности соотвѣтствуютъ только слова «въ пяти дѣйствіяхъ», эпитетъ «бытовая», и притомъ «начала XVI столѣтія», существуетъ только въ фантазіи и памѣреніяхъ автора.

Вообще бытовая историческая драма терпитъ у насъ за послѣднее время множество литературныхъ и историческихъ обидъ. Въ прошломъ году на сценѣ Малаго театра появились и немедленно почили вѣчнымъ сномъ двѣ бытовыя пьесы—прежде всего комедія г. Виктора Крылова «Дѣвичій переполохъ», гдѣ авторъ увѣрялъ, что мы увидимъ воочію въ его пьесѣ XVII вѣкъ. Читатели помнятъ, что на сценѣ было все, начиная съ Скапэна, Фигаро и кончая «Прекрасной Еленой», но и помину не было русскаго XVII вѣка. Немного спустя г. Шпажинскій поставилъ драму «Вольная волюшка», взятую будто бы изъ временъ Ивана Грознаго. На самомъ дѣлѣ драма была взята изъ повѣсти Пушкина «Дубровскій». Г. Шпажинскій не такъ опрометчивъ, какъ г.

Крыловъ: тотъ призвалъ къ отвѣту чуть-ли не всѣ народы и вѣка, г. Шпажинскій удовлетворился однимъ русскимъ классическимъ поэтомъ и развѣ только отчасти привелъ свое вдохновеніе въ связь съ шиллеровскими «Разбойниками». У г. Шпажинскаго, поэтому, пьеса вышла литературнѣе, такъ сказать гармоничнѣе по составу, но это нисколько не дѣлало ее бытовой и исторической. Герой его является плодомъ романтической фантазіи, у которой нѣтъ отечества, интрига тоже напоминаетъ какой угодно мелодраматическій романъ, только не любовныя дѣла далекой русской старины.

Въ результатѣ комедія и драма окончательно провалились и можно было думать, что больше не найдется охотника будить погребенные мертворожденные мотивы. Тѣмъ болѣе, что причина смерти была весьма подробно объяснена въ свое время. Г. Полевой не внялъ предостереженіямъ и сочинилъ бытовую драму, необыкновенно живо напоминающую твореніе г. Шпажинскаго.

Эпоха обѣихъ драмъ—одна и таже, можетъ быть у г. Полевого нѣсколько болѣе ранняя чѣмъ у г. Шпажинскаго, но это неважно и неинтересно. Интереснѣе всего, что главный источникъ у обоихъ драматурговъ — одинъ и тотъ-же — все таже повѣсть Пушкина «Дубровскій». Очевидно, великій поэтъ разъ навсегда для всѣхъ будущихъ нѣмцовъ русскаго быта сказалъ послѣднее слово и сдѣлалъ излишними всѣ другіе источники. Оказался своего рода заколдованный кругъ: какъ ни разыгрывается фантазія драматурговъ, ей не уйдти дальше самодура и насильника Троекурова и его жертвы, разбойника-рыцаря, Дубровскаго. Г. Шпажинскій заимствовалъ у Пушкина романическую часть повѣсти, а г. Полевой воспользовался бытовымъ элементомъ, въ лицѣ Троекурова. Но г. Полевому нуженъ былъ, конечно, романъ, любовная интрига и, такъ какъ онъ сочинилъ эту интригу, повидимому, самостоятельно, она вышла несравненно сложнѣе и беззалабернѣе, чѣмъ романъ въ драмѣ г. Шпажинскаго.

На первомъ планѣ «боярин на покоѣ» — Парамонъ Матвѣичъ Бахтеяровъ. Это и есть пушкинскій Троекуровъ. Онъ настоящее бѣдствіе для своихъ сосѣдей, помѣщиковъ. Многихъ онъ успѣлъ оскорбить и просто ограбить. Но одинъ сосѣдъ не поддается ни силѣ, ни угрозамъ—это Иванъ Никитичъ Рубцовъ, служилый человѣкъ. У Пушкина, какъ помнитъ читатель, роль «служилаго человѣка» играетъ простой мелкій помѣщикъ. Г. Полевой свабдилъ своего героя еще и другими качествами. Этотъ герой въ противоположность сильному демону зла въ лицѣ боярина является ангеломъ мира и всякихъ благодѣяній. Только онъ во всей округѣ стоитъ «за право в правду» и, повидимому, это самоотверженіе и является главнымъ мотивомъ вражды Бахтеярова къ своему сосѣду. Это только—*повидимому*, потому что самъ авторъ эти мотивы держитъ въ тайнѣ и начинаетъ войну между сосѣдями по сравнительно ничтожному поводу. «Людишки» Бахтеярова нападаютъ на коробейника, грабятъ его, въ защиту вступается Рубцовъ, случайно попавшійся на дорогѣ, отбиваетъ коробейника. На сцену являются разбойники, дворня Бахтеярова, горько жалуются на Рубцова, а нѣсколько минутъ спустя приходитъ и самъ Рубцовъ и произноситъ горячее слово противъ безчинствъ и насилій своего сосѣда.

Выходитъ, слѣдовательно, что Рубцовъ вступаетъ въ брань съ могущественнымъ бояриномъ не за себя лично, а за всѣхъ униженныхъ и оскорбленныхъ. У Пушкина мотивъ гораздо проще и реальнѣе: тамъ Дубровскій отецъ лично чувствуетъ себя оскорбленнымъ, происходитъ столкновеніе двухъ дворянскихъ самолюбій. Авторъ, измѣняя этотъ совершенно жизненный мотивъ, какъ нельзя болѣе соотвѣтствующій и самому быту и положенію героевъ, долженъ былъ сосредоточить особенное вниманіе на характеристикѣ Рубцова. Но этотъ служилый человѣкъ, такъ мало по своимъ дѣйствіямъ похожій на громадное большинство своихъ современниковъ, остается для насъ только внѣшнимъ выразителемъ хорошихъ намѣреній: онъ безличенъ и блѣденъ до крайней степени. И авторъ въ теченіи всей драмы не съумѣетъ заинтересовать насъ этимъ добродѣтельнымъ фантомомъ. Правда, на Рубцова обрушиваются всевозможныя бѣдствія, какія только можно придумать по поводу не одного только XVI вѣка, а всѣхъ вѣковъ русской исторіи начиная съ года возникновенія русскаго государства. Но зрителя и читателя всегда интересуютъ и потрясаютъ не ужасы сами по себѣ, а ихъ правдивость, ихъ реальный, *внутренній* смыслъ.

По возвращеніи отъ Бахтеярова Рубцовъ замышляетъ противъ него рѣшительную мѣру,—ѣдетъ съ жалобой къ намѣстнику. Бахтеяровъ съ своей стороны не остается въ долгу, онъ горитъ желаніемъ во что бы то ни стало отомстить сосѣду, извести его. Дворня готова повиноваться его первому слову, она еще во время перваго разговора Рубцова съ Бахтеяровымъ едва не разорвала противника могущественнаго боярина, но Рубцова защитилъ юродивый Егорушка. Этотъ юродивый имѣетъ сильное вліяніе на толпу (это считается исторической аксіомой, когда дѣло идетъ о русской старинѣ), преданъ Рубцову, какъ защитнику правды, и до конца драмы будетъ на его сторонѣ. Появляется Егорушка на сценѣ очень часто, но только въ единственномъ первомъ

выходѣ это появленіе сопровождается извѣстнымъ результатомъ, въ остальныхъ случаяхъ Егорушка говоритъ только жалкія слова все въ одномъ товѣ и никакого существеннаго вліянія ни на кого не производитъ. Послѣ первой встрѣчи Рубцова съ Бахтеяровымъ, Егорушка уходитъ съ Рубцовымъ, предоставляя Бахтеярову обдумывать месть дерзкому служилому человѣку.

Но здѣсь оказывается неожиданное препятствіе къ мести... Сначала, вѣроятно, читатель поинтересуется, въ чемъ заключается месть Бахтеярова, что онъ хочетъ предпринять противъ своего врага? Изъ длинной сцены съ дворней мы узнаемъ только, что онъ намѣренъ учинить насиліе надъ самимъ Рубцовымъ. Въ виду этого онъ приказываетъ угостить свою дворовую шайку такъ, «чтобъ воротъ не нашли». Такова будетъ месть: она направлена, очевидно, противъ личности Рубцова, планъ долженъ встрѣтить и соотвѣтствующее препятствіе. Авторъ, очевидно, не сообразилъ этого и совершенно напрасно не вчитался въ свой первоисточникъ—повѣсть Пушкина.

У Пушкина Троекуровъ разсчитываетъ отнять у Дубровскаго его землю; бумаги на владѣніе истреблены у Дубровскаго пожаромъ, это несчастіе развязываетъ Троекурову руки и онъ, опираясь на неправды и подкупность старинныхъ судовъ, оттягиваетъ у сосѣда его имущество. Все совершенно ясно, нѣтъ ни натяжки, ни противорѣчія.

У г. Полевого боярынъ Бахтеяровъ хочетъ учинить насиліе надъ личностью Рубцова, но внезапно впадаетъ въ ужасъ, узнавъ, что у Рубцова есть «обѣльная грамота», т.-е. грамота, освобождающая землю отъ поборовъ, постоя и главное—губнаго мѣстнаго суда, подчиняющая владѣтеля въ случаѣ процесса прямо суду намѣстника. Какое отношеніе имѣютъ всѣ эти привиллегіи къ замыслу Бахтеярова? Изъ драмы мы не видимъ и помимо пьесы весьма трудно догадаться съ начала, зачѣмъ понадобилась автору именно обѣльная грамота. Впослѣдствіи исчезновеніе этой грамоты оказывается весьма полезнымъ Бахтеярову; все это совершенная случайность и не находится ни въ какой связи ни съ первоначальными замыслами Бахтеярова, ни съ ихъ естественнымъ правдоподобнымъ развитіемъ. А между тѣмъ Бахтеяровъ при первомъ намекѣ на обѣльную грамоту приходитъ въ ужасъ и хочетъ во что бы то ни стало овладѣть грамотой.

Похитить грамоту должна Дарья, «вдова посадскаго, торговка-жемчужница». Она давно любитъ брата Бахтеярова Василія (Васюка), раззорившагося кутилу, но, очевидно, неотразимаго донъ-жуана для вдовъ и дѣвицъ. Дарьѣ мало незаконной связи съ Васюкомъ, она хотѣла бы женить его на себѣ. Бахтеяровъ обѣщаетъ помочь ей, если она украдетъ грамоту у Рубцова и немедленно посылаетъ за Васюкомъ; неизвѣстно зачѣмъ, — оставляетъ его вдвоемъ съ Дарьей и самъ уходитъ. Случай—этотъ геній-благодѣтель для авторовъ, ненимѣющихъ представленія ни о художественной, ни о психологической правдѣ,—и здѣсь помогаетъ замысламъ Бахтеярова. Дарья затруднялась исполнить его желаніе, теперь она съ готовностью украдетъ грамоту. Готовность мы видимъ, но причины ея, какъ вообще очевидной причины всѣхъ происшествій въ драмѣ, не знаемъ, и должны оставить ее исключительно на совѣсти автора.

Дѣло въ томъ, что Васюкъ разсказываетъ Дарьѣ о своемъ новомъ увлеченіи и на этотъ разъ, повидимому, серьезномъ и окончательномъ. Онъ въ церкви увидѣлъ дочь Рубцова—Глафиру и страстно влюбился въ нее. Онъ очень пространно расписываетъ свое чувство и красоту Глафиры. Всѣ эти описанія врядъ ли правдоподобны въ виду отношеній Дарьи и Васюка и особенно характеристики Васюка, какимъ онъ былъ до любви къ Глафирѣ. Дарья слушаетъ всѣ эти рѣчи въ страшномъ волненіи; Васюкъ, по волѣ автора, совсѣмъ не понимаетъ смысла волненія, нервнаго смѣха. Онъ продолжаетъ свое краснорѣчіе на тему своей любви.

Результаты этого краснорѣчія изумительны. Дарья рѣшается украсть грамоту. Хочетъ ли она этимъ отомстить Глафирѣ или ея родителямъ и оставить въ покоѣ своего главнаго обидчика—Васюка,—мы этого не знаемъ. Въ предыдущей сценѣ дѣло шло о бракѣ Васюка съ Дарьей и этотъ бракъ Бахтеяровъ обѣщалъ Дарьѣ устроить въ награду за покражу грамоты. Теперь не можетъ быть и рѣчи объ этой свадьбѣ. Что же понуждаетъ Дарью похитить грамоту? Васюкъ отъ этого не станетъ къ ней ближе и нисколько не измѣнится въ своей любви къ Глафирѣ. Но похищеніе грамоты нужно автору и онъ устраиваетъ его всѣми правдами и неправдами. Правды, впрочемъ, очень мало, вѣрнѣе совсѣмъ нѣтъ, но неправда на каждомъ шагу.

Отъ Бахтеярова Дарья является къ Рубцову подъ предлогомъ продать для его дочери жемчужное ожерелье. Она выпытываетъ у Глафиры тайну ея любви къ Васюку, успѣвшему подъ видомъ странника побывать у нея въ кельѣ въ монастырѣ, когда она съ матерью была на богомольи. Какъ видите, и на Руси въ началѣ XVI вѣка были знакомы отважнымъ русскимъ рыцарямъ любовныя похожденія, ничѣмъ не уступающія подвигамъ любого испанскаго гидальго или французскаго «отважнаго блондина». Васюку весьма пришелся по сердцу маскарадъ, продѣланный въ монастырѣ. Онъ и теперь переодѣвается странникомъ, является въ домъ Рубцова,—и Дарья, очевидно, посвя-

щевая въ его тайны, предупреждаетъ объ этомъ Глафиру. Глафира только что прятала въ сундукъ купленное ожерелье. Сундукъ стоитъ въ той самой комнатѣ, гдѣ происходитъ сцена—это очень важно. Но еще важнѣе, что въ этомъ сундукѣ лежитъ «обѣльная грамота», о чемъ Глафира непремѣнно должна разсказать Дарьѣ. Этого мало. Дарья улучитъ моментъ и сообщитъ Глафирѣ о томъ, что Васюкъ снова переодѣтый странникомъ пришелъ къ ней на свиданіе. Глафира будетъ страшно поражена, долго будетъ безпомощно метаться по сценѣ и уронитъ ключь отъ сундука. Дарья немедленно подмѣнитъ его другимъ ключомъ, необыкновенно похожимъ на ключъ отъ сундука,—ключомъ, который какъ разъ очутится у нея на этотъ случай въ карманѣ... Все одвимъ словомъ произойдетъ какъ по писанному. Грамота будетъ выкрадена, какъ и когда мы этого не узнаемъ,—но грамота обязательно будетъ доставлена въ руки Бахтеярова.

Этимъ не кончаются злыя козни Дарьи. Она въ этой же сценѣ Глафиры съ Васюкомъ устроитъ ихъ будущее свиданіе у какого-то святаго ключа. Правда, юродивый вздумаетъ вмѣшаться, будетъ много толковать о волкѣ въ овчарнѣ, но это ни къ чему не поведетъ. Свиданіе состоится. Къ святому ключу явится и Егорушка, произнесетъ цѣлую проповѣдь въ назиданіе Васюку, заставитъ его умилиться, сказать довольно много покаянныхъ словъ,—но и это останется безъ результата.

На мѣсто свиданія Глафира придетъ вмѣстѣ съ своей мамушкой, Устиньей, и—Дарьей. Дарья устроитъ такъ, что на сценѣ останется одна Глафира, къ ней придетъ Васюкъ и произойдетъ сцена: съ одной стороны трепетъ и ужасъ, съ другой мольба и клятвы. Совершенно неожиданно сцена свиданія должна окончиться страшной, кровавой драмой. Юродивый Егорушка, сказавъ нѣсколько назидательныхъ словъ, весьма некстати уходитъ и оставляетъ «овечку» одну. Это весьма странно со стороны этого вездѣсущаго и необыкновенно провидательнаго покровителя дома Рубцова. На мѣсто Егорушки является дворня Бахтеярова. Она должна накрыть Глафиру, чтобы потомъ ославить ее. Все это подстроено Дарьей. Въ самую рѣшительную минуту Дарья убѣгаетъ со сцены. Васюкъ прячетъ Глафиру въ часовню или что-то вродѣ часовни подлѣ ключа. На него нападаетъ толпа и одинъ изъ нападающихъ выхватываетъ вожъ и убиваетъ брата своего господина. Такой ужасъ совершается, вѣроятно, затѣмъ, чтобы изъ цѣлаго ряда ничѣмъ не связавшихъ, ничѣмъ не мотивированныхъ сценъ вышла трагедія. Толпа, убивъ по невѣдѣнію своего человѣка, не находитъ все-таки Глафиры, хотя, повидимому, ничего нѣтъ проще и естественнѣе отворить дверь въ часовню. Эту дверь даже и отворяютъ, но по волѣ прихотливаго случая Глафира остается не открытой. Только по уходѣ шайки, она показывается изъ своего убѣжища и падаетъ въ глубокомъ обморокѣ. Въ такомъ видѣ ее находитъ ея мать и дворня Рубцова, приведенная на мѣсто всѣхъ этихъ ужасовъ Егорушкой.

Въ четвертомъ актѣ за кулисами умираетъ Глафира, а на сценѣ происходитъ плачъ и рыданіе и до такой степени долго и утомительно, что этихъ слезъ и причитаній хватило бы на пять актовъ самой слезливой мелодрамы. Но этого мало. Глафира умерла, ее оплакали, теперь слѣдуетъ показать мужество, и эту роль беретъ на себя мать Глафиры, Евлалія. Она выходитъ на средину сцены и начинаетъ въ трагическомъ тонѣ распоряженія на счетъ погребенія и поминокъ дочери. Не смотря на серьезность обстановки, трудно представить сцену комичнѣе какой угодно сцены въ самой веселой комедіи. Удивительно, какъ авторъ не почувствовалъ всей неумѣстности этихъ длиннѣйшихъ рѣчей по хозяйственной и кулинарной части въ моментъ смерти единственной дочери. Этимъ путемъ авторъ хотѣлъ, вѣроятно, доказать героизмъ матерн, но доказалъ только одно, что эта мать отлично знаетъ домашній обиходъ, прекрасная хозяйка, но невѣроятна, какъ мать и еще невѣроятнѣе, какъ героиня драмы.

Распоряженія Евлалін тянутся крайне долго. Авторъ вознаграждаетъ зрителей необыкновенно, по его мнѣнію, драматическимъ концомъ акта. Появляется Бахтеяровъ вмѣстѣ съ губнымъ старостой. Рубцову объявляютъ, что на его землѣ найдено мертвое тѣло — Васюкъ, убитый, по увѣреніямъ Бахтеярова, людьми Рубцова, а можетъ быть и самимъ Рубцовымъ. Обвиняемому предстоитъ арестъ. Рубцовъ ссылается на обѣльную грамоту, освобождающую его отъ суда губного старосты. Это заявленіе Бахтеяровъ встрѣчаетъ злорадной улыбкой и требуетъ, чтобы Рубцовъ показалъ грамоту. Грамоты не оказывается; Рубцову остается идти въ тюрьму, какъ убійцѣ Васюка. Вотъ слѣдовательно, зачѣмъ понадобилась обѣльная грамота автору. Объ этой грамотѣ хлопоталъ его герой съ необыкновенной услужливостію для автора, будто наперед зная, что будетъ убитъ Васюкъ, тѣло его свезутъ на землю Рубцова. Все это предусмотрѣли авторъ и его боярин Бахтеяровъ, въ тайнѣ, безъ вѣдома зрителей, которымъ предоставлено только изумляться всѣмъ этимъ чудесамъ прозорливости, а главное необыкновенно послушной и разсудительной судьбѣ, управляющей вашей бытовой драмой

Рубцовъ идетъ въ тюрьму, жена клянется отомстить за него, но на эти клятвы Бахтеяровъ отвѣчаетъ угрозой отнять у Рубцова и

землю. Это онъ и выполняетъ, очевидно, съ величайшей легкостью: въ пятомъ актѣ предъ нами жена Рубцова, въ конецъ ограбленная и обездоленная. Она готовится къ «полю», т.-е. къ судебному поединку съ Бахтеяровымъ. Одинъ изъ публики на сценѣ пользуется случаемъ подробно объяснить, что такое «поле». Кому нужно это объясненіе? Менѣе всего, оказывается, оно нужно на сценѣ. Слушатель досужаго знатока древнерусскаго права, выслушавъ цѣлую юридическую лекцію, заявляетъ, что онъ все это знаетъ. Знаютъ это, конечно, и остальные слушатели. Разсказъ, очевидно, предвазначенъ авторомъ исключительно для публики въ залѣ. Это она должна быть просвѣщена въ юридическихъ обычаяхъ и установленіяхъ древней Руси. Не даромъ же она приглашена смотрѣть бытовую драму начала XVI столѣтія. Публика сначала должна была подробно ознакомиться съ домашнимъ инвентаремъ служилаго человѣка, потомъ выслушать лекцію по древнему праву. Можетъ быть, все это полезно, во пріятнаго нѣтъ рѣшительно ничего. У зрителя едва хватаетъ терпѣнія перенести всѣ эти наивности и неумѣстное усердіе автора просвѣщать и поучать.

Вообще рѣчи всякаго сорта, и поучительнаго, и чувствительнаго, и просто надоѣдливая болтовня праздной толпы льются въ пятомъ актѣ, какъ изъ рога изобилія. Послѣ лекціи начинается самая обстоятельная ея «иллюстрація въ лицахъ», а немного спустя новое толкованіе все того же «поля» устами дьяка при намѣстникѣ. Этотъ дьякъ съ судебникомъ въ рукахъ сопровождаетъ каждый актъ на сценѣ юридическими комментаріями. Можетъ быть, актъ судебнаго поединка, воспроизведенный на сценѣ, и представлялъ бы интересъ и могъ бы выйти живой драматической картиной, еслибы авторъ умѣлъ обставить его съ большимъ искусствомъ. Въ такомъ же видѣ, какъ этотъ актъ происходитъ въ драмѣ, онъ оставляетъ впечатлѣніе какого-то дѣтскаго театра, предназначеннаго для вразумленія малолѣтней публики, которой скучно прочесть по книгѣ объ извѣстныхъ предметахъ и ей растолковываютъ эти предметы при помощи маріонетокъ, сопровождая представленіе должными поясненіями.

Евлалія долго вызываетъ за себя поединщика, никто не является, тогда она сама начинаетъ вооружаться. Но въ послѣднюю минуту выступаетъ самъ Рубцовъ, который, оказывается, успѣлъ бѣжать изъ тюрьмы. Поединокъ кончается его побѣдой. Мало этого, пораженный Бахтеяровъ во всемъ сознается предъ смертію. А его помощница Дарья еще въ началѣ акта успѣла во всемъ признаться Рубцовой. Такимъ образомъ, добродѣтель торжествуетъ, а порокъ гибнетъ, и вмѣстѣ съ нимъ, сама пьеса.

Читатели видѣли, сколько «бытоваго» въ драмѣ и какъ авторъ, за недостаткомъ сценъ и лицъ, втискивалъ старинный бытъ въ свою драму путемъ длиннѣйшихъ монологовъ, на темы, не всегда даже близкія самой пьесѣ. Что касается героевъ, они, за исключеніемъ Бахтеярова, испорченнаго изданія пушкинскаго Троекурова, ни однимъ словомъ не напоминаютъ Руси не только XVI, а даже XVIII вѣка. Это особенно касается главныхъ героевъ—Васюка и Глафиры. Они поставлены въ положеніе шекспировскихъ Ромео и Джульетты, но этого мало, они объясняются между собой и съ другими совершенно на манеръ веронскихъ любовниковъ. Васюкъ присоединяетъ къ этому еще воспоминанія изъ лермонтовскаго Демона и лирическихъ произведеній поэта. Воспоминанія эти приходятъ на память русскому герою XVI вѣка тѣмъ легче, что онъ поставленъ въ положеніе тоже своего рода падшаго духа, стремящагося подняться и спастись путемъ любви. Васюкъ прошелъ путь, ведущій обыкновенно во всѣхъ романахъ къ разочарованію. Онъ прожилъ свое имѣніе, прослылъ кутилой и отчаяннымъ донъ-жуаномъ. У кавалера XVI вѣка врядъ ли въ основѣ всѣхъ его подвиговъ было что-либо демоническое, во объясняется онъ о себѣ въ крайне возвышенномъ топѣ. У него нѣтъ силъ «уйти отъ себя», и намъ припоминается лермонтовскій стихъ: «Отъ своей души спасенья и въ самомъ счастьи нѣтъ». Васюкъ умоляетъ свою Тамару—Глафиру Рубцову, подарить ему любовь и этимъ дать «грѣшнику» — «жизнь новую, лучшую». Это совершенно демонскія мольбы и тоже обѣщаніе стать ангеломъ свѣта изъ духа тьмы. Васюкъ мечтаетъ о Глафирѣ и зоветъ ее на свиданіе стихами Джульетты, призывающей Ромео, и совершенно ея словами выражаетъ трагизмъ своей любви къ дѣвушкѣ изъ семьи, враждующей съ его семьей. У Васюка появляются идеи, даже болѣе новыя, чѣмъ у шекспировской героини. Онъ, укрощая совѣсть Глафиры, прямо говоритъ ей, что самъ Богъ любить велѣлъ. Для русскаго героя изъ Тверскаго уѣзда эпохи XVI вѣка—невѣроятный прогрессъ—это умѣніе такъ софистически тонко играть словомъ любовь. Въ одномъ изъ самыхъ свѣжихъ романовъ, печатающихся въ русскомъ періодическомъ изданіи, героиня какъ разъ такимъ соображеніемъ оправдываетъ свой адюльтеръ и ея же кавалеру приходится разъяснить ей ея заблужденіе. Глафира молча слушаетъ слова Васюка: она, очевидно, ровно на четыре вѣка отстала отъ него.

Не чужды и прочіе герои драмы, общеевропейскихъ идей и весьма эффектныхъ фразъ. Напримѣръ, Евлалія, вообще представленная чѣмъ-то въ родѣ ибсеновской героини изъ драмы «Сѣверные богатыри», умѣетъ подчасъ выражаться совершенно подъ стать своему ори-

гинальному положенію. Обѣщая до послѣднихъ силъ бороться съ Бахтеяровымъ, она ссылается на свою совѣсть, какъ на лучшаго помощника въ борьбѣ съ сильнымъ врагомъ; совѣсть, говоритъ она, *моя сила и мое право*, т.-е. почти знаменитое—mon épée et mon droit. Помимо этого, помянутно въ монологахъ дѣйствующихъ лицъ мелькаютъ лирическія восклицанія, пышные эпитеты—въ родѣ «юдоль плача и скорбей», эпитеты, ничего общаго не имѣющіе съ Русью начала XVI вѣка.

Такая оригинальная бытовая драма появилась на нашей сценѣ. Трудно даже представить, сколько пестроты, самыхъ разноголосыхъ звуковъ и противорѣчивыхъ элементовъ мечется въ глаза самого невнимательнаго зрителя во время спектакля. Г. Полевой своей драмой съ полнымъ правомъ можетъ конкурировать съ г. Викторомъ Крыловымъ, создавшимъ русскій водевиль, на тему изъ древнерусской жизни, но изъ общеевропейскаго достоянія. Если старый поэтъ гонорилъ, что овъ беретъ свое всюду, гдѣ находитъ его, это ограничивало предѣлы заимствованій: онъ бралъ *свое*, т.-е. то, что надѣялся силой своего творчества превратить въ цѣльное, гармоническое созданіе. Новѣйшіе авторы «берутъ» безъ всякихъ посторонпихъ цѣлей, съ единственнымъ горячимъ стремленіемъ изъ мірскихъ нитокъ сшить себѣ рубашку во что бы то ни стало—будь эти нитки совершенно различнаго цвѣта, изъ разнаго матеріала, лишь бы на мѣстѣ своего ничего—была чужая рубашка.

Третья пьеса изъ русскаго стариннаго быта появляется на нашей сценѣ и всѣ одинаково терпятъ неудачу. Еще хорошо, если этотъ бытъ рисуется, хотя бы грубыми, лубочными красками, а то совсѣмъ замазывается тѣнями, совершенно чуждыми, не только русской старинѣ, но русской жизни вообще. Замѣчательно, что до сихъ поръ русская литература не могла создать русской исторической драмы, вполнѣ пригодной для сцены. Классическая хроника Пушкина хороша только въ чтеніи. Бытъ потерпѣлъ еще сильнѣйшее фіаско, чѣмъ исторія. И нельзя, конечно, всю неудачу приписывать авторамъ. Въ самой жизни древней Руси нѣтъ того, что называется драматической коллизіей, интригой,—какъ нѣтъ этихъ элементовъ и въ русской исторіи. Жизнь и исторія, за исключеніемъ одной-двухъ эпохъ, шла ровно и слишкомъ однообразнымъ шагомъ, чтобы можно было открыть здѣсь героевъ драмы. Пушкинъ геніальнымъ чутьемъ художника угадалъ можетъ быть единственную основу древнерусской бытовой драмы: съ одной стороны могущественный насильникъ, съ другой—толпа не вынесшихъ насиліе и бѣжавшихъ въ лѣса. Это дѣйствительно вполнѣ бытовой фактъ русской старины,—и месть угнетенныхъ можетъ дать матеріалъ для драмы. Но, къ сожалѣнію, принимая даже эту основу, авторы стремились создать *свою* драму, драму любви: выходило всегда нѣчто въ родѣ пріснопамятной исторіи о Монтекки и Капулетти. У г. Полеваго эта исторія, какъ мы видѣли, приняла самыя нелѣпообразныя формы.

Объ исполненіи драмы распространяться не стоитъ. Исполнителей и исполнительницъ—цѣлые десятки, и всѣ добросовѣстно отнеслись къ своимъ ролямъ—одинаково къ большимъ и самымъ незначительнымъ. Нѣкоторыя изъ этихъ ролей требовали отъ исполнявшихъ ихъ настоящаго самоотверженія. Больше всего этой добродѣтели пришлось проявить г-жѣ Ермоловой въ роли жены Рубцова. Весь четвертый актъ—сплошное насиліе надъ самымъ элементарнымъ художественнымъ чувствомъ и высшей благосклонностью, какую только можетъ проявить самый добродушный зритель. Нескончаемый плачъ и потомъ безконечныя распоряженія по хозяйству,—такого рода драматическіе монологи, которыми обязана артистка занимать зрителей. Не лучшее положеніе исполнительницы роли Евлаліи и въ пятомъ актѣ. Воинственныя предпріятія жены служилаго человѣка XVI вѣка такъ обставлены авторомъ, что они производятъ впечатлѣніе прямо обратное тому, на какое разсчитывалъ авторъ. А громкая молитва Евлаліи во время боя ея мужа съ Бахтеяровымъ, молитва, разсчитанная, очевидно, на сугубый эффектъ, носитъ всѣ признаки драматическихъ вымысловъ лубочныхъ повѣстей на историческія темы. Все или несерьезно, или просто жалко и только искусство исполнительницы спасаетъ роль отъ прямо отталкивающаго впечатлѣнія.

Слѣдующей ролью, по драматическому положенію исполнителя, слѣдуетъ поставить роль юродиваго Егорушки. Г. Садовскій заслуживаетъ полной признательности автора тѣмъ, что заставлялъ зрителей обращать вниманіе на это совершенно не нужное въ пьесѣ лицо, выполненное авторомъ фальшиво и крайне неумѣло—при всей, яко-бы бытовой основѣ роли, и личности юродиваго.

Г. Рыбаковъ сыгралъ роль боярина Бахтеярова совершенно такъ же, какъ онъ играетъ роли самодуровъ въ комедіяхъ Островскаго. Для авторскаго творчества и это—находка.

Г. Ленскій въ роли Рубцова столько же походилъ на русскаго служилаго человѣка старинной Московіи, сколько и на средневѣковаго добродѣтельнаго сеньора. Но уже хорошо было то, что это все-таки былъ живой человѣкъ,—существенное преобразованіе мертворожденнаго дѣтища авторской фантазіи.

Г-жа Лешковская появляется въ другой «бытовой» пьесѣ: у нея была роль въ комедіи г. Крылова. Артистка, по самому свойству своего

дарованія, менѣе всего въ силахъ воспроизвести «бытовое» лицо изъ русской старины. Въ пьесѣ г. Крылова—интернаціональной отъ начала до конца—еще можно было играть героиню въ какомъ угодно стилѣ. Но въ драмѣ г. Полеваго все-таки нѣтъ этой пестроты, составъ ея не до такой степени лоскутный, и, несмотря на всю блѣдность авторской работы, Дарья могла бы быть болѣе русской «мірской бабой», чѣмъ вышло у г-жи Лешковской. Но опять мы не можемъ винить исполнительницу: при извѣстныхъ условіяхъ публикѣ остается быть признательной за все.

Съ большой граціей и естественностью г-жа Панова исполнила роль Глафиры, дочери Рубцова. Крайне искусственно устроенный авторомъ разсказъ Глафиры о тайнахъ сундука съ «обѣльной грамотой» у артистки вышелъ легко и правдиво. Вообще, всей роли г-жа Панова умѣла придать интересъ и привлекательность, несмотря на шаблонный складъ этой роли въ самой пьесѣ.

Роль международнаго рыцаря страстей и тоски—роль Васюка—игралъ г. Горевъ съ достаточнымъ терпѣніемъ и снисходительностью ко всѣмъ авторскимъ недоразумѣніямъ.

Остальные многочисленные исполнители несли свой крестъ до конца, но вынести всю пьесу не смогли: невозможное только чудо дѣлаетъ возможнымъ.

Ив. Ивановъ.

Возобновленіе мольеровскаго „Скупого“.

ынѣшнимъ лѣтомъ, когда въ провинціальномъ городкѣ Sceaux, на ежегодномъ съѣздѣ югофранцузскихъ любителей стихотворства (Félibres) въ память Флоріана, президентство выпало на долю Эмиля Зола, онъ произнесъ блестящую рѣчь, въ честь веселья и смѣха. Онъ говорилъ о нихъ съ глубокимъ сожалѣніемъ человѣка, который вовсе не имѣетъ репутаціи весельчака, и съ страстнымъ сочувствіемъ, «какъ больной заговорилъ бы о выздоровленіи». Онъ привѣтствовалъ собравшихся вокругъ него земляковъ-провансальцевъ, стойко поддерживающихся традиціи жизнерадостной поэзіи трубадуровъ; «вѣдь это большая, смѣлость съ ихъ стороны—быть веселыми въ такую пору, когда въ литературѣ это считается вульгарнымъ, неприличнымъ». «Я знаю, продолжалъ онъ до чего кажется теперь старомоднымъ обращеніе къ коренной старо-французской веселости: въ наше время молодежь пожимаетъ при этомъ плечами и отвѣчаетъ не безъ здраваго смысла, что нельзя веселиться, если не имѣешь на то причинъ. Но съ весельемъ бываетъ такъ же, какъ съ любовью: нужно самому полюбить или развеселиться, и тогда поймешь, что это такое. Веселость—вѣдь это оживленіе всего организма; это — ясный умъ, гибкость и сила руки, свободно вспыхивающая отвага, легко сдѣланный трудъ, это — струя, идущая прямо изъ нѣдръ нашей кормилицы-земли, это — сокъ, питающій нашу энергію; это—здоровье, порывъ всего нашего существа къ другимъ людямъ, это, — жизнь, освѣщенная единственной радостью — сознаніемъ возможности жить и дѣйствовать».

— «Да, и я любилъ жизнь,—воскликнулъ наконецъ въ своемъ восхваленіи веселья безпощадный обличитель людскихъ пороковъ и низостей,—я любилъ ее, какою бы мрачною ее ни изображалъ. А какими горами можно было бы двигать, еслибъ къ вѣрѣ въ свое дѣло и къ способности работать, я могъ присоединить веселость».

Такъ и въ наше время все еще приходится отстаивать права на существованіе истиннаго веселья и здороваго смѣха, не вымученнаго, а свободно бьющаго ключемъ. И это послѣ горячаго заступничества такихъ мастеровъ дѣла, какъ Мольеръ или Гоголь! Помните-ли какъ Мольеръ (въ *Критикѣ на „Школу женщинъ“*) собралъ типическія черты своихъ противниковъ, въ томъ знакомомъ Доравта, который, сидя въ партерѣ, возмущался всеобщей веселостью и становился все пасмурнѣе. Кругомъ все хохотало, но на его лбу сгущались морщины, онъ пожималъ плечами, и иногда, съ презрительной или раздраженной миной, громко возглашалъ: «Ris donc, parterre, ris donc!..» Но, къ счастью, люди, im Grossen und Ganzen, никогда не утратятъ способности отзываться непосредственно, безъ раздумья, на то, что дѣйствительно весело. Не справляясь съ тѣмъ, что говорятъ «правила» (les règles, за которыя въ *Критикѣ* такъ ратуетъ Lysidas), все равно, ложно-классическія ли они, или самоновѣйшія и патентованныя, партеръ и въ наши дни разразится взрывомъ здороваго смѣха, когда со сцены услышитъ что нибудь бойкое, остроумное или забавное. Правда, у иныхъ, быть можетъ, шевельнется потомъ раскаяніе,—хорошо ли, что они позволили себѣ сейчасъ такъ наивно разсмѣяться. Но для нихъ нѣтъ надежды на исправленіе; они такъ и умрутъ нераскаявшимися грѣшниками. Въ слѣдующій разъ повторится то же самое. Попробуйте заморозить себя и не двинуть ни однимъ мускуломъ, когда непослушныя губы сами склады-

ваются въ улыбку, въ глазахъ засверкали веселые огоньки, и звонкій смѣхъ такъ и рвется изъ груди на волю!

У насъ возобновили *Скупого*. Въ лучшую пору жизни московскаго театра это было одно изъ украшеній репертуара. Старожилы сберегли свѣтлое воспоминаніе о Гарпагонѣ-Щепкинѣ, глубоко продуманномъ и правдивомъ воплощеніи мольеровскаго типа. На западѣ, и, разумѣется, прежде всего во Франціи, даровитѣйшіе актеры считаютъ удачное выполненіе этой роли немалой заслугой. Безчисленныя поколѣнія зрителей всѣхъ національностей встрѣчали испокон вѣка дружнымъ смѣхомъ неподдѣльно комическія сцены, обильно разсѣянныя по пьесѣ, и запоминали удачныя слова. Но вотъ что случилось: у насъ возобновили *Скупого*,—и вскорѣ пошли суровые и непріязненные толки объ этой многоиспытанной и заслуженной комедіи; и сама она устарѣла и неудачна, и исполненіе слабо, и публика скучаетъ. Что же это въ самомъ дѣлѣ за превращеніе? Разучились ли мы совсѣмъ смѣяться, заѣли ли насъ «правила», или такъ ужь мы избалованы глубокою психологіею новыхъ драматурговъ,—такіе вопросы не давали покоя, и становилось жаль Мольера, этого серьознаго, задумчиваго, меланхолическаго весельчака, и въ *Скупомъ* оставившаго слѣды своихъ глубокихъ и грустныхъ наблюденій надъ жизнью, столь замѣтныхъ, казалось, несмотря на облекшія ихъ комическія формы. *Скупой*, сведенный къ роли праздной потѣхи,—вѣдь это то же, что *Сонъ въ лѣтнюю ночь*, лишенный поэтической прелести, разжалованный въ феерію и приравненный къ «обстановочнымъ» пьесамъ, гдѣ содержаніе въ счетъ не идетъ.

Вдвойнѣ любопытно было воочію убѣдиться, какъ это можно безстрастно, холодно, снисходительно смотрѣть Мольера. Было четвертое или пятое представленіе комедіи. И воскресный день не могъ наполнить театральной залы,—очевидно, толки успѣли подѣйствовать. Условія были все невыгодныя. Допотопный переводъ С. Аксакова (который пора бы замѣнить хоть переводомъ Ѳед. Устрялова) тянулъ къ низу легкость веселаго діалога, исполненіе было неровное, мѣстами неудовлетворительное; зрители пришли предубѣжденные и готовые самоотверженно поскучать на «классической пьесѣ». Но *какъ* же они дружно смѣялись, какими залпами хохота встрѣчали они удачныя словечки или комическія положенія! Какъ разогрѣлась и повеселѣла, просіяла эта сборная, случайная, къ тому же еще воскресная публика, все-таки пришедшая въ театръ «насупивши чело!» Жизнь, изображавшаяся въ пьесѣ, была для зрителей чужая, давнопрошедшая,—но сила комизма все побѣдила... Стало быть, мы еще не разучились смѣяться, и настоящая веселость, которой Зола сложилъ такую горячую хвалу, не утратила надъ нами власти. Благодареніе судьбѣ! Если же только *воскресная* публика еще такъ чутка и неиспорчена филистерствомъ,—какая же она счастливая!

Пусть, однако, читатель не ожидаетъ возвеличиванія мольеровскаго *Скупого*, какъ во всѣхъ отношеніяхъ образцовой комедіи. Она, конечно, значительно уступаетъ міровымъ, общечеловѣческимъ пьесамъ Мольера и по глубинѣ и силѣ сатиры, и по обрисовкѣ характеровъ, и по стройности плана, наконецъ, и по слогу, въ которомъ наряду съ живою народною рѣчью иногда вдругъ нагромождены риторически красивые обороты (въ діалогахъ влюбленной молодежи). Недосмотровъ въ пьесѣ не мало. Появленіе Ансельма въ концѣ комедіи, неожиданно раскрывающее сложную исторію его семьи, мало естественно, и понадобилось лишь для развязки. Въ переряживаніи Валера управителемъ Гарпагонова хозяйства чувствуется натяжка. Фрозина въ первой сценѣ IV акта сообщаетъ молодымъ людямъ подробный планъ интриги, затѣваемой ею для ихъ спасенія, но этотъ планъ вовсе не осуществляется потомъ и потому подробное упоминаніе о немъ излишне. Сцена побоевъ въ 3 актѣ какъ будто невзначай перенесена изъ какого-нибудь непритязательнаго фарса. Все это—слѣды повидимому спѣшной работы. Съ другой стороны настоящая пьеса одна изъ наиболѣе составныхъ, сборныхъ по множеству пошедшихъ въ нее матеріаловъ: комедія Плавта, старыя и современныя пьесы французскихъ и итальянскихъ авторовъ, все дало Мольеру то мелкую частность или удачную остроту, то цѣлую сцену. Но онъ оживилъ эту поразительную смѣсь заимствованныхъ идей, лицъ и поступковъ творческою своею силою, осмыслилъ, соподчинилъ ихъ, самостоятельно понялъ характеры и мотивировалъ дѣйствія, и обставилъ фабулу реальной бытовой картиной.

Въ противоположность тому, что теперь говорятъ, не справляясь съ точными данными, пьеса не сразу имѣла успѣхъ при жизни автора; общество его времени съ одной стороны не довѣряло попыткѣ возродить слишкомъ извѣстную еще тогда комедію Плавта, съ другой готово было возмущаться смѣлостью изображенія современнаго скряги-скопидома, взятаго прямо изъ рядовъ столичной буржуазіи, и его несчастной, разбитой семьи, гдѣ сыну приходится плутовать противъ отца, гдѣ отецъ чуть не становится алчнымъ кредиторомъ сына и соперникомъ его въ любви, и молодежь томится отъ глупой тираніи маніака. Въ этой бытовой картинѣ, обважившей разладъ въ большинствѣ французскихъ семей его времени, и въ нѣсколькихъ подобныхъ же отрицательныхъ чертахъ, встрѣчающихся въ другихъ его пьесахъ, Мольеръ вспомнилъ о своей собственной неудачной

юности, кончившейся разрывомъ съ родительскимъ домомъ.

Надъ этимъ безотраднымъ бытовымъ фономъ, обязывающимъ исполнителей второстепенныхъ ролей, особенно Клеанта, отнюдь не къ легкому, водевильному поввиманію давваго характера, возвышается, какъ главное украшеніе комедіи, центральная личность и изображеніе воплощеввой въ ней страсти. Ни одинъ изъ творцовъ главвыхъ видоизмѣвеній типа скупца не могъ бы, да и не былъ бы въ правѣ, заявить притязаній на полное изображевіе его. И Плавтъ, и Мольеръ, и Пушкинъ, и Гоголь, и Бальзакъ (въ *Eugénie Grandet*), сдѣлали каждый по существенному вкладу въ общее дѣло. Плюшкинъ, Гарпаговъ, Гранде, Скупой рыцарь, могутъ съ одиваковымъ правомъ стоять независимо въ этой любопытной галлереѣ скупцовъ. Они похожи другъ на друга лишь въ общихъ чертахъ. Среди нихъ мольеровскій герой занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ по оригинальности его обстановки и общественныхъ отношевій. Это ве венасытное и злое чудовище, не властолюбецъ, ве полумертвый, полупомѣшавный нелюдимъ, — онъ живетъ въ обществѣ, не порываетъ связей съ людьми, раскидываетъ всюду свои сѣти, даетъ деньги въ ростъ, и не въ безцѣльной плюшкинской скупости, а въ болѣзненной бережливости, въ экономіи, доведенной до крайняго безстыдства, выражается гложущая его страсть. Во всякомъ случаѣ это интересный психологическій этюдъ, дающій артисту много полезной и благодарной работы. Но характеръ этотъ задумавъ гораздо сложнѣе, чѣмъ обыкновенно полагаютъ. Часто повторялись слова Пушкина (вообще высоко, однако, ставившаго Мольера) о томъ, что «у Мольера — Скупой скупъ, и только», тогда какъ «у Шекспира Шейлокъ скупъ, смѣтливъ, мстителенъ, чадолюбивъ, остроуменъ» (*Замѣтки* 1833 года). Эта оцѣнка не соотвѣтствуетъ дѣйствительности, и параллель не выдержитъ провѣрки. Если Шейлокъ, кромѣ скупости, смѣтливъ, чадолюбивъ и т. д., то въ Гарпаговѣ выдвинуто отталкивающее сластолюбіе дряхлаго старика, не способное удержать его отъ попытокъ и тутъ что нибудь сберечь или нажить, безсердечность и жестокость отца къ дѣтямъ, хитрость, съ которою овъ выпытываетъ истину у сына, притворство, и въ тоже время довѣрчивость, на которой строитъ успѣхъ своей льстивой интриги Фрозина. Не прямолинейной и одноцвѣтной личностью, а сложнымъ характеромъ, сотканнымъ изъ рѣзкихъ и сильныхъ свойствъ, и изъ поразительныхъ слабостей, сдѣлалъ своего скупца Мольеръ; до него никто *такъ* не понялъ своей задачи, тогда какъ отъ него уже идетъ исходящая линія послѣдователей, все глубже захватывавшихъ сущность предмета.

На обрисовку остальныхъ дѣйствующихъ лицъ потрачено сравнительно меньше труда; они скорѣе сливаются въ любопытную собирательную бытовую картину. Но и тутъ остановившись на граціозномъ образѣ Элизы, съ ея ромавтическимъ складомъ ума и тяжкой долей увядать въ постыломъ отцовскомъ домѣ, — и на бойкости maître Jaques, имя котораго давно вошло во Франціи въ поговорку, — и на провырливости брачнаго агевта въ юбкѣ, неунывающей Фрозины. Прибавьте къ бытовому фону, къ мастерски очерченвой центральной личности, къ вѣсколькимъ удачно изображеннымъ второстепеннымъ фигурамъ неоспоримыя достоинства комизма и веселости въ такихъ сцепахъ, какъ знаменитая *Sans dot*, какъ бесѣда Гарпагопа съ Фрозивой о предстоящемъ бракѣ или со слугами о приготовленіяхъ къ пріему гостей, какъ посредничество Жака между отцомъ и сыномъ, или забавное qui pro quo между Скупымъ и Валеромъ, — и недостатки пьесы отступятъ на задній планъ, тогда какъ вѣчно свѣжія ея красоты, уже слишкомъ два столѣтія утѣшающія людей, останутся неоспоримыми.

Въ исполненіи *Скупого* одвимъ изъ главныхъ условій должна быть дружная работа всѣхъ участниковъ, одинаково серьозво относящихся къ своему дѣлу, какъ бы скромно оно ни было, но никакъ не сосредоточеніе всего вниманія ва одномъ только солистѣ. Успѣхъ возможенъ лишь при активности всѣхъ исполнителей. На дѣлѣ у васъ этого не оказалось. Съ какимъ-то равводушіемъ и невозмутимымъ спокойствіемъ вели свои роли нѣкоторые исполнители; — такъ Анселъмъ (г. Славинъ), не мѣвяясь нивъ лицѣ, ни въ звукахъ голоса, встрѣтилъ неожиданную вѣсть о томъ, что погибшія его дѣти живы и снова съ нимъ, — такъ въ степепвомъ в спокойномъ тонѣ Валера (г. Ильинскій) нельзя было замѣтить и тѣни той отважной предпріимчивости, которая заставила поклонвика Элизы пойти на сумасбродное перерядиванье, лишь бы быть съ нею, — такъ добродушный съ виду и напоминавшій водевильныхъ или балетныхъ нотаріусовъ комиссаръ (г. Васильевъ) не походилъ на того своеобразнаго юмориста, который „былъ бы очень радъ, еслибъ у него было столько мѣшковъ съ деньгами, сколько воровъ ому удалось повѣсить“. Съ другой стороны иногда характеру, задуманному въ положительномъ смыслѣ, придавался оттѣнокъ совершенно противоположный. Клеантъ сходенъ съ пушкинскимъ Альборомъ. Только нужда и оскорбленное самолюбіе могутъ довести его до рѣзкихъ и необдуманныхъ дѣйствій. Подобно сестрѣ, онъ томится созваніемъ, что ему придется, быть можетъ, долго еще губить молодыя силы въ семейной неволѣ. У г. Анчарова наоборотъ на все наложевъ былъ точно комическій отпечатокъ; въ походкѣ, размахивавіи руками, не-

привычкѣ къ костюму (а вѣдь самъ Гарпагонъ укоряетъ сына въ постоянномъ желаніи модничать и подражать маркизамъ) былъ избытокъ отрицательныхъ, почти забавныхъ пріемовъ.

Роль Фрозины поочередно исполнялась двумя молодыми артистками, г-жами Турчаниновой и Грибуниной. Она всего болѣе оказалась соотвѣтствующей роду дарованія первой изъ нихъ; г-жа Грибунина очень старательно отнеслась къ дѣлу, вѣрно задумала много интонацій и положеній, но была недостаточно жива, бойка, подвижна, какъ это необходимо для точной передачи характера Фрозины, этой французской свахи, которая, «еслибъ только захотѣла, повѣнчала бы даже венеціанскую республику съ турецкимъ султаномъ». Очень изящными вышли оба юныхъ женскихъ образа въ исполненіи г-жъ Яблочкиной 2-й и Таировой. Наибольшее же вниманіе обратили на себя гг. Лазаревъ (Жакъ) и Правдинъ, игравшій Гарпагона. У г. Лазарева очень кстати выдвинулся и вызывалъ дружный смѣхъ непосредственный, спокойный комизмъ, не прибѣгающій ни къ ужимкамъ, ни къ гримасамъ, и дѣйствующій всего сильнѣе контрастомъ глупостей, которыя говоритъ человѣкъ, съ его серьезнымъ видомъ. Сцена, въ которой Жакъ изъ повара превращается въ кучера, и послѣ художественнагосамодовольства настоящаго chef de cuisine переходитъ къ топу возницы, по своему привязаннаго къ своимъ голоднымъ и жалкимъ клячамъ, — и та, въ которой Жакъ становится арбитромъ между отцомъ и сыномъ, были проведены очень удачно. Наконецъ за г. Правдинымъ нельзя не признать значительныхъ заслугъ въ исполненіи роли Гарпагона. Онъ старательно обдумалъ всѣ мелочи *), и съ успѣхомъ ввелъ въ разныхъ мѣстахъ пьесы мимическія jeux de scène, не указанныя въ мольеровскомъ текстѣ (всегда очень скупомъ на этотъ счетъ) и предоставленныя вкусу и художественному такту артиста. Первыя сцены въ пьесѣ ведутся имъ, быть можетъ, слишкомъ въ мажорномъ, чуть не веселомъ тонѣ; несмотря на комизмъ раздраженія скряги противъ Лафлеша и подозрительности, доходящей до обыска, и тутъ, какъ и во всѣхъ дальнѣйшихъ сценахъ, за шуткой, дѣловымъ разговоромъ, ухаживаніемъ старика, должна отгадываться зрителемъ глухая и мучительная забота о драгоцѣнной шкатулкѣ, объ охранѣ накопленнаго достоянія, мысль неотвязная, сверлящая мозгъ. Минутами такое выраженіе придавалъ своему лицу г. Правдинъ, наприм., непосредственно передъ обыскомъ, когда Гарпагона вдругъ точно кольнуло въ сердце подозрѣніе, что передъ нимъ похититель его денегъ. Такіе проблески маніи слѣдовало бы участить, конечно, не въ тѣхъ видахъ, чтобъ сдѣлать изъ данной роли мелодраму, какъ поступаютъ иногда слишкомъ усердные исполнители, вызывая въ послѣдней сценѣ четвертаго акта вмѣсто ужаса смѣхъ своими судорогами и криками. Все же къ этой трудной сценѣ нужно постепенно подготовить зрителя, побудить его свыкнуться съ мыслью, что Гарпагонъ врядъ ли переживетъ пропажу своего сокровища. При томъ же перевѣсѣ въ старательной отдѣлкѣ роли, который до конца 4 акта у г. Правдина достается на долю чертъ комическихъ, слишкомъ велика выходитъ сразу затрата силъ, чтобы изобразить внезапный порывъ отчаянія и бѣшенства, доходящаго до галлюцинацій, у человѣка, только что мирно ушедшаго со сцены и затѣмъ вбѣгающаго въ остромъ пароксизмѣ горя.

Во всякомъ случаѣ возобновленіе *Скупого* можно привѣтствовать. И недостатки пьесы, и тяжелый переводъ, и неровное исполненіе, отзывавшееся въ неудачныхъ частностяхъ пассивнымъ отношеніемъ къ дѣлу, не затмили главныхъ красотъ мольеровскаго произведенія, — знанія души человѣческой, и неистощимой, геніальной веселости.

Алексѣй Веселовскій.

*) Относительно костюма Гарпагона напомнимъ, что въ инвентарѣ, составленномъ послѣ смерти Мольера, онъ описанъ такъ: „плащъ, нижнее платье и камзолъ изъ чернаго атласа, обшитый черпымъ шелковымъ кружевомъ, шляпа, парикъ, башмаки“, (все это лежало въ отдѣльной коробкѣ, приготовленное для представленія пьесы). Этому описанію не соотвѣтствуетъ костюмъ г. Правдина.

Большой театръ.

Въ обычный день, 30 августа, Большой театръ началъ свою дѣятельность въ настоящемъ году, повмѣсто *Жизни за Царя*, которой всегда начинались спектакли, была поставлена *Русланъ и Людмила*, такъ какъ для первой были сдѣланы новые костюмы, декораціи и предполагалось нѣчто въ родѣ юбилейнаго спектакля, 8 сентября, въ день 50-ти-лѣтія постановки *Жизни за Царя* въ Москвѣ. Открывая спектакли *Русланомъ*, въ Большомъ театрѣ, конечно, руководились желаніемъ начать сезонъ оперой Глинки, иначе выборъ пришлось бы назвать неудачнымъ, на томъ основаніи, что болѣе слабо обставленной оперы нѣтъ во всемъ репертуарѣ нашей большой сцены. Изъ всѣхъ исполнителей вполнѣ на своемъ мѣстѣ только г. Барцалъ въ партіи Финна, остальные всѣ въ большей или меньшей степени не удовлетворяютъ тѣмъ, правда, чрезвычайно высокимъ требованіямъ, какія представляютъ исполнителямъ партіи Людмилы, Ратмира и Руслана, особенно двѣ послѣднія. При всемъ нашемъ уваженіи къ такому добросовѣстному, почтенному артисту, какъ г. Власовъ, мы не можемъ считать его хорошимъ Русланомъ; для этого ему недостаетъ блеска и мягкости тембра голоса, а также и его гибкости; гибкости и свободы въ движеніяхъ недостаетъ и въ его сценической фигурѣ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ г-жа Звягина подавала надежды сдѣлаться хорошимъ Ратмиромъ, но съ каждымъ годомъ надежды эти уменьшались и теперь о нихъ уже нечего и говорить. Г-жа Звягина не дала себѣ труда выровнять регистры своего голоса и переходы изъ одного въ другой, а безъ этого условія нѣтъ возможности владѣть звукомъ, даже не всегда возможно справиться и съ вѣрностію интонаціи; сверхъ того неразсчетливое употребленіе грудныхъ нотъ можетъ придать пѣнію нежелательный оттѣнокъ грубости и жесткости. Съ вокальной стороны г-жа Фостремъ можетъ исполнять партію Людмилы удовлетворительно, но въ спектаклѣ 30 августа пѣла г-жа Мураньева. Даже прелестная партія Баяна большею частію неудается г. Вельяшеву и остается только жалѣть, что ее вмѣстѣ съ партіей Фина не поручатъ г. Барцалу, какъ это было въ прежнее время. Пожалуй теперь было бы лучше отложить *Руслана и Людмилу* пока въ сторону, до лучшихъ временъ, когда составъ исполнителей позволитъ обставить это геніальное произведеніе достойнымъ образомъ.

Жизнь за Царя шла 8 сентября, въ день своего московскаго пятидесятилѣтія, съ новой постановкой. Спектакль не имѣлъ никакихъ особыхъ признаковъ, если не считать возвышенныхъ цѣнъ, особой юбилейной афиши, да исполненія партій запѣвалы въ хорѣ и начальника польскаго отряда гг. Вельяшевымъ и Хохловымъ. По поводу спектакля 8 сентября была выпущена небольшая брошюра, въ которой излагается исторія постановки *Жизни за Царя* въ Москвѣ. Снѣдѣній въ брошюрѣ немного, потому что 50 лѣтъ назадъ эта постановка не произвела особаго впечатлѣнія и оставила послѣ себя весьма немногіе слѣды въ тогдашнихъ періодическихъ изданіяхъ Москвы и Петербурга. Составитель брошюры очевидно имѣлъ въ своемъ распоряженіи слишкомъ бѣдный матеріалъ, но и среди немногихъ свѣдѣній, имъ сообщаемыхъ, есть одна весьма значительная ошибка: брошюра приписываетъ исполненіе партіи Вани знаменитой пѣвицѣ Воробьевой-Петровой, тогда какъ на самомъ дѣлѣ въ Москвѣ тогда пѣла воспитанница Петрова, подававшая большія надежды, но далеко ихъ не оправдавшая и впослѣдствіи незамѣтно и довольно печально окончившая свое земное поприще въ Москвѣ. Осенью 1842 года вниманіе московской публики было совершенно поглощено хорошей нѣмецкой оперой, гостившей тогда въ Москвѣ, а *Жизнь за Царя*, послѣ девяти представленій, даже не давали почти цѣлый годъ. *Аскольдова могила* Верстовскаго пользовалась тогда болѣе значительнымъ успѣхомъ, главнымъ образомъ благодаря замѣчательно талантливому исполненію партіи Торопки Голована любимцемъ публики Бантышевымъ, феноменальнымъ теноромъ по ка-

чествамъ голоса и талантливости, но совершенно лишеннаго всякихъ основъ музыкальнаго образованія. Для такого исполнителя партія Сабинина была конечно слишкомъ трудна и серьезна, такъ что онъ блисталъ лишь нѣкоторыми отдѣльными фразами, какъ напр. «Здравствуй, матушка Москва» и т. п. Партію Антониды пѣла г-жа Леонова, о которой мы не могли отыскать свѣдѣній, кромѣ одного вопросительнаго знака, поставленнаго редакціей петербургскаго *Репертуара и Пантеона* въ коротенькой замѣткѣ московскаго корреспондента, отозвавшагося о г-жѣ Леоновой съ нѣкоторой похвалой. Партію Сусанина пѣлъ г. Куровъ, котораго мы въ ней слышали въ началѣ 60-хъ годовъ; это былъ пѣвецъ довольно толковый, но бездарный. Такимъ образомъ общій ансамбль исполненія былъ по всей вѣроятности не особенно высокаго качества, что, конечно, должно было отзываться на успѣхѣ оперы въ публикѣ. Серьезное вниманіе къ *Жизни за Царя*, какъ и вообще къ музыкѣ Глинки, стало проявляться лишь въ 60-хъ годахъ, а до того времени Глинка, даже во мнѣніи образованной публики, стоялъ на одинаковомъ почти уровнѣ съ Варламовымъ, Гурилевымъ и другими композиторами ходячихъ въ то время романсовъ. Отраженіемъ такого взгляда на Глинку можно считать одно стихотвореніе популярной тогда графини Ростопчиной, которое было написано по случаю смерти Глинки и сумасшествія Гурилева; въ немъ эти двѣ утраты разсматрваются какъ имѣющія равносильное значеніе для искусства. Мнѣ, пишущему эти строки, приходится слышать *Жизнь за Царя* въ Москвѣ уже 32 года. Много исполнителей смѣнилось за это время, да и въ самомъ исполненіи измѣнилось многое, о чемъ мы и хотимъ сказать нѣсколько словъ.

Въ прежнемъ исполненіи *Жизни за Царя* было значительно больше простоты и цѣльности въ общемъ. Творческій геній Глинки подсказалъ ему въ оперной композиціи весьма многое, сдѣлавшееся общимъ достояніемъ гораздо позже. Къ такимъ особенностямъ принадлежатъ его речитативы и наклонность къ сложнымъ формамъ большихъ сценъ. Речитативы Глинки всегда имѣютъ большой мелодическій интересъ и состоятъ изъ аріозныхъ фразъ объединяемыхъ общимъ фономъ оркестроваго сопровожденія, имѣющаго самостоятельную, законченную форму. Фразы речитатива и аріозныя формы такъ близко соприкасаются у Глинки, что составляютъ почти одно и тоже. Въ первомъ актѣ къ такимъ мѣстамъ относятся сцены, начиная съ выхода Сусанина, пріѣздъ Сабинина и его разсказъ до тріо. Прежде перемѣны темпо въ этихъ сценахъ были менѣе рѣзки и часты; Сусанинъ не затягивалъ своей партіи, хоръ не спѣшилъ, и въ общемъ было больше единства и стройности, что вѣроятно болѣе отвѣчало намѣреніямъ Глинки, нежели рельефныя выдѣленія отдѣльныхъ небольшихъ кусковъ. Въ финальномъ тріо 1-го акта также не было двойной разности въ темпо первой темы и во вступленіи хора. Вообще басъ держался одинаковаго темпо съ остальными голосами и не растягивалъ своихъ фразъ. Кстати еще, Сусанина не изображали старцемъ, котораго Ваня и Сабининъ поднимаютъ подъ руки въ квартетѣ; Сусанинъ долженъ быть въ возрастѣ приблизительно 40 лѣтъ, иначе онъ не могъ имѣть такой молодой дочери, какъ Антонида, ибо въ крестьянствѣ и тогда вступленія въ бракъ не откладывали до 50-ти лѣтняго возраста. Въ третьемъ актѣ единство настроенія сцены выдерживалось также больше, объ изумительно-уродливомъ замедленіи на словахъ «И миромъ благимъ процвѣтетъ» 30 лѣтъ тому назадъ не имѣли понятія, а дѣлали едва замѣтное *rallentando* безъ фермать и строго въ тактъ; такимъ образомъ молитва подготовлялась гораздо эффектнѣе и сильнѣе. Въ сущности слѣдовало бы положить конецъ произволу разныхъ исполнителей и установить точнѣе темпо и оттѣнки въ исполненіи *Жизни за Царя*, тѣмъ болѣе, что теперь еще можно получить свѣдѣнія отъ нѣкоторыхъ лицъ, слышавшихъ оперу еще при жизни Глинки, когда его личныя указанія еще были живы въ памяти исполнителей.

Оставляя въ сторонѣ эти дет[illegible], переходя къ исполненію *Жизни за Царя* въ спектаклѣ 8 сентября, мы должны сказать, что оно было не особенно блестящимъ. Хороши были въ своихъ партіяхъ г-жа Маркова и г. Довской, довольно удовлетворителенъ г. Власовъ и неудовлетворительна г-жа Звягина. Г-жа Маркова производила весьма пріятное впечатлѣніе красивымъ тембромъ голоса, а также вкусомъ и музыкальностію въ пѣніи. Арія Антониды въ первомъ актѣ она пѣла въ G-dur, но это не имѣетъ особеннаго значенія. Возвращаясь опять къ воспоминаніямъ о прежнемъ времени, мы можемъ сказать, что на словахъ «Я ли, красная дѣвица» дѣлали небольшое, едва чувствительное замедленіе, что, по нашему, красивѣе, нежели теперешняя внезапная перемѣна темпа. «Не о томъ скорблю, подруженьки» есть жалоба кроткой, убитой горемъ дѣвушки, а не драматическій разсказъ, поэтому нѣтъ надобности ни въ декламаціи, ни въ tempo rubato. Г. Донской очень хорошій Сабининъ, одинъ изъ лучшихъ, какихъ намъ приходилось слышать. Что касается г. Власова, то партія Сусанина не совсѣмъ подходитъ къ его большому, но довольно сухому и однообразному по тембру голосу; поетъ онъ очень твердо и добросовѣстно. У г-жи Звягиной партія не отдѣлана какъ слѣдуетъ, иногда она злоупотребляетъ своими грудными нотами, иное въ сценѣ у монастыря скомкано, а иногда, какъ въ послѣднемъ тріо, измѣняла и интонація. Фигура ея не особенно подходитъ къ роли Вани, сверхъ того она слишкомъ суе-

тится на сценѣ и въ результатѣ получается неудовлетворительное впечатлѣніе. Хоры и оркестръ были по обыкновенію очень хороши. Не знаемъ почему пропускаютъ антрактъ къ четвертому дѣйствію; жаль также, что очень рѣзко обрѣзанъ хоръ въ третьемъ актѣ «Мы на работу въ лѣсъ», въ театрѣ Шелапутина это мѣсто исполняется лучше. Новая постановка богата, но ледъ въ первомъ актѣ идетъ слишкомъ густо и слишкомъ высоко надъ водой, а эффектъ луннаго освѣщенія въ четвертомъ актѣ не совсѣмъ вяжется съ тѣмъ, что говорится на сценѣ о темной, бурной ночи, да пожалуй и съ падающимъ снѣгомъ.

Вновь ангажированный г. Клементьевъ выступилъ въ трехъ операхъ: *Пиковой дамѣ* и *Евгеніѣ Онѣгинѣ* П. И. Чайковскаго и въ *Фаустѣ* Гуно. У молодаго пѣвца несомнѣнно есть матеріалъ, но мало умѣнья имъ распоряжаться и потому въ производимомъ имъ впечатлѣніи трудно разобраться, даже трудно сдѣлать какія-либо предположенія относительно будущаго; остается надѣяться, что голосъ пѣвца получитъ большую гибкость и мягкость, а также явится большая привычка къ сценѣ. Среди вновь ангажированныхъ членовъ труппы выдается своимъ прекраснымъ голосомъ г. Мировъ, но объ остальномъ, по одной исполненной пѣвцомъ аріи князя Гремина, да въ маленькой роли слуги въ «Демонѣ», судить трудно, тѣмъ болѣе, что къ начинающему свою карьеру артисту нельзя относиться съ очень строгими требованіями. Во всякомъ случаѣ г. Мировъ имѣлъ весьма большой успѣхъ. Довольно интересное явленіе представляетъ г-жа Ильинская, пѣвшая партію Изабеллы въ *Робертѣ Дьяволѣ*. Это совсѣмъ молодая пѣвица, обнаружившая, несмотря на очень сильное ощущеніе, весьма хорошіе задатки по колоратурную пѣвицу. У г-жи Ильинской можно было замѣтить признаки хорошей школы, тембръ ея голоса свѣжъ, пріятенъ и очень гибокъ отъ природы, независимо отъ упражненія—искусственно пріобрѣтенную гибкость всегда можно отличить даже у первоклассныхъ пѣвицъ. Ко всѣмъ симпатичнымъ качествамъ присоединяется музыкальность и вкусъ въ оттѣнкахъ. Нужно только молодой артисткѣ беречься отъ сантиментальности въ выраженіи и затягиваніи темпо, особенно въ такихъ партіяхъ, какъ партія Изабеллы, гдѣ весь запасъ сантиментальности исчерпывается каватиной 4-го акта, все же остальное должно исполняться съ кокетливой простотой и легкостью. Весьма большимъ успѣхомъ пользуется новый баритонъ, г. Верже, пѣвецъ очень опытный и умѣлый, къ сожалѣнію появляющійся въ незначительныхъ сравнительно партіяхъ отца въ «Травіатѣ» или Валентина въ *Фаустѣ*, представляющей хотя и большой интересъ, но въ неособенно большой степени. Дѣйствительное значеніе этаго артиста выяснится когда ему дадутъ возможность выказать свой талантъ на чемъ-либо болѣе значительномъ. Остальные вновь ангажированные члены труппы (г-жи Караффи, Соколова, Шубина, и др.) не заявили еще опредѣленнаго мѣста въ репертуарѣ, да и самъ репертуаръ пока еще бѣденъ; новостей въ скоромъ времени не предвидится, по крайней мѣрѣ нѣтъ еще никакихъ предварительныхъ анонсовъ, обыкновенно появляющихся довольно задолго, если не считать анонса о возобновленіи *Аиды*.

Н. Кашкинъ.

Театръ г-на Корша.

„Ева“, драма Фосса.—„Столичный воздухъ“, ком. Блюменталя и Кадельбурга.—„Коварство и любовь“ Шиллера.—„Мюзотта“, др. Гюи-де-Мопасана.—Нѣсколько словъ о десятилѣтнемъ юбилеѣ антрепренерской дѣятельности г. Корша.—Дебютъ г-жи Щепкиной.

Драма Фосса «Ева» пользовалась въ Германіи сравнительно большимъ успѣхомъ. Этотъ успѣхъ вѣроятно и вызвалъ появленіе ея въ переводѣ на русской сценѣ. Разсчетъ этотъ, однако, оказался невѣрнымъ. Пьеса на русской сценѣ успѣха не имѣла, и этотъ неуспѣхъ еще разъ доказалъ разницу вкусовъ и требованій нѣмецкой публики и русской. Рус-

ская публика, воспитанная на художественно-реальныхъ, живыхъ образахъ родной литературы, не мирится съ дѣланностью, мелодраматизмомъ, слащавымъ сентиментальничаньемъ нѣмецкихъ авторовъ, тогда какъ нѣмецкая публика не только легко прощаетъ автору такіе недостатки, но даже требуетъ отъ автора, чтобы онъ отнюдь не выходилъ изъ этихъ рамокъ. Русскій зритель ждетъ отъ сцены прежде всего жизненной правды, живыхъ образовъ дѣйствительности, тогда какъ германская бюргерская публика была-бы шокирована до извѣстной степени, еслибы авторъ далъ ей дѣйствительно жизненную картинку, безъ излишнихъ прикрасъ; она ищетъ въ театрѣ чего-либо *другаго*, но непремѣнно непохожаго на повседневную окружающую жизнь, требуетъ отъ сцены «возвышающаго обмана». Одна часть дѣйствующихъ лицъ должна быть непремѣнно добродѣтельна, другая же олицетворять собою порокъ и только порокъ. Добродѣтельныя лица не могутъ обладать никакими недостатками, они *только* несчастны, они *только* жертвы. Въ фарсѣ-же такіе судьи допускаютъ жизненную правду внолнѣ. И артисты такъ-же относятся къ сценѣ, какъ и публика. Артистъ, только что съигравшій въ высшей степени правдиво свою роль въ легкой комедіи, не уклонившійся ни на іоту отъ простаго, понятнаго разговорнаго языка, появившись въ драмѣ, сразу какъ-бы перерождается. Вы съ трудомъ узнаете его. Онъ весь окутанъ массой условностей, являющихся для русскаго зрителя и ненужными, и даже подчасъ смѣшными. Тягучій тонъ нараспѣвъ, приподнятость и въ голосѣ, и въ тонѣ, и въ жестахъ.

Лишь за послѣднее время въ Германіи начинаетъ пробиваться новая струя, хоть и съ упорной борьбой, но все же понемногу новое, реальное направленіе на сценѣ завоевываетъ себѣ положеніе, хотя и заинтересовывая собою въ началѣ въ видѣ извѣстнаго рода curiosité. Едва ли мы ошибемся, если знаменитую комедію Зудермана «Честь» назовемъ наиболѣе яркимъ образцомъ новаго движенья въ германской современной драматической литературѣ. Сильная, яркая, талантливо написанная пьеса Зудермана быстро обошла всѣ русскія сцены и, конечно, надолго останется въ репертуарѣ русскаго театра.—Ея успѣху не вредила та обычная условность, которая претитъ русскимъ зрителямъ въ произведеніяхъ нѣмецкихъ авторовъ. Успѣхъ «Чести» Зудермана въ Россіи былъ бы еще болѣе, еслибы храбрость, съ какой авторъ пошелъ противъ застарѣлыхъ условностей, не оставила бы его до конца. Но ужь такова сила традиціи и рутины. Зудерманъ какъ будто вдругъ испугался гнѣва нѣмецкой публики и сильно испортилъ свою прекрасную пьесу сантиментальнымъ концомъ съ нелѣпымъ превращеніемъ прекрасно задуманнаго и написаннаго образа графа Траста въ американскаго дядюшку, въ добраго волшебника сказокъ добраго стараго времени. Особенно приподняты у нѣмецкихъ авторовъ любовныя сцены. Стоитъ вспомнить хотя бы сцену свиданья Роберта и Леоноры въ той же пьесѣ Зудермана.

Пьеса Фосса «Ева» принадлежитъ къ типичнѣйшимъ произведеніямъ нѣмецкой драматургіи первой категоріи. Несчастной страдалицей, долженствующей привлечь всѣ симпатіи зрителя, является дочь графа Дюрена, аристократа, разорившагося на спекуляціяхъ. Боготворящая своего отца, героиня Ева разочаровывается въ его нравственныхъ качествахъ. Графъ далъ свое громкое, аристократическое имя компаніи негодяевъ, затѣявшихъ дутое предпріятіе по разработкѣ рудниковъ. Предпріятіе это разсчитано исключительно на легковѣріе пайщиковъ быстро разбогатѣющихъ пан компаніи, готовыхъ перекупать ихъ по высшей цѣнѣ. Настоящая подкладка дѣла не составляетъ секрета для графа и онъ завѣдомо принимаетъ участіе въ предпріятіи, которое неминуемо повлечетъ за собою разореніе многихъ, довѣрившихся его имени. Къ числу людей, беззавѣтно вѣрящихъ въ чистое имя графа, принадлежитъ и честный, простой труженикъ, нажившій безукоризненными путями состояніе и сдѣлавшійся фабрикантомъ—Гартвигъ. Ему въ свою очередь беззавѣтно вѣрятъ его рабочіе и несутъ свои сбереженія на покупку акцій этого предпріятія. Внезапно наступаетъ крахъ, потерпѣвшіе пайщики набрасываются и на графа и на Гартвига и обвиняютъ ихъ въ своемъ разореніи.

У графини Евы есть женихъ, Элимаръ, котораго она любитъ. Женихъ этотъ принадлежитъ къ аристократіи и, послѣ обнаружившагося скандальнаго участія графа въ лопнувшемъ предпріятіи, отказывается отъ женитьбы на Евѣ. Благородный фабрикантъ Гартвигъ принимаетъ на себя обязательство вознаградить потери потерпѣвшихъ изъ за довѣрія къ нему и кромѣ того, такъ какъ ему очень жаль несчастную Еву, потерявшую и доброе имя и жениха, онъ предлагаетъ ей свою руку и сердце. Ева выходитъ замужъ за простаго благороднаго фабриканта и жертвуетъ ему своимъ графствомъ *въ награду* за его *геройскій* поступокъ относительно пайщиковъ предпріятія. Отецъ Евы стрѣляется. Въ новой семьѣ Ева не находитъ счастья. Мужъ ее любитъ, у нея есть дочь, но счастья нѣтъ. Старуха мать Гартвига считаетъ Еву чужой ихъ семьѣ и постоянно осыпаетъ ее всевозможными упреками. Благородный Гартвигъ старается примирить мать съ женой, но безуспѣшно. Въ то же время онъ продолжаетъ работать и уплачивать тѣ долги, которые онъ принялъ на себя.

Наконецъ, долги уплачены, конецъ тревогамъ, заботамъ и лишеніямъ. Гартвигъ собирается отпраздновать достиженіе своей цѣли, заказываетъ кухмистеру ужинъ и отправляется звать на него своихъ друзей и бывшихъ кредиторовъ. Въ это время, совершенно внезапно является къ Евѣ Элинаръ, ея бывшій женихъ, и заявляетъ ей, что, несмотря на четырехлѣтнюю разлуку, онъ продолжаетъ любить ее. Ева тоже все время продолжала его любить, хотя и не сознавала этого. Она очень быстро соглашается на его доводы, бросаетъ мужа и ребенка и уходитъ къ Элинару, предварительно *смѣло и откровенно* высказавъ мужу, что она его никогда не любила, что жить съ нимъ не можетъ, что Элинаръ явился къ ней и что она уйдетъ къ нему. Благородный Гартвигъ страдаетъ, плачетъ, долго не рѣшается что и какъ ему предпринять и, наконецъ, рѣшаетъ дать женѣ полную свободу.

Ева переходитъ къ Элинару и въ ожиданіи развода дѣлается его любовницей. Онъ тяготится ею и совѣтуетъ ей вернуться къ мужу. Тутъ же она узнаетъ, что у него до нея былъ цѣлый рядъ любовницъ. Открыть ей глаза на ея любовника является ея предшественница Туанетта.—Ева убиваетъ Элинара. Послѣдній актъ драмы происходитъ въ тюрьмѣ. Ева отбываетъ наказаніе за убійство. Послѣдній день срока, сегодня она свободна. Туанетта ухаживаетъ въ тюрьмѣ за больной Евой и собирается взять ее къ себѣ. Является благородный Гартвигъ, прощаетъ Еву и вновь зоветъ ее къ себѣ и дочери, но тутъ Ева умираетъ.

Вотъ содержаніе драмы. Читателю ясно, что такой наборъ всякихъ случайностей и ужасовъ, такой рядъ картинъ безъ внутренней связи между собою не можетъ спасти пьесу отъ весьма скораго и полнаго забвенія.

Въ роли Евы намъ впервые пришлось познакомиться съ г-жею Мондшейнъ, новой артисткой труппы г-на Корша на драматическія роли.

Г-жа Мондшейнъ молодая артистка съ безспорными данными и задатками. У нея есть и теплота, и искренность, и очень цѣнное въ нашихъ глазахъ и рѣдкое свойство—старательное отношеніе къ своему дѣлу, желаніе трудиться и работать надъ собой. Всего лучше это замѣтно въ живыхъ паузахъ, въ стараніи отдѣлать детали. Но, чтобы вполнѣ отвѣчать требованіямъ, которыя московская публика въ правѣ предъявлять къ артисткѣ на эти роли, г-жѣ Мондшейнъ предстоитъ еще много работы. Мѣстами ей не достаетъ простоты, не рѣдко она показываетъ наклонность къ перегрываніе, къ провинціальному мелодраматизму, иногда она видимо не увѣрена въ тонѣ, вдетъ его, мѣняетъ, не выдерживаетъ; мѣстами артистка впадаетъ въ излишнюю сантиментальность. Но все это недостатки, отъ которыхъ при желаніи и работѣ артистка можетъ отдѣлаться.

Если роль героини драмы Фосса при той непослѣдовательности, неясности и ходульности, съ какой она обрисована авторомъ, не даетъ интереснаго матеріала для исполнительницы, тѣмъ менѣе привлекательны въ смыслѣ артистической работы остальныя роли пьесы Фосса. Еще у одного благороднаго Гартвига есть нѣсколько благодарныхъ для артиста моментовъ. Г. Людвиговъ прекрасно воспользовался этими моментами и сдѣлалъ все, что можно требовать отъ артиста, чтобы сколько-нибудь очеловѣчить этого ходульнаго героя.

Остальные артисты сдѣлали что могли, но не въ нихъ силахъ было спасти эту мелодраму. Изъ числа исполнителей мы укажемъ также на г-жу Омутову, съумѣвшую своей искренностью, теплотой и задушевностью выдѣлить небольшую роль Туанетты.

—

Слѣдующей пьесой шелъ фарсъ Блументаля и Кадельбурга *„Столичный воздухъ“* («Grossstadtluft») въ переводѣ автрепренера этого театра Ѳ. А. Корша. Переводчикъ перенесъ дѣйствіе этого веселаго фарса въ Россію, отчего, впрочемъ, фарсъ не потерялъ своего интереса. За исключеніемъ двухъ-трехъ мѣстъ это сдѣлано довольно умѣло.

«Столичный воздухъ», конечно, не комедія, какъ пьеса громко названа на афишѣ, а просто водевиль или скорѣе фарсъ, безобидный, веселый, лишь мѣстами немного растянутый. Смотрится пьеса легко, вполнѣ прилична, шаржъ допущенъ въ границахъ и, хотя сюжетъ пьесы ничего новаго собою не представляетъ, характерныхъ типовъ не даетъ, но, какъ фарсъ, безспорно одно изъ лучшихъ произведеній этого рода, которыя появлялись за послѣднее время. Предъявлять къ такимъ произведеніямъ художественныя требованія мы не въ правѣ—этотъ родъ драматической литературы стоитъ особнякомъ и имѣетъ свои задачи, которымъ «Столичный воздухъ» и удовлетворяетъ вполнѣ. Любителямъ веселыхъ водевилей эту пьесу можно рекомендовать смѣло.

Темой для пьесы взято положеніе столичнаго жителя, жевившагося на провинціалкѣ, и вынужденнаго вслѣдствіе этого поселиться въ глухой провинціи. Пьеса кончается побѣдой стремленій къ жизни въ столицѣ.

Исполнена была пьеса очень живо и весело. Въ особенности былъ хорошъ г. Вязовскій, въ роли доктора Бѣлопольскаго, съумѣвшій даже вдохнуть частичку «духа жива» въ водевильный образъ.

Г. Сашинъ очень забавенъ въ роли «тестя» Мвиошвва; по обыкновенію, очень мила г-жа Кошева въ роли его дочери Тави, вышедшей замужъ за столичнаго жителя Верховскаго. Роль

послѣдняго очень недурно исполняется г. Яковлевымъ, какъ и роль адвоката Нестерова—г. Людвиговымъ.

Роль Нестеровой исполняется г-жей Мартыновой по ея извѣстному шаблону. Въ нѣсколько каррикатурныхъ роляхъ провинціальныхъ сплетницъ Бѣлопольской и Пышкиной—г-жи Красовская и Кудрина впадали въ излишній шаржъ, что особенно жаль, когда приходится удостовѣрять это по отношенію къ такимъ серьезнымъ и талантливымъ артисткамъ. Г. Свѣтловъ въ роли Пети Бѣжина старался каррикатурить во всю и сдѣлалъ изъ этой и безъ того сочиненной, кукольно-дѣланной фигуры нѣчто крайне непріятное.

Съ отраднымъ чувствомъ заносимъ на наши страницы фактъ новаго отношенія дирекціи къ настоящимъ авторамъ пьесы. Послѣ перваго акта, при первомъ представленіи пьесы, когда съ верховъ раздались не въ мѣру услужливые вызовы «автора», исходящія, конечно, отъ лицъ, не усвоившихъ себѣ разницу между авторомъ и переводчикомъ, — со сцены было заявлено, что авторы этой пьесы — «Блументаль и Кадельбургъ—живутъ въ Берлинѣ». Такой анонсъ дѣлаетъ честь дирекціи, которая поняла наконецъ, какъ обязательно въ смыслѣ литературной порядочности не допускать присвоенія себѣ чужихъ правъ. И такъ время когда передѣлыватели-переводчики, ставившіе чужія пьесы, выходили на вызовы «автора» и раскланивались съ публикой со сцены этого театра—миновало. Будемъ надѣяться, что навсегда. Тѣмъ болѣе намъ жаль, что г. Коршъ тѣмъ не менѣе не устоялъ передъ искушеніемъ и сталъ выходить на вызовы послѣ послѣдующихъ актовъ. Это плохой прецедентъ для будущаго. Было бы несравненно лучше, еслибы г. Коршъ не поддался искушенію и предоставилъ бы вызовамъ его замолкнуть, что, конечно, и не заставило бы себя ждать.

—

Въ спектаклѣ 11 сентября публика театра г-на Корша имѣла возможность отдохнуть отъ «новинокъ», быстро появляющихся и быстро исчезающихъ, и насладиться вѣчно-юнымъ, вѣчно-живымъ, чарующимъ произведеніемъ геніальнаго поэта. Спектакль этотъ—лучшій отвѣтъ тѣхъ, кто говоритъ объ «устарѣвшихъ» произведеніяхъ міровыхъ геніевъ и о необходимости во что бы то ни стало «освѣжать» репертуаръ «новинками» какого бы то ни было качества. «Устарѣвшая» мѣщанская драма Шиллера, неувѣренность, что эта драма найдетъ для себя исполнителей въ труппѣ, воспитанной на фарсахъ—и полный залъ, которому бы могла позавидовать любая «новинка», отзывчивость зрителей къ страданіямъ отъ несправедливостей, ставшихъ въ нашъ вѣкъ уже анахронизмомъ, вниманіе къ знакомымъ перипетіямъ драмы, горячій пріемъ артистовъ, хоть сколько-нибудь справившихся съ своей благодарной задачей, однимъ словомъ, полное, отрадное торжество святаго, высокаго искусства надъ низменными вкусами, которые хотятъ навязать нашей публикѣ; побѣда человѣческой мысли надъ шутовскимъ колпакомъ уличнаго гаера.

„Коварство и любовь"!—Кто не видалъ этой пьесы по нѣскольку разъ, въ несравненно лучшемъ исполненіи! И съ какимъ наслажденіемъ зритель вновь смотритъ эту пьесу. Погибли герои, убито добро, попрано право, честь, поругана любовь, зло торжествуетъ, пусть зритель и не увѣренъ, что сбудется обѣщаніе поэта и злодѣи понесутъ заслуженную кару — этотъ зритель выходитъ изъ театра съ чистыми помыслами, съ успокоенной душей, открытой для добра, любви и правды. Нѣтъ и слѣда томящей, удручающей скуки, тупой головной боли, душевной тоски, чувства пустоты, какія приходится ему выносить послѣ представленія доморощенной „новинки", безразлично съ грустнымъ или веселымъ содержаніемъ. Пусть добродѣтель торжествовала, порокъ наказанъ, пусть весь вечеръ его одолѣвалъ животный смѣхъ, онъ не донесетъ своихъ впечатлѣній дальше двери театра. Вышелъ—и забылъ. И слава Богу!

Пусть этотъ спектакль научитъ дирекцію почаще заглядывать въ очень и очень богатую сокровищницу безсмертнаго генія искусства, въ немъ черпать свои «новинки», пріучитъ дѣйствительно, не только похвальбы ради, «сѣять разумное вѣчное» и вѣрить въ «спасибо сердечное» своей публики и почаще проходить мимо доморощенныхъ новинокъ, имя которымъ легіонъ, а жизнь—минута.

Скажемъ спасибо дирекціи за постановку безсмертнаго произведенія, а артистамъ за добросовѣстную работу. Правда, исполненіе далеко не было безукоризненно, но мы предпочтемъ это небезукоризненное исполненіе такого произведенія до тонкости доведенному исполненію «Столичнаго воздуха».

Болѣе другихъ удовлетворила насъ г-жа Журавлева въ роли леди Мильфордъ. Женственность, искренность, теплота, съ какими передана была эта роль, дѣлаетъ большую честь артисткѣ.

Г. Трубецкой былъ холоденъ въ роли Фердинанда, всего менѣе удались ему сцены, требующія силы, горячаго темперамента, подъема. Если это является слѣдствіемъ стремленія къ простотѣ, то мы предостерегаемъ артиста отъ такого увлеченія. Все хорошо въ мѣру. Г-жа Мондшейнъ провела свою роль слишкомъ односторонне. Она оттѣнила только одностороннюю покинутой, несчастной Луизы. Вся роль проведена была ею въ нѣсколько однообразномъ ною-

щемъ тонѣ. Луиза, какъ живой человѣкъ, съ вспышками радости, любовной страсти, гнѣва, была не совсѣмъ достаточно обрисована артисткой. Мы готовы, впрочемъ, думать, что эти недостатки исполненія г-жи Мондшейнъ и г. Трубецкаго происходили скорѣе отъ недостаточной опытности и надѣемся, что при слѣдующихъ представленіяхъ пьесы, если только не вытѣснитъ ее съ репертуара незнающая пощады гоньба за новинками, молодые артисты настолько освоятся съ своими ролями, что удовлетворятъ болѣе строгимъ требованіямъ.

Хорошаго исполнителя нашла въ г. Свѣтловѣ роль Вурма. Хорошій гримъ, вѣрный, обдуманный тонъ, выдержанная передача роли артистомъ—приковывало къ себѣ вниманіе зрителя.

Исполненіе г-мъ Шмидтгофомъ роли гофмаршала производило крайне отталкивающее впечатлѣніе. Артистъ совсѣмъ не понялъ своей роли, явился прямо какимъ-то опереточнымъ персонажемъ и много вредилъ общему впечатлѣнію ансамбля.

Г. Ильковъ мѣстами довольно тепло провелъ роль старика Миллера, особенно ему удалась сцена полученія отъ Фердинанда кошелька съ золотомъ, но въ общемъ роль была имъ обезцвѣчена, у артиста не хватало силы въ патетическихъ мѣстахъ.

Г-жѣ Медвѣдевой роль матери Луизы, конечно, совсѣмъ не удалось. Странно, что эта роль была поручена артисткѣ на комическія роли, тѣмъ болѣе, что въ труппѣ есть прекрасная артистка для нея въ лицѣ г-жи Красовской.

Постановка пьесы въ режиссерскомъ отношеніи оказалась не безъ промаховъ. Въ особенности неудачно поставлены сцены у лэди Мильфордъ—входная дверь должна быть сбоку, появленіе же дѣйствующихъ лицъ изъ середины заставляетъ г-жу Журавлеву говорить свои реплики спиною къ публикѣ, что лишаетъ зрителя возможности какъ слѣдуетъ слышать артистку.

—

18 сентября на сценѣ театра г-на Корша въ первый разъ поставлена драма въ 3 д., «Мюзотта», передѣланная изъ превосходнаго разсказа талантливаго Гюи де-Мопассана.—Къ сожалѣнію при передѣлкѣ въ драму потерялась главная прелесть разсказа—собственное авторское *я*. Недостатокъ дѣйствія также много вредитъ пьесѣ, какъ и ея растянутость.

Первый актъ происходитъ въ семьѣ Птипре. Дочь его, Жильберта, только что повѣнчана съ художникомъ Мартинелемъ. Гости разъѣхались. Молодые остались въ кругу своихъ близкихъ родныхъ. У Мартинеля до женитьбы была связь съ его натурщицей Мюзоттой. Она нравилась ему, но глубокой привязанности къ ней онъ не чувствовалъ. Мюзотта же полюбила его горячо. Когда же она замѣтила, что Мартинель полюбилъ Жильберту, она сама освободила его отъ себя и скрылась, не желая мѣшать его счастью. Мартинель въ вечеръ послѣ вѣнчанія получаетъ письмо отъ доктора, который извѣщаетъ его, что Мюзотта умираетъ и молитъ его пріѣхать къ ней проститься. Мартинель уѣзжаетъ, поручивъ своему дядѣ и своему другу Леону Птипре, брату Жильберты, объяснить и ей и ея роднымъ его отъѣздъ.

Второй актъ происходитъ у Мюзотты. Сознавая свой близкій конецъ, она ждетъ Мартинеля и боится, что онъ уже не застанетъ ее въ живыхъ. Мартинель пріѣзжаетъ, она прощается съ нимъ, проситъ не бросить, только что родившагося, ихъ ребенка и умираетъ. Этотъ актъ весь состоитъ почти изъ сплошнаго монолога умирающей Мюзотты, если не считать небольшой и очень характерной сцены между докторомъ, истымъ балетоманомъ, и сидѣлкой, бывшей танцовщицей, толкующихъ о балетѣ во время сна больной.

Третій актъ опять возвращаетъ зрителя въ семейство Птипре.—Жильберта, ея отецъ и тетка требуютъ отъ дяди Мартинеля и Леона, чтобы они объяснили имъ причину внезапнаго отъѣзда жениха. Несмотря на ихъ старанія, имъ не удается успокоить Жильберту и ея родныхъ. Возвращается Мартинель и проситъ, чтобы его оставили наединѣ съ его женой. Онъ откровенно объясняетъ ей все и предоставляетъ ей рѣшить ихъ судьбу. Жильберта, убѣдясь, что Мартинель любитъ только ее одну и, узнавъ, что Мюзотта, умирая, поручила ему передать ей ея просьбу не покинуть несчастнаго малютку и замѣнить ему мать, рѣшается уѣхать съ мужемъ и взять къ себѣ ребенка Мюзотты. Это рѣшеніе одобряютъ и ея родные.

Быть можетъ, если бы пьеса была сдѣлана въ 1 актѣ, она во многомъ бы выиграла.

Роль Мюзотты была прекрасно исполнена г-жей Журавлевой. Вообще, что касается этой артистки, мы съ удовольствіемъ признаемъ, что въ этомъ сезонѣ, она съ каждой новой ролью все болѣе обращаетъ на себя вниманіе той серьезной работой, съ которой она относится къ своимъ ролямъ. Артистка ведетъ свои роли горячо, старательно и не заслуживаетъ тѣхъ упрековъ, которые мы вынуждены были дѣлать ей въ прошломъ году.

Роль Мюзотты была мастерски проведена ею. Передъ нами былъ живой образъ беззавѣтно-любящей женщины—матери, борящейся между жизнью и смертью, поглощенной однимъ желаніемъ увидѣть дорогого ея сердцу человѣка и ему поручить судьбу несчастной сироты. Мы позволимъ себѣ только обратить вниманіе артистки на излишнее подчеркиваніе патологическихъ моментовъ, не вполнѣ пригодныхъ для сцены.

Остальные артисты вполнѣ добросовѣстно отнеслись къ своимъ ролямъ.

—

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ по поводу десятилѣтняго юбилея антрепренерской дѣятельности г. Корша, который отпраздновалъ его въ спектаклѣ 30 августа. Юбилей этотъ собственно относится только до личности антрепренера, юбилеемъ-же *театра* считаться не можетъ, такъ какъ его антреприза явилась преемницей антрепризы г-жи Бренко, въ дѣйствительности основавшей частный театръ въ Москвѣ. Г. Коршъ принялъ уже вполнѣ сформированное дѣло. Съ этой точки зрѣнія мы будемъ смотрѣть на этотъ юбилей, какъ на юбилей самого антрепренера. Десять лѣтъ дѣятельности—срокъ не достаточно большой, чтобы возбудить къ себѣ особое вниманіе, но, принимая въ разсчетъ скользкій путь русскаго театральнаго антрепренера, мы должны признать его тѣмъ не менѣе фактомъ рѣдкимъ, въ наше время въ особенности.

Въ большую заслугу г. Коршу мы поставимъ утреннія праздничные спектакли, которые онъ ввелъ въ своемъ театрѣ. Репертуаръ этихъ спектаклей былъ безупречный, за рѣдкими исключеніями, а потому эти спектакли безспорно принесли громадную пользу учащейся молодежи и трудовому небогатому населенію Москвы, удовлетворяя ихъ лучшимъ эстетическимъ потребностямъ. Прибавимъ къ этому, что за 10 лѣтъ г. Коршемъ разослано, по свѣдѣніямъ его „отчета“, болѣе 120.000 безплатныхъ билетовъ учащимся.

Въ вечернихъ спектакляхъ преобладалъ фарсъ во всѣхъ его видахъ. Наши читатели хорошо знакомы съ нашими взглядами на эту сторону дѣятельности театра г. Корша, а потому мы здѣсь выскажемъ только наше крайнее сожалѣніе, что г. Коршъ въ составленіи репертуара для вечернихъ спектаклей оставлялъ тѣ симпатичные принципы, которыми онъ руководствовался по отношенію къ своимъ утреннимъ спектакляхъ. Пользуясь свѣдѣніями, помѣщенными въ отпечатанномъ къ юбилею „Краткомъ очеркѣ десятилѣтней дѣятельности театра г. Корша», мы находимъ, что за всѣ 10 лѣтъ было поставлено всего 1983 спектакля, изъ нихъ 438 утреннихъ и 1545 вечернихъ. Изъ общаго числа въ 989 спектакляхъ шли старыя пьесы, какъ иностранныя, такъ и русскія, Островскаго, Грибоѣдова и другихъ лучшихъ авторовъ; изъ современныхъ слѣдуетъ признать имѣющими безспорно литературныя достоинства пѣсколько пьесъ, входившихъ въ составъ 58 спектаклей. Такимъ образомъ мы получимъ итогъ въ 1047 спектаклей, въ которыхъ были поставлены пьесы съ литературными достоинствами, откинувъ изъ этой цифры 438 утреннихъ спектаклей, на долю 1545 вечернихъ спектаклей получится всего 609—съ пьесами, имѣющими литературныя достоинства, что составляетъ около 40%, всѣ же остальные спектакли были посвящены преимущественно на спеціальное культивированіе фарса.

Изъ свѣдѣній того же отчета мы видимъ, что, судя по количеству платныхъ посѣтителей, лучшими были сезоны $188^{7}/_{8}$ и $188^{6}/_{7}$ гг. (когда была поставлена комедія „Горе отъ ума“ въ новой обстановкѣ). Въ эти сезоны приходилось въ среднемъ по 825 и 918 платныхъ посѣтителей на спектакль. Затѣмъ число это стало падать, дойдя въ сезонѣ $189^{0}/_{1}$ гг. до средней цифры 630, самой низшей за всѣ 10 лѣтъ антрепризы, что совпало именно съ ухудшившимся по своему качеству репертуаромъ. Затѣмъ цифра эта вновь поднялась до 741, въ прошломъ $189^{1}/_{2}$ гг., когда репертуаръ театра значительно поправился противъ предшествующихъ лѣтъ. Кромѣ этой причины вліяло, конечно, и закрытіе театровъ г-жъ Абрамовой и Горевой.

Мы отмѣтимъ также безспорную заслугу г. Корша по отношенію къ его артистамъ, которымъ онъ въ продолженіе всего десятилѣтняго срока, уплачивалъ заработанныя деньги вполнѣ аккуратно. А это заслуга не малая. Правда, что это составляетъ лишь исполненіе долга и принятыхъ обязательствъ, но въ наше время, когда мы всюду видимъ частые антрепреверскіе крахи, обсчитыванія бѣдныхъ тружениковъ-артистовъ, мы должны цѣнить честное выполненіе г. Коршемъ его обязательствъ передъ ними. Вспомнимъ также и въ высшей степени симпатичное отношеніе его къ старику, ветерану артисту, покойному Григоровскому, котораго онъ продолжалъ держать у себя въ труппѣ до самой его смерти, не смотря на то, что Григоровскій былъ уже не въ силахъ приносить театру хоть какую либо ничтожную пользу.

—

Въ водевилѣ «Откликнулось сердечко» съ успѣхомъ дебютировала на сценѣ театра г. Корша молодая, начинающая артистка г-жа Щепкина. Живость исполненія, искренняя веселость, въ связи съ старательнымъ отношеніемъ къ роли заставляютъ насъ привѣтствовать дебютантку на избранномъ ею поприщѣ. Надѣемся увидѣть г-жу Щепкину въ болѣе отвѣтственной роли и тогда выскажемся о ней подробнѣе.

Р. С. Т.

Театръ „Скоморохъ“.

Для открытія сезона въ театрѣ «Скоморохъ» была поставлена 1 октября драма А. Н. Островскаго «Воевода (Сонъ на Волгѣ)». Первые затѣмъ три спектакля состояли изъ оперы М. И. Глинки «Жизнь за Царя», «Ревизора» Н. В. Гоголя и «Чародѣйки» И. В. Шпажинскаго. Оставляя подробный отчетъ о спектакляхъ Товарищества театра «Скоморохъ» и характеристику его артистическихъ силъ до слѣдующаго раза, теперь сдѣлаемъ нѣсколько общихъ замѣчаній объ этомъ театрѣ, который силою вещей и устанавливающимся направленіемъ своей дѣятельности все болѣе и болѣе заслуживаетъ названіе *народнаго*.

Наступившій сезонъ вноситъ въ жизнь этого театра очень полезное нововведеніе: въ его репертуаръ войдетъ на ряду съ драмою и русская опера, которая займетъ два дня въ недѣлю. Оперный репертуаръ предполагается исключительно изъ произведеній русскихъ композиторовъ. Такъ какъ театръ «Скоморохъ» удовлетворяетъ потребности, главнымъ образомъ, той публики, которой не доступны Императорская опера и частные оперные театры, то введеніе опернаго репертуара надо привѣтствовать какъ въ высшей степени благое явленіе въ исторіи нашего народнаго театра.

Въ драматическомъ репертуарѣ Товарищества предполагаются также вполнѣ желательныя измѣненія сравнительно съ прежними сезонами. Передаютъ за достовѣрное, что Товарищество твердо рѣшилось держаться строгаго выбора пьесъ, основывая репертуаръ на лучшихъ произведеніяхъ русскихъ драматурговъ,—преимущественно бытоваго характера,—и совершенно отвергая постановку безсодержательныхъ фарсовъ. Изъ предыдущей дѣятельности театра «Скоморохъ» можно было вывести нѣкоторыя заключенія, которыя кловятся къ тому, что публикѣ, посѣщающей этотъ театръ, гораздо понятнѣе хорошія драмы и комедіи, чѣмъ смѣхотворные фарсы, впечатлѣніе отъ которыхъ исчезаетъ у зрителей тотчасъ же по выходѣ изъ театра.

Если Товариществу удастся поддержать введенный оперный репертуаръ и оправдать свои предположенія относительно строгаго выбора драматическихъ произведеній для своей сцены, то дѣятельность театра «Скоморохъ» будетъ заслуживать полнаго сочувствія и уваженія всѣхъ интересующихся судьбами русскаго театра. Частныя антрепризы въ Москвѣ, изъ которыхъ нѣкоторыя располагали огромными денежными средствами, до сихъ поръ не дали положительныхъ результатовъ: онѣ или скоро исчезали или культивировали репертуаръ, неумѣстный на серьезной сценѣ. Поэтому, если горсть провинціальныхъ артистовъ успѣшно проведетъ дѣло частнаго, народнаго театра, безъ помощи постороннихъ матеріальныхъ средствъ, то это должно поставить имъ въ большую заслугу.

Надо пожелать Товариществу не только энергіи но и твердой убѣжденности въ томъ, что служить дѣлу народнаго театра—завидная дѣятельность для артиста, истинно любящаго искусство и свою родину. Вмѣстѣ съ тѣмъ руководителямъ дѣла надо помнить, что сцена должна давать народу здоровую духовную пищу, и не сбиваться съ намѣченнаго пути въ выборѣ репертуара. «Скоморохъ» имѣетъ уже свою публику, а добросовѣстное выполненіе имъ задачъ народнаго театра привлечетъ къ нему симпатіи и остальной части общества.

—ц—.

Спектакли русскаго оперкаго Товарищества.

Товарищество начало свои спектакли 30-го августа, на сценѣ театра Шелапутина, оперой *Жизнь за Царя*. Исполнителями явились большею частію незнакомые Москвѣ артисты и артистки, частію лишь начинающіе свою карьеру. Въ партіи Антониды пѣла г-жа Андреева-Вергина, которая извѣстна публикѣ по участію въ нѣкоторыхъ концертахъ. Не смотря на молодость и полное отсутствіе сценическаго опыта, молодая пѣвица очень успѣшно справилась со своей трудной партіей и была награждена большимъ, вполнѣ заслуженнымъ успѣхомъ. Въ партіи Вани г-жа Жуковская, тоже дебютантка, была менѣе счастлива, но голосъ у нея оказался красивымъ и хорошимъ. Замѣчательное явленіе, какъ матеріалъ, представляетъ голосъ г. Краснопольскаго, пѣвшаго партію Сабинина; такого сильнаго, обширнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ мягкаго по тембру тенора трудно встрѣтить даже между первоклассными знаменитостями, но значеніе этихъ качествъ умаляется полнымъ отсутствіемъ сценической опытности и умѣлости въ пѣвцѣ. Принимая во вниманіе то обстоятельство, что г. Краснопольскій выступалъ въ первый разъ передъ публикой и не имѣлъ достаточной подготовки, можно прибавить, что у него есть несомнѣнная музыкальность, охраняющая его отъ всякихъ неудачъ по части интонаціи, а также и гибкость голоса, вполнѣ достаточная не только для героическихъ, но также и для лирическихъ партій. Пѣвцу, при отсутствіи достаточной подготовки, всего удобнѣе будетъ посвятить себя такимъ партіямъ, какъ Трубадуръ, Радамесъ и. т. п. Басъ г. Ильяшевичъ, пѣвшій Сусанина, не выказалъ въ этой партіи особенно выгодныхъ сторонъ. Вообще первый спектакль Товарищества вышелъ нѣсколько неудачнымъ вслѣдствіе отсутствія увѣренности во всѣхъ, кромѣ г-жи Андреевой-Вергиной. Во второмъ представленіи *Жизни за Царя*, кромѣ г-жи Жуковской, всѣ остальные были замѣнены другими исполнителями. Всего болѣе выдѣлился г. Антоновскій, пѣвшій партію Сусанина. Этотъ пѣвецъ въ настоящее время находится, кажется, въ лучшей порѣ своего развитія и его мощный голосъ поражаетъ своей красотой и массивностью. Сверхъ того, артистъ пріобрѣлъ большой сценическій навыкъ и принадлежитъ теперь къ самымъ выдающимся между русскими артистами. Его появленіе въ партіяхъ Мефистофеля и хана Кончака сопровождалось блестящимъ успѣхомъ, возраставшимъ съ каждымъ спектаклемъ. Изъ числа вновь ангажированныхъ лицъ особенно выдѣлилась своимъ успѣхомъ г-жа Цвѣткова, пѣвшая партіи Маргариты и Ярославны; о другихъ изъ новыхъ исполнителей мы пока не будемъ говорить и подождемъ, пока ихъ качества болѣе выяснятся. Къ числу новыхъ, впрочемъ, нужно прибавить и самого И. В. Прянишникова, который, за отсутствіемъ въ настоящемъ году г. Тартакова, выступаетъ въ партіяхъ Риголетто, Валентина и князя Игоря. Этотъ превосходный артистъ можетъ служить образцомъ въ умѣньи пользоваться своими средствами,

богатыми самими по себѣ, ибо у г. Прянишникова превосходный средній регистръ, почти отсутствующій у баритоновъ настоящаго времени, утрачивающихъ его въ погонѣ ва высокими теноровыми нотами. О мастерствѣ музыкальной фразировки и сценической передачи своихъ ролей г. Прянишниковымъ нѣтъ надобности и говорить при его артистической извѣстности, и остается радоваться, что Москвѣ выпала удача слушать такого артиста.

До сихъ поръ въ репертуарѣ Товарищества новостей нѣтъ; публику всего болѣе привлекаетъ, какъ и въ прошломъ году, *Князь Игорь* Бородина. Съ хорошимъ ансамблемъ идутъ, кромѣ этой оперы, —*Фаустъ*, *Демонъ* и *Аида*. Прошлогодніе члены труппы, гг. Михайловъ, Гончаровъ, Бедлевичъ и др. пользуются прежнимъ хорошимъ успѣхомъ.

Н. Кашкинъ.

Концерты на московской электрической выставкѣ.

Одновременно съ открытіемъ электрической выставки въ Москвѣ, въ двадцатыхъ числахъ іюня начались при ней концерты. Для управленія оными дирекція пригласила извѣстнаго петербургскаго капельмейстера В. И. Главача. На долю г. Главача выпала тяжелая задача сформировать оркестръ. Въ составъ этого оркестра, численность котораго не превышала 70 человѣкъ музыкантовъ, входили хорошіе солисты петербургскихъ и московскихъ театровъ. Г. Главачу данъ былъ помощникъ въ лицѣ кончившаго курсъ въ московской консерваторіи по скрипичному классу—г. Литвинова. Обязанность послѣдняго состояла въ управленіи преимущественно дневными концертами. Г. Главачъ раздѣлилъ свои концерты на двѣ серіи—общедоступные и симфоническіе. Общедоступные приспособлялись къ уровню музыкальнаго развитія большинства публики. Въ программу такихъ концертовъ входили увертюры, попури, вальсы и т. п.

Г. Главачъ выказалъ себя вполнѣ эклектикомъ: эпоха классицизма (начиная съ отдаленныхъ временъ), позднѣйшій романтизмъ и, наковецъ, современная музыка западной и русской школы нашли достойныхъ представителей. Молодымъ композиторамъ, впервые выступающимъ на этомъ поприщѣ, открытъ былъ доступъ къ ознакомленію публики съ своими сочиненіями. Весьма многіе изъ симфоническихъ концертовъ имѣли однородный характеръ. Изъ такихъ концертовъ, какъ наиболѣе выдающихся, слѣдуетъ отмѣтить 4-й симфоническій концертъ (23 іюля) посвященный исключительно произведеніямъ русскихъ композиторовъ—Бородина („Въ Средней Азіи“) Соловьева, Аренсда и Рубинштейна (сюита Bal costumé). Римскаго-Корсакова „Испанское каприччіо“ исполнялось раньше.

Одинъ изъ слѣдующихъ концертовъ посвященъ былъ французской школѣ: программа была составлена изъ произведеній Берліоза, Годара, Бернара, Сенъ-Санса и др. Капитальнымъ номеромъ была „Восточная симфонія“ Годара.

Нѣмецкіе классики образовали также отдѣльный концертъ. Культъ Бетховена выразился въ исполненіи его симфоніи: „Eroica“.

Очень симпатичною мыслью г. Главача оказались „историческіе концерты“, коихъ было два. Публикѣ представлевъ былъ краткій, но наглядный обзоръ хода развитія пнструментальной музыки съ первой половины XVII ст. до нашего времени. Праздвованіе въ Большомъ театрѣ пятидесятилѣтія оперы „Жизнь за Царя“ ознаменовалось и на выставочномъ концертѣ чествованіемъ М. И. Глинки. Изъ сочиненій П. И. Чайковскаго играли вторую сюиту, Коронаціонный маршъ и торжественную увертюру „1812 годъ“. Послѣдній симфоническій концертъ посвященъ былъ датскимъ и скандинавскимъ авторамъ. При этомъ случаѣ публика впервые познакомилась съ датскимъ композиторомъ Асгеръ Гамерикомъ (въ Symphonie poétique). Нильсъ Гаде, Гартманъ, Свендсенъ и Грегъ добавляли программу.

Такъ какъ съ наступленіемъ театральнаго сезона многимъ музыкантамъ пришлось покинуть оркестръ, то дирекція рѣшила пополнить этотъ пробѣлъ, пригласивъ лучшія силы петербургскаго Музыкальнаго Общества.

Къ участію въ концертахъ приглашались солисты. Нѣкоторые изъ нихъ выписаны были съ этою цѣлью, другіе выбирались между лучшими силами въ оркестрѣ. Вотъ перечень главныхъ солистовъ, участвовавшихъ съ первыхъ двей открытія выставки до настоящаго

времени: медальеръ московской консерваторіи г. Печниковъ, Шарль Шильскій изъ концертовъ Lamoureux въ Парижѣ, г-жа Занолли и г. Литвиновъ (скрипка), гг. Вербовъ и Люблэнъ (віолончель), г-жа Чіарлони (арфа), г. Ямикъ (флейта), А. Шмитъ, г. Розановъ (кларнетъ), гг. Гуревичъ и Фольманъ (гобой), г. Эккертъ (валторна) и др. Исполнителемъ на фортепіано былъ г. Главачъ въ день своего бенефиса (26 августа). Изобрѣтенная имъ система для выдерживанія звуковъ (армонипіано) нашла тутъ же практическое примѣненіе.

Для двухъ концертовъ еще были приглашены композиторы М. М. Ивановъ (изъ Петербурга) и заслуженный профессоръ Ю. К. Арнольдъ . Оба дирижировали своими произведеніями. Изъ произведеній г. Иванова исполнялись отрывки изъ балета «Весталка», изъ поэмы „Кузнечикъ-музыкантъ" и др.

Г. Арнольдъ дирижировалъ своею программною увертюрою „Борисъ Годуновъ", часть которой была повторена.

За послѣднее время стали также вводить вокальный элементъ въ эти симфоническіе концерты. Приглашены были пѣвицы г-жи Маріо, Рубинская и артистка Моск. Импер. театровъ г-жа Дворецъ. Въ одномъ изъ концертовъ участвовалъ еще церковный хоръ Постникова. Концерты г. Главача встрѣтили большое сочувствіе: публика посѣщала ихъ очень усердно.

Г. Главачъ умѣетъ дисциплинировать оркестръ. Въ смыслѣ стройности исполненія почти не остается желать лучшаго. Возможна была бы болѣе тонкая отдѣлка, но ввиду непервокачественности оркестра (къ тому же не постояннаго) и частыхъ перемѣнъ, происходившихъ въ немъ, послѣднее обстоятельство нельзя поставить дирижеру въ упрекъ. Во всякомъ случаѣ г. Главачъ далъ москвичамъ столько интереснаго, что остается только благодарить его. С.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Открытіе Императорскихъ театровъ.—„Ревизоръ" въ новой редакціи академика Тихонравова.—Бенефисъ г-жи Читау и Панчина 1-го: „Вольная волюшка" г. Шпажинскаго и „Въ сѣтяхъ" г-жи Чюминой.

Императорскіе театры въ Петербургѣ открылись 30-го августа—двумя спектаклями одновременно. Въ Михайловскомъ театрѣ было поставлено «Горе отъ ума», а въ Александринскомъ—«Ревизоръ». Появленіе въ одинъ и тотъ же вечеръ двухъ образцовыхъ произведеній отечественной драматургіи, повидимому, свидѣтельствуетъ о необычайномъ богатствѣ силъ петербургской труппы,—тѣмъ болѣе, что ни г-жа Жулева, ни г. Варламовъ по болѣзни не принимали участія въ спектакляхъ, а здоровый г. Далматовъ остался «не занятымъ». Наибольшій интересъ представляло исполненіе «Ревизора». Въ «Горе отъ ума» явились всѣ прежніе исполнители,—вновь принятый г. Нильскій давно уже знакомъ нашей публикѣ,

какъ добросовѣстный исполнитель Фамусова—и особеннаго интереса спектакль не представлялъ, что весьма чувствительно отразилось и на сборѣ: театръ былъ совершенно пустъ. За то представленіе «Ревизора» представляло интересъ несомнѣнный. Въ роли Хлестакова впервые появился г. Аполлонскій, такъ выдвинувшійся за послѣдніе годы на ролях jeune premier; въ роли Анны Андреевны появилась г-жа Васильева, — впервые перешедшая на новое амплуа; вновь выпущенная ученица драматическихъ курсовъ г-жа Миронова выступила въ роли Марьи Антоновны; и, наконецъ,—что самое главное—«Ревизоръ», повидимому, долженъ былъ идти въ новой редакціи, благодаря чрезвычайно важному и интересному труду академика Н. С. Тихонравова, появившемуся въ печати минувшей весною.

Но каково-же было изумленіе истинныхъ друзей театра, когда сценическій текстъ оказался прежнимъ. Никто и не подумалъ внести въ дирекціонный экземпляръ пьесы тѣ варіанты первоначальнаго текста, которые, благодаря цензурнымъ условіямъ, не могли быть допущены на сценѣ полвѣка назадъ. Спрашивается,—для чего и для кого совершается кропотливая библіографическая работа, какъ не для того, чтобы первой воспользовалась ею наша образцовая сцена? Если заправилы ея будутъ беззаботно относиться къ такимъ трудамъ, такъ можно-ли требовать отъ провинціальныхъ театровъ и отъ общества серьезнаго и строгаго отношенія къ художественнымъ памятникамъ нашей литературы?

Въ такой апатіи я не хочу укорять спеціально только театральную администрацію. Если-бы исполнители имѣли искреннее желаніе прогрессировать, они-бы, благодаря личной иниціативѣ, могли многое внести въ свое исполненіе, безъ всякаго труда доставъ цензурныя разрѣшенія на вставки. Но и въ артистахъ рѣшительно замѣтно то-же поверхностное отношеніе къ дѣлу, лишь-бы свалить спектакль,—хотя бы въ ущербъ собственному успѣху и истинной передачѣ роли.

Если многое въ редакціи «Ревизора.», возстановленной теперь въ печати Н. С. Тихонравовымъ, является слабѣе позднѣйшихъ передѣлокъ, то въ то-же самое время многое изъ пропущеннаго и измѣненнаго представляетъ истинные перлы гоголевскаго творчества, обходить которые просто-на-просто преступно со стороны артистовъ.

Чтобы мнѣніе это не показалось голословнымъ, не трудно привести цѣлый рядъ примѣровъ.

Хлестаковъ, по первой редакціи, является чиновникомъ министерства финансовъ. Чинъ у него, какъ онъ самъ объясняетъ, «не больше коллежскаго ассессора,—даже немножко меньше». Онъ считаетъ, что пріемъ его чиновниками—просто черта подобострастія со стороны провинціальныхъ властей передъ чиновникомъ изъ Петербурга. И онъ все принимаетъ какъ должное. «А много значитъ побыть нѣсколько времени въ Петербургѣ, разсуждаетъ онъ,—даже не будь помощникомъ столоначальника, а просто канцелярскимъ чиновникомъ, а всѣ ужъ къ тебѣ чувствуютъ почтеніе. Городничій бѣгаетъ, услуживаетъ, всѣ заведенія показываетъ. И если что говоришь, то говоришь отъ души: ничѣмъ не связанъ, никто тебя не перебьетъ,—именно духу придаетъ, чувствуется какъ будто значишь что нибудь важное...»

Когда онъ перехватитъ во враньѣ, онъ тотчасъ-же оправляется, старается смягчить преувеличенія, что является особенно забавнымъ.

«У меня и звѣзда есть, — внезапно заявляетъ онъ Аннѣ Андреевнѣ,—и тотчасъ-же поправляется: — небольшая только, маленькая, вотъ такая».

Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: «я и въ Государственномъ Совѣтѣ присутствую, и во дворецъ... если тамъ иногда маленькіе балы случатся, то за мной ужъ посылаютъ»...

Нѣкоторыя преувеличенія и утрировки, удержавшіяся въ сценическомъ текстѣ «*Ревизора*», отсутствуютъ въ редакціи г. Тихонравова. Тридцать пять тысячъ курьеровъ, приглашающихъ Ивана Александровича управлять *департаментомъ*, замѣщены фельдъегеремъ, который, прискакавъ, говоритъ: «Иванъ Александровичъ, Иванъ Александровичъ! ступайте *министерствомъ* управлять!» Разсказывая про свои драматическія пьесы, Хлестаковъ обыкновенно говоритъ на сценѣ: «Тутъ же, въ одинъ вечеръ, кажется, *все* и написалъ», тогда какъ по первой редакціи онъ вспоминаетъ: «и тутъ же, въ канцеляріи началъ *одну изъ нихъ*».

По всей роли раскиданы перлы чисто гоголевскаго юмора, и надо удивляться, какъ многое удачное замѣнено потомъ менѣе удачнымъ. Къ числу совершенно неудавшихся мѣстъ слѣдуетъ отнести эпизодъ о куропаткѣ, разсказываемый Хлестаковымъ городничихѣ. Но за то, въ сценѣ пріема чиновниковъ, гораздо болѣе единства, чѣмъ въ позднѣйшей редакціи. Каждаго представляющагося Иванъ Александровичъ встрѣчаетъ словами: «мнѣ очень знакомъ вашъ начальникъ»,—при чемъ о каждомъ изъ нихъ что-нибудь разсказываетъ. Весьма забавенъ разсказъ его о начальникѣ почтоваго вѣдомства.

«Славный человѣкъ, а какъ онъ въ вистъ отлично играетъ! Съ нимъ никто не можетъ играть:—онъ знаетъ впередъ! еще вы не пойдете, а онъ ужъ вамъ скажетъ, съ чего вы пойдете. «Вы, говоритъ, съ дамы пойдете». И точно. *И не то, чтобы какъ нибудь были накрашены карты*—нѣтъ, вы съ собой принесите новую колоду»...

Чрезвычайно комиченъ разсказъ Растаковскаго. Хлестаковъ проситъ у него триста рублей.

«Можетъ и есть триста рублей,—отвѣчаетъ старикъ,—сегодня казначей выдалъ пенсіонъ—и не считалъ еще сколько. Иногда водятъ мѣсяца по три, не выдаютъ, *да теперь, благодаря вашему пріѣзду, вдругъ выдали...*»

Унтеръ-офицерша объясняетъ Хлестакову причину, почему ее высѣкли: городничій прочилъ свою дочку за одного офицера, а унтеръ-офицерша просватала тому купеческую дочь. «И какъ приказалъ онъ взять меня десятскимъ, и такъ больно отрапортовалъ меня кругомъ, что три дня не могла сидѣть, ей Богу! Если не вѣришь, кормилецъ, я тебѣ, пожалуй, знаки покажу»...

Здѣсь, въ хроникѣ текущаго петербургскаго репертуара, не мѣсто приводить рядъ выписокъ. Остается надѣяться, что наступитъ, наконецъ, время, когда кто нибудь, кому дорогъ родной театръ, кому дороги судьбы русской сцены, обратитъ вниманіе на точный текстъ «Ревизора» и «Горе отъ ума» и свѣритъ архаическіе театральные тексты съ выправленными и подлинными *).

Исполненіе Гоголевской комедіи 30 августа было довольно-таки плачевное. Г. Аполлонскій, взявшійся за роль Хлестакова, какъ и слѣдовало ожидать, совершенно не подошелъ къ ней. Г. Аполлонскій никогда комикомъ не былъ (въ чемъ рѣшительно нѣтъ никакого порока), и потому комическія роли играть ни въ какомъ случаѣ не можетъ. По газетнымъ слухамъ, г. Аполлонскій собирается въ свой бенефисъ играть «Ромео». Нельзя не привѣтствовать отъ души эту попытку. Далеко не въ каждой труппѣ, даже образцовой, найдется артистъ, столь подходящій внѣшними данными къ роли юнаго Монтекки. Но приходится сильно сомнѣваться въ возможности появленія «Ромео» на вашей сценѣ,—опытъ умудрилъ театраловъ не вѣрить газетнымъ сообщеніямъ и закулиснымъ слухамъ. И „Ромео“ (да и „Снѣгурочка“ тоже), едва-ли будутъ поставлены. А жаль,—еще нѣсколько лѣтъ,—и г. Аполлонскій уже будетъ, пожалуй, тяжелъ для Ромео.

Неуспѣхъ молодаго актера въ Хлестаковѣ не долженъ его обезкураживать. Хотя нынче не принято дѣлить роли на извѣстныя амплуа, но вѣдь нельзя же говорить противъ очевидности: одинъ артистъ можетъ изображать комическія роли, а другой не можетъ. Въ г. Аполлонскомъ, съ его стройной фигурой, хорошимъ голосомъ, нѣтъ ни малѣйшаго намека на комизмъ, и если ужъ обвинять кого, такъ тѣхъ, кто дозволилъ ему выступить въ „Ревизорѣ“.

Чрезвычайно смутное впечатлѣніе оставила г-жа Миронова, игравшая Марью Антоновну. Это было сплошное, если хотите даже талантливое, копированіе г-жи Савиной въ этой-же роли. Г-жа Савина играетъ Марью Антоновну идеально-прекрасно, въ слегка приподнятомъ тонѣ гоголевской комедіи. Въ г-жѣ Мироновой нельзя было подмѣтить ни одной самостоятельной черты,—это была фотографическая копія превосходнаго оригинала, или, если хотите, олеографическая копія: тѣ-же краски, тотъ же пріемъ, тотъ-же рисунокъ,—только нѣтъ свободнаго творчества, бликовъ, блеска и силы. Желательно было бы увидѣть г-жу Миронову при условіяхъ, гдѣ она болѣе могла-бы выказать свое дарованіе и свою самостоятельность.

Появленіе г-жи Васильевой въ роли Анны Андреевны было какимъ-то экспромптомъ. Вѣроятно, по болѣзни г-жи Жулевой, и при параллельномъ представленіи „Горе отъ ума“, некому было передать роль городничихи. Въ талантѣ г-жи Васильевой нѣтъ элементовъ для изображенія Анны Андреевны. Г-жа Васильева вышла слишкомъ похожей на мольеровскую героиню, а не на гоголевскую,—она не была мелкой чиновницей изъ захолустья, зазнающейся при малѣйшей возможности,—такъ что одна изъ гостей даже ее характеризуетъ: «посади свинью за столъ» и пр. Г-жа Васильева слишкомъ умная артистка, чтобы не понять, что такое Анна Андреевна; но данныя артистки и выработанная ею манера игры совершенно не подходятъ къ должному типу.

О прочихъ исполнителяхъ лучше не говорить.—«Остальное—молчаніе!», какъ восклицаетъ Гамлетъ.

* * *

8-го сентября, въ бенефисъ г-жи Читау и г. Панчняа 1-го, была поставлена знакомая уже москвичамъ драма изъ временъ Ивана Грознаго—«Вольная волюшка», И. В. Шпажинскаго, это безусловно слабѣйшее произведеніе почтеннаго драматурга.

Передѣлки, которымъ подверглась драма, сравнительно съ первой редакціей, знакомой читателямъ „Артиста“, мало чѣмъ измѣнили пьесу къ лучшему. Вопервыхъ, почему-то г. Шпажинскій измѣнилъ фамилію Шалыгина на Варыгина, а затѣмъ передѣлалъ концы четвертаго и пятаго дѣйствій Подчиняясь указаніямъ московской критики, г. Шпажинскій оканчиваетъ драму тѣмъ, что Илья уводитъ станичниковъ воевать на Литовскій рубежъ, гдѣ нужны ратные люди, и гдѣ воеводы не станутъ справляться о прошломъ добровольцевъ.

*) Кстати сказать, вотъ какъ сами библіографы относятся къ работѣ своихъ собратьевъ Г. Введенскій, редактирующій *Грибоѣдова* въ новомъ изданіи г. Маркса, снова повторяетъ старыя ошибки, выправленныя г. Шляпкинымъ въ извѣстномъ изданіи г. Варгунина.

Новая редакція является не менѣе натянутой, какъ и предыдущая.

Пьеса публикѣ не понравилась. Да и артисты, надо правду сказать, сдѣлали все, чтобы она не имѣла успѣха. Насколько въ Москвѣ исполнители стараются всѣми силами сгладить авторскія пробѣлы, настолько въ Петербургѣ актеры стараются подчеркнуть и съ особенной ясностью преподнести публикѣ все тяжелое, неудавшееся, недодѣланное. Неудачный замыселъ автора — перенести мѣсто дѣйствія въ среду станичниковъ былъ настолько рѣзко иллюстрированъ исполнителями, что драма прямо свелась на балаганное представленіе самаго дурнаго тона. Ужасы, переполнявшіе драму, не отразились въ зрительномъ залѣ, а только вызывали не то улыбку, не то отвращеніе. Когда боярынъ приказываетъ своему заплечному мастеру бытать молодую бабу, приходится возмущаться грубостью и аляповатостью красокъ. Когда тотъ-же боярынъ вѣшается на пепелищѣ разворенаго дома, дѣлается до нельзя смѣшно. Даже адскій огонь догорающаго дома боярина Варыгина и вся новая декорація пожарища, озаренаго луннымъ свѣтомъ, мало удалась даровитому художнику г. Янову.

Главную роль пьесы, Подгорнаго, литературный прототипъ котораго намъ давно извѣстенъ по пушкинскому Дубровскому, игралъ г. Далматовъ. Артистъ съ особеннымъ стараніемъ подчеркнулъ всѣ неудачные стихи автора и съ какой-то особенной отчетливостью преподнесъ ихъ зрителю. Боярина Варыгина — вѣчный, шаблонный типъ бытовой исторической пьесы,—того-же Коркина у г. Аверкіева, тогоже злодѣя-боярина въ новой пьесѣ г. Полеваго «За право и правду», которую теперь играютъ въ Москвѣ,—игралъ г. Давыдовъ и всю мелодраматическую сторону роли велъ безъ всякаго подъема, словно отбывалъ тяжелую повинность. Жену его, Любовь Лукинишну, изображала г-жа Дюжикова, прекрасно загримированная старухой. Дочь ихъ, Ольгу, играла г-жа Мичурина, а развратнаго старика Мезецкаго—г. Писаревъ. Наконецъ комическую роль «бати» изображалъ г. Шевченко, хотя, должно быть, она предназначалась г. Варламову, все еще не оправившемуся отъ болѣзни.

Оригинальнымъ явленіемъ бенефиса было то, что ни бенефиціантка, ни бенефиціантъ не участвовали въ «Вольной волюшкѣ». Для публики осталось непроницаемой тайной, почему бенефисъ этотъ былъ данъ въ началѣ сентября, когда на весь остальной мѣсяцъ не было назначено ни одной новой пьесы. Если бенефисъ—награда, то почему-же дается онъ въ самое неудобное время и почему бенефиціантка, которой, конечно, предоставленъ былъ свободный выборъ ролей, не играла въ драмѣ г. Шпажинскаго?

Г-жа Читау на сценѣ съ 1878 года, и это ея первый бенефисъ за 14 лѣтъ. Она дочь извѣстной драматической артистки Читау, покинувшей въ 1882 году театръ,—артистки, составившей нѣкогда эпоху въ исторіи театра крутымъ поворотомъ къ реальному изображенію купеческихъ типовъ. Старые театралы до сихъ поръ помнятъ появленіе ея въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, въ первыхъ пьесахъ Островскаго и Потѣхина, когда она, откинувъ условныя кисейныя платья и французскія куафюры, появилась на сцену въ ситцевомъ платьѣ и въ простой домашней прическѣ. Потомъ, въ концѣ пятидесятыхъ, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ г-жа Читау держитъ въ Владимірѣ театръ (будучи замужемъ за М. И. Огаревымъ—губернскимъ предводителемъ), и въ этомъ театрѣ начинаетъ свою дѣятельность цѣлый рядъ актеровъ, во главѣ которыхъ стоятъ такіе выдающіеся таланты, какъ Фанни и Ольга Козловскія, Александръ П. Ленскій (московскій), покойный Монаховъ и множество другихъ. Въ 1866 году Читау снова появляется на сценѣ петербургскихъ Императорскихъ театровъ, но уже на роляхъ grande-dame, не имѣя на этомъ амплуа соперницъ.

Такимъ образомъ, Читау-младшая выросла совершенно въ театральной семьѣ, и ея дебюты 1877 и 1878 года явились прямымъ и логическимъ слѣдствіемъ среды и воспитанія. Но первые шаги молодой артистки совпали съ полнымъ разцвѣтомъ таланта М. Г. Савиной, и потому ей пришлось появляться болѣе на подмосткахъ Малаго театра (тогда арендованнаго дирекціей), чѣмъ на Александринской сценѣ. За послѣдніе годы вполнѣ ясно опредѣлилось значеніе г-жи Читау въ труппѣ, за что, очевидно, въ награду и былъ данъ ей половинный бенефисъ.

Она появилась въ незначительной роли горничной Жанетты, въ двухъактной пьесѣ г-жи Чюминой „Въ сѣтяхъ“. Сюжетъ этой пьесы заимствованъ изъ Октава Фелье и принадлежитъ къ числу, такъ называемыхъ, „салонныхъ“. Переводчица очень хорошо сдѣлала, что оставила въ своей пьесѣ маркизовъ де-Барансе, графиней де-Манфоръ, а не передѣлала ихъ, какъ это у насъ часто бываетъ, въ Барановыхъ и Манфоровыхъ. Вдобавокъ, стихъ г-жи Чюминой гладокъ, рѣчь звучна, и, при извѣстной старательности со стороны артистовъ, особенно г-жи Васильевой, Далматова и Панчина, пьеса имѣла успѣхъ довольно шумный.

Бенефисъ заключился старинным водевилемъ „Заемныя жены“, который былъ поставленъ бенефиціантомъ г-мъ Панчинымъ для себя. Г. Панчинъ обладаетъ неистощимой веселостью и жизнерадостностью на сценѣ, но на этотъ разъ, для своего бенефиса, онъ казался устав-

шимъ и вялымъ. Г. Павчинъ—артистъ даровитый, который можетъ насчитать не мало характерныхъ ролей въ своемъ репертуарѣ, даже и въ пьесахъ Островскаго, поэтому едва-ли ему было резоннымъ показывать себя въ пустомъ водевилѣ. Г.

—

На дняхъ состоялся дебютъ провинціальваго артиста г. Шенна, пользующагося въ провинціи хорошею репутаціею, какъ простакъ. Весною г. Шенну были даны закрытые дебюты (Андрей Калгуевъ и Хлестаковъ). Теперь г. Шенвъ выступилъ въ роли Недыхляева («Кручина»). Молодой артистъ обнаружилъ много нервности и горячности, но въ тоже время далеко неровно провелъ свою роль. Второй дебютъ г. Шенна (Хлестаковъ) показалъ другую сторону способностей артиста. Большинство исполвителей подчеркиваютъ хлыщеватость Хлестакова, играютъ его фатомъ и нахаломъ, а г. Шенвъ ведетъ роль въ совершенно иномъ тонѣ. Въ его толкованіи Хлестаковъ—мелкій чинушка, хамоватаго вида. Простота и правдивость тона произвоцили очень хорошее впечатлѣніе, и г. Шенвъ имѣлъ успѣхъ.

Г-жа Потоцкая, появившаяся въ «Медовомъ мѣсяцѣ» и въ «Обществѣ поощренія скуки» имѣла большой успѣхъ, но въ первой пьесѣ поправилась болѣе чѣмъ во второй, благодаря отсутствію въ артисткѣ той искренней веселости, которая необходима для ролей въ родѣ Любы («Общ. поощренія скуки»). Порывистыя движевія, въ связи съ суетливостью—нѣсколько портили впечатлѣвіе, тѣмъ болѣе что остальные артисты вяло и монотонно играли свои роли.

16 сентября, сперва на репетиціи, а потомъ на сценѣ Михайловскаго театра, состоялось чествованіе М. И. Писарева по поводу 25-лѣтняго юбилея. Г. Писаревъ получилъ отъ товарищей сочувственный адресъ и серебряный вѣнокъ и много подношеній отъ публики, хотя оффиціальво чествованіе юбиляра не было объявлено. Послѣ 3 акта піесы «Въ неравной борьбѣ», въ которой участвовалъ г. Писаревъ, юбиляра вызвали всѣмъ театромъ и радушно привѣтствовали за его почтенную дѣятельность въ теченіи четверти вѣка. Вл. Н—въ.

—

Частныя сцены въ Петербургѣ.

Зимній сезонъ начался пока только въ *Василеостровскомъ народномъ театрѣ*, гдѣ, подъ управленіемъ новаго директора, г. Мерянскаго, ставится смѣшанный репертуаръ. Начали съ Островскаго, но за послѣднее время, благодаря отсутствію сборовъ, обратились къ мелодрамамъ въ родѣ „30 лѣтъ или Жизнь игрока“. Составъ труппы не блещетъ крупными силами и главными артистами являются г-жи Кутузова и Строева, гг. Мерянскій и Карамазовъ. Остальные участвующіе: г-жи Колосова, Григорьева, Бѣлинская и Владимирова, гг. Арцыбашевъ, Федоровъ, Ладовъ, Дмитревскій, Кригеръ и др., все это провинціальные актеры, вносящіе въ исполненіе традиціонныя манеры. Къ чести г. Мерянскаго надо сказать, что онъ поставилъ театральное дѣло на новое начало, такъ запрещены вызовы во время дѣйствія и актеры не имѣютъ права выходить на вызовы, нарушая рядъ спектакля, антракты сокращены до minimum'а, спектакли начинаются аккуратно въ 8 ч и оканчиваются около 11; кромѣ того устроены утренники для учащихся, и хотя они даютъ пока только убытокъ,—антрепренеръ проводитъ свое симпатичное дѣло. Въ теченіи первой половины сентября шли пьесы: „Свои люди сочтемся“, „Женитьба Бѣлугина“, „Судебная ошибка“, „Русская свадьба“, „Сорванецъ“, „Ревизоръ“, „Нина“, „Вторая молодость“ и др.

Въ *Купеческомъ собраніи* спектакли начались 20 сентября, подъ управленіемъ г. Дарскаго. Для перваго представленія поставлена драматическая хроника Островскаго „Дмитрій самозванецъ“, причемъ въ заглавной роли выступилъ антрепренеръ. Дальнѣйшій репертуаръ намѣченъ такой: „Честь“, „Горе злосчастье“. „Въ глуши“, „Клубъ холостяковъ“, „Цѣни“ и др. Составъ труппы: г-жи Любарская, Недѣцкая, Онѣгина, Соловьева, Погребова, Славина, Трефилова, Сабурова и др., гг. Дарскій, Соколовъ А. А., Волжинъ (драм. люб.), Владиміровъ-Соколовскій (фатъ), Рязанцевъ, Рудаковъ и др. Сцена клуба значительно увеличена, приготовлены новыя декораціи и обстановка.

Первое Общественное собраніе открываетъ спектакли „Татьяной Рѣпиной“. Заглавную роль будетъ исполнять антрепренерша г-жа Дарьялъ. Составъ труппы слѣдующій: гг. Бураковскій, Сушковъ, Мещерскій, Московскій; г-жи Линовская, Левина, Погребова, Лидина, Лихачева и Морева. Режиссеръ г. Пингофъ. Въ спектакляхъ Перваго Общественаго Собранія приметъ участіе и г. Невскій.

Въ Маломъ театрѣ сезонъ открылся опереткой, „Счастливчикъ“ Миллекера, которая недавно шла въ Аркадіи въ другомъ, менѣе удачномъ переводѣ. Оперета имѣла успѣхъ и прошла при полномъ сборѣ. Кромѣ русской опереточной труппы въ спектакляхъ Малаго театра будутъ принимать участіе французскія артистки: Дюпаркъ, Бланшъ-Мари и Арман-д'Арв. На октябрь объявлены гастроли Сарры Бернаръ. Большой успѣхъ имѣетъ также молодая балерина, Цецилія Черри, появляющаяся во главѣ итальянскаго кордебалета. Г. Пальмъ, антрепренеръ Малаго театра привозъ изъ заграницы девятнадцать новыхъ оперетъ и въ теченіи всего сезона, по понедѣльникамъ, будетъ ставить новинки. Режиссеромъ является г. Арбенинъ.

Въ настоящее время у насъ нарождается новый музыкальный кружокъ, подъ названіемъ *„Общество любителей оркестровой игры“*. Цѣль кружка—пропагандировать русскую музыку и исполнять мало или вовсе не игранныя еще произведенія. Оркестръ состоитъ изъ сорока человѣкъ и будетъ давать публичные концерты.

Въ *Благородномъ собраніи* спектакли еще не начались и правленіе колеблется: давать-ли драмы и оперы или оперетку. Вообще въ нынѣшнемъ сезонѣ опять оживаетъ угасшее было стремленіе къ опереточнымъ представленіямъ.

Вл. Н—въ.

Обозрѣніе провинціальныхъ театровъ.

Города: *Баку, Бѣльцы, Варшава, Вологда, Вильна, Воронежъ, Екатеринбургъ, Екатеринодаръ, Екатеринославъ, Елизаветградъ, Казань, Керчь, Кишиневъ, Минскъ, Могилевъ, Моршанскъ, Николаевъ, Одесса, Орелъ, Рига, Саратовъ, Севастополь, Симферополь, Смоленскъ, Харьковъ и Херсонъ.*

Труппы и Товарищества: *и. Вехтера, Вятскаго, Грекова, Дворниченко, Деркача, Картавова, Кіевское, Копылова, Кропивницкаго, Лелева-Вучетича, Лучицкаго, Манько, Марковскаго, Медвѣдева, Новикова, Перовскаго, Петровской, Савиной, Садовскаго, Саксаганскаго, Саратовское, Скарбинскаго, Соколова-Жамсонъ, Фадѣева, Форкатти, Харьковское, Черкасова и Шумана.*

Любительскія Общества: *Варшавское и Саратовское.*

Артисты съ драматическихъ курсовъ. Русское Театральное Общество.

Некрологи: *О. Ф. Домбровскій, М. П. Кротковъ и В. В. Холинъ.*

Въ наше время для статей о театрѣ и театральномъ дѣлѣ выработался и довольно прочно установился особый тонъ, въ которомъ явственно слышится основная минорная нотка. Писать о театрѣ стало значить, въ большинствѣ случаевъ, болѣе или менѣе тоскливо сѣтовать на упадокъ репертуара, на отсутствіе сценическихъ талантовъ, на дурное веденіе частваго театральнаго дѣла. И намъ, при обозрѣніи провинціальныхъ театровъ, приходилось до извѣстной степени отражать на себѣ общее настроеніе. Но мы никогда не впадали въ полное уныніе и, стараясь въ современномъ положеніи театра и театральнаго дѣла уловить причины извѣстныхъ печальныхъ проявленій, высказывали твердую надежду на исчезновеніе и этихъ причинъ и ихъ послѣдствій. Явленія же свѣтлыя, къ сожалѣнію, не частыя, всегда останавливали на себѣ наше особенное вниманіе. Работать на театральномъ поприщѣ,—въ той или иной отрасли,—безъ вѣры въ могучую жизнь и будущность родной сцены, безъ надежды на ея полный и пышный разцвѣтъ—по нашему убѣжденію невозможно. Въ этой увѣренности лишь найдется и сила для работы, и средства для борьбы съ самыми разнообразными сторонами театральнаго „зла“.

Мы, напримѣръ, нерѣдко указывали на одно изъ основныхъ печальныхъ явленій театральной жизни—отсутствіе у массы сценическихъ дѣятелей сколько-нибудь положительнаго ценза въ образовательномъ и умственно-нравственномъ отношеніи. Случалось не разъ ковстатировать извѣстные факты этого рода, достаточно ясно доказывавшіе, въ какой большой зависимости находится движеніе впередъ сценическаго искусства и правильная постановка театральнаго дѣла отъ степени интеллектуальнаго развитія театральныхъ дѣятелей. Но мы никогда не отчаивались и не отчаиваемся въ томъ, что и это зло поправимое, и, мало того—находимъ не мало признаковъ оздоровленія театральной среды. Это не значитъ, что замѣтно искореняются тѣ чи-

сто закулисные пороки, вродѣ интригъ, зависти и проч., о которыхъ такъ много обыкновенно разсуждаетъ публика, и которые, въ сущности, органически входятъ въ закулисную жизнь. Этого нѣтъ, но за то число образованныхъ людей среди сценическихъ дѣятелей все больше и больше увеличивается. Не принимая въ разсчетъ единичныхъ случаевъ, обратимъ вниманіе на приливъ въ закулисный міръ вообще и въ провинціальный въ частности молодыхъ силъ, обучавшихся на драматическихъ курсахъ Императорскихъ театровъ и на наиболѣе солидныхъ частныхъ курсахъ. Понятно, что школа сценическаго искусства не можетъ плодить таланты, но для пользы искусства весьма важно, если школа поднимаетъ уровень средняго развитія служителей искусства. Нѣтъ сомнѣнія, что люди, прошедшіе двухъ-трехлѣтній искусъ въ подготовкѣ къ сценѣ, а не прямо, по первому необдуманному желанію, бросившіеся на театральные подмостки, такіе люди достаточно окрѣпли въ своемъ стремленіи—посвятить свои силы театру. Они несутъ съ собою на сцену сознательно продуманную и, такъ сказать, пережитую идею, а это, вмѣстѣ съ образовательнымъ цензомъ, даетъ совершенно иную окраску ихъ дѣятельности, чѣмъ та, въ которой обыкновенно рисуютъ задачи и цѣли большинства театральныхъ дѣятелей. Конечно, условія закулиснаго быта, житейская борьба вообще, невзгоды, неудачи и т. д. рано или поздно могутъ ослабить энергію интеллигентныхъ сценическихъ работниковъ, по закваска-то у нихъ останется прежняя, а это, т. е. общій колоритъ, общій духъ дѣятельности—самое важное. Мы не повторяемъ доказательствъ того, насколько важно поднять уровень театральной среды для общаго развитія сценическаго искусства.

Эти отрадные признаки пока мало осязательны и надо желать, чтобы скорѣе обнаружились ихъ результаты. Мало пока осязательно также одно важное предположеніе, которое, при удачномъ осуществленіи, внесетъ много свѣта и жизни въ наше театральное дѣло. Мы говоримъ о проектѣ устава *Русскаго Театральнаго Общества**). Новое Общество ставитъ для своей дѣятельности очень широкія задачи, предполагая имѣть своей цѣлью—содѣйствіе всестороннему развитію театральнаго дѣла въ Россіи. Этой цѣли Общество стремится достигнуть предстательствомъ о нуждахъ и объ интересахъ русскихъ сценическихъ дѣятелей предъ административными и общественными учрежденіями; посредничествомъ между спросомъ и предложеніемъ театрально-артистическаго труда и матеріальною всякаго рода помощью театральнымъ предпріятіямъ и нуждающимся сценическимъ дѣятелямъ. Общество сносится съ мѣстными учрежденіями по вопросамъ театральнаго благосостоянія и благоустройства, даетъ заключенія и дѣлаетъ представленія общественнымъ учрежденіямъ по тѣмъ же вопросамъ, взимаетъ со всякагорода театральныхъ представленій взносы по таксѣ, собираетъ съѣзды сценическихъ дѣятелей для обсужденія соотвѣтствующихъ цѣлямъ Общества театральныхъ вопросовъ, открываетъ справочно-статистическое бюро по театральному дѣлу, издаетъ спеціально-театральный органъ и проч. Кромѣ того Общество учреждаетъ эмеритуру для сценическихъ дѣятелей. Открытіе эмеритальной операціи можетъ послѣдовать не раньше того времени, когда фондъ эмеритуры достигнетъ суммы 200 тысячъ рублей. Участниками эмеритуры могутъ быть лишь члены Общества изъ бывшихъ или настоящихъ сценическихъ дѣятелей всякаго рода. Вся дѣятельность Общества непосредственно контролируется Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ. Управленіе дѣлами Общества принадлежитъ Совѣту и Общимъ Собраніямъ въ Петербургѣ, а въ Москвѣ и въ провинціи организуется агентура. Агентамъ производится вознагражденіе въ размѣрѣ 10% съ состоявшихся при ихъ посредствѣ денежныхъ поступленій въ пользу Общества, кромѣ пожертвованій и субсидій. Мѣстные агенты, назначаемые Совѣтомъ съ одобренія начальниковъ губерній, областей или градоначальствъ, служатъ представителями интересовъ Общества въ опредѣленномъ районѣ. Они озабочиваются увеличеніемъ числа членовъ Общества, пріемомъ и отсылкою всѣхъ слѣдующихъ Обществу взносовъ и платежей, собираніемъ театрально-статистическихъ свѣдѣній и вообще точнымъ исполненіемъ всѣхъ порученій Совѣта Общества. Члены Совѣта исполняютъ свои обязанности безвозмездно, лица же, служащія по разнымъ отдѣламъ дѣятельности Общества, опредѣляемыя и увольняемыя Совѣтомъ, получаютъ вознагражденіе по ежегоднымъ бюджетнымъ назначеніямъ. Дѣйствительными членами Общества, со взносомъ 5 р. въ годъ, и пожизненными, со взносомъ 100 р. единовременно, могутъ быть лица всѣхъ званій и состояній. Всѣ члены Общества, безъ исключенія, имѣютъ право голоса на общихъ собраніяхъ. Кромѣ пособій, составляющихъ благотворительную сторону дѣятельности Общества, оно занимается и ссудными операціями, когда ссудный капиталъ Общества достигнетъ размѣра удесятеренной суммы годовыхъ взносовъ наличнаго числа всѣхъ членовъ Общества. Правомъ на ссуды пользуются тѣ лишь сценическіе дѣятели, которые состоятъ

*) Учредителями этого Общества являются тѣже лица, которыя значатся учредителями Общества для пособія нуждающимся сценическимъ дѣятелямъ.

дѣйствительными членами Общества непрерывно въ теченіи десяти лѣтъ.

Таковы главнѣйшія основанія новаго Устава. Хотя *Русское Театральное Общество* является пока лишь въ проэктѣ, по проэкту этому, говоря вообще, надо пожелать самаго скорѣйшаго и самаго полнаго осуществленія съ необходимыми поправками и дополненіями.

—

Что касается до лѣтняго сезона, то результаты его дали самый скудный матеріалъ для нашего обозрѣнія и прибавить къ тѣмъ итогамъ, которые мы подвели въ прошломъ обозрѣніи (*Дневн. Артиста № 4*), можно очень не много. Наиболѣе неудаченъ лѣтній сезонъ былъ въ тѣхъ городахъ, которыхъ коснулась холерная эпидемія, унесшая и нѣсколькихъ дѣятелей сцены, о чемъ уже сообщалось въ нашемъ журналѣ.

Въ Саратовѣ Товарищество опереточныхъ и драматическихъ артистовъ, снявшее на лѣто театръ Очкина, потерпѣло неудачу и распалось. На смѣну этому Товариществу выступило Товарищество драматическихъ артистовъ и любителей, представителемъ котораго явился г. Марковскій. Изъ артистовъ въ это Товарищество, между прочимъ, входили г-жи Невѣрова и Пивоварова и г. Протасовъ. Соединеніе опытныхъ артистовъ съ любителями оказалось не въ пользу дѣла. Повидимому, любители недостаточно серьезно отнеслись къ своимъ обязанностямъ, заслуживъ отъ мѣстнаго *Листка* настойчивый упрекъ даже въ нетвердомъ знаніи ролей; общій ансамбль тоже не ладился.

На зимній сезонъ въ Саратовскомъ театрѣ главною притягательною силою явится опера, драмѣ же отведено всего два дня въ недѣлю.

Изъ путешествовавшихъ лѣтомъ оперныхъ труппъ сравнительно благополучно кончила сезонъ труппа г. Черкасова, дававшая спектакли въ Крыму. Вообще же нынѣшній лѣтній сезонъ въ Крыму (въ Ялтѣ, Севастополѣ, Симферополѣ, Феодосіи) окончился печально. Драматическія труппы гг. Форкатти и Лелева-Вучетича не дотянули до конца и распались; опереточная труппа г. С. Новикона, въ Симферополѣ, потерпѣла полное фіаско. Мѣстная печать („Крымъ“ и „Крымскій Вѣстникъ“) съ рѣдкимъ единодушіемъ негодовала на „сборище безголосыхъ хористовъ и хористокъ“, на полное отсутствіе ансамбля и обстановки. На смѣну опереткѣ въ Симферополѣ явилась малорусская труппа г. Садовскаго, начавшая 6 сентября зимній сезонъ въ Севастополѣ. Въ труппѣ этой по прежнему участвуетъ г-жа Заньковецкая. Остальныя болѣе крупныя малорусскія труппы распредѣлились при началѣ сезона слѣдующимъ образомъ. Труппа г. Кропивницкаго, закончивъ въ концѣ сентября лѣтній сезонъ въ Харьковѣ, отправится въ Елисаветградъ. Дальнѣйшее ея движеніе къ концу ноября будетъ, какъ слышно, направлено въ Тифлисъ. Изъ этого же города уѣхала труппа г. Саксаганскаго, которая, побывавъ въ Херсонѣ, будетъ играть зимній сезонъ въ Кишиневѣ. Труппа гг. Деркача и Манько въ Вильнѣ раздѣлилась,—г. Деркачъ направился въ Ригу, а г. Манько въ Варшаву. Заговоривъ о малороссахъ, не можемъ не высказать по поводу одного факта нѣсколько соображеній, подобныхъ тѣмъ, которыя мы приводили въ предыдущемъ „Обозрѣніи“. Дѣло касается снова чрезвычайно странной, чтобы не сказать иначе, рекламы. Судя по раньше отмѣченному нами факту, мы полагали, что самовосхваленіе (не на афишѣ, а въ формѣ „писемъ въ редакцію“), допущенное труппою г. Кропивницкаго, есть дѣло случайности или излишняго усердія повѣреннаго труппы. Но повторилось опять тоже и въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Тотъ же повѣренный труппы, пожелавъ опровергнуть слухъ, что труппа г. Кропивницкаго соединяется съ труппой г. Садовскаго, не поскупился по этому поводу, хотя совершенно некстати, на безмѣрныя похвалы своей труппѣ, которая, по его словамъ, составлена „изъ молодыхъ талантливыхъ силъ и настолько прочно срепетована, что по праву можетъ считаться первой въ Россіи изъ всѣхъ нынѣ существующихъ малорусскихъ труппъ“. Труппа, по отзыву г. повѣреннаго, „поражаетъ зрителя отдѣльными исполненіями сценъ, стройностью и подобранностью хоровъ, безукоризненной срепетовкой“ и проч. („Одес. Новости“, № 2341). Не станемъ повторять высказанныхъ уже нами соображеній по этому поводу и выразимъ полное свое недоумѣніе относительно повторенія такой нелѣпой рекламы.

Изъ второстепенныхъ малорусскихъ труппъ отмѣтимъ труппы г. Лучицкаго и г. Скарбинскаго, подвизавшіяся лѣтомъ въ Бѣльцахъ, гдѣ недавно выстроенъ лѣтній театръ. Въ Воронежѣ съ 6 сентября начала давать спектакли вновь составившаяся труппа, подъ управленіемъ г. Дворичепко. Спектакли этой труппы продолжатся мѣсяца полтора. Матеріальные итоги лѣтняго сезона въ Воронежѣ (оперно-оперетная труппа) выражаются въ слѣдующихъ цифрахъ, которыя приводятся въ отчетѣ Товарищества: приходъ за май—августъ—24,357 р. 25 коп.; расходъ: жалованье—11,109 р. 42 к., разовые артистамъ—1,388 руб. 12 коп., вечеровой расходъ—8,304 руб. 11 к. и на марки товарищамъ пришлось 2,557 руб. 60 коп. Нельзя не замѣтить, что отчетъ этотъ совсѣмъ не отличается ясностью, изъ него трудно составить себѣ понятіе о ходѣ даннаго дѣла. Что будетъ дальше съ воровежскимъ театромъ неизвѣстно. по словамъ *Дона* попытка арендатора театра составить труппу не удалась и

послѣ малорусскихъ спектаклей долженъ наступить неопредѣленный антрактъ, пока не сформируется труппа. Для такого большого города, какъ Воронежъ, явленіе это представляется положительно страннымъ.

Лѣто принесло съ собою утраты для артистическаго міра. Кромѣ тѣхъ лицъ, некрологи которыхъ сообщались уже въ вашемъ журналѣ, смерть похитила еще нѣсколько человѣкъ.

Въ Одессѣ 22 іюня умеръ въ больницѣ провинціальный артистъ Василій Васильевичъ Холинъ, игравшій въ товариществѣ В. Н. Давыдова. Ему приходилось выступать и въ Москвѣ, въ труппѣ П. М. Медвѣдева, въ ботаническомъ саду, въ театрѣ Петровскаго парка и въ труппѣ г-жи Горевой въ сезонъ 1890—91 гг. Холинъ былъ хорошій исполнитель бытовыхъ ролей. Семья покойнаго осталась безъ всякихъ средствъ къ жизни.

Въ Кіевѣ 17 августа умеръ скромный сценическій дѣятель, работа котораго невидна публикѣ, но чрезвычайно важна для закулиснаго механизма—помощникъ режиссера Михаилъ Петровичъ Кротковъ, прослужившій на сценѣ около 35 лѣтъ. Онъ отличался большою опытностью въ своемъ дѣлѣ и добросовѣстностью въ трудѣ. Семья его осталась совершенно безъ всякихъ средствъ къ жизни.

Въ Бѣлостокѣ 11 іюля скончался, на 67 году жизни, забытый ветеранъ виленской сцены, нѣкогда любимецъ публики, Осипъ Флавіановичъ Домбровскій. На виленской сценѣ Домбровскій, по словамъ *Виленскаго Вѣстника*, подвизался съ 1844 по 1886 г., имѣя всегда успѣхъ и появляясь въ самыхъ разнообразныхъ роляхъ, начиная съ классической драмы и кончая опереткой. Изъ огромнаго числа его ролей можно особенно отмѣтить роли Хлестакова (въ молодые годы артиста) и Осипа (въ пожилые годы) въ «Ревизорѣ», Фамусова въ «Горѣ отъ ума», Подколесина въ «Женитьбѣ», кн. Солнцева въ «Русской Свадьбѣ», Расплюева въ «Свадьбѣ Кречинскаго», Мепелая въ «Прекрасной Еленѣ», Тартюфа и др. Помимо артистическаго таланта покойный обладалъ, сверхъ личной опытности, познаніями, требующимися для управленія сценой, при которой онъ состоялъ много лѣтъ и режиссеромъ. Съ конца 80-хъ годовъ Домбровскій сталъ уже признаваться лишнимъ, отжившимъ свое время. Въ послѣдніе годы онъ завѣдывалъ театральнымъ имуществомъ, а потомъ долженъ былъ удалиться на маленькія сцены и до послѣдней минуты своей жизни добывалъ себѣ артистическимъ трудомъ самыя скромныя средства къ существованію.

Эти некрологическія замѣтки служатъ яркой иллюстраціей къ вопросу о судьбѣ артиста и объ условіяхъ его труда. Умерли эти сценическіе дѣятели—и всѣхъ ихъ смерть застигла въ самой неблагопріятной матеріальной обстановкѣ. Однихъ хоронили по подпискѣ, другіе оставили свои семьи безъ всякихъ средствъ къ жизни, а выдающійся провинціальный актеръ, 70-ти-лѣтній старикъ, полсотни лѣтъ работавшій на сценѣ, подъ конецъ жизни долженъ былъ заработывать себѣ насущный кусокъ хлѣба бутафорскими занятіями и скитаньемъ по мелкимъ провинціальнымъ сценамъ. Лишній разъ доказываютъ эти случаи всю ненормальность условій актерскаго труда, всю необезпеченность сценическихъ дѣятелей подъ старость и при житейскихъ невзгодахъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ лишній разъ даютъ поводъ отмѣтить всю безваботность членовъ артистической корпораціи и отсутствіе между ними какой-бы то ни было нравственной солидарности и матеріальной взаимопомощи. Въ этомъ обособленномъ міркѣ обширная, хотя и крайне трудная, дѣятельность предстоитъ такому учрежденію, какъ проэктируемое *Русское Театральное Общество*.

Переходимъ къ новостямъ только что начавшагося зимняго сезона. Въ Вильнѣ спектакли труппы г. Шумана открылись 30 августа «Горе отъ ума». Виленская труппа, сравнительно съ прошлымъ сезономъ, нѣсколько измѣнилась по составу. Вновь ангажированы г-жи Вентури-Мартинова (гастроли), Азагарова, Медвѣдева; гг. Стрѣльскій (гастроли), Ге, Орлевевъ; изъ старыхъ знакомыхъ виленцы встрѣтили г-жъ Саблину-Дольскую, Звѣреву, Плотникову; гг. Нежданова-Рюмина, Плотникова. Новый режиссеръ—г. Стрекаловъ.

Въ Харьковѣ драматическое Товарищество тоже нѣсколько измѣнилось въ своемъ составѣ. Въ него вошли г-жи Вронская, Свободина-Барышева, Велизарій, Петипа, Александрова-Дубровина, Соловьева, Тирасмольская, Строгова, Панина-Лебедева и др.; гг. Петипа, Каширинъ, Борисовскій, Соловьевъ, Протасовъ, Константиновъ, Гарнинъ, Чернышевъ, Лямінъ, Михайловскій, Чинаровъ и др., режиссеромъ по прежнему г. Лассъ. Открытіе сезона во вновь отдѣланномъ театрѣ послѣдовало 6 сентября драмой «Майорша». Оперный сезонъ открылся труппой, составленной г. Картавовымъ, 15 сентября. Для перваго спектакля давали «Руслана и Людмилу».

Въ Казани 17 сентября открыла сезонъ оперно-драматическая труппа г. Перовскаго.

Опера въ текущемъ сезонѣ будетъ чередоваться съ драмою и въ Екатеринославѣ, гдѣ, по сообщенію *Южнаго Края*, будетъ подвизаться въ приспособленномъ для этого театрѣ г. Копылова составленная имъ оперно-драматическая труппа. Въ театрѣ электрическое освѣщеніе, декораціи и всѣ эксессуары изготовлены заново. Мѣстные жители относятся къ предпріятію г. Копылова съ понятнымъ нете-

ресомъ и сочувствіемъ: въ Екатеринославѣ не было зимняго театра вотъ уже двѣнадцать лѣтъ, со времени закрытія театра Луцкаго. Составъ оперной труппы слѣдующій: г-жи Дворецъ, Любина, Манухина и Миловидова—сопрано, г-жи Михалекъ и Епифанова—меццо-сопрано; гг. Соколовъ и Любиковъ— тенора, Горди и Сангурскій—басы, Михайловъ и Дунаевскій—баритоны, капельмейстеры—гг. Труффи и Позенъ. Въ драматической труппѣ участвуютъ: г-жи Аграмова, де-Борнъ, Отрадина, Краснова, Сергѣева, Долина, Азарова, Миртова и Радецкая; гг. Де-Брюксъ, Калмыковъ, Перловъ, Лидинъ, Карминъ, Васильевъ и др.

Въ Керчи сезонъ предполагалось начать 15 сентября. Въ составъ труппы вошли г-жи Борисона (героиня), Славативская, Огарева (ingenues), Лихтеръ (водевильная), Айвазовская (бытовыя и комическія роли), Нѣжина (grande dame) и др.; гг. Несмѣльскій (любовникъ и герой), Томара (резонеръ и бытовыя роли), Лихтеръ и Леоновъ (комики), Акимовъ (простакъ), Метельскій (комикъ-резонеръ) и др.

Въ Баку, въ театрѣ-циркѣ, антреприза г. Вятскаго намѣрена ставить фееріи и оперетки.

Въ Ригѣ для открытія сезона 1 октября представлено было въ залѣ «Улей» «Горе отъ ума» при новой обстановкѣ и декораціяхъ. Антрепренеромъ г. Фаддѣевымъ вновь ангажированы г-жи Морева, Кускова (выпущенная изъ петербургскаго театральнаго училища, класса г. Сазонова), Писарева, Соколова, Зиновьева. Изъ прошлогднихъ артистокъ остались въ труппѣ: г-жи Фаддѣева, Славичъ, Степанова; мужской персоналъ состоитъ изъ слѣдующихъ артистовъ: гг. Мещерскій, Риваль, Полтавцевъ (бывшій артистъ Императорскихъ театровъ), Головинъ, Фаддѣевъ и др. Въ репертуаръ, судя по объявленію, войдутъ пьесы: Грибоѣдова, Гоголя, Островскаго, Писемскаго, А. и Н. Потѣхиныхъ, Аверкіева, Шпажинскаго и новѣйшія пьесы; изъ иностранныхъ авторовъ пойдутъ произведенія Шиллера, Мольера и Біенстерна-Біервсона. Спектакли будутъ идти по три раза въ недѣлю. Мѣстный *Вѣстникъ* возбуждаетъ вопросъ, который разбирали и мы. Дѣло идетъ о рижскомъ городскомъ театрѣ. Рижской нѣмецкой публики совершенно недостаточно для большого городского театра, занимаемаго нѣмецкими спектаклями; требуются громадныя жертвы отъ города и частныхъ лицъ, чтобы театръ могъ держаться. Театральный сезонъ прошлаго года далъ дефицитъ въ 35 тыс. руб. Своевременно подумать объ устройствѣ въ городскомъ театрѣ постоянныхъ русскихъ спектаклей.

Въ Одессѣ персоналъ труппы г. Грекова слѣдующій: г-жи Днѣпрова, Дмитріева, Замкова, Ларина, Лола, Лидина, Митина, Рыбчинская, Степанова, Строева-Сокольская, Стрѣлкова, Сафонова, Федорова, Шувалова, Шумская, Щеглова; гг. Аграмовъ (онъ же режиссеръ), Вербинъ, Грековъ, Днѣпровъ, Ивановъ-Козельскій, Крамской, Мартыновъ, Муромцевъ, Мурскій, Новиковъ-Ивановъ, Смирновъ, Степановъ, Судьбининъ, Федоровъ, Чарскій, Шуваловъ. Сезонъ открылся 15 сентября. Въ первые спектакли шли: „Волки и овцы“, „Ева“, „Въ старые годы“, „Подруга жизни“, „Честь“, „Ивановъ“ и др. Здѣсь кстати приведемъ изъ „Нов. Телегр.“ слѣдующія небезынтересныя цифровыя данныя о театральномъ сборѣ въ одес. городскомъ театрѣ. Въ первый годъ (антрепризы г. Черепенникова) дано 246 представленій и получено сбора 271,140 р., во 2-й — 201 представленіе—сбора 242,829 р., въ 3-й годъ (антрепризы г. Сѣтова и г. Ящука)—233 представленія—сбора 273,074 р., въ 4-й годъ—241 представлевіе—сбора 221,101 руб. Средній годичный сборъ первыхъ четырехъ годовъ 262,500 руб., или 1,103 руб. за каждое представленіе. Съ 1 октября 1891 года, дня открытія театральнагосезона, по 17 іюля 1892 г., дня закрытія Городскаго театра, (антрепризы г. Грекова) дано было 252 представленія и выручено валоваго сбора—197,082 р., или по 782 р. за каждый спектакль. Другой одесскій театръ, «Русскій», даетъ въ наступившемъ сезонѣ новинку для Одессы—народные спектакли. Труппа составлена г-жей Петровской. Спектакли по общедоступнымъ цѣнамъ будутъ ставиться подъ режиссерствомъ артиста петербургскихъ Императорскихъ театровъ, г. Яблочкина. Составъ труппы—женскій персоналъ: г-жи Андреева-Любавина и Лаврова—сильныя драматическія роли, г-жа Леонова драм. ingenue, г-жа Венедиктова—бытовыя роли и водевили, г-жа Бурдина—комическ. старуха, г-жа Романовская—grande dame и др. Мужской персоналъ: г. Рахиковъ—роли трагиковъ и драматическихъ резонеровъ, гг. Вишневскій и Лавровскій—драматич. любовники и герои, г. Лавровъ-Орловскій—резонеръ и комикъ-резонеръ, г. Херсонскій—комикъ и характерныя роли, г. Стрепетовъ—простакъ, г. Высоцкій—второй любовникъ, г. Левицкій водевильный любовникъ и др. Одесса—колыбель русскаго народнаго театра, открытаго здѣсь раньше другихъ городовъ, а именно въ 1870 г., графами Марковыми и Чернышевымъ, въ циркѣ Суръ. Режиссеръ былъ тогда извѣстный авторъ „Пережитого“, теперь покойный артистъ, Л. Н. Самсоновъ, Театръ этотъ существовалъ тогда недолго.

Въ Орлѣ театръ снова снятъ г. Вехтеромъ, которымъ приглашены въ труппу г-жи Трояновская, Байкалова, Равичъ, Шнитгофъ, Соковнина, Соколова, Воронкова, Васильева; гг. Волжинъ, Давыдовъ, Лавровъ, Вишневскій, Морозовъ-Лаврецкій и др. Сезонъ открылся 6 сентября.

Въ **Екатеринбургѣ** труппа составлена г. Медвѣдевымъ изъ слѣдующихъ лицъ: г-жи Горева, Тугаринова, Кадмина, Бѣльская, и др., гг. Самойловъ-Мичуринъ, Гусевъ, Медвѣдевъ, Соколовскій, Лепковскій, Жилинъ, Діевскій, Тугариновъ и др. Сезонъ открывается 18 сентября.

Въ **Николаевѣ** будетъ подвизаться драматическая труппа, съ участіемъ г-жи Горевой, подъ режиссерствомъ г. Шпильдкрета.

Въ **Смоленскѣ** старая антреприза г. Соколова-Жамсонъ открыла спектакли въ залѣ городской думы, 20 сентября піесою г. Лихачева «Въ родственныхъ объятіяхъ». Въ составъ труппы вошли: г-жа Васильева (драмат. grande-dame), Соколова-Рокре (героиня), Тенсонъ (ingenue), Болычевцева (grande-dame), Владимірова (вод.), Лярская (ком. старуха) и др., гг. Кольцовъ (герой-резонеръ), Царскій (любовникъ), Лебедевъ-Лѣсинъ (фатъ), Мартовъ (резонеръ), Соколовъ-Жамсонъ, Успенскій и Ромашковъ (комики) и др.

Для **Минска** г-жа Савина сформировала труппу, въ которую, кромѣ нея самой, вошли г-жи Казина, Горшенкова, Сѣверская, Добжанская, Гринцевичъ Самарова и др.; гг. Ляховъ, Горинъ-Гулышвъ, Тихомировъ, Полонскій, Печоринъ, Савинъ, Крамской-Сельскій и др. Сезонъ открылся 20 сентября „Зайцемъ".

Относительно любительскихъ Обществъ мы имѣемъ пока свѣдѣніе о Русскомъ Обществѣ любителей сценическаго искусства въ **Варшавѣ**, которое открыло сезонъ 1 октября. Для болѣе успѣшной постановки драматическихъ спектаклей правленіе Общества пригласило на предстоящій сезонъ артиста Императорскихъ театровъ А. А. Алексѣева, который будетъ руководить спектаклями и непосредственно въ нихъ участвовать.

Изъ приводимаго въ «Сарат. Листкѣ» отчета **Саратовскаго** Общества любителей изящныхъ искусствъ за 1891—92 гг. видно, что Общество состояло изъ 453 членовъ. Въ отчетномъ году совѣтъ разработалъ вопросъ объ учрежденіи при Обществѣ музыкальной и рисовальной школъ. Драматическая секція Общества собиралась еженедѣльно для чтенія пьесъ и обсужденія вопросовъ театральнаго искусства. По отдѣлу музыки не сдѣлано было ровно ничего. Денежныя дѣла Общества не блестящи. Приходъ составлялъ 2,931 р. 42 к., а расходъ 2,926 р. 40 к. Для увеличенія средствъ Общества, Совѣтъ просилъ городскую управу разрѣшить Обществу ставить въ городскомъ театрѣ ежегодно два спектакля безъ платы за помѣщеніе. Ходатайство это удовлетворено.

Въ **Моршанскѣ** (Тамб. губ.) театръ на зиму снятъ актеромъ г. Баскаковымъ. Собрана небольшая труппа артистовъ и дѣло ведется на артельныхъ началахъ.

Въ **Екатеринодарѣ** антреприза г. Надлера. Репертуаръ—драма и комедія.

Въ **Вологдѣ** драматическіе спектакли будутъ даваться Товариществомъ артистовъ подъ управленіемъ г-жи Свѣвцицкой.

Въ **Могилевѣ** играетъ Товарищество драматическихъ артистовъ съ г. Максимовымъ во главѣ.

Въ **Рыбинскомъ** театрѣ, святомъ на зиму и на лѣто, будетъ подвизаться Товарищество артистовъ съ г. Зайцевымъ во главѣ.

Корреспонденціи.

Астрахань. Намъ сообщаютъ, что на зимній сезонъ г. Бѣльскимъ-Золотаревымъ, снявшимъ театръ Плотникова, составлена слѣдующая труппа: г-жи Поповзовская (драматическія роли), Трофимова и Чернова-Звѣдичъ (ingénues), Прозорова (водевиль съ пѣніемъ), Долинская (старуха), Платонова и др; гг. Угрюмовъ (любовникъ-фатъ), Рудинскій (резонеръ), Тихоновъ (комикъ-резонеръ), Леонтьевъ (комикъ), Платоновъ и др. Дѣло ведется на товарищескихъ началахъ. Репертуаръ—драма и комедія

—

С. Балаково (Самарской губ.). *(Отъ нашего корреспондента.)* За послѣдніе три года къ намъ лѣтомъ заѣзжаютъ актеры, но дѣла ихъ обыкновенно идутъ очень плохо, такъ что имъ приходится обращаться къ благотворительности, чтобы какъ нибудь отъ насъ выбраться. Они, конечно, винили во всемъ публику, что она-де не понимаетъ и не любитъ театра, но, нужно сознаться, что причина тутъ совсѣмъ не та, а виноваты сами гг. актеры, слишкомъ уже небрежно относившіеся къ своему дѣлу. Что наша публика любитъ театръ и понимаетъ игру,— доказываетъ нынѣшній лѣтній сезонъ. Не взирая на то, что нынѣшнее лѣто, по случаю холеры, было вовсе не благопріятно для спектаклей, потому что мѣстное купечество, составляющее главный контингентъ публики, считало даже за грѣхъ въ такое время ходить въ театръ, все-таки посѣтившее насъ Товарищество, подъ управленіемъ г. Потѣхина, довело дѣло до конца.

Въ составъ его входили г-жи: Потѣхина, Балакшина, Смирнова, Кальверъ, Лищинова и артисты: гг. Потѣхинъ, Мурскій, Залѣсовъ, Холминъ, Гурьевъ, Ланскихъ и Лидинъ. Товарищество поставило: „Вторую молодость", „Каширскую старину", „Дальше въ лѣсъ — больше дровъ", „Соколы и вороны", „Разрушеніе Помпеи", „За монастырской стѣной", „Царская невѣста", „Лѣсъ", „Женитьба Бѣлугина", „Кручину", „Забубенную головушку" и нѣсколько водевилей и легкихъ комедій. Изъ артистовъ выдѣлялись: г-жа Балакшина, гг. Потѣхинъ, Мурскій, Залѣсовъ, Холминъ. Труппа въ полномъ составѣ была недолго, нѣкоторые изъ артистовъ скоро уѣхали.

Оставшіеся члены Товарищества 15-го августа уѣхали въ Царицынъ, гдѣ соединились съ другимъ Товариществомъ, путешествовавшимъ по Волгѣ, подъ фирмой члевовъ Саратовскаго Общества изящныхъ искусствъ. Изъ Царицына на зиму всѣ отправятся въ Уральскъ, гдѣ г. Потѣхинъ держитъ театръ.

Кружокъ любителей, существующій у насъ уже 10 лѣтъ, ежегодно устраиваетъ спектакли, имѣющіе въ нашей публикѣ большой успѣхъ. За зиму обыкновенно бываетъ четыре, пять спектаклей и

надо отдать справедливость нашимъ любителямъ обставляютъ они ихъ прекрасно; во-первыхъ, всѣ твердо всегда знаютъ свои роли и къ дѣлу относятся строго, а нѣкоторые еще къ тому же и не лишены дарованія, такъ что спектакли имѣютъ большой интересъ, тѣмъ болѣе, что и репертуаръ идетъ хорошій, распорядители слѣдятъ, видимо, за театромъ и своевременно знакомятъ публику съ выдающимися новыми пьесами текущаго репертуара изъ тѣхъ, которыя имъ по силамъ.

—

Бѣлгородъ (Курской губ.)(*отъ нашего корреспондента*). Нынѣшній лѣтній сезонъ прошелъ довольно удачно: труппа подобралась приличная и спектакли шли съ должнымъ ансамблемъ. Репертуаръ держался смѣшанный: шли мелодрамы и современныя пьесы. Въ общемъ бѣлгородское Товарищество заработало около 50 коп. на рубль.

Что касается отдѣльныхъ исполнителей, то изъ числа ихъ выдавались г-жа Карпенко и г-жа Вольская. Первая—комическая старуха, вторая занимала роли драматическихъ ingénue. Изъ мужского персонала выдѣлялись: распорядитель Товарищества г-нъ Бравичъ и г-нъ Лирскій. Изъ молодыхъ артистовъ обращали вниманіе публики г-жа Азарина и г-нъ Норинъ.

—

Вильна. (*Отъ нашего корреспондента.*) Нашъ зимній сезонъ начался 30 августа. Для открытія поставлено было „Горе отъ ума“. Составъ труппы слѣдующій: Г-жи: Вентури Мартынова—роли героинь, Саблина-Долинская—роли grande-dame и grande-coquette, Азагарова—ingénue dramatique, Звѣрева—на роли драматическихъ старухъ, Эльмина—ва роли комическихъ старухъ, Медвѣдева—вторая ingénue и др. Гг. Стрѣльскій—резонеръ и роли стариковъ, Рюминъ—фатъ и резонеръ, Ге—jeune premier, Стрекаловъ—комикъ, Неждановъ—комикъ-буффъ, Плотниковъ—второй резонеръ, Орленевъ—jeune comique, Фроловъ—простакъ и др. Режиссеръ—г. Стрекаловъ. Въ первые спектакли поставлены были слѣдующія пьесы: „Горе отъ ума“, „Цѣни“, „Заяцъ“, „Свѣтитъ да не грѣетъ“, „Мученикъ страсти“, „То было раннею весной“, „Мессалина“, „Въ сонномъ царствѣ“, „Честь“, „Забубенная головушка“, „Юдифь“. Готовятся къ постановкѣ „Нарциссъ“, „Отелло“ и др. классическія вещи. Какъ видите, репертуаръ труппы замѣчательно обширенъ.

Публика, какъ и въ прошломъ году, посѣщаетъ театръ вяло и неохотно. Впрочемъ, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, во-первыхъ, циркъ г. Годфруа своими „водяными“ представленіями привлекаетъ массу зрителей, а во-вторыхъ, посѣщеніе театра недоступно большинству публики, по причинѣ высокихъ цѣнъ. Въ первомъ ряду нашего театра—плата 2 руб., а въ послѣднихъ рядахъ—по 85 к. (10 к. за сохраненіе верхней одежды). Кажется, удобнѣе было бы, повысивъ цѣны первыхъ рядовъ, уменьшить плату послѣднихъ рядовъ. Деленіе 85 к. нѣтъ мѣстъ. На галлерею входъ 30 к., но кто туда пойдетъ? Духота, жара невыносимая и все это послѣдствіе плохой вентиляціи театральнаго зала. Вильнѣ необходимъ новый большой театръ; вопросъ объ этомъ поднимался въ думѣ нѣсколько разъ, но не приводилъ ни къ какимъ результатамъ.

—

Витебскъ (*отъ нашего корреспондента*). Съ 20-го сентября началъ сезонъ труппы П. И. Волховскаго. Составъ слѣдующій: А. И. Волховская, А. П. Немирова-Ламанова, П. А. Волкова, А. И. Энгельгардтъ, А. П. Погошина и другія; антрепренеръ П. И. Волховской, Т. И. Селивановъ (режиссеръ), В. И. Далинъ, В. А. Немировъ, Д. Миртовъ, С. К. Вѣровъ и другіе. Вся труппа въ 20 персонажей. Всѣ декораціи новыя. Обстановка, мебель—также. Театръ заново отдѣланъ антрепренеромъ, г. Волховскимъ и спитъ имъ на нѣсколько лѣтъ.

—

Владиміръ (*отъ нашего корреспондента*). Вотъ уже идетъ второе трехлѣтіе, какъ нашъ городской театръ снимаетъ въ аренду существующее у насъ Общество любителей драм. и муз. искусствъ. Нѣсколько сезоновъ это Общество переуступало арендуемый театръ труппамъ, или драматическимъ Товариществамъ, а въ прошломъ сезонѣ оно рѣшилось ставить всѣ спектакли силами любителей, пригласивъ въ помощь себѣ на жалованье нѣсколько профессіональныхъ артистовъ на роли: комической старухи съ жалованьемъ 100 руб. въ мѣсяцъ, на вторыя роли безъ жалованья съ однимъ только полубенефисомъ, на роль резонера и режиссера съ жалованьемъ 125 руб. въ мѣсяцъ, на роль любовника и ingénu-ком. съ жалованьемъ обоимъ 125 руб., на роль комика—съ жалованьемъ 40 руб. и на вторыя роли съ жалованьемъ 20 руб. и артистку на драматическія роли—съ жалованьемъ 100 руб. въ мѣсяцъ. Всѣмъ этимъ приглашеннымъ артистамъ было условлено дать по полубенефису, съ исключеніемъ спектакльнаго расхода, что и дало каждому изъ приглашенныхъ артистовъ единовременно до ста рублей, а нѣкоторымъ и много болѣе. Всѣхъ спектаклей дано было 49 Шли пьесы: „На всякаго мудреца“, „Лѣсъ“, „Безъ вины виноватые“, „Грѣхъ да бѣда“, „Ревизоръ“, „Маіорша“ и др. Нѣкоторые спектакли прошли съ ансамблемъ. Публика видимо весь истекшій сезонъ не охладѣвала къ театру; сборы дали 6834 р. 50 к., сумму не много меньшую, чѣмъ въ предшествовавшій сезонъ 1890-91 г., когда въ городскомъ театрѣ играло драм. Товарищество подъ управленіемъ А. А. Кегель-Королева и когда отъ 75 спектаклей, данныхъ въ тотъ сезонъ, валовой сборъ былъ всего 7231 р. 24 к.

Израсходовать Обществу на истекшій сезонъ на жалованье артистамъ пришлось до 2315 руб., и выдать бенефисныхъ сборовъ тѣмъ же артистамъ 732 руб. 12½ к. На прочіе расходы по театру у Общества ушло 2440 р. 10 к., и кромѣ того отъ спектаклей съ разными благотворительными цѣлями 213 р. 50 коп., а всего 5700 руб. 72½ к., въ то же время Общество за истекшій сезонъ получило аренды отъ буфета и вѣшалки 612 р. 50 к. Такимъ образомъ Общество получило всего валоваго сбора 7447 руб. и за расходами чистой прибыли до 1800 руб.

Поставивъ такъ дѣло, Общество весомѣнно принесло пользу и себѣ, и публикѣ, и приглашеннымъ артистамъ. Оно дало возможность своимъ членамъ любителямъ развивать свои силы при участіи профессіональныхъ артистовъ. Приглашенные артисты регулярно получали ежемѣсячное жалованье и сполна все условленное вознагражденіе, съ прибавкою единовременно отъ доставшагося на долю каждаго бенефиса.

Въ текущій сезонъ наше Общество любителей предполагаетъ вести театральное дѣло на тѣхъ же началахъ, какъ и въ предшествовавшій.

—

Воронежъ. (*Отъ нашего корреспондента.*) Товарищество оперно-опереточныхъ артистовъ 31 августа закончило лѣтній сезонъ. Въ четыре мѣсяца его дѣятельности дано всего 80 спектаклей, за которые получено валоваго сбора 24.357 руб. 25 к., что составитъ триста рублей слишкомъ на спектакль. Изъ этой суммы уплачено: жалованья—11.109 р 42 к., разовыхъ гастролерамъ 1.388 р.

12 к., вечеровато расхода—8.304 р. 11 к. и раздѣлено на марки—2.557 р. 60 к.

Съ 6 сентября открылся въ городскомъ театрѣ зимній сезонъ. Начала его вновь сформировавшаяся труппа малороссовъ. Воронежъ много разъ видѣлъ все, что только есть лучшаго, талантливаго во всѣхъ малороссійскихъ труппахъ, а потому новая труппа, не имѣющая въ своемъ составѣ выдающихся исполнителей, не пользуется успѣхомъ и, вѣроятно, скоро покинетъ нашъ городъ. Кто замѣнитъ малороссовъ—еще неизвѣстно.

—

Ельцъ (*отъ нашего корреспондента*). Городской театръ и на этотъ сезонъ снятъ Товариществомъ артистовъ подъ управленіемъ К. В. Бравича. Составъ труппы: г-жи Н. П. Весенъева — первыя драматическія роли и grande coquette, В. Л. Вольская — драматическое ingénue, Н. С. Сахарова — на роли grande dames, Погожева—ingénue comique, Рюмшина—комическая старуха, Тамарова и Разсказова на вторыя роли. Гг. Бравичъ—драматическій любовникъ и герой, Томскій — драматическій резонеръ, Лирскій — комикъ, резонеръ и характерныя роли, Жариковъ—первый комикъ, Капыловъ—бытовыя, Цезарь-Михаленко—2-й любовникъ и простакъ, Норинъ—фатъ, Уткинъ и Никодинъ—вторыя роли. Открытіе спектаклей — 20 сентября. Предполагаемый репертуаръ—драма, комедія и оперетта.

Лѣтомъ театръ пустовалъ.

Въ августѣ даны были два концерта Ф. Бауера съ участіемъ въ одномъ О. А. Правдина, но публики собралось не много.

3 сентября любителями драматическаго искусства, въ пользу народныхъ столовыхъ г. Ельца, данъ былъ спектакль. Исполнено было: „Лѣтнія грезы" В. Крылова и „Молчаніе" В. Билибина. Спектакль удался, какъ со стороны матеріальной, такъ и по исполненію. Твердое знаніе любителями ролей и своихъ мѣстъ на сценѣ, правильная читка ролей заставляли мѣстами забывать, что играютъ любители, а не заправскіе артисты.

—

Житомиръ. (*Отъ нашего корреспондента.*) 30 августа наше драматическое Общество закончило свой лѣтній сезонъ. Въ теченіе сезона Обществомъ были поставлены 10 спектаклей. О первыхъ спектакляхъ, съ участіемъ артиста Ф. П. Горева, мы уже писали, а репертуаръ остальныхъ состоялъ изъ: „Дитя природы", „Женитьба Бѣлугина", „На порогѣ къ дѣлу" и даже „Скандалъ въ благородномъ семействѣ" и „Отъ преступленія къ преступленію".

Репертуаръ—слабый въ литературно-сценическомъ отношеніи, каковой недостатокъ мы и въ прошломъ году отмѣчали въ любительскихъ спектакляхъ. Недостатокъ этотъ зависитъ, какъ намъ объясняли нѣкоторые изъ членовъ Общества, отъ того, что постановка крупныхъ драматическихъ произведеній была не по силамъ Обществу, и чтобы сохранить хотя наличныхъ членовъ,—приходилось ставить мелкія вещи. Но и среди легкихъ для постановки на любительскихъ сценахъ пьесъ есть не мало пьесъ съ литературными достоинствами. Все, слѣдовательно, зависитъ отъ умѣлаго выбора.

Помимо слабаго репертуара, въ постановкѣ общественныхъ спектаклей были общими недостатками—слабыя срепетовки и, за весьма рѣдкими исключеніями, нетвердое знаніе исполнителями ролей.

Въ „Женитьбѣ Бѣлугина" и „На порогѣ къ дѣлу", участвовали — г. Петровскій, сыгравшій Бѣлугина и Акимыча, и артистка г-жа Ростовцева, игравшая Елену Васильевну и учительницу въ „На порогѣ къ дѣлу".

На городскихъ витринахъ появилось театральное объявленіе новой антрепризы городскаго театра, подъ дирекціей г. Свободина, подъ каковымъ псевдонимомъ скрывается извѣстное у насъ въ городѣ лицо, состоящее, между прочимъ, членомъ драматическаго Общества и однимъ изъ директоровъ его правленія. Антреприза перешла къ г. Свободину по переуступкѣ отъ драматическаго Общества. Прошлогодній дефицитъ по несчастливой антрепризѣ Общества г. Свободинъ принялъ на себя.

Начало сезона съ 15 сентября. Предполагается ставить: драму, комедію, оперу, оперетку, феерію и водевили.

По объявленію, составъ труппы—44 человѣка: 20 женскаго персонала и 24—мужскаго, а именно, г-жи: Калмыкова, Попова, Бауэръ-Большакова, Осбергъ, Гринева, Александрова, Богданова, Марусина, Каминская, Павлова, Зеленая, Григорьева, Петрова, Фрейгина, Соколова, Трушевская, Бронславская, Долинина, Свѣтлова и Горина; гг.: Богдановъ, Эспе, Паннъ, Бѣлоконь, Глумпъ, Линскій-Неметти, Сквозниковъ, Уваловъ, Бабичъ, Дьяковъ, Волынцевъ, Нагорный, Васильевъ, Вольскій, Мадорскій, Дородновъ, Фрейгинъ, Кричевскій, Розенъ, Щенковъ, Хажанскій, Михайловъ, Коганъ и Петровъ; режиссеръ г. Богдановъ, оперный и опереточный дирижеръ г. Эйко. Списокъ персонала составленъ очень странно, такъ какъ въ немъ поименованы лишь фамиліи актеровъ, безъ обозначенія амплуа каждаго и занимаемаго имъ мѣста въ труппѣ, почему для публики всѣ 44 человѣка труппы являются равнозначущими.

—

Иваново-Вознесенскъ. (*Отъ нашего корреспондента*). Въ прошломъ году у насъ играла труппа артистовъ подъ управленіемъ г. Громова. Въ настоящій же сезонъ театръ снялъ нашъ мѣстный обыватель А. П. Бабенковъ, онъ превратилъ грязное зало театра въ хорошенькую бонбоньерку; на сценѣ мы не видѣли уже тряпокъ и лохмотьевъ, какъ это было въ прошломъ году. Декораціи всѣ написаны, не исключая и передняго запавѣса, заново декораторомъ Г. Померанцевымъ. Открытіе сезона было 1-го октября, пьесой „Доходное мѣсто" А. Н. Островскаго и водевилемъ „Откликнулось сердечко".

Играли роли: г. Померанцевъ — Вишневскаго, г. Правдинъ—Жадова, г. Бабенковъ—Юсова, г. Григорьевъ—Бѣлогубова и г. Вронскій—Досужева. Жевскія роли: г-жа Иванова—Вишневскую, г-жа Правдина—Полину, г-жа Частякова—Юдиньку и г-жа Златопольская—Кукушкину. Г. Померанцевъ былъ недурной Вишневскій, онъ изъ этой роли все сдѣлалъ, что только можно сдѣлать.

Г. Правдинъ былъ положительно хорошій Жадовъ, въ его игрѣ много искренности, теплоты, простоты и задушевности. Г. Бабенковъ—Юсовъ, былъ не совсѣмъ удовлетворителенъ. Г-жа Правдина — Полина, вложила въ роль много простоты и наивности. Г-жа Златопольская дала вѣрный типъ Кукушкиной. Вообще спектакль прошелъ прекрасно.

—

Казань. (*Отъ нашего корреспондента.*) Концертовъ знѣзжихъ извѣстностей, по какому-то исключенію, абсолютно не было нынѣшнимъ лѣтомъ. Не было и концертовъ любителей, если не считать небольшаго музыкальваго дивертиссмента, поставленнаго г. Богдановымъ, въ вечеръ его бенефиса. Здѣсь между прочимъ г-жа Львова со вкусомъ и эффектно спѣла балладу и air des bijoux изъ Фауста, а піанистка, г-жа Нѣмкова, съ успѣхомъ исполнила третью часть большаго g-moll'-

наго концерта Мендельсона съ оркестромъ. У г-жи Нѣмковой хорошее туше, достаточная техника въ трудныхъ пассажахъ, вѣрность оттѣнковъ, но недостаточно силы въ бравурныхъ мѣстахъ, особенно въ tutti съ оркестромъ. Продолжая работать, г-жа Нѣмкова можетъ пріобрѣсти эти качества, необходимыя для піанистки.

Въ настоящее время опредѣлился составъ драматической и оперной труппъ, предстоящаго зимняго сезона. Согласно условію, заключенному съ городскою думою, г. Перовскій обязанъ давать три оперныхъ и три драматическихъ спектакля, имѣя право ограничиться въ недѣлю и пятью спектаклями.

Въ оперную труппу приглашены:

Сопрано: г-жи Макарова-Сикорская (училась въ Миланѣ), Дмитріева, Центнерская, Горская (изъ школы г-жи Тимковой, въ Казани); *контръ-альто:* г-жа Гейтверъ, Джуліани (колоратурное сопрано); *тенора:* гг. Секоръ и Вальеро; *баритоны:* гг. Егіазаровъ (пѣвшій въ Тифлисѣ) и Тартаковъ (на гастроли въ ноябрѣ); *басы:* гг. Демьяновъ и Поплавскій. Балетъ изъ 8, хоръ изъ 36 и оркестръ изъ 28 лицъ.

Въ драматическую: г-жа Строева-Сокольская (главныя роли), г-жа Крипская (grande-dame и grande coquette), г-жи Болрская, Некрасова, Манжосъ-Андросова и др. (ingénues), г-жи Гегери и Иванова (старухи); на роли драматическаго любовника—г. Скуратовъ, перваго комика—г. Жуковскій драматическаго резонера — г. Звѣздичъ, фата—г. Семеновъ-Самарскій, характерныя—г. Добровольскій, бытовыя—г. Абрамовъ, водевильныя—г. Дольскій и др., о которыхъ сообщу въ свое время.

Въ театрѣ устроено г. Перовскимъ электричество, которымъ будутъ освѣщены сцена, залъ и фойе. Театръ, мебель и фойе ремонтированы, частію на счетъ города, частію на счетъ антрепренера. Первая занавѣсь новая.

Изъ новыхъ оперъ (кромѣ 20 прежнихъ) для Казани будутъ поставлены: „Пиковая дама", „Князь Игорь", „Тангейзеръ", „Лакме", „Ролла".

—

Кіевъ. (*Отъ нашего корреспондента*). Русская опера въ Кіевѣ подъ управленіемъ І. Я. Сѣтова открыла свои дѣйствія 30 августа. До сихъ поръ мы слышали въ нашемъ городскомъ театрѣ слѣдующія оперы: „Демонъ", „Фаустъ", „Гугеноты", „Аида". Для перваго спектакля дана была „Жизнь за Царя". За исключеніемъ г-жи Лубковской и г. Тартакова, списокъ нынѣшней труппы представляетъ все новыя имена, если не считать двухъ членовъ труппы, подизавшихся въ былое, очень отдаленное время, на кіевскихъ подмосткахъ, а именно: тенора—г. Васильева и сопрано—г-жу Велинскую (которая пока еще не дебютировала). Остальной персоналъ состоитъ изъ слѣдующихъ лицъ: драматическое сопрано—г-жа Астафьева (въ томъ-же амплуа числится и г-жа Велинская); лирическое сопрано: г-жи Дубровская и Будкевичъ (кромѣ г-жи Лубковской); драмат. мецо-сопрано—г-жа Барская; *мецо-сопрано контральто* (?)—г-жа Нивинская, сопрано на 2-я роли г-жа Свѣтлова; комприманіа: г-жи Ленская, Чернова, Захаренко. Въ мужскомъ персоналѣ имѣются 2 драматическихъ и 2 лирическихъ тенора (гг. Васильевъ, Мазуровъ, Борисенко, Шкаферъ) и еще теноръ di mezzo carattere—г. Морской и второй теноръ—г. Ленинсонъ: первые баритоны гг. Тартаковъ и Кругловъ, первые басы: гг. Градцовъ и Островидовъ; basso cantante—г. Бездевичъ 2-й, басъ комприманіо—г. Бреховъ-Бревн, вторые баритоны и басы: гг. Мельниковъ, Романовскій, Волохинъ и Гаганенко. Такимъ образомъ труппа состоитъ изъ 27 артистовъ, среди которыхъ наберется не мало лицъ съ положительными качествами, по крайней мѣрѣ, со стороны природныхъ голосовыхъ данныхъ. При составленіи персонала для новой кіевской оперы г. Сѣтовъ показалъ на дѣлѣ свою опытность по части оцѣнки вокальнаго матеріала; въ его труппѣ мы до сихъ поръ не встрѣчали голосовъ, положительно непригодныхъ для сцены; антрепреперу удалось, повидимому, опровергнуть мнѣніе о невозможности составить порядочную русскую оперную труппу для современнаго провинціальнаго театра. Нынѣ мы имѣемъ въ Кіевѣ весьма недурныя вокальныя силы, преимущественно въ женскомъ оперномъ персоналѣ: г-жа Астафьева обладаетъ сильнымъ и прекраснаго качества драматическимъ сопрано. Ея недостатокъ заключается въ склонности къ нѣкоторому преувеличенію звуковой силы своего тембра, достигаемый ею эффектъ сопровождается нѣсколько итальянской манерой выказывать излишній темпераментъ, причемъ голосъ обнаруживаетъ искусственную густоту, похожую на вибраціо и расплывчатость; исполненіе теряетъ требуемую ясность; низкія ноты кажутся разбитыми вслѣдствіе тенденціозной форспировки верхнихъ фермать. Въ пылу исполненія г-жа Астафьева нерѣдко мало заботится о ритмѣ и правильной фразировкѣ. Все это—пороки, конечно, вполнѣ излечимые и, если артистка обратитъ на нихъ серіозное вниманіе, то она сдѣлается достойною того горячаго пріема, который уже выпалъ на ея долю у насъ, чему способствовало не мало то обстоятельство, что г-жа Астафьева—кіевлянка, окончившая лѣтъ 6 тому мѣстное музыкальное училище и пожинавшая недавно лавры въ Италіи. Упомянутая пѣвица дебютировала въ двухъ сильныхъ роляхъ—Валентины въ Гугенотахъ и Аиды. Технически наиболѣе развитой пѣвицей текущаго сезона является артистка Императорскихъ театровъ г-жа Добровская, которая сверхъ хорошихъ данныхъ, обнаруженныхъ ею въ своемъ оффиціальномъ амплуа лирическаго сопрано въ Маргаритѣ, Гуно, оказалась еще весьма недюжинной колоратурной пѣвицей, выказавшей въ роли Маргариты, Мейербера („Гугеноты") такіе-же несомнѣнные признаки школы относительно вокализаціи, какіе она проявила раньше въ нѣніи sostenuto въ предыдущей партіи. Г-жа Барская исполнила на своемъ первомъ и единственномъ пока дебютѣ роль Азучены въ „Аидѣ", вложила туда много энергіи и сценичности; голосъ артистки, къ сожалѣнію, не представляетъ достаточной свѣжести, отличаясь рѣзкими верхами при довольно глухомъ тембрѣ альтоваго регистра. Нѣкоторая угловатость исполненія, какъ вокальнаго, такъ и драматическаго, зависѣла, быть можетъ, отъ условій перваго дебюта. Впрочемъ, пѣвица имѣла хорошій успѣхъ. На хорошемъ счету у публики находится также и мецо-сопрано—г-жа Нивинская. Намъ не удалось присутствовать на спектаклѣ въ день открытія сезона, а потому мы можемъ судить объ упомянутой артисткѣ лишь по исполненію двухъ небольшихъ ролей: Зибеля въ „Фаустѣ" и пажа въ „Гугенотахъ". Послѣдняя изъ названныхъ партій была по всякомъ случаѣ исполнена весьма отчетливо въ колоратурномъ отношеніи. Тембръ г-жи Нивинской отличается преимущественно качествами экспрессіи, по повидимому, мало подходитъ къ эпитету *контральто*, указанному въ печатномъ спискѣ г. Сѣтова, такъ какъ пѣвица транспонируетъ вверхъ даже второй (вставной) романсъ Зибеля въ „Фаустѣ" и охотно прибѣгаетъ къ подчеркиванію верхнихъ звуковъ своего регистра. Совмѣстно съ г. Тартаковымъ, и г-жа Лубковская появлялась уже два раза въ „Демонѣ"; они встрѣтили, по преж-

нему, обычный сочувственный пріемъ. Исполнительница Тамары постоянно совершенствуется въ передачѣ вокальной и драматической стороны этой роли; въ лицѣ г-жи Лубковской мы имѣемъ прогрессирующую и мыслящую артистку, что составляетъ отрадное и довольно рѣдкое явленіе среди оперныхъ любимцевъ публики. Въ ряду представителей мужскаго персонала мы встрѣчаемъ имя извѣстнаго нѣкогда своимъ прекраснымъ голосомъ тенора—г. Васильева; нынѣ органъ пѣвца является значительно поблекшимъ и хотя въ ловкости и опытности ему отказать нельзя, но кіевляне не удовлетворяются этимъ и не считаютъ нужнымъ скрывать свое разочарованіе. Пѣвецъ выступалъ до сихъ поръ въ роляхъ Сабинина и Рауля. Другой драматическій теноръ труппы—г. Мазуровъ имѣлъ, наоборотъ, несомнѣнный успѣхъ при первомъ своемъ дебютѣ въ „Аидѣ"; богатый природный матеріалъ пѣвца и его неутомимость въ сильныхъ верхнихъ нотахъ крикливой партіи Радамеса понравились большинству аудиторіи, которая не оказалась особенно требовательной по отношенію къ внутренней сторонѣ исполнителя, находящейся у г. Мазурова на довольно элементарной ступени. Упомянемъ въ заключеніе о г. Кругловѣ, обладающемъ ровнымъ и обширнымъ баритономъ, лишеннымъ, однако же, симпатичности тембра. Однимъ изъ лучшихъ пріобрѣтеній нынѣшней труппы является басъ—г. Островидовъ; голосъ его пріятенъ по мягкости и округленности звука во всѣхъ регистрахъ. Артистъ проявляетъ вкусъ и музыкальность. Другой—басъ г. Градцовъ впадалъ въ Мефистофелѣ, Гуно, въ грубый шаржъ; партія Марселя („Гугеноты") удалось ему много лучше, хотя его вокальная дикція въ общемъ страдаетъ тривіальностью и наклонностью къ детонированію на верхнихъ нотахъ.

Особенно пріятной чертою антрепризы г. Сѣтова является состояніе оркестра и хоровъ въ его оперѣ. Оркестромъ управляетъ г. Пагани, ведущій это дѣло талантливо и съ темпераментомъ. Инструментальныя и вокальныя массы звучатъ у него нетолько въ звуковомъ и ритмическомъ отношеніяхъ, но и проявляютъ значительную заботливость насчетъ красокъ и оттѣнковъ. Многія мѣста исполняемыхъ партитуръ получаютъ замѣчательную рельефность и производятъ впечатлѣніе, чему способствуетъ также и отличное качество какъ инструментовъ въ оркестрѣ (преимущественно духовыхъ), такъ и голосовъ въ хорѣ. Репертуаръ объявленъ слѣдующій: „Жизнь за Царя", „Русланъ и Людмила", „Князь Игорь", „Хованщина" (неигранная еще въ Кіевѣ), „Кузнецъ Вакула" г. Соловьева (тоже). „Евгеній Онѣгинъ", „Пиковая Дама", „Опричникъ", „Демонъ", „Волшебный Стрѣлокъ", „Тангейзеръ", „Морякъ-Скиталецъ" (неигр. въ Кіевѣ), „Мефистофель" Бойто (тоже), „Гуарани" Гомеса (тоже), „Искатели Жемчуговъ" (тоже), „Карменъ", „Миньона", „Фаустъ", „Гугеноты", „Пророкъ", „Робертъ", „Жидовка", „Трубадуръ", „Риголетто", „Балъ-Маскарадъ", „Аида", „Отелло". „Норма".

В. Чечоттъ.

Сезонъ въ драматическомъ театрѣ открылся 4 сентября. Для открытія Товарищество драматическихъ артистовъ подъ управленіемъ г. Соловцова, поставило комедію А. Н. Островскаго „Волки и Овцы". Эта пьеса давно не ставилась у насъ. Роль Мурзавецкой съ успѣхомъ исполнила вновь приглашенная Товариществомъ артистка—г-жа Шаровьева. Объ исполнительницѣ другой отвѣтственной роли (Глафиры Алексѣевны)—г-жѣ Немировичъ трудно судить по первому дебюту. Роль Купавиной исполнила г-жа Самойлова (изъ москов. Малаго Императорскаго театра) естественно и съ должными оттѣнками. Мужской персоналъ въ первомъ спектаклѣ явился весь прошлогодній. Лучшимъ исполнителемъ былъ г. Чужбиновъ (Чугуновъ), проведшій роль характерно и въ вѣрномъ тонѣ. Гг. Недѣлинъ (Лыняевъ), Песоцкій (Беркутовъ) весьма недурно справлялись съ своими ролями. Всѣ исполнители имѣли успѣхъ у публики, собравшейся на открытіе въ большомъ количествѣ.

8-го сентября состоялись дебюты новыхъ артистовъ—г-жи Гламы-Мещерской и г. Скуратова. Дебютной пьесой была выбрана драма Маркевича „Чадъ Жизни". Оба дебютанта играли роли Ранцевой и Ранцева и имѣли большой успѣхъ. 10 сентября играли трагедію Гуцкова „Уріель Акоста". Г. Скуратовъ, исполнявшій Акосту, вѣрно понялъ роль. Отсутствіе темперамента заставляетъ артиста прибѣгать къ нѣкоторой искусственности въ рѣчи, а позировка, хотя достаточно развита, но отзывается заученностью. Несмотря на эти недостатки, у г. Скуратова были вполнѣ удачны моменты: разговоръ съ Де-Сильвой (2 актъ), конецъ 2-го и 4 актовъ. Совершенно неудачно прошелъ 5 актъ—послѣдній монологъ г. Скураговымъ былъ скомканъ, звучалъ блѣдно и безъ должной экспрессіи. Г-жа Анненская (Юдифь) взялась не за свою роль, однако старанія ея увѣнчались внѣшнимъ успѣхомъ, г. Песоцкій (Де-Сильва) изъ философа съ непоколебимыми принципами сдѣлалъ обыкновеннаго свѣтскаго резонера. Прекрасно прочли свои роли—г. Чужбиновъ (Бенъ-Акиба) и г-жа Шаровьева (Эсѳирь). Гг. Черновъ (Де-Сантосъ), Долиновъ (Бенъ-Іохай) были хороши, а г. Осмоловскій (Манассе) свою роль провелъ въ невѣрномъ тонѣ.

Нельзя пройти молчаніемъ непригодность декорацій, которыя до того износились, что не могутъ производить впечатлѣніе роскошныхъ садовъ (2 и 5 акты), комнатъ (3 актъ). Товариществу слѣдуетъ постепенно обзаводиться необходимыми для подобныхъ пьесъ декораціями.

Театръ на представленіи „Уріель Акоста" былъ почти пустъ. Судя по этимъ тремъ спектаклямъ, Товарищество сдѣлало большое пріобрѣтеніе въ лицѣ г-жъ Гламы-Мещерской, Шаровьевой и Самойловой. Что же касается г. Скуратова, то онъ, во всякомъ случаѣ, далеко сильнѣе въ своемъ амплуа прошлогодняго г. Самойлова-Мичурина.

До 15 сентября, кромѣ вышеупомянутыхъ пьесъ были поставлены: „Роковой Шагъ", „То было раннею весной" (въ первый разъ, безъ успѣха), „Свѣтящійся жучекъ".

Зрительная зала освѣщена электричествомъ.

—

Кострома. *(Отъ нашего корреспондента).* Мѣстное Общество любителей драматическаго искусства нашло невыгоднымъ держать театръ въ своихъ рукахъ и передало его въ руки артиста г. Дмитріева-Волынскаго.

27 сентября данъ первый спектакль вновь сформированною труппою. Составъ ея слѣдующій: г-жи Некрасова—на драматич. роли и grande coquette; Лодина—ingénue dramatique; Кручинина—на драматич. роли и grande cocquette; Щеголева—комическая старуха; Борисова—водевильная ingénue; Погонина—драматич. grande-dame; Левина—ingenue comique; Николаева—grande coquette; Хвостова—комическая старуха; и др. Мужской персоналъ: гг. Дмитріевъ-Волынскій—на сильныя драматическія роли; Борецкій—драматич. любовникъ; Татариновъ—комикъ простакъ, Погонинъ—комич. резонеръ, Апушкинъ—резонеръ; Алексѣевъ—резонеръ фатъ; Платоновъ—любовникъ фатъ; Волгинъ—jeune comique Шеинъ-Волынскій—первый водивильн. любовникъ; Дадашевъ—водев. любовникъ и др.

На первый спектакль была составлена очень обширная программа, состоявшая изъ одного акта трагедіи графа Толстаго „Царь Борисъ“ и двухъ драмъ: 1) „Левъ Франціи или Слава за гробомъ“,— др. въ 5 дѣйствіяхъ Бракфогеля и 2) „Въ старые годы“ драма въ 5 дѣйствіяхъ г. Шпажинскаго; затѣмъ шелъ еще дивертисментъ съ участіемъ пѣвицы г-жи Свѣтловской.

Прекрасно сошла драма Шпажинскаго „Въ старые годы“, въ которой всѣ роли были розданы замѣчательно удачно. Особенно понравилось публикѣ исполненіе г-на Борецкаго (Рахмановъ) и г-жи Лодиной. Вообще-же пьеса была отлично срепетована. 1-й актъ трагедіи „Царь Борисъ“ былъ поставленъ при новой обстановкѣ и роскошныхъ для провинціи костюмахъ, какихъ, по правдѣ говоря, давно не видала наша сцена.

На 2-й спектакль шла драма Р. Фосса „Ева“, въ которой особенно выдѣлялась игра г-жи Некрасовой, исполнявшей роль Евы. Хорошъ былъ и г-нъ Платоновъ въ роли Эльмара.

Въ водевилѣ „Бѣдовая бабушка“ былъ очень хорошъ г. Погонинъ, видимо опытный артистъ съ удачно выработанной мимикой.

Менѣе удачно прошла комедія „Налетная тучка“.

На 3-ій спектакль шли опять двѣ пьесы: „Жидовка“ и „Блуждающіе огни“, гдѣ главныя роли были распредѣлены между г-мъ Борецкимъ (Максъ) и г-жами Некрасовой (Лидія Григорьевна) и Лодиной (Леля). Вообще нынѣшній составъ труппы и веденіе дѣла заслуживаютъ похвалы.

1-ый спектакль далъ 450 р., второй около 60-ти, третій—170.

Въ концѣ сентября мѣсяца проѣздомъ черезъ Кострому далъ концертъ въ мѣстномъ дворянскомъ собраніи баритонъ Владиміръ Тальзати съ участіемъ пѣвицы Эльвиры Марелли и піанистки—Кнауфъ-Каминской. Сборъ далъ очень жалкую цифру—20 руб.

—

Курскъ. *(Отъ нашего корреспондента).* Начиная съ мая по сентябрь, игравшее здѣсь Товарищество драматическихъ артистовъ съ г. Галицкимъ во главѣ, за три мѣсяца сезона заработало за всѣми расходами около 40 коп. на рубль, не считая бенефисовъ.

Сезонъ закончился третьяго сентября. Не смотря на прохладную погоду, въ послѣдній спектакль театръ былъ почти полонъ, спектакль сопровождался овиціями и подношеніями. За августъ были поставлены: „Арсеній Гуровъ“, „Ограбленная почта“, „Медея“, „Шельменко денщикъ“, „Арказановы“, „Донъ-Жуанъ“, „Дармоѣдка“, „Шейлокъ“, „Мужья одолѣли“, „Расточитель“, „Нума Руместанъ“, „Въ бѣгахъ“, „Мертвыя души“, „Нищіе духомъ“, „Татьяна Рѣпина“, „Отелло“, „Компаньоны“ и „Заяцъ“.

Сентябрь и октябрь Курску придется пробавляться циркомъ Труцци. Что будетъ въ зимнемъ театрѣ, который теперь ремонтируется, неизвѣстно. Предложеній отъ разныхъ антрепренеровъ и Товариществъ много.

—

Липецкъ. *(Отъ нашего корреспондента).* Антрепренерша лѣтняго театра г-жа Лебедева за три мѣсяца своей дѣятельности понесла убытку около трехъ тысячъ. Весь валовой сборъ со спектаклей за это время выразился въ небывало-ничтожной цифрѣ—990 р., причемъ мѣсячный бюджетъ былъ около 1300 рублей. Виною неудачи сезона было главнымъ образомъ заключеніе съ владѣльцемъ липецкаго театра крайне невыгоднаго контракта, въ силу котораго владѣлецъ театра имѣлъ право во всякое время отдавать театръ различнымъ гастролерамъ и концертантамъ, такъ что артисты г-жи Лебедевой зачастую сидѣли безъ дѣла, аккуратно получая жалованье. Въ составѣ труппы, напечатанномъ въ 4-мъ номерѣ „Дн. Арт.“, произошли нѣкоторыя перемѣны: нѣсколько артистовъ не пріѣхали и были замѣнены другими.

—

Новочеркаскъ. *(Отъ нашего корреспондента).* Товарищество драматическихъ артистовъ подъ режиссерствомъ г. Сипельникова открыло зимній сезонъ въ Новочеркаскомъ городскомъ театрѣ 6-го сентября, комедіей г. Александрова-Крылова „По духовному завѣщанію“ и водевилемъ „Домовой шалитъ“. Въ этомъ спектаклѣ принимали участіе почти исключительно артисты и артистки, входившіе въ составъ Товарищества, подвизавшагося въ нашемъ театрѣ еще въ прошломъ году. Всѣ они встрѣчены были публикой, какъ старые и добрые знакомцы, единодушными и долго несмолкавшими аплодисментами. Изъ вновь приглашенныхъ артистокъ на первомъ же спектаклѣ имѣла несомнѣнный успѣхъ одна г-жа Виноградова. Во второмъ, третьемъ и четвертомъ спектакляхъ („Нищіе духомъ“, „Татьяна Рѣпина“ и „Испорченная жизнь“) впервые показались передъ новочеркаской публикой г-жи Волгина и Каратыгина и г. Малевскій. Г-жа Волгина во всѣхъ этихъ трехъ спектакляхъ имѣла большой успѣхъ. Г-жа Каратыгина также очень понравилась нашей публикѣ. Г. Малевскій,—игралъ сдержанно и произвелъ впечатлѣніе умнаго и опытнаго артиста. Что же касается до вторыхъ персонажей, впервые появившихся на нашей сценѣ: гг. Владимірова, Леонтьева, Новскаго, г-жи Левицкой,— о нихъ пока нельзя сказать ничего опредѣленнаго. Въ прошломъ году дирекція нашего театра получила съ Товарищества за 99 спектаклей 9900 руб. (Четырехтысячная субсидія труппѣ въ счетъ не идетъ). Большая половина этой суммы была употреблена разумѣется на текущіе необходимые расходы, какъ-то: жалованье оркестру, прислугѣ, на костюмы, освѣщеніе, отопленіе и проч., остальная же часть цѣликомъ была истрачена уже лѣтомъ на новыя декораціи и ремонтъ фойе и корридоровъ театра. Нельзя не согласиться, что такое употребленіе скромныхъ доходовъ съ театра, дѣлаетъ честь дирекціи; уже теперь нашъ театръ можетъ похвастаться прекрасной театральной библіотекой, декораціями, костюмами и проч.

—

Одесса. *(Отъ нашего корреспондента.)* Въ предстоящемъ зимнемъ сезонѣ, предполагается поставить нѣсколько новыхъ русскихъ оперъ, ни разу еще въ Одессѣ не исполнявшихся, напр. „Юдифь“, „Мазепу“, „Пиковую даму“, „Вражью силу“ и др. Слѣдовало бы г. Грекову познакомить нашу публику также и съ геніальной оперой „Русланъ и Людмила“ Глинки, такъ какъ послѣдняя, давно не исполнявшаяся, почти неизвѣстна одесситамъ.

Русскія оперы, помимо своихъ достоинствъ, имѣютъ для одесской публики интересъ новизны, тогда какъ итальянскій репертуаръ извѣстенъ чуть ли не на память. Г. Грековъ на предстоящій сезонъ пригласилъ оперныхъ артистовъ—гг. Супруненко, Антоновскаго, г-жу Клямжинскую и др.

Людей, интересующихся музыкальнымъ развитіемъ одесситовъ, крайне порадовало открытіе новыхъ музыкальныхъ классовъ, утвержденныхъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Въ качествѣ преподавателей этихъ классовъ состоятъ: по классу фортепіано—гг. фонъ Рессель (директоръ и основатель классовъ), Бахманъ, баронъ Каульбарсъ, Суокъ и Экштейнъ. По классу скрипки—гг. Плинеръ, Рахмиль, Соколовъ и Фельдштейнъ.

По классу пѣнія—г-жи Василенко и Егупова. По классу теоріи композиціи гг. Рессель и Лабинскій. По классу исторіи музыки—гг. Матвѣевъ и Лабинскій.

—

Орелъ. *(Отъ нашего корреспондента).* Товарищество драматическихъ артистовъ лѣтняго театра закончило свою дѣятельность. Заработокъ былъ не изъ удачныхъ: вмѣсто номинальнаго рубля каждый изъ пайщиковъ получилъ 20 коп. Маленькіе актеры были на жалованьи. Въ числѣ главныхъ персонажей были: г-жи Аксакова, Лодина, Романовская и др.; гг. Иволгинъ, Добровольскій, Никифоровъ и др.,

—

Пенза. *(Отъ нашего корреспондента).* Нашъ театръ спитъ на зиму г. Вольскимъ. Драматическая труппа составлена изъ слѣдующихъ персонажей: г-жи Горская (драматическія роли), Соколова (ingénue dramatique), Вольская-Дарская (ingénue comique), Смирнова, Богданова, Волжина, и др.; гг. Галицкій (любовникъ-герой). Вольскій (комикъ), Яковлевъ (резонеръ), Горинъ (простакъ), Викторовъ и др. Въ теченіе сезона предполагается приглашеніе на гастроли: г-жъ Киселевой, Ковровой, Брянской и г. Россова. Сезонъ открывается драмой П. В. Шпажинскаго „Въ старые годы".

—

Пермь *(отъ нашего корреспондента).* Открытіе театральнаго сезона послѣдовало 15-го сентября четырехъ-актной комедіей „Друзья-пріятели". Составъ труппы, подъ дирекціей г-жи Карцевой, въ нынѣшнемъ сезонѣ слѣдующій. Женскій персоналъ: г-жи Карцева — героиня, Дубравская — grande dame, Калиновская— оперетная, Стрѣлкова — 1-я ingenue, Прокофьева—первая старуха, Ларина—на роли пожилыхъ grande dame, Карчагина и Карпенко — водевильныя и др. Мужской персоналъ: гг.: Дубровскій—герой и резонеръ, Бредовъ—первый любовникъ, Ленскій—характерный, Блажевъ—первый комикъ, Николенко — оперетный и водевильный, Шуваловъ—простакъ и др.

Въ теченіе сезона, помимо драмы и комедіи, предполагаются къ постановкѣ фееріи и оперетки.

Театръ внутри заново отдѣланъ, прибавлено много новыхъ декорацій, бутафорскихъ и аксессуарныхъ вещей, костюмовъ.

Первый спектакль далъ сбору 314 р. (полный сборъ въ театрѣ 592 р.). Комедія была разыграна очень живо, благодаря хорошей срепетовкѣ.

—

Рига. *(Отъ нашего корреспондента).* Начавшійся 22 августа „Донъ-Жуаномъ" въ городскомъ театрѣ музыкальный сезонъ не представляетъ пока интереса. Составъ подновленъ только отчасти, а именно вмѣсто прежняго героическаго тенора г. Добеля, приглашенъ болѣе удачный г. Дворскій, а лирическій теноръ г. Мойнке замѣненъ г. Келлеромъ, пѣвшимъ въ мѣстной оперѣ года два тому назадъ. Опять весь интересъ труппы лежитъ на женскомъ персоналѣ, драматическомъ сопрано, г-жѣ Лихтенегъ и колоратурномъ, г-жѣ Ольденъ. Уже шли слѣдующія оперы: „Донъ-Жуанъ", „Фра-Діаволо", Гугеноты", „Карменъ", „Марта" и 13-го сентября — „Зекингенскій трубачъ", Несслера, привлачная музыка которой, съ Вагнеровской инструментовкой и Веберовскимъ колоритомъ, имѣетъ среди мѣстной нѣмецкой публики успѣхъ, несмотря ва то, что, при отсутствіи ансамблей, напоминаетъ болѣе древнегерманскій водевиль (Singspiel), чѣмъ типъ современной оперы. Изъ новинокъ пойдетъ „Трефуаръ", одноактная опера Бриля, а впослѣдствіе „Африканка" Мейербера; къ концу сезона предполагается къ постановкѣ „Демонъ", Рубинштейна. Концерты еще не начинались.

Всев. Ч.

—

Въ городскомъ театрѣ начался драматическій сезонъ 20 августа. Составъ драматической труппы, правда, измѣнился значительно, но по прежнему труппа состоитъ изъ посредственностей, единственное спасеніе которыхъ въ добросовѣстности; благодаря послѣдней можно было съ интересомъ смотрѣть Шекспировскія „Много шуму изъ ничего" и „Ромео и Юлія".

Съ 6 по 11 сентября въ залахъ Верманскаго парка и Ремесленнаго Общества дала нѣсколько спектаклей труппа малороссовъ подъ управленіемъ г. Доркача.

—

Рогачевъ (Могил. губ.) *(отъ нашего корреспондента)* 26 іюля поставленъ былъ любительскій спектакль, въ составъ котораго вошли пьески: „Глухой тетеревъ", „Если женщина рѣшила, такъ поставитъ на своемъ" и „Прежде скончались, потомъ повѣнчались". Исполненіе было весьма старательное, спектакль имѣлъ успѣхъ, хотя публики было мало. Надо только пожалѣть о мало-литературномъ выборѣ: пьесъ, что для любителей должно-бы стоять на первомъ планѣ, въ особенности, если они состоятъ изъ учащейся молодежи, какъ здѣсь.

—

Ростовъ на Дону *(отъ нашего корреспондента).* 15-го сентября состоялось закрытіе спектаклей въ лѣтнемъ театрѣ г. Любова. Поэтому будетъ вполнѣ умѣстно подвести итогъ дѣятельности лѣтней антрепризы, продолжавшейся четыре съ половиной мѣсяца. Составъ труппы былъ слѣдующій: г-жи Токарева, Звѣздичъ-Писарева, Радина, Шатленъ, Ленская, Доброва и др.; гг. Любовъ, Смирновъ, Горинъ, Аркунинъ, Шуминъ, Крамовъ, Волжанинъ, Митрофановъ и др. По примѣру прошлыхъ годовъ той-же антрепризы въ Ростовѣ, въ теченіе сезона были гастроли артистовъ: г-жъ Мичуриной-Самойловой, Петина, Аннепской; г-дъ Давыдова, Киселевскаго, Южина, Горева и Петина. Наиболѣе удачными въ матеріальномъ смыслѣ оказались гастроли г. Южина и гг. Петина; послѣдніе играли въ Ростовѣ въ теченіе мѣсяца съ небольшимъ. Слабѣе были спектакли съ участіемъ гг. Горева и Давыдова, гастролировавшаго вмѣстѣ съ артисткой г-жей Самойловой-Мичуриной. При такомъ обиліи гастролеровъ самыхъ противуположныхъ дарованій, репертуаръ былъ крайне разнообразенъ: классическія пьесы Шекспира, Шиллера и Мольера смѣнялись самыми невозможными мелодрамами французской фабрикаціи, а серьезныя современныя комедіи и драмы чередовались съ чудовищными фарсами.

Само собою разумѣется, что разъ дѣло сводится къ гастролямъ, то остальнымъ персонажамъ труппы приходится по большей части только подыгрывать гастролерамъ и сплошь да рядомъ играть несвойственныя ихъ дарованію роли. Тѣмъ не менѣе въ теченіе сезона, кромѣ г-жи Токаревой и самого антрепренера г. Любова, по прежнимъ сезонамъ извѣстныхъ ростовской публикѣ, пользовались успѣхомъ г. Смирновъ—молодой, серьезно относящійся къ дѣлу артистъ, на долю котораго выпала масса ролей чрезвычайно разнообразныхъ по существу; г. Горинъ — очень полезный драматическій резонеръ и г. Шуминъ—простакъ. Матеріальная сторона дѣла была удовлетворительна и если-бы не холерная эпидемія, свирѣпствовавшая нѣкоторое время въ Ростовѣ и пагубная на жи-

телей папику, благодаря которой іюль мѣсяцъ совершенно пропалъ у антрепризы,—дѣло было-бы прекрасное. Г. Любовь на будущій лѣтній сезонъ снова, какъ слышно, предпринимаетъ антрепризу въ Ростовѣ.

—

Самара. *(Отъ нашего корреспондента.)* 8-го сентября открылся зимній сезонъ комедіей князя Сумбатова „Дочь вѣка“; затѣмъ были поставлены „Новое дѣло“, „Въ неравной борьбѣ“ и „Испорченная жизнь“.

Изъ исполнительницъ выдѣлялись г-жа Летаръ—grande-coquette и г-жа Мозылевская—ingénue comique, которая, повидимому, сдѣлается любимицей публики. Изъ актеровъ выдѣлился г. Казанцевъ.

—

Саратовъ. *(Отъ нашего корреспондента.)* Спектакли въ нашемъ зимнемъ театрѣ начались съ 30-го августа. Опера будетъ чередоваться съ драмою. По прмѣру прошлыхъ сезоновъ, дѣлами оперы завѣдывать будетъ баритонъ Н. В. Унковскій, а драматическими спектаклями г. Горинъ-Горяйновъ.

Составъ оперной труппы на этотъ сезонъ уже былъ помѣщенъ въ № 5 „Дневника Артиста“. Съ тѣхъ поръ труппа пополнилась нѣкоторыми сюжетами, изъ которыхъ должны быть отмѣчены г-жа Инсарова-Миклашевская (лирическое сопрано), контральто О. В. Фрёлихъ-Соколова (изъ Императорской московской оперы) и г. Петровъ (басъ). Еще приглашена на драматическія сопранныя роли М. К. Онѣгина (Плотницкая), которая выступитъ у насъ вѣроятно въ первыхъ числахъ октября.

Для открытія сезона поставлена была опера „Жизнь за Царя“ съ слѣдующимъ распредѣленіемъ партій: Антониду пѣла г-жа Инсарова, Ваню—г-жа Тимофѣева, Сабинина—г. Рѣзуновъ и Сусанина—г. Плауктинъ.

Нѣкоторая спѣшность въ постановкѣ оперы и въ передачѣ деталей партій чувствовались иногда въ первомъ спектаклѣ. Но благодаря прекрасному голосовому матеріалу солистовъ, толковому отношенію ихъ къ дѣлу, а также талантливости главныхъ руководителей оперы, получился живой ансамбль, доходившій иногда до требуемой сценической иллюзіи. Хоры не достаточно еще спѣлись, неточности въ интонаціи; нюансировка тоже страдала отъ однообразія. Оркестромъ управлялъ г. Павицынъ очень умѣло и талантливо. Не смотря на сравнительную малочисленность оркестра, капельмейстеръ достигалъ весьма хорошихъ эффектовъ. Восьмаго сентября опера Глинки была повторена при болѣе торжественной обстановкѣ, съ усиленнымъ хоромъ и дополненнымъ балетомъ. Хоръ пѣлъ на этотъ разъ вполнѣ стройно. Роли Вани и Сусанина были обставлены новыми солистами.

Въ роли Вани г-жа Соколова имѣла выдающійся успѣхъ. Роль Сусанина изображалъ г. Петровъ; типъ былъ имъ также прекрасно задуманъ, но вокальная передача была только мѣстами удачна. Голосъ г. Петрова очень хорошъ, особенно въ среднемъ регистрѣ. Антонида-Инсарова и Сабининъ-Рѣзуновъ пѣли и играли увѣреннѣе прежнихъ въ своемъ дебютномъ спектаклѣ и производили очень хорошее впечатлѣніе на слушателей.

Администрація театра, какъ видно, принялась горячо за свое дѣло: съ начала сезона по 17-е сентября ею еще двѣ оперы были: „Русалка“ и „Фаустъ“ (по два раза), „Аида“, „Евгеній Онѣгинъ“, „Трубадуръ“ и „Рогнѣда“.

Въ „Русалкѣ“ очень недурна была г-жа Тимофѣева въ роли княгини. Превосходнаго мельника имѣетъ труппа въ лицѣ г. Петрова и подходящаго князя въ лицѣ г. Рѣзунова. Сцену сумасшествія г. Петровъ ведетъ съ сильнымъ драматизмомъ; арію „Невольно къ этимъ берегамъ“ г. Рѣзуновъ передаетъ тонко, съ должнымъ чувствомъ мѣры.

Для Наташи имѣются въ труппѣ двѣ артистки: г-жи Инсарова и Бѣлинская. Роль княгини исполнила г-жа Соколова съ отличнымъ успѣхомъ.

Для „Фауста“ у насъ тоже нашлись прекрасные исполнители. Первый разъ въ этой оперѣ участвовали г. Мадатовъ (Фаустъ), г. Гулевичъ (Валентинъ), г. Раздольскій-Славскій (Мефистофель), г-жа Веселовская (Маргарита) и г-жа Нелидова (Зибель).

У г. Гулевича очень симпатичныя голосовыя средства и несомнѣнные задатки къ игрѣ, которые онъ обнаружилъ въ сценѣ смерти Валентина. При повтореніи оперы были опять новые исполнители. Въ заглавной роли дебютировалъ г. Алинскій, теноръ, съ хорошими высокими нотами, которыми онъ владѣетъ довольно увѣренно. Роль Зибеля удачно пѣла г-жа Тимофѣева. Роль Мефистофеля исполнилъ г. Петровъ; онъ въ ней былъ менѣе на мѣстѣ, нежели въ Сусанинѣ и мельникѣ.

Съ прекраснымъ ансамблемъ прошла опера „Евгеній Онѣгинъ“. Г. Унковскій въ заглавной роли безукоризненно хорошъ и въ ней очень любимъ публикой; г-жа Соколова—типичная няня, г-жа Тимофѣева — вполнѣ подходящая Ольга, а г-жа Романова — прекрасная Ларина. Очень хороши были также въ своихъ роляхъ: г-жа Инсарова (Татьяна), г. Рѣзуновъ (Ленскій) и г. Раздольскій (Греминъ).

„Аида“ и „Трубадуръ“ дали, какъ и остальныя оперы, хорошіе сборы. Меццо-сопранныя партіи (Аменрисъ и Азучена) исполнила г-жа Дигби, артистка занимающая выдающееся положеніе въ труппѣ.

Дуэтъ Аиды (г-жа Инсарова) и Аменрисъ были кульминаціонными мѣстами въ операхъ. Въ роли Манрико хорошій успѣхъ имѣлъ г. Мадатовъ, въ партіи графа — г. Гулевичъ. Сдѣланная нами характеристика солистовъ не можетъ считаться полною, особенно въ отношеніи дебютантовъ. При болѣе близкомъ знакомствѣ съ ними, можетъ быть, и придется измѣнить нѣсколько наши взгляды на степень ихъ талантливости.

Въ общемъ труппа производитъ очень хорошее впечатлѣніе и при дальнѣйшей работѣ съ ней можно будетъ достигнуть требуемаго ансамбля при постановкѣ болѣе сложныхъ оперъ.

Публика посѣщала оперные спектакли довольно усердно. Наибольшіе сборы давала опера „Жизнь за Царя“, а „Онѣгинъ“ привлекъ такую массу посѣтителей, что пришлось продавать приставныя кресла. На дняхъ у насъ поставлены будутъ оперы „Русланъ и Людмила“ и „Пиковая дама“. Драматическая труппа тоже пользуется здѣсь вниманіемъ публики. Лучшія силы ея: г-жа Львова и гг. Горинъ-Горяйновъ, Бушмановъ, Вадимовъ, Иконниковъ и др. Труппа ставитъ легкія комедіи, которыя разыгрываются вообще съ бойкимъ и довольно дружнымъ ансамблемъ.

—

Севастополь *(отъ нашего корреспондента)*. 26 мая Товарищество подъ управленіемъ Форкати закончило свою дѣятельность въ Севастополѣ. За мѣсяцъ пришлось по 17 руб. на марку, большаго и нельзя было ожидать, такъ какъ труппа была весьма посредственная, и г. Форкати отказался далѣе продолжать поѣздку съ труппой. Съ 1 іюня по 15 подвизалось у насъ Товарищество оперныхъ артистовъ подъ управленіемъ г. Черкасова. Съ 15 іюня по 6 сентября было затишье. Въ это время

артистическимъ Кружкомъ были даны два спектакля съ благотворительною цѣлью. Съ 6 сентября начали играть малороссы подъ управленіемъ гг. Садовскаго и Старицкаго. Малорусская труппа пользуется большимъ сочувствіемъ севастопольцевъ.

—

Симбирскъ *(отъ нашего корреспондента)*. Зимній театръ В. М. Булычева снятъ Товариществомъ подъ управленіемъ В. И. Бибина. Предположено давать по четыре спектакля въ недѣлю. Составъ труппы: г-жи О. Г. Вронская—героиня, Е. И. Доброклонская—ingénue драм., Е. И. Чарова и К. В. Стругина—гранъ-дамъ, А. В. Головинская — драматическія, Е. Л. Сосницкая — ingénue-ком. и водевили съ пѣніемъ, А. Г. Болдырева—молодыхъ дамъ, К. В. Гаевская—комическихъ старухъ, С. П. Расатова—субретокъ и водевили съ пѣніемъ, Л. Л. Цегельская и А. П. Востокова—ва маленькія роли: гг. С. С. Расатовъ—героевъ и резонеровъ, М. С. Кожевниковъ—драматическихъ любовниковъ, С. Ф. Сабуровъ—фатовъ-любовниковъ, И. И. Черновъ—салонныхъ резонеровъ, Н. М. Борисавскій—комиковъ-резонеровъ, В. И. Бибинъ—комиковъ и характерныя роли, П. А. Арсеньевъ—буффъ-комикъ, Н. Д. Болдыревъ—водевили съ пѣніемъ, В. А. Крамоловъ—характерныя роли, А. С. Николаевъ—роли простаковъ, г. Пузинскій—комическихъ старухъ, Н. В. Кастровскій—2-хъ молодыхъ людей, А. П. Савельевъ—старыхъ слугъ, П. М. Казскій—молодыхъ слугъ. Для феерій и антрактовъ приглашена танцовщица варшавскаго балета г-жа Цегельская. Режиссеръ труппы г. Расатовъ, помощникъ режиссера г. Кастровскій, суфлеръ г. Востоковъ, декораторъ г. Гартье.

—

Симферополь. *(Отъ нашего корреспондента.)* Лѣтній театральный сезонъ, открытый 26 апрѣля малороссійскою труппою подъ управленіемъ г. Грицая, закончился въ нынѣшнемъ году ранѣе обычнаго времени,—23 августа. Въ теченіе этихъ четырехъ мѣсяцевъ на сценѣ лѣтняго театра, въ городскомъ саду, перебывало пять труппъ: малороссійская г. Грицая, драматическая — подъ управленіемъ г. Лелева-Вучетича, оперная — г. Черкасова, драматическая-товарищеская и, наконецъ, опереточная, составленная самимъ арендаторомъ городскаго сада г. Новиковымъ. Изъ всѣхъ этихъ труппъ—лучшія, въ матеріальномъ отношеніи, дѣла сдѣлала оперная. Въ составъ этой труппы входили пѣвицы: г-жи Рядова, Бруно и Свѣтлановa и пѣвцы: гг. Рядовъ, Максаповъ, Шакуло и Мельниковъ. Дирижировалъ г. Карскій-Балкашинъ. Драматическая труппа г. Лелева-Вучетича, хотя и была составлена очень прилично, но успѣха не имѣла, частью по причинѣ неблагопріятной погоды, частью, благодаря однообразному репертуару, несоотвѣтствовавшему требованіямъ публики, желавшей видѣть на сценѣ лѣтняго театра легкія комедіи. Въ этомъ отношеніи другой драматической труппѣ, прибывшей сюда изъ Ѳеодосіи, болѣе посчастливилось, хотя она была во всѣхъ отношеніяхъ ниже труппы г. Лелева-Вучетича; но она пробыла здѣсь нѣсколько дней и дала всего четыре или пять спектаклей. Наконецъ, менѣе всего посчастливилось опереточной труппѣ, составленной г. Новиковымъ въ началѣ августа. Кромѣ г-жи Ларизянной и г. Максапова, приглашенныхъ на первыя роли,— опереточная труппа эта состояла изъ плохихъ посредственностей и безголосыхъ хористовъ, которые не вполнѣ свободно даже владѣли русскимъ языкомъ. Прибавьте къ этому жалкіе костюмы и полное отсутствіе обстановки—и неуспѣхъ труппы станетъ вполнѣ понятенъ. Результатомъ этого явилось преждевременное закрытіе театра. Дворянство, которому принадлежитъ зимній театръ, рѣшило не сдавать его антрепренеру, а эксплоатировать самому. На этомъ основаніи можно предположить, что постоянной труппы въ этомъ году въ зимнемъ театрѣ не будетъ и симферопольцамъ придется довольствоваться труппами заѣзжихъ артистовъ.

—

Славянскія минеральныя воды. *(Отъ нашего корреспондента)*. На водахъ спектакли даются въ курзалѣ, гдѣ для этого имѣются сцена и обширный зрительный залъ, вмѣщающій, кромѣ хора, до 320 мѣстъ; валовой сборъ при обыкновенныхъ цѣнахъ до 450 р. и при возвышенныхъ- до 700 р. Несмотря на обильный съѣздъ, артисты, посѣтившіе въ истекшій сезонъ воды, не могутъ похвалиться удовлетворительными сборами. Съ 14-го и по 23 іюня дало 7 спектаклей Товарищество русско-малорусскихъ артистовъ, подъ управленіемъ гг. Деркача и Манько, сдѣлавъ валоваго сбора 1235 р., т.-е. около 176 р. на кругъ, при вечеровомъ расходѣ не болѣе 30%. Судя по составу труппы, сборы нужно считать удовлетворительными.

Гораздо меньшій матеріальный успѣхъ (около 100 р. на кругъ) имѣло общество русскихъ драматическихъ артистовъ, въ составъ коего вошли: гг. Шеинъ, Гаринъ, Чернышевъ, Блажевъ, Истоминъ, Горбачевскій и Заревскій и г-жи Волгина, Шенна, Медвѣдева, Тираспольская, Тамарова, Тинская и Холмина. Г-жа Волгина приняла участіе только въ 4 спектакляхъ: „Татьяна Рѣпина“, „Вторая молодость“, „Лѣтнія грезы“ и „Безъ вины виноватые“. Изъ другихъ артистовъ выдавались гг. Шеинъ, Гаринъ и Чернышевъ.

Въ театрѣ городскаго сада подвизалось Товарищество русскихъ артистовъ, подъ управленіемъ г. Никольскаго, довольно старательнаго исполнителя. Еще выдѣлялся нѣсколько, какъ недурной, хотя нѣсколько однообразный, комикъ г. Лаптевъ; игра же другихъ исполнителей и особенно исполнительницъ была плоха. Счастливымъ исключеніемъ можно считать молодую и, видимо, еще неопытную, но подающую надежды артистку г-жу Ольгину. Всѣ члены этого Товарищества, за исключеніемъ г. Никольскаго, шли согласно, ибо никогда никто изъ нихъ не зналъ своей роли. Въ выборѣ пьесъ Товарищество, видимо, не стѣснялось: ставило комедіи, драмы и даже трагедіи, пьесы классическія и современныя.

За 30 спектаклей Товарищество взяло валоваго сбора почти 3000 р., имѣя не болѣе 35% вечероваго расхода. Подъ конецъ сезона не обошлось безъ недоразумѣній и ссоры. Въ провинціи это бываетъ обычный, а дальше, оставшіеся, обиженные артисты даютъ еще нѣсколько спектаклей, чтобы выжать изъ публики все ея сочувствіе и, наконецъ, слѣдуютъ просьбы о вспомоществованіи, подписка на пьѣздъ и т. п. Любительскіе спектакли у насъ—случайное явленіе; организованнаго кружка не существуетъ.

—

Ставрополь-Кавказскій *(отъ нашего корреспондента)*. Антрепренершей зимняго театра на предстоящій сезонъ сформированы двѣ труппы: опереточная и драматическая, въ составъ которыхъ вошли нижеслѣдующіе артисты и артистки: г-жи Марченко—лирическое сопрано, Тоцкая—каскадныя роли, Воронина—ingénue-драм., Строева—гранъ-дамъ, артистка С.-Петербургскихъ театровъ, Микульская — комическія роли въ опереткахъ и драмахъ, Ермолова—2-хъ гранъ-дамъ и комическія роли, Шперлингъ, Мещерская, Тоцкая - вторыя роли въ опереткахъ и драмахъ,

третьи партіи и роли, Солнцева, Гипсбургъ, Люценко и друг. Гг. Ворониновъ—первый теноръ, Ягелловъ — басъ-буффъ, Гетмановъ — баритонъ, Муравлевъ-Свирскій—любовниковъ и героевъ, Ягелло—драматическій резонеръ, Кузнецовъ-Ершовъ—комическія и характерныя роли въ комедіяхъ и драмахъ, Судьбининъ—комика въ опереткахъ, Дрого-Міровъ—водевильныхъ любовниковъ и простаковъ, второстепенныя роли: Лавриновичъ, Солнцевъ, Конторовичъ, Гинсбургъ и друг. Хоръ мужской и женскій изъ 15 человѣкъ. Оркестръ изъ 14 человѣкъ, подъ управленіемъ оперетнаго дирижера, ученика Пражской консерваторіи, Антона Тонш. Суфлеръ г. Стадевичъ, декораторъ Шперлингъ. Начало сезона 25-го сентября; для открытія спектаклей поставлено на первый спектакль „Въ старые годы“, драма въ 5-ти дѣйст. соч. И. В. Шпажинскаго, и „Съ мѣста въ карьеръ“, фарсъ въ одномъ дѣйств. Второй спектакль—„Цыганскій баровъ“, оперета въ 3-хъ дѣйств. Завѣдующій репертуаромъ В. Н. Кузнецовъ-Ершовъ. Режиссеръ оперетъ А. Г. Ягелловъ. Антрепренеръ и главный режиссеръ О. П. Лавровская.

—

Таганрогъ. *(Отъ нашего корреспондента.)* На предстоящій сезонъ городской театръ сданъ безплатно г. Любову, ростовскому антрепренеру, который откроетъ зимній сезонъ 18 октября.

Составъ таганрогской труппы г. Любова, за немногими исключеніями и прибавленіями, остается прежній, тотъ же, который былъ въ Ростовѣ лѣтомъ, именно: г-жи Токарева, Звѣздичъ, Карнѣева, Шатленъ, Ленская, Волкова и др., гг. Любовъ, Добровольскій, Житовъ, Смирновъ, Волжанинъ, Шуминъ, Митрофановъ и др.

—

Тамбовъ. *(Отъ нашего корреспондента).* Кончился и нашъ лѣтній сезонъ, вѣроятно самый продолжительный изъ всѣхъ сезоновъ—начавшись съ Пасхи — онъ закончился только къ сентябрю. Валовой сборъ всего сезона былъ немалый для города—15,000 рублей. Играло Товарищество драматическихъ артистовъ подъ режиссерствомъ артиста В. Н. Соколовскаго. Составъ труппы былъ слѣдующій: г-жи Красовская-Мокуръ и Любавина, (драматическія актрисы), Арцыбашева (ingénue comique), Марлинская (ingénue dramatique), Струшка (старуха) и др., гг. Лавровскій (драматическій любовникъ). Соколовскій (резонеръ-фатъ), Лавровъ (комикъ), Кирсановъ-Дюбрюксъ (резонеръ), Вадимовъ (простакъ), Арсеньевъ и др. Театръ былъ арендованъ за 12% съ валоваго сбора каждаго спектакля; за костюмы платили по 6 рублей отъ спектакля, а за пьесы и роли по 30 рублей въ мѣсяцъ. Товарищество заработало за все время около 25% на рубль, считая бенефисы отдѣльно. Театръ и на слѣдующее лѣто остался за г. Соколовскимъ.

—

Тверь. *(Отъ нашего корреспондента).* Итоги лѣтняго сезона, продолжавшагося почти четыре мѣсяца, болѣе чѣмъ неудачны. За все время Товарищество артистовъ подъ управленіемъ г. Лаврова-Орловскаго получило на свои марки всего 60%, т.-е. по 15 коп. на рубль въ мѣсяцъ. Такой ничтожный заработокъ можно объяснить отчасти плохой погодой въ лучшее время сезона и отдаленностью театра отъ центра города. Въ составѣ труппы находились: г-жи Бронская-Борисславская, Волынцева (ingénue dramatique), Трубецкая (молодая актриса на роли ingénues comiques), Варенцова и др.; гг. Судьбининъ, Лавровъ-Орловскій, Борисславскій, Холминъ, Востоковъ и др.

—

Томскъ *(отъ нашего корреспондента).* Въ Томскѣ существуетъ довольно обширный садъ, принадлежащій купцу Качковскому. Въ этомъ саду есть небольшой деревянный театръ съ открытыми мѣстами для зрителей. Въ этомъ саду играли лѣтомъ любители и заѣзжіе концертанты.

30 августа у насъ открылся зимній театральный сезонъ. Антрепризу держитъ самъ собственникъ театра г. Королевъ, труппа сформирована артистомъ г. Крыловымъ, державшимъ антрепризу нашего театра въ минувшемъ сезонѣ, теперь анонсированнымъ только въ качествѣ режиссера. Составъ труппы слѣдующій: г-жи Аксакова (сильныя драмат. и героич. роли), Томшева (драмат. ingénue), Гринева (ingénue comique и водевиля съ пѣніемъ), Кирилова (роли комич. и драмат. старухъ), Райдина (вторыя вод. роли съ пѣніемъ), Борисова (grande dame), Звѣрева (молодыхъ grande dame и субретокъ), Александрова и Тимоѳеева (второстепенныя роли); гг. Гаринъ (героич. и драмат. роли), Камскій (любовникъ и фат.), Смирновъ, Крыловъ (роли комиковъ и характерныя), Пепяевъ, Шуваловъ (роли простаковъ и водевильныя съ пѣніемъ), Добровольскій (ревонеръ), Соболевъ, Яковлевъ и др.

Для открытія сезона была поставлена пьеса „Семейные пороги“; затѣмъ шли: драма „Преступница“, „Лѣсъ“, „Блуждающіе огни“, и комедія Зудермана „Честь“ по переводу, напечатанному въ „Артистѣ“. Такимъ образомъ, силы новой труппы уже почти обрисовались и можно сдѣлать выводъ о ихъ достоинствѣ. Изъ объявленнаго состава труппы не прибыла только г-жа Гринева (на роли ingénue comique и водевильныя съ пѣніемъ), и въ составъ труппы вошли еще на второстепенныя роли г. Левинъ и г-жи Дарьяловы. Женскій персоналъ труппы оказывается довольно слабымъ. Выдѣляющаяся изъ него—г-жа Аксакова (на сильныя драматическія и героическія роли), но и она, покрайней мѣрѣ судя по исполненію ею Надежды Николаевны Чехмаревой — въ „Преступницѣ“ и Лидіи Григорьевны Моревой—въ „Блуждающихъ огняхъ“,—не можетъ считаться вполнѣ хорошей артисткой, и несомнѣнно—далеко уступаетъ и Киселевой, и Строговой, которыхъ видѣлъ Томскъ за послѣдніе годы на роляхъ ея амплуа. У г-жи Аксаковой недостаетъ истиннаго одушевленія. И мимика у нея заставляетъ желать многаго. Я не говорю, чтобъ она была вовсе плохая артистка, полная посредственность; но не думаю, чтобъ она смогла, при ея силахъ, создать цѣльный образъ, что-нибудь типическое, и произвести дѣйствительно глубокое впечатлѣніе. Это, очевидно, опытная актриса, умѣло ведущая роль, даже съ простотой, не прибѣгающая къ излишнимъ эфектамъ, но и не могущая повыситься до настоящаго драматизма и потрясти, взволновать зрителя. Г-жа Томшева недурная артистка, большая полезность, но, преимущественно, на водевильныя роли,—драматизмъ у нея тоже отсутствуетъ.

Г-жа Кирилова вполнѣ типичная комическая старуха—но и только. Исполняя, наприм., въ „Семейныхъ порогахъ“ роль жены генерала Теркасимова, она ее испортила совершенно. Г-жи Дарьяловы—еще очень неопытны, со сценой мало знакомы, хотя старшая съ признаками весомѣннаго дарованія, надъ которымъ, однако, надо серьезно поработать. Мужской персоналъ значительно сильнѣе. Во главѣ его надо поставить гг. Смирнова (комикъ), Гаринъ (героическія, драматическія и роли салонныхъ резонеровъ) и самого г. Крылова-режиссера. Гг. Смирновъ и Гаринъ положительно солидныя силы и были бы замѣтными на любой частной сценѣ. У г. Смирнова недюжинное комическое дарованіе и, наприм., въ „Лѣсѣ“ онъ прекрасно

провелъ роль Аркадія Счастливцева, играя просто, ни разу не прибѣгнувъ къ шаржу, и произвелъ сильное впечатлѣніе. Г. Гаринъ зарекомендовалъ себя хорошимъ исполвевіемъ Геннадія Несчастливцева—въ томъ же „Лѣсѣ“, Диковскаго—въ „Блуждающихъ огняхъ“ и графа Траста—въ „Чести“. Иногда ему вредитъ нѣсколько возвышенный тонъ, къ которому онъ любитъ прибѣгать, манера произносить слова, но въ общемъ онъ даетъ всегда сильное впечатлѣніе и создаетъ изъ исполняемыхъ ролей лица, полныя жизни. Въ игрѣ его, не смотря на устарѣлые пріемы декламаціи, пробивается истинное чувство и одушевленіе. Затѣмъ слѣдуетъ упомянуть (проходя молчаніемъ г. Крылова, о которомъ мы давали неоднократно отзывы при разборѣ спектаклей минувшаго сезона и который обладаетъ несомнѣнною талантливостью) о гг. Камскомъ, Пеняевѣ и Левинѣ. Г. Камскій—еще молодой, начинающій артистъ, безъ всякой школы и опытности—роли ведетъ не ровно, никогда не выдержитая ихъ вполнѣ; во въ немъ, тѣмъ не менѣе, замѣтенъ огонекъ, замѣтна способность къ сценѣ. Г. Пеняевъ не безъ дарованія исполняетъ роли простаковъ и бытовыя; г. Левинъ держитъ себя прекрасно на сценѣ, обладаетъ хорошей дикціей и ведетъ роль, обыкновенно, умѣло. Вотъ и всѣ силы нашей нынѣшней труппы, и несомнѣнно, что слабость женскаго персонала сильно повліяетъ на сборы. И теперь уже (послѣ перваго даже спектакля) театръ сталъ посѣщаться не особенно охотно и ряды театральныхъ завсегдатаевъ значительно порѣдѣли. Можетъ быть, мы ошибаемся въ нашемъ отзывѣ о г-жѣ Аксаковой, такъ какъ пока она участвовала лишь въ двухъ спектакляхъ,—могла быть больна, роль ей могла не нравиться и т. п. Можетъ быть, въ слѣдующіе раза ова обнаружитъ и большія силы. Дай Богъ,—мы первые порадуемся тому и сознаемся въ нашей невольной ошибкѣ! Но пока... слѣдовало бы дополнить женскій персоналъ нашей труппы...

У насъ концертировали проѣздомъ артисты пѣвцы г. Раппортъ и г-жа Меравильи-Раппортъ. Они дали здѣсь два концерта и имѣли довольно большой успѣхъ. Особенно понравилось пѣніе г. Раппорта, у котораго весьма сильный и хорошообработанный голосъ. Хорошій голосъ и у г-жи Маринльи-Раппортъ, но крайне рѣзкій, очень непріятнаго тембра...

Вс. С.

—

Харьковъ *(отъ нашего корреспондента)*. Открытіе зимняго сезона въ нашемъ драматическомъ театрѣ состоялось 6-го сентября. Почему-то для открытія сезона Товарищество выбрало не одну изъ пьесъ классическаго репертуара, какъ это дѣлалось прежде, а драму г. Шпажинскаго „Маіорша“.

Такая измѣна традиціямъ вызвана, какъ говорятъ, тѣмъ, что ко дню открытія театра не успѣли съѣхаться всѣ члены Товарищества и поэтому нельзя было болѣе или менѣе прилично обставить классическую пьесу. Не смотря, однако же, на выборъ заграничной пьесы, мѣстная публика, вѣрная своимъ симпатіямъ къ Товариществу, зарекомендовавшему себя здѣсь съ самой лучшей стороны,—явилась въ театръ въ весьма большомъ количествѣ и очень тепло привѣтствовала своихъ прежнихъ любимцевъ—г-жъ Вронскую, Соловьеву; гг. Соловьева 1-го, Протасова, вновь выступившаго здѣсь послѣ долгаго отсутствія, и другихъ. Новыми для Харькова исполнителями явились въ этотъ вечеръ г-жа Тираспольская, весною текущаго года окончившая курсъ въ Московскомъ филармоническомъ училищѣ, гг. Борисовскій, Каширинъ и Михайловскій. Изъ нихъ особенно пріятное впечатлѣніе произвели гг. Борисовскій и Каширинъ. Г-жѣ Тираспольской была поручена довольно неблагодарная роль Прасковьи, которую г-жѣ Тираспольской, какъ начинающей актрисѣ, не удалось ничѣмъ выдѣлить; тѣмъ не менѣе исполнительница обнаружила хорошую школу. Г. Михайловскій, приглашенный на роли вторыхъ любовниковъ и дебютировавшій въ очень блѣдной роли художника Волжина, не представляетъ собою, повидимому, ничего выдающагося.

Изъ прежнихъ исполнителей въ „Маіоршѣ“ имѣли успѣхъ: г-жи Вронская (Феня), Соловьева (Любавина), гг. Соловьевъ 1-й (Терпховъ) и Чинаровъ (Любавинъ). Публика въ этотъ вечеръ была въ такомъ добродушномъ настроеніи, что аплодировала даже новому занавѣсу, который написанъ декораторомъ театра г. Захаровымъ совмѣстно съ мѣстнымъ живописцемъ г. Эвенбахомъ; на правой сторонѣ занавѣса изображенъ бюстъ Гоголя во весь ростъ, а на лѣвой—миѳологическія фигуры, цѣликомъ взятыя съ виньетки, которая украшаетъ обложку на книжкахъ журнала „Артистъ“. Занавѣсъ сдѣланъ довольно эффектно. Нашъ отчетъ о первомъ спектаклѣ былъ бы не полонъ, если бы мы не отмѣтили того шумнаго успѣха, какимъ сопровождался выходъ въ роли Морковкина, въ старинномъ водевилѣ „Что имѣемъ, не хранимъ,—потерявши, плачемъ“ стараго любимца нашей публики г. Протасова. Несмотря на свои семьдесятъ слишкомъ лѣтъ, онъ проявилъ въ своей излюбленной роли столько живости и юмору, что въ театрѣ во время водевиля не умолкалъ гомерическій хохотъ. Въ водевилѣ имѣли также успѣхъ г-жа Солопьева и г. Чернышевъ. Во второмъ спектаклѣ, въ комедіи г. Салова „Дармоѣдка“ выступила въ роли Маринн прошлогодняя любимица публики г-жа Велизарій, встрѣченная, какъ всегда, очень шумно; роль Маринн талантливая артистка проводитъ такъ тепло и сердечно, что дѣлаетъ на зрителей глубокое, сильное впечатлѣніе. Не менѣе восторженно принята была и г-жа Александрова-Дубровина, съ первыхъ дней существованія Товарищества служащая однимъ изъ лучшихъ его украшеній. Почтенная артистка, по обыкновенію, превосходно провела роль генеральши Фронтасьевой. Г. Каширинъ въ роли Фронтасьева былъ менѣе удовлетворителевъ, нежели въ роли Карягина и вообще доказалъ, что онъ актеръ преимущественно бытовой. Въ комедіи г. Салова имѣли также успѣхъ гг. Гаринъ, очень типично изобразившій молодого купчика Расшивалова, и Протасовъ, весьма недурно играющій слугу стариннаго закала. Наиболѣе удачнымъ изъ первыхъ спектаклей оказался третій, хотя онъ и привлекъ значительно меньше публики. Была возобновлена драма г. Крылова „Горе-Злосчастье“, въ которой г. Борисовскій, игравшій роль Рожнова, произвелъ очень сильное впечатлѣніе своей вполнѣ реальной игрой; даровитому артисту особенно удались—заключительная сцена втораго акта и пятое дѣйствіе. Драма эта въ общемъ разыграна была съ рѣдкимъ ансамблемъ, которому, главнымъ образомъ, содѣйствовали г-жа Велизарій въ роли Марьюшки и г. Протасовъ въ роли Горошкина. Роль жены Рожнова довольно хорошо съиграла г-жа Тираспольская. Для перваго выхода г. Петина поставлена была пьеса „Гувернеръ“, не сдѣлавшая, однако, особенно большаго сбора. Вообще первые спектакли сопровождались, какъ это всегда бываетъ въ началѣ сезона, довольно посредственными сборами. Съ 6-го по 15-е сентября включительно дано было восемь слѣдующихъ спектаклей: „Маіорша“, „Дармоѣдка“, „Горе-Злосчастье“, „Въ старые годы“, „Гувернеръ“, „На законномъ основаніи“, „Не такъ живи, какъ хочется“, „Левъ Гурычъ Синичкинъ“ и, наконецъ, „Ревизоръ“.

Не смотря на наступившіе холода и открытіе зимняго сезона, въ саду „Тиволи“ продолжаетъ подвизаться малорусская труппа г. Кропивницкаго, привлекающая довольно много зрителей, особенно въ праздничные дни. Мы слышали, что труппа эта предполагаетъ отправиться на выставку въ Чикаго. В. И.

—

По примѣру прошлаго года оперный сезонъ открылся 15-го сентября. Въ ознаменованіе исполнившагося пятидесятилѣтія постановки геніальнаго творенія Глинки „Руслань и Людмила“, опера эта шла для открытія сезона. Прекрасно разученные—хоры репетировали еще великимъ постомъ—роскошно поставленная—опера Глинки, тѣмъ не менѣе не сдѣлала на публику того впечатлѣнія, на которое можно было разсчитывать. Всѣ участвующіе, если и непредставляютъ чего-либо крупнаго, выдающагося, то несомнѣнно обладаютъ хорошими голосами, твердо знаютъ свои партіи, а хоръ и оркестръ поютъ и играютъ совсѣмъ хорошо,—и тѣмъ не менѣе опера „Руслань“ не вызвала къ себѣ того энтузіазма, который долженъ быть всюду, гдѣ въ слушателяхъ есть чутье къ музыкальной правдѣ и красотѣ. Опера эта оказалась не по плечу массѣ публики, находящей ее скучной, монотонной и неподвижной по сюжету, не смотря на фантастическій характеръ. Истинныхъ знатоковъ и любителей въ провинціи очень мало и, такъ какъ опера въ частныхъ рукахъ—дѣло не исключительно для просвѣщенія массъ созданное, то, весьма вѣроятно, „Руслань“ не „окупитъ“ себя. Г. Карташовъ затратилъ на обстановку этой оперы до пяти тысячъ руб., такъ какъ все было сдѣлано для нея заново, начиная отъ оркестровокъ и кончая гирляндами цвѣтовъ для балета.—„Руслань“ прошелъ уже два раза и потому мы можемъ болѣе или менѣе опредѣлительно высказаться о выступившихъ въ немъ силахъ. Г-жа Лишицкая, пѣвшая когда-то подъ фамиліей Берахсовъ, какъ нельзя лучше и внѣшностью, и качествомъ своего голоса подходитъ къ исполненію партіи Людмилы. Голосъ ея—обширное сопрано, хотя и большой звучности, но все-таки болѣе лирическаго, нежели драматическаго характера, отличается достаточной ровностью регистровъ, чистотой и металличностью тембра; вокализируетъ она свободно и достаточно отчетливо,—всѣ фіоритурныя украшенія партіи передаются не безъ вкуса и элегантности. Къ недостаткамъ г-жи Лишицкой надо отнести нѣкоторую наклонность къ детонировкѣ, привычку брать грудью головныя ноты и неумѣніе усилить звукъ при переходѣ изъ одного регистра въ другой, благодаря которому получается впечатлѣніе какого то въѣзда съ некрасивымъ придыханіемъ.—Г-жа Кутузова (Ратмиръ) пѣла преимущественно въ концертахъ, устраивавшихся въ Петербургѣ. Это совсѣмъ еще молодая пѣвица; голосъ ея—низкое меццо-сопрано средней силы, ровное и очень пріятнаго „теплаго“ тембра; владѣетъ она своимъ небольшимъ голосомъ съ завиднымъ умѣніемъ: поетъ музыкально, ритмично и интонируетъ такъ правильно и рельефно, что не дѣлаетъ никакихъ промаховъ даже въ труднѣйшихъ мѣстахъ партіи Ратмира: фразируетъ г-жа Кутузова хорошо и держится на сценѣ свободно. Г. Салтыковъ—„Руслань“—пѣвецъ съ баритономъ нѣсколько суховатаго звука, почти переходящимъ въ нижнемъ регистрѣ въ басъ; верхи его голоса порядочной силы, но тремолируютъ настолько, что не имѣютъ надлежащей устойчивости. Г. Салтыковъ поетъ Руслана слишкомъ одержанно и арію „О, поле, поле“ носитъ болѣе резонирующій характеръ, чѣмъ героическій. Молодой артистъ этотъ умѣло и съ пониманіемъ держится на сценѣ и вообще дѣлаетъ впечатлѣніе благородства и сдержанности во всемъ: и въ манерѣ давать усиленный звукъ, и въ фразировкѣ, и въ движеніяхъ. Финна пѣлъ г. Томарсъ, воспитанникъ Петербургской консерваторіи, долгое время сравнительно пробывшій въ Италіи, а потомъ служившій въ московской казенной оперѣ. Небольшой, лирическій голосъ его, ровный, мягкій, не соотвѣтствуетъ этой партіи, требующей большого голосового матеріала; но искусство пѣть сдѣлало то, что г. Томарсъ прекрасно справился съ своей задачей, доставивъ слушателямъ громадное удовольствіе. Кто хорошъ безусловно—это г. Фюреръ, служившій также много лѣтъ на сценѣ Большаго театра; его Фарлафъ, какъ фигура, чуждъ шаржа, а вокальное исполненіе до того вѣрно передаетъ характеръ „варяжскаго витязя“, что передъ слушателями лишь всѣ его комическія особенности. Всѣ эти исполнители, изъ которыхъ лишь г. Фюреръ знакомъ публикѣ, имѣли болѣе или менѣе крупный успѣхъ: имъ всѣмъ аплодировали за ихъ аріи.—Г-жа Тамарова исполнила поэтичную роль Гориславы, обыкновенно поручаемую въ провинціи второй пѣвицѣ. Артистка спѣла эту партію съ художественной простотой и съ тѣмъ лиризмомъ, который такъ трогаетъ и волнуетъ слушающихъ эту пѣвицу. Дирижируетъ „Русланомъ“ г. Зеленый, чрезвычайно опытный и съ большимъ самообладаніемъ музыкантъ; и онъ заслуживаетъ большой похвалы за то уже, что труднѣйшая русская опера идетъ у него твердо и гладко,—ансамбль во всемъ полный, а хоры поютъ съ такими нюансами, что имъ могли бы позавидовать наши столичные театры. Въ режиссерскомъ отношеніи опера поставлена съ той добросовѣстностью и любовнымъ отношеніемъ къ дѣлу, которыми характеризуется вообще дѣятельность г. Гельрота, режиссера оперы г. Карташова.—Въ операхъ „Аидѣ“ и „Демонъ“ выступили, кромѣ прошлогднихъ исполнителей, г-жа Балабанова (Аида), г. Севаръ (Радамесъ) и г-жа Свѣтлова (Геній добра). Изъ этихъ молодыхъ, начинающихъ только свою оперную карьеру артистовъ имѣли успѣхъ первые два. Г-жа Балабанова обладаетъ хорошимъ сопрано, характера тоже болѣе лирическаго чѣмъ драматическаго; medium у нея нѣсколько слабъ, а низкія ноты тускловаты, но верхнія зато замѣчательно звучны и красивы. Послѣ нѣкоторой сценической практики, голосъ г-жи Балабановой вѣроятно станетъ лучше, особенно на medium'ѣ, а также и явится самообладаніе, необходимое для того, чтобы интонировать правильно и держаться болѣе спокойно. Г. Севаръ обладаетъ голосомъ, рѣдкимъ въ теперешнее безтеноровое время, но этого мало: онъ поетъ съ несомнѣнной музыкальностью и темпераментомъ. Есть у него въ голосѣ двѣ—три ноты непоставленныя какъ слѣдуетъ; онъ даетъ ихъ какъ-то плоско, но общее впечатлѣніе, сдѣланное имъ, было самое выгодное для начинающаго артиста. Въ той же „Аидѣ“ выступили г. Виноградовъ въ партіи Амонасро и г-жа Карри (Аменисъ). Баритонъ, г. Виноградовъ больше извѣстенъ въ Италіи, чѣмъ въ Россіи, такъ какъ онъ пѣлъ у насъ только въ Вильнѣ и Харьковѣ. У него превосходный голосъ—сильный, красивый, съ звучными низкими и звончайшими верхними нотами, до чистаго Ia включительно. Г-жа Карри—артистка не безъ будущности; всего второй сезонъ, какъ она поетъ первыя партіи, и достигла такихъ успѣховъ, которые выпадаютъ на долю лишь дѣйствительно даровитымъ натурамъ. Артистка эта

обладаетъ рѣдкой музыкальностью и достаточно высокимъ меццо-сопрано, въ которомъ особенно красивысередина и верхнія ноты отъ *mi* до *la bemol*; вредитъ ей нѣсколько сиповатость звука послѣдующихъ двухъ нотъ. При условіи большей музыкальной обработки голоса и обращеніи должнаго вниманія на нюансировку исполненія,—пѣвица эта можетъ сдѣлаться безусловно полезной артисткой, тѣмъ болѣе, что она обладаетъ еще сценическими данными для передачи драматическихъ положеній. Въ партіи Амнерисъ г-жа Карри достаточно женственна и граціозна; дуэтъ съ Лидой и сцену у подземелья проводитъ не безъ пафоса; она имѣла большой успѣхъ. Кромѣ г. Фюрера, выступилъ нѣсколько разъ г. Левицкій, пользовавшійся въ прошломъ году успѣхомъ, главнымъ образомъ, какъ хорошій актеръ. Г. Левицкій обладаетъ большимъ, но рѣзкимъ голосомъ, не всегда послушнымъ, а потому его попытка спѣть Руслана (второе представленіе) оказалась актомъ большой смѣлости и добрыхъ, но совершенно безуспѣшныхъ стремленій. Съ большимъ успѣхомъ выступилъ въ партіи Финна г. Ошустовичъ, прекрасный голосъ котораго развился и окрѣпъ, а обладатель его завлекъ теперь тѣмъ самообладаніемъ и увѣренностью, отсутствіе которыхъ такъ ослабляло впечатлѣніе отъ его пѣнія и игры.—Очень хороши въ теперешней харьковской оперѣ хоры и оркестръ, хотя въ послѣднемъ и недостаетъ первой віолончели и двухъ альтовъ. Трудно въ провинціи формировать оркестръ,—въ прошлогодней своей замѣткѣ о реставраціи нашей оперы, я отмѣтилъ тѣ особыя препятствія, которыя встрѣчаются обыкновенно въ этомъ дѣлѣ. Пріятно отмѣтить, что въ составѣ оркестра участвуютъ шестеро музыкантовъ—питомцевъ мѣстнаго музыкальнаго училища, перешедшаго въ этомъ году въ свой собственный домъ.

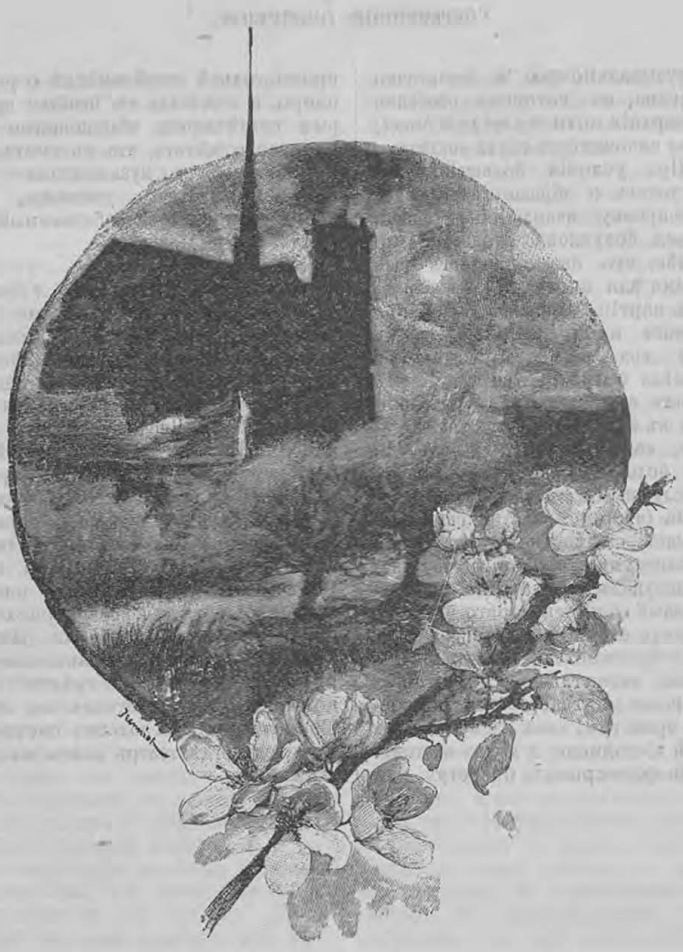
Б.

—

Черкассы, Кіев. губ. *(Отъ нашего корреспондента.)* Съ 12 апрѣля по 1 августа у насъ гостила труппа драматическихъ артистовъ подъ управленіемъ г. Волховскаго. Товарищество играло въ Черкассахъ 2 раза въ недѣлю и 2 раза въ недѣлю переѣзжало въ мѣстечко Смѣлу, въ 30 верстахъ отъ Черкассъ. Всего сыграно въ Черкассахъ 31 спектакль, въ Смѣлѣ 20. Репертуаръ былъ смѣшанный, начиная отъ трагедіи Шекспира и кончая самыми пустыми фарсами.

Всего за $3^1/_2$ мѣсяца (51 спектакль) взято валоваго сбора 4365 руб. На долю бенефиціантовъ отчислено 601 р., раздѣлено на марки 1231 р. Расходу 2533 руб. Средняя цифра сбора 86 р., средняя цифра вечероваго расхода 50 руб. Наибольшіе сборы дали піесы: „Лѣсъ“ (252 руб.) и „Жидовка“ (201 р.) и наименьшіе: „Не лги“ (22 руб.), „Свѣтитъ да не грѣетъ“ (24 р.)... Всего получено товариществомъ по *28 коп.* за рубль. Труппа, почти въ полномъ составѣ, переѣхала въ Витебскъ, гдѣ театръ снятъ на зиму г. Волховскимъ.

Изъ Rendschel's Skizzenbuch.



Иностранное обозрѣніе.

Въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ первенствующій французскій театръ—парижская *Comédie Française*—не перестаетъ дѣйствовать. Мало этого, спектакли этой сцены именно въ теченіе лѣта являютъ въ буквальномъ смыслѣ классическій характеръ, по крайней мѣрѣ съ французской точки зрѣнія. Не смотря на обычное представленіе о французахъ, какъ націи, болѣе всѣхъ другихъ народовъ поддающихся увлеченіямъ модой, нигдѣ во всемъ культурномъ мірѣ нѣтъ такого благоговѣйнаго, прочнаго отношенія къ прошлому литературы и цивилизаціи, какъ именно во Франціи. Модныя теченія могутъ смѣняться съ какой угодно быстротой, могутъ принимать какія угодно странныя формы, — старина, признанная разъ безсмертной, классической, никогда не будетъ предана забвенію и будетъ непрестанно воскресать среди измѣнчиваго настоящаго, увѣнчанная новыми лаврами, новымъ покловеніемъ.

Это общее положеніе вполнѣ и неизмѣнно оправдывается на судьбѣ такъ называемой классической, вѣрнѣе ложно классической драмы. Что общаго современная общественная жизнь Франціи и, прежде всего, современная французская литература имѣютъ съ эпохой высшаго расцвѣта старой монархіи и съ основами ея литературы? А между тѣмъ драмы Корнеля и Расина не сходятъ съ лучшихъ французскихъ сценъ и въ томъ числѣ съ первой среди нихъ, со сцены, обуреваемой всѣми новомодными стремленіями драмы и литературы. Въ теченіе іюня и іюля непрерывно, на подмосткахъ *Comédie Française* воскресаютъ тѣни далекаго прошлаго съ ихъ безконечными монологами, переполненными поддѣльныхъ чувствъ и декламаціи, съ ихъ драматическими единствами, съ ихъ безконечными разговорами — цѣлымъ моремъ словъ и безъ единой капли дѣйствія. Мы какъ угодно можемъ критиковать эти давно поблекшія красоты, даже врядъ ли представлявшія когда-либо дѣйствительную красоту, но французы до сихъ поръ благоговѣйно преклоняются предъ своими классиками. Они даже созпаются, что это преклоненіе предъ совершенно условнымъ творчествомъ мѣшаетъ имъ по достоинству оцѣнивать чужую поэзію и особенно драму. Это созпавіе повторилъ и въ нынѣшнее лѣто одинъ

изъ наиболѣе видныхъ парижскихъ критиковъ. Но наперекоръ всему Корнель и Расинъ царятъ на сценѣ въ сезонъ, который повсюду отдается самымъ легковѣснымъ продуктамъ драматическаго ремесла, даже въ день національнаго праздника—14 іюля, *Comédie Française* для обычнаго дарового спектакля поставила *Горація* Корнеля и въ заключеніе *Precieuses ridicules* Мольера. Между пьесами была отдана честь празднику—сыграна Марсельеза. И для парижанъ это не звучало диссонансомъ! Великое, по ихъ мнѣнію, прошлое всегда велико и цѣнно, какъ бы далеко ни уходила жизнь народа и государства. Какой краснорѣчивый урокъ для народовъ, гораздо менѣе богатыхъ культурой и все-таки быстро забывающихъ своихъ лучшихъ людей, свои лучшія пріобрѣтенія мысли и слова—въ сравнительно недалекомъ прошломъ! Невольно при этомъ вспомнишь, какой непростительно короткой памятью отличаемся мы—въ той же литературѣ и драмѣ. Меньше чѣмъ въ десятилѣтіе мы начинаемъ будто случайно и кое-когда вспоминать о писателѣ, сдѣлавшемъ для роднаго искусства никакъ не меньше любого французскаго классика.

Но лѣтніе спектакли въ *Comédie Française* не ограничиваются одной только строго классической трагедіей и комедіей. У французовъ, помимо произведеній Корнеля, Расина, Мольера, есть десятки пьесъ такъ называемаго «театра второго сорта» — *théâtre de second ordre*,— подъ такимъ заглавіемъ эти пьесы и печатаются. Большинство ихъ принадлежитъ XVIII вѣку—эпохѣ, необыкновенно богатой драматическими писателями второго разбора, рядомъ съ такими именами, какъ Вольтеръ и Дидро. Французы давно — лѣтъ семьдесятъ тому назадъ — собрали эти произведенія, тщательно издали и время отъ времени удѣляютъ имъ мѣсто на современной сценѣ. Публика посѣщаетъ съ большой охотой эти спектакли, если не блещущіе художественными красотами, то краснорѣчиво говорящіе о недавней, но до сихъ поръ въ высшей степени симпатичной для французовъ старинѣ. Критика всякій разъ съ большими подробностями говоритъ объ этихъ спектакляхъ, отдавая имъ столько же мѣста въ газетахъ и журналахъ, какъ и новымъ пьесамъ.

Такимъ образомъ были поставлены: *La Métromanie* Piron'a, *Le Mercure galant* Boursault, *Les trois Sultanes* одного изъ самыхъ плодовитыхъ и популярныхъ драматурговъ XVIII вѣка—Favart'a. Для образца этого рода литературы мы познакомимъ читателя съ послѣдней пьесой, до сихъ поръ кажущейся французамъ чѣмъ то необыкновенно граціознымъ, изящнымъ, литературнымъ—въ стилѣ XVIII вѣка par excellence.

Пьеса раньше называлась *Soliman second* и была чѣмъ то въ родѣ музыкальной комедіи,—между сценами были вставлены аріи съ музыкой, написанной тѣмъ же Фаваромъ. Въ первый разъ пьеса была поставлена на сценѣ такъ называемой *Comédie Italienne*, въ Парижѣ, 9 апрѣля 1761 года. Эта *Comédie Italienne* итальянскаго имѣла только одно названіе, считалась такимъ же государственнымъ театромъ, какъ и *Théâtre Français*, не имѣла права ставить драмъ и трагедій, репертуаръ ея состоялъ большею частью изъ комическихъ оперъ и комедій. Комическая опера XVIII вѣка совершенно не то, что современная большая оперетка,—это комедія, «смѣшанная съ аріями», какъ тогда выражались, т.-е. такая же серьезная, вполнѣ приличная пьеса, какъ всякая другая комедія, но только со вставкой арій.

Въ пьесѣ Фавара—на сценѣ турецкій султанъ, Солиманъ II; у него въ гаремѣ три отборныхъ красавицы — испанка, черкешенка и француженка. Султанъ, конечно, изображенъ со всѣми признаками кавалера XVIII вѣка: онъ хочетъ рыцарски любить, ему противна подневольная любовь, онъ чувствуетъ себя слегка разочарованнымъ. Вопросъ въ томъ, какая изъ трехъ интересующихъ его женщинъ сумѣетъ завоевать его сердце благородствомъ, любовью къ свободѣ, трудностью обладанія. Въ послѣднемъ обстоятельствѣ важный вопросъ для султана, наскучившаго безотвѣтностью и рабскимъ повиновеніемъ. Сначала онъ заинтересованъ испанкой. Она поражаетъ его гордостью, недоступностью. Онъ отчаивается даже овладѣть ею, хотя главный евнухъ и убѣждаетъ его, что для главы правовѣрныхъ нѣтъ непокорныхъ сердецъ и жестокихъ женщинъ. И, дѣйствительно, достаточно одной сцены, и испанка даритъ султану любовь. Еще легче кончается дѣло съ черкешенкой, покорной по привычкѣ, по инстинкту, какъ дочь Востока. Но совсѣмъ другая исторія начинается съ Рокселаной, француженкой.

Рокселана, повидимому, не чувствуетъ никакого страха и благоговѣнія предъ султаномъ. Когда онъ ей напоминаетъ объ этомъ, она смѣло заявляетъ ему, что она слишкомъ красива, чтобы бояться и унижаться. Начинается настоящее столпотвореніе въ гаремѣ и во дворцѣ. Рокселана третируетъ главнаго евнуха, какъ своего слугу, почти приказываетъ султану устроить обѣдъ на европейскій образецъ и пригласить къ обѣду испанку и черкешенку. За обѣдомъ поведеніе француженки становится все свободнѣе, она даже оскорбляетъ и султана, отвергая его подарокъ. Но гнѣвъ Солимана продолжается не долго. Чѣмъ капризнѣе и нетерпимѣе Рокселана, тѣмъ больше онъ къ ней привязывается. Онъ готовъ даже, по ея желанію, произвести полнѣйшій переворотъ въ гаремѣ, отказаться ради нея отъ всѣхъ другихъ женъ. Но Рокселана, видя Солимана совершенно

покорвымъ, сама отказывается отъ этого tour de jour и удовлетворяется обѣщавіемъ султана любить ее и слѣдовать ея совѣтамъ—на благо подданвыхъ.

Содержавіе пьесы, какъ видитъ читатель, довольно просто и даже наивно. Но въ ней столько граціозныхъ, блещущихъ веселъемъ сценъ, такъ изящно и въ то же время правдиво сказывается въ нихъ женское сердце и страстное увлечевіе, что въ свое время комедія Фавара провзвела настоящій фуроръ. Теперь эти восторги болѣе вевозможвы, во пьеса не утратила ни интереса, ни граціи, а изящные, свободно льющіеся стихи по прежнему ласкаютъ слухъ. Надо помнить, что сцены комедіи усѣявы всевозможвыми mots, удачвыми сентенціями, къ которымъ такъ неравнодушна французская публика: все это еще не разъ призоветъ къ жизни старую комедію.

Мы упомявули, что увлечевіе роднымъ классицизмомъ мѣшаетъ французамъ цѣнить по достоивству чужую драму. Это до сихъ поръ подтверждается на отвошеніи французовъ къ Шекспиру. Англійскому поэту стояло великаго труда провикнуть въ царство Корвеля и Расина. Его отеюда долго вытѣсняли, какъ «дикаря» и даже «пьянаго дикаря», а если и допускали, то считали пужвымъ его прибрать и очистить, какъ человѣка, не привыкшаго къ аристократическому обществу. Отъ этихъ уборовъ и чистки могучій гевій превращался въ медоточиваго, свотворнаго саловвго болтуна.

Лѣтъ тридцать тому назадъ произошелъ благодѣтельвый переворотъ въ этомъ отношеніи, и замѣчательво, что поворотъ шелъ съ той стороны, откуда его менѣе всего можво было ожидать—со стороны музыки, оперы. Композиторы начали писать оперы ва темы шекспировскихъ трагедій, а либреттисты поставляли вмъ текстъ, по возможности буквально заимствованный у Шекспира. Французскіе либреттвсты—Jules Barbier и Michel Carré—въ этомъ отношеніи выказали замѣчательвую добросовѣствость и почтительность къ великому имени. Для оперы Гуво—*Ромео и Джульетта* и для оперы Томаса Амбруаза *Гамлетъ*—Шекспиръ,—и только овъ, доставилъ матеріалъ. Съ легкой руки музыкантовъ, Шекспиръ вошелъ въ моду и среди літоратороръ и театральвыхъ антрепренеровъ. Главнѣйшіе театры Парижа начали ставить трагедіи и комедіи Шекспира. Онѣ появились на сценахъ *Comédie Française*, театра *Porte-Saint-Martin*, но обѣ эти сцены превзошелъ театръ латинскаго квартала—Одеонъ. Въ короткое время его стали пазывать «Домомъ Шекспира».

О появлевіи на сценѣ этого театра *Ромео и Джульетты* и другихъ пьесъ мы сообщали въ свое время. Весвой дирекціей театра былъ представленъ нереводъ *Макбета*, сдѣланный Жоржемъ Клеркомъ съ буквальной точностью. Эта точность привела въ ярость французскую кртвку. Нашимъ читателямъ извѣстно, какъ относится къ вопросу о Шекспирѣ аристархъ парижскихъ театральныхъ рецевзентовъ—пресловутый Франциск Сарсэ. Воспитанный на бульварныхъ и ярмарочныхъ фарсахъ, этотъ boulevardier критики готовъ промѣнять англійскаго поэта, будто бы изъ чувства патріотизма и художественности, ва какого угодво Мейльяка новѣйшей формаціи. Сарсэ, по крайвей мѣрѣ, логиченъ: онъ совершенно одинаково отвосится ко всему, что по крайней мѣрѣ ва одинъ вершокъ выше бульварныхъ промышленвиковъ по части драматургіи. «Критика» его никогда ничего не объясняетъ и ничего не доказываетъ: его публикѣ скучно было бы читать какія бы то ни было доказательства, какъ самому автору скучно смотрѣть Шекспира — *скучно* — это raison suprême фельетониста *Temps* и его читателей.

Но по поводу *Макбета* послышался протестъ, повидимому, болѣе убѣжденный и основательный. Въ одномъ изъ самыхъ распространевныхъ *Revues* появилась статья, приводящая читателей къ тѣмъ же выводамъ, къ какимъ велъ ихъ Сарсэ путемъ знаковъ вопросительныхъ, восклицательныхъ и прочихъ. Здѣсь, путь, повидимому, болѣе серьезный и, несомнѣнно, болѣе продуманвый. Мы говоримъ объ этой статьѣ, потому что она весьма характерна и поучительва для ваціи, признанной въ настоящее время наставницей въ дѣлѣ сцены и вообще литературы.

Критикъ рядомъ примѣровъ хочетъ сначала доказать, что Шекспиръ въ совершенно чистомъ, неисправленномъ видѣ невозможенъ на французской сцевѣ. По мнѣнію критика, въ Шекспирѣ замѣчается три человѣка—мыслитель, поэтъ и драматургъ. Первые два—геніальвы, безпримѣрны, третій—совершенво посредственевъ и уступаетъ безковечно французскимъ авторамъ. Доказательства идутъ въ такомъ направленіи: Главнѣйшія взъ нихъ—будто у Шекспира вѣтъ выдержанвыхъ драматическихъ характеровъ, за исключеніемъ развѣ лэди Макбетъ и Шейлока. Обвиненіе въ высшей степени серьезное и, напразденное противъ Шекспира, давно стяжавшаго эпитетъ „величайшаго сердцевѣдца“,—неожиданное. Но какъ оно доказывается? Авторъ ссылается на восклицанія Гамлета въ сценѣ, когда принцъ, послѣ разговора съ тѣнью, приглашаетъ друзей своихъ клясться на мечѣ. Нѣсколько разъ подъ землею слышится стовъ тѣви: „Клянитесь!...“ Гамлетъ по этому случаю обзываетъ тѣнь „старымъ кротомъ“. Вотъ этотъ „старый кротъ“ и приводятъ въ вегодованіе французскаго критика: какъ это почтительный сывъ, удивляется критикъ, могъ произнести такія обидныя слова! Явная вевыдержанность характера! Дру-

гихъ примѣровъ критикъ не прводитъ, увѣряя своихъ читателей, что такихъ примѣровъ у Шекспира—легіонъ.

Положимъ, что легіонъ, но если все это примѣры въ родѣ приведеннаго, врядъ-ли авторъ для кого-либо, кромѣ развѣ своихъ, и то вѣроятно, самыхъ наивныхъ читателей,—докажетъ свою мысль.

Другія доказательства — такой же цѣпности. Повторяется давно изношенный, и только развѣ для французскихъ тартюфовъ новый упрекъ Шекспира въ неприличіи его героинь и героевъ. Авторъ знаетъ, что всѣ героини, не въ примѣръ французскимъ, въ пьесахъ Шекспира цѣломудренны и отдаютъ свою любовь только тѣмъ, кого считаютъ своимъ мужемъ. Но это ничего не значитъ. Эти цѣломудренныя героини, по свѣдѣніямъ критика, говорятъ такія вещи, отъ которыхъ покраснѣла бы m-me Angot и даже ея мамаша. Напримѣръ, неизвѣстно откуда узналъ авторъ, будто бы „нѣжная Офелія“ обмѣнивается съ Гамлетомъ „грязными грубостями“, которыя приводятъ въ страшное негодованіе „самыхъ беззастѣнчивыхъ зрителей“. Даже Миранда, героиня „Бури“, по словамъ того же негодующаго критика, ednали не самое дѣвственное и чистое созданіе поэтической фантазіи, ведетъ съ Просперо и Фердинандо такіе діалоги, на какіе не рискнулъ бы даже Эмиль Зола.

Всѣ эти „immondes grossièretés“, какъ выражается авторъ, въ сильнѣйшей степени плодъ его фантазіи—пристрастной или просто невѣжественной, что далеко не рѣдкость у французскихъ авторовъ, берущихся оцѣнивать иностранныхъ писателей. Каждый, со всѣмъ вниманіемъ читавшій указанныя авторомъ пьесы, не получитъ даже приблизительнаго впечатлѣнія, о какомъ говоритъ критикъ.

Вотъ путемъ такихъ доказательствъ и дѣлается выводъ: Шекспиръ *весь*, безъ пропусковъ и исправленій, невозможевъ на современной культурной и будто бы необыкновенно приличной и цѣломудренной сценѣ, а представлять „Полу-Шекспира“—ce Demi Shakespeare—нѣтъ резона. Помимо всѣхъ другихъ соображеній онъ можетъ принести существенный вредъ молодымъ новымъ драматическимъ писателямъ Франціи, такъ какъ онъ самъ очень плохой драматургъ—*un médiocre ouvrier dramatique*... Хорошо здѣсь слово *ouvrier*, употребленное по наивности или по привычкѣ—писать о любимыхъ критикомъ современныхъ невспорченныхъ драматургахъ.

Статья пересыпана патріотическими воззваніями, показывающими до какой степени глубоко могутъ проникать совершенно антикультурныя страсти. „Не будемъ — восклицаетъ авторъ—отдаваться въ кабалу иностранному, не будемъ дѣлаться вассалами чужого. Французскій геній достаточно силенъ, наше старое галльское искусство достаточно оригинально, чтобы ихъ „британизировать“. Слышите? Поставили на сценѣ болѣе или менѣе добросовѣстно двѣ-три пьесы англійскаго поэта, и уже подпимаются крики о „британизаціи?“ Авторъ не забылъ даже припомнить, съ упрекомъ, что въ Парижѣ стоитъ на одной изъ площадей статуя Шекспира, а Корнель и Расинъ еще ждутъ такой чести. Авторъ забылъ только упомянуть, что статуя британскаго поэта подарена Парижу иностранцемъ, Корнелей же и Расиновъ врядъ-ли кому-либо изъ иностранцевъ придетъ мысль увѣковѣчивать какимъ бы то ни было путемъ.

Статья, повторяемъ, во многихъ отношеніяхъ поучительна и особенно для насъ. Она свидѣтельствуетъ до какой степени культурнѣйшій въ мірѣ народъ дорожитъ національнымъ достояніемъ своей сцены и въ то же время должна охладить модныя увлеченія той-же самой французской драмой и сценой, гдѣ въ настоящее время требуются болѣе всего *ouvriers*, а не поэты и мыслители. Требованіе это прямымъ путемъ ведетъ драму къ истинному одичанію, потому что все больше и больше увеличиваетъ пропасть, отдѣляющую сцену отъ литературы. Повсюду признано, что величайшій губительный недугъ современной драмы заключается именно въ ея обособленіи, въ томъ, что она превратилась въ особый родъ дѣятельности, слишкомъ мало связанный или часто совсѣмъ не связанный съ литературой и искусствомъ. Въ Англіи, гдѣ упадокъ театра сказался раньше и замѣтнѣе, чѣмъ гдѣ-либо, обратили вниманіе на поднятіе этого стараго достойнаго искусства — въ литературѣ и среди дѣятелей сцены.

Особенно энергическую дѣятельность на этомъ пути выказалъ англійскій критикъ, Вилліамъ Арчеръ. Уже нѣсколько лѣтъ онъ ведетъ неуставную агитацію за улучшеніе и обновленіе драматической сцены. Ему англійская публика обязана знакомствомъ съ произведеніями Ибсена, подъ его руководствомъ и при его иниціативѣ основанъ *Свободный театръ* въ Лондонѣ, имѣющій назначеніе ставить драматическія произведенія, только отмѣченныя литературными достоинствами. Арчеръ принялъ подъ свое покровительство молодыхъ драматурговъ, писалъ предисловія къ ихъ произведеніямъ, издавалъ манифестъ за манифестомъ—все съ одной и той-же цѣлью: призвать литературу и истинное искусство на запустѣвшую драматическую сцену. Наконецъ, въ одной изъ послѣднихъ книжекъ *Fornightly Review* Арчеръ обратился прямо къ литературнымъ знаменитостямъ Англіи съ слѣдующимъ воззваніемъ: „Вашъ долгъ—уничтожить пропасть, которая раздѣляетъ въ настоящее время театръ и литературу. Въ то время когда вы въ своихъ

кабинетахъ продолжаете спокойно писать романы и поэмы, театръ предоставленъ писакамъ, лишеннымъ образованія и таланта. Они ограничиваются тѣмъ, что копируютъ французскіе водевили и мелодрамы, переполняя ихъ грубостями собственнаго изобрѣтенія. Во что бы то ни стало вы обязаны протянуть руку спасенія нашему театру и занять мѣста, столь недостойно захваченныя другими".

Это воззваніе произвело сильное впечатлѣніе въ печати и публикѣ. Одна изъ самыхъ распространенныхъ англійскихъ газетъ—*Pall Mall Gazette*—вздумала обратиться къ писателямъ съ запросомъ, что они думаютъ о воззваніи Арчера. До сихъ поръ опубликованные отвѣты не даютъ права надѣяться на благопріятные результаты стараній Арчера и на возрожденіе англійскаго театра, по крайней мѣрѣ, въ ближайшемъ будущемъ. Писатели единодушно заявляютъ, что пропасть, образовавшаяся между театромъ и литературой, слишкомъ глубока, уничтожить ее нѣтъ никакой надежды. Если бы кто рѣшился перенести на современную сцену такой же анализъ нравовъ и характеровъ, какой примѣняется въ романахъ, онъ навѣрное потерпѣлъ бы неудачу у нынѣшней публики.

Такъ думаютъ люди, которые, по мнѣнію Арчера, только и могутъ спасти театръ, а между тѣмъ родина величайшаго драматическаго поэта плодитъ изъ года въ годъ балаганные и кафешантанные подмостки. А рядомъ съ ними сплошной плагіатъ французскихъ продуктовъ, большею частью скрытый, тщательно замаскированный. Только въ рѣдкихъ случаяхъ англійскіе переводчики и передѣлыватели французскаго репертуара указываютъ источникъ своихъ пьесъ.

Такимъ исключеніемъ является пьеса А. Дюма-сына *Demi-Monde*, идущая на сценѣ одного изъ лондонскихъ театровъ. Эта же пьеса показываетъ уровень работы современныхъ англійскихъ ouvriers dramatiques.

Переводчикъ заранѣе предупредилъ, что его пьеса переводъ французской пьесы, но переводъ, приспособленный къ англійскимъ вкусамъ и нравамъ. Првспособленіе это сдѣлано въ довольно обидной для французовъ формѣ, но предъ нами тотъ самый пріемъ, какой французы употребляютъ съ Шекспиромъ и тѣ самые мотивы, на основаніи которыхъ, какъ мы только что видѣли, Шекспиръ устранялся съ французской сцены французскимъ критикомъ—патріотомъ и моралистомъ. Переводчикъ пьесы Дюма сообщаетъ своимъ читателямъ и зрителямъ, что оригиналъ имѣетъ въ виду такую общественную среду, какой нѣтъ и слѣда въ Англіи, т.-е. другими словами самое заглавіе пьесы Дюма—одинъ соблазнъ для безпримѣрно-нравственной лондонской публики, которая никогда и не показывала, что въ ея странѣ есть *demi-monde*. Поэтому, героиня пьесы, изъ прежней подруги героя, сдѣлана его невѣстой, на которой онъ отказался жениться, потому что она когда-то покинула своего мужа, хотя, по увѣренію нравственнаго и предусмотрительнаго автора, она въ этомъ была неповинна: мужъ съ ней очень дурно обращался. Можно себѣ представить, сколько курьезовъ и прямо глупостей вошли въ такимъ образомъ исправленный переводъ, тѣмъ болѣе, что авторъ счелъ нужнымъ оставить всѣхъ дѣйствующихъ лицъ, только мѣняя ихъ роли и положеніе сообразно съ моральными соображеніями и заставляя ихъ изрекать безупречно-приличныя и нравственныя сентенціи... Какое рѣдкое зрѣлище международнаго лицемѣрія!

Относительно Франціи мы должны отмѣтить нѣсколько новостей, касающихся прошлаго французской сцены,—сначала прошлаго наименѣе отдаленнаго. Источникъ нашихъ свѣдѣній—англійскій.

Недавно въ Лондонѣ вышли мемуары неизвѣстнаго автора. Имя его сильно заинтересовало англійскую и особенно французскую публику, такъ какъ мемуары касаются Франціи и главнымъ образомъ Парижа. Но свѣдѣнія о личности автора, которыя можно добыть изъ мемуаровъ, крайне скудны. Отсюда можно узнать только, что авторъ въ теченіи пяти лѣтъ съ 1881 года состоялъ парижскимъ корреспондентомъ одной лондонской газеты. Въ Парижѣ онъ прожилъ много лѣтъ, именно непрерывно отъ 1830 до 1870 года и усердно наблюдалъ нравы и жизнь французской столицы. Между прочимъ, въ царствованіе Людовика-Филиппа онъ посѣщалъ кафе, бывшее мѣстомъ сходки всѣхъ тогдашнихъ знаменитостей. Авторъ видѣлъ здѣсь Бальзака, Альфреда Мюссе, Дюма-отца. Приведемъ его впечатлѣнія относительно двухъ послѣднихъ.

Объ Альфредѣ Мюссе авторъ говоритъ: „Своимъ высокимъ стройнымъ ростомъ, бородой и черными прекрасными волнистыми волосами, голубыми глазами, носомъ и ртомъ въ высшей степени изящнымъ, Мюссе производилъ впечатлѣніе скорѣе кавалерійскаго офицера, одѣтаго въ щегольское штатское платье, чѣмъ поэта. Съ перваго взгляда—по внѣшности и по выраженію лица—онъ вполнѣ заслуживалъ прозвище, данное ему скульпторомъ Tréault—*miss Byron*. Всѣ его движенія отличались чисто женской граціей. Но болѣе близкое знакомство съ нимъ дѣлало его симпатичнѣе. Онъ не былъ ни надмененъ, ни слишкомъ щепетиленъ, какъ это казалось съ перваго взгляда. Онъ отличался только сдержанностью и въ свои лучшія минуты былъ очень печаленъ, вѣрнѣе меланхоличенъ. Это не было аффектаціей, какъ это часто утверждали, а только результатомъ

его натуры. Обвиненіе въ надменности, вѣроятно, возникло благодаря его близорукости. Онъ въ сильной степени страдалъ этимъ недостаткомъ и принужденъ былъ разсматривать каждаго упорнымъ, твердымъ взглядомъ, безъ малѣйшаго намѣренія обидѣть кого-либо".

Дюма-отецъ, напротивъ, по словамъ автора, былъ необычайно обходителенъ и въ особенности съ англичанами. Онъ говорилъ, что онъ обязанъ оказывать благодарность и особенное вниманіе къ соотечественникамъ Шекспира и Вальтеръ-Скотта. Онъ былъ расточителенъ сверхъ всякаго вѣроятія. Между прочимъ онъ считалъ себя гораздо болѣе талантливымъ по части кулинарнаго искусства, чѣмъ - литературы. Всякій разъ, какъ блюдо ему казалось удачнымъ въ кафе, которое онъ постоянно посѣщалъ, онъ ходилъ въ кухню поговорить съ поваромъ.

Полной противоположностью Дюма, относительно матеріальныхъ вопросовъ, является, по свѣдѣніямъ нашего автора, извѣстная актриса Рашель. Она отличалась странной манією—дѣлать подарки, чтобы отбирать ихъ потомъ назадъ. Разъ она дала перстень Дюма-сыну. Онъ, поблагодаривъ ее, снова надѣлъ перстень ей на палецъ, говоря: «Позвольте мнѣ, сударыня, въ свою очередь подарить вамъ этотъ перстень, это избавитъ васъ отъ безпокойства требовать его у меня обратно». Актеръ Beauvallet поступилъ гораздо проще. Ему Рашель подарила кинжалъ и спустя нѣсколько времени онъ заявилъ ей: «Кинжалъ, который вы мнѣ отдали, я приковалъ цѣпью къ стѣнѣ моей ложи, чтобы быть въ надеждѣ, что онъ не исчезнетъ во время моего отсутствія».

Недавно въ *Одеонѣ* устроена была выставка въ честь одного изъ популярнѣйшихъ старинныхъ французскихъ драматурговъ—Ле Сажа, автора знаменитой комедіи *Turcaret*. Бретонцы, земляки Ле Сажа, вздумали поставить ему статую и устроили по этому поводу рядъ празднествъ. Однимъ изъ нумеровъ программы и была выставка. Она представляла большой интересъ для публики. На выставку была доставлена богатая коллекція портретовъ знаменитаго писателя, превосходныя, рѣдкія иллюстраціи къ его произведеніямъ, множество рѣдкихъ старинныхъ и новыхъ роскошныхъ изданій произведеній Ле Сажа. Въ глаза бросается только одинъ пробѣлъ: мало сочиненій, относящихся къ жизни и личности писателя. Это объясняется необыкновенной скромностью Ле Сажа. Въ своемъ другомъ произведеніи, всѣмъ извѣстномъ романѣ *Gil Blas*, онъ устами одного изъ героевъ высказалъ, что идеалъ всякаго автора—занимать послѣ смерти футъ пространства въ библіотекахъ. Этотъ идеалъ Ле Сажа осуществился: *Gil Blas*, *Turcaret*, *Crispin rival*—читаются до сихъ поръ всѣми, сколько нибудь интересующимися французской литературой, но біографическихъ данныхъ осталось послѣ автора крайне мало. Ле Сажъ не любилъ говорить о себѣ и не любилъ производить шума. Но самый интересный предметъ на выставкѣ — это неизвѣстное до сихъ поръ произведеніе Ле Сажа—комическая опера—подъ заглавіемъ *Arlequin colonel*. Arlequin—одинъ изъ популярнѣйшихъ героевъ французской сцены прошлаго вѣка, заимствованный у итальянцевъ. Это нѣчто въ родѣ Мольеровскаго Скапэна и прямой предшественникъ Фигаро Бомарше. Прошлый вѣкъ оставилъ множество пьесъ, во главѣ которыхъ дѣйствуетъ Арлекинъ—въ самыхъ разнообразныхъ положеніяхъ, часто даже въ роли дикаря (комедія *Arlequin le sauvage*), попавшаго въ культурную Европу и подвергающаго жестокой критикѣ цивилизацію и цивилизованныхъ людей,—критикѣ, бывшей, какъ извѣстно, въ большой модѣ въ прошломъ столѣтіи.

Arlequin colonel Ле Сажа интересенъ еще въ томъ отношеніи, что эта рукопись написана рукою автора. Кромѣ нея до сихъ поръ знали всего только два автографа Ле Сажа—его два письма, и оба они не принадлежатъ Франціи—одно находится въ Лондонѣ, другое въ Берлинѣ. Рукопись пьесы представляетъ тетрадь въ 30 страницъ. Рукопись представляетъ собственно не комедію, а водевиль, передѣланный изъ комедіи и предназначенный авторомъ для ярмарочныхъ театровъ того времени—S. Germain и S. Laurent. Комедія была написана въ 1708 году, но немедленно запрещена къ представленію и появилась на сценѣ *Comédie Française* только спустя 24 года. Не дождавшись разрѣшенія, авторъ преобразовалъ ее въ водевиль, почти буквально сходный съ комедіей, измѣнены только имена комедіи на имена обычныхъ сюжетовъ итальянскихъ фарсовъ: Арлекинъ, Пьеро, Коломбина, вставлено нѣсколько мастерски написанныхъ куплетовъ, разрушающихъ, такимъ образомъ, обычное представленіе о Ле Сажѣ, какъ принципіальномъ ненавистникѣ стиховъ.

Въ заключеніе мы должны упомянуть о столѣтней годовщинѣ дня рожденія одного изъ величайшихъ поэтовъ Англіи—Шелли, исполнившейся 4-го августа. Шелли былъ по преимуществу лирическій поэтъ, но онъ оставилъ чудную лирическую драму «Прометей» и одну изъ замѣчательнѣйшихъ трагедій всего англійскаго репертуара—«Ченчи». Обѣ драмы воодушевлены обычными чувствами поэта—его безграничной гуманностью, страстной жаждой міроваго блага и истины. Прометей въ результатѣ своихъ страданій начинаетъ любить своего злѣйшаго врага, виновника этихъ страданій, и отрекается отъ своего гнѣва: совершается полное торжество любви даже къ гонителямъ и врагамъ.—Въ трагедіи «Ченчи» на сценѣ обаятельный образъ дѣвушки, ведущей самоотвер-

женную борьбу за свою честь, потомъ за спасеніе своей семьи, и борьбу страшную, невыносимую, противъ человѣка, самаго близкаго ей по природѣ. Въ Англіи былъ торжественно вспомянутъ день годовщины на родинѣ поэта, въ мѣстечкѣ Horsham, въ графствѣ Суссексъ. Извѣстный критикъ Эдмондъ Госсъ (Gosse) произнесъ блестящую рѣчь, гдѣ выставилъ на видъ общечеловѣческія стремленія Шелли, его гуманный, проникнутый всеобъемлющей любовью космополитизмъ. Это дѣйствительно исключительная достопамятная черта въ наше время взаимной вражды народовъ, позорящей культурный міръ.

—

Меранъ. *(Отъ нашего корреспондента).* **Тирольскія народныя представленія въ честь Андрея Гофера.** 18-го сентября въ Меранѣ давался третій спектакль „Народныхъ представленій въ честь Андрея Гофера". Представленія эти (начавшіяся съ 6-го сентября и повторяющіяся каждое воскресенье), благодаря необычайной оригинальности обстановки, безыскусственной художественности исполненія и потрясающему своему реализму, пользуются здѣсь такимъ крупнымъ успѣхомъ, привлекаютъ каждый разъ такую массу иностранцевъ и встрѣчаютъ столь лестные отзывы заграничной печати, что мы считаемъ не лишнимъ подробно ознакомить русскую публику съ содержаніемъ и исполненіемъ этихъ спектаклей, а также обстоятельствами, послужившими къ ихъ возникновенію.

Любовь къ искусству одно изъ врожденныхъ, характерныхъ свойствъ Тирольца. Все развиваетъ и поощряетъ въ немъ это чувство: величественная красота окружающей природы, вольный горный воздухъ, уединенная жизнь на скатахъ горъ и широко раскинутыхъ долинахъ. Нерѣдко въ глухой деревнѣ, передъ бѣдной хижиной дровосѣка, услышитъ удивленный туристъ мелодичные звуки тирольской пѣсни, полной чарующей прелести; нерѣдко на уединенномъ кладбищѣ, на окнахъ деревенской церкви встрѣчаетъ онъ скульптурныя украшенія, изображенія и статуи святыхъ—наивныя, незаконченныя произведенія, но трогательныя и прекрасныя въ своей наивности и незаконченности—произведенія, свидѣтельствующія о выдающемся эстетическомъ чувствѣ и врожденныхъ дарованіяхъ маленькаго горнаго народа. Но ни въ скульптурѣ, ни въ музыкѣ, ни въ живописи не отразилось столь ярко стремленіе тирольцевъ къ искусству, какъ на поприщѣ драматическомъ. Народныя представленія въ Тиролѣ существуютъ съ давнишнихъ временъ. Извѣстно, что эти представленія съ самаго начала носили религіозный характеръ, т.-е. заимствовали свое содержаніе исключительно изъ священной исторіи. Изображенія „Страстей Господнихъ", сцены изъ жизни Іисуса служили одной изъ любимѣйшихъ темъ народныхъ представленій и нерѣдко даже происходили въ самыхъ церквахъ. Но къ концу 18-го столѣтія представленія эти приняли столь широкіе размѣры и притомъ при всей своей наивности стали носить такой кощунственный характеръ, что австрійское правительство принуждено было издать строгіе законы, чтобы искоренить этотъ обычай. Это удалось не безъ труда. Съ волненіемъ и ропотомъ встрѣтилъ народъ эти мѣры и лишь въ 60-хъ годахъ соединеннымъ усиліямъ правительства и духовенства удалось уничтожить народные театры. Съ этого времени они постепенно появляются снова, но уже носятъ совершенно другой характеръ. Правда, маленькіе крестьянскіе театры, съ ихъ наивными изображеніями рыцарей, королей, ангеловъ и чертей еще встрѣчаются и теперь, но они составляютъ исключеніе. Духъ времени, духъ прогресса и просвѣщенія проникъ и въ дикую, горную страну и поднялъ народное развитіе до такой высоты, что опасенія властей и духовенства явились излишними. Уже въ 70-хъ годахъ, съ дозволенія Инсбрукскаго губернатора и благословленія Зальцбургскаго архіепископа было дано въ Брикленѣ представленіе „Страстей Господнихъ", въ которомъ участвовало болѣе 300 окрестныхъ жителей. Представленіе это, образцомъ для котораго послужили извѣстныя представленія въ Обераммергау въ Баваріи, сошло такъ блестяще и художественно, что доказало еще разъ развитіе народа и неудержимое стремленіе его къ искусству.

Теперешніе спектакли въ Меранѣ, являются попыткой утвердить на народной сценѣ пьесы свѣтскаго патріотическаго характера, и нельзя не признать, что идея г. Вольфа, режиссера народнаго театра, выбравшаго темой пьесы подвиги національнаго героя Андрея Гофера и событія войны 1809 года—одна изъ самыхъ счастливыхъ.

Для Тирольца не существуетъ болѣе дорогого, болѣе священнаго имени, чѣмъ имя Андрея Гофера этого благороднаго героя-мученика. Гоферъ имѣлъ для Тироля тоже значеніе, что Вильгельмъ Телль для Швейцаріи. Въ первоклассномъ отелѣ и въ альпійской хижинѣ встрѣтите вы его портреты и гравюры, изображающія различные эпизоды его жизни. Въ Инсбрукскомъ соборѣ, противъ знаменитой серебряной гробницы короля Фердинанда, воздвигнутъ великолѣпный мраморный памятникъ надъ гробомъ Гофера, и лучшій тирольскій художникъ Дефрегеръ увѣковѣчилъ его подвигъ въ своихъ прекрасныхъ картинахъ. Чтобы сдѣлать понятными причины этой необыкновенной популярности, этого всеобщаго поклоненія, мы должны вкратцѣ изложить ходъ историческихъ событій того времени.

Въ 1805 году Наполеонъ, подчинивъ своей власти большую часть Европы и задавшись цѣлью совершенно видоизмѣнить ея карту, отдѣлилъ Тироль отъ Австріи и присоединилъ ее къ Баваріи. Это было страшнымъ ударомъ для народа, привыкшаго и привязавшагося къ дому Габсбурговъ и пользовавшагося многочисленными привилегіями во все время ихъ правленія. Новое баварское правительство вмѣсто того, чтобы кроткими мѣрами снискать расположеніе народа и заставить его забыть прошлое, дѣлало все возможное, чтобы усилить отвращеніе его къ новымъ властителямъ. Съ истинно изумительнымъ безразсудствомъ стало оно уничтожать одно за другимъ старинныя привилегіи тирольцевъ, пока новый указъ о введеніи всеобщей воинской повинности (доселѣ неизвѣстной народу) не переполнилъ чаши терпѣнія и не возбудилъ его къ открытому возстанію. Вождемъ его былъ избранъ Андрей Гоферъ. Сынъ альпійскаго трактирщика въ Пассаерѣ (недалеко отъ Мерана), онъ давно уже былъ извѣстенъ и уважаемъ въ южномъ Тиролѣ за свою честность, глубокую религіозность, мужество и патріотизмъ. Всеобщій голосъ избралъ его предводителемъ быстро сформировавшихся крестьянскихъ отрядовъ, и Гоферъ блестяще оправдалъ народное довѣріе. Въ битвахъ при Бреннерѣ; при Бергъ-Изелѣ и Кюхельбергѣ разбилъ онъ непобѣдимые легіоны французскаго императора, явившіеся для поддержки баварцевъ, и тридцать изгонялъ ихъ изъ родной страны. Слава объ его подвигахъ и замѣчательныхъ военныхъ способностяхъ быстро росла и возбуждала радость и удивленіе далеко за предѣлами Тироля. Австрійскій императоръ, который въ это время вторично на-

чалъ войну противъ Франціи, изъявилъ народному герою свою благодарность, прислалъ ему золотую цѣпь и назначилъ оберъ-комендантомъ Тироля. Гоферъ поселился въ Инсбрукскомъ дворцѣ, гдѣ продолжалъ жить такъ же просто, какъ въ родномъ Пассаерѣ и дѣятельно готовился къ дальнѣйшей борьбѣ. Но вскорѣ побѣжденная Австрія была принуждена прекратить войну; Геферу приказано остановить возстаніе, подчиниться необходимости и не приносить безполезныхъ жертвъ. Съ грустью въ душѣ удалился онъ въ частную жизнь, но спустя нѣкоторое время вновь поднялъ знамя возстанія. Отчаяніе народа, неотступныя его просьбы и недовѣріе къ тому, чтобы императоръ повелѣлъ своимъ вѣрнымъ тирольцамъ сносить французское иго — поколебали, наконецъ, самаго Гофера и взяли верхъ надъ благоразуміемъ. Нѣкоторое время еще отчаянная борьба за свободу продолжалась съ перемѣннымъ счастіемъ, пока превосходство непріятельскихъ силъ не подавило окончательно возстанія. Гоферъ долго скрывался въ горахъ; но наконецъ убѣжище его было открыто и онъ взятъ въ плѣнъ съ женой и сыномъ. Его въ цѣпяхъ отправили въ Мерапъ, а оттуда въ Мантую, гдѣ военный судъ призналъ его государственнымъ преступникомъ и приговорилъ къ смертной казни. Тирольскій герой умеръ такъ же мужественно, какъ и жилъ. Онъ утѣшалъ рыдающихъ друзей, взятыхъ одновременно съ нимъ въ плѣнъ, и послѣднія его слова къ нимъ были: „Надѣйтесь на Бога и Онъ совершитъ то, чего не суждено было вамъ. Да здравствуетъ Тироль"!

Таковы въ главныхъ чертахъ событія, послужившія темой для народныхъ представленій въ Мерапѣ.

Театръ расположенъ за городомъ, въ широкой долинѣ, и можетъ помѣстить болѣе 1200 зрителей. Мѣста идутъ постепенно возвышаясь отъ сцены и съ нихъ открывается чудная панорама. Декорацій, собственно говоря, нѣтъ; сцена представляетъ обыкновенный большой крестьянскій домъ съ соломенной крышей и лишь передняя наружная стѣна его раздвигается въ обѣ стороны. Отъ этого дома идутъ двѣ узкія улицы, теряющіяся въ дали — вотъ и все. Но какія театральныя декораціи нужны тамъ, гдѣ природа сама позаботилась о нихъ! Невозможно себѣ представить болѣе удачное, болѣе подходящее мѣсто для сценическаго изображенія тирольской національной эпопеи. Вдали за сценой, какъ бы составляя ея продолженіе, высятся громадныя горы, покрытыя на вершинахъ снѣгомъ, съ разбросанными тамъ и сямъ бѣлыми домиками и гордымъ историческимъ тирольскимъ замкомъ. Направо отъ зрителя, параллельно съ мѣстами, другая цѣпь горъ со знаменитымъ Кюхельбергомъ во главѣ, и надо всѣмъ этимъ — безоблачное, голубое небо съ ласкающими нѣжными лучами сентябрьскаго солнца...

Всѣ мѣста заняты. Болѣе двухсотъ человѣкъ, пріѣхавшихъ въ Мерапъ съ утреннимъ поѣздомъ, не достали билетовъ и грустно расположились за оградой. Двѣ нарядныя англичанки стоятъ у входа и вѣжливо предлагаютъ входящимъ двойную плату за билетъ. Вся долина представляетъ оживленную живописную картину. Съ лѣвой стороны, на Мерапскомъ шоссе виднѣется вереница экипажей и толпа народа, надѣющагося хотя что-нибудь увидѣть. Но вотъ бьетъ три часа; тирольскій оркестръ начинаетъ какую то увертюру и шумъ смолкаетъ.

Первый актъ изображаетъ „Ярмарку въ южномъ Тиролѣ". На сцену изъ боковыхъ улицъ и дверей главнаго дома выходятъ толпы крестьянъ и крестьянокъ въ праздничныхъ національныхъ костюмахъ. Всѣ они по большей части жители отдаленныхъ горныхъ деревень и долинъ, внуки и правнуки участниковъ войны 1809 г. Изъ рода въ родъ предавія о славной борьбѣ хранились и поддерживались въ ихъ семьяхъ, какъ святыня. Для теперешнихъ представленій достали они старинное оружіе и одежды, годами лежавшія на днѣ сундуковъ. И какая пестрота цвѣтовъ въ этихъ костюмахъ! Мужчины въ красныхъ, зеленыхъ, коричневыхъ куртукахъ и громадныхъ круглыхъ шляпахъ; женщины, въ розовыхъ и фіолетовыхъ юбкахъ и бѣлыхъ передникахъ, проходятъ по сценѣ, торгуясь, покупая, оживленно жестикулируя. Вотъ крестьянскіе мальчишки ведутъ упирающагося козленка; телѣга, запряженная волами, медленно проѣзжаетъ и исчезаетъ въ боковой улицѣ; всаднякъ на черномъ конѣ здоровается съ дѣвушками, стоящими на балконѣ, а старый полицейскій подозрительно разглядываетъ корзину проходящаго парня. Иллюзія этой сцены полная; это уже не театральная сцена, выведенная въ исторической и бытовой дѣйствительности — это сама дѣйствительность, сама жизнь. Среди этой ярмарочной толкотни и сутолоки, мы слышимъ ропотъ недовольныхъ, осужденія правительственныхъ мѣръ, пререканія крестьянъ съ баварскими чиновниками и солдатами и толки о предстоящемъ возстаніи. Второй актъ начинается совѣщаніемъ деревенскихъ старшинъ въ Пассаерѣ, въ домѣ Гофера. Планъ возстанія окончательно выработанъ, и Гоферъ поднимаетъ старинное тирольское знамя. Въ концѣ акта мы присутствуемъ при выступленіи въ походъ крестьянскихъ отрядовъ. Безконечной вереницей проходятъ мимо насъ толпы инсургентовъ, вооруженныхъ ружьями, пиками, вилами и самодѣльными пушками; впереди идутъ музыканты, высвистывающіе на горныхъ флейтахъ тирольскій маршъ. Глубокое, сильное чувство охватываетъ душу зрителей при звукахъ этого стариннаго горнаго охотничьяго марша, при видѣ этихъ людей, идущихъ умирать за свободу и родину, съ напускнымъ весельемъ прощающимися съ женами и дѣтьми и проходящими съ дикими, пронзительными криками... Тотъ, кто слышалъ эти крики, не забудетъ ихъ никогда. Въ нихъ слышится и отчаяніе, и надежда, и ненависть къ врагу, и жажда мести. Вся эта народная масса дѣйствительно переживаетъ давно минувшія событія, даже не сознавая, какъ правдиво, какъ художественно она исполняетъ свою сценическую задачу...

Уже послѣдніе ряды давно исчезли въ боковыхъ улицахъ, а зрители все еще находятся подъ впечатлѣніемъ этой замѣчательной сцены, пока сразу мертвая тишина не смѣняется бурными, долго не смолкающими рукоплесканіями.

Первая сцена третьяго акта происходитъ въ залѣ Инсбрукскаго дворца. Тирольцы одержали побѣду надъ французами при Бреннерѣ и Бергъ-Изелѣ, и Гоферъ получаетъ черезъ курьеровъ благодарность императора и золотую почетную цѣпь.

Слѣдующая сцена въ Инсбрукскомъ соборѣ, гдѣ, послѣ благодарственнаго молебна, епископъ благословляетъ подарокъ императора и торжественно передаетъ его Геферу. Вся церковь полна народа, который съ восторгомъ тѣснится вокругъ своего героя, цѣлуетъ его руки. Эта необыкновенно эффектная, торжественная живая картина кончается при звукахъ національнаго гимна.

Четвертый актъ — одинъ изъ самыхъ интересныхъ по своему содержанію. Онъ изображаетъ „Битву при Кюхельбергѣ" и начинается сценой между старостой деревни и французскимъ военноначальникомъ, который требуетъ контрибуцію и приказываетъ разстрѣлять одного изъ инсургентовъ. Въ это время справа на Кюхельбергѣ раздаются пушечные выстрѣлы. Сраженіе началось.

Французскій отрядъ покидаетъ деревню и спѣшитъ туда. На сценѣ остаются одни женщины, дѣти и старики. Вся правая сторона горы окутана дымомъ и дрожитъ отъ выстрѣловъ. Въ деревню приносятъ раненыхъ и убитыхъ; раздаются вопли и причитанія женщинъ. Вотъ молодая крестьянка, прижимая къ груди тяжело раненого мужа и повторяющая въ дикомъ отчаяніи: „О эти французы! эти французы!“ Невозможно видѣть эту сцену неподдѣльнаго горя безъ слезъ... Съ трепетомъ падаетъ толпа женщинъ и дѣтей на колѣни и прислушивается къ выстрѣламъ. Канонада постепенно смолкаетъ. На этотъ разъ еще храбрые бойцы одержали верхъ надъ французами, но уже не на долго. Въ послѣдующихъ сценахъ мы присутствуемъ при взятіи въ плѣнъ Гофера, допросѣ его въ Меранѣ и предсмертныхъ минутахъ. Это большею частью изображается живыми картинами (по Дефрегеру), но получаемое впечатлѣніе—отъ этого не менѣе сильно. Особенно трогательна и художественна вторая картина 5-го акта.

Скованнаго Тирольскаго героя ведутъ въ Меранъ; онъ медленно проходитъ по сценѣ; жена и сынъ, также въ цѣпяхъ, слѣдуютъ за нимъ и сильный французскій отрядъ замыкаетъ шествіе. Народъ въ гробовомъ молчаніи стоитъ шпалерами по обѣимъ сторонамъ улицы; женщины и дѣти плачутъ, закрывая лица передниками, а мужчины благоговѣйно обнажаютъ головы и съ невыразимой ненавистью смотрятъ вслѣдъ французскимъ солдатамъ. Эта нѣмая сцена отчаянія дѣйствуетъ на зрителя сильнѣе всякихъ словъ.

Пьеса кончается въ 7-мъ часу вечера апоѳеозомъ Андрея Гофера, звуками гимна и шумными рукоплесканіями публики.

Отвѣтственную роль Андрея Гофера игралъ моранскій ремесленникъ Кристенъ и, надо отдать ему справедливость, игралъ прекрасно, съ достоинствомъ и увлеченіемъ. Кромѣ несомнѣннаго таланта, много способствовала его успѣху его необыкновенно подходящая для этой роли наружность. Средняго роста, плотный, съ выразительнымъ лицомъ, окаймленнымъ длинной черной бородой онъ дѣйствительно олицетворялъ историческаго Гофера такимъ, какимъ изобразилъ его Дефрегеръ. Другіе моранскіе жители, игравшіе французскаго генерала, курьеровъ и офицеровъ, также провели свои роли вполнѣ удовлетворительно. Но главный успѣхъ представленія, пальма первенства все-таки принадлежитъ народной массѣ, этимъ сотнямъ горныхъ крестьянъ, игру которыхъ съ начала до конца согрѣваетъ глубоко прочувствованная, пламенная любовь къ своему государю, свободѣ и родинѣ.

М. Гор—цъ.

—

Вѣна. *(Отъ нашего корреспондента).* Такъ скоро ставшій знаменитостью, Пьетро Масканьи, авторъ оперъ „Сельская честь“ и „Другъ Фрицъ“, въ настоящее время находится въ Вѣнѣ, гдѣ онъ дирижируетъ въ спектакляхъ, данаемыхъ въ театрѣ Театрально-Музыкальной выставки итальянской труппой Сонзонъо. Одно время процесся слухъ, что Масканьи не можетъ пріѣхать въ Вѣну по политическимъ убѣжденіямъ, что онъ ярый сторонникъ прогрессистской политики, но молодой композиторъ, въ письмѣ къ одному вѣнскому другу, энергично протестовалъ противъ этого слуха и заявилъ, что онъ прежде всего артистъ и что онъ всей душей стремится въ Вѣну. Прибытіе Масканьи въ Вѣну сдѣлалось цѣлымъ событіемъ. Гдѣ онъ только ни показывается, его сейчасъ окружаетъ толпа почитателей и любопытныхъ. Со стороны внѣшности Масканьи положительно на всѣхъ производитъ самое благопріятное впечатлѣніе. Элегантный, съ благородными, но вполнѣ непринужденными манерами, Пьетро Масканьи съ обаятельной любезностью сочетаетъ рѣдкую скромность. Стройный, высокій ростъ; красивая голова съ классическимъ профилемъ, обрамленная густыми темно-каштановыми волосами; лицо блѣдное, безъ усовъ и бороды, напоминающее, скорѣе особу духовнаго званія, чѣмъ артиста; большіе, блестящіе и полные жизни глаза; выраженіе лица необычайно кроткое и привѣтливое. Масканьи говоритъ быстро и плавно на прекрасномъ, чистомъ итальянскомъ языкѣ; голосъ его не громокъ, но ласкающаго тембра. Масканьи настолько заинтересовалъ всѣхъ, что многія вѣнскія газеты сочли необходимымъ черезъ своихъ корреспондентовъ сдѣлать интервью съ знаменитымъ маэстро и помѣстили на своихъ столбцахъ не лишенныя интереса подробности изъ означенныхъ бесѣдъ.

Другъ молодого композитора Аристидъ Гольдбахеръ, посвятившій Масканьи фельетонъ въ газетѣ „Neue freie Presse“, познакомился съ нимъ въ Миланѣ, въ кафе Биффи. Ежедневно, въ два часа пополудни приходилъ туда молодой Цьетро, постоянно погруженный въ серьезныя думы и напоминавшій своимъ меланхолическимъ видомъ Гетевскаго Вертера. Наше общество, разсказываетъ Гольдбахеръ, состояло изъ начинающихъ журналистовъ, учащихся музыкантовъ, готовыхъ уже композиторовъ, художниковъ и скульпторовъ: какъ видно изъ такъ называемой „богемы“. Мы много острили, восторженно разсуждали обо всякихъ вздорахъ и о поэзіи. Денегъ у насъ было однако мало и дохода мы приносили ресторатору немного. Масканьи разсказывалъ намъ о препятствіяхъ, которыя ему пришлось преодолѣвать въ отцовскомъ домѣ. Его отецъ, ливорнскій булочникъ, во что бы то ни стало хотѣлъ изъ своего сына сдѣлать юриста, забывая, что именно Италія составила себѣ репутацію классической страны, страдавшей отъ излишняго количества адвокатовъ. Итакъ отецъ помѣстилъ его въ пансіонъ, гдѣ латынь подвизствовала на молодого Масканьи, какъ опаснѣйшій ядъ. Нѣкоторое утѣшеніе онъ по вечерамъ находилъ въ „Congregazione di Luigi Gonzaga“, гдѣ давалъ уроки сольфеджіо учитель музыки Бianки; Масканьи пѣлъ здѣсь мессу замѣчательно чистымъ контральто. Мальчикъ, едва достигшій тринадцатилѣтняго возраста, чувствовалъ, что его влечетъ къ музыкѣ какая-то чудная сила, но онъ никогда не рѣшался сказать отцу: „я хочу сдѣлаться музыкантомъ“, такъ какъ единственнымъ отвѣтомъ на это была-бы пощечина. Между тѣмъ онъ тайно изучилъ немного игру на фортепіано и въ свободные часы занимался всякими музыкальными игрушками, часто, впрочемъ, бросавшимися въ печку его отцемъ, не любившимъ, чтобы его тревожили во время послѣобѣденнаго сна. Но „порокъ“ уже пустилъ въ душѣ Пьетро глубокіе корни и отецъ, потерявъ надежду побѣдить въ сынѣ стремленіе къ музыкѣ, купилъ ему въ лавкѣ старьевщика разстроенное, старое фортепіано за 70 франковъ. Какъ велика была радость Масканьи! Теперь его музыкальная манія стала дѣйствительно неизлѣчимой. Онъ стремился продолжать свое музыкальное образованіе и, безъ вѣдома отца, посѣщалъ вмѣстѣ латинской гимназіи музыкальную школу Альфреда Сольфреджини, гдѣ преподавалась игра на фортепіано, гармонія, контрапунктъ и теорія композиціи. Но вскорѣ отецъ узналъ обо всемъ, высѣкъ Пьетро и подвергъ его домашнему аресту. Когда маэстро Сольфреджини явился къ булочнику за своимъ ученикомъ, тотъ ему съ волненіемъ крикнулъ: „Не приставайте ко мнѣ!

Мой сынъ долженъ изучить право. Если-же онъ этого не хочетъ, тогда я его сдѣлаю булочникомъ." Къ счастью для Масканьи его освободилъ отъ ареста его дядя Стефано, давшій предварительно его отцу обѣщаніе наблюсти о его будущности.

Въ квартирѣ дяди Масканьи получилъ хорошенькую комнату съ піанино, украшеннымъ головой Моцарта. Здѣсь онъ могъ играть сколько ему было угодно. Ему было въ это время четырнадцать лѣтъ и теперь еще, когда заходитъ рѣчь о дядѣ Стефано, умершемъ до блестящаго успѣха племянника, глаза Масканьи наполняются слезами.

Смерть дяди была для Масканьи тяжелымъ ударомъ. Онъ долженъ былъ возвратиться въ отповскій домъ, гдѣ имъ овладѣло полное уныніе. Однако сочиненная имъ еще при жизни дяди двухактная опера „In Filanda" и „Гимнъ въ радости" (на извѣстныя слова Шиллера) обратили вниманіе одного мецената, графа Флорестана де Ларлерель, на необыкновенныя способности молодаго музыканта. Графъ Флорестанъ оказалъ ему денежное пособіе, чтобы онъ закончилъ свое музыкальное образованіе въ Миланской консерваторіи, первомъ музыкальномъ институтѣ Италіи. Въ консерваторіи его профессорами были: по гармоніи и контрапункту—Микеле Саладино и по музыкальной эстетикѣ Аминторе Галли. Онъ занимался не особенно усердно, хотя и постигалъ все быстро. Онъ въ то время находился въ состояніи полнаго нравственнаго угнетенія. Въ Ливорно, гдѣ онъ, будучи еще мальчикомъ, предавался мечтамъ о блестящей славѣ и счастіи, онъ покинулъ горячо любимую имъ дѣвушку, а здѣсь въ Миланѣ, околѣваемый мрачными идеями, рѣшилъ что счастье его покинуло и что онъ ничего не добьется въ живненной борьбѣ. Положеніе молодаго бѣднаго музыканта въ то время въ Италіи было дѣйствительно отчаянно. Гдѣ найти способнаго либретиста, который-бы не гнался за гонораромъ? Какимъ образомъ заявить о себѣ въ театрѣ, бывшемъ тогда только рынкомъ, на которомъ громадная и сильная конкуренція, имѣвшая своею цѣлью лишь одно деньги, затерла много геніевъ? То были времена, когда въ окнахъ магазиновъ издателей выставлялись несчетныя пыльныя партитуры, которыя прохожіе не удостоивали ни однимъ взглядомъ. Только тѣ оперы просматривались, къ которымъ прилагался тысячный банковый билетъ для расходовъ по mise-en-scene оперы. Масканьи, набросавшій уже оперу „Ратклиффъ" (по Гейне) увидавъ вблизи, какими бѣдствіями сопровождались первые шаги итальянскихъ музыкантовъ, бросилъ перо и бумагу и потерялъ надежду и вѣру въ себя. Въ одномъ письмѣ Масканьи самъ описываетъ этотъ душевный разладъ. Послѣ перваго представленія оперы „Виллисы," доставившей композитору ея, Пуччини, другу Масканьи, положительный тріумфъ, Масканьи пишетъ: „....Впечатлѣніе этого вечера на вѣки останется въ моемъ сердцѣ, я не чувствовалъ зависти, но я видѣлъ, что мой дорогой другъ достигъ той цѣли, о которой мы оба давно мечтали, и горѣлъ желаніемъ добиться-того же, но не видѣлъ возможности осуществить свои желанья. Я мысленно возвращался въ комнату, въ домъ моего дяди, и чудные призраки вновь проходили передъ моими глазами. О искусство! О мое дорогое искусство! Неужели я никогда не достигну той славы, которой я такъ жаждалъ и которая мнѣ такъ часто грезилась на яву?.... Съ этого дня я нигдѣ не находилъ покоя.... я чувствовалъ сильное облегченіе. блуждая одинъ по отдаленнымъ улицамъ; я старался угадать свое будущее, казавшееся мнѣ мрачнымъ, и мною овладѣвали самыя печальныя мысли. Если мои петвердые шаги незамѣтно приводили меня на освѣщенную и оживленную улицу, я старался скрыться, думая, что всѣ прочтутъ на моемъ лицѣ одолѣвавшую меня тоску, увидятъ слезы на моихъ глазахъ, и мнѣ стоило большихъ усилій сдерживать себя въ обществѣ моихъ друзей и казаться веселымъ.... ||"

Во время этихъ душевныхъ терзаній Масканьи вдругъ исчезъ и не появлялся болѣе на нашихъ ежедневныхъ собраніяхъ у Биффи. Чтобы его найти, мы должны прослѣдить одну изъ тѣхъ многочисленныхъ оперетчныхъ труппъ, которыя при самыхъ жалкихъ обстоятельствахъ подвизаются на дырявыхъ сценахъ убогихъ, народныхъ итальянскихъ театровъ, гдѣ болѣе постятся, чѣмъ поютъ, и гдѣ скорѣе проклинаютъ жизнь, чѣмъ надъ ней смѣются. Масканьи примкнулъ къ такой оперетчной труппѣ съ ежедневнымъ содержаніемъ въ шесть франковъ и объѣхалъ съ ней пол-Италіи, сравнивая свое грустное и безутѣшное положеніе съ заплатанными трико и плохо нагримированными лицами голодной оперетчной труппы. Въ это же время его невѣста написала ему изъ Ливорно письмо, въ которомъ возвращала его, данное имъ ей, слово и объявляла, что ова никогда не выйдетъ замужъ за человѣка, имѣющаго шаткое общественное положеніе, не обѣщающаго въ будущемъ ничего хорошаго и обреченнаго на жизнь и смерть во мракѣ неизвѣстности и нищетѣ.

Съ пустымъ кошелькомъ и больнымъ сердцемъ Масканьи видѣлъ, что жизнь его день ото дня становится печальнѣе. Постоянное блуждавіе изъ города въ городъ убивало его душу и тѣло. Въ 1887 году мы встрѣчаемъ Масканьи въ Неаполѣ—безъ занятія, такъ какъ трупа, къ которой онъ принадлежалъ, распалась. Масканьи, подавленный, усталый и терпящій лишенія—въ довершеніе всего заболѣлъ. Одна благородная артистка, пѣвшая въ томъ-же театрѣ, гдѣ Масканьи дирижировалъ, почувствовала къ нему сожалѣніе и ухаживала за нимъ во время его болѣзни съ величайшимъ самоотверженіемъ и, вылѣчивъ его, пробудила его къ новой жизни. Они стали супругами. Могъ ли Масканьи иначе выразить этой женщинѣ свою сердечную признательность за ея заботы и вниманіе, какъ сдѣлавъ ее своей женой? Оставивъ мысль дирижировать оперетчными оркестрами, Масканьи съ своей женой поселился въ Черниольѣ, городкѣ лежащемъ близъ Неаполя, гдѣ ему было предложено вакантное мѣсто дирижера мѣстнаго городского оркестра съ ежемѣсячнымъ содержаніемъ въ сто франковъ. Сумма была небольшая, но по крайней мѣрѣ вѣрная. Масканьи уже примирился съ мыслью жить темно и бѣдно, какъ вдругъ лучъ свѣта озарилъ окружавшій его мракъ. Извѣстный издатель Сонзоньо объявилъ конкурсъ на одноактную оперу, съ главной преміей въ нѣсколько тысячъ гульденовъ.

Масканьи рѣшилъ принять участіе въ этомъ состязаніи, но, работая день и ночь, едва успѣлъ приготовить рукопись, представленную имъ жюри за нѣсколько часовъ до срока. Эта рукопись была „Сельская честь." Всѣхъ оперъ было прислано 73, но комиссія, состоявшая изъ маэстро Сгамбати и Галли и извѣстнаго музыкальнаго критика д'Арканджъ, ни минуты не колебалась, какая опера должна быть увѣнчана преміей и Масканьи, послѣ восьми дней томительнаго ожиданія, послѣ восьми, преисполненныхъ безумныхъ мыслей и безсонныхъ, ночей, получилъ денегу, объявлявшую его побѣдителемъ.

Необычайный успѣхъ этого произведенія, исполненнаго первый разъ 17 мая 1890 г. въ Римѣ, извѣстенъ всему свѣту, также и то, что съ это-

го вечера Масканьи сталъ надеждою Италіи въ области музыкальной драмы. Самъ Масканьи объ успѣхѣ своей оперы говоритъ: „я приписываю успѣхъ „Сельской чести“ прежде всего ея краткости и быстротѣ драматическаго хода дѣйствія. Въ теченіе двадцати лѣтъ въ Италіи давались длинныя, утомительныя оперы, не подходившія къ нравамъ и вкусамъ итальянцевъ, заставлявшія публику скучать. Я хотѣлъ написать такую оперу, которая возбуждала бы интересъ публики не только музыкой, но и сюжетомъ. Матеріалъ заключавшійся въ драмѣ Верга, казался мнѣ вполнѣ подходящимъ для этой цѣли: при музыкальной обработкѣ либретто, составленнаго гг. Менаски и Тарджіони-Тоцетти, мнѣ и удалось все сдѣлать какъ я хотѣлъ—за исключеніемъ финала. Послѣ долгихъ исканій я пришелъ, наконецъ, къ убѣжденію, что слова драмы „Ianno ammazato compare Turiddu“ (Туридду убили), произнесенныя безъ музыки, являются лучшимъ концомъ для оперы. Я себя не считаю музыкальнымъ новаторомъ. Я признаю за собой только ту скромную заслугу, что моя „Честь“ побудитъ другихъ молодыхъ композиторовъ обрабатывать реалистическіе сюжеты. Я, конечно, ярый сторонникъ verismo (правдивости) въ драмѣ и операхъ, но думаю, что преувеличенія въ этомъ направленіи должны безусловно вредить артистическому успѣху произведенія. Послѣ „Сельской чести“, несмотря на ея успѣхъ, я самъ не гонюсь за слишкомъ реалистическими сюжетами, боясь перейти допускаемую искусствомъ художественную границу.“

Въ разговорѣ къ корреспондентомъ „Wiener Extrablatt“ вашла рѣчь о нѣмецкихъ музыкантахъ. Масканьи заявилъ, что онъ восторженный поклонникъ Вагнеровскаго направленія и разсказывалъ съ какимъ стараньемъ онъ изучалъ произведенія этого автора. „Не легко понять Вагнера, говоритъ онъ, и абсолютно невозможно ему подражать. Духовное величіе этого человѣка гарантируетъ его отъ подражанія. Можно стремиться писать въ стилѣ Вагнера, но дойти до его высоты нельзя. Чтобы приблизиться къ Вагнеру, необходимо прежде всего вполнѣ понимать его намѣренія, а это трудно, такъ-какъ горизонты, открытые имъ искусству, положительно неизмѣримы.

Въ настоящее время Масканьи окончилъ оперу „Братья Ранцау“ которая будетъ дана десятаго ноября текущаго года въ Флоренціи, въ театрѣ Пергола.

По словамъ вѣнскаго критика Ганслика, опера „Братья Ранцау“ вѣроятно въ февралѣ будетъ поставлена въ Вѣнѣ.

Изъ будущихъ своихъ работъ Масканьи называетъ четырехъ-актную оперу „Вестилія“ изъ древней-римской жизни. По ея окончаніи онъ хочетъ написать оперу „Неровъ“ на сюжетъ, заимствованный изъ интересной поэмы Роберта Гамерлинга—„Агасферъ въ Римѣ.“ Въ промежуткѣ между этими операми, какъ бы для отдыха, онъ намѣревается передѣлать для опернаго текста разсказъ „Le passant“—Ф. Коппе. Опера „Ратклиффъ“ *), о которой выше была рѣчь, пріостановлена имъ за неимѣніемъ подъ рукою либретиста, который могъ бы обработать извѣстную гейневскую драму. „Гейне“, говоритъ Масканьи, „всегда имѣлъ для меня особую прелесть, и я хотѣлъ бы переложить на музыку многія изъ его чудесныхъ пѣсенъ.“ Н. Р. К.

*) Касательно оперы „Вильямъ Ратклиффъ“ сообщенія Ганслика нѣсколько расходятся съ тѣмъ, что здѣсь сказано. Вѣнскій критикъ говоритъ, что опера въ общихъ чертахъ готова. Текстомъ для нея послужилъ метрическій итальянскій переводъ гейневской трагедіи, сдѣланный Андреемъ Мафеи. *Прим. ред.*

Хроника.

МОСКВА.

Оперные спектакли въ Большомъ театрѣ начались 30 августа оперою „Русланъ и Людмила“, которая дана была съ слѣдующимъ составомъ солистовъ: Людмила—г-жа Муравьева, Горислава—г-жа Эйхенвальдъ, Ратмиръ—г-жа Звягина, Нанна—г-жа Никольская, Финнъ—г. Барцалъ, Баянъ—г. Вельяшевъ, Руславъ—г. Власовъ, Фарлафъ—г. Тютюнникъ, Свѣтозаръ—г. Трезвинскій. Въ балетѣ участвовала г-жа Гейтенъ. Въ теченіе сентября даны были оперы: „Жизнь за Царя“, „Пиковая дама“, „Евгеній Онѣгинъ“, „Пиръ Бельсарруссура“, „Робертъ-Дьяволъ“, „Фаустъ“, „Лоэнгринъ“ и „Травіата“.

—

Опера „Жизнь за Царя“, въ Большомъ театрѣ, по случаю пятидесятилѣтія ея на московской сценѣ (см. въ Современномъ обозрѣніи), поставлена съ новыми декораціями и костюмами. Въ теченіе послѣднихъ 27 лѣтъ, съ 1865 года, когда начались возрожденіе русской оперы и настоящій культъ оперъ Глинки, на московской сценѣ въ „Жизни за Царя“ было 20 исполнительницъ Антониды, 22—Вани, 16 исполнителей Сабинина и 15 – Сусанина.

Сообщаемъ теперь подробный имъ списокъ. За это время пѣли партіи:

Антониды: г-жи А. Р. Анненская, А. Д. Александрова (Кочетова), исполняла роль болѣе 100 разъ, А. Г. Меньшикова, М. А. Соловьева-Андреева, Т. Л. Смѣльская-Бонди, Л. Н. Люценко, Ю. Я. Махина, М. П. Юневичъ, З. Р. Кочетова, М. Н. Климентова, Толстая, Э. К. Павловская, М. П. Коровина, О. А. Соколова, О. А. Дмитріева, Серно-Соловьевичъ, Клямжинская, А. О. Каратаева, М. Ѳ. Дворецъ и Г. Н. Малютина.

Вани: г жи Рехтъ, Оноре, З. И. Эбоженко, Н. А. Епгалычева, Е. П. Кадмина, Л. В. Святловская. Кондырева, Богенгардтъ, О. А. Пускова, Сладецкая, А. П. Крутикова, Веревкина, Дубасова, Косецкая, А. М. Рындина, О. В. Соколова, Е. А. Лавровская, А. А. Якубовская, Г. А. Соловьева, Карганова, С. Р. Давыдова, В. Н. Гнучева и Л. Ю. Звягина.

Сабинина: гг. Орловъ-Калгинъ, М. П. Владиславлевъ, А. С. Раппортъ, Д. А. Орловъ, Н. А. Андреевъ, А. М. Додоновъ, К. А. Алелековъ, О. К. Никольскій, А. И. Барцалъ, Д. А. Усатовъ, Ю. Ѳ. Закржевскій, П. И. Богатыревъ, Л. Д. Донской, М. Е. Медвѣдевъ, Ѳ. Ѳ. Соколовъ и Н. А. Преображенскій.

Сусанина: гг. Куровъ, С. В. Демидовъ, П. А. Радонежскій, О. Р. Фюреръ, А. А. Ляровъ, А. М. Абрамовъ, С. М. Лавровъ, М. М. Корякинъ, П. А. Акимовъ, И. Е. Бѣлявскій, Ю. И. Шакуло, И. Ф. Бутенко, А. П. Антоновскій, С. Г. Власовъ и В. Я. Майборода.

Капельмейстеры: гг. Іогансенъ, С. И. Штуцманъ, И. О. Шрамекъ, Э. Н. Мертенъ, И. К. Альтани и У. І. Авранекъ.

За все время опера „Жизнь за Царя“ на Московской сценѣ была дана 378 разъ.

При повтореніи оперы „Жизнь за Царя“ въ Большомъ театрѣ роль Антониды исполняла г-жа Фостремъ.

—

Въ „Лоэнгринѣ“—Вагнера заглавную роль исполнялъ г. Донской и имѣлъ въ ней большей успѣхъ въ заключительной сценѣ (въ разсказѣ о святомъ Граалѣ).

—

Въ Большомъ театрѣ возобновили оперу „Аида“, которая не шла нѣсколько сезоновъ.

Составъ исполнителей: Аида—г-жа Дейша-Сіоницкая. Амнерисъ—г-жа Крутикова, Главная жрица—г-жа Соколова, Радамесъ—г. Донской, Амонасро г. Борисовъ, Рамфисъ—г. Трезвинскій и Фараонъ—г. Мировъ.

—

Ближайшей новинкой въ Большомъ театрѣ будетъ опера „Лакмэ“—Делиба, которая пойдетъ въ октябрѣ. Заглавную роль исполнять будетъ г-жа Фостремъ.

Опера „Зигфридъ“—Вагнера опять отлагается; въ октябрѣ она не пойдетъ.

—

Артистки нашего Большаго театра—г-жи Эйхенвальдъ и Скомпская командируются на гастроли въ Петербургъ.

Въ текущемъ сезонѣ наша первая балерина Л. Н. Гейтенъ будетъ имѣть два бенефиса: въ декабрѣ по контракту, причемъ пойдетъ балетъ „Фіаметта“, и на масляницѣ, „прощальный“ за выслугу 20-лѣтняго срока. Г-жа Гейтенъ для прощальнаго бенефиса предполагаетъ возобновить одинъ изъ старыхъ балетовъ. Артистка оставляетъ затѣмъ казенную сцену и уже имѣетъ ангажементъ въ Лондонъ.

Въ настоящемъ году, кромѣ балерины Л. Н. Гейтенъ, оканчиваетъ срокъ службы и еще одна изъ первыхъ солистокъ нашего балета—г-жа Горохова.

Зданія Императорскихъ театровъ, какъ Большого, такъ и Малаго, будутъ отапливаться паромъ. Въ настоящее время на Петровкѣ произво-

дятся работы по прокладкѣ трубъ на глубинѣ 3½ аршинъ. Самый паровикъ будетъ помѣщаться въ зданіи Малаго театра.

Намъ передаютъ, что въ Императорскихъ театрахъ съ нынѣшняго года окончательно прекращенъ пріемъ въ оркестръ иностранцевъ, не приписанныхъ къ русскому подданству.

—

Намъ сообщаютъ, что конкурсъ на званіе дирижера Малаго театра, назначенный нѣсколько недѣль назадъ, за смертью главнаго конкуррента г. Орлова-Соколовскаго, переносится на январь будущаго года. Конкурсъ же на мѣста скрипачей и альтистовъ въ Большомъ театрѣ, по слухамъ, перенесенъ на ноябрь текущаго года.

Въ бенефисъ г. Ленскаго на сценѣ Малаго театра, 16 октября, будетъ поставлена драма Сарду „Графъ де Ризоръ“ („Patrie“), въ переводѣ г. Арбенина. Болѣе выдающіяся роли исполнятъ: г-жа Ермолова, гг. Ленскій, Южинъ, Рыбаковъ и Музиль.

Артистъ Александринской труппы г. Дмитріевъ, въ виду условій петербургскаго климата, неблагопріятно дѣйствующаго на его здоровье, переводится въ Московскую труппу Малаго театра.

Въ засѣданіи историко-филологическаго факультета новороссійскаго университета 25-го мая, послѣ разсмотрѣнія присланныхъ въ университетъ драматическихъ произведеній на соисканіе преміи И. Г. Вучина, постановлено было удостоить половинной преміи драму въ 5 ти дѣйств. „Идеалистъ“. 25-го августа въ засѣданіи правленія университета былъ вскрытъ пакетъ съ девизомъ: „Попытка не пытка, спросъ не бѣда“, при которомъ была прислана названная драма. Авторомъ драмы оказался И. В. Шпажинскій. Драма эта шла на сценѣ Малаго театра подъ названіемъ „Жертва“.

К. А. Тарновскій.

Артистка Малаго театра г-жа Самойлова получила 5-ти-мѣсячный отпускъ и будетъ всю зиму играть въ Кіевѣ, въ труппѣ Н. Н. Соловцова, которымъ она приглашена для первыхъ ролей.

О. А. Правдинъ ставитъ въ свой бенефисъ хронику А. Н. Островскаго „Дмитрій Самозванецъ“. Роль Самозванца исполнитъ А. И. Южинъ, роль Василія Шуйскаго—бенефиціантъ.

Въ бенефисъ г. Горева пойдетъ пьеса „Якобиты“.

М. П. Садовскій ставитъ въ свой бенефисъ комедію А. Н. Островскаго „Волки и овцы“. Роль Мурзавецкой исполнитъ или г-жа Ѳедотова, или г-жа Медвѣдева.

Въ нынѣшнемъ году исполнится двадцать пять лѣтъ со дня первой постановки извѣстной драмы А. Н. Островскаго и С. А. Гедеонова „Василиса Мелентьевна“.

На остающіеся мѣсяцы текущаго года приходятся слѣдующія литературныя годовщины: 23-го октября исполнится 150 лѣтъ со дня рожденія Я. Княжнина, знаменитаго драматурга и, между прочимъ, автора трагедіи „Вадимъ Новгородскій“; 1-го декабря исполнится 100 лѣтъ со дня смерти Д. И. Фонвизина; 18-го октября исполнится 50 лѣтъ со дня смерти Кольцова, причемъ прекращается право собственности на его сочиненія. Затѣмъ весною 1893 года исполнится 50 лѣтъ съ появленія въ печати „Параши“, перваго произведенія Тургенева. Въ текущемъ году еще исполнятся столѣтніе юбилеи: С. Е. Раича, переводчика „Освобожденнаго Іерусалима“ Торквато Тассо, и М. В. Маховова, поэта-сатирика начала нынѣшняго столѣтія. По слухамъ, дирекція Императорскихъ театровъ собирается устроить торжественный спектакль въ память Фонвизина.

—

29-го іюля, въ 8 часовъ утра, въ домѣ Столпакова, на Тверскомъ бульварѣ, скончался послѣ тяжкой болѣзни драматургъ *Константинъ Августиновичъ Тарновскій*. Покойный родился въ 1826 году въ Ковенской губерніи. По окончаніи курса въ Московскомъ университетѣ въ 1846 г., онъ поступилъ на службу въ министерство иностранныхъ дѣлъ, откуда перешелъ въ министерство народнаго просвѣщенія и наконецъ въ министерство Двора, занялъ сначала должность секретаря Московской дирекціи Императорскихъ театровъ, а затѣмъ, въ 1856 г., должность инспектора репертуара. Выйдя потомъ въ отставку, онъ всецѣло посвятилъ себя литературной дѣятельности. Еще 15-ти лѣтъ покойный перевелъ одноактную комедію „Le muet de saint Malo“, которая 12-го сентября 1841 г. была поставлена на сценѣ Большаго театра подъ названіемъ „Нѣмой по-неволѣ“. Находясь въ университетѣ, К. А. Тарновскій перевелъ комедію „Испытаніе“, поставленную затѣмъ на сценѣ Малаго театра въ 1842 году. Покойнымъ написано всего свыше 60-ти драмъ и комедій оригинальныхъ, переводныхъ и передѣланныхъ и около 40 водевилей. Многіе изъ нихъ, какъ „Кутерьма“, „Воробушки“, „Испанскій дворянинъ“, „Дитя“, „Мотя“, „Тучки“ и др. до сихъ поръ не сходятъ со сцены. Для театра М. В. Лентовскаго К. А. Тарновскимъ написаны были фееріи: „Призракъ“, „Нена-Санбъ“, „Лѣсной бродяга“ и др. Покойный занимался также музыкой и написалъ немало романсовъ, въ свое время весьма распространенныхъ. Кромѣ театральныхъ пьесъ, онъ писалъ

также статьи въ періодическихъ изданіяхъ, а во время своего пребыванія за границей — въ парижскихъ газетахъ *Figaro*, *Galois*, *Presse*. Вслѣдствіе этого онъ пользовался нѣкоторою извѣстностью во Франціи и получилъ знакъ французской академіи за ознакомленіе русской публики съ французскими драмами. 12 сентября прошлаго года въ Москвѣ праздновался 50-тилѣтній юбилей литературно-театральной дѣятельности К. А. Тарновскаго, во время котораго его привѣтствовали, артисты и артисты Императорскаго Малаго театра, депутація отъ Общества русскихъ драматическихъ писателей и оперныхъ композиторовъ, представители прессы, консерваторіи, филармоническаго Общества и многія почетныя лица города. Послѣ юбилея покойный работалъ надъ двумя произведеніями: комедіей „Дѣлецъ“ и одноактной пьесой „Мѣдный всадникъ“. Не смотря на свои 67 л., покойный пользовался замѣчательно цвѣтущимъ здоровьемъ. Столь быстрой развязки никто не ожидалъ. По духовному завѣщанію покойнаго авторскія права его завѣщаны сыну—бывшему офицеру лейбъ-казачьяго полка, нынѣ состоящему земскимъ начальникомъ Серпуховскаго уѣзда. Всю свою богатую библіотеку изъ 2,500 томовъ покойный завѣщалъ Обществу русскихъ драматическихъ писателей. 31-го іюля, въ церкви Св. Іоанна Богослова, на Тверскомъ бульварѣ, послѣ заупокойной литургіи, происходило отпѣваніе. Почтить память почившаго явилась многочисленная публика, преобладающій элементъ которой состоялъ изъ лицъ, принадлежащихъ къ литературно-театральному міру Москвы.

—

9-го сентября скончался даровитый артистъ московскаго Малаго театра *Василій Алексѣевичъ Охотинъ*. В. А. происходилъ изъ купеческой семьи Гайдуковыхъ. В. А. вѣроятно былъ переведенъ изъ московскаго пансіона въ Петропавловскую нѣмецкую школу въ Петербургѣ, гдѣ много посѣщалъ Александринскую сцену. На 18 году жизни, во второй половинѣ 60-хъ годовъ, по совѣту, въ то время помощника режиссера, С. А. Черневскаго, В. А. поступилъ актеромъ на вторыя роли въ Рязанскій театръ, антрепризу котораго держалъ тогда отецъ покойнаго артиста Рѣшимова—Горожанскій. Первый дебютъ юнаго Гайдукова, принявшаго для сцены фамилію Охотина, былъ въ роли Карлуши въ водевилѣ Каратыгина „Булочная“. Онъ прошелъ съ успѣхомъ и укрѣпилъ въ немъ вѣру въ его призваніе. Со всѣмъ пыломъ юности молодой актеръ отдался служенію театру, появляясь на сценѣ чуть не ежедневно во всевозможныхъ роляхъ такъ-называемыхъ на театральномъ языкѣ „простаковъ“. Изъ Рязани Охотинъ переѣзжаетъ въ Тверь. Возрастающій успѣхъ Охотина на провинціальныхъ сценахъ даетъ ему смѣлость дебютировать, весной 1869 г., на сценѣ Малаготеатра, въ водевилѣ графа Соллогуба „Бѣда отъ нѣжнаго сердца“, въ роли Александра. Не смотря на незначительность роли, дебютантъ исполненіемъ ея обнаружилъ несомнѣнное дарованіе и съ 3-го іюля 1869 г. онъ былъ зачисленъ въ труппу Малаго театра на 600 р. и разовыхъ 5 руб. за выходъ. Исполняя въ началѣ лишь небольшія, большей частью водевильныя роли, Охотинъ постепенно завоевывалъ себѣ хорошее положеніе въ труппѣ и немного спустя съ выдающимся успѣхомъ исполняетъ такія, напр., роли, какъ Тихонъ Кабановъ въ „Грозѣ“ и въ „Грѣхъ да бѣда“ – Островскаго—Афоню и многія другія роли бытового репертуара. Особенный успѣхъ на долю Охотина выпадаетъ въ пьесѣ г. Виктора Крылова „Лакомый кусочекъ“, въ отвѣтственной роли степняка-помѣщика. Вскорѣ душевный недугъ сломилъ его силы, и Охотинъ долженъ былъ оставить сцену по болѣзни. Ему назначена была пенсія по сокращенному сроку въ размѣрѣ 400 р. въ годъ. Къ счастію, постигшій Охотина недугъ сталъ проходить и явилась надежда на полное выздоровленіе. По выздоровленіи въ Охотинѣ вновь пробуждается влеченіе къ любимому имъ дѣлу. Онъ отказывается отъ пенсіи и 15-го августа 1886 года вновь поступаетъ въ труппу Малаго театра, гдѣ около года служитъ безъ жалованья, а затѣмъ получаетъ годовое содержаніе въ размѣрѣ 2 т. р. Въ продолженіе этого времени, ему удается съ особымъ успѣхомъ исполнить роль полнаго кротости и безконечнаго добродушія отставнаго унтеръ-офицера въ комедіи г. Федотова „Въ деревнѣ“, и 10-го іюля 1887 г. дирекція заключила съ нимъ контрактъ; черезъ 2 года окладъ увеличивается до 2,500 р., а еще черезъ два года—до 3,000 р. Для артиста вновь загоралась заря свѣтлой будущности, но неожиданно возвратившійся душевный недугъ быстро свелъ его въ могилу. Изъ ролей конца втораго періода сценической дѣятельности Охотина особенно выдѣлилось исполненіе имъ такихъ ролей, какъ роль лакея въ комедіи графа Толстаго „Плоды просвѣщенія“, Загорѣцкаго въ комедіи „Горе отъ ума“, Жака въ „Скупомъ“ Мольера и др. Въ продолженіе всего періода сценической дѣятельности покойнаго артиста въ его исполненіи всегда выдѣлялись тѣ черты, которыя замѣчены были при первомъ его дебютѣ — правдивость, искренность и отсутствіе всякой утрировки съ разсчетомъ на дешевый эффектъ. В. А. Охотинъ былъ всегда безусловно честнымъ сценическимъ работникомъ. Въ слѣдующей книжкѣ нашего журнала мы помѣстимъ портретъ покойнаго.

—

Въ театрѣ **Шелапутина**, 25 сентября, въ первый разъ была дана опера „Каменный гость“—Даргомыжскаго. Опера шла съ слѣдующими солистами: Донна-Анна—г-жа Соловьева, Лаура—г-жа Смирнова, Донъ-Жуанъ — г. Михайловъ, Лепорелло—г. Волгинъ, Донъ-Карлосъ—г. Загоскинъ, Командоръ— г. Лебедевъ. Опера въ общемъ прекрасно поставлена и твердо срепетована; она имѣла несомнѣнный успѣхъ. 29 числа она была повторена, при чемъ роль Донъ-Карлоса исполнилъ г. Гончаровъ.

Самая интересная новость сезона осенью, въ театрѣ Шелапутина, это постановка поэтичной оперы „Майская ночь“—г. Римскаго-Корсакова. Первое представленіе ея состоялось 6 октября. Составъ исполнителей былъ слѣдующій: г. Антоновскій (голова.), Левко (г. Михайловъ), очарованная головы (г-жа Правдина), Ганна (г-жа Смирнова), винокуръ (г. Давѣринъ-Крапченко), Каленикъ (г. Гордѣевъ), русалки (г-жи Мельникова, Молодцова, Цвѣткова и Федоровская).

Оперное Товарищество г. Пряшишникова, въ театрѣ Шелапутина, начало свои спектакли 30 августа. За это время, до 30 сентября включительно, имъ дано было 24 спектакля. Были поставлены оперы: „Князь Игорь“—Бородина (4 раза), „Демонъ“, „Фаустъ“ и „Аида“ (по 3 раза), „Жизнь за Царя“, „Евгеній Онѣгинъ“, „Галька“, „Риголетто“ и „Каменный Гость“ (по два раза) и „Джіоконда“ (одинъ разъ). Всего 10 оперъ, изъ которыхъ пять приходятся на долю русскихъ композиторовъ.

—

Симфоническія собранія русскаго музыкальнаго

Общества начинаются 17 октября. Собраніями дирижировать будетъ, по примѣру прошлыхъ сезоновъ, В. И. Сафоновъ. Для одного собранія приглашенъ французскій дирижеръ Ламуре.

Въ первомъ собраніи исполнены будутъ: четвертая симфонія Бетховена и финалъ втораго дѣйствія („Feuerzauber“) изъ „Брунгильды“, Вагнера. Въ качествѣ солистки приметъ участіе извѣстная піанистка Софья Познанская.

Квартетныя собранія русскаго музыкальнаго Общества будутъ происходить по четвергамъ въ залѣ Синодальнаго училища. Въ первой серіи собраній будутъ исполнены нѣсколько, здѣсь еще неигранныхъ, пьесъ, между прочимъ: соната для фортепіано и скрипки—Падеревскаго и варіаціи Бетховена (op 121).

Составъ программы слѣдующій. I вечеръ: квартетъ—Моцарта (c-dur, 1785 г.), соната—Шопена для фортепіано и віолончели (піанистъ г. Шлецеръ), квартетъ—Бетховена (e-moll, op. 59). II вечеръ: квартетъ—Мендельсона (es-dur, op. 12), соната для фортепіано и скрипки—А. Рубинштейна (a-moll), съ участіемъ піанистки С. К. Познанской, квартетъ—Шуберта (d-moll). III вечеръ: квартетъ—Гайдна (Quinten-Quartett, d-moll), соната для скрипки и фортепіано—Падеревскаго (піанистъ г. Пахульскій), квартетъ—Шумана (a-dur). IV вечеръ: изъ произведеній Бетховена: струнное тріо (d-moll), варіаціи для фортепіано, скрипки и віолончели (op. 121), съ участіемъ піаниста г. Корещенко, квартетъ (b-dur, op. 130). Составъ исполнителей: г. Гржимали (1-я скрипка), г. Крейнъ (2-я скрипка), г. Соколовскій (альтъ) и г. фонъ-Глевъ (віолончель).

—

Концерты **Московскаго Филармоническаго Общества** подъ управленіемъ г. Шостаковскаго въ этомъ сезонѣ начнутся 24 октября. Изъ европейскихъ знаменитостей для этихъ концертовъ приглашены Марчелла Зембрихъ, драматическое сопрано г-жа Даркле, піанистка изъ Америки Adele aus der Ohe, нѣмецкій теноръ Эмиль Гётце, баритонъ вѣнской оперы Рейхианъ, скрипачъ Іоне Губай и др. Всѣхъ концертовъ 10, на которые открытъ абонементъ.

—

12-го сентября въ Маріинской больницѣ, въ Москвѣ скончался *Александръ Александровичъ Орловъ-Соколовскій*, одинъ изъ наиболѣе энергичныхъ и видныхъ музыкальныхъ дѣятелей въ нашей провинціи. Онъ былъ сыномъ ремесленника и родился въ Москвѣ 25-го августа 1855 г., шесть недѣль спустя послѣ смерти своего отца. Мать А. А. черезъ нѣсколько лѣтъ вышла замужъ вторично за артиста Московскихъ Императорскихъ театровъ Н. В. Соколовскаго, который, замѣтивъ въ пасынкѣ своемъ склонность и способность къ музыкѣ, задумалъ опредѣлить его въ консерваторію. Въ 1867 г. это состоялось, и А. А. поступилъ ученикомъ въ консерваторію, по спеціальному классу кларнета, сначала къ профессору Гуту, а послѣ его отъѣзда изъ Россіи къ проф. Циммерману, у котораго онъ и окончилъ курсъ въ 1875 г. А. А. былъ въ то время настолько выдающимся виртуозомъ на своемъ инструментѣ, что покойный Н. Г. Рубинштейнъ допустилъ его еще ученикомъ къ участію въ одномъ изъ квартетныхъ собраній Музыкальнаго Общества и самъ съ нимъ сыгралъ сонату Вебера для фортепіано и кларнета. Молодой виртуозъ отличался и въ классахъ теоріи музыки П. И. Чайковскаго своими успѣхами. Едва окончивши курсъ, молодой артистъ получилъ, по рекомендаціи П. Г. Рубинштейна, мѣсто капельмейстера при драматической труппѣ извѣстнаго антрепренера П. М. Медвѣдева, державшаго театръ въ Астрахани. Въ 1876 г. г. Медвѣдевъ принялъ антрепризу казанскаго городскаго театра, гдѣ онъ былъ обязанъ имѣть, кромѣ драматической, также и оперную труппу. А. А. сначала былъ помощникомъ опернаго капельмейстера, а въ 1877 г. занялъ его мѣсто; къ этому 1877 г. относятся и женитьба А. А ; для которой онъ пріѣзжалъ на короткое время въ Москву. Молодому, преданному своему дѣлу, капельмейстеру на первыхъ порахъ уже пришлось столкнуться съ той спѣшностью и небрежностью постановки, которыя обусловливаются требованіями большого репертуара на провинціальныхъ сценахъ. А. А. никогда не могъ примириться съ необходимостію ставить невыученныя, несрепетованныя вакъ слѣдуетъ, оперы и это вызывало многочисленныя недоразумѣнія между имъ и г. Медвѣденымъ, повлекшія наконецъ къ разрыву въ 1879 г., послѣ чего А. А. уѣхалъ въ Москву и здѣсь, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ получилъ мѣсто капельмейстера въ Маломъ театрѣ, на которомъ онъ оставался до 1881 г. Для оркестра Малаго театра имъ въ это время были написаны увертюра и антракты къ драмѣ „Каширская старина“, увертюра и антракты къ драмѣ „Жизнь порежить не поле перейти“ и только антракты къ „Бѣдности не порокъ“. Однако такая дѣятельность не могла удовлетворить артистическихъ стремленій А. А. и потому, вышедши въ отставку въ 1881 г., онъ сдѣлался капельмейстеромъ Московскаго Кружка любителей музыки, при которомъ имъ была открыта также школа. Безвозмездныя занятія въ Кружкѣ совершенно истощили матеріальныя средства энергичнаго артиста и онъ вынужденъ былъ черезъ два года вторично принять мѣсто у г. Медвѣдева и опять сдѣлаться дирижеромъ казанской оперы. Здѣсь онъ всей душой отдался своей дѣятельности и достигъ въ ней замѣчательныхъ результатовъ, оцѣненныхъ публикой, устраивавшей дирижеру шумныя овація и поднесшей ему цѣнные подарки въ его бенефисы. Требованія А. А. къ исполненію и подготовкѣ оперъ остались прежніе, а слѣдовательно остались и серьезные поводы къ несогласіямъ съ антрепризой, слѣдствіемъ чего былъ новый разрывъ. А. А. давно уже мечталъ о музыкально-педагогической дѣятельности, и выраженныя по отношенію къ нему симпатіи казанской публики дали ему мысль открыть въ Казани музыкальное училище. Энергичнаго предпринимателя не остановилъ недостатокъ средствъ—были проданы всѣ цѣнныя вещи, подарки—и на вырученныя деньги школа была открыта 1-го марта 1886 г. Новое дѣло встрѣтило большое сочувствіе въ казанскомъ обществѣ, и школа стала быстро развиваться; скоро первоначальное помѣщеніе стало тѣсно, но не хватало средствъ на наемъ болѣе обширнаго Въ это время одна изъ преподавательницъ школы, О. В. Ильина, оказала поддержку и съ ея помощію было нанято новое помѣщеніе и увеличенъ составъ преподавателей, такъ что въ школѣ преподавались теорія музыки, пѣніе, игра на скрипкѣ, віолончели и фортепьяно; число учащихся возросло до 100 человѣкъ. Въ 1887 г. учащихся было уже болѣе 200. Въ этомъ году А. А. сталъ давать квартетные симфоническіе вечера съ участіемъ оркестра казанской оперы и въ Казани было открыто отдѣленіе Русскаго Музыкальнаго Общества, директоромъ котораго и былъ назначенъ А. А. Увлекшись успѣхомъ, онъ задумалъ объединить въ своихъ рукахъ все музыкальное дѣло въ Казани, и

потому, въ концѣ срока антрепризы г. Медвѣдева въ 1888 г., явился однимъ изъ конкурренговъ на городской театръ, который и былъ ему сданъ почти единогласнымъ постановленіемъ. Будучи отличнымъ руководителемъ школы и дирижеромъ, въ хозяйственномъ дѣлѣ А. А. оказался совершенно неопытнымъ и несвѣдущимъ, такъ что взятая имъ на себя антреприза была для него началомъ гибели. Умѣя отказывать почти во всемъ себѣ самому и своей семьѣ, А. А. не умѣлъ быть экономнымъ въ артистическомъ дѣлѣ и первый же годъ антрепризы оставилъ на его плечахъ долгъ въ 50 тысячъ рублей. Такая тяжелая неудача и безвыходность матеріальнаго положенія страшно повліяли на здоровье А. А. и положили начало болѣзни, сведшей его въ могилу. Хотя энергія еще не покидала неутомимаго дѣятеля, но подтачиваемыя болѣзнію силы падали, болѣзнь мѣшала и правильности занятій въ школѣ, которая послѣдствіе этого стала также быстро приходить въ упадокъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ ухудшалось и матеріальное положеніе семьи А. А. доведенной до послѣдней степени нужды. Все это заставило покойнаго рѣшиться вновь взять мѣсто капельмейстера въ Маломъ театрѣ въ Москвѣ; съ этой цѣлію онъ и прибылъ сюда, но нашелъ въ родномъ городѣ лишь мѣсто вѣчнаго упокоенія. Простуда обострила болѣзнь и быстро сломила уже въ корнѣ подрѣзавъ жизненныя силы—вскрытіе показало, что почти всѣ внутреннія органы были страшно повреждены, смерть же послѣдовала отъ зараженія крови и паралича сердца. А. А. погребенъ на Лазаревскомъ кладбищѣ 15-го сентября. Кромѣ названныхъ сочиненій, имъ было написано еще много вещей для фортепьяно; въ послѣднее время онъ былъ занятъ сочиненіемъ оперы „Конекъ Горбунокъ“, изъ которой написано увертюра и два первые акта, третій же остался недокоченнымъ. Эта опера занимала его буквально почти до послѣднихъ минутъ жизни. Послѣ покойнаго осталась жена и пятеро дѣтей безъ всякихъ средствъ къ жизни. Миръ праху неутомимаго труженика, безкорыстнаго мечтателя и талантливаго, честнаго человѣка, да будетъ земля ему легка и да пошлетъ судьба или добрые люди утѣшеніе и помощь его безпріютной семьѣ.

Н. Кашкинъ.

—

15-го сентября, въ засѣданіи московской Думы городской голова сообщилъ о двухъ крупныхъ пожертвованіяхъ въ пользу города, сдѣланныхъ скончавшимся недавно д. ст. сов. Сергѣемъ Михайловичемъ Третьяковымъ и братомъ его комм. сов. Павломъ Михайловичемъ Третьяковымъ. С. М. Третьяковъ назначилъ городскаго голову Н. А. Алексѣева своимъ душеприкащикомъ. По приведеніи въ извѣстность его имущества, завѣщаніе покойнаго было представлено въ московскій окружный судъ и, 15-го октября, утверждено судомъ къ исполненію. Въ засѣданіи Думы прочитана была выписка изъ завѣщанія С. М. Третьякова, касающаяся пожертвованій его на благотворительныя дѣла и въ особенности въ пользу г. Москвы. Изъ выписки видно, что С. М. Третьяковъ поручаетъ своимъ душеприкащикамъ внести въ московскую городскую управу, 5%-ми одного изъ Восточныхъ займовъ билетами, 120,000 р. съ тѣмъ, чтобы % съ нихъ употреблялись на стипендіи имени Сергѣя Михайловича, въ томъ числѣ съ 10,000 р. на вспомоществованіе нуждающимся ученикамъ московской школы живописи, ваянія и зодчества. Далѣе въ завѣщаніи говорится: „Назначеніе стипендіатовъ въ каждое изъ поименованныхъ учебныхъ заведеній предоставляется московскому городскому головѣ на основаніи тѣхъ правилъ, какія въ поименованныхъ заведеніяхъ существуютъ или будутъ существовать. Такъ какъ братъ мой Павелъ Михайловичъ Третьяковъ выразилъ мнѣ свое намѣреніе пожертвовать городу Москвѣ свою художественную коллекцію и въ виду сего предоставить въ собственность московской городской Думы свою часть дома, общей намъ принадлежащаго, состоящаго Якиманской части, въ приходѣ св. Николая, что въ Толмачахъ, гдѣ помѣщается его художественная коллекція, то и я часть этого дома, мнѣ принадлежащую, предоставляю въ собственность московской городской Думѣ, но съ тѣмъ, чтобы Дума приняла тѣ условія, на которыхъ братъ мой будетъ предоставлять ей свое пожертвованіе; въ противномъ случаѣ, т. е. если Дума не согласится принять въ свое владѣніе художественную коллекцію и домъ на условіяхъ, какія моимъ братомъ будутъ предложены, моя часть толмачевскаго дома должна поступить въ собственность тому учрежденію, которому мой братъ пожертвуетъ свою часть дома и художественную коллекцію; изъ художественныхъ произведеній, т. е. живописи и скульптуры, находящихся въ моемъ домѣ на Пречистенскомъ бульварѣ, прошу брата моего Павла Михайловича Третьякова взять для присоединенія къ своей коллекціи, дабы въ ней были образцы произведеній и иностранныхъ художниковъ, все то, что онъ найдетъ нужнымъ, съ тѣмъ, чтобы взятыя имъ художественныя произведенія получили то же назначеніе, какое онъ дастъ своей коллекціи. Въ томъ случаѣ, если московская городская Дума согласится принять на условіяхъ моего брата вышеобъясненное пожертвованіе, прошу душеприкащиковъ моихъ внести въ московскую городскую управу, въ теченіе двухъ лѣтъ со дня моей смерти, 5%-ми Восточнаго займа билетами, еще 100 т. руб., проценты съ которыхъ должны быть употребляемы на пріобрѣтеніе живописныхъ или скульптурныхъ произведеній русскихъ художниковъ для присоединенія этихъ произведеній къ принятой городомъ коллекціи. Какъ должны быть пріобрѣтаемы художественныя произведенія—и каждый или не каждый годъ, — предоставить усмотрѣнію Думы. Въ томъ случаѣ, если Дума отъ принятія въ свое владѣніе дома и коллекціи откажется, назначаемою мною суммою въ 100 т. р. предоставить распорядиться для означенной цѣли брату моему П. М. Третьякову по его усмотрѣнію, т. е., онъ долженъ будетъ передать эту сумму тому учрежденію, какому онъ найдетъ возможнымъ пожертвовать домъ и художественную коллекцію“.

На этомъ духовномъ завѣщаніи,—заявилъ городской голова,—составленномъ еще въ 1888 году, были сдѣланы поправки карандашемъ, причемъ ко всѣмъ почти цифрамъ пожертвованія прибавлены новыя суммы. Сынъ С. М. Третьякова, гласный Думы Н. С. Третьяковъ, подалъ заявленіе, въ которомъ выражалъ желаніе исполнить волю своего отца, выразившуюся и въ этихъ припискахъ. Затѣмъ прочитано было заявленіе П. С. Третьякова на имя городскаго головы слѣдующаго содержанія:

„Отецъ мой Сергѣй Михайловичъ Третьяковъ въ своемъ духовномъ завѣщаніи собственноручно карандашемъ сдѣлалъ нѣкоторыя измѣненія суммъ, завѣщанныхъ имъ съ благотворительною цѣлью, въ смыслѣ увеличенія оныхъ, а именно: 1) вмѣсто 15 т. р. совѣту Арнольдовскаго для глухонѣмыхъ училища—20 т. р.; 2) вмѣсто 120 т. р. въ городскую управу—150 т. р., при чемъ эта сумма распредѣляется такъ: а) вмѣсто 25 тыс. руб. въ мѣщанскія училища—40 тыс. руб.; б) вмѣсто 15 т. р. въ Александровское коммерческое

училище 20 т. р.; в) вмѣсто 50 т. р. въ консерваторію 60 т. р. и г) остальные изъ этой суммы безъ измѣненія и 3) вмѣсто 100 т. р. на пріобрѣтеніе новыхъ художественныхъ произведеній—125 т. р. Кромѣ того добавлены новыя назначенія: 1) комитету Общества любителей художествъ 10 тыс. р. для вспомогательнаго фонда Общества и 2) двумъ церквамъ, въ одну—гдѣ будетъ погребенъ и въ другую приходскую, 10 т. р. Эти приписки и измѣненія очевидно выражаютъ его послѣднюю волю. Считая для себя священною обязанностію исполнить вполнѣ точно волю покойнаго дорогаго отца своего, я покорнѣйше прошу васъ, какъ душеприкащика по завѣщанію его, при исполненіи онаго принять во вниманіе эти карандашемъ написанныя цифры и всѣ выдачи произвести согласно этимъ измѣненіямъ и дополненіямъ."

Продолжая свое заявленіе, городской голова указалъ, насколько тѣсная связь въ собраніи художественныхъ коллекцій существовала между обоими братьями С. М. и П. М. Третьяковыми. Зданіе для картинной галереи, которое до сихъ поръ все расширяется, строилось на общія ихъ средства; при жизни С. М. изъ своей коллекціи много экземпляровъ отдалъ П. М. Точно также знаменитая коллекція картинъ Верещагина пріобрѣтена на общія средства обоихъ братьевъ. Всѣхъ картинъ, статуй и другихъ художественныхъ произведеній, по суммѣ ихъ пріобрѣтенія, иногда чисто случайнаго, исчисляется въ коллекціи С. М. Третьякова на сумму 541,435 р. П. М. Третьяковъ рѣшилъ при жизни разстаться съ своей художественной коллекціей. П. М. отказался опредѣлить стоимость своей картинной галереи, но нужно полагать, что цѣнность его пожертвованія въ пользу города достигаетъ 2 милл. р. Далѣе прочитано было заявленіе П. М. Третьякова слѣдующаго содержанія:

„Покойный братъ мой Сергѣй Михайловичъ въ оставленномъ имъ духовномъ завѣщаніи сдѣлалъ извѣстнымъ высказанное мною ему намѣреніе пожертвовать гор. Москвѣ мою художественную коллекцію и съ своей стороны пожертвовалъ въ собственность города какъ принадлежащую ему половину дома, гдѣ помѣщается моя коллекція, въ Москвѣ, въ Лаврушинскомъ переулкѣ, въ приходѣ св. чуд. Николая, въ Толмачахъ, такъ и всѣ предметы изъ его личной коллекціи, которые я выберу для присоединенія къ моей,—причемъ передача сего имущества и особаго фонда на пріобрѣтеніе въ будущемъ произведеній живописи и скульптуры обусловлена имъ принятіемъ городскою Думой всѣхъ тѣхъ условій, которыя я найду необходимымъ предложить московской городской Думѣ. Озаботчиваясь съ одной стороны скорѣйшимъ выполненіемъ воли моего любезнѣйшаго брата, а съ другой, желая способствовать устройству въ дорогомъ для меня городѣ полезныхъ учрежденій, содѣйствовать процвѣтанію искусства въ Россіи и вмѣстѣ съ тѣмъ сохранить на вѣчное время собираную мною коллекцію, нынѣ же приношу въ даръ московской городской Думѣ всю мою картинную галерею со всѣми художественными произведеніями, подробная опись которыхъ съ расцѣнкой отдѣльныхъ предметовъ имѣетъ быть составлена при передачѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ я передаю въ собственность города принадлежащую мнѣ половину дома на слѣдующихъ условіяхъ: 1) пожизненно я и мой жена Вѣра Николаевна сохраняемъ право пользоваться тѣмъ самымъ помѣщеніемъ въ жертвуемомъ домѣ, которое мы до сихъ поръ занимаемъ, причемъ ремонтъ дома, содержаніе онаго и уплату повинностей принимаемъ на себя; 2) я предоставляю себѣ право перестроивать имѣющееся помѣщеніе и вновь пристроивать, съ тѣмъ, разумѣется, чтобы эти перемѣны не уменьшали стоимости имѣнія; 3) галерея помѣщается въ жертвуемомъ домѣ и должна быть открыта на вѣчное время, для безплатнаго обозрѣнія ея всѣми желающими, не менѣе четырехъ дней въ недѣлю въ теченіе всего года, за исключеніемъ только того времени, когда необходимо нужно будетъ производить ремонтныя работы; 4) въ праздничные и табельные дни галерея должна быть открыта, за исключеніемъ перваго дня св. Пасхи, Рождества и Новаго года; 5) первымъ попечителемъ пожизненно остаюсь я, а послѣ смерти моей пожизненно же племянникъ мой Николай Сергѣевичъ Третьяковъ, послѣ же его смерти попечители избираетъ городская Дума; 6) мнѣ пожизненно предоставляется право замѣнить одну картину другою, если въ видахъ улучшенія коллекціи я найду это необходимымъ, съ условіемъ лишь, чтобы общая стоимость коллекціи отъ сего не уменьшилась; но это право никакъ не можетъ принадлежать будущимъ попечителямъ; 7) въ домѣ никакихъ помѣщеній не отдавать внаймы; въ немъ могутъ жить только смотритель и необходимое для охраны число служителей, но и эти помѣщенія желательно бы устроить не въ связи съ коллекціей; 8) крѣпостной актъ на принадлежащую мнѣ часть дома обязуюсь совершить послѣ согласія Думы принять даръ на вышеозначенныхъ условіяхъ".

Выслушавъ эти заявленія, Дума, по предложенію городскаго головы, постановила принять пожертвованія на предложенныхъ условіяхъ и выразить глубокую благодарность П. М. и Н. С. Третьяковымъ, причемъ всѣ гласные поднялись съ своихъ мѣстъ и благодарили присутствовавшаго въ засѣданіи Н. С. Третьякова. Вмѣстѣ съ тѣмъ постановлено придать пожертвованной коллекціи картинъ и статуй названіе: „Городская художественная галерея Павла и Сергѣя Михайловичей Третьяковыхъ". По предложенію гласнаго Н. А. Найденова, поручено коммиссіи о пользахъ и нуждахъ общественныхъ обсудить вопросъ объ увѣковѣченіи памяти С. М. Третьякова какимъ-либо добрымъ дѣломъ.

—

Въ помѣщеніи состоящаго подъ Высочайшимъ покровительствомъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы **Общества любителей художествъ**, что на Малой Дмитровкѣ, въ домѣ гр. Васильева-Шиловскаго, продолжается постоянная выставка картинъ, которая пополнена еще одной старинной картиной большихъ размѣровъ. Картина эта работы Іорданса, „Вакханалія", доставлена на выставку изъ Петербурга свѣтлѣйшей княгиней Е. П. Витгенштейнъ. Картина предназначена для продажи и оцѣнена, по слухамъ, въ 7,000 рублей. По закрытіи этой выставки комитетъ Общества предполагаетъ настоящею зимою, въ помѣщеніи Общества, устроить слѣдующія выставки картинъ: съ 1-го ноября по 1-е декабря—выставку этюдовъ, исполненныхъ съ натуры маслянными красками, акварелью, карандашемъ, перомъ и другими способами, въ декабрѣ—конкурсъ на соисканіе премій и съ 25-го декабря по 1-е февраля—обычную періодическую выставку картинъ какъ новыхъ, такъ и не бывшихъ на выставкѣ въ Москвѣ. Выставляемыя въ Обществѣ картины могутъ быть назначаемы въ продажу со взысканіемъ 5% въ пользу имѣющагося при Обществѣ любителей художествъ фонда для выдачи пособій нуждающимся художникамъ.

21-го сентября, въ помѣщеніи **Общества Любителей Художествъ**, въ домѣ графа Шиловскаго, на Малой Дмитровкѣ, открылась выставка картинъ извѣстнаго художника *И. К. Айвазовска-*

го. На выставкѣ находятся четыре картины, принадлежащія къ 1856 году, подъ названіемъ: 1) „Жатва“, 2) „На пастбищѣ“, 3) „Въ ожиданіи парома“ и 4) „У корчмы“ Картины продаются всѣ вмѣстѣ за 6,000 рублей.

Художникъ Айвазовскій,—какъ телеграфируютъ изъ Симферополя въ „Моск. Вѣд.“,—выѣхалъ въ Одессу, откуда отправится на всемірную выставку въ Чикаго.

—

Въ декабрѣ 1893 года **Московская школа живописи, ваянія и зодчества** художественнаго Общества будетъ праздновать 50-лѣтній юбилей своей дѣятельности. Юбилей предполагаютъ ознаменовать выставкой картинъ бывшихъ учениковъ школы. Совѣтъ общества думаетъ ассигновать 70 т. рублей какъ на ремонтированіе всего зданія училища, такъ и на выдачу премій за лучшія произведенія учениковъ.

Къ этому времени предполагается составить историческій очеркъ Общества и училища съ приложеніемъ біографическихъ свѣдѣній о лицахъ, имѣвшихъ къ этимъ учрежденіямъ отношеніе.

Совѣтъ художественнаго Общества возбудилъ ходатайство предъ министерствомъ Императорскаго двора, въ вѣдѣніи котораго школа состоитъ, о присвоеніи вольнымъ слушательницамъ школы тѣхъ же правъ, какими пользуются ученики школы, награжденные серебряными медалями.

Въ школѣ живописи, ваянія и зодчества Московскаго художественнаго Общества окончились пріемные экзамены по искусству. Въ предстоящемъ учебномъ году занятія по искусству въ училищѣ будутъ происходить по вновь выработанной программѣ, значительно обширнѣе прежней, по образцу заграничныхъ школъ. Вмѣсто оригинальнаго копировальнаго класса, ученики будутъ проходить слѣдующіе предметы: элементарное изученіе фигуръ о двухъ и трехъ измѣреніяхъ, развитіе предыдущихъ упражненій при рисованіи болѣе сложныхъ моделей и ознакомленіе съ пропорціями и анатомическимъ строеніемъ головы человѣка. Должность секретаря совѣта, вмѣсто г. Жемчужникова, въ училищѣ занялъ князь Львовъ. На мѣсто покойнаго профессора живописи Е. С. Сорокина приглашенъ въ число преподавателей училища извѣстный художникъ В. Д. Поленовъ; кромѣ того, приглашены: академикъ Горскій и классный художникъ живописи С. И. Васильевъ.

Художественно-промышленный музей, что на Мясницкой, переводится въ новое зданіе Строгановскаго училища технического рисованія. Онъ будетъ раздѣляться на 2 отдѣла: орнаментики и гончарнаго производства, которые, въ свою очередь, будутъ распадаться на подъ-отдѣлы. Строгановское училище въ настоящемъ учебномъ году прибавляетъ 6-й классъ. Воскресные классы технического рисованія будутъ по прежнему продолжать свою дѣятельность. Въ настоящее время въ училище уже подано до 239 прошеній.

Въ выпѣшнемъ учебномъ году въ Строгановскомъ училищѣ технического рисованія, въ первомъ и во второмъ классахъ, вводится изученіе орнаментики, въ деталяхъ; также будетъ преподаваться составъ стилей по иностранному методу. Въ настоящее время въ училищѣ получены изъ заграницы большой транспортъ орнаментовъ, который уже разбирается по отдѣламъ. Въ училищѣ въ выпѣшнемъ году будутъ открыты для учениковъ классы лѣпки изъ глины и воска.

В. Е. Маковскій отправляетъ на всемірную выставку въ Чикаго свою картину „Толкучій рынокъ въ Москвѣ“.

Въ Москвѣ вышелъ въ свѣтъ изданный княгиней Е. С. Урусовой съ благотворительной цѣлью „Альбомъ портретовъ и автографовъ выдающихся дѣятелей науки, искусства, литературы и политики всего свѣта“. Альбомъ этотъ художественно исполненъ фототипическимъ способомъ Товариществомъ И. Н. Кушнерова и К°. Въ альбомѣ 20 листовъ большаго формата, изъ которыхъ каждый представляетъ группу живописно расположенныхъ портретовъ и факсимиле представителей той или другой отрасли науки искусства, литературы, государственной и общественной дѣятельности. Альбомъ поступилъ въ продажу по 15 руб. за экземпляръ. Портретовъ въ немъ болѣе 300. Выручка предназначается въ пользу Елисаветинскаго Общества и въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая. Въ настоящее время печатается 2-е изданіе альбома.

—

4-го сентября по случаю 75-лѣтія перваго выхода на сцену извѣстнаго драматическаго артиста, *Павла Степановича Мочалова*, въ церкви Ваганьковскаго кладбища, мѣстнымъ духовенствомъ, при пѣніи хора пѣвчихъ, совершена была заупокойная литургія, въ присутствіи артистовъ и артистокъ Малаго театра, артистовъ Большаго театра, труппы театра г. Корша, членовъ Общества драматическихъ писателей, представителей печати и массы публики, переполнившей храмъ. Послѣ литургіи на могилѣ П. С. Мочалова и его отца совершена была панихида. На могилу возложены вѣнки: отъ артистовъ Императорскаго Малаго театра, отъ Императорской русской оперы, отъ артистовъ и директора драматическаго русскаго театра г. Корша, отъ артистовъ театра „Скоморохъ“, отъ редакціи журнала *Артистъ*, отъ „скромныхъ артистовъ М. В. и А. В. Лентовскихъ“ и др. Могилы П. С. и его отца, С. Ѳ., тоже артиста и любимца москвичей, пынѣшнимъ лѣтомъ приведены Обществомъ для пособія нуждающимся сценическимъ дѣятелямъ въ благообразный видъ. На средства Общества могила Мочалова, находящаяся въ 3-мъ разрядѣ Ваганьковскаго кладбища, направо отъ церкви, близъ главной дорожки, была реставрирована и представляется теперь въ слѣдующемъ видѣ: два мраморныхъ памятника Мочалова, одинъ, поставленный его дочерью К. П. Мочаловою, а другой—почитателями его таланта, памятники его отца и брата ограждены желѣзною рѣшеткою, поповлены, буквы надписей вызолочены. На памятникахъ водружены бронзированные кресты. На памятникѣ П. С. Мочалова „отъ почитателей его таланта“ сдѣлана слѣдующая надпись.

„Ты слылъ безумцемъ въ мірѣ этомъ
И бѣднякомъ ты опочилъ,
И лишь предъ избраннымъ поэтомъ
Земное счастье находилъ.
Такъ сни, безумный другъ Шекспира,
Оправданъ вѣчности Отцомъ:
Вѣщалъ Онъ, что премудрость міра
Безуміе предъ его судомъ“.

Въ числѣ публики находился нѣкто А. Г. К., хорошо помнящій покойнаго артиста, бывшій его горячимъ поклонникомъ. У него сохранился экземпляръ афиши Императорскихъ театровъ отъ 28 января 1847 г., и этотъ экземпляръ онъ захватилъ съ собой на кладбище, какъ воспоминаніе о пережитыхъ впечатлѣніяхъ и игрѣ того, чью память чествуютъ. У А. Г. К. нашелся также съ собою номеръ московской газеты, вышедшій въ день похоронъ П. С. Мочалова. Въ этомъ номерѣ помѣщено интересное стихотвореніе Л. Т. Лейскаго, посвященное семейству покойнаго артиста. Приводимъ это стихотвореніе цѣликомъ:

„Сейчасъ лишь я узналъ о горестной потерѣ.
Не плачьте. Жизнь ему другая настаетъ,
И будьте въ полной вѣрѣ:
Онъ для потомства не умретъ.
Невидною рукою Мельпомены
Ему уже сплетенъ безсмертія вѣнецъ...
Онъ вѣчно будетъ жить, какъ солнце русской сцены,
Какъ мощный двигатель сердецъ!..
Не плачьте, говорю, вы будете не правы,
Всѣ вашей участи завидовать должны:
На васъ отражены
Лучи его блестящей славы!.
Какой прекрасный, чудный міръ
Теперь душа его встрѣчаетъ!..
Онъ въ небесахъ—и самъ Шекспиръ
Пришельца новаго, какъ сына, обнимаетъ!..
Какъ доблестно свершилъ онъ путь земной!
А я, измученный, больной,
Предъ памятью его во прахѣ прекловяюсь
И тщетно жаждущей душой
Послѣднее прости сказать ему пытаюсь".

И С. Мочаловъ съ 17 лѣтъ посвятилъ себя театру. 4-го сентября 1817 г. Мочаловъ впервые выступилъ на сцену въ московскомъ театрѣ, на Знаменкѣ, въ трагедіи Озерова „Эдипъ въ Аѳинахъ", въ роли Полиника. Онъ умеръ 48 лѣтъ, 16-го марта 1848 года.

—

Серія бенефисовъ **въ театрѣ г. Корша** открылась 22-го сентября, наградньмъ бенефисомъ г-жи Красовской (за 10-ти-лѣтнюю службу), которая поставила: „Завтракъ у предводителя" Тургенева, и „Съ лѣной руки" Тарновскаго. Слѣдующій бенефисъ, 2-го октября, И. П. Киселевскаго, который поставилъ пьесу Ибсена—„Докторъ Штокманъ". Затѣмъ слѣдуютъ въ октябрѣ: 9-го—бенефисъ г-жи Журавленой, 16-го—г-жи Романовской, 23-го—г. Свѣтлова, 30 го—г-жи Кошевой; въ ноябрѣ: 6-го—бенефисъ г. Шмидгофъ, 13-го—г-жи Мондштейнъ, 19-го—г. Трубецкаго, 27-го—Вязонскаго; въ декабрѣ: 4-го бенефисъ г. Сашина, 11-го—г-жи Кудриной, 18-го—г. Валентинова (наградный за 10 лѣтъ); въ январѣ: 8-го—бенефисъ г. Людвигова, 15-го—г. Илькова и 22-го—г-жи Мартыновой.

—

Составъ русской опереточной труппы **въ театрѣ г. Парадизъ** слѣдующій: г-жи Волынская, Добротина, Рансова, Репяръ, Троцкая, Чекалова; гг. Арбенинъ, Бобровъ, Добротинъ, Долинъ, Дмитріевъ, Лодій, Полтавцевъ, Тамаринъ, (Блюменталь) и Шиллингъ. Капельмейстеромъ остается г. Вивьенъ, хормейстеромъ—г. Таршиновъ. Административная часть попрежнему остается въ рукахъ Н Н. Киселевича. Для открытія сезона поставлены были: „Прекрасная Галатея" (съ участіемъ г-жи Глинской-Фалькманъ) и „Птички пѣвчія". Въ послѣдней опереткѣ впервые выступила г-жа Троцкая въ роли Периколлы, г. Лодій въ роли Пикилло и г. Блюменталь—Тамаринъ. Въ опереткѣ „Боккаччіо", въ роли „Фіаметты" дебютировала г-жа Репяръ. Въ опереткѣ „Корневильскіе колокола", дебютировалъ г. Бобровъ. Въ театрѣ „Парадизъ" поставлена новая оперетка „Счастливчикъ" (Sonntagskind) Миллекера.

—

Общество искусства и литературы для перваго своего спектакля даетъ комедію Островскаго „Не было ни гроша, да вдругъ алтынъ", Въ зимній сезонъ Общество дастъ 10 представленій въ Охотничьемъ клубѣ и 10—въ театрѣ Нѣмецкаго клуба. Остальные же спектакли Общество будетъ давать въ театрѣ, бывшемъ Нѣмчинова, отдѣланномъ теперь заново.

На сценѣ Нѣмецкаго клуба въ зимнемъ сезонѣ будетъ играть Товарищество драматическихъ артистовъ, во главѣ котораго стоитъ провинціальный артистъ, бывшій ученикъ музыкально-драматическаго училища Филармоническаго Общества Г. Ф. Демюръ.

20-го сентября послѣдовало открытіе спектаклей въ помѣщеніи Нѣмецкаго клуба. Исполнены были двѣ старыя пьесы: комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ г. Хлопова „На ловѣ природы" и оперетка-водевиль „Женское любопытство". Пьеса г. Хлопова, старательно срепетованная, прошла не безъ успѣха

Въ теченіе сезона предполагаются гастроли артистки г-жи Глѣбовой, которая выступитъ въ драмѣ кн. Сумбатова „Цѣпи", г-жи Велизарій, которая выступитъ въ старинной піесѣ „Жозефъ—парижскій мальчикъ" и М. Т. Иванова-Козельскаго, который выступитъ въ извѣстной піесѣ „Семья преступника",—въ роли Коррадо.

Спектакли будутъ даваться Товариществомъ по восьми разъ въ мѣсяцъ. Сверхъ того, 2 раза въ мѣсяцъ Товарищество будетъ устроивать музыкально-литературные вечера.

—

26-го августа состоялся бенефисъ директора театра и сада Фантазія В. А. Николаева-Соколовскаго. Шла новинка „Святогоръ-Богатырь", феерія-былина въ 3-хъ дѣйствіяхъ и 11 картинахъ, соч. А. П. Андреевскаго. Постановка пьесы, какъ и всѣ предшествующія въ этомъ театрѣ—роскошна. Особенно выдѣлялась декорація въ 3-й картинѣ II-го дѣйствія—наводненіе и картина 4-я—фантастическій садъ и замокъ Звѣрилы-колдуна. Г-жа Карлотта Бріанца и г-жа Черри имѣли шумный успѣхъ.

Въ бенефисъ г-жи Бріанца въ театрѣ „Фантазія" 31-го августа поставлены были отрывки изъ балета „Брама" со вставными танцами. Бенефиціантка имѣла шумный успѣхъ. Лѣтній сезонъ въ театрѣ „Фантазіи" окончился 1-го сентября.

Г. Николаевъ Соколовскій взялъ за 110 дней до 140 тысячъ валового сбора. Садъ „Эрмитажъ" обыкновенно дѣлалъ отъ 140 до 160 тысячъ оборота.

С.-Петербургъ.

Въ русской драматической труппѣ состоялось распредѣленіе ролей ставящейся на Александринской сценѣ фантастической сказки соч. Островскаго—„Снѣгурочка". Говорятъ, что за отказомъ отъ роли „Снѣгурочки" г-жи Потоцкой, роль передана г-жѣ Ильинской; роль съ пѣніемъ „Леля" отдана г. Аполонскому, а роль „Весны" назначена, вновь принятой въ составъ казенной драматической труппы, г-жѣ Струсь.

На александринской сценѣ готовятся къ постановкѣ слѣдующія пьесы: „Жертва" И. В. Шпажинскаго, „Въ родномъ углу" г. Невѣжина, „Безъ предразсудковъ" В. А. Крылова, „Марія Шотландская" Бьернстерна-Бьернсена (переводъ г. Гнзена), „Въ сѣтяхъ Фемизы" Лопе де Вега, „Царь Іоаннъ IV" князя А. И. Сумбатова, „Бригадиръ" фонъ-Визина.

По слухамъ, дирекція Императорскихъ театровъ намѣрена возвратиться къ старой системѣ поспектакльнаго вознагражденія артистовъ.

Въ наступившемъ сезонѣ минетъ 25 лѣтъ артистической дѣятельности К. А. Варламова.

30-го августа исполнилось двадцать лѣтъ со дня появленія на сценѣ Императорскихъ театровъ А. И. Абариновой. Дирекція назначила артисткѣ бенефисъ. Дѣятельность А. И. Абариновой началась въ тѣ дни, когда на сценѣ Александринскаго театра водворилась оперетка. Об-

ладая прекрасными вокальными средствами, г-жа Абаринова дебютировала въ „Птичкахъ пѣвчихъ“, въ роли Периколы. Затѣмъ г-жа Абаринова перешла въ оперу, гдѣ выступила въ „Борисѣ Годуновѣ“ Мусоргскаго, „Жизни за Царя“ и пр. Изъ оперы г-жа Абаринова возвратилась въ Александринскій театръ, во на роли въ комедіи.

Въ Александринскомъ театрѣ выступила въ первый разъ артистка Московскаго Малаго театра г-жа Владимірова, въ роли Евгеніи въ комедіи Островскаго—„На бойкомъ мѣстѣ“.

Г. Шенъ, дебютировавшій только что на сценѣ Александринскаго театра въ „Кручинѣ“ и „Ревизорѣ“, принятъ въ составъ труппы на окладъ въ двѣ тысячи рублей. Контрактъ съ нимъ заключенъ на одинъ годъ.

12-го сентября, въ Театральномъ училищѣ состоялся пріемъ на драматическіе курсы при дирекціи Императорскихъ театровъ. Экзаменовалось 40 человѣкъ. Принято 8 человѣкъ.

—

Первое засѣданіе петербургскаго отдѣленія театрально-литературнаго комитета состоялось 12-го сентября.

—

16-го сентября исполнилось 25-ти лѣтіе артистической дѣятельности одного изъ выдающихся членовъ драматической труппы Императорскаго Александринскаго театра, *Модеста Ивановича Писарева*. Своимъ крупнымъ дарованіемъ, воспитавшимся на традиціяхъ лучшихъ представителей прежней блестящей русской сцены, своимъ серьезнымъ и добросовѣстнымъ отношеніемъ къ дѣлу, г. Писаревъ вполнѣ заслуженно пріобрѣлъ горячія симпатіи нашей публики, съумѣвшей должнымъ образомъ оцѣнить его прекрасную дѣятельность. Г. Писаревъ, по свѣдѣніямъ „Новостей“, родился въ 1844 г. въ Каширѣ (Тульской губ.) и дѣтство свое провелъ въ имѣніи отца, Тульской-же губерніи. 11-ти лѣтъ онъ поступилъ въ одну изъ московскихъ гимназій, а затѣмъ получилъ высшее научное образованіе въ московскомъ университетѣ, который и окончилъ по юридическому факультету. Еще будучи въ гимназіи, г. Писаревъ почувствовалъ сильное влеченіе къ театру, отчасти, благодаря вліянію извѣстнаго критика А. А. Григорьева. Въ то же время М. И. сблизился съ Островскимъ, Писемскимъ, Меемъ, которые, какъ нѣсколько позднѣе Некрасовъ и Тургеневъ, не мало способствовали развитію художественнаго вкуса у даровитаго юноши; не менѣе благотворно повліяло на М. И. знакомство съ М. С. Щепкинымъ и П. М. Садовскимъ. 16-го сентября 1867 г. М. И., рѣшившій окончательно избрать карьеру драматическаго артиста, выступилъ на сценѣ симбирскаго театра. На первыхъ же порахъ онъ имѣлъ большой успѣхъ, никогда не покидавшій его впослѣдствіи. Въ теченіе слѣдующихъ 5 лѣтъ М. И. игралъ въ провинціи, причемъ перебывалъ почти во всѣхъ большихъ городахъ. Въ 1872 г. онъ былъ приглашенъ въ Москву, на гастроли въ „Народный театръ“, во время политехнической выставки; по окончаніи гастролей, онъ былъ удостоенъ золотой медали отъ Общества естествознанія при московскомъ университетѣ, устроившаго означенную выставку. Въ 1876 г. М. И. поступилъ въ труппу московскаго Артистическаго Кружка и въ томъ же году впервые выступилъ въ Петербургѣ, на сценѣ столичнаго клуба художниковъ. Съ 1880 г. до 1885 г. М. И. игралъ въ Москвѣ—въ „Пушкинскомъ театрѣ“, въ „Русскомъ театрѣ“ г. Корша и въ „Драматическомъ театрѣ“ г. Лентовскаго. Въ 1885 году М. И. былъ приглашенъ дирекціей Императорскихъ театровъ на Александринскую сцену, причемъ съ нимъ былъ заключенъ контрактъ на 3 года. Въ виду громаднаго успѣха, дирекція, по истеченіи срока контракта, предложила М. И. перейти на дѣйствительную, постоянную службу съ опредѣленнымъ годовымъ содержаніемъ. Число ролей, сыгранныхъ М. И., весьма значительно и всѣмъ имъ онъ съумѣлъ придать отпечатокъ жизненности и правдивости. Слѣдуетъ также упомянуть о педагогической дѣятельности М. И., начавшейся въ 1883 г. въ московскомъ Филармоническомъ Обществѣ и продолжавшейся въ Петербургѣ, въ школѣ Литературно-драматическаго Общества. Въ настоящее время М. И. состоитъ преподавателемъ на драматическихъ курсахъ при Императорскомъ театральномъ училищѣ. Съ 1885 г. по 1889 г. М. И. состоялъ членомъ литературно-театральнаго комитета при дирекціи Императорскихъ театровъ.

16-го сентября, на сценѣ Александринскаго театра, послѣ репетиціи происходило товарищеское чествованіе М. И. Писарева. Почти всѣ артисты драматической труппы собрались на сцену. В. П. Далматовъ прочелъ прочувствованный адресъ, а Е. Н. Жулева передала серебряный вѣнокъ отъ товарищей. М. И. Писаревъ отвѣчалъ въ нѣсколькихъ словахъ, благодаря товарищей за память и привѣтъ; онъ сказалъ, что этотъ день ему дорогъ и что онъ никогда его не забудетъ. Помимо артистовъ, во главѣ съ режиссеромъ П. М. Медвѣдевымъ, на сценѣ находились драматурги гг. Шпажинскій и Невѣжинъ.

Въ нынѣшнемъ сезонѣ исполнятся двадцатипятилѣтніе юбилеи многимъ извѣстнымъ, не сходящимъ до сихъ поръ съ репертуара, пьесамъ. Четверть вѣка тому назадъ, на сценѣ Александринскаго театра впервые были представлены: комедія А. А. Потѣхина „Виноватая“, драма А. Н. Островскаго и С. А. Гедеонова „Василиса Мелентьева“, историческія сцены А. Н. Островскаго „Тушино“, драма Н. С. Лѣскова-Стебницкаго „Расточитель“ и, наконецъ, водевиль „Званый вечеръ съ итальянцами“.

9-го октября внезапно, во время спектакля въ Михайловскомъ театрѣ, скончался отъ разрыва сердца артистъ драматической труппы и нашъ уважаемый, талантливый сотрудникъ *Павелъ Матвѣевичъ Свободинъ*. Въ слѣдующей книжкѣ нашего журнала мы помѣстимъ некрологъ покойнаго и его портретъ.

—

Въ афишахъ напечатанъ слѣдующій составъ французской труппы Михайловскаго театра на сезонъ 1892—93 гг.: г-жи Жоссе, Лэне-Люге, Томасенъ, Роза-Брюль, Баллета, Дарвиль, Дега, Дюбуа, Лаборн, Даста, Дуо, Фолевиль, Боде, Дево, Мольсонъ-Дево, Луазель; гг. Андріе, Дюмени, Жюмаръ, Манэнъ, Мюррэ, Дслормъ, Лортэръ, Брусетъ, Деманнъ, Люге, Мишель, Стринтцъ, Ланжлэ (сынъ), Лагранжъ, Робертъ.

Ангажементъ во французскую труппу г-жи Мальо не состоялся. На Михайловскую сцену приглашены слѣдующіе новые артисты: г-жа Роза-Брюль, Поль Дега (на роли mères nobles), Жоссе (драматическая актриса) и Лаборн (субретка); гг. Манэнъ (jeune premier) и Наполеонъ Мюррэ (на амплуа pères nobles).

Открытіе французскихъ спектаклей въ Михайловскомъ театрѣ состоялось 15-го сентября, при далеко неполной залѣ, не смотря на абонементный день. Давали трехъ-актный фарсъ Дешкурни Гевнекена „Les dominos roses“, хотя и забавный, но слишкомъ памятный публикѣ, такъ какъ онъ былъ возобновленъ еще въ концѣ прошлаго сезона. Исполнители были тоже прежніе. Пьеса была разыграна дружно и весело.

Г-жа Роза-Брюль, артистка парижскаго театра „Gymnase“, будетъ дебютировать въ Михайловскомъ театрѣ въ ком. „Fransillon“.

По словамъ „Театральнаго Мірка“, въ будущемъ году вновь возникаетъ казенный нѣмецкій театръ. Главнымъ режиссеромъ называютъ г. Бока.

По словамъ парижскихъ газетъ, ангажированная на Михайловскую сцену артистка г-жа Гадиниъ не пріѣдетъ въ Петербургъ; она нарушила контрактъ, уплатила неустойку и отправляется въ Америку.

Мы слышали, что рѣшено съ зимняго сезона 1893 года прекратить русскіе драматическіе спектакли въ Михайловскомъ театрѣ.

Гастроли примадонны Московской оперы г-жи Фостремъ предполагаются въ Маріинскомъ театрѣ съ декабря мѣсяца. Артистка выступитъ, по слухамъ, въ операхъ „Черное Домино“, „Эскармонда“ и „Травіата“.

Г-жа Мравина подписала условіе на три года не по тридцати пяти спектаклей за сезонъ, какъ того желала, а на тридцать спектаклей въ теченіе зимняго сезона, т.-е. съ перваго сентября до поста. Артисткѣ назначена плата 300 руб. разовыхъ, что въ итогѣ составляетъ тѣ-же девять тысячъ содержанія, какое получала она и раньше. Такимъ образомъ г-жа Мравина прибавки къ жалованью не добилась, а будетъ пользоваться лишь отпускомъ уже съ поста, а не съ 1-го мая, какъ прежде.

Говорятъ, что поднятъ вопросъ объ управленіи заграничныхъ стипендій, существующихъ при нашей дирекціи. Вмѣсто посылки за-границу, лица, обратившія на себя вниманіе дирекціи, будутъ получать субсидію на занятіе у здѣшнихъ профессоровъ и подвергаться періодическимъ испытаніямъ при русской оперѣ для провѣрки ихъ успѣховъ.

Главными новинками на Маріинской сценѣ въ предстоящемъ сезонѣ слѣдуетъ считать „Младу“ г. Римскаго-Корсакова, которая наконецъ увидитъ свѣтъ, и „Іоланту“, одноактную оперу г. Чайковскаго, написанную на сюжетъ изъ рыцарскихъ временъ.

Какъ о возобновляемыхъ операхъ, говорятъ о „Тангейзерѣ“, въ которомъ между прочимъ выступитъ г. Медвѣдевъ, о „Риголетто“ съ гг. Яковлевымъ и Черновымъ въ заглавной партіи, о „Маноновѣ“ и пр.

Изъ новыхъ исполнителей называютъ баритона г. Бернштейна, приглашеннаго изъ Милана; пѣвецъ, вѣроятно, выступитъ въ „Фаустѣ“.

Въ женскомъ персоналѣ измѣненій нѣтъ; впрочемъ, говорятъ о переводѣ г-жи Скомпской, примадонны Московскаго Большаго театра.

Состоящій уже долгое время при русской оперѣ аккомпаніаторомъ и репетиторомъ солистовъ г. Крушевскій, дирижировавшій прошлой зимой по болѣзни г. Направника „Эскармондой“—Массене, сдѣлавъ съ этой осени третьимъ капельмейстеромъ русской оперы.

Для „Риголетто“—Верди, возобновляемаго скоро въ Маріинскомъ театрѣ, по слухамъ, назначенъ, весь двойной составъ исполнителей. Такъ Джильду будутъ пѣть г-жи Мравина и Михайлова; герцога—гг. Фигнеръ и Михайловъ, Риголетто—гг. Яковлевъ и Черновъ.

Мы слышали, что дирекція Императорскихъ театровъ возобновила на 3 года контрактъ съ тенорохъ г. Михайловымъ. Говорятъ, что размѣръ годового содержанія опредѣленъ дирекціею въ 15.000 руб.

24 сентября исполнилось двадцать пять лѣтъ со дня вступленія артиста Императорской русской оперы *Ивана Александровича Мельникова* на сцену Маріинскаго театра. Почтенный артистъ родился въ 1832 году (21-го февраля) въ Петербургѣ, воспитывался въ коммерческомъ училищѣ гдѣ весьма успѣшно окончилъ курсъ въ 1850 году. По выходѣ изъ училища, онъ, по желанію родителей, занялся коммерческимъ дѣломъ, но любовь къ музыкѣ и пѣнію взяла свое. Мельниковъ сталъ посѣщать безплатную музыкальную школу Ломакина, участвовалъ съ большимъ успѣхомъ въ одномъ концертѣ въ 1860 году и, благодаря покровительству принца П. Г. Ольденбургскаго, пѣлъ при Высочайшемъ Дворѣ. Въ 1866 году онъ началъ брать уроки пѣнія у Рокетто, профессора с.-петербургской консерваторіи, а 24-го сентября 1867 года состоялся его первый дебютъ на сценѣ Маріинскаго театра, гдѣ онъ выступилъ въ оперѣ Беллини „Пуритане“ и имѣлъ громадный успѣхъ. Черезъ два года имя И. А. стало настолько извѣстнымъ, что онъ былъ приглашенъ къ участію въ концертахъ въ лондонскій Хрустальный дворецъ. За четверть—вѣковое служеніе искусству И. А. создалъ массу ролей: Русланъ, Демонъ, Мельникъ, Валентинъ, Борисъ Годуновъ, Кочубей, Игорь, Онѣгинъ,—все это яркіе типы, художественно изображаемые Мельниковымъ. Въ репертуарѣ его входитъ болѣе 40 оперъ; кромѣ упомянутыхъ уже, И. А. пѣлъ еще въ операхъ: „Аида“, „Тангейзеръ“, „Севильскій цирюльникъ“, „Псковитянка“, „Ріенци“, „Орлеанская Дѣва“, „Майская ночь“, „Кузнецъ Вакула“, „Лоэнгринъ“, „Гарольдъ“, „Мазепа“ „Анжело“, „Сарданапалъ“, „Рогнѣда“, „Вивдзорскія Кумушки“, „Опричникъ“, „Гугеноты“, „Нижегородцы“, „Донъ-Жуанъ“, „Галька“, „Каменный Гость“, „Фаустъ“, „Трубадуръ“, „Травіата“, „Ратклифъ“, „Манонъ“, „Фенелла“ и въ другихъ.

Балетный сезонъ въ Маріинскомъ театрѣ открылся 2-го сентября, „Очарованнымъ лѣсомъ“ и „Сильфидой“. „Очарованный лѣсъ“ танцовала г-жа Андерсонъ, въ первый разъ появляющаяся на большой сценѣ въ отвѣтственной роли.—Г-жа Андерсонъ имѣла крупный успѣхъ. „Сильфиду“ танцовала г-жа Никитина.

Для второго балетнаго спектакля, 6-го сентября, былъ данъ „Приказъ короля“. Г-жа Никитина танцовала Пепиту съ обычнымъ успѣхомъ.

Въ Маріинскомъ театрѣ возобновленъ старинный балетъ Перро „Налда и рыбакъ“ и 1-я картина 3-го дѣйствія балета „Дочь Фараона“—послѣдняя для дебюта г-жи Н. Петипа 2-й.

Въ концѣ сентября въ Маріинскомъ театрѣ начались репетиціи балета „Щелкунчикъ“. Рисунки костюмовъ для новаго балета одинъ другаго красивѣе и оригинальнѣе. Въ „Щелкунчикѣ“ будетъ танцовать Антоніетта Дель-Эра и всѣ лучшія танцовщицы: г-жа Іогансонъ, Петипа I, Кшесинская II, Андерсонъ, Куличевская, Преображенская, Петипа II и другія. „Щелкунчика“ ставитъ второй балетмейстеръ Л. И. Ивановъ, по указаніямъ балетмейстера М. И. Петипа, продолжающаяся болѣзнь котораго лишаетъ его возможности лично руководить репетиціями.

—

Правила взиманія сбора съ публичныхъ зрѣлищъ и увеселеній.

(По соглашенію съ министрами внутреннихъ дѣлъ и Императорскаго Двора и управляющимъ министерствомъ финансовъ, утверждены главноуправляющимъ Собственною Его Императорскаго Величества Канцеляріею по учрежденіямъ Императрицы Маріи 20-го августа 1892 года).

Положенія общія.

§ 1. Установленному Высочайше утвержденнымъ, 5-го мая 1892 года, мнѣніемъ Государственнаго Совѣта, въ пользу вѣдомства учрежденій

Императрицы Маріи, сбору подлежатъ всякаго рода публичныя зрѣлища и увеселенія, устраиваемыя за плату съ посѣтителей.

Примѣчаніе. Сборъ сей производится во всѣхъ мѣстностяхъ Имперіи, за исключеніемъ губерніи Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго.

§ 2. Къ публичнымъ зрѣлищамъ и увеселеніямъ относятся: представленія, концерты, балы и маскарады во всѣхъ театрахъ, какъ Императорскихъ, такъ и частныхъ, въ циркахъ, клубахъ, садахъ и вообще во всякаго рода общественныхъ мѣстахъ, выставки (за исключеніемъ сельско-хозяйственныхъ и устраиваемыхъ съ научными цѣлями) и базары съ музыкою, частные музеи, литературныя и музыкальныя утра и вечера, живыя картины, скачки, бѣга, гонки, звѣринцы, стрѣльбища, карусели, качели, и т. п.

§ 3. Указанный въ § 1 сихъ правилъ сборъ взимается съ билетовъ для входа въ увеселенія и зрѣлища и уплачивается въ дополненіе къ цѣнѣ билетовъ.

§ 4. Отъ сбора освобождаются билеты: а) лицъ, посѣщающихъ зрѣлища и увеселенія по обязанностямъ службы, б) лицъ, принадлежащихъ къ составу администраціи сихъ зрѣлищъ и увеселеній и в) такъ называемые сезонные на минеральныхъ водахъ, морскихъ купаньяхъ и др. курортахъ.

§ 5. Сборъ сей, за исключеніями, указанными въ §§ 8 и 9, уплачивается посѣтителями увеселеній и зрѣлищъ въ размѣрѣ 2 коп.—съ билетовъ цѣною менѣе 50 коп., 5 коп.—съ билетовъ цѣною отъ 50 коп. до 1 руб. и 10 коп.—съ билетовъ стоимостью въ 1 руб. и дороже. Съ билетовъ, дающихъ право входа нѣсколькимъ лицамъ (въ ложи) или на нѣсколько представленій (по абонементу), сборъ взимается въ указанныхъ выше размѣрахъ, по разсчету съ каждаго лица или мѣста и за каждое представленіе.

Примѣчаніе. Опредѣленіе числа мѣстъ въ ложахъ предоставляется подлежащей администраціи увеселеній и зрѣлищъ.

§ 6. Предприниматели зрѣлищъ и увеселеній, для входа въ которыя выдаются билеты на нумерованныя или нумерованныя мѣста различныхъ цѣнъ, обязаны имѣть тетради билетовъ, отдѣльно по каждому разряду мѣстъ, соотвѣтственно цѣнѣ ихъ. Тетради эти должны состоять изъ выдаваемыхъ посѣтителямъ билетовъ и изъ остающихся у предпринимателя корешковъ сихъ билетовъ, при чемъ на каждомъ билетѣ и корешкѣ должна быть обозначена цѣна билета и сумма сбора, причитающагося съ билета въ пользу вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи.

§ 7. Сборъ сей, за исключеніями, указанными въ §§ 8 и 10 сихъ правилъ, уплачивается посредствомъ наклейки на входныхъ билетахъ особыхъ марокъ вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи, причемъ на каждомъ билетѣ должно быть обозначено, что билетъ безъ марки недѣйствителенъ. Марки устанавливаются пяти разрядовъ: въ 2, 5, 10, 25 и 50 коп.

§ 8. Для увеселеній, даваемыхъ въ столицахъ на одинаковую для всѣхъ входную плату, мѣрочный сборъ съ билетовъ можетъ быть замѣненъ уплатою предпринимателями увеселеній и зрѣлищъ, по соглашенію сихъ лицъ съ Собственною Его Императорскаго Величества Канцеляріею по учрежденіямъ Императрицы Маріи, суммы, установленной на основаніи данныхъ о числѣ посѣтителей увеселенія.

§ 9. Содержателямъ каруселей, стрѣльбищъ, горъ, качелей и т. п. увеселеній, устраиваемыхъ внѣ столицъ, предоставляется, взамѣнъ указаннаго въ § 5 сбора, уплачивать единовременно въ губернскихъ городахъ—3 руб., въ уѣздныхъ городахъ—2 руб., во всѣхъ же прочихъ мѣстахъ 1 руб.

Примѣчаніе. Означенный въ семъ параграфѣ сборъ уплачивается марками вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи и взимается при каждой выдачѣ разрѣшеній на открытіе увеселенія, притомъ на срокъ даваемаго разрѣшенія, но не свыше года.

§ 10. Въ Императорскихъ театрахъ взиманіе сбора въ пользу вѣдомства производится дирекціею театровъ, причемъ на входныхъ билетахъ означается объ уплатѣ дополнительнаго сбора въ пользу вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи. Поступленіе сихъ суммъ въ кассу вѣдомства и провѣрка ихъ производится на основаніяхъ, установленныхъ по соглашенію Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи съ министерствомъ Императорскаго Двора.

II. Порядокъ употребленія и погашенія марокъ.

§ 11. Марки наклеиваются на билеты предпринимателями увеселеній до вручевія билета покупателю, причемъ марка должна быть наклеена такъ, чтобы одна часть ея находилась на билетѣ, а другая на его корешкѣ.

Примѣчаніе. Если съ билета въ ложу, по абонементу и т. п. причитается сбора болѣе 50 к., то на билетъ наклеивается нѣсколько марокъ, составляющихъ сумму сбора. Равнымъ образомъ, въ случаѣ недостатка марокъ опредѣленной цѣны, дозволяется наклеивать двѣ марки и болѣе разныхъ цѣнъ, въ сложности составляющихъ сумму причитающагося въ данномъ случаѣ сбора.

§ 12. Погашеніе марокъ производится при выдачѣ билета отдѣленіемъ его отъ корешка такимъ образомъ, чтобы одна часть марки оставалась на билетѣ, а другая на корешкѣ.

§ 13. При взиманіи сбора, указаннаго въ § 9 сихъ правилъ, марки наклеиваются на выдаваемыя полиціею разрѣшенія и погашаются лицами, выдающими сіи разрѣшенія или наложеніемъ на марки штемпеля, или пробивкою особымъ для сего приборомъ, или перекрещиваніемъ каждой марки такимъ образомъ, чтобы концы креста переходили на бумагу.

III. Надзоръ за исполненіемъ правилъ взиманія сбора.

§ 14. Наблюденіе за наклейкой марокъ, соотвѣтствующихъ цѣнѣ билета, и за погашеніемъ ихъ установленнымъ настоящими правилами порядкомъ, а равно возбужденіе судебнаго преслѣдованія противъ лицъ, виновныхъ въ нарушеніи сихъ правилъ, возлагается на чиновъ полиціи.

§ 15. Въ столицахъ разрѣшенія на открытіе зрѣлищъ и увеселеній, указанныхъ въ § 8 настоящихъ правилъ, выдаются не иначе, какъ по представленіи предпринимателями опыхъ удостовѣренія объ уплатѣ ими причитающагося съ нихъ сбора: въ С.-Петербургѣ—отъ Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи, а въ Москвѣ—отъ московской экспедиціи сей канцеляріи.

§ 16. Главноуправляющему Собственною Его Императорскаго Величества канцеляріею по учрежденіямъ Императрицы Маріи предоставляется поручать, когда онъ признаетъ нужнымъ, уполномоченнымъ отъ него лицамъ удостовѣряться въ правильности примѣненія сихъ правилъ.

IV. Продажа марокъ.

§ 17. Марки вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи продаются по обозначеннымъ на нихъ

цѣнамъ, лишь за наличныя деньги, изъ губернскихъ, областныхъ и уѣздныхъ казначействъ.

§ 18. Замѣнъ купленныхъ марокъ, и затѣмъ испорченныхъ, новыми не допускается, а равно не дозволяется обратный пріемъ марокъ съ выдачею уплаченныхъ за оныя денегъ или съ обмѣномъ на марки другихъ разборовъ, кромѣ случаевъ отмѣны увеселенія или зрѣлища. Въ такихъ случаяхъ деньги за марки возвращаются мѣстными казенными палатами, по предъявленіи въ оныя предпринимателями увеселеній и зрѣлищъ цѣльныхъ входныхъ билетовъ, какъ съ погашенными, такъ и съ непогашенными марками и удостовѣренія объ отмѣнѣ зрѣлищъ или увеселенія.

—

Описаніе марокъ для оплаты сбора съ публичныхъ зрѣлищъ и увеселеній въ 2, 5, 10, 25 и 50 коп.

Величина марки, отъ зубца прокола до зубца—25 милим. въ длину и 18 милим. въ ширину.

Марки имѣютъ двѣ печати: самый рисунокъ и пунктированную сѣтку.

Рисунокъ и сѣтка марокъ всѣхъ достоинствъ представляются одинаковые, различіе марокъ заключается въ цвѣтѣ и цифрѣ достоинства.

Цвѣтъ марокъ слѣдующій: 2 коп. достоинства—рисунокъ зеленый и сѣтка розовато-лиловая; 5 коп. достоинства—рисунокъ синій и сѣтка коричневая; 10 коп. достоинства—рисунокъ и сѣтка оранжевые; 25 коп. достоинства—рисунокъ фіолетовый и сѣтка зеленая; 50 коп. достоинства—рисунокъ бирюзовый и сѣтка синяя.

Рисунокъ марокъ представляетъ на темномъ фонѣ: рамку, состоящую изъ кругляхъ оттѣненныхъ бусъ, обвитыхъ двумя узкими бѣлыми лентами, образующими въ верхнихъ углахъ круглыя петли, имѣющія вверху бѣлый шарикъ; въ этихъ петляхъ помѣщена бѣлая цифра достоинства.

Внутри рамки помѣщается посрединѣ гербъ Императорскаго воспитательнаго дома, изображающій бѣлый щитъ, на которомъ пеликанъ кормитъ собственнымъ тѣломъ трехъ птенцовъ; щитъ окруженъ рамкой изъ половинныхъ бѣлыхъ кружечковъ, окаймленныхъ бѣлою же контурною линіей. Надъ щитомъ помѣщается Императорская корона съ лентами, горизонтально развѣвающимися подъ нею въ обѣ стороны. Съ одной стороны герба помѣщается бѣлая прописъ—„вѣд. учр.“, а съ другой—„Имп. Маріи“. На нижній край положенъ, оттѣненный вверху, картушъ, съ завитымъ верхнимъ и вырѣзнымъ, листообразнымъ, нижнимъ краями, на которомъ стоитъ цифра достоинства марки. Подъ картушемъ проходитъ продолговатый бѣлый прямоугольникъ, съ двумя завитками вверху, на которомъ, въ темной рамкѣ, изъ толстыхъ—верхней и лѣвой—и тонкихъ—нижней и правой—линій, помѣщаются, по обѣимъ сторонамъ цифры достоинства, слоги „коп“.

—

Первое симфоническое собраніе **Императорскаго русскаго Музыкальнаго Общества** предполагается устроить въ залѣ дворянскаго собранія 24-го октября. Дирижировать будетъ г. Крушевскій. Въ этомъ собраніи будетъ исполнена цѣликомъ ораторія Листа „Св. Елизавета“ для хора, оркестра и солистовъ.

„Новости“ сообщаютъ слѣдующія свѣдѣнія о предполагаемой дѣятельности *с.-петербургскаго отдѣленія Императорскаго русскаго Музыкальнаго Общества* въ предстоящемъ сезонѣ. Первый квартетный вечеръ (всего ихъ будетъ 8) состоится въ залѣ кредитнаго Общества 10-го октября, съ участіемъ прошлогодняго состава исполнителей, т. е. гг. Ауэра, Крюгера, Галкина и Вержбиловича. Симфоническіе концерты начнутся въ дворянскомъ собраніи 24-го октября; во главѣ ихъ поочередно будутъ стоять: А. Г. Рубинштейнъ, П. И. Чайковскій, Э. Ф. Направникъ, Ламуре и г. Крушевскій. Изъ двухъ концертовъ, которыми продирижируетъ А. Г. Рубинштейнъ, по всей вѣроятности, одинъ будетъ всецѣло посвященъ сочиненіямъ Шумана, а другой — его собственнымъ. Въ качествѣ солистовъ въ симфоническихъ концертахъ будутъ участвовать, между прочимъ, піанисты: гг. А. Рубинштейнъ, Евгеній д'Альберъ, Зауэръ, Голландеръ, Лепинъ (лауреатъ московской консерваторіи), Николаевъ (лауреатъ петербургской консерваторіи), г-жи Позвайская и Маркова (петерб. консерв.); скрипачи: гг. Ауэръ, Томсонъ, Барцевичъ; віолончелисты: гг. Вержбиловичъ, фонъ-Гленъ (проф. московск. консерв.), Виганъ (проф. пражской консерв.); пѣвцы: г-жи Фриде (бывшая артистка здѣшней Императорской оперы), Жеребцова (сопрано, учен. петерб. консерв.), Адель Оэ (Adèle Oke родомъ американка, драматическое сопрано).

15 сентября состоялось открытіе музыкально-драматическихъ курсовъ Д. М. Леоновой.

Въ театрѣ „Акваріумъ“ зимою будутъ даваться итальянскія оперные спектакля. Во главѣ труппы будутъ г-жа Зембрихъ и г. Мазини. Спектакли начнутся въ декабрѣ мѣсяцѣ.

Учрежденная при Городской Думѣ **Безплатная школа пѣнія**, подъ руководствомъ г. Балакирева, начнетъ свою дѣятельность въ первыхъ числахъ октября. Курсъ школы продолжается два года.

С.-Петербургская **Музыкальная школа** закончила 5-й годъ своего существованія. Въ теченіе учебнаго 1891—92 года посѣщали школу 23 ученика и 197 ученицъ. Изъ нихъ игрѣ на фортепіано обучалось 175, пѣнію 37 и игрѣ на струнныхъ инструментахъ 8 учащихся. Безплатно обучалось 23 ученицы. Три бывшія воспитанницы институтовъ пользовались стипендіей, учрежденной дирекціей школы, имени Ея Величества. По отдѣлу пѣнія окончили полный курсъ г-жи Рунге и Михайлова (по классу г-жи Гренингъ-Вильде), которыя приглашены на сцену Императорской оперы въ Петербургѣ. По отдѣлу игры на фортепіано окончила полный курсъ музыкальнаго образованія г-жа Смирнова (по классу г. В. Виссендорфа). Состязательныхъ вечеровъ учащихся состоялось 8, изъ коихъ 4 въ присутствіи публики. Кромѣ того, во-1-хъ, учащимися былъ данъ музыкальный вечеръ въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая; полный сборъ съ него (407 р.) дирекціей былъ внесенъ въ Комитетъ подъ предсѣдательствомъ Наслѣдника Цесаревича; во-2-хъ, въ пользу недостаточныхъ учащихся школы былъ данъ дирекціей концертъ при участіи г-жъ Кирштейнъ, Егоровой и гг. Гильдебрандтъ, Взуля и Боровка, принесшій чистаго сбора 309 р. 35 к. Вмѣстѣ съ остаткомъ прошлаго 1890—91 г. —102 р. 40 к., пожертвованіями въ размѣрѣ 90 р., въ распоряженіи дирекціи находилось для вспомоществованія 501 р. 75 к., изъ коихъ израсходовано на единовременныя пособія и на покупку нотъ недостаточнымъ учащимся—973 р.

15 сентября открылась *Столичная музыкальная школа*. Основатель ея—извѣстный музыкантъ В. Ц. Кюверъ.

Увертюра А. Ф. Аренда къ оперѣ „Альманзоръ“ была исполнена въ одномъ изъ послѣднихъ концертовъ въ Павловскѣ и имѣла заслуженный успѣхъ.

—

Въ Петербургѣ скончался 3 сентября, 55 лѣтъ, віолончелистъ, композиторъ и преподаватель музыки *Юліусъ Нагель*. Онъ былъ родомъ изъ Гота, изучалъ музыку въ лейпцигской консерваторіи (віолончельную игру у Грюцмахера). Одно время, при покойномъ Листѣ, онъ жилъ въ Веймарѣ, а въ шестидесятыхъ годахъ переселился въ Петербургъ. Тамъ онъ занималъ должность преподавателя фортепіанной игры при Александровскомъ лицеѣ. Имъ написана опера „Траніелло", которая будетъ поставлена въ придворномъ театрѣ въ Гота, куда партитура была недавно отослана.

Въ *Обществѣ архитекторовъ* въ скоромъ времени будетъ слушаться поднятый на первомъ всероссійскомъ съѣздѣ пожарныхъ дѣятелей вопросъ о безопасномъ устройствѣ театровъ въ пожарномъ отношеніи.

1-го октября открылись драматическіе спектакли въ **Панаевскомъ театрѣ** драмою А. Ф. Федотова „Годуновы". Составъ драматической труппы слѣдующій: г-жи Малиновская, Панина, Ларина, Александрова, Петрова-Самарина, Прокофьева, Россова, Семенова, Стрѣльская, Ростовцова, Яблочкина; гг. Тинскій, Тройницкій, Казанскій, Артуровъ, Быковъ, Волковъ-Семеновъ, Глѣбовъ, Гончаровъ, Мироновъ, Морозовъ, Нигофъ, Соколовъ, Сосновскій, Садовниковъ, Яхимовичъ и другіе. Кромѣ драмы „Годуновы", готовятся къ постановкѣ слѣдующія пьесы: „Открытіе Америки", „Дѣти капитана Гранта", „Маскарадъ"—Лермонтова, „Ксенія и Лже-Дмитрій", „Идіотъ", „Заяцъ", „Семейная революція", „Законъ Линча или Жертвы золотого тельца", „Христофоръ Колумбъ, или открытіе Америки" и др.

Въ составъ оперной труппы г. Зазулина приглашены: г-жа Попова—меццо-сопрано, и г-жа Шау, также меццо-сопрано, дебютировавшая весною на сценѣ Маріинскаго театра.

Въ Панаевскомъ театрѣ, антреприза предполагаетъ открыть оперный сезонъ 15-го октября, причемъ въ недѣлю будутъ даваться 4 оперныхъ спектакля и 3—драматическихъ. Къ постановкѣ намѣчены, между прочимъ, слѣдующія оперы: „Рогнѣда", „Хованщина", „Опричники", „Вражья сила", „Осада Дубно" (г. Сокольскаго).

Г. Зазулинъ пріобрѣлъ для панаевскаго театра оперу „Лѣсничій" г. Армсгеймера, шедшую года два назадъ на нѣмецкомъ языкѣ на михайловской сценѣ. Въ панаевскомъ театрѣ опера эта будетъ поставлена подъ руководствомъ самого автора.

Г. Зазулинъ подписалъ контрактъ съ дирижеромъ г. Труффи. Вторымъ дирижеромъ въ Панаевскомъ театрѣ будетъ г. Кабелла.

Режиссеромъ драматической труппы Панаевскаго театра приглашенъ артистъ Императорскихъ московскихъ театровъ г. Вронченко-Тройницкій. Изъ артистовъ прошлаго года г. Зазулинъ пригласилъ гг. Соколова, Волкова-Семенова, Морозова, Быкова и г-жу Прокофьеву. Весь остальной персоналъ приглашенъ вновь.

Антреприза въ Кронштадтѣ предоставлена И. И. Зазулину.

—

Администрація **Демидовскаго дома** призрѣнія трудящихся приступаетъ къ сломкѣ лѣтняго театра, арендуемаго г-жей Липской-Неметти и къ постройкѣ новаго театра въ саду. Театръ будетъ значительно расширенъ.

—

Драматическіе спектакли въ **Благородномъ собраніи** начнутся съ 10-го октября пьесой „Заяцъ". Оперные—оперой „Индра".

—

Мы слышали, что сцена **прикащичьяго клуба** сдана на нынѣшній сезонъ артисту М. Е. Дарскому.

Въ **Нѣмецкомъ клубѣ** будетъ антрепренерствовать въ предстоящемъ сезонѣ г-жа Дарьялъ, которая открываетъ спектакли „Татьяною Рѣпиной".

—

Среди фабрикантовъ и заводчиковъ **Выборгской стороны** въ настоящее время идетъ подписка на устройство „Выборгскаго" театра для рабочихъ по примѣру Василеостровскаго театра. Дѣло замедляется, какъ говорятъ, изъ-за того, что не находится удобнаго помѣщенія и легко можетъ быть, что „Выборгскій" театръ будетъ находиться на одной изъ ближайшихъ къ Выборгской сторонѣ улицъ Петербургской стороны.

—

Озерковскій театръ на будущій годъ сданъ прежней антрепризѣ. Контрактъ съ Е. Н. Глѣбовой уже возобновленъ и ей-же отдана и садовая сцена озерковскаго вокзала.

—

По слухамъ, въ **Гатчинѣ** будутъ даваться драматическіе спектакли. Для постановки этихъ спектаклей, два раза въ недѣлю, образуется небольшое Товарищество, преимущественно изъ клубныхъ артистовъ.

—

Такое же Товарищество составляется и для постановки драматическихъ спектаклей, по одному разу въ недѣлю, въ **Нарвѣ**.

—

Артистическимъ Кружкомъ превращающимся въ „художественно-литературный клубъ" уже снято собственное помѣщеніе на углу Моховой и Пантелеймонской. Открытіе послѣдуетъ тотчасъ-же по утвержденіи нѣкоторыхъ измѣненій въ уставѣ. Всѣ бывшіе члены вступаютъ въ обновляющійся клубъ безъ баллотировки, со взносомъ двадцати пяти рублей на первый годъ; въ послѣдующіе года членскій взносъ опредѣленъ въ размѣрѣ пятнадцати рублей.

—

Въ первомъ общественномъ Собраніи, для открытія спектаклей была поставлена 20 сентября пьеса „Татьяна Рѣпина" съ г-жей А. В. Дарьялъ въ заглавной роли.

—

Въ Нарвскомъ театрѣ по Петергофскому шоссе, вблизи Путиловскаго завода, для открытія спектаклей 27 сентября была представлена комедія А. Н. Островскаго „Правда—хорошо, а счастье—лучше". Спектакли будутъ ставиться по праздничнымъ днямъ. Антрепренеръ, г. Даниловъ, получаетъ небольшую субсидію отъ мѣстныхъ фабрикантовъ и заводчиковъ.

—

27-го сентября, въ **залѣ Павловой**, новая польская труппа открыла свои гастроли подъ режиссерствомъ г. Каминскаго. Въ составъ ея вошли, впрочемъ, многіе прежніе артисты, подвизавшіеся въ прошломъ сезонѣ въ театрѣ Неметти. Изъ прежнихъ исполнителей принимали участіе въ первомъ спектаклѣ гг. Поплавскій, Мельницкій, Роляндъ, и г-жа Пухаевская. Билеты на послѣдующія представленія раскупались въ тотъ-же вечеръ очень охотно. Была дана комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ графа А. Фредро подъ названіемъ „Панъ Іовіальскій.

Во второмъ спектаклѣ польской труппы дана была 4-хъ-актная комедія Близинскаго изъ современной польской жизни—„Потерпѣвшіе крушеніе" („Rozbitki"), въ которой авторъ рисуетъ современное разорившееся польское родовитое дворянство, поставленное въ необходимость поправить свои дѣла браками съ выскочками, обладающими презрѣннымъ металломъ. Дебютантами въ этомъ спектаклѣ были г-жа Сольская и Шим-

борская. Впервые въ этомъ сезонѣ выступила въ роли субретки г-жа Конопчанка.

Труппа польскаго театра состоитъ изъ 22-хъ артистовъ. Въ ихъ числѣ находятся г-жа Габріель Морская, г-жи Пухневская, Конопчанка, Любонская, Шимборская; гг. Мельницкій, Роландъ, Поплавскій, Глогеръ, Киселевскій и Пухневскій и г-жи Бартошевская, Коморовская и Сольская; гг. Бартошевскій, Горжковскій, Карповичъ, Морозовичъ, Шимборскій и Высоцкій, бывшій артистъ варшавскаго театра.

Спектакли предположены по три раза въ недѣлю.

—

Профессоръ И. И. Шишкинъ возвратился въ Петербургъ изъ Шмецка, гдѣ онъ провелъ все лѣто. Передъ этимъ, въ началѣ іюня, И. И. ѣздилъ на нѣсколько дней въ Бѣловѣжскую пущу; вмѣстѣ съ художникомъ Шильдеромъ, извѣстнымъ фотографомъ Е. П. Вешняковымъ и г. Гарденинымъ. Изъ поѣздки своей И. И. привезъ болѣе 40 этюдовъ.

Извѣстная по благотворительнымъ выставкамъ коллекція акварелей барона Гинцбурга пріобрѣтена г. А. Ф. Фельтеномъ. Въ числѣ замѣчательныхъ вещей этой коллекціи находится акварельный этюдъ К. П. Брюлова „Послѣдній день Помпеи“, рисунки Иванова, Неффа, а изъ европейскихъ мастеровъ: Marilla, Meissonier, Bida, Gallait, Gavarnie, Delaroche, Bellanger, A. Achenbach, A. Calame, B. C. Koekkaek, Th. Gudin и мн. др.

Профессоръ живописи Л. Ф. Лагоріо въ настоящее время кончаетъ двѣ большія картины изъ послѣдней русско-турецкой войны: 1) „Отбитіе штурма Баязета 8-го іюля 1877 г.“ и 2) „Взятіе приступомъ гор. Ловчи 22-го августа 1877 г.“.

—

Провинціальная хроника.

Найденъ неизвѣстный до сихъ поръ портретъ Шопена, рисованный съ натуры въ Парижѣ, въ 1847 году, Антономъ Кольбергомъ. Портретъ этотъ выставленъ теперь въ „Салонѣ“ **Варшавскаго** общества художниковъ.

13-го іюня въ **Вильнѣ** скончался почетный вольный общникъ академіи художествъ г.-л. *Михаилъ Ивановичъ Цейдлеръ*. Покойный родился въ 1816 году; по окончаніи образованія въ школѣ гвардейскихъ кавалерійскихъ юнкеровъ, въ 1835 г., онъ почти всю свою военную службу провелъ въ лейбъ-гвардіи гродненскомъ гусарскомъ полку. Съ дѣтства полюбивъ рисованіе и скульптуру, М. Ив. не переставалъ заниматься ими въ часы, свободные отъ службы, и, мало по-малу, достигъ такихъ успѣховъ, что серьезно задумалъ заняться скульптурой. Съ этою цѣлью въ 1840-хъ гг. онъ переселился въ Петербургъ и сталъ посѣщать мастерскія профессоровъ академіи художествъ И. С. Пименова и П. К. Клодта, гдѣ его способности и прилежаніе не замедлили обратить на себя вниманіе профессоровъ, въ особенности-же—его ближайшаго наставника Н. С. Пименова. За свои скульптурныя работы, какъ статуетки „Слѣпого нищаго“ и „Старушки“, группы изъ воска—„Бой оленей“ и „Борзая собака съ лисицей“ — 18-го апрѣля 1859 г. онъ возведенъ былъ совѣтомъ академіи художествъ въ званіе почетнаго вольнаго общника. Съ этого времени М. И. часто появлялся со своими работами на академическихъ художественныхъ выставкахъ. Изъ другихъ работъ его извѣстны: медальоны-портреты великаго князя Михаила Павловича, генералъ-лейтенантовъ Бакланова и Маркова, г. Турбина, артиста московскихъ театровъ П. М. Садовскаго, артистки французской труппы г-жи Паска и др., бюстъ г-жи Крамеръ; статуя купающагося мальчика, голова собаки (моськи), выглядывающей изъ будочки, и мн. др. Между прочимъ, въ академіи художествъ находится медальонъ Императора Александра II, вылѣпленный Мих. Ив. съ натуры 2-го марта 1881 года. Лермонтовскій музей, состоящій при здѣшнемъ Николаевскомъ кавалерійскомъ училищѣ, содержитъ въ себѣ исполненный М. Ив. памятникъ М. Ю. Лермонтову.

Изъ **Гельсингфорса** пишутъ, что туда пріѣзжали художники-акварелисты А. Н. Бенуа, А. Бенуа-Конскій и Г. Л. Лебурде съ предложеніемъ устроить акварельную выставку „Общества русскихъ акварелистовъ“. Представители двухъ здѣшнихъ художественныхъ обществъ „Konstnärsgillet“ и „Finska Konstföreningen“, повидимому, сочувственно отнеслись къ ихъ предпріятію. Первое Общество содержитъ здѣсь постоянную выставку въ такъ называемой „Финской школѣ“ и, по своимъ порядкамъ, похожа на Петербургское Общество поощренія художествъ. Выставка русскихъ акварелистовъ будетъ устроена или въ этой школѣ, или въ „Folksbibliothek'ѣ“ и откроется не позже ноября“.

Съ 1 іюля текущаго года **Кіевская** рисовальная школа совершенно преобразуется. Она будетъ называться „Кіевскимъ училищемъ живописи и ваянія Ивана Николаевича Терещенко“, съ предоставленіемъ въ немъ какъ учащимся, такъ и учащимъ правъ всѣхъ подобныхъ заведеній.

Профессоръ живописи Н. Н. Ге, почти безвыѣздно живущій въ своемъ имѣніи близъ ст. Плиски Курско-Кіевской жел. дор., въ настоящее время оканчиваетъ новую картину на громадномъ полотнѣ, надъ которой работаетъ уже въ теченіе пяти лѣтъ. Новая картина Н. Н. Ге, предназначаемая имъ для предстоящей передвижной выставки, изображаетъ распятіе Христа и воспроизводитъ моментъ нравственнаго перерожденія одного изъ разбойниковъ, распятыхъ вмѣстѣ съ Христомъ. По отзывамъ лицъ, видѣвшихъ картину въ мастерской художника, она, какъ передаетъ „Кіевлянинъ“, своей реальностью и глубиной мысли производитъ неотразимое впечатлѣніе.

Администраціями **прибалтійскихъ губерній** возбужденъ вопросъ о своевременности устройства въ нѣкоторыхъ городахъ русскихъ театровъ. Ходатайствуется на первое время правительственная матеріальная помощь по существующимъ уже примѣрамъ въ западныхъ и юго-западныхъ губерніяхъ.

Проживающій въ Парижѣ профессоръ живописи А. П. Боголюбовъ отправился въ **Саратовъ** для открытія при основанномъ имъ саратовскомъ художественно-промышленномъ радищевскомъ музеѣ рисовальной школы, которая, по своей задачѣ, будетъ филіальнымъ отдѣленіемъ С.-Петербургскаго центральнаго училища техническаго рисованія барона Штиглица.

Бывшая оперная артистка Московскаго Большаго театра О. В. Соколова (Фрёлихъ) приглашена на этотъ зимній сезонъ въ Товарищество оперныхъ артистовъ въ **Саратовѣ**. Г-жа Соколова дебютировала тамъ въ операхъ „Жизнь за Царя“, въ роли Вани, 11 сент., съ огромнымъ успѣхомъ. Затѣмъ участвовала еще въ операхъ „Евгеній Онѣгинъ“ (Няня) и „Русалка (княгиня).

Въ Саратовѣ, въ городскомъ театрѣ, 22 сентября въ первый разъ въ сезонѣ, дана была опера „Русланъ и Людмила“—Глинки, въ хорошей постановкѣ. Хоры и оркестръ твердо срепетованы. Роль Ратмира исполняла г-жа Соколова съ шумнымъ успѣхомъ. И по характеру вокальныхъ средствъ

и по игрѣ—артистка вполнѣ подходитъ къ роли. Остальныя роли были распредѣлены слѣдующимъ образомъ: Людмила—г-жа Нелидова, Гориславa—г-жа Веселовская, Финнъ и Баянъ—г. Рѣзуновъ, Русланъ—г. Раздольскій, Фарлафъ—г. Плауктинъ и Свѣтозаръ—г. Яковлевъ. Артисты старались и болѣе или менѣе удачно поддерживали ансамбль.

Извѣстный драматическій теноръ Ю. Ф. Закржевскій теперь гастролируетъ въ саратовской русской оперѣ. Перваго октября онъ впервые тамъ выступилъ въ оперѣ „Галька". Монюшко и имѣлъ выдающійся успѣхъ.

Заграничная хроника.

Аделина Патти намѣрена въ скоромъ времени дать рядъ концертовъ въ **Англіи**; первый концертъ состоится 10-го октября н. ст. въ Бристолѣ. Знаменитая пѣвица провела лѣто въ своемъ замкѣ Craig-y-Nos, въ Уэльсѣ. Часть этого замка передѣлана въ настоящій театръ, на сценѣ котораго почти ежедневно даются оперные спектакли. Примадонна этого театра—сама Патти. Публику изображаютъ многочисленные гости, пользующіеся гостепріимствомъ „дивы".

На представленіяхъ вагнеровскихъ оперъ въ **Байрейтѣ** перебывало въ этомъ году до 28,000 человѣкъ, изъ нихъ 7,000 англичанъ и американцевъ и 4,000 французовъ. Г-жа Вагнеръ, озабоченная подыскиваніемъ свѣжихъ силъ для байрейтской сцены, проситъ молодыхъ артистовъ, желающихъ участвовать въ операхъ Вагнера, заявить ей объ этомъ письменно до 15 октября н. ст. Послѣ мѣсячнаго испытанія, обязательнаго для всѣхъ, будутъ объявлены имена избранныхъ. Эти послѣдніе будутъ пользоваться даровымъ обученіемъ и, въ случаѣ недостатка матеріальныхъ средствъ, денежными пособіями отъ г-жи Вагнеръ.

Въ **Берлинѣ** на сценѣ Лессингъ—театра съ большимъ успѣхомъ поставлена, по словамъ „Новаго Времени", комедія Блументаля и Кадельбурга „Поѣздка на Востокъ". Сюжетъ пьесы заимствованъ изъ дѣйствительности. Во время извѣстнаго ограбленія Orientexpress—поѣзда разбойникомъ Атанасомъ, среди ограбленныхъ оказался нѣкій почтенный бюргеръ германской столицы въ сопровожденіи дѣвицы легкаго поведенія, которую онъ везъ съ собой подъ именемъ своей законной супруги. Нескромныя депеши, сообщившія имена ограбленныхъ путниковъ, сообщили такъ же фамиліи сихъ якобы супруговъ. Законная жена любителя красивыхъ спутницъ узнала по газетамъ объ узурпаціи своего имени. Дѣло дошло до процесса и кончилось разводомъ.

Въ „Оперѣ" поставлена одноактная опера Бизе—„Джамиле". Написанная прежде „Карменъ", опера эта въ Парижѣ особеннаго успѣха не имѣла, какъ, впрочемъ, и „Карменъ" лишь гораздо позже добилась популярности. Сюжетъ „Джамиле" несложенъ. Молодой турокъ Гассанъ не вѣритъ женской вѣрности и отсылаетъ каждую невольницу черезъ мѣсяцъ домой. Искренняя любовь Джамиле заставляетъ его перемѣнить мнѣніе и взять прекрасную невольницу въ жены. На эту незатѣйливую тему Бизе написалъ красивую музыку, столь же характерно восточную, какъ характерна испанская „Карменъ". Въ заключеніе спектакля шелъ балетъ „Крестьянская свадьба", очень изящная и живая вещица, въ которой г-жа Дель-Эра танцовала чардашъ (на музыку „Брамы").

Берлинское городское управленіе мѣстному Обществу художниковъ ассигновало 100 тысячъ марокъ на постройку дома для выставокъ.

Въ „Нѣмецкомъ" театрѣ большой успѣхъ имѣлъ мольеровскій „Мизантропъ", въ переводѣ г. Фульда.

Съ 10 сентября на нѣсколько дней закрытъ былъ въ Берлинѣ такъ называемый „Ostend"—театръ. Теперь онъ совершенно преобразованъ, получилъ названіе „National-Theater" и измѣнилъ характеръ репертуара. Первый спектакль въ немъ состоялся 19 числа. Для начала дана была драма „Ѳеодора"—Сарду съ г-жею Эльменрейхъ въ заглавной роли. Въ театрѣ будутъ ставить серьезныя драмы съ гастролерами. Г. Поссартъ далъ свое согласіе на участіе въ нихъ.

Новый театръ (Ронахеръ) въ Берлинѣ, подъ Липами, открылъ свои двери 11 сентября. Цѣль театра—непосредственно доставлять публикѣ развлеченіе въ современномъ духѣ: т.-е. дѣйствовать на чувственность ея и поражать внѣшностью и пестротою. Во многомъ цѣль эта, вѣроятно, будетъ достигнута, хотя въ концѣ концовъ и это все публикѣ надоѣстъ. Первый спектакль привлекъ, конечно, массу публики всѣхъ слоевъ. Артистическій и литературный міръ былъ весь на лицо. Театръ поражаетъ своею роскошью, вкусомъ отдѣлки и пестротою, причемъ однако во всемъ царитъ гармонія. Умно и цѣлесообразно расположены: зрительный залъ, фойэ, буфеты, корридоры и т. п. Чудесно расписанныя стѣны, дорогіе обои съ позолотою, масса фигуръ и каріатидъ, все это поражаетъ глазъ.

Передъ началомъ представленія сыграна была извѣстная „торжественная увертюра" („Jubel-ouverture") — Вебера, потомъ слѣдовали: новая оперетка „Daphne" и балетъ „Міръ въ картинахъ и танцахъ". По словамъ „Новаго Времени", оперетка „Daphne" — Ганса Мюллера — типъ обыкновенной офенбахіады безъ остроумія и соли, да и исполненіе ея было не важное. Посредственные актеры, съ трудомъ скрывавшіе свой вѣнско-мѣщанскій жаргонъ, повички съ тоненькими голосками и субретки съ отдаленными намеками на грацію—все это мало гармонировало съ греческимъ небомъ, которое дѣйствительно нарисовано великолѣпно.

Самую интересную часть спектакля составлялъ балетъ Гасрейтера и Гауля, для котораго талантливый Іосифъ Байеръ написалъ ласкающую слухъ музыку. Сюжетомъ балета послужили эпизоды изъ романа Жюля Верна „Восемьдесятъ дней вокругъ свѣта". Двое бѣдняковъ видятъ во снѣ, что путешествуютъ по бѣлому свѣту. Въ полярныхъ странахъ они встрѣчаются съ эскимосами, въ австралійскомъ дѣвственномъ лѣсу дерутся, въ Америкѣ сталкиваются съ индійцами и видятъ пожаръ въ преріяхъ, въ Китаѣ присутствуютъ на праздникѣ драконовъ и т. д. Въ концѣ концовъ попадаютъ они въ театръ всемірной выставки, долженствующій служить идеаломъ будущаго.

При всей прелести постановки балета, въ которомъ участвуютъ болѣе двухсотъ лицъ, сцена новаго берлинскаго театра не достаточно обширны для воспроизведенія грандіозныхъ явленій природы и для совмѣстнаго дѣйствія массъ. Театръ по размѣрамъ уступаетъ Дрюриленскому театру въ Лондонѣ, гдѣ въ такой же фееріи представляли цѣлую скачку. Сцена въ театрѣ Ронахера достаточно широка, но не особенно глубока и труднѣе на ней достигаются перспективные эффекты.

Впрочемъ праздникъ драконовъ очень удачно поставленъ: все оригинально придумано, танцы граціозны и костюмы очень богаты и подобраны съ рѣдкимъ вкусомъ.

При театрѣ „Ронахеръ" находится гостинница и роскошная кофейная; годовая плата за наемъ всего этого помѣщенія доходитъ до 650,000 ма-

ровъ, что даетъ нѣкоторое понятіе о его размѣрахъ.

Въ берлинскомъ театрѣ Кролля недавно дано было нѣсколько образцовыхъ оперныхъ представленій, которыя обставлены были первоклассными солистами. 18 сентября далъ былъ „Севильскій цирюльникъ“, въ которомъ роль Розины исполнила Марчелла Зембрихъ, вернувшаяся въ Берлинъ изъ своего лѣтняго путешествія. Голосъ ея отличался прежнею прелестью, да и искусство владѣть имъ нисколько не уменьшилось. Во второмъ актѣ, во время урока пѣнія, она между прочимъ исполнила извѣстный варіаціи Проха и познакомила слушателей съ новымъ вальсомъ Іоганна Штрауса „Frühlings-Schwingen“, доставившій ей бурный успѣхъ.

Роль Фигаро изображалъ Франческо д'Андраде. Шумный успѣхъ доставили многіепріемы его талантливой игры, качества его вокальныхъ средствъ, истинная виртуозность въ обращеніи съ речитативомъ и частію дикція. Вокальная сторона передачи не всегда была на требуемой высотѣ; чувство мѣры и красоты нарушалось имъ не разъ, какъ полагаютъ, въ угоду толпы.

Г. Эрль въ роли Альмавивы единственный въ своемъ родѣ колоратурный пѣвецъ. Гг. Рихманъ (Базиліо) и Вормсъ (Бартоло)—тоже типично хороши въ своихъ роляхъ.

Франческо д'Андраде кромѣ итальянскихъ оперъ, принялъ участіе въ двухъ представленіяхъ чисто-нѣмецкой оперы „Гансъ Гейлингъ“ („Hans Heiling“)—Маршнера. Онъ пѣлъ заглавную партію на нѣмецкомъ языкѣ.

—

Въ Берлинѣ скончался въ глубокой старости (на девяностомъ году) одинъ изъ лучшихъ нѣмецкихъ пейзажистовъ Карлъ Эдуардъ Бирманъ. Лучшія картины его составляютъ украшеніе національной галереи въ Берлинѣ: онѣ особенно выдѣляются теплотою въ колоритѣ. Прелестны его акварели, изображающія виды Далмаціи.

—

Нѣмецкія музыкальныя газеты теперь сильно ратуютъ въ пользу постановки оперъ „Сидъ“ и „Цирюльникъ изъ Багдада“—покойнаго нѣмецкаго композитора Петра Корнелія. „Сидъ“ теперь идетъ въ театрѣ Карлсруэ, гдѣ пользуется заслуженнымъ успѣхомъ. О постановкѣ этой оперы въ Веймарѣ въ 1865 году сильно хлопоталъ Францъ Листъ. Когда его старанія не увѣнчались желаемымъ успѣхомъ и великимъ созданіямъ Корвелія не дали ходу, онъ, какъ извѣстно, навсегда покинулъ Веймаръ. Нужно полагать, что эти оперы теперь сдѣлаются культомъ на лучшихъ германскихъ сценахъ.

Нѣмецкій композиторъ Игнацъ Брюль написалъ новую трехактную оперу „Шахъ королю“ („Schach dem König“).

—

Бельгійскій композиторъ Эмиль Матьё, авторъ оперы „Рикильда“ и лирическихъ драмъ „Фрейгиръ“ и „Сорбіеръ“, сочинилъ новую оперу—„Юность Роланда“.

Сара Бернаръ начала спектакли своего артистическаго tournée исполненіемъ „Клеопатры“ Сарду въ „Théatre des Galéries“ въ Брюсселѣ. Первый спектакль имѣлъ мало успѣха. Какъ извѣстно, „Клеопатрѣ“ не повезло и въ Парижѣ, и въ Лондонѣ. Далѣе Сара Бернаръ выступитъ въ главныхъ роляхъ: „Федры“, „Федоры“, „Тоски“, „Жанны д'Аркъ“ и „Dame aux camélias“. Артисты, сопровождающіе ее, по отзыву критики, принадлежатъ къ самой заурядной посредственности, за исключеніемъ молодого Дармона, котораго очень хвалятъ въ роли Марка-Антонія въ „Клеопатрѣ“. Ежедневные расходы этого „tournée“ простираются до 7,000 фр. Себѣ беретъ Сара 2,500 фр. за спектакль. Театръ пустуетъ на половину и ежедневный убытокъ считается въ 2,000 фр. При возвышенныхъ цѣнахъ гастроли въ Бельгіи дали только 55 тыс. фр. Изъ Голландіи знаменитая артистка отправится въ Копенгагенъ, затѣмъ въ Швецію и Норвегію и наконецъ въ Петербургъ и Москву, а изъ Москвы въ Вѣну.

Городской театръ въ Бьеллѣ (Пьемонтъ) сгорѣлъ. Несчастіе произошло вслѣдствіе драки между хористами.

Намъ сообщаютъ изъ Венеціи, что извѣстный издатель Сонцоньо назначилъ въ августѣ конкурсъ для одноактной оперы, изъ которыхъ двумъ лучшимъ присуждены будутъ преміи. Всего доставлено было 60 партитуръ. Лучшими изъ нихъ признаны: опера „Don Raëz“—соч. Боёцци (изъ Рима); „Il violino di Cremona“—Каррара (изъ Шербурга); „Scene medioëvali“ („Средневѣковыя сцены“)—Церкветелли (изъ Турина); „Treccie nere“ („Черныя косы“)—Джіанферрари; „Festa a marina“ („Морской праздникъ“)—Коронаро; „Tradita“ („Выдана“)—Кузинати (изъ Милана) и „Vendetta Romagnola“ („Римская месть“)—Люцатто (Тріестъ). Всѣ эти композиторы приглашены въ Венецію, чтобы лично дирижировать своими операми передъ комитетомъ компетентныхъ лицъ, который рѣшитъ, кому присудить обѣ преміи“.

Въ входной залѣ театра „alla Fenice“, въ Венеціи, поставили мраморный бюстъ Верди. На пьедесталѣ находятся надписи тѣхъ оперъ, кои сочинены были для этого театра: „Эрнани“, „Риголетто“, „Травіата“ и „Симонъ Бокканегра“.

Извѣстный венгерскій скрипачъ Іено Губай, авторъ оперы „Мерлинъ“, сочинилъ еще оперу подъ заглавіемъ: „Скрипичный мастеръ въ Кремонѣ“.

—

Международная театральная и музыкальная выставка въ Вѣнѣ, закрывшаяся 9-го октября, понесла дефицитъ-84,000 гульденовъ.

П. И. Чайковскій былъ приглашенъ комитетомъ музыкальной выставки продирижировать концертомъ изъ собственныхъ сочиненій. Концертъ предполагался 25-го и 26-го сентября (новаго стиля) и нашъ композиторъ прибылъ въ Вѣну 20-го сентября, т.-е. совершенно во-время, чтобы имѣть необходимое число репетицій. „Каково же было удивленіе г. Чайковскаго, сообщаетъ корреспондентъ „Моск. Вѣдомостей“, когда въ самый день пріѣзда ему было объявлено, что его концертъ долженъ состояться 22-го сентября. Композиторъ началъ было возражать, но ему представили симфоническій оркестръ такимъ, которому и репетиціи не нужны и который чуть ли не съ листа сыграетъ всякую пьесу совершенно „perfect“, больше одной-двухъ репетицій никто съ этимъ оркестромъ и не держалъ. На такія представленія П. И. Чайковскій сдался и согласился, чтобы его концертъ былъ назначенъ 22-го. Но послѣ первой уже репетиціи съ оркестромъ, 21-го утромъ, П. И. Чайковскій увидѣлъ, что его обманули; онъ поэтому назначилъ въ тотъ же день и вторую репетицію и для облегченія музыкантовъ сталъ дѣлать въ своихъ пьесахъ значительныя купюры. Но результатъ получился еще болѣе безотрадный, чѣмъ послѣ первой репетиціи. О третьей репетиціи оркестръ и слышать не хотѣлъ, ибо онъ разбѣжался еще раньше, чѣмъ П. И. Чайковскій успѣлъ положить изъ рукъ дирижерскую палочку или объявить членамъ оркестра объ окончаніи репетиціи и о назначеніи другой. При такой распущенности оркестра и совершенной безнадежности съ одной еще репетиціи что-нибудь съ нимъ сдѣлать, П. И. Чайковскій счелъ за луч-

шее уѣхать изъ Вѣны". Корреспондентъ прибавляетъ, что подобнымъ образомъ пришлось поступить и А. Рубинштейну!

Въ зданіи театра вѣнской театральной и музыкальной выставки польская оперная труппа смѣнила чешскую. Для перваго спектакля была назначена опера Монюшки „Галька".

19-го ноября н. ст. на сценѣ вѣнскаго придворнаго опернаго театра будетъ поставлена трехъ-актная новая опера „Синьоръ Формика" г. Шитта. Г. Шиттъ—русскій; два года тому назадъ онъ выступилъ въ квартетномъ собраніи русскаго музыкальнаго Общества съ тріо для фортепіано, скрипки и віолончели, своего сочиненія.

Дирекція императорскихъ театровъ въ Вѣнѣ въ нынѣшнюю зиму выступаетъ съ нововведеніемъ, заслуживающимъ полнаго сочувствія: она проектируетъ устройство воскресныхъ спектаклей для народа по дешевымъ цѣнамъ, начиная съ 10 крейцеровъ (8 коп.) за мѣсто. Предполагается постановка пьесъ классическаго репертуара — Гете, Шиллера, Шекспира и образцовыхъ произведеній новыхъ писателей, при участіи лучшихъ силъ. До сихъ поръ вѣнскіе императорскіе театры были совершенно недоступны по цѣнѣ рабочему или ремесленнику.

Знаменитый италіанскій трагикъ Сальвини находится въ настоящее время въ Вѣнѣ, гдѣ онъ намѣревается со своей собственной драматической труппой дать рядъ представленій.

Въ Вѣнѣ, въ выставочномъ театрѣ, съ 3 сентября гастролировала италіанская оперная труппа, организованная г. Соццоньо.

Для начала дана была опера „Другъ Фрицъ" („L'amico Fritz")—сочиненіе Масканьи. Авторъ лично дирижировалъ своимъ произведеніемъ и былъ предметомъ восторженныхъ овацій. Затѣмъ поставлена была новая двухъ-актная опера „I. Pagliacci" („Паяцы")—соч. Руджеро-Леонкавалло. И она доставила присутствовавшему автору выдающійся успѣхъ.

Произведеніе это, вопреки комическому заглавію, вполнѣ трагично и реально въ отношеніи дѣйствія. Содержаніе не замысловато. Антрепренеръ кочующихъ комедіантовъ, Каніо имѣетъ красивую, но невѣрную жену Недду, которая обманываетъ своего мужа съ крестьянскимъ парнемъ Сильвіо. Въ свою очередь влюбленный въ Недду шутъ кочующей труппы открываетъ мужу глаза. Этимъ кончается первый актъ.

Во второмъ актѣ происходитъ на сценѣ театральное представленіе. Кочующая труппа играетъ піесу по сюжету сходную съ намѣченнымъ въ первомъ актѣ положеніемъ. Роль обманутаго мужа исполняетъ Каніо, въ то время какъ роль невѣрной жены исполняетъ Нелда. Каніо такъ входитъ въ роль, что поражаетъ публику жизненною правдою своей игры.

Трагизмъ исполненія увеличивается еще шутовскимъ костюмомъ обманутаго мужа, который какъ разъяренный звѣрь бѣжитъ по сценѣ и рычитъ, требуя отъ жены, чтобы она назвала имя своего возлюбленнаго. Но ужасъ публики, собравшейся смотрѣть комедію, достигаетъ высшаго предѣла, когда увлекшійся, какъ она предполагаетъ, ролью комедіантъ совершаетъ не театральное, а настоящее убійство.

Присутствующій въ публикѣ Сильвіо спѣшитъ на помощь несчастной Недѣ, но и его также настигаетъ мстительный ножъ обманутаго мужа. Тогда публика постигаетъ, что передъ нею разыгрывали не комедію, а мрачную житейскую драму.

Либретто, написанное авторомъ музыки, сдѣлано очень ловко; оно во всемъ сценично и полно захватывающей силы.

Музыка идетъ въ уровень драмы и полна значительными сценическими эффектами. Опера носитъ на себѣ характеръ новѣйшаго итальянскаго направленія и напоминаетъ нѣсколько первое твореніе Масканьи.

Штраусъ написалъ новую оперетку „Fürstin Ninetta" („Княгиня Нинетта"), которой нѣмецкія музыкальныя газеты предсказываютъ большой успѣхъ.

—

Для 400-лѣтняго юбилея Колумба написанъ балетъ „Ричардъ Львиное сердце"—соч. Сирвенти. Его предположено поставить въ Генуѣ.

Въ Дрезденѣ, въ одномъ изъ послѣднихъ концертовъ мѣстнаго музыкальнаго Общества, исполнялась съ большимъ успѣхомъ „Легенда" для оркестра московскаго композитора А. Ф. Аренса.

Въ „Dresdener Wochenblat", на основаніи „документовъ", доказывается, что Шиллеръ—романскаго происхожденія, а Лессингъ—славянскій еврей.

Небезынтересно отмѣтить слѣдующее распоряженіе саксонскаго правительства на счетъ театральныхъ антрепренеровъ: отнынѣ администрація должна не дозволять заниматься антрепризой тѣмъ изъ претендующихъ на этотъ промыселъ, кто не обладаетъ „нравственнымъ, артистическимъ и финансовымъ цензомъ".

Филиксъ Моттль, одинъ изъ лучшихъ капельмейстеровъ Германіи и страстный поклонникъ Вагнера, надняхъ сошелъ съ ума и помѣщенъ въ больницу для умалишенныхъ въ Карлсруэ. Не далѣе, какъ этимъ лѣтомъ онъ еще дирижировалъ съ успѣхомъ нѣсколькими представленіями Вагнеровскихъ оперъ въ Байрейтѣ.

—

14-го (26-го) октября, утромъ, какъ сообщаютъ изъ Константинополя, сгорѣлъ французскій театръ на главной улицѣ Перы, причемъ изъ людей, къ счастью, никто не пострадалъ. Внутренность театра была деревянная и, вообще, онъ былъ чрезвычайно тѣсенъ и не имѣлъ никакихъ предохранительныхъ мѣръ противъ опасности отъ огня. Труппа, которая предполагала играть въ немъ зимой, въ настоящее время находится уже на пути въ Константинополь.

—

„Ревизоръ" Гоголя переведенъ на англійскій языкъ и изданъ въ Лондонѣ отдѣльной книжкой.

На открывшейся въ Лондонѣ годичной выставкѣ въ академіи художествъ оказывается немного такихъ картинъ, которыхъ слава заслуживала бы разглашенія и за предѣлами Англіи. Перломъ выставки считается „Поцѣлуй" Альмы Тадема,—римская купальная сцена, изображающая молодую мать, которая цѣлуетъ ребенка, сходящаго по мраморнымъ ступенямъ бассейна. Интересуются еще картиной президента академіи сэра Фредерика Лейтона: „Садъ Гесперидъ". Наконецъ, сезонной картиной – каждый годъ непремѣнно должна быть такая картина, около которой толпится публика въ сантиментальномъ восхищеніи — на этотъ разъ надо признать картину Орчардсона „На св. Еленѣ 1816 г.". Нѣкогда всемогущій повелитель Европы изображенъ здѣсь въ жалкой комнатѣ своего жилья въ Лонгвудѣ. На полу разложены планы и карты италіанскихъ полей битвъ. Побѣдоносный мечъ Наполеона I служитъ тутъ пресъ-папье и лежитъ на картахъ, чтобъ онѣ не сворачивались. Императоръ диктуетъ своему пѣрному секретарю исторію двей Маренго, въ воспоминаніяхъ о началѣ своей блестящей карьеры забывая на минуту о безутѣшномъ одиночествѣ на скалистомъ островѣ.

Лондонскій театральный осенній сезонъ, по сло-

вамъ „Нов Вр.“, начался постановкой на громадной сценѣ историческаго театра „Drury Lane“ пьесы — сэра Гаррисъ и г. Петитта, подъ названіемъ „Блудная дочь“ („The Prodigal Daughter“); Пьеса представляетъ собою верхъ реализма въ смыслѣ декоративномъ и обстановочномъ. Сюжетъ состоитъ въ томъ, что дочь богатаго лорда бѣжитъ изъ дому въ Лондонъ, такъ какъ отецъ запретилъ ей выйти замужъ за бѣдняка. Влюбленная миссъ похищаетъ „благороднаго, но бѣднаго сквайра“, который является ея „рыцаремъ“ и чичероне въ Лондонѣ. Дочь лорда, заполучивъ отъ богатой тетки крупную сумму, начинаетъ жить en grand: она одѣвается въ мужской костюмъ и появляется на скачкахъ, гдѣ ведетъ крупную игру, попадая въ руки хищныхъ букмэкеровъ. Авторъ пользуется этимъ моментомъ, чтобы воспроизвести на сценѣ обстановку скаковаго поля и rink'a въ Доникастерѣ. Въ скачкахъ участвуютъ живыя лошади и между ними извѣстный скакунъ „The-Duc“, который въ концѣ акта беретъ первый призъ. Тренировка лошадей, конюшни, павильонъ вѣсовъ, судейскій павильонъ, эстрада для публики, декорація и поле, на которомъ двигаются экипажи, ѣздоки верхомъ, торговцы, газетчики, полицейскіе и толпа зрителей, воспроизведены удивительно вѣрно. Иллюзія неимовѣрная, такъ какъ скачка продѣлывается по настоящей программѣ, съ настоящими жокеями и стартерами. На сценѣ двигается и сценичная толпа статистовъ въ 500 человѣкъ! Карманные воры или pickpocket'ы, и тѣ не забыты... „The-Duc“, главный „актеръ“ въ этой сценѣ, и на долю этой красивой лошади сыпятся не только апплодисменты, но и вызовы. Одно изъ дѣйствій этой оригинальной комедіи происходитъ въ Парижѣ, на дворѣ и на террассѣ „Grand-Hotel'я, который воспроизведенъ цѣликомъ. На дворъ въѣзжаютъ настоящіе французскіе фіакры, съ настоящими cochers; ихъ четверо съ четырьмя экипажами и превезены они (законтрактованы на цѣлый сезонъ) прямо изъ Парижа. Сцена пріѣзда и отъѣзда гостей англичанъ-туристовъ изъ Лондона обставлена какъ въ натурѣ. На дворѣ отеля бьетъ знаменитый свѣтящійся фонтанъ; тутъ же находится и извѣстное café при „Grand-Hotel'ѣ“. Пьеса кончается тѣмъ, что „блудная дочь“ мирится наконецъ съ отцомъ, который поспѣшилъ въ Парижъ „спасать“ свое экспентричное дѣтище, и, послѣ разныхъ приключеній, получаетъ разрѣшеніе выйти замужъ за своего возлюбленнаго. На обстановку этой пьесы потрачено около 100.000 руб.

Въ лондонскомъ театрѣ „Olympia“ въ концѣ сентября открылись спектакли итальянской оперной труппы подъ управленіемъ г. Лаго. Первою новинкою на сценѣ этого театра явилась опера „Евгеній Онѣгинъ“ г. Чайковскаго.

—

Въ **Мадридѣ**, 12-го сентября, открылась весьма интересная выставка историческихъ и художественныхъ предметовъ, относящихся къ различнымъ эпохамъ. Выставка устроена по поводу юбилейнаго торжества открытія Америки и продолжится до 1-го января.

Испанскій драматургъ Эчегарай написалъ новую комедію подъ названіемъ „Силы безсилія“, въ которой трактуется слѣдующая нравственная проблема: безсильные люди, неспособные совершить ничего крупнаго и добраго, обнаруживаютъ чудовищную силу, когда приходится совершать что-нибудь худое.

—

Четырнадцатый конгресъ международной и художественной ассоціаціи состоится въ **Миланѣ** гдѣ засѣданія его открыты 6 (18) сентября. Международная литературная и художественная ассоціація учреждена въ 1878 г., имѣя свое центральное управленіе въ Парижѣ. Въ іюнѣ мѣсяцѣ текущаго года исполнительный комитетъ названной ассоціаціи разослалъ ея членамъ на французскомъ языкѣ приглашеніе къ участію въ миланскомъ конгрессѣ. Программа четырнадцатаго международнаго литературнаго конгресса заключаетъ въ себѣ четыре предмета: 1) полное изученіе бернской конвенціи и надлежащихъ въ ней перемѣнъ въ виду дипломатической конференціи, которая должна собраться въ Парижѣ въ будущемъ 1893 году; 2) существующія отношенія между покровительствомъ литературной собственности и развитіемъ національныхъ литературъ; 3) проектъ закона объ издательскомъ договорѣ; 4) международная статистика литературныхъ произведеній и правила, которыя надлежитъ формулировать для установленія этой статистики. Программа празднествъ и торжествъ, наряду съ экскурсіями въ живописныя окрестности Милана и торжественные пріемы и банкеты, главнымъ образомъ, упоминаетъ о предстоящемъ открытіи во дворцѣ Брера памятника въ честь Паоло Феррари, драматическаго писателя, бывшаго въ 1883 году въ Римѣ предсѣдателемъ международнаго литературнаго и художественнаго конгресса. Правила для принятія въ члены предстоящаго конгреса ограничиваются слѣдующими немногими статьями: конгрессъ состоитъ 1) изъ членовъ международной литературной и художественной ассоціаціи, учрежденной въ 1878 году въ Парижѣ; 2) изъ членовъ Общества итальянскихъ писателей; 3) изъ членовъ-соревнователей, предложенныхъ двумя членами ассоціаціи или Обществомъ итальянскихъ писателей; 4) делегатовъ французскихъ и иностранныхъ Обществъ, назначенныхъ правленіями этихъ Обществъ и имѣющихъ достаточныя полномочія. На конгресъ допускаются также дамы. Взносы установлены: для членовъ ассоціаціи и для делегатовъ отъ Обществъ (не итальянскихъ) въ суммѣ 20 франковъ; для предложенныхъ членовъ - соревнователей (не итальянскихъ) въ суммѣ 30 франковъ. На конгресъ прибыло много иностранцевъ. Больше всего представителей прислала Франція. Префектъ отъ лица правительства и сенаторъ Рано отъ имени муниципалитета произнесли привѣтственныя рѣчи. Г. Visconti-Venosta произнесъ рѣчь отъ имени итальянскаго Общества писателей.

Новая опера „Quaresiena d'amore“ князя Тэора изъ Неаполя, данная впервые въ августѣ въ театрѣ Pezzana въ Миланѣ, имѣла хорошій успѣхъ.

—

Жюри международной художественной выставки въ **Мюнхенѣ** присудило медали 1-го класса и дипломы французскимъ живописцамъ—Эме Моро, Жоржу Рошгроссу, а по скульптурѣ нашему извѣстному скульптору г. Антокольскому, живущему въ Парижѣ.

Въ Мюнхенѣ на аукціонѣ произведеній старинныхъ мастеровъ изъ галереи Гёха съѣхались любители, торговцы и завѣдующіе музеями изъ Амстердама, Парижа, Роттердама, Кельна, Вѣны, Лейпцига, Берлина, Франкфурта-на-Майнѣ, Базеля и пр. Распродажа идетъ весьма оживленно.

Въ Мюнхенѣ, въ придворномъ театрѣ въ концѣ сентября исполнялась вся трилогія „Нибелунги“—Вагнера. Оркестровое исполненіе и инсценировка были очень хороши, но солисты далеко не всѣ стояли на высотѣ авторскихъ требованій.

—

Наша соотечественница и москвичка **Е. Э. Паприцъ-Линева** въ настоящее время находится

въ Нью-Іоркѣ и задалась цѣлью путемъ чтеній и концертовъ познакомить американцевъ съ русской музыкой. По сообщенію нью-іоркской газеты *Tribune*, г-жа Паприцъ предполагаетъ прочесть нѣсколько лекцій о русскихъ народныхъ пѣсняхъ; чтеніе будетъ иллюстрироваться туманными картинами, а также музыкальнымъ исполненіемъ піанистомъ соло и хоровымъ. Рецензентъ *Tribune* замѣчаетъ, что благодаря предстоящимъ концертамъ г-жи Паприцъ - Линевой, американскую публику ожидаетъ развлеченіе, пріятное, поучительное котораго трудно что-либо представить. „Русская народная музыка, — продолжаетъ авторъ, — какъ и вообще музыка славянскихъ племенъ, прекрасна и трогательна, а интересъ къ ней сильно возросъ за послѣдніе годы, благодаря тому значенію, какое пріобрѣли русскіе и чешскіе композиторы".

Г-жа Элеонора Дузе заключила контрактъ съ Нью-Іоркской дирекціей на 50 представленій въ Сѣверной Америкѣ.

Элеонора Дузе обратилась письменно въ редакціи газетъ съ просьбою опровергнуть слухи о томъ, что ей гарантировано по 300 долларовъ за каждое представленіе въ Соединенныхъ Штатахъ. Г-жа Дузе намѣрена предпринять артистическую поѣздку въ Сѣверную Америку на собственный страхъ и рискъ.

Въ Нью-Іоркѣ недавно сгорѣлъ громадный оперный театръ „Metropolitan", что обошлось къ счастью безъ человѣческихъ жертвъ. Убытки простираются до полумилліона долларовъ. Владѣльцы его рѣшили не отстроивать зданія и продать мѣсто съ публичнаго торга.

Недавно отправлена въ Нью-Іоркъ, собранная въ Петербургѣ и Москвѣ, большая коллекція оригинальныхъ скульптурныхъ снимковъ съ русскими бытовыми сюжетами, которые должны послужить моделями для предметовъ изъ серебра и бронзы, изображающихъ картины изъ русской жизни, спросъ на которыя въ Америкѣ за послѣднее время очень великъ.

—

Въ недавно вышедшей въ Парижѣ книжкѣ „La censure sous Napoléon III" находимъ любопытнѣйшую страничку о постановкѣ въ театрѣ „Porte-Saint-Martin" въ 1853 году „Ревизора" Гоголя. Оказывается, что французская драматическая цензура нашла невозможнымъ разрѣшить представленіе пьесы безъ нѣкоторыхъ измѣненій. По этому поводу театральная цензура сдѣлала два рапорта. Первый отъ 12-го января 1853 года гласитъ: „Комитетъ (цензурный) полагалъ вначалѣ, что постановка пьесы, въ которой рисуются злоупотребленія чиновниковъ, является вообще неудобной на сценѣ бульварнаго театра. Однако, если установить точно мѣсто дѣйствія пьесы, то это неудобство уменьшится, особенно же въ виду того, что комедія переведена съ русскаго языка. Но въ комедіи обрисованъ почтмейстеръ (directeur des postes) съ такой стороны, что пьесы разрѣшить невозможно. Намъ кажется опаснымъ выставленіе этого чиновника въ видѣ человѣка, имѣющаго привычку распечатывать письма, проходящія чрезъ его контору и дѣлающаго это съ согласія и даже при сообщничествѣ самого городничаго (gouverneur). Переводчикъ, которому мы заявили о нецензурности этой роли, объявилъ, что онъ желаетъ дождаться разрѣшенія вопроса о постановкѣ отъ его превосходительства. Онъ приводитъ въ оправданіе цензурности то обстоятельство, что произведеніе его—переводъ съ русской пьесы, играемой въ Петербургѣ. Что касается комитета, то, по нашему мнѣнію, пьеса въ настоящемъ видѣ не можетъ быть разрѣшена".

Второй рапортъ по этому же поводу отъ 15-го апрѣля 1854 года гласитъ: „Согласно рѣшенію его превосходительства, переводчикъ видоизмѣнилъ роль почтмейстера. По новому измѣненію этотъ чиновникъ распечатываетъ письма случайно и по личному своему побужденію. Онъ не является болѣе чиновникомъ, постоянно занимающимся распечатываніемъ писемъ. Въ виду этого мы находимъ возможнымъ разрѣшить постановку этой пьесы подъ названіемъ: „Русскіе въ ихъ собственномъ изображеніи". Пьеса была поставлена, но успѣха не имѣла.

Директоръ парижскаго театра Château d'Eau рѣшилъ поставить пьесу, написанную всѣми парижскими драматическими авторами. Часть сборовъ предназначена въ пользу Общества французскихъ писателей. Сарду, Мельякъ, Дюма, Ришпенъ и др. изъявили согласіе принять участіе въ сочиненіи этой оригинальной пьесы, которая будетъ называться: „Le centenaire de la Revue".

Въ парижской Большой оперѣ возобновили оперы „Генрихъ VIII" — Сенъ-Санса и „Саламбо" („Salammbô") — Рейера. Первую, за неимѣніемъ подходящихъ солистовъ, пришлось дать всего одинъ разъ, вторая же давно не сходитъ съ репертуара и по справедливости должна считаться капитальнѣйшимъ между оперными произведеніями новаго направленія.

На дняхъ въ Парижѣ скончался одинъ изъ старѣйшихъ артистовъ Палерояльскаго театра Пеллерэнъ.

Предполагавшаяся постановка въ нынѣшнемъ сезонѣ въ Парижѣ, на сценѣ „Comédie Française" новой комедіи Александра Дюма-сына „La route de Thèbes" не состоится.

Въ Одессѣ поставлена новая 4-хъ-актная комедія „Monsieur de Reboval". Содержаніе ея по словамъ „Новаго Времени" можетъ показаться по сюжету избитой, плохо построенной, и читатель не получитъ достаточно яснаго понятія о ея достоинствахъ, которыми она изобилуетъ. Ребоваль—политическій дѣятель, сенаторъ, одержавшій громкія ораторскія побѣды въ парламентѣ и имѣющій репутацію безупречной честности, — въ самой ранней своей молодости совершилъ ошибку, — преступленіе, съ точки зрѣнія автора: онъ влюбился въ бѣдную гувернантку и прижилъ съ нею ребенка, мальчика. Ребоваль имѣлъ самое искреннее желаніе жениться на своей возлюбленной, но этому воспротивилась его мать: она умерла бы съ горя, еслибъ онъ ея ослушался. Мало того, эта мать, передъ которой молодой Ребоваль трепеталъ, заставила его вступить въ бракъ съ дѣвушкой ея собственнаго выбора. Разумѣется, Ребоваль поступилъ дурно. Но всей своей послѣдующей жизнью онъ старался искупить свой дурной поступокъ. Онъ окружилъ Полину Луанде роскошью и любовью; ея сыну, Полю, онъ далъ самое лучшее воспитаніе, увѣривши его, что онъ - сынъ его друга, рано умершаго и на смертномъ одрѣ взявшаго, будто бы, съ него, Ребоваля слово любить и воспитывать Поля, какъ своего собственнаго сына. Такимъ же точно почетомъ и любовью Ребоваль окружилъ и свою законную супругу, а дочь, Беатрису, которую онъ имѣетъ отъ нея, онъ любитъ самой нѣжной, хотя и немного фразистой любовью. Свободное отъ политики время знаменитый дѣятель равномѣрно дѣлитъ между двумя семьями. Отсюда, мимоходомъ сказать, вытекаютъ двѣ прелестныя по своему забавному комизму сцены: Ребоваль у себя дома и у своей возлюбленной произноситъ тѣ же самыя фразы, сохраняетъ тѣ же привычки, имѣетъ то же излюбленное мѣсто въ такомъ же точно креслѣ у камина

и тамъ, и здѣсь, фразу, начатую передъ законной женой, ему приходится иногда кончать передъ другой, незаконной. Никто не подозрѣваетъ объ этой двойственной жизни почтеннаго сенатора, никто, кромѣ самой мадамъ Ребоваль. Она все знаетъ, презираетъ всѣми уважаемаго государственнаго мужа, и такъ страдаетъ отъ ревности, въ теченіе 20 лѣтъ замужества, что въ первомъ актѣ мы уже видимъ ее почти умирающей. Но въ то же время она все скрываетъ отъ своей дочери и отъ всѣхъ прочихъ. Въ этомъ же первомъ актѣ есть чрезвычайно смѣшная и трогательная сцена, въ которой фигурируетъ депутація отъ рабочихъ съ маленькой дѣвочкой, явившагося къ больной Ребоваль, чтобы преподнести ей букетъ и „комплиментъ“ по поводу послѣдней рѣчи ея знаменитаго мужа въ защиту рабочаго класса. Въ концѣ второго акта madame Ребоваль умираетъ и мужъ ея женится на Полинѣ Луанде. Но сына своего, Поля, изъ свѣтскихъ приличій онъ не узакониваетъ и почему-то продолжаетъ его держать въ прежнемъ мнѣніи, что его отецъ—не онъ. Результатомъ этого является то, что молодые люди, не зная о своемъ кровномъ родствѣ, влюбляются другъ въ друга Это кульминаціонный пунктъ пьесы Бріе и въ то же время та сторона ея, гдѣ обнаруживается совсѣмъ незаурядный талантъ молодого автора. Фигура Беатрисы, вначалѣ наивной и любящей дочери, затѣмъ молодой дѣвушки, въ сердцѣ которой проснулась всеобъемлющая, страстная любовь къ Полю, фигура выростающая до степени крупнаго трагизма, когда она защищаетъ свою любовь противъ отца и бунтуется противъ его власти—все это написано сильно и мастерски. А сцена ужаса, охватывающаго Беатрису, когда она узнаетъ отъ отца, что Поль ея родной братъ, и потомъ когда она бросаетъ Полю, почти въ безпамятствѣ, слова: „Ты—сынъ madame Луанде и моего отца!“—все это положительно превосходно. M-lle Виссокъ (Wissocq), въ первый разъ выступающая передъ публикой, два мѣсяца назадъ кончившая консерваторію. У нея есть не только темпераментъ, но и вкусъ, и умъ, умѣнье создавать типъ, и передавать его во всѣхъ его сложныхъ изгибахъ. Меньше всего удался автору послѣдній актъ, совершенно ненужный, ослабляющій впечатлѣніе превосходнаго 3-го акта.

Массене окончилъ новую оперу подъ заглавіемъ „Сансъ“ („Saïs“).

Этотъ же авторъ еще написалъ большой балетъ „Талисманъ“, о которомъ французская печать отзывается очень сочувственно.

Наслѣдники Мейсонье поднесли французскому правительству, въ видѣ добровольнаго пожертвованія для одного изъ музеевъ, по усмотрѣнію правительства, всѣ этюды и наброски знаменитаго художника, сдѣланные имъ во время подготовительныхъ работъ для парижскаго Пантеона.

Какъ кажется, предстоитъ опять слiяніе воедино двухъ парижскихъ Салоновъ—Елисейскихъ полей и Марсова поля. При распредѣленіи наградъ во дворцѣ Промышленности (гдѣ присутствовали Пюви де Шаванъ, президентъ „Société nationale des beaux arts“, устраивающаго выставки на Марсовомъ Полѣ, а также казначей его, Дюбюфъ, и секретарь Беро) Бонна, президентъ „Société des artistes français“ заявилъ, что онъ все испробуетъ, чтобъ примирить живописцевъ и скульпторовъ, и надѣется, что это удастся ему при содѣйствіи министра Буржуа. Бонна, дѣйствительно, принадлежитъ иниціатива въ этомъ примиреніи. На недавнемъ официальномъ обѣдѣ у Карно, гдѣ были приглашены комитеты обоихъ Обществъ, онъ предложилъ Пюви де-Шеванну положить конецъ пререканіямъ и посодѣйствовать сліянію обоихъ Обществъ. Такъ какъ Пюви де-Шаванъ въ принципѣ оказался не прочь отъ примиренія, то Бонна пригласилъ комитетъ Марсова поля на обѣдъ своего Общества. Приглашеніе было принято.

Анонимный жертвователь предложилъ въ подарокъ государству картину Эдуарда Детайля „Вылазка Гюнингенскаго гарнизона“ въ 1815 г., которая составляетъ одно изъ выдающихся произведеній нынѣшняго парижскаго Салона Елисейскихъ полей. При этомъ поставлено условіемъ, чтобъ картина эта была помѣщена въ Луврскій музей. Детайль сохраняетъ за собой право размноженія ея. По заявленію самого художника, анонимный жертвователь еще въ прошломъ году купилъ у него для той же цѣли его извѣстную картину „Нападеніе 4-го гусарскаго полка“. Но художникъ, не вполнѣ удовлетворенный этимъ произведеніемъ, пожелалъ ее замѣнить новой картиной, на что жертвователь согласился.

Аукціонная распродажа художественной колекціи Александра Дюма привлекла массу публики. Въ первый же день продано на 416,000 франк. Картина Мейсонье „Le peintre au chevalet“, купленная Дюма за 15,000 фр., пошла за 60 тыс. и пріобрѣтена въ Америку, за три картины Коро дано: „Paysan á travers la campagne“—40 тыс., „Solitude“—8,590, „Crépuscule“—19,500, за „Кентавровъ“ Фромантэна $17\frac{1}{2}$ тыс., „Coucher de Soleil“ Ж. Дюпре—$11\frac{1}{2}$ тыс.

Общая сумма, вырученная отъ распродажи колекціи картинъ Александра Дюма, не оправдала ожиданій: 512,000 франк., вмѣсто милліона слишкомъ, который былъ напророченъ.

Комитетъ „Общества французскихъ художниковъ“ (Салонъ Елисейскихъ полей) рѣшилъ устраивать въ помѣщеніи своей выставки („Palais d'Industrie“) „Салонъ для музыки“ („Salon des musicien“), гдѣ должны исполняться новыя музыкальныя произведенія.

Учредители парижскаго Салона на Марсовомъ полѣ, подъ предсѣдательствомъ Пюви де Шавана, въ видѣ награды за свою нынѣшнюю выставку, признали своими общниками 8 художниковъ изъ 29 предложенныхъ къ отличію, изъ нихъ эту высшую почесть получилъ нѣмецъ — Либерманъ. Салонъ этотъ не признаетъ никакихъ медалей. „Общникъ“ же пользуется правомъ выставлять свои произведенія безъ оцѣнки жюри и въ какомъ угодно числѣ.

Высшій совѣтъ изящныхъ искусствъ такъ называемую „Prix de Paris“, учрежденную взамѣнъ прежней „Prix du Salon“, присудилъ молодому скульптору Анри Видаль за его „Дунайскаго крестьянина“ и барельефъ „Charité“, выставленные въ „Palais d'Industrie“.

Г-жа Берто, учредительница и предсѣдательница парижскаго „Union des femmes peintres et sculpteurs“, выставляетъ свою кандидатуру на одно вакантное мѣсто въ академіи изящныхъ искусствъ. Эта кандидатура не безъ прецедентовъ. Съ десятокъ женщинъ нѣкогда пребывали членами академіи живописи и скульптуры, когда она была королевской, т.-е. до 1793 г.

Парижская выставка 1889 г. оживила передъ французами память художника-рисовальщика и иллюстратора многихъ художественныхъ и литературныхъ изданій—*Раффе*, умершаго въ 1860 году. Въ настоящее время имя его сдѣлалось настолько популярнымъ, что его, какъ художественнаго генія, рѣшили почтить монументомъ. Художественный журналъ *Gazette des Beaux-Arts* вспоминаетъ характеристику Раффе, написанную на страницахъ того же журнала извѣстнымъ знатокомъ ис-

кусства Полемъ Манцемъ и появившуюся вскорѣ послѣ смерти художника: Раффе, говорятъ Манцъ, въ своихъ наброскахъ изъ военной жизни сумѣлъ соединить реальность съ героизмомъ и во всѣхъ его произведеніяхъ чувствуется связь поэзіи съ исторіей. Манцъ предсказалъ, что значеніе Раффе должно со временемъ возрасти. Въ настоящее время художника прославляютъ главнымъ образомъ за то, что онъ превосходно изобразилъ въ своихъ многочисленныхъ рисункахъ характеръ и исторію французскаго солдата, начиная со временъ первой французской революціи почти до настоящихъ временъ — въ этомъ смыслѣ художникъ является крупнымъ предшественникомъ Мейссонье, Детайля, Невиля. Онъ не знаменитъ своими картинами, но очень знаменитъ своими высокоталантливыми и характерными рисунками, изображающими безчисленныя сцены изъ исторіи боевой жизни французскаго солдата за указанный длинный періодъ времени. Вотъ почему французское общество, прославляя своего баталиста Раффе желаетъ прославить въ то же время и своего солдата: скульптору Фремьо поручено изготовить монументъ въ честь художника такимъ образомъ, чтобы бюстъ художника, возвышающійся на колоннѣ, окружала группа изъ трехъ солдатъ, изъ которыхъ одинъ представитъ типъ солдата временъ революціи, другой — времени имперіи Наполеона I и третій—болѣе новаго времени, солдата временъ алжирской войны, крымской и занятія Рима. Напомнимъ кстати, что Раффе посѣщалъ Россію и въ Возвесенскѣ, на маневрахъ, знакомился съ русскимъ солдатомъ, изображая его въ своихъ мастерскихъ рисункахъ.

Умершій въ этомъ году извѣстный художникъ Альфредъ Гревенъ скончался 65 лѣтъ отъ роду. До сотрудничества въ „Journal Amusant“ онъ былъ мелкимъ желѣзнодорожнымъ служащимъ...

Въ парижскомъ Салонѣ картина Вибера „Больной врачъ“ такъ изрѣзана неизвѣстнымъ негодяемъ, что реставрація ея невозможна.

Недавно въ окрестностяхъ Парижа умеръ престарѣлый Перро, знаменитый балетмейстеръ. Перро какъ хореографъ замѣчателенъ тѣмъ, что внесъ въ танцы совершенно новый, небывалый до него элементъ. Въ балетахъ Перро каждый танецъ въ то же время и мимическое выраженіе дѣйствія драмы и потому занимателенъ отъ начала до конца. Перро былъ приглашенъ балетмейстеромъ изъ Парижа на нашу балетную сцену въ 1849 г. и оставался въ Петербургѣ, за небольшимъ перерывомъ въ 1851 г., до 1859 года. За это время онъ поставилъ у насъ 9 большихъ балетовъ („Эсмеральду“, „Катарину“, „Своенравную жену“, „Наяда и рыбакъ“, „Газельду“, „Фаустъ“, „Армиду“, „Мраморныя красавицы“ и „Корсара“) и 3 одноактныхъ балета: „Питомица фей“, „Балетмейстеръ въ хлопотахъ“ и „Маркобомба“. Всѣ эти балеты имѣли не только въ свое время громадный успѣхъ, но и до сихъ поръ еще не сходятъ съ балетнаго репертуара. Въ балетахъ Перро танцовали всѣ знаменитыя балерины второй половины нашего столѣтія, начиная съ Фанни Эльслеръ, Карлотты Гризи, М. С. Петипа, Феррарисъ и Богдановой и кончая Вирджиніей Цукки. — Послѣдніе годы своей жизни престарѣлый Перро проживалъ въ Парижѣ.

На дняхъ скончался въ Парижѣ извѣстный артистъ Добрэ, изъ Палерояльскаго театра. Ему было всего пятьдесятъ пять лѣтъ. Настоящая его фамилія Тибо. Въ лицѣ г. Добрэ парижскіе театры несутъ большую утрату. Онъ былъ выдающійся комическій талантъ. Свою артистическую карьеру покойный началъ на сценахъ маленькихъ парижскихъ театровъ и затѣмъ постепенно переходилъ въ Folies Morigny, откуда—въ Folies dramatiques, въ Renaissance, въ буффы и наконецъ въ Палерояльскій театръ. До перехода въ „Palais Royal“ г. Добрэ подвизался главнымъ образомъ въ опереткахъ и въ качествѣ опереточнаго актера игралъ и въ Москвѣ въ продолженіе одного лѣтняго сезона, на сценѣ одного изъ загородныхъ театровъ. Это было въ семидесятыхъ годахъ. Репертуаръ покойнаго былъ очень обширный и разнообразный.

Въ Парижѣ нѣкій аббатъ Гарнье, въ виду поддержки у французовъ религіознаго чувства, рѣшилъ устроить „христіанскій театръ“, который по его плану долженъ будетъ воспроизводить событія изъ жизни Христа. Для осуществленія своей идеи Гарнье предполагаетъ учредить акціонерное Общество, которое, по его разсчетамъ, получитъ большіе барыши, не менѣе 130 тысячъ франковъ въ годъ. Многіе французскіе духовные возстали, однако, противъ его проекта, считая его кощунствомъ, но не поколебали Гарнье, настаивавшаго на своей идеѣ. Во всякомъ случаѣ, газета „Croix“ оффиціально объявила уже объ учрежденіи „христіанскаго театра“ съ капиталомъ въ 400 тысячъ франковъ. Надо, однако, замѣтить, что по существу затѣя Гарнье для католиковъ не представляетъ новизны; достаточно вспомнить продолжающіяся и въ наши дни мистеріи въ Оберъ-Аммергау (въ Баваріи), остатокъ средневѣковыхъ мистерій въ церквахъ или религіозныя процессіи въ Сициліи и въ Испаніи.

Въ парижскомъ театрѣ „Шателэ“ на дняхъ шла въ первый разъ грандіозная обстановочная пьеса извѣстныхъ авторовъ феерій и обозрѣній гг. Блюмъ и Тоше—„Madame l'Amirale“. Въ фееріи, въ послѣдней картинѣ на сцену полнымъ ходомъ является огромный корабль. Происходитъ абординжъ. Г-жа Жодикъ изображаетъ адмирала. Участвуетъ въ пьесѣ до 500 статистовъ.

Г. Айвазовскій находится въ настоящее время въ Парижѣ. Скоро онъ отправится въ Нью-Іоркъ на пароходѣ „Бургундія“.

Въ честь нашего знаменитаго марниста г. Грюнвальдъ давалъ обѣдъ въ Парижѣ; тутъ же г. Грюнвальдомъ куплены у г. Айвазовскаго двѣ картины „Русскій флотъ въ Америкѣ“и „Американскіе крейсеры, привезшіе въ 1892 г. хлѣбъ въ Россію“. Обѣ эти картины, между прочимъ, будутъ также выставлены въ Чикаго.

Русскій посолъ въ Вѣнѣ, князь Лобановъ, пожертвовалъ парижскому городскому музею Карнавале, собирающему различныя достопримѣчательности изъ эпохи революціи, 6 акварельныхъ рисунковъ 1804 г., которые относятся къ процессу по поводу заговора Кадудаля-Моро противъ перваго консула Бонапарта.

Чешская оперная труппа, съ большимъ успѣхомъ дававшая представленія въ театрѣ вѣнской театрально-музыкальной выставки, намѣрена предпринять въ этомъ году большое артистическое путешествіе по Европѣ. Первые спектакли этой труппы состоятся въ Парижѣ.

Въ Парижѣ покончилъ съ собою выстрѣломъ изъ револьвера Гекторъ Кремье, авторъ „Orphée aux Enfers“, „Jolie Parfumeuse“, „Petit Faust“, Geneviève de Brabant“, „Amour du Mariage“, „Germaine“ и много другихъ пьесъ. Кремье родился въ 1828 г. Самоубійство приписываютъ разстроенному здоровью и семейнымъ непріятностямъ.

Недавно парижскія газеты возвѣщали о пріобрѣтеніи Луврома венеціанской бронзовой статуэтки, прославляющейся всѣми патентованными знатоками, какъ совершеннѣйшее воплощеніе разцвѣта Возрожденія и приводившей ихъ въ восторгъ каждой своей деталью. И вдругъ оказы-

вается теперь, что это подѣлка. „Temps“ заявляетъ, что пресловутая статуэтка—новѣйшей фабрикаціи и что ловкій фальсификаторъ придалъ статуэткѣ видъ подлинности посредствомъ комбинаціи одного бюста изъ венеціанскаго „Museo Correr“ и фигуры, вырытой изъ венеціанской могилы. Администрація Лувра обнаружила этотъ обманъ не такъ скоро, хотя, по замѣчанію „Temps“, несоотвѣтствіе между бюстомъ и прочими частями статуэтки прямо бросается въ глаза. Вмѣсто тщательнаго изслѣдованія, администрація удовольствовалась тѣмъ, что издали любовалась „шедевромъ“ и поспѣшила повѣдать въ газетахъ о предстоящемъ необычайно счастливомъ пріобрѣтеніи. Эта подѣлка, однако, раньше предлагалась ея продавцомъ разнымъ любителямъ въ Лондонѣ и Парижѣ, и они, далеко не обладая археологической компетентностью луврской администраціи, не поддались на обманъ. Чистое счастье, что администрація не уступила желанію продавца—уплатить за такое пріобрѣтеніе въ 24 часа. Фальсификаторъ, конечно, имѣлъ полное основаніе спѣшить Цѣна за статуэтку была назначена имъ 40.000 фр. и администрація была увѣрена, что провела неопытнаго продавца. Но обнаруживъ обманъ, она отказалась уплатить условленную плату. Для довершенія комедіи, не достаетъ только того, чтобы продавецъ предъявилъ искъ къ Лувру. Вообще на луврскую администрацію нерѣдко слышатся жалобы въ кругу художниковъ. Картины въ Луврѣ сохраняются далеко не образцово. Нѣкоторые изъ перловъ нидерландскаго отдѣла размѣщены въ третьемъ и четвертомъ рядахъ, очень высоко, а болѣе слабыя картины выставлены на первыхъ мѣстахъ. Но самое худшее: это—недостаточность надзора за картинами внутри галлереи.

—

Въ **Прагѣ** въ чешскомъ театрѣ запрещено представленіе „Трагедіи человѣка“, вслѣдствіе вызванныхъ пьесой франкофильскихъ демонстрацій и требованій Марсельезы.

Въ чешскомъ національномъ театрѣ въ **Прагѣ** хорошимъ успѣхомъ пользуется опера „Джамиля“ („Djamileh“)—Бизе.

Въ Прагу пріѣхалъ П. И. Чайковскій для присутствованія на репетиціи „Пиковой дамы“. При появленіи его на сценѣ, оркестръ привѣтствовалъ его тушемъ и кликами Slava. По свидѣтельству газеты „Politik“, Чайковскій остался очень доволенъ репетиціей, а переводчику текста Новотному сказалъ, что сдѣланный имъ переводъ очень ему нравится и настолько близокъ къ оригиналу, что мѣстами переводъ совершенно незамѣтенъ.

Въ **Прагѣ**, въ національномъ театрѣ, въ первый разъ (29 сентября) дана была опера „Пиковая дама“—Чайковскаго съ громаднымъ успѣхомъ. По поводу этого спектакля газета „Politik“ (отъ 12 окт. н. ст.) говоритъ: „Вчерашнее первое представленіе „Пиковой дамы“—Чайковскаго въ національномъ театрѣ стало событіемъ дня перваго разряда и приняло видъ бурной оваціи для присутствовавшаго автора, который уже своимъ „Онѣгинымъ“ покорялъ всѣ сердца, а теперь съ „Пиковой дамой“ вполнѣ оправдалъ тѣ напряженныя ожиданія, которыя возлагались на его искусство. Сильные контрасты сценъ полныхъ веселою жизнью съ смежными сценами ужаса—производили потрясающее впечатлѣніе. Драматическая кульминаціонная точка находится въ сценахъ въ спальнѣ старой графини и въ слѣдующемъ за нимъ явленіи призрака. Предшествующая пастораль на балу производила особую прелесть съ своей остроумной имитаціей Моцарта. Тепло прочувствованное пѣніе и ослѣпительный оркестръ нигдѣ не ослабляютъ интересъ и дѣйствіе. Хорошее исполненіе, поддержанное роскошною постановкою, завершило рѣшительный успѣхъ новинки. Послѣ каждой картины бурно вызывали автора, то одного, то съ участвующими. Театръ былъ полонъ. Черезъ день назначено было повтореніе оперы; накануѣ уже всѣ билеты были на расхватъ разобраны.

—

„Гедда Габлеръ“ Ибсена, поставленная въ первый разъ въ **Римѣ**, успѣха не имѣла.

Въ **Римѣ** предстоитъ художественная выставка съ извѣстною политическою подкладкою, а именно: выставка эта устраивается въ 1895 году въ честь „двадцатипятилѣтія освобожденія Рима отъ папской власти“. Въ виду этого, всѣ итальянскіе художники, принадлежащіе къ клерикальнымъ кружкамъ, отказываются отъ участія въ выставкѣ.

Итальянское правительство намѣревается въ **Римѣ** устроить образцовый театръ, чтобы поднять вообще театральное дѣло.

Знаменитыя художественныя и античныя произведенія, собранныя въ римской галлереѣ Боргезе, были проданы съ аукціона. Теперешній главa дома князей Боргезе заложилъ и его кредиторы потребовали, чтобы знаменитая галлерея пошла съ молотка. Предметы этой галлереи, собранные въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій многими поколѣніями Боргезе, разошлись теперь по всѣмъ странамъ свѣта. Въ Римѣ покупателей не нашлось, и въ Италіи остались лишь нѣсколько малоцѣнныхъ вещей. Галлерея не оправдала тѣхъ надеждъ, которыя питали кредиторы Боргезе и за всѣ проданныя вещи выручено на наши деньги не болѣе 325,000 р. Больше всего выручено за столовый сервизъ, который Наполеонъ I подарилъ своей сестрѣ Полинѣ Боргезе; затѣмъ два бюста Бертини, одинъ изъ терракоты, изображающій папу Павла V, изъ дома Боргезе, и мраморный бюстъ кардинала Сципіона Боргезе, оба куплены американскими богачами. Восемь парадныхъ алебардъ тѣлохранителей папы Павла V куплены по приказу саксонскаго короля. Большія деньги дали за высокохудожественную голову Венеры, работы одного изъ греческихъ мастеровъ, и за „Св. Іосифа“ Гвидо Рени.

Въ „Repertorium für Kunstwissenschaft“ доказывается, что знаменитый художникъ Леонардо да-Винчи былъ близорукимъ, такъ что и нѣкоторые совѣты въ его руководствѣ по живописи объясняются этимъ физическимъ недостаткомъ художника.

Новозданная опера „Brocéliande“—Ламберта (въ Парижѣ) принята къ постановкѣ въ Théâtre-des-Arts въ **Римѣ**.

Семнадцать артистовъ королевской оперы въ **Стокгольмѣ** послали министру финансовъ протестъ противъ нераздивости директора труппы г. Нордквиста и потребовали выхода его въ отставку. Министръ, связанный съ г. Нордквистомъ пятилѣтнимъ контрактомъ, не могъ исполнить желаніе недовольныхъ. Тогда возмутившіеся артисты напечатали въ оффиціальномъ органѣ „Post Och Inrikestigning“ заявленіе, что они не вернутся на сцену до 1-го іюля 1896 г., если Нордквистъ не сложитъ съ себя управленія ею. Директоръ Оперы, какъ полагаютъ, добровольно подастъ въ отставку и положитъ тѣмъ предѣлъ громкому театральному скандалу.

Въ **стокгольмскомъ** музеѣ найдена оригинальная картина Рембрандта, написанная въ 1612 г. На картинѣ представленъ эпизодъ изъ похода батавійскаго племени подъ предводительствомъ Клавдія противъ римлянъ.

Въ **Тавризѣ** недавно умеръ отъ холеры армянскій литераторъ Константинъ Теръ-Аствацатуріанъ, извѣстный какъ переводчикъ „Горе отъ ума“ и „Ревизора“ на армянскій языкъ.

На выставкѣ въ **Чикаго** будетъ и музыкальный отдѣлъ, которымъ пока завѣдуютъ извѣстный нью-іоркскій капельмейстеръ Томасъ и Л. Томлинсъ. Будетъ выстроено нѣсколько залъ для концертовъ. Одинъ залъ на 500 человѣкъ. Recital Hall будетъ служить для камерной музыки; въ другомъ, Music Hall, будутъ происходить концерты (120 музыкантовъ и 300 пѣвцовъ); этотъ залъ разсчитанъ на 2,000 слушателей. Торжественный залъ, Festival Hall, будетъ вмѣщать въ себѣ оркестръ въ 300 чел. и хоръ въ 2,000 чел.; мѣстъ для слушателей 7,000. Въ этомъ залѣ будутъ даваться самые большіе концерты. Участіе въ концертахъ обѣщало уже не мало извѣстныхъ композиторовъ и пѣвческихъ Обществъ. Программа концертовъ въ общихъ чертахъ слѣдующая: два раза въ недѣлю будетъ играть оркестръ въ Music Hall, два раза въ мѣсяцъ—хоровое пѣніе въ томъ же залѣ; шесть серій международныхъ концертовъ съ хоромъ и оркестромъ въ Festival и въ Music Hall; три цикла ораторій, исполненныхъ соединенными американскими пѣвческими Обществами въ Festival Hall; концерты германскихъ и шведскихъ пѣвческихъ Обществъ; шесть цикловъ популярныхъ торжественныхъ концертовъ; двѣнадцать дѣтскихъ концертовъ; камерная музыка и игра на органѣ. При выборѣ солистовъ, равно какъ и при составленіи программы, бюро выставки обѣщаетъ руководствоваться исключительно художественными соображеніями.

Въ **Шербургѣ** открывается памятникъ французскому живописцу Жану Милле, автору извѣстной картины „L'Angelus“

Въ городѣ **Штатгагенѣ** (въ Германіи) скончался 11 іюля, 66 лѣтъ, извѣстный ученый музыкантъ и филологъ *Рудольфъ Вестфальдъ* Изъ его сочиненій пользуются наибольшей извѣстностью: „Elemente des musikalischen Rhythmus“ („Элементы музыкальнаго ритма“), „System der antiken Rhythmik“ („Система античной метрики“), „Metrik und Harmonik der Griechen“ („Метрика и гармоника грековъ“), „Geschichte der alten und miti telalterlichen Musik“ (Исторія древней и средневѣковой музыки“) и „Musik des griechischen Alterthums“ („Музыка греческой старины).

Въ городѣ **Эссенѣ**, извѣстноиъ громаднымъ заводомъ Круппа, построенъ новый помѣстительный театръ на 800 посѣтителей. Въ театрѣ примѣнены всякаго рода техническія усовершенствованія. Чтобы упрочить въ немъ спектакли, хозяинъ завода обязался вносить ежегодно субсидію въ 10,000 марокъ.

МЫЛО

ПРОВИЗОРА

А. Ж. ОСТРОУХОВА

ОТЪ

ГОЛОВНОЙ

ПЕРХОТИ

ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ

ТРЕБУЙТЕ МАРКУ

ЗА №3374.

ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ ПОДДѢЛОКЪ.

КНИЖНО-МУЗЫКАЛЬНЫМИ МАГАЗИНАМИ

В. Д. КАШКИНА

въ Орлѣ и Курскѣ

изданы и во всѣхъ извѣстныхъ музыкальныхъ магаз. Россіи продаются слѣдующія

НОТЫ:

пьесы первоклассныхъ композиторовъ, аранжированныя для фортепіано въ степеняхъ средней и малой трудности, съ объясненіями и аппликатурой:

1) **ЛИСТЪ.** Венгерская рапсодія № 14. (Фантазія на венгерскія народныя пѣсни и танцы). Ц. ср. тр. 75 к., мал. тр. 60 к.
2) **ШОПЕНЪ.** Ноктюрнъ. Соч. 27, № 2. Цѣна средн. труд. 35 к., малой труд. 30 к.
3) **ЛИСТЪ.** Мефистофель-вальсъ. (Mephisto-Walzer). Эпизодъ изъ „Фауста", Ленау. (Танецъ въ деревенскомъ шинкѣ). Цѣна средн. труд. 90 к., малой труд. 75 к.
4) **ШОПЕНЪ.** Ноктюрнъ. Соч. 15, № 2. Цѣна средн. труд. 30 к., малой труд. 30 к.
5) **ЛИСТЪ.** Прогулка въ гондолѣ. Баркарола. (La gita in gondola). Цѣна ср. тр. 30 к., мал. тр. 30 к.
6) **ШОПЕНЪ.** Мазурка. Соч. 33, № 2. Цѣна малой труд. 35 к.
7) **ШУМАНЪ.** Интермедія. Соч. 26. (Intermezzo). Цѣна сред. труд. 30 к.
8) **ШОПЕНЪ.** Похоронный маршъ. (Marche funèbre). Соч. 35. Цѣна ср. тр. 30 к., мал. тр. 30 к.
9) **ЛИСТЪ.** Венгерская рапсодія № 2. Цѣна ср. тр. 60 к., мал. тр. 50 к.
10) **ШОПЕНЪ.** Польскій (Polonaise). Соч. 53. As—dur. Ц. ср. тр. 60 к., мал. тр. 50 к.
11) **ЛИТОЛЬФЪ.** Знаменитое Скерцо изъ симфоническаго концерта. Op. 102. Цѣна сред. тр. 60 к., мал. тр. 60 к.
12) **БЕТХОВЕНЪ.** Похоронный маршъ. (На смерть героя) Цѣна ср. тр. 30 к., мал. тр. 50 к.
13) **ШУМАНЪ.** Вечеромъ. (Des Abends). Op. 12, № 2. Цѣна мал. тр. 30 к.
14) **ШОПЕНЪ.** Молитва во время грозы. (Prelude). Соч 28, № 24. Ц. ср. тр. 30 к. мал. тр. 30 к.
15) **ШОПЕНЪ.** Этюдъ. Соч. 25, № 1. Цѣна ср. тр. 30 к., мал. тр. 30 к.

ВЫПИСЫВАЮЩИМЪ ИЗЪ МАГАЗИНА В. Д. КАШНИНА ВЪ ОРЛѢ всѣ 13 ПЬЕСЪ СРЕДНЕЙ ТРУДНОСТИ, цѣною 5 р. 90 к., высылаются за 5 р. И всѣ 14 ПЬЕСЪ МАЛОЙ ТРУДНОСТИ, цѣною 5 р. 70 к., высылаются за 5 руб. съ пересылкой. Требующимъ-же всѣ 27 ПЬЕСЪ СРЕДНЕЙ и МАЛОЙ ТРУДНОСТИ, цѣною 11 р. 60 к., онѣ высылаются за 9 р. съ пересылкою.

Магазинами В. Д. КАШКИНА изданы также слѣдующія ноты

ДЛЯ ФОРТЕПІАНО:

ВЕНШИНЪ. Характеристики. Вальсъ. 2-е изд. просмотрѣнное авторомъ. 60 к.
— Полька 30 к.
— Le Tourbillon. (Вихрь). Grand galop. 40 к.
РОЗАНОВЪ. Souvenir d'un bal. Mazurka. 30 к.
— Тоже упрощенное изданіе. 30 к.
КВАШНИНЪ. Для тебя одной. Вальсъ. 3 изд. 40 к.
ФИНКЕЛЬШТЕЙНЪ. Орловскій городской садъ. Вальсъ. 4-е изд. 30 к.
— Золотыя грезы. Вальсъ 40 к.
— Орловскіе зимніе вечера. Вальсъ. 50 к
— Орловскіе велосипедисты. Полька. 40 к.
БИЗЕ-НИКШАКЪ. Тореадоръ-маршъ изъ оперы „Кармэнъ". 3-е изд. 30 к.
НИКШАКЪ. Русская рапсодія. Фантазія на русскія темы. 2-е изд. 60 к.
МЕНДЕЛЬСОНЪ. Знаменитый скрипичный концертъ. op. 64, аранжир. для одного фортепіано. 1 р.
— Баркарола („Умолкла пьяцетта"). 20 к.
КАШКИНЪ, В. По озеру. Идилія. 40 к.
— Сонъ и сновидѣнія. Вальсъ. 60 к.
— Переходы изъ одного тона въ другой. 196 модуляцій въ хроматическомъ порядкѣ. 1 р. 20 к.
СВѢТОЗАРОВЪ. Маршъ Орловскаго Вольнаго Пожарнаго Общества. 40 к.

ДЛЯ ПѢНІЯ:

МОШКОВСКІЙ. Серенада. 30 к.
ШОПЕНЪ. „На зарѣ". (Ноктюрнъ, op. 15, № 2). 40 к.
КВАШНИНЪ. „Для тебя одной". Вальсъ. 30 к.
ВЕНШИНЪ. „Было время". 2-е изд. 40 к.
— „Слышу-ли пѣсенки звуки". 2-е изд. 30 к.
— „Ни слова, о другъ мой". 3-е изд. 30 к.
— Кудри. „Съ радости веселья". 40 к.
КАШКИНЪ, В. „О пой, непаглядная". 40 к.
— „Цвѣли цвѣтики". Народная. 20 к.

Выписывающіе отъ издателя (магазины В. Д. Кашнина въ Орлѣ) ЗА ПЕРЕСЫЛКУ НЕ ПЛАТЯТЪ. Торговцамъ обычная уступка.

Магазинъ имѣетъ НОТЫ ВСѢХЪ ИЗДАТЕЛЕЙ, столичныхъ и провинціальныхъ. Цѣны по ихъ каталогамъ.

Вышла девятая (сентябрская) книга ежемѣсячнаго литературно-политическаго изданія

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Содержаніе: I. Изъ Переписки недавнихъ дѣятелей. (Матеріалы для исторіи русскаго общества). Окончаніе.—— II. Анна. (Разсказъ изъ петербургскаго прошлаго). Окончаніе. **Л. Луньянова.**—III. Гертруда Кольбьернсенъ. Романъ Эрика Сирама. Переводъ съ датскаго **В. М. С.** Окончаніе.—IV. Стихотворенія. **Л. И. Пальмина.**—V. Охотничьи брови. (Повѣсть). Окончаніе. **Д. Н. Мамина-Сибиряка.**—VI. Прометей и Сизифъ. **Маріи Конопницкой.** Переводъ съ польскаго **В. М. Л.**—VII. Хрупкое счастье. Романъ **Эдуарда Бертца.** Переводъ съ нѣмецкаго **В. М. Р.**—VIII. О борьбѣ съ негроторговлею и рабовладѣніемъ **В. П. Даневскаго.**—IX. Фурье. (Опытъ критическаго обзора его ученія). **Н. В. Водовозова.**—X. По своимъ краямъ. Окончаніе. **М. Н. Ремезова.**—XI. Культурный кризисъ въ Римской имперіи. Продолженіе. **М. О. Корелина.**—XII. Стачки во Франціи. (1874—1889). **М. Н.**—XIII. Роль министровъ въ западной Европѣ. Окончаніе.—XIV. Изъ исторіи нашей литературной критики **М. А. Протопопова.**—XV. Научный обзоръ. Международный конгрессъ антропологіи и доисторической археологіи въ Москвѣ. **П. Н. Милюкова.**—XVI. Литература и жизнь. **Н. К. Михайловскаго.**—XVII. Иностранное обозрѣніе. **В. А. Гольцева.**—XVIII. Внутреннее обозрѣніе.—XIX. Отвѣты рецензенту „Вѣстника Европы“. **П. Н. Милюкова.**—XX. Библіографическій отдѣлъ.—Объявленія

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1892 ГОДЪ

(тринадцатый годъ изданія).

	Годъ.	9 мѣс.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
Цѣна съ доставкой и пересылкой во всѣ мѣста Россіи	12 р.	9 р. —	6 р.	3 р. —	1 р. —
За границу	14 р.	10 р. 50 к.	7 р.	3 р. 50 к.	1 р. 25 к.

Допускается разсрочка: при подпискѣ, къ 1 апрѣля, 1 іюля и 1 октября по 3 рубля.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Москвѣ: въ конторѣ журнала:—Леонтьевскій, 21.
Въ С.-Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ Н. Фену и К°, Невскій.

Редакторъ-издатель В. М. ЛАВРОВЪ.

1-го **ОКТЯБРЯ** ВЫШЛА И РАЗДАЕТСЯ ПОДПИСЧИКАМЪ X-я КНИЖКА ЖУРНАЛА

„СѢВЕРНЫЙ ВѢСТНИКЪ“.

СОДЕРЖАНІЕ: **ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.** I. ГРАНИ ЖИЗНИ. Романъ въ пяти частяхъ. Часть III, гл. XIII — XX. Часть IV, гл. I — II. **А. Лугового.** — II. ГЕНРИХЪ ИБСЕНЪ И ЕГО ПЬЕСЫ ИЗЪ СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. **Н. Минскаго** — III. ПЕРЕДЪ ЧѢМЪ-ТО. **П. Боборыкина.** — IV. ДНЕВНИКЪ МАРІИ БАШКИРЦЕВОЙ. (Пер. съ французскаго).—V. СОФЬЯ КОВАЛЕВСКАЯ. (Что я пережила съ ней и что она разсказывала мнѣ о себѣ). А. К. Леффлеръ, герцогини ди-Кайянелло. Переводъ со шведской рукописи **М. Лучинской.**—VI. ВѢНСКАЯ ТЕАТРАЛЬНАЯ И МУЗЫКАЛЬНАЯ ВЫСТАВКА. **В Стасова.**—VII. ДВА СТИХОТВОРЕНІЯ. **Владиміра Соловьева.**—VIII. ТѢНИ ПРОШЛАГО. Романъ въ 3-хъ частяхъ **Антоніо Фогаццаро.** Перев. съ итальянскаго.—IX. СТИХОТВОРЕНІЕ. **К. Льдова.**—X. ЛАБИРИНТЪ. Романъ **Н. Капустиной** —XI. ПАРКІ. Стихотвореніе. **Д. Мережковскаго. ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.** I. ОБЛАСТНОЙ ОТДѢЛЪ: 1) ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ ВОПРОСА О СИБИРСКОЙ ЖЕЛѢЗНОЙ ДОРОГѢ. **Л. В—на.** — 2) О ВОЛЬНОЙ ПРАКТИКѢ ВРАЧЕЙ ВЪ ДЕРЕВНѢ. **В. Ер—аго.** — II. ИЗЪ ПРОВИНЦІАЛЬНОЙ ПЕЧАТИ. — III. НОВЫЯ КНИГИ.—IV. ПИСЬМА ИЗЪ АМЕРИКИ. XXIX. **В. Манъ-Гаханъ.**—V. ПИСЬМА ИЗЪ ПАРИЖА. **Robert de Cerisy.**— VI. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.— VII. ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ. **А. Волынскаго.**—VIII. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ. **Проф. А. Трачевскаго.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1893 Г.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	На годъ.	По полугодіямъ.		По четвертямъ года.			
		Январь. Іюль.		Январь.	Апрѣль.	Іюль.	Окт.
Безъ доставки въ конторѣ журнала	12 р. — к.	6 р. — к.	6 р. — к.	3 р. — к.	3 р. — к.	3 р. — к.	3 р.
Съ доставкой въ Спб.	12 „ 50 „	6 „ 50 „	6 „ — „	3 „ 50 „	3 „ — „	3 „ — „	3 „
Съ пересылкой въ предѣлахъ Имперіи	13 „ 50 „	7 „ — „	6 „ 50 „	3 „ 50 „	3 „ 50 „	3 „ 50 „	3 „
За границей	15 „ — „	8 „ — „	7 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	3 „

Вмѣсто разсрочки годовой цѣны на журналъ подписка по полугодіямъ и по четвертямъ года принимается безъ повышенія годовой цѣны подписки.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ. С.-Петербургъ: Троицкая улица, д. № 9.

Издательница Л. Я. Гуревичъ. **Редакторъ М. Н. Альбовъ.**

МОСКОВСКАЯ ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ГАЗЕТА.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ, ОБЩЕСТВЕННОЕ И ЛИТЕРАТУРНОЕ.

БОЛЬШОЕ ЕЖЕДНЕВНОЕ ИЗДАНІЕ СЪ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ И ПРИЛОЖЕНІЯМИ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	12 м.	11 м.	10 м.	9 м.	8 м.	7 м.	6 м.	5 м.	4 м.	3 м.	2 м.	1 м.
	руб.	р. к.	руб.	р. к.	руб.	р. к.	руб.	р. к.	р. к.	руб.	р. к.	р. к.
Городскіе.	7	6 50	6	5 50	5	4 50	4	3 50	2 75	2	1 50	75
Иногородніе.	8	7 50	7	6 60	6	5 50	5	4 50	3 75	3	2 —	1 —
Заграничные	14	13 —	12	11 —	10	9 —	8	7 —	5 50	4	3 —	1 50

Адресъ редакціи и конторы: Москва. Салтыковскій переулокъ, д. Живаго.

Открыта подписка на журналъ
„ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ и ПСИХОЛОГІИ“

(годъ 4-й, съ 1 ноября 1892 года).

Въ послѣднихъ книгахъ журнала принимали участіе слѣдующія лица:

Б. Н. Чичеринъ, гр. Л. Н. Толстой, Н. Н. Страховъ, Вл. С. Соловьевъ, кн. Е. и С. Трубецкіе, проф. Л. М. Лопатинъ, проф. А. А. Козловъ, проф. Н. Я. Гротъ, проф. А. И. Введенскій, Архимандритъ Антоній, П. Е. Астафьевъ, Я. Н. Колубовскій, Н. А Иванцовъ, Н. Н. Ланге, Э. Л. Радловъ, В. В. Розановъ, Е. И. Челпановъ, проф. П. Г. Виноградовъ, проф М. А. Мензбиръ, В. А. Вагнеръ, К. Н. Вентцель, В. И. Штейнъ и др.

Изданіе будетъ продолжаться на тѣхъ же условіяхъ, какъ и прежде.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ въ конторѣ журнала (Москва, Покровка, Мал. Успенскій пер., д. Абрикосовой, № 8) и у всѣхъ книгопродавцевъ. **УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:** на годъ и два мѣсяца (съ 1-го ноября 1892 г. по 1-е января 1894 года): безъ доставки—7 р. 50 к., съ доставкой и пересылкой—8 р., за границу—9 р. 50 к. На годъ (съ 1-го января 1893 года по 1-е января 1894 года): безъ доставки —6 р., съ доставкой и пересылкой—6 р. 50 к., за границу—7 р. 50 к. Члены Психологическаго Общества, учащіеся, сельскіе учителя и священники пользуются скидкой въ 2 руб. Подписка по 1-е ноября 1893 года не принимается.

Редакторъ проф. Н. Я. Гротъ. Издатель А. А. Абриносовъ.

Продолжается подписка на 1892 годъ

(ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ОБЩЕСТВЕННУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

„ОКРАИНА“.

Единственный органъ въ Туркестанскомъ краѣ и Закаспійской области. Выходитъ въ г. Самаркандѣ три раза въ недѣлю, наканунѣ отхода почтъ изъ Самарканда, то-есть **По Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ.**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ 5 р., на полгода 3 р. 50 к., на 3 мѣс. 2 р., на 1 мѣс. 1 р. и за границу 8 р.

Разсрочка допускается по соглашенію.

Редакторъ-издатель Н. В. Полторановъ.

1893 г. „НУВЕЛЛИСТЪ“ 54-й г.

музыкальный журналъ для фортепіано и музыкально-театральная газета

„НУВЕЛЛИСТЪ“ выходитъ ежемѣсячно. Каждая тетрадь „НУВЕЛЛИСТА“ будетъ содержать въ себѣ: 1) *Четыре или пять салонныхъ пьесъ въ двѣ и четыре руки*, 2) *Одинъ или два танца*, 3) *Русскій романсъ*.

„МУЗЫКАЛЬНО-ТЕАТРАЛЬНАЯ ГАЗЕТА“ будетъ выходить въ продолженіе музыкальнаго сезона и дастъ полный обзоръ всего примѣчательнаго въ области Музыки и Театра.

ПРЕМІЯ

Каждый подписчикъ на „НУВЕЛЛИСТЪ“ получитъ безплатно премію **„ПОЛНУЮ ОПЕРУ, или другое музыкальное сочиненіе“** по его выбору изъ 80-ти номеровъ и **ДВА ПОРТРЕТА** выдающихся музыкальныхъ дѣятелей

Подписная цѣна въ годъ 5 руб. съ пересылкой 6 руб.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ въ главной конторѣ „НУВЕЛЛИСТА“, Большая Морская, № 26, уголъ Гороховой.

Объявленія гг. артистовъ ищущихъ ангажемента.

Ларина В. М. на водевили съ пѣніемъ. Кіевъ, Пассажъ, № 24.

Норинъ Ф. А. Драматическій резонеръ и на роли фатовъ. Москва, Тріумфальныя ворота, Чухинскій пер., домъ Цѣликова, Евдокіи Ѳедоровнѣ Аѳонасьевой, съ передачею Ф. А. Норину.

Романовская, комическая старуха — свободна на предстоящій сезонъ на роли въ комедіяхъ, драмахъ и опереткахъ. Орелъ, библіотека „Орловскаго Вѣстника", г-жѣ Романовской.

Рощинъ-Пальмировъ Д. А., на роли вторыхъ любовниковъ и простаковъ. Свободенъ на зимній сезонъ. Одесса, Ланжероновская улица, д. Карузо, кв. С. Артемьева.

Сановъ А. Ф.—на роли резонеровъ. Кіевъ, Пассажъ, № 24.

ВЫШЕЛЪ И РАЗОСЛАНЪ ПОДПИСЧИКАМЪ

51-й ВЫПУСКЪ

(КРЕДИТЪ КОРПОРАТ.—КРОВЛИ).

НАСТОЛЬНАГО ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКАГО СЛОВАРЯ

изд. бывш. т-ва А. Гарбель и К° въ Москвѣ (Больш. Никитская, Долгоруковскій пер., д. 8).

Приложеніе: рисунки костюмовъ—таблица III, XVII и XVIII стол.

Цѣна выпуску (съ пересыл.) 30 к. на обыкн. бум. и 40 к. на лучш. бумагѣ цѣна тому (14 вып.) въ перепл. 4 р. 50 к. на об. б. и 6 р. на лучш. бумагѣ.

Все изданіе составитъ 105—115 вып. (8 томовъ).

Еженедѣльный политическій, литературно-художественный и юмористическій журналъ съ каррикатурами:

„РАЗВЛЕЧЕНІЕ".

ГОДЪ ИЗДАНІЯ ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ВСѢ ГОДОВЫЕ ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАЮТЪ

ТРИ ПРЕМІИ: 1) ОФЕЛІЯ и ГАМЛЕТЪ, 2) ВЪ БУРЮ и 3) НАШИ ТАЛАНТЫ.

Подписывающіеся съ разсрочкой получаютъ преміи по уплатѣ всей подписной суммы.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

(съ доставкою и пересылкою): на годъ 6 руб., на полгода 3 руб., на три мѣсяца 1 руб. 50 коп., на одинъ мѣсяцъ 50 коп. За преміи **годовые** подписчики уплачиваютъ **одинъ** руб.

Пробный № высылается за три семикопѣечныя марки.

Подписка принимается въ главной конторѣ журнала: **Москва, Тверская, домъ Постникова, а также въ конторѣ Н. Печковской (Петровскія линіи) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ столицъ и провинціи.**

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ДРАМАТИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ,

напечатанныя въ №№ 1—22 журнала „Артистъ“, №№ 1—5 „Дневника Артиста“ и №№ 1—17 журнала „Театральная Библіотека“.

	№№ кн. „Артиста“.	№№ кн. „Т. Библ.“
„Автора въ театрѣ нѣтъ“, ш. въ 1 д. И. Л. Щеглова. (Къ представленію разрѣшено безусловно см. „Правит. Вѣстн.“ 91 г. № 176)	—	3
„Арсеній Гуровъ“, др. въ 5 д. В. М. Михеева. (Пр. Вѣстн. 92 г. № 48)	19	—
„Ахъ мужчины, мужчины!“ ком.-фарсъ въ 4 д. перед. изъ ком. Залевскаго Н. А. Тихановымъ (91 г. № 144)	—	2
„Бабье дѣло“, ш. въ 2 д. А. Н. Канаева (90 г. № 202)	7	—
„Безъ кинжала“, ш. въ 1 д. В. Р. Щигляева (90 г. № 202)	7	—
„Биржевики“, ком. въ 1 д. Станислава Добржанскаго („Zloty cielec“). Передѣлана для русской сцены Н. А. Тихановымъ (92 г. № 142)	—	13
„Богатѣй“ (Кротость—что бѣлая зорька) ком. въ 4 д. Е. П. Гославскаго (92 г. № 7)	1	—
„Божья коровка“, ком. въ 4 д. П. Д. Боборыкина. (90 г. № 12)	4	—
„Борьба за существованіе“, піеса въ 5 д. А. Додэ, пер. Э. Э. Матерна. (90 г. № 12)	4	—
„Братъ и сестра“, пьеса въ 1 д. В. Гете, переводъ Э. Э. Матерна (92 г. № 7)	18	—
„Быть или не быть“? ком.-шуткавъ 1 д. Скриба, передѣл. для русской сцены Э. Маттернъ	—	15
„Бэби“, комедія въ 3 дѣйств. Н. И. Северина (92 г. №№ 48 и 79)	—	11
„Вамъ такія сцены не знакомы?“ Сценка въ 1 д. Дрейфуса Перев. Н. А. Тихановой. (91. г. №№ 144 и 176)	—	4
„Василекъ“, ком. въ 4 д. В. А. Крылова. (90 г. № 283)	11	—
„Водоворотъ“, др. въ 5 д. И. В. Шпажинскаго. (90 г. № 12)	3	—
„Вольная волюшка“, др. въ 5 д. И. В. Шпажинскаго. (91 г. № 31)	12	—
„Вольная пташка“, ком. въ 3 д. Е. П. Нарпова (91 г. № 276)	—	7
„Вотъ такъ водевиль“, шутка въ 1 д. Г. Н. Грессера (91 г. № 276)	—	7
„Встрѣча“, карт. въ 1 д. П. П. Гнѣдича (91 г. № 276)	17	—
„Всякому свое“, ком. въ 4 д. Н. В. Казанцева. (90 г. № 202)	5	—
„Въ глуши“, драматическій этюдъ въ 4 хъ дѣйствіяхъ. В. В. Туношенскаго	—	17
„Въ лунную лѣтнюю ночь“, этюдъ въ 1 д. А. Степановой (92 г. № 7)	—	8
„Въ мутной водѣ“, ш. въ 1 д. Н. С. Семенова (91 г. № 144)	—	1
„Въ неравной борьбѣ“, др. въ 4 дѣйств. Александрова. (91 г. №№ 233 и 120) Влад. А.	16	—
„Въ слѣдующій разъ“, сценка-монологъ въ 1 актѣ Грене-Данкура, перев. съ французск. Ѳ. А. Куманина. (90 г. № 202). (Въ отдѣльн. изд. нашего журнала—91 г. № 31)	8	—
„Въ сонномъ царствѣ“, ком. въ 4 д. И. Я. Гурлянда. (90 г. № 202)	8	—

	№№ кн. „Артиста“.	№№ кн. „Т. Библ.“
„Въ старые годы“, др. въ 5 д. И. В. Шпажинскаго. (89 г. № 258).	1	—
„Гастролерша“, шутка въ 1 дѣйствіи Ивана Щеглова. (90 г. № 228)	9	—
„Геніальная женщина“, шутка въ 1 д. А. Р. Г. (91 г. № 144)	—	1
„Гость“, др. въ 2 д. Эдуарда Брандоса, переводъ П. Ганзена. (92 г. №№ 48 и 79).	19	—
„Грамотѣй“, анекд. шут. въ 1 д. И. Н. Ге (92 г. № 142)	—	13
„Гусь лапчатый“, др. въ 5 д. И. А. Салова. (90 г. № 283)	11	—
„Дармоѣдна“, комедія въ пяти дѣйствіяхъ И. А. Салова. (90 г. № 202) . .	8	—
„Дачный мунъ“, ком.-шутка въ 3 д. Ивана Щеглова (92 г. № 142)	—	14
„Двѣ семьи“, ком. въ 5 д., Эмиля Ожье, перев. И. Л. Щеглова.	22	—
„Джэкъ“, драма въ 5 д. Альфонса Додэ, передѣлано И. Н. Ге. (92 г. № 79) . . .	—	11
„Докторъ Штокманъ“, др. въ 5 д. Г. Ибсена, перев. Н. Мировичъ. (91 г. №№ 120 и 233).	15	—
„Долгъ чести“, драма въ 1 д. П. Гейзе, перев. Э. Э. Матернъ. (91 г. № 176) .	—	3
„Донъ Карлосъ инфантъ испанскій“, тр. въ 5 д. Шиллера. Приспособленный для сцены переводъ И. Н. Гренова. Съ рисунками костюмовъ гр. Ѳ. Л. Соллогуба . .	1—4	—
„Донъ Фернандо, стойкій принцъ“, траг. въ 5 д. Кальдерона, перев. Н. Ѳ. Арбенина (91 г. № 94)	12—14	—
„Дочь невѣста“, ком.-шутка въ 4 д. В. М. Михеева (91 г. № 276)	—	7
„Душа потемки“, сцены въ 3 д. М. П. Садовскаго. (91 г. № 233)	—	5
„Женскій вопросъ“, фарсъ въ 2 д. Л. Фульда, перев. Н. Ѳ. Арбенина (92 г. №48).	20	—
„Жизнь Илимова“, будничная драма въ 5 карт. В. С. Лихачова. (91 г. № 233).	15	—
„Жить надоѣло“, ш. въ 1 д. В. В. Билибина. (91 г. № 176)	—	3
„Житье привольное“, др. изъ народной жизни въ 5 д. Е. П. Карпова (92 г. №№ 79 и 98)	—	12
„Жоржиньна“, комедія-фарсъ въ 2 д. Чека. (91 г. № 94). (Въ отдѣльномъ изданіи вашего журнала—91 г. № 120).	14	—
„Жрица искусства“, ком. въ 4 д. Е. П. Карпова (91 г. № 59)	14	—
„Заяцъ“, комедія-фарсъ въ 3 д. И. И. Мясницкаго (92 г. № 7)	—	8
„За рюмочну“, картинка будничной жизни В. Р. Щиглева	—	15
„Золотая рыбка“, ком. въ 3-хъ д. И. А. Салова и И. Н. Ге. (90 г. № 12) .	3	—
„Иванъ да Марья“, шутка въ 1-мъ дѣйствіи Г. Н. Грессеръ	—	17
„И ночь,.. и луна,.. и любовь!...“ („Notturno“), шутка въ 1 д. съ пѣніемъ (оригинальная) Г. Н. Грессора, (*съ приложеніемъ клавираусцуга*) (92 г. № 98) . .	—	12
„Интересная больная“, шутка въ 1 д. В. Холостова. (91 г. № 233).	—	6
„Искорка“, ком. въ 1 д. Пальерона, перод. для русск. сцены А. Н. Плещеевымъ. (91 г. № 233).	—	5
„Камень при распутьи“, ком. въ 3 д. кн. Н. П. Урусова. (91 г. № 176) . . .	—	4
„Найсаровы“, пьеса въ 4 д. Влад. А. Александрова (92 г. № 48)	—	9
„Комнъ по натурѣ“, шутка въ 1 д. Ив. Щеглова (92 г. № 48)	—	9
„Компаньоны“, ком. въ 4 д. П. М. Невѣжина (91 г. № 276 и 92 г. № 7) . . .	18	—
„Кража“, драм. этюдъ въ 1 д. кн. Д. П. Голицына (Муравлина). (90 г. № 228).	9	—
„Лебединая пѣсня“ („*Калхасъ*“), др. въ 1 д. А. П. Чехова. (89 г. № 274) . .	2	—
„Мамаево нашествіе“, ком.-шутъ въ 3 д. Ивана Щеглова. (90 г. № 283)	10	—
„Маman“, ком. въ 2 д. С. Н. Терпигорева (Сергѣя Атавы). (90 г. № 12). . . .	3	—
„Медвѣдь“, ш. въ 1 д. А. П. Чехова (90 г. № 202)	6	—
„Мельхіоръ“, ком. въ 1 д. С. Меллера, перев. Н. Г. (91 г. № 233)	—	5
„Молчаніе“, шутка въ 1 д. В. В. Билибина. (91г. № 31).	12	—
„Муравейнинъ“, ком. въ 2 д. Н. Хриницкаго. (92 г. № 97). „*Дневникъ Артиста*“ №	4	—
„Мышеловка“, ш. въ 1 д. И. Л. Щеглова (89 г. № 258)	1	—
„Мюзота“, др. въ 3 д. Гюи де-Мопассана и Ж. Нормана перев. Н. И. Северина (92 г. № 142)	—	13
„Навожденіе“, ком. въ 3 дѣйст., Н. Хриницкаго и А. Воронежскаго (92 г. № 79).	21	—
„На своихъ мѣстахъ“, комедія въ 4 д. Чик. Вл. Казанцева (92 г. № 7)	—	8
„Не всяному какъ Якову“, картина сельской жизни въ 1 д. Е. П. (91 г. № 59)	—	—
„Не въ добрый часъ“, ш. въ 1 д. Щеглова. (91 г. № 233).	—	5
„Нежданный гость“ („Жанъ Дамуръ“) др. въ 1 д. Эннина (передѣлано изъ романа Эмиля Золя), переводъ съ И. Л. Щеглова. (90 г. № 202)	—	—
„Незадачный денекъ“, ш. въ 1 д. Н. Каменскаго. (91 г. № 233)	—	5
„Незваный гость“, небывалый анекдотъ въ 1 д. Н. Г. Леонтьева. (91 г. 233). .	—	—
„Не лги!“, фарсъ въ 3-хъ д. И. И. Мясницкаго, передѣланъ изъ ком. Шамберта „Ieđénàcte prîkázáni“ (92 № 48) .	—	10
„Ненастье“, ком. въ 1 д. П. П. Гнѣдича. (91 г. № 59)	11	—
„Неудачный день“, ком. въ 1 д. Т. Барріера, пер. Э. Э. Матерна (92 г. № 189)	—	16
„Новое дѣло“, ком. въ 4 д. Влад. Ив. Немировича-Данченко. (90 г. № 283). (Въ отдѣльномъ изданіи нашего журнала—91 г. № 31)	10	—
„Обухъ“(„Ни съ того, ни съ сего“)(„Nowy dziennik“), ком. въ 3 д. Балуцкаго. Перед. для р. сц. Е. М. Б — аго. (91 г. № 176).	—	4

	№№ кн. „Артиста“.	№№ кн. „Т. Библ.“.
„Одурачили!..“ (Мужъ на прокатъ), (Le mari à Babette), ком. въ 3 д. Г. Мельяна и Ф. Жилль, перев. съ франц. П. И. Ничесва.	—	15
„Озимь“, др. въ 4 д. А. А. Луговаго (90 г. № 202).	7	—
„Опасные люди“ („Два полюса“), драма въ 4 д. К. В. Назарьевой. (91 г. № 176).	—	3
„Осень“, ком. въ 3 д. В. М. Михеева (91 г. № 144)	—	2
„Осенняя роза“, комедія въ одномъ актѣ Огюста Доршена. Переводъ съ французскаго А. Н. Михеевой. (92 г. № 98). „Дневникъ Артиста“ №	1	—
„Осколки минувшаго“, ком. въ 5 д. и 6 картинахъ, передѣлана изъ повѣсти Вс. Крестовскаго (псевдонимъ) „Въ ожиданіи лучшаго“ И. Н. Ге. (91 г. № 233).	16	—
„Отставка“, шутка въ 1 дѣйст. (91 г. №№ 144 и 176)	—	4
„Отрѣзанный ломоть“, фарсъ-водевиль въ 1 д. С. А. Алякринскаго	—	15
„Перекати поле“, ком. въ 4 д. П. П. Гнѣдича (90 г. № 12). (Въ отд. изданіи нашего журнала—90 г. № 228)	4	—
„Петербургскій кузенъ“, ком. въ 3 д. В. Кигна и В. Тихонова (92 г. № 142)	—	14
„Плагіатъ“, ком. въ 1 д. К. С. Баранцевича. (90 г. № 202).	6	—
„Подвижной лагерный сборъ“, карт. въ 1 д. Н. П. Неймана (91 г. № 144)	—	1
„Подъ властью сердца“, др. въ 5 д. И. Н. Ладыженскаго (89 г. № 274)	2	—
„Подъ душистой вѣткой сирени“, ком. въ 1 д. В. Корнеліевой (92 г. № 189) „Дневникъ Артиста“	5	—
„По кровавымъ слѣдамъ“, фарсъ въ 1 дѣйст. Г. Н. Грессера. (90 г. № 283)	10	—
„По памятной книжкѣ“, ком.-шутка въ 1 д. Передѣлана Э. Э. Матерномъ изъ пьесы Г. Мюрже „Le serment d'Horace“ (92 г. № 142)	—	14
„По ревизіи“, эт. въ 1 д. М. Л. Кропивницкаго. (91 г. № 94)	14	—
„Порывъ“, др. въ 4 д. Н. О. Ракшанина (91 г. № 31)	12	—
„Послѣднее сокровище“, др. эт. въ 2 д. В. М. Михеева (91 г. № 144)	—	1
„Послѣдняя воля“, ком. въ 4 д. Влад. Ив. Немировича-Данченко (92 г. № 48).	—	9
„Похищеніе Сильфиды“, ком. въ 1 д. В. В. Билибина. (91 г. № 233).	—	5
„Предложеніе“, ш. въ 1 д. А. П. Чехова (90 г. № 12)	3	—
„Привѣтствіе искусствъ“, лирическая сцена Шиллера, перев. Н. Ѳ. Арбенина.	2	—
„Приданое принимаютъ“, ком. въ 1 д. М. В. Ларіонова (92 г. № 189)	—	16
„Приступомъ“, сцены въ 2 д. И. В. Шпажинскаго. (90 г. № 202)	5	—
„Пуганая ворона“, сцены изъ жизни пріятнаго общества, В. Щигрова (92 г. № 142) „Дневникъ Артиста“ №	3	—
„Рабочая слободна“, драма въ 4 д. Е. П. Карпова. (91 г. № 276).	17	—
„Разладъ“, др. въ 4 д. В. А. Крылова (89 г. № 274)	2	—
„Ранняя осень“, драма въ 4 д. Е. П. Нарпова. (91 г. № 59). (Въ отдѣл. изд. нашего журнала—91 г. № 31)	13	—
„Ревнивый актеръ“, монологъ въ стихахъ гр. Ѳ. Л. Соллогуба. (89 г. № 258)	1	—
„Револьверъ“, ком. въ 1 д. В. В. Билибина. (90 г. № 283)	10	—
„Самъ у себя подъ стражей“, ком. въ 3 д. Донъ Педро Кальдерона дель Барка, приспособ. къ сценѣ перев. С. А. Юрьева. (91 г. № 276)	15—17	—
„Сарданапалъ“, трагедія Байрона, переводъ О. Н. Чюминой (90 г. № 283)	9—11	—
„Семь бѣдъ—одинъ отвѣтъ“, шутка въ 1 д. Хеля, перев. Н. Ѳ. Арбенина. (90 г. № 202)	6	—
„Симфонія“, комедія въ 5 дѣйств. Модеста И. Чайковскаго. (90 г. № 228).	9	—
„Скитальцы“, сцены въ 5 д. Н. С. Геннина. (90 г. № 202)	6	—
„Случайно случившійся случай“, фарсъ въ 1 д. Г. Н. Грессера (92 г. № 142)	—	13
„Старая погудка на новый ладъ“, к. въ 1 д. въ стихахъ О. Н. Чюминой (90 г. № 202).	6	—
„Старообрядецъ“, сцены въ 4-хъ дѣйствіяхъ Чужаго (92 г. № 189).	—	16
„Стоячія воды“, картинки соврем. жизни въ 3 д. П. П. Гнѣдича. (90 г. № 228)	9	—
„Степной Богатырь“, др. въ 5 д., И. А. Салова	22	—
„Съ бою“, ком. въ 4 д. П. Д. Боборыкина. (91 г. № 59)	13	—
„Счастливецъ“, пьеса въ 4 д. Влад. И. Немировича-Данченко (92 г. № 48)	—	10
„Сѣверные богатыри“, драма въ 4 д. Г. Ибсена, переводъ Н. Мировичъ (92 г. № 48).	20	—
„Сюжетъ заимствованъ“, фарсъ въ 1 д. Н. В. Каменскаго и В. С. Пичинсиаго (91 г. № 176)	—	3
„Танцующій кавалеръ“, фарсъ въ 1 д. В. Холостова (92 г. № 142)	—	13
„Театрвльный воробей“, комедія-шутка въ 2 д. Ивана Щеглова (92 г. № 48).	—	10
„Товарищество канительнаго производства“, шутка въ 1 д. Г. Н. Грессеръ (92 г. № 189).	—	16
„Трагикъ по неволѣ“, ш. въ 1 д. А. П. Чехова. (90 г. № 202)	7	—
„Три встрѣчи“, монологъ въ стихахъ М. И. Лаврова (91 г. № 144)	—	1
„Турусы на колесахъ“, ш. въ 1 д. И. Л. Щеглова. (90 г. № 202)	7	—
„Угасшая искра“, др. сцены въ 3 д., въ стихахъ, О. Н. Чюминой (92 г. № 79).	21	—
„Уголонъ Москвы“, ком. въ 4 д. Вл. А. Александрова. (91 г. № 276).	17	—
„Уѣздный Шекспиръ“, ком. въ 1 д. И. Я. Гурлянда. (90 г. № 202)	6	—
„Федра“, траг. Ж. Расина, перев. М. П. С—го. (90 г. № 202)	5—7	—

	№№ кн. „Артиста“.	№№ кн. „Т. Библ.“.
„Фотографъ любитель“, ш. въ 1 д. Э. Э. Матерна. (90 г. № 202)	6	—
„Цѣпи“, др. въ 4 д. кн. А. И. Сумбатова. (89 г. № 258)	1	—
„Честь“, ком. въ 4 д. Зудермана, переводъ съ нѣмецк. Н. К. (91 г. № 233).	16	—
„Чуданъ“, ком. въ 4 д. И. Л. Щеглова. (91 г. № 233)	—	6
„Шашни“, шутка въ 1 д. Н. Криницкаго (92 г. № 142). *„Дневникъ Артиста“* №	2	—
„Школа гостепріимства“, ш. въ 2 д. А. Н. Канаева. Сюжетъ заим. изъ пов. Д. В. Григоровича. (91 г. № 233) . . .	—	6
„Эллида“, др. въ 5 д. Г. Ибсена, перев. В. М. Спасской. (91 г. № 94).	14	—

Отдѣльные №№ журнала **„Артистъ“** продаются по **2** рубля, а **„Дневника Артиста“** и **„Театральной Библіотеки“** по **1** рублю. (Цѣна тома „Театральной Библіотеки“ (4 книги) — 3 руб.).

Выписывающіе изъ конторы редакціи за пересылку не платятъ.

Экземпляры № 4 журнала **„Артистъ“** всѣ распроданы. („Перекати поле“, ком. въ 4 д. П. П. Гнѣдича напечатана отдѣльнымъ изданіемъ. Цѣна 1 р. **50** к.).

Вышепоименованныя піесы разрѣшены къ представленію безусловно— соотвѣтствующіе №№ „Правительственнаго Вѣстника“ указаны въ скобкахъ.

Елка.

Комедія въ одномъ дѣйствіи.

Влад. И. Немировича-Данченко.

(*Посвящаю моей женѣ*).

Къ представленію дозволено 22 сентября 1892 г. № 4523.

Разрѣшеніе постановки пьесы на сценѣ зависитъ отъ мѣстнаго агента Общ. Рус. Драм. Писателей.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Михаилъ Семеновичъ Бабиковъ.
Вѣра Ивановна, его жена.
Оля, его дочь.
Маша, горничная.

Кабинетъ. Направо два окна. Прямо двѣ двери. Та, что поправѣе,—въ переднюю, а помѣлѣе—въ гостинную. Налѣво, поглубже, дверь въ другія комнаты. Обстановка новая. Коверъ во всю комнату. Между окнами письменный столъ на ящикахъ. Передъ нимъ красивое рѣзное кресло, а сбоку стулъ. На стѣнѣ передъ столомъ фотографическія карточки. Хорошій письменный приборъ, но книгъ или бумагъ почти нѣтъ. Посрединѣ комнаты круглый столъ, покрытый тяжелой скатертью. На немъ иллюстрированныя изданія, альбомы, пепельница. Налѣво у стѣны тахта, обтянутая персидскимъ ковромъ, съ вышитыми подушками. Коверъ и по стѣнѣ надъ тахтой, увѣшанный арматурой. Около тахты столикъ съ сигарами и свѣчей. Направо, у самой авансцены, на мольбертѣ большой портретъ Вѣры Ивановны, писанный маслянными красками. Мягкая мебель, ломберные столы, канделябры. Лѣвая дверь загорожена японской ширмочкой. Съ потолка спускается японскій фонарь. На тахтѣ разбросаны игрушки.

Въ передней прямо видна входная дверь, обитая краснымъ сукномъ. На вѣшалкахъ—теплыя пальто, красивая дамская ротонда. Стѣнная лампа. Надъ самой дверью съ боку—воздушный звонокъ.

Гостинная обставлена легко и изящно. Тамъ на задрапированномъ табуретѣ стоитъ украшенная елка.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Вѣра Ивановна *) и **Маша** **) *хлопочатъ около елки.* **Бабиковъ** ***) *сидитъ у письменнаго стола, глубоко задумавшись. На столѣ передъ нимъ блокъ-нотъ и на немъ карандашъ.*

Вѣра Ив. (*быстро идетъ къ тахтѣ*). Сейчасъ. Подожди, я принесу. (*Перебираетъ игрушки по ярлычкамъ изъ бѣлой бумаги, привѣшанныхъ къ каждой*). Соня Берестова... Маленькій баронъ... (*Произноситъ остальныя имена про себя. Раза два взглядываетъ на мужа, который не поднимаетъ головы*). Вотъ! (*беретъ одну изъ игрушекъ и, уходя, снова взглядываетъ на мужа. Уходитъ. Передаетъ горничной игрушку*

*) Граціозная, хорошенькая женщина лѣтъ 24. Движенія быстрыя. Тонъ избалованный. Вспыхиваетъ при малѣйшемъ противорѣчіи.

**) Видъ вертлявой столичной горничной, любимицы барыни.

***) Ему лѣтъ за 40. Виски темныхъ волосъ сильно серебрятся. Одѣтъ и причесанъ старательно, съ соблюденіемъ скромной моды. Движенія большею частью крайне сдержанныя, хотя и нервныя. Говоритъ, рѣдко возвышая голосъ.

и возвращается. Въ дверяхъ останавливается, глядя на мужа, потомъ подходитъ къ нему). Это удивительно любезно. Хорошевькая жена все время крутится около васъ, а вы хоть-бы бросили на нее одинъ ласковый взглядъ.

Баб. (*всполошился*). Какъ ты подкралась. Ишь какой котевокъ!

Вѣра Ив. О чемъ такъ глубокомысленно?

Баб. Какъ тебѣ сказать?.. Самъ не знаю.

Вѣра Ив. Умно.

Баб. Вотъ записываю, кому мнѣ дѣлать визиты въ новый годъ.

Вѣра Ив. Серьезное занятіе. Лучше помогъ-бы мнѣ убирать елку. Покажи-ка.

Баб. (*передастъ ей блокъ-нотъ, снявъ съ него карандашъ*). Тутъ еще не всѣ. Я только что началъ.

Вѣра Ив. (*стоитъ около него и просматриваетъ списокъ. Протягивая мягкую руку*). Дай-ко мнѣ карандашъ.

Баб. (*подаетъ*).

Вѣра Ив. Это долой. (*Вычеркиваетъ*).

Баб. Остракизмъ? Кого это? За что?

Вѣра Ив. Она мнѣ не отплатила визита, значитъ, и вамъ не зачѣмъ скакать къ ея мужу.

Баб. (*улыбнувшись*). Резонно. Я такъ и зналъ, что ты вычеркнешь. Нарочно и записалъ.

Вѣра Ив. (*вычеркиваетъ еще усерднѣе, помочивъ карандашъ языкомъ*).— А зналъ, такъ нечего дразнить меня. (*Просматривая*). Ахъ, вотъ еще кто?! И еще?! (*Бросаетъ блокъ-нотъ и карандашъ на столъ и молча отходитъ*).

Баб. (*съ недоумѣніемъ смотритъ въ блокъ-нотъ*). Вѣрочка! Ты же ихъ не знаешь. Это очень милые люди. Отчего ты разсердилась?

Вѣра Ив. (*съ усмѣшкой*). Разумѣется, не знаю. Я вашей прежней жизни вообще не знаю.

Баб. Я тебя увѣряю, что это скромныя и милыя семейства. За что же я буду къ нимъ не деликатенъ?

Вѣра Ив. О, ты образецъ деликатности. Ко всѣмъ, кромѣ жены. (*Смотритъ на него.*) Не понимаешь? Такъ по твоему, ѣздить въ дома, гдѣ ты бывалъ съ своей бывшей супругой, а можетъ быть и со всѣми дѣтьми,—деликатно отвосительно меня?

Баб. (*спохватился, какъ бы вдругъ вспомнилъ*).

Вѣра Ив. А! Понялъ, наконецъ. (*Вспыхивая*) Какъ же мнѣ не раскаиваться, что я вышла за тебя замужъ?

Баб. Вѣрочка!

Вѣра Ив. Ну, скажи: поѣхалъ бы ты къ этимъ „милымъ“ семействамъ,—о чемъ бы ты съ ними бесѣдовалъ? Они знаютъ всю твою прошлую жизнь, твою жену, твоихъ дѣтей. Если бы они заговорили обо мнѣ, ты бы покраснѣлъ, непремѣнно покраснѣлъ. Точно я украла что-нибудь. (*Сѣла у круглаго стола.*)

Баб. (*порывисто встаетъ*). Послушай, Вѣрочка ..

Вѣра Ив. (*быстро отходитъ*). Не подходи ко мнѣ. Поѣзжай хоть ко всѣмъ своимъ старымъ знакомымъ. Я ужь вижу, что ты заскучалъ. Не даромъ часто задумчивъ. Въ прошлое потянуло? Поздравляю. А еще какъ увѣрялъ, клялся, что для меня «сжегъ всѣ корабли»! Вотъ и видно теперь, какъ ты сжегъ!..

Баб. Вѣрочка, ну, что ты волнуешься напрасно? Какъ тебѣ не грѣхъ говорить, что меня потянуло въ прошлое. Отъ тебя-то, отъ моего котенка?

Вѣра Ив. Оставьте, пожалуйста, этотъ нѣжный тонъ для вашихъ старыхъ друзей.

Баб. Да Богъ съ ними, со всѣми! (*Срываетъ листокъ блокъ-нота, рветъ его и бросаетъ въ корзину подъ столъ.*) Никого мнѣ не надо, если это тебѣ непріятно.

Вѣра Ив. Отчего жъ ты ихъ вспомнилъ? Зачѣмъ ты ихъ записалъ?

Баб. Да я и самъ не знаю. Просто пришли въ голову, потому что я всегда дѣлалъ имъ визиты.

Вѣра Ив. Извините, на Святой не дѣлали.

Баб. Такъ на Святую же мы уѣзжали съ тобой въ Петербургъ.

Вѣра Ив. Мм... Все равно. Я не могу понять, какъ тебѣ не пришло въ голову, что это будетъ неделикатно относительно меня.

Баб. Оттого и не пришло въ голову, что я совершенно забылъ о своей бывшей супругѣ. Если бы я помнилъ о ней, то, конечно, сообразилъ бы, что этотъ визитъ только стѣснитъ меня. Понимаешь?

Вѣра Ив. Да, какъ же! Забудешь ты. Такой ты человѣкъ, чтобы забыть! Я не знаю почему, но иногда я тебѣ такъ вѣрю, такъ вѣрю, что просто... не знаю, какъ я тебѣ вѣрю. А иногда, въ особенности вотъ какъ теперь, когда ты задумчивъ, разсѣянъ, я тебя ненавижу. Тогда мнѣ кажется, что ты раскаиваешься, что ты жалѣешь о прошломъ, что ты меня вовсе не любишь, что я тебѣ надоѣла... Я готова тогда проклинать нашу встрѣчу.

Баб. (*дѣлаетъ къ ней шагъ*). Милая моя! Да будетъ тебѣ...

Вѣра Ив. Не смѣй подходить ко мнѣ. Ненавижу тебя. Ты такой же, какъ и всѣ мужчины. Пока ухаживаете,—вы и внимательны, и веселы, а чуть стали мужемъ; такъ васъ и тянетъ къ прежнимъ друзьямъ. А жена—такъ себѣ, для хозяйства. Ну, и сиди одинъ, а меня оставь въ покоѣ! (*Уходитъ въ гостиную, къ елкѣ.*)

Баб. (*посмотрѣлъ ей вслѣдъ, потомъ подавилъ нервный вздохъ. Отходитъ къ сто-*

лу, беретъ папиросу, закуриваетъ ее и задумчиво ходитъ по комнатѣ).

Вѣра Ив. (*возвращается Въ дверяхъ, смѣдя за мужемъ*). Миша! Подай мнѣ, пожалуйста, вагонъ конки.

Баб. А? Сейчасъ, родная. (*Быстро кладетъ папиросу на пепельницу, идетъ къ тахтѣ, беретъ коробку конфектъ и подастъ женѣ.*)

Вѣра Ив. Что ты мнѣ даешь?

Баб. Ты просила конфекты.

Вѣра Ив. Отстань. Не нужно мнѣ твоихъ услугъ. Маша! Возьмемъ отсюда игрушки. (*Идетъ за ними.*)

Маша (*входитъ. Будетъ помогать ей убирать игрушки*).

Баб. Я, Вѣрочка, ошибся? Такъ извини, пожалуйста. Я тебѣ подамъ все, что нужно.

Вѣра Ив. Бери, Маша. Барина мы только раздражаемъ. Ему надо о чемъ то подумать, а мы тутъ вертимся.

Баб. Вѣрочка!

Вѣра Ив. Неси вотъ эти, Маша. И двери запремъ. Тогда онъ можетъ свободно думать о чемъ хочетъ. Мы не будемъ мѣшать.

Баб. (*отходитъ на право*). Ахъ, Вѣра! Какъ ты меня мучаешь!

Вѣра Ив. Правда, Маша, красивыя игрушки?

Маша. А еще бы! На что лучше.

Вѣра Ив. И елка у насъ будетъ красивая,— правда?

Маша. Да ужъ такая шикарная, просто прелесть!

Вѣра Ив. Я думаю, вечеромъ будетъ очень весело. Я ужасно люблю смотрѣть, какъ дѣти радуются. Ну, вотъ и неси. А эти я захвачу.

Маша (*уноситъ часть игрушекъ*).

Вѣра Ив. (*собираетъ остальныя, идетъ, но вдругъ вскрикиваетъ и бросаетъ всѣ игрушки на коверъ*).

Баб. (*бросаясь къ ней*). Что случилось?

Вѣра Ив. (*отворачиваясь*). Отойдите! Господи! Этого недоставало. Порѣзала себѣ руку скернымъ вагономъ.

Баб. Покажи мнѣ.

Маша (*подбѣжала*). Что вы, барыня?

Вѣра Ив. Посмотри, пожалуйста. До крови разцарапала.

Маша. Это ничего, барыня. Гдѣ вашъ платочекъ? я вамъ перевяжу.

Вѣра Ив. Нѣтъ, такъ нельзя. Надо сначала обмыть, а то кровь прилипнетъ. (*Идетъ нальво.*)

Баб. Да покажи мнѣ. Вѣрно, пустое что-нибудь.

Вѣра Ив. Какое вамъ дѣло, что! Не все ли вамъ равно, хотя бы мнѣ пришлось ампутировать руку. (*Уходитъ въ лѣвую дверь.*)

Баб. Сильно порѣзала?

Маша. Да хоть и не сильно,— простая царапина. Даже крови нѣту. А все таки вы же знаете, какія у нихъ нѣжныя руки. (*Собираетъ игрушки съ полу.*) Словно вамъ трудно было подать его, когда барыня просили. Право!

Баб. Я задумался, не разслышалъ. Мнѣ показалось, она требовала конфектъ.

Маша. А вы не задумывайтесь. Вотъ теперь и разстроили барынѣ для такого праздника. А потомъ сами же будете ходить на цыпочкахъ кругомъ да около. То то и оно! (*Уноситъ игрушки въ гостиную.*)

Вѣра Ивановна *возвращается. Рука у нея обернута въ батистовый платокъ.*

Баб. Больно, Вѣрочка?

Вѣра Ив. Конечно, больно. Нужно было затѣвать эту глупую елку! Если бы вы не назвали гостей, бросила бы ее въ печку вмѣстѣ со всѣми подарками. Да я и не останусь. Я вечеромъ уѣду куда-нибудь. Можете одни принимать.

Баб. Ну, полно, моя радость. Будетъ пустяки говорить. Посердилась на меня и довольно. Знаешь же, что я страдаю, когда ты сердишься или не въ духѣ.

Вѣра Ив. А чему мнѣ радоваться? Кто заботится о моемъ настроеніи? Веселые праздники, нечего сказать!

Баб. Ну, вотъ вечеромъ пріѣдутъ гости, дѣти,—будетъ весело. Ты будешь хлопотать, хвастаться вашимъ гнѣздышкомъ. Ты такая славная хозяйка...

Вѣра Ив. Очень мнѣ нужны твои гости! Даромъ только сто рублей выбросили.

Баб. Голубка моя! Вѣдь ты же сама назвала гостей. Развѣ я говорилъ хоть слово.

Вѣра Ив. Конечно, не говорили. Вамъ все равно, хоть бы я умерла со скуки. Развѣ вы подумаете о томъ, чтобы поддержать кругъ моихъ знакомыхъ. Я сама все должна сообразить.

Баб. Значитъ, ты отлично придумала эту елку. И нечего жалѣть денегъ.

Вѣра Ив. Да, но я разсчитывала, что ты поможешь мнѣ, а не будешь сидѣть, какъ филинъ, на одномъ мѣстѣ.

Баб. И помогу. Давай-ко кончать елку. Пойдемъ. Посмотри, какой я буду бодрый и энергичный.

Вѣра Ив. (*опускаясь въ кресло*). Воображаю.

Баб. Котенокъ мой дорогой, перестань гнѣваться. Ну покажи мнѣ ручку. Вѣдь пустякъ? Навѣрно, уже и слѣда нѣтъ. Покажи. А если и есть что, я разцѣлую и все пройдетъ.

Вѣра Ив. (*снимаетъ платокъ съ руки*).

Баб. Ахъ! Ай-ай-ай, какой ужасъ! (*Покрываетъ руку поцѣлуями.*)

Вѣра Ив. Нѣтъ, мнѣ въ самомъ дѣлѣ было больно. Вѣдь у меня не такія лапища, какъ у тебя. (*Бьетъ его по рукѣ.*)

Баб. Вотъ такъ то лучше. А то что это, все ссоримся!

Вѣра Ив. Ты самъ виноватъ. Сознайся, что самъ виноватъ. Зачѣмъ ты меня нарочно раздражаешь?

Баб. Съ чего же я стану умышленно раздражать тебя? Если я иногда разсѣянъ и немножко задумчивъ,—не сердись за это. Котенокъ мой, вѣдь мнѣ за сорокъ лѣтъ, я не могу быть такимъ рѣзвымъ, какъ ты. Иногда и задумаешься... о чемъ-нибудь. Вѣдь это же не значитъ, что я тебя не люблю, что холоденъ къ тебѣ.

Вѣра Ив. Ну, а мнѣ такъ кажется. Я боюсь, что ты со мной скучаешь, что ты жалѣешь о прошломъ. Вѣдь я не ревную, а... вотъ непріятно мнѣ. Не смѣй никогда задумываться. Когда ты вотъ такой, какъ сейчасъ, я тебя люблю и у меня на душѣ свѣтло. Будь всегда веселый, тогда и я буду спокойна.

Баб. (*весело*). Ну, ужъ постараюсь!

Вѣра Ив. И не будемъ жалѣть объ этихъ ста рубляхъ. Правда? Все таки насъ приглашаютъ на вечера. Надо же чѣмъ-нибудь отплатить за вниманіе. Правда?

Баб. Конечно! Деньги—дѣло наживное.

Вѣра Ив. А знаешь, я все таки не могу забыть, что тебѣ такъ мало выдали наградныхъ. Вѣдь ты самъ говорилъ, что въ прошломъ году получилъ тысячу рублей, а теперь только пятьсотъ. Знаешь, это меня ужасно злитъ. Тутъ не въ деньгахъ дѣло, а обидно за тебя. Работаешь дни и ночи—и вотъ награда.

Баб. (*скрывая смущеніе, снова идетъ за своей папиросой*). Я тебѣ объяснялъ, Вѣрочка. Лѣтомъ было много пожаровъ. Наше Общество понесло большіе убытки. Вотъ почему.

Вѣра Ив. Все таки, пятьсотъ рублей—это мало. Ты знаешь, я тебѣ признаюсь. Я сначала не повѣрила тебѣ. Думала ты отъ меня скрылъ. Мишка! ты, можетъ быть, тратишься на какую-нибудь любовницу?

Баб. Вѣрочка.

Вѣра Ив. Смотри у меня! Держи ухо востро! А то я тебѣ задамъ! (*Прижимается къ нему.*)

Баб. Безцѣнная моя!

Вѣра Ив. Обѣщаешь мнѣ быть сегодня веселымъ?

Баб. Обѣщаю, милая.

Вѣра Ив. Правда, это ужасно весело смотрѣть на дѣтей, когда они прыгаютъ кругомъ елки?

Баб. (*оживляясь*). Еще бы! Я такъ люблю этотъ звонкій смѣхъ... глазенки горятъ, искрятся.

Вѣра Ив. Миша, посмотри на меня.

Баб. Что ты?

Вѣра Ив. (*смотритъ на него, улыбаясь*). Угадай, что я хочу сказать?

Баб. Не знаю.

Вѣра Ив. Глупый ты, Мишка. Ничего не понимаешь.

Баб. Объясни.

Вѣра Ив. Посмотри, для кого эта красивая елка? Для чьихъ дѣтей? Что мнѣ до нихъ? Я ихъ сегодня задарю, а потомъ и забуду про нихъ. Умретъ кто-нибудь, я, можетъ быть, и не услышу. А и услышу, такъ пожалѣю.... такъ себѣ, между прочимъ. То ли дѣло, если бы это было для своего, за котораго страдаешь! Ахъ глупый ты, глупый, Мишка! (*Отходитъ къ гостинной.*)

Баб. (*остается на мѣстѣ*).

Въ передней раздается звонокъ.

Вѣра Ив. Кто это можетъ быть?

Маша. (*входитъ*). Принимать?

Вѣра Ив. Прими,—вѣрно, кто нибудь изъ своихъ.

Маша (*уходитъ въ переднюю и открываетъ тамъ двери*).

Вѣра Ив. (*прошла въ гостинную*).

Въ переднюю входитъ **Оля** *).

Маша. Кого вамъ?

Оля. Михаилъ Семеновичъ Бабиковъ здѣсь живетъ?

Баб. (*вглядѣвшись изъ кабинета, бросается въ переднюю*). Леля!

Оля. Вотъ ты, папа.

Баб. Какимъ образомъ? Что это значитъ? Иди сюда. Заприте-же дверь, Маша. Иди сюда, Леля. (*Вводитъ въ кабинетъ. Закрываетъ дверь въ переднюю, потомъ въ гостикную, гдѣ мелькнула фигура Вѣры Ивановны*).

Оля. Здравствуй, папа.

Баб. Какъ? это ты? Что это значитъ? Вотъ не ожидалъ.

Оля. Я къ тебѣ на одну минутку, папа.

Баб. Ты здорова? Вотъ, право, никакъ не ожидалъ тебя.

Оля. Я здорова и всѣ мы здоровы. (*Садится на правомъ креслѣ около круглаго стола.*)

Баб. Присядь-же (*Двигается безъ толку, очень смущенный.*)

Оля. Извини, папа. Я тебѣ снѣга нанесла.

Баб. Ничего, ничего, садись. (*Она уже сидитъ.*) Что это ты смотришь? Кабинетъ осматриваешь? Нравится онъ тебѣ?

Оля. Да, большой. Только тотъ, нашъ, лучше былъ.

---

*) Дѣвушка лѣтъ 16. Въ простенькой черной шубкѣ съ барашковымъ воротникомъ и въ барашковой шапочкѣ, поверхъ которой сѣрый оренбургскій платокъ. Въ рукахъ муфточка. На шубкѣ и муфточкѣ слѣды снѣга. Щеки раскраснѣлись отъ мороза.

Баб. Что ты, Леля! Какъ можно. Нашъ... (*поправляясь,*) прежній былъ гораздо бѣднѣе.

Оля. Нѣтъ. Тамъ было много-много... всего, а тутъ мало. (*Останавливаетъ взглядъ на портретѣ Вѣры Ивановны.*)

Баб. Чего мало, Леля?.. (*Замѣтивъ ея взглядъ, смущается.*) Ну, скажи, Леля, вы елку устраиваете?

Оля. Да, только маленькую. Для Наташи и для Пети. Я уже большая. На что мнѣ эти игрушки. (*Опускаетъ глаза, потомъ снова поднимаетъ ихъ на портретъ.*)

Баб. Да, да, конечно. (*Криво улыбается.*) Ты уже скоро невѣста... Тебѣ не до игрушекъ. Что ты такъ смотришь?

Оля (*не выдерживаетъ и подходитъ къ портрету*). Какая она у тебя красивая, папа.

Баб. (*съ оживленіемъ*). Да? Правда?

Вѣра Ивановна (*тихо показывается въ лѣвой двери за ширмочкой и скрывается. Дверь остается открытой.*)

Оля. Гораздо красивѣе мамы. И какое у нея доброе лицо. Я себѣ представляла ее совсѣмъ иначе. (*Все не оборачиваясь.*) Она похожа здѣсь?

Баб. Очень. Этотъ портретъ писалъ извѣстный художникъ.

Оля. Правда? Можетъ быть, ты это такъ только говоришь?

Баб. Нѣтъ, очень, очень похожа, Леля!

Оля (*отходитъ*). А то портреты такъ часто измѣняютъ выраженіе лица.

Баб. Отчего же ты думаешь, что она тутъ не похожа? Какая ты странная, Леля!

Оля (*снова садится*). Оттого, что у нея тутъ очень добрые глаза. А развѣ добрые могутъ такъ, какъ она...?

Баб. Леля! Что ты говоришь? Что это ты, право, Леля? Какъ ты можешь такъ говорить?..

Оля (*смотритъ въ сторону, прищурившись и перебирая губами*).

Баб. Право, я отъ тебя не ожидалъ. Ты еще молода, многаго не понимаешь... Придетъ время, узнаешь все... Я никакого преступленія не сдѣлалъ. (*Громче, какъ бы ободряя самого себя.*) Конечно, никакого. У меня совѣсть чиста. Мнѣ неудобно говорить съ тобой о твоей матери. Пойми это. Но современемъ ты сама скажешь. Вѣдь нельзя жить по заказу. Я такой же человѣкъ, какъ и всѣ...

Оля (*вдругъ зарыдала, уронила муфту и припала къ ручкѣ кресла*).

Баб. Леля! Дѣточка моя!.. (*Быстро обходитъ столъ и становится около нея на колѣни.*) Да, что съ тобой? Родная моя, успокойся. Объясни мнѣ, зачѣмъ ты пришла сюда. Какъ ты могла придти? Какъ тебя мать отпустила? Это же безуміе.

Оля (*вздрагивая всѣмъ тѣломъ, съ нервными передышками*). Мама... не знаетъ... Я сама.

Баб. Такъ зачѣмъ же? Зачѣмъ ты пришла сама? Голубка моя! Успокойся. Дать тебѣ воды?

Оля (*приподнимаясь отъ ручки кресла и продолжая всхлипывать, достаетъ изъ кармана деньги*). Нѣтъ... Вотъ... возьми. Это тѣ деньги, которыя ты вчера привезъ намъ. Тутъ всѣ двѣсти рублей. Возьми ихъ, не надо намъ.

Баб. Какъ не надо? Что ты говоришь.

Оля. Не надо. Не хотимъ мы... Я не хочу.

Баб. Отъ отца, отъ роднаго отца не надо денегъ?

Оля (*кладетъ деньги на столъ*). Нѣтъ, не надо. Я знаю, что ты мамѣ присылаешь каждый мѣсяцъ полтораста рублей. И будетъ съ насъ. Я скоро сама буду заработывать. Вотъ перейду въ восьмой классъ. А потомъ буду учительницей. А эти деньги... (*Съ новымъ приливомъ слезъ.*) Не хочу я, не хочу!...

Баб. (*медленно поднимается, придвигаетъ къ ней стулъ отъ письменнаго стола и садится*). Все это хорошо. Будешь учительницей, будешь зарабатывать сама, но я все-таки не пойму, отчего ты принесла эти деньги. Какъ тебѣ мать позволила?

Оля. Мама и не знаетъ, а я ни за что не хочу.

Баб. Да отчего? отчего?

Оля. Оттого, что... Ты не сердись, папа, и не обижайся. Я тебя очень люблю, очень. Ты не знаешь, какъ я тебя люблю...

Баб. Ну?

Оля (*доставая платокъ и утирая слезы*). Конечно, Наташа и Петя еще не понимаютъ. Они тебя такъ мало знаютъ, а я... я всегда тебя крѣпко любила. И когда сердилась на тебя за то, что ты бросилъ насъ,—и тогда любила. А вчера, когда ты привезъ эти деньги, у тебя было такое лицо... Какъ будто ты укралъ ихъ для насъ. Я не хочу, не хочу, чтобъ ты былъ такой! (*Топнула ножкой и ладонью прикрыла глаза.*)

Баб. (*сначала бросилъ на нее испуганный взглядъ, потомъ понурилъ голову*).

Оля (*помолчавъ и немного успокоившись*). Извини, папа. Я сейчасъ уйду. Не буду мѣшать тебѣ. Я, папа, не сержусь на тебя, ты не подумай. И не осуждаю. Если я сейчасъ сказала что-нибудь не хорошее, не сердись. Это у меня такъ вырвалось. Вспомнилось, какъ я сидѣла у тебя на колѣняхъ тамъ, въ прежнемъ кабинетѣ, какъ мнѣ тогда хорошо было... И мнѣ вдругъ стало жалко... Нѣтъ, папочка милый, я не осуждаю. Я тебя такъ понимаю, такъ понимаю. Мама спокойна. У нея ужъ такая природа. Она никогда не горюетъ. А я такъ часто думаю о тебѣ, много-много думаю. Толь-

ко не дѣлай этого въ другой разъ, не привози денегъ. Мы обойдемся и безъ богатой елки. Когда ты вчера отдалъ мнѣ эти деньги, я сразу не нашла, что тебѣ сказать. Я только почувствовала что-то не хорошее. Какъ будто меня укололо и заныло въ сердцѣ. И ушелъ ты, а мнѣ все было тяжело. А ночью я придумала и вотъ пришла. Не сердись, папочка!

Баб. Бѣдная моя дѣвочка! Ахъ, Леля! Ты говоришь, что любишь меня. А если бы ты знала, какъ я иногда страдаю безъ васъ!

Оля (*порывисто встаетъ за нимъ*). Знаю, милый папочка, знаю. Господь съ тобой! Не надо страдать. (*Обнимаетъ его. Тихо.*) Вѣдь она тебя любитъ? Да?

Баб. Да, дѣтка моя, любитъ.

Оля. Ну, чего жъ еще. И будь счастливъ. Забудь о насъ, папочка, только самъ будь счастливъ. И не нужно было тебѣ пріѣзжать къ намъ вчера. И въ другой разъ не пріѣзжай. Вотъ я сейчасъ попрощаюсь съ тобой, совсѣмъ · совсѣмъ попрощаюсь, и уйду. А ты поди къ ней. Скажи ей, чтобъ она не сердилась за то, что я была у тебя. Я больше никогда, никогда не приду.

Баб. (*крѣпко обнимаетъ ее*). Дитя мое родное! Ты думаешь, что я только вчера, передъ праздниками, вспомнилъ о васъ? Нѣтъ, сокровище мое. Я измучился. Но васъ, по дѣткамъ моимъ, измучился!..

Оля. Не надо, папочка, не надо, милый. Тебѣ легче будетъ, если ты насъ совсѣмъ забудешь. Ты не бойся. Мы проживемъ, мы хорошо проживемъ. Не заботься о насъ, думай только о себѣ и о ней. Я сейчасъ уйду. Дай только оправиться, чтобы не замѣтили... У тебя тутъ и зеркала нѣтъ.

Баб. (*подавленный*). Такъ, въ передней есть. Пойдемъ я тебя самъ провожу.

Оля (*быстро оправляя платокъ на головѣ*). Да ничего. Пройдусь по морозцу и не будетъ замѣтно, что я плакала. Красные у меня глаза?

Баб. (*смотритъ нѣкоторое время на нее, потомъ порывисто прижимаетъ ее къ себѣ и цѣлуетъ въ голову*).

Оля. Ну, прощай, прощай. Вотъ я побыла съ тобой и мнѣ такъ легко! Такъ хорошо у меня на душѣ. Прощай.

Баб. Не простудись, Леля. Ты вся горишь.

Оля. (*бодро*). Нѣтъ, въ такомъ настроеніи не простуживаются.

(*Уходятъ оба въ переднюю.*)

Вѣра Ивановна (*медленно выходитъ съ лѣва и отворяетъ дверь въ гостинную. Лицо у нея блѣдное, испуганное и растерянное.*) Маша (*все еще около елки*).

Маша. А я ужъ и кончаю, барыня.

Вѣра Ив. Да? Хорошо.

Бабиковъ (*возвращается*).

Баб. Ты здѣсь, Вѣрочка. Мнѣ надо поговорить съ тобой.

Вѣра Ив. Маша! Брось. Потомъ кончимъ вмѣстѣ.

Маша. Слушаю-съ. (*Уходитъ налѣво въ гостинной.*)

Баб. (*долго не можетъ начать*). Ты догадалась, кто былъ у меня?

Вѣр. Ив. (*прошла къ окну, мимоходомъ внимательно посмотрѣла на свой портретъ. Не отвѣчаетъ*).

Баб. (*медленно*). Если бы ты знала, какъ трудно передать тебѣ мое душевное состояніе. Такъ передать, чтобы ты поняла все, какъ слѣдуетъ, какъ оно есть на самомъ дѣлѣ. Не хочу я имѣть отъ тебя никакихъ тайнъ, не хочу лгать тебѣ, не по силамъ мнѣ воровское настроеніе. Одна у меня цѣль: выложить передъ тобой всю мою спутанную душу. Разбери все, что бьется въ ней теперь. И мою горячую, сумасшедшую любовь къ тебѣ, и тоску мою больную—все пойми, по человѣчески пойми, Вѣрочка. А тогда суди меня, какъ подскажетъ тебѣ совѣсть.

Вѣр. Ив. Любить и лгать! Какъ то не вяжется одно съ другимъ.

Баб. Да, любить и лгать, считать себя счастливѣйшимъ изъ смертныхъ и страдать, какъ самый несчастный изъ нихъ. Все это вмѣстѣ. Въ томъ то и бѣда моя.

Вѣр. Ив. (*бокомъ осматривая его осторожно*). И по дѣломъ тебѣ. Ты думаешь, я хоть капельку жалѣю? Да вотъ ни настолько (*Показываетъ кончикъ мизинца.*) Я знаю все, что ты скажешь. Да развѣ кто любитъ, смѣетъ такъ гадко думать о человѣкѣ? За кого ты меня принималъ? Отдать двѣсти рублей дѣтямъ, своимъ собственнымъ дѣтямъ, и скрывать это отъ меня. Какая же это любовь? Или, по твоему, я такая дурная, что не поняла бы, не позволила бы тебѣ, сердилась бы. Такъ за кого-же ты меня считаешь? За любовницу?

Баб. Ты развѣ знаешь, зачѣмъ она приходила?

Вѣр. Ив. (*вдругъ на миг смутилась. Взволнованно*). Я не виновата, дверь была открыта, вольно жь тебѣ было не притворить. (*Быстро.*) И въ этомъ твоя вина. Еслибы ты точно любилъ меня, такъ не поставилъ бы въ такое гадкое положеніе. (*Чуть не плача.*) Я никогда въ жизни не подслушивала.

Баб. Да, ничего. Тѣмъ лучше. Ты яснѣе поймешь меня. Я даже радъ, что ты слыхала эту дѣвочку. Войди же въ мое положеніе. Передо мной дитя, ребенокъ, въ ея головкѣ еще учебникъ не улеглись, а ей приходится уже рѣшать такіе трудные вопросы, разбираться въ своихъ чувствахъ ко мнѣ, къ ея матери, и... къ тебѣ!..

Вѣр. Ив. Да, именно обо мнѣ ты очень позаботился! Устроилъ такъ, что дѣвочка ненавидитъ меня, считаетъ какой то скверной, которая отняла у нея отца. За что? Развѣ я такая дурная? Развѣ я знала что-нибудь? Ты ходилъ къ намъ, ухаживалъ за мной и никогда ни слова не говорилъ о дѣтяхъ. Да какъ же ты смѣлъ жениться на мнѣ, скажи пожалуйста? Какое ты имѣлъ право? Ты мнѣ лгалъ, все время лгалъ. И когда ухаживалъ за мной, и послѣ того, какъ женился,—безпрерывная ложь!

Баб. Такъ неужели ты не понимаешь этой лжи? Не тебѣ я лгалъ, а себя самого обманывалъ. Лгалъ, потому что боялся потерять тебя. Хотѣлъ устранить всѣ препятствія къ нашему браку. Хотѣлъ чтобы ни одна безпокойная мысль не тревожила тебя. Я самъ себя увѣрялъ, что мнѣ ничего не стоитъ разорвать связь даже съ дѣтьми.

Вѣр. Ив. И я повѣрила! Попалась, какъ легкомысленная дурочка. Конечно, мнѣ хотѣлось, чтобы ты былъ совсѣмъ свободный. Оттого я такъ легко и слушалась тебя. Еще на дняхъ какая то изъ нашихъ знакомыхъ спрашивала меня о твоихъ дѣтяхъ и я преважно говорю: «что же дѣти! Миша исполняетъ свой долгъ. Онъ посылаетъ своей семьѣ каждый мѣсяцъ полтораста рублей, кромѣ того что обезпечилъ ее». Исполняетъ долгъ! Глупая я, глупая! Я вспомнила объ этомъ, когда твоя дочь здѣсь плакала,—и чуть не сгорѣла отъ стыда. Мнѣ показалось, что стулья, кресла, лампы—все кругомъ смѣется надо мной. А кто въ этомъ виноватъ? Одинъ ты. Всѣхъ насъ ты сдѣлалъ несчастными своей трусостью. Ты долженъ былъ объяснить мнѣ, что долгъ отца нельзя цѣнить на деньги, хоть бы ты полтораста тысячъ давалъ семьѣ! долженъ былъ объяснить, долженъ! Ты старше меня.

Баб. (*быстро подходитъ и беретъ ее за руку*).—И если бы я объяснилъ, ты пошла бы за меня замужъ?

Вѣр. Ив. Ни за что въ мірѣ!!

Баб. (*почти кричитъ*). Такъ я же потерялъ бы тебя,—пойми.

Вѣр. Ив. Такъ... объяснилъ бы потомъ, когда женился.

Баб. (*Рѣшительно*). Ну, рано-ли, поздно-ли, ты знаешь все. Рѣшай, какъ подскажетъ тебѣ сердце. Теперь ты понимаешь, почему я всѣ эти дни былъ задумчивый и разсѣянный. Самъ не знаю, откуда подобралась ко мнѣ эта тоска. Я старался заглушить ее въ себѣ, а потомъ,—какъ это всегда бываетъ со мной,—вдругъ прорвалось. Не выдержалъ я, обманомъ отъ тебя поѣхалъ къ дѣтямъ, думалъ—приласкаю, утолю свою потребность и пройдетъ эта тоска. Покоя я себѣ не находилъ, Вѣрочка, — до того сжималось сердце. А тутъ, какъ нарочно, эти праздники, каждая мелочь напоминаетъ о дѣтяхъ... Поѣхалъ я къ нимъ, да еще хуже стало. Не могу я лгать тебѣ, а признаться—страшно было! Боялся, что ты огорчишься. Пойми, Вѣрочка, мое состояніе. Ты знаешь, какъ я люблю тебя. Моя любовь тяжелая: вѣдь я чуть не на двадцать лѣтъ старше тебя. Разстаться съ тобой — выше моихъ силъ. Легче покончить съ жизнью. Потребуешь ты теперь, чтобы я во что бы то ни стало забылъ о тѣхъ брошенныхъ дѣтяхъ,—и этого добьюсь! Добьюсь! Все сдѣлаю для твоего покоя. Но, Вѣрочка! Родная моя! Взгляни сюда (*указывая на грудь,*) поглубже. Посмотри, какой маленькій, какой крохотный уголокъ остался тамъ для нихъ, для этой бѣдной дѣвочки, что плакала здѣсь сейчасъ. Вѣдь этотъ уголокъ не помѣшаетъ тебѣ. Не воронское же мое чувство, не преступное. Пожалѣй меня, милая. Если ты точно любишь меня, то съумѣешь и пожалѣть. (*Взволнованный отходитъ.*)

Вѣра Ив. (*слѣдитъ за нимъ, садится. Помолчавъ*). Поди сюда.

Баб. Я все тебѣ сказалъ, Вѣра, и весь я въ твоихъ рукахъ.

Вѣра Ив. Поди ко мнѣ. Садись тутъ. (*Усаживаетъ около себя.*) Безсовѣстный. Понимаешь, почему ты безсовѣстный? Потому что принимаешь меня Богъ знаетъ за кого.

Баб. Что ты хочешь сказать?

Вѣра Ив. Ты думаешь, мнѣ не было жаль твою Олю? Я тебѣ не могу выразить, какихъ трудовъ стоило мнѣ удержаться, чтобы по выскочивъ сюда, не расцѣловать ее. И я сдѣлала бы это, если бы не боялась оскорбить ее однимъ своимъ видомъ.

Баб. Милая! Правда? Жаль эту дѣвочку? У меня сердце разрывалось на части. И пойми: дитятка, а туда же,—представляется взрослой! Ахъ, Господи, какая мука!

Вѣра Ив. (*нервно прижимается къ нему*). Ну, не надо, не надо... Чего же ты хочешь? Говори мнѣ прямо. Милый! Ничего не скрывай. Тебѣ хотѣлось бы чаще видѣться съ ними, да? Такъ вѣдь? Говори прямо.

Баб. Да, Вѣра, такъ.

Вѣра Ив. Ну, такъ слушай меня и посмотри, какъ серьезно умѣетъ любить твоя маленькая Вѣра. Сегодня ты поѣдешь къ своимъ дѣтямъ на елку. Посидишь съ ними, будешь ласкать ихъ, повезешь имъ лучшихъ игрушекъ. Я сама сейчасъ выберу. У насъ тутъ много, на всѣхъ хватитъ. Цѣлуй дѣтей, сколько тебѣ захочется. Знай, что я ни капельки не ревную, ни капельки. Не хочу ревновать! Заставлю себя. (*Встала.*) Я не знаю, что будетъ послѣ. Можетъ быть, любовь къ дѣтямъ отниметъ тебя у меня...

Баб. (*вставая за нею*). Да никогда въ жизни!

Вѣра Ив. (*нервно*). Не знаю, не знаю! Но

все равно. Сейчасъ я хочу, чтобъ было именно такъ. Хочу сохранить въ своей душѣ то, что чувствую въ эту минуту. Ты поѣдешь туда, посидишь съ ними, а я подожду тебя. Ты вернешься и разскажешь мнѣ все подробно.

Баб. Спасибо тебѣ. Только не волнуйся, сердечко мое золотое.

Вѣра Ив. Я бы хотѣла послать отъ себя поцѣлуй твоей Олѣ, но этого не надо. Это будетъ слишкомъ эгоистично. Правда? Чего я добьюсь? Что она мысленно привяжется ко мнѣ. Мнѣ это было бы дорого, но тогда она охладѣетъ къ своей матери. Правда, вѣдь?

Баб. Правда, Вѣра. За то я скажу ей, что ты сама послала меня къ дѣтямъ, что твой портретъ не лжетъ, что ты въ дѣйствительности такая же добрая, какъ и твои дивные, добрые глазенки.

Вѣра Ив. Да, да, это скажи. Непремѣнно скажи. Ты на меня не смотри. Я не знаю, что со мной дѣлается. Я вся дрожу. Зубъ на зубъ не попадаетъ. (*Сквозь легкую дрожь смѣха.*) И смѣяться хочется, и плакать.

Баб. Взволновалась. Не привычка, голубка моя.

Вѣра Ив. Но это ничего, пройдетъ. Мнѣ все-таки хорошо. Пойдемъ отбирать игрушки для твоихъ дѣтей. Самыя лучшія отберемъ, самыя лучшія. Пойдемъ.

Лѣтняя картинка.

Въ 1-мъ дѣйствіи.

Т. Л. Куперникъ.

Къ представленію дозволено 2 декабря 1891 г. № 5914.

Представлена въ 1-й разъ на сценѣ Московскаго Малаго театра 2 октября 1892 г.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Маргарита Петровна Завадская, старая вдова.
Шурочка (Крошка), ея воспитанница, 17 л.
Юрій Петровичъ Иртеньевъ, 38 л., братъ Маргариты Петровны.
Поль Голубевъ, молодой человѣкъ.
Катя, **Зина** } **Вѣтерковы**, сосѣдскія барышни.
Коля, братъ ихъ, 15 л., гимназистъ.
Няня.

Дѣйствіе происходитъ лѣтомъ, на дачѣ Маргариты Петровны. Гостинная, изящно обставленная. При поднятіи занавѣса, Шурочка стоитъ въ углу и нервно перебираетъ ленты пояса; няня съ чулкомъ у притолоки.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Шура и Няня.

Няня. Ну вотъ, я говорила... допрыгалась! Стоитъ въ углу—экая большая, сраминца! Вотъ, говорю... не ходи ночью поросѣ... Я ждала-ждала, свѣчка догорѣла; гдѣ, думаю, Шурочка, а она, накося! Въ садъ улепетнуть изволила. И диви-бы день былъ, что-ли свѣтло, а то ночью; какъ русалка какая распустила косы и бѣгаетъ по мокрымъ дорожкамъ, лѣшаго тѣшитъ... Тьфу-тьфу! Не къ ночи будь помянутъ; сгинуть ему, пропасть! Вотъ и дождалась. Стой теперь въ углу. Ну чего молчишь-то? Ступай къ тетенькѣ, попроси прощенья...

Шура. Оставь меня, нянька!

Няня. Ну вотъ «оставь, нянька». Хорошо такъ съ вявичкой-то? Я тебя выходила-выняньчила... а ты вотъ какъ разговариваешь!

Шура (*со слезами*). Да перестанешь-ли хоть ты то ворчать! Господи Боже мой, что я за несчастная!

Няня (*съ испугомъ*). Ну чего ты плачешь то... Да ну чего ты... (*Подходя.*) Ну полно, перестань... Батюшка ты мой! Не убивайся такъ-то! (*Всхлипываетъ.*) Я-ли тебя не люблю! Я-ли за тобой не хожу. Ну полно родимый ты мо-ой!

Шура. Да какъ-же, няня? Обидно мнѣ. Точно маленькую держатъ... Выйти нельзя. Кому скверно отъ того что я прошлась по саду... Ночь была такая чудная... лунная... хотѣлось помочтать! Я себя чувствовала такъ хорошо, мысли летали высоко... Я казалась себѣ сказочной царевной, которую стережетъ драконъ... и... да ты этого не понимаешь!

Няня. Какъ не понять. Экое скажетъ; тетеньку вдругъ дракономъ обзывать. Сгинуть мнѣ пропасть!

Шура. И вдругъ... гдѣ эти мечты? Послѣ обѣда выговоръ и строгое «стой въ углу отъ пяти до шести часовъ». И все по часамъ! Точно я маленькая! (*Плачетъ.*)

Няня. Ну чего ты плачешь? Ты у меня душу вынимаешь... (*Всхлипываетъ.*) Полно, батюшка мой! (*Обнимаетъ ее и обѣ плачутъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Тѣ-же и Юрій.

Юрій (*входя, хохочетъ*). Картина достойная кисти художника! Крошка со своей няней, проливающая потоки слезъ.

Шура (*въ сторону*). Онъ! Господи, какъ стыдно, какъ стыдно!

Юрій. Изъ-за чего-же это слезопролитіе?

Няня. Да вотъ, батюшка, урезонь хоть ты то ее! Реветъ и слушать вичего не хочетъ!

(*Всхлипываетъ.*) И что за важность за такая, въ углу постоять... (*Уходитъ.*)

Юрій (*снимаетъ пальто, освобождается отъ свертковъ*). Крошка въ углу. Самое подходящее мѣсто! Изъ-за чего-же такая немилость? А? (*Подходитъ къ ней, она отворачивается.*) Молчитъ! У, какъ «окружена крещенскимъ холодомъ она!..» Стыдно капризничать, крошка. А я еще сегодня утромъ вспоминалъ о васъ!

Шура (*живо поворачиваясь къ нему*). Вы? Вы обо мнѣ вспоминали?

Юрій. Какъ же! Сестра просила купить ей шерсти и канвы, такъ я заходилъ въ пассажъ, ну вотъ и купилъ вамъ кое что... ва память обо мнѣ!.. (*Идетъ къ свресткамъ.*)

Шура. На память о немъ... какъ сердце бьется... что-бы это такое могло быть?(*Выглядываетъ изъ своего угла.*)

Юрій (*вытаскиваетъ большой воздушный шаръ*). Вотъ! И лодочка съ человѣчкомъ. Что, забавно, не правда-ли?

Шура (*отвернувшись въ уголъ, разражается дѣтскимъ плачемъ*). И вы! вы!! О, какъ вы жестоки!

Юрій. (*подходитъ, шаръ улетаетъ*). Чего вы, крошка? Опять плачетъ. Вотъ глаза на мокромъ мѣстѣ. Ну, не плакать! Шаръ не нравится? Лучше было-бы купить куколку? (*Подходитъ къ ней, стараясь утѣшить, беретъ за руки.*) А, крошка?

Шура (*вырываясь*). Оставьте! Оставьте меня! Уйдите!

Юрій (*пожимаетъ плечами, садится въ кресло, беретъ газету. Пауза*). А гдѣ сестра? (*Пауза.*) Не отвѣчаетъ. Гм.. Крошка, да чего вы дуетесь? Сердится... Ну, будемъ молчать... (*Закуриваетъ папиросу.*) А какъ она мила въ этой позѣ Бѣлое платьице... Прелестная фигурка у этой дѣвочки. Вотъ-бы модель для чего нибудь вродѣ «Психеи, плачущей надъ разбитымъ кувшиномъ». Этакъ во французскомъ духѣ. Она очень развита для своихъ лѣтъ. Да сколько ей кстати? Четырнадцать или пятнадцать? Вотъ не приходило въ голову. Шурочка, сколько вамъ лѣтъ: четырнадцать или пятнадцать?

Шура (*вспыхнувъ*). Черезъ мѣсяцъ и четыре дня мнѣ будетъ восемнадцать!

Юрій. Ого, заговорила! Да неужели? Не вѣрю.

Шура. Отчего-жь вы мнѣ не вѣрите. Неужели я такъ похожа на ребенка?

Юрій. Похожа? Вы просто ребенокъ.

Шура. И оттого вы такъ упорно меня дразните? (*Горько.*) Вѣдь дѣтей дразнить нехорошо.

Юрій. Въ самомъ дѣлѣ? Мнѣ это не приходило въ голову. Да чѣмъ-же я васъ дразню?

Шура. Вы никогда не говорите со мной серьезно! Вы дарите мнѣ игрушки... Вы забываете что, хотя на talle и водитъ меня въ коротенькихъ платьицахъ, но мнѣ скоро восемнадцать лѣтъ. Если бы вы ко мнѣ хорошо отнеслись, вы бы поняли что мнѣ можетъ быть вуженъ другъ, руководитель и не смѣялись бы надо мной, а помогли бы мнѣ... войти въ жизнь... Не всегда же мнѣ играть въ куклы, танцовать только за недостаткомъ дамъ и сидѣть спиной къ лошадямъ...

Юрій. Другъ, руководитель—и не сидѣть спиной къ лошадямъ; вопросъ, что вамъ важнѣе?

Шура. Опять насмѣшки! За что?Что я вамъ сдѣлала? О, если бы вы знали о чемъ я думала вчера ночью, гуляя по мокрымъ отъ росы аллеямъ, залитымъ луной! Я не была тогда ребенкомъ? Я чувствовала такъ много неизвѣданнаго, прекраснаго... Голова кружилась отъ страннаго, мучительнаго блаженства... Я впивала запахъ сирени, цѣловала ея мокрые лепестки и...

(*Къ концу ея словъ бьетъ 6 часовъ и слышенъ* голосъ Маргариты Петровны *изъ сосѣдней комнаты:*)

„Шура! можешь выйти изъ угла и придти ко мнѣ!“

Шура. И за все это сегодня я стояла въ углу! (*Убѣгаетъ.*)

Юрій. Странная дѣвочка... А вѣдь она права. Бѣдное дитя чувствуетъ себя одиноко... съ этими двумя старушенціями. Не все смѣяться надъ нею... Но какъ она мила! Эти глаза—или я не замѣчалъ ихъ прежде, или они дѣйствительно стали темнѣй и глубже...И слезы не портятъ ее—наоборотъ, печальное выраженіе идетъ къ этой головкѣ... Хорошо бы сдѣлать ее въ мраморѣ... Нужно будетъ спросить сестру.

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Маргарита Петровна и Шурочка; (*справа Шурочка только проходитъ черезъ сцену и уходитъ въ среднюю дверь*).

Маргар. Петр. А, Жоржъ! Съ какимъ это ты поѣздомъ?

Юрій. Съ пятичасовымъ. Привезъ тебѣ канву и все, что ты просила...

Маргар. Петр. Покажи-ка. Зеленый... Vert d'eau... Да, хорошо. Спасибо, Жоржъ! (*Садится и раскладываетъ пасьянсъ.*)

Юрій. Ну, что, утѣшились, Шурочка? (*Оборачивается и видитъ что ея нѣтъ.*) Исчезла! За что это она сегодня стояла въ углу?

Маргар. Петр Ахъ, эта дѣвочка становится невыносимой.

Юрій (*въ сторону*). Мнѣ кажется, она просто становится женщиной...Что это за сложный пасьянсъ, сестра?

Маргар. Петр. Это мой любимый. Онъ никогда не выходитъ и это меня интересуетъ.

Юрій. Скучное занятіе эти пасьянсы.

Маргар. Петр. Доживи до моихъ лѣтъ,—и

будешь находить въ нихъ интересъ. Сядешь спокойно, раскладываешь; можешь говорить и думать о другомъ... Она была такая веселая, Шурочка! Хохотала, бѣгала съ Топсикомъ, оживляла весь домъ. А теперь сидитъ, мечтаетъ... Выколола любимой куклѣ глаза...

Юрій (*смѣясь*). Какая жестокость! Но развѣ ты не находишь, что ей пора бросить куклы... Вѣдь ей 17 лѣтъ.

Маргар. Петр. Ахъ, что за глупости... 17 лѣтъ. Правда, я въ ея годы уже была замужемъ за моимъ покойникомъ. Ну да вѣдь я и женщина была! Роскошная, крупная, высокая, не то что эта крошка.

Юрій. Да она мала. Но мнѣ кажется что ее уже стѣсняетъ твое обращеніе... Оттого она такъ и печальна; какъ можно 17 лѣтнюю дѣвушку ставить въ уголъ.

Маргар. Петр. Пустяки какіе. Отчего не постоять; меня въ дѣтствѣ каждый понедѣльникъ ставили въ уголъ на часокъ, даже если я себя примѣрно вела... И ничего мнѣ это не повредило.

Юрій. Да, но ей это непріятно; она затоскуетъ. (*Изъ сада доносятся крики и хохотъ Шурочки и Поля.*)

Маргар. Петр. Вотъ какъ она тоскуетъ... Это что-же?

Юрій. Да, кажется, печаль прошла; съ кѣмъ это она? (*Поднимается съ мѣста и идетъ къ двери посмотрѣть, изъ сада вбѣгаетъ и попадаетъ къ нему въ объятія Шурочка, за ней Поль.*)

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Тѣ-же Шура и Поль.

Шура. Охъ... простите... (*Отходитъ въ сторону.*)

Поль (*здороваясь*). Маргарита Петровна... Какъ ваше здоровье!.. Юрій Петровичъ...

Маргар. Петр. Ты что-жъ это какъ полоумный влетаешь? Шуркѣ и то стыдно, да вѣдь она ребенокъ, а у тебя усы вонъ какіе...

Шура. Тетя, Тетя! Это овъ пхъ керосиномъ мазалъ, чтобы скорѣй росли!..

Поль. Ошибаетесь вовсе не керосиномъ, а венгерской помадой.

Шура. Ну все равно... словомъ, мазали, а то бы они у васъ до сихъ поръ не росли! Вѣдь вы только на три года старше меня. У—большой!

Поль. А вамъ завидно, что у васъ усовъ еще нѣтъ?

Шура. Еще! *еще* нѣтъ! Это безподобно! (*Хохочутъ.*)

Маргар. Петр. Ну, кончила!

Юрій. Вышелъ?

Маргар. Петр. Конечно, нѣтъ. Шура, шуми потише; у меня голова разбаливается. Посидите смирно... пока я пройдусь немного. (*Уходитъ въ садъ.*)

Юрій (*въ сторону*). Какъ она довѣрчива съ нимъ. Какъ оживлена!.. Неужели эти ея слова давнишнія... мечты... прогулки по почамъ... и онъ герой?

Шура. Конечно, Поль, мнѣ завидно что вы уже большой. Меня все упрекаютъ, что я слишкомъ молода!..

Поль. Ну, это недостатокъ отъ котораго съ каждымъ днемъ исправляются. Вы и не замѣтите, какъ они улетятъ, ваши 17 лѣтъ!..

Шура. Мнѣ вотъ даже сегодня .. мнѣ сегодня сдѣлали подарокъ. И еслибъ вы знали, какой!

Поль. А, это интересно, какой? скажите?

Шура Ну нѣтъ, не скажу; догадайтесь-ка сами. (*Принимаетъ кокетливо вызывающій видъ.*) Что-бы ко мнѣ, по вашему, подходило? Чтобы вы мнѣ подарили?

Поль. Гм. Чтобы шло къ вамъ? Я-бы вамъ подарилъ... букетъ бѣлой сирени!

Шура. Ой-ой-ой, какъ сладко! Нѣтъ не то!

Поль. Ну... севрскую статуэтку, какую-нибудь розовую маркизу. У васъ есть что-то такое... знаете... эта родинка въ углу рта напоминаетъ мушки прежнихъ временъ.

Юрій (*въ сторону*). А вѣдь онъ правъ.... Я не замѣчалъ этой плутовской родинки... Но какъ блестятъ ея глаза?

Шура. Нѣтъ, Поль! Вы ошибаетесь. Ни цвѣты, ни изящныя бездѣлки—все это не для меня! (*Идетъ въ глубину комнаты.*)

Юрій. Гдѣ были мои глаза? До чего она прелестна! Но неужели этотъ мальчишка.... неужели ему суждено быть героемъ ея первой поэмы?..

Шура. (*возвращаясь съ шаромъ*). Вотъ, что мнѣ подарили!

Поль. Скажите пожалуйста! Кто-жъ это разрѣшился такимъ остроумнымъ изобрѣтеніемъ?

Шура. Это... это подарилъ мнѣ одинъ странный человѣкъ, Поль. Этотъ человѣкъ думаетъ, что въ 18 лѣтъ—дѣвушка еще дитя! Онъ не понимаетъ, что ея духовныя очи только что начинаютъ жадно вглядываться въ новый, невиданный міръ, ожидая найти въ немъ того чуднаго принца, о которомъ она читала въ сказкахъ, и соловьиную пѣсню, и.... (*взглядъ на Поля*) букеты бѣлой сирени.... а не (*взглядъ на Юрія*) красные воздушные шары! Онъ не знаетъ, Поль, что въ это время ей и надо помочь проснуться, научить ее жизни, потому что сама, безпомощная, наивная—она можетъ (*съ удареніемъ*) ошибиться — и погибнуть! Онъ смѣется надъ ней, и озлобляетъ ея душу, потому что дѣвочка привыкла смотрѣть на него какъ на божество! И если онъ же ее оскорбляетъ, то вы понимаете, какъ ей должно быть тяжело? Но зачѣмъ я все это говорю... Это странный человѣкъ, Поль—и его не надо любить?

Поль. Не любите, Шурочка!

Шура. А все-таки мнѣ ужасно нравится этотъ шаръ... Ха-ха-ха!.. Идемъ въ садъ, пустимъ его летать. Идемъ. Вѣдь вы—за мной?

Поль. Я—всегда за вами!

Шура. Васъ, Юрій Петровичъ, я и не зову—вамъ вѣдь скучно смотрѣть на дѣтскую игру? (*Смѣясь, убѣгаетъ въ среднюю дверь, Поль за нею.*)

Юрій. Убѣжала... Какъ ей весело съ нимъ! Но я ясно вижу, что.... правда, въ ея годы легко увлечься... ошибиться... Этотъ безусый другъ дѣтства подвернется подъ руку... и... вѣтъ! Этого я не хочу! Онъ не стоитъ ея! Ее нужно спасти отъ него.

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Юрій и Маргарита Петровна (*справа*).

Маргар. Петр. Ну, подвинутъ возню теперь—хоть святыхъ вонъ выноси. Сосѣдскія барышни пришли...

Юрій. Какія это сосѣдскія барышни?

Маргар. Петр. Ты знаешь: Катя, Зина и Коля Вѣтерковы.

Юрій. Коля? Это тоже барышня?

Маргар. Петр. Ну, что ты, право. Гимназистъ!

Юрій. Ты не находишь, сестра, что Шурочка слишкомъ свободно держится съ молодежью... съ этимъ Полемъ..?

Маргар. Петр. Богъ съ тобой! Она ребенокъ сущій, пусть нерѣбѣсится. Мы въ ея годы и не то продѣлывали. У васъ все были игры съ поцѣлуями. Такъ и я своего покойника нашла!

Юрій. Что-жь, ты хочешь, чтобъ она тоже своего покойника... что я.... своего жениха, такъ нашла?

Маргар. Петр. Ну ей еще о женихахъ рано думать. Я ее и за вчерашнія то мечтанія въ уголъ поставила, а теперь пусть рѣзвится. Мнѣ и то ее жалко. Ну вотъ какъ шумятъ... Уйду наверхъ! (*Уходя.*) Ты присмотри за ними, Жоржъ, чтобъ они не очень шалили!

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Съ шумомъ врываются **Катя, Зина, Коля, Шурочка, Поль.** (*Гости здороваются.*)

Катя. А, Юрій Петровичъ! (*Напѣваетъ.*) „Bonjour, Suson, ma fleur des bois".

Зина. Но мнѣ надоѣло бѣгать! Все горѣлки, да горѣлки!

Коля. Просто устала. Варварскій обычай у этихъ дѣвчонокъ затягиваться въ корсеты!

Зина. Ахъ, Коля! Что ты говоришь! И при мужчинахъ!

Коля. Что за важность. А самъ-то я не мужчина, что-ли?

Шура. Ха-ха-ха! Коля—хорошая мужчина! Да вы мнѣ въ сыновья годитесь! (*Хохотъ.*)

Коля. Удивительно остроумно. (*Съ презрѣніемъ отвертывается.*)

Зина. Такъ что-жъ мы будемъ дѣлать?

Катя. Играть! Во что угодно! (*Напѣвая.*) „Проведемте, друзья, эту ночь веселѣй"!

Зина. Во что-же? въ веревочку?

Катя. Въ мнѣвія гораздо лучше.

Зина. Ну да, тебѣ лучше, потому что ты любишь всякаго уколоть.

Катя. Ничего не уколоть. Во всякомъ случаѣ осмысленная игра; у меня отъ твоей веревочки до сихъ поръ рукп болятъ, противный Колька бьетъ изо всей силы!

Коля. Такъ вамъ и нужно, дѣвченкамъ!

Катя. (*наступая на него*). „Молчи, презрѣнная мужчина—и мщенья моего страшись!"

Шура. Ну, будетъ ссориться! Господа, я предлагаю фанты!

Поль. Да, да—отличво, фанты!

Зина. Да васъ мало для фантовъ?

Катя. Ничего не мало. Ты, Шурка, я, Коля, Поль... А Юрій Петровичъ? Чего онъ спрятался?.. (*Поетъ.*) „Спрятался мѣсяцъ за тучку."

Шура. Юрія Петровича не считать; онъ серьезный человѣкъ, ему скучно съ дѣтьми!..

Коля. Какія-же мы дѣти?

Катя. „Говорятъ, я ррребенокъ!.."

Юрій. Вы ошибаетесь, крошка! Я буду съ вами играть, даже въ куклы, если хотите. Я готовъ на все!..

Шура. Боже, какія чудеса!.. Господа, на Кузнецкомъ Мосту бѣлый медвѣдь появился!

Юрій. Это что-же значитъ?

Катя. Это значитъ... чудо случилось! (*Хохотъ.*)

Коля. Удивительно остроумно!

Шура. Ну, господа, усаживайтесь! (*Всѣ съ шумомъ усаживаются такъ, что Шура рядомъ съ Юріемъ.*)

Коля. Такъ какъ-же? „Барыня прислала туалетъ"?

Зина. Или „онъ болитъ, что болитъ—сердце—по комъ?"

Катя. У тебя—по Сережѣ Ордынскомъ.

Зина. Ахъ, что ты говоришь—и при мужчинахъ!

Вмѣстѣ.
Коля. Ну что же, начинаемъ!
Катя. „Пусть льются веселые звуки!"
Поль. Начнемъ-ли мы когда-нибудь!

Шура. Постойте, господа! Да не шумите-же такъ! (*Кричитъ.*) Слу-у-ушайте! (*Шумъ стихаетъ. Въ позѣ оратора.*) Мы не дѣти, чтобъ играть въ туалетъ и все такое. Мы будемъ просто разыгрывать фанты. Давайте каждый свой фантъ, сложимъ ихъ въ шляпу Поля... Поль, гдѣ ваша шляпа? (*Поль бѣжитъ за шляпой.*) И прямо назначимъ фанты. Согласны?

Всѣ. Хорошо! Согласны!..

(*Шура собираетъ фанты, всѣ кладутъ.*)

Зина. У меня ничего нѣтъ!

Катя. Положи Сережину записочку.

Зина. Ахъ, Катя! И при мужчинахъ!

Катя. Ха-ха-ха! „Ты красвѣешь, внизъ скловивъ головку, очи опустя“...

Коля. Я кладу свою окаменѣлость. (*Хохотъ.*)

Катя. Хороша окаменѣлость, просто кусочекъ старой подошвы. Окаменѣлости, марки и старыя перья—вотъ весь нравственный обликъ нашего Коли!

Коля. Ничего не понимаютъ! Дѣвченки!

Шура. Катя, ты что дашь?

Катя. „Ахъ, возьми-же мою душу!“

Шура. Полно тебѣ, запоза! Давай шпильку.

Зина. О, за этимъ дѣло не станетъ, у нея ихъ полонъ ротъ.

Поль. Кто-же будетъ назначать фанты?

Шура. Это должевъ ребевокъ... Коля! (*Коля презрительно отвертывается и крутитъ усы.*)

Поль. Дайте, я буду!

Зина. А свой?

Поль. Да я... не глядя... У насъ одинаковые съ Юріемъ Петровичемъ.

Шура. Ну, хорошо...

Всѣ. Начивайте, начинайте!

Поль. Этому фанту... три раза прокричать пѣтухомъ!

Шура. Что это? Колина окаменѣлость.

Всѣ. Пой! Пой!

Коля. Да что я ребевокъ, что-ли...

Шура. Уговоръ лучше денегъ—не ломаться, или—изъ игры долой!

Коля. Ну что-жъ... я... (*Откашливается и поетъ.*)

Всѣ. Ура! Ура, Коля! (*Хохотъ.*)

Поль. Тсс... Этому фанту—спѣть цыганскій романсъ!..

Шура. Катя, шпилька—ты!..

Катя. Ахъ... Я не могу...

Шура. Ну, не ломаться, пой!

Катя. Да, я сегодня не въ голосѣ!

Шура. Безъ голоса пой!

Катя. Да... у меня астма!

Шура. Съ астмой пой!

Всѣ. Пой! Пойте! Не отказываться. (*Ведутъ ее къ роялю.*)

Катя. Ну, слушайте! Пеняйте на себя! (*Прелюдируетъ и поетъ.*)

Всѣ. Браво! Браво!.. (*Возвращаются.*)

Поль. Этому фанту... ну... разсказать сказку!

Шура. Это... чей это портсигаръ?

Юрій. Мой!..

Всѣ. Ага! Попались! Говорите, разсказывайте!..

Катя. «О, говори! О, говори,—чаруй меня, чаруй».

Юрій. Да позвольте... я не думаю отказываться. Отчего не потѣшить... дѣтей... (*Шумъ.*) (*Шура закусываетъ губы.*)

Катя. О, дерзкій! Что онъ говоритъ!

Юрій. Ну-съ, слушайте. (*Во время разсказа видно, что Шура вся потрясена.*) Жилъ да былъ одинъ... ну, одинъ странный человѣкъ.

Поль (*въ сторону*). Ого! Вотъ оно что!

Юрій. И у него былъ садъ, въ которомъ росла масса цвѣтовъ. Онъ ухаживалъ за ними и любилъ ихъ... Тамъ были красныя, какъ кровь, бархатныя бегоніи, роскошныя розовыя камеліи, желтыя чайныя розы... всѣхъ ихъ онъ зналъ и любилъ; только на одинъ, еще не расцвѣтшій бутонъ, не обращалъ онъ никакого вниманія. Ему не нравились простевькіе бѣлые лепестки скромнаго цвѣтка... Въ одно прекрасное утро... нѣтъ, день; было уже шесть часовъ... Онъ вышелъ въ садъ—прошелъ мимо незамѣтнаго бутона, и вдругъ остановился, пораженный, не вѣря глазамъ своимъ, и вмѣстѣ восторгаясь волшебнымъ превращеніемъ. Невзрачный, маленькій бутонъ сталъ роскошнымъ, бѣлымъ цвѣткомъ, блестящимъ дѣвственною красотой. И этотъ странный человѣкъ опустился на колѣни передъ чудвымъ цвѣткомъ, (*смотря на Шуру,*) и сталъ умолять его.

Катя (*въ сторону*). Je comprends!

Юрій. Прости мнѣ мое невниманіе! Я употребію всю жизнь, чтобъ загладить свою вину... Ты будешь королевой въ саду моемъ... Ты простишь мнѣ? Простишь? Но цвѣтокъ молчалъ... (*Шутливо, видя смущеніе Шурочки.*) Вѣдь цвѣты не могутъ говорить... «Хорошо же, сказалъ странный человѣкъ, ты молчишь теперь... но я буду ждать того мгновенія, когда цвѣтокъ заговоритъ. И я вѣрю, что буду прощенъ... потому что я люблю тебя!..» (*Пауза.*)

Всѣ. И конецъ?

Юрій. Чего-жъ вамъ еще? Онъ и ждетъ...

Коля. Это былъ вѣроятно кактусъ, они такъ внезапно расцвѣтаютъ. (*Хохотъ.*)

Поль (*въ сторону*). Ага! Попалась! Ея фантъ!.. (*Громко.*) Этому фанту... поцѣловать изъ присутствующихъ кавалеровъ, кого онъ пожелаетъ.

Зина. Ахъ! Чей это?...

Катя. Твой, Шурка, твой! (*Оживленіе.*)

Шура (*поднимается съ мѣста, закидываетъ руки на плечи Юрію и цѣлуетъ его*) Ахъ! (*Убѣгаетъ. Минутное неловкое молчаніе.*)

Юрій. Ахъ... что это..! (*Хватается за лобъ и отходитъ въ сторону. Барышни переглядываются.*)

Катя. (*въ сторону, со злобой*). Кажется, цвѣты начали разговаривать!.. (*Поднимается шумъ.*)

Общіе голоса. Нѣтъ, какова Шурочка?

Зина. Какой вѣжный поцѣлуй—и при всѣхъ!

Коля. Тебѣ завидно, что ве можешь такъ поцѣловаться съ своимъ Сережей?

Катя. Молчи и вянь, о глупый кактусъ!

Маргар. Петр. (*съ террасы*). Дѣти! Идите чай пить! Самоваръ на столѣ.

Всѣ. Идемъ! Сейчасъ! А Шура?

Катя (*стучится въ дверь*) „Выходи, о, другъ мой нѣжный — на гитары звонъ!“ Ха-ха-ха-ха!... Шурочка, чай пить!

Зина. Иди. Шура!..

Катя. Молчитъ. Скажи пожалуйста! (*Шепчутся и пересмѣиваются.*)

Коля. Да идемъ, что ли? Мнѣ чаю хочется.

Маргар. Петр. (*съ террасы*). Чай пить, господа!

Катя. Ну, Шура, мы идемъ! Ломайся сколько хочешь!.. (*Убѣгаютъ.*)

Поль. (*со злобой*). Ну-съ .. пойдемте и мы-съ...

Юрій. (*словно очнувшись*) А... идемъ... (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 7-о.

Няня (*входитъ изъ средней двери*).

Няня. Шурочка... Шура... чего ты заперлась-то, мой анделъ... Иди чайку покушай... А, Шурочка! Ну вотъ, молчитъ. Сгинуть мнѣ пропасть!, Съ чегой-то она? Не сглазилъ-ли кто? Шурочка! Нешто это хорошо? Тетенька разсердятся, опять въ уголъ постановятъ.

Маргар. Петр. (*съ террасы*) Шу-ура!..

Няня. Хоть ты что, не идетъ. Что за баловница за такая. У—бѣда съ ней. Топчешься, топчешься день-деньской... Пусть сами зовутъ. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

Юрій, *потомъ* Шура.

Юрій (*въ дверяхъ*). Я ее приведу, сестра!.. (*Стучится къ Шурѣ.*) Шура! Отворите!... Шурочка, выйдите!.. Ну я прошу васъ. (*Дверь растворяется и Шура выходитъ потупя голову.*) Дитя мое... прелесть моя... За что мнѣ это счастье? (*Беретъ ее за руки и долго стоитъ молча. На сценѣ стемнѣло и въ окна глядитъ лука.*) Отчего же вы не хотите выйти къ намъ? Или вамъ противно быть со мною? Вы раскаиваетесь въ своемъ поступкѣ?..

Шура (*медленно*). Въ какомъ?...

Юрій. А вы ужъ и забыли?

Шура. Я никогда ничего не забываю.

Юрій. Злая маленькая фея! Неужели же вы не забудете какъ я былъ слѣпъ и глупъ, дразнилъ, мучилъ васъ... не видѣлъ, что...

Шура. Что..?

Юрій. Что бутонъ превратился въ роскошный цвѣтокъ... не видѣлъ. Что въ моемъ сердцѣ давно таилось чувство безумной страсти къ маленькой королевѣ Мэбъ...и что только когда ее захотѣли отнять у меня... я почувствовалъ, что готовъ разстаться съ жизнью, но не съ тобой!.. Неужели ты этого не забудешь?

Шура. Не забуду...

Юрій. Никогда?

Шура. *Никогда.*

Юрій. Отчего же... вы... поцѣловали меня?

Шура. Оттого... оттого... что вы ближе всѣхъ стояли. (*Лукаво смѣется.*)

Юрій (*выпуская ея руки*). Бѣсенокъ!... Нѣтъ, Шура... я хочу всегда стоять близко къ вамъ.. Когда я буду вашимъ мужемъ...

Шура. Ого! А если я этого не хочу?

Юрій. Не хочешь? Почему же? Или ты любишь другого?

Шура. Ради Бога, не такъ трагически. Мнѣ такъ и кажется, что вы сейчасъ закричите: „Крови, Яго, крови!..“

Юрій. Сколько яду въ тебѣ, крошка? Зачѣмъ ты мучаешь меня?

Шура (*плутовато*). Какъ же я буду вашей женой... я—крошка... ребенокъ.

Юрій. Ты—ребенокъ? Я былъ слѣпъ, когда говорилъ это. Ты женщина! Змѣйка! Ты видишь я теряю голову отъ страсти... Я обожаю... Я люблю тебя!.. (*Обнимаетъ ее.*)

Шура. А въ уголъ вы меня не будете ставить?

Юрій. Ты меня будешь ставить, если захочешь!

Шура. И я не буду сидѣть спиной къ лошадямъ..? Ахъ!..

Юрій. Люблю тебя! Будешь моею, цвѣтокъ мой прекрасный, будешь?

Шура. Ахъ... ну, конечно... гадкій... еще спрашиваетъ... гадкій... (*Онъ зажимаетъ ей ротъ поцѣлуемъ.*)

Юрій. Такъ ты не разлюбишь меня? Вѣдь я настолько старше тебя?.. Ты еще дитя...

Шура. Опять?..

Юрій. Не буду, пташка моя! Такъ не разлюбишь?

Шура. Нѣтъ!

Юрій. Никогда?

Шура. Никогда!

Юрій. О, насколько *это* «никогда» звучитъ слаще перваго?

Шура. Какого?

Юрій. Ты сказала, что не забудешь моей вины *никогда*.

Шура. И не забуду!..

Юрій. А все-таки любишь!. (*Въ это время съ террассы врываются всѣ.*)

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

Тѣже и Маргарита Петровна и гости.

Катя. А мы ужъ и чай пить кончили... Ахъ!..

Маргар. Петр. Это что же значитъ?

Поль (*въ сторону*). Это значитъ, что я остался въ дуракахъ!

Катя. Это значитъ, что нужно заказывать свѣтлое платье!

Юрій (*сіяя счастьемъ*). Это значитъ, что мой чудный цвѣтокъ сжалился и...

Шура. Это просто значитъ, что я его люблю!.. (*Шумъ, хохотъ*).

Катя (*поетъ*) «Любовь, міръ царя, она законовъ всѣхъ сильнѣй!»

(*Занавѣсъ*).

Гибель Содома.

Драма въ 5-ти дѣйствіяхъ и 6 картинахъ,

Г. Зудермана.

(Автора комедіи «Честь»)

Переводъ—**П.—К.**

Къ представленію дозволено С.-Петербургъ 22-го сентября 1892 г., № 4524.

Разрѣшеніе постановки піесы зависитъ отъ мѣстнаго агента Русскихъ Драматическихъ Писателей.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Жакъ Барциновскій,—биржевой дѣлецъ, еще не старый, лѣтъ 45, плотный мужчина, видимо хорошо пожившйй на свѣтѣ; свѣтлые, коротко выстриженные волосы, закрученные усики, небольшія баки; одѣтъ со вкусомъ, молодится.

Адда,—его жена, стройная блестящая блондинка, лѣтъ около 30; красота нѣсколько искусственная; свободныя движенія, обаятельна, кокетничаетъ; рѣчь нервная, иногда рѣзкая, острая; въ общемъ — плохая копія съ женщины большого свѣта.

Китти Таттенбергъ,—племянница Адды; стройная, нѣжная, движенія торопливыя, но граціозныя; говоритъ съ напускной грубоватостью; часто увлекается, тогда слышенъ оттѣнокъ смущенія; въ общемъ—сердечное, рѣшительное существо, нѣсколько испорченное окружающей обстановкой.

Вейсъ,—писатель, молодой человѣкъ, но уже почти совсѣмъ лысый; носитъ черепаховое pince-nez, темная борода и усы; движенія небрежно-изящныя, рѣчь торопливая, подъ часъ рѣзкая.

Дробишъ, домашній докторъ Барциновскихъ.

Бетти Шёнлейнъ.
Эльза Мейеръ.
Зигфридъ Мейеръ, ея родственникъ.
Д-ръ Бруно Зюскиндъ.
} Знакомые Барциновскихъ.

Профессоръ Ниманъ,—художникъ, уже пожилой человѣкъ, одѣвается, не заботясь о модѣ; движенія неловкія, рѣчь тяжелая, говоритъ покойно, не торопясь, съ убѣжденіемъ.

Яниковъ,—управляющій имѣніемъ, старикъ лѣтъ подъ 70; коротко остриженные сѣдые волосы, длинная круглая борода, багровый цвѣтъ лица; плотно сложенъ, довольно бодръ, но иногда ослабѣваетъ, рѣчь добродушная, нерѣдко съ оттѣнкомъ старческой глуповатости.

Марихенъ,—его жена, старушка, очень представительная на видъ; одѣта просто, бѣдно; сѣдые волнистые волосы расчесаны на обѣ стороны лба; все говоритъ въ ней, что когда-то жилось ей хорошо, но теперь, на старости лѣтъ, приходится терпѣть нужду; рѣчь спокойная, полная достоинства, изрѣдка прорывается печальный юморъ.

Вильгельмъ Яниковъ (Вилли),—ихъ сынъ, художникъ, молодой человѣкъ; одѣтъ съ иголочки, блѣдный, раздражительный; рѣчь подчасъ даже злобная, обыкновенно холодно-насмѣшливая; даетъ чувствовать свое превосходство; въ общемъ—безхарактерный, слабый, но съ порывами хорошихъ чувствъ, человѣкъ.

Крамеръ,—неуклюжая внѣшность, грубоватое бритое лицо, небольшіе усы, толстый затылокъ; неловкія манеры; одѣтъ очень неряшливо и безъ всякаго вкуса; очень недалекъ, горячъ, вспыльчивъ.

Клерхенъ,—воспитавница Яниковыхъ; чудные бѣлокурые волосы, стройная, эфирная; чуткая, отзывчивая душа; почти еще ребенокъ, очень застѣнчива, особенно при посторонникъ; одѣвается просто.

Теодоръ Франкъ,
Луи Метцнеръ,
Фрицъ Домне, } гимназисты, живущіе у Яниковыхъ.

Роза, служанка Барцановскихъ.

Мина,—служанка Яниковыхъ,

Гости, прислуга.

Дѣйствіе происходитъ въ Берлинѣ въ наши дни. Въ 3-мъ дѣйст.—2 картины.

ДѢЙСТВІЕ I.

ДЕКОРАЦІЯ:

Роскошный пріемный салонъ въ квартирѣ Барцановскихъ. Въ глубинѣ, черезъ полуоткрытую портьеру, виднѣется танцовальный залъ, въ которомъ, какъ разъ противъ зрителей виситъ картина „Гибель Содома". Справа нѣсколько дверей для входа въ жилыя комнаты; слѣва—двѣ двери, изъ которыхъ одна—ближе къ зрителямъ—ведетъ въ переднюю. Въ салонѣ великолѣпная обстановка. Вѣлво отъ зрителей стоитъ мягкая оттоманка, передъ которой разостлана тигровая шкура; по бокамъ оттоманки рѣзные столики. Справа—столъ, кресла... Повсюду ковры, картины, бронза, разныя бездѣлушки. Мебель разставлена въ художественномъ безпорядкѣ.

ЯВЛЕНІЕ I-е.

Вейсъ, Ниманъ, Роза, *потомъ* **Дробишъ.**

Роза (*загораживая входъ Вейсу*). Барыня не принимаютъ-съ!

Вейсъ. Ну, ну! Вотъ еще! (*Входитъ; увидя Дробиша, появляющагося изъ внутреннихъ комнатъ.*) А, докторъ! (*Идетъ навстрѣчу, протягивая руку.*) Васъ удостоили?

Дроб. На правахъ доктора...

Вейсъ. Что, какъ!... Умирать не собираются?

Дроб. (*смѣясь*) Все то же!

Вейсъ. Опять нервы!?

Дроб. Плюсъ хандра...

Вейсъ. Вотъ какъ!

Дроб. Будьте здоровы!

Вейсъ. Всякихъ благъ! (*Жмутъ другъ другу руки; Дробишъ дѣлаетъ на ходу легкій поклонъ Ниману, тотъ отвѣчаетъ тѣмъ же и докторъ уходитъ.*)

Вейсъ (*бросаясь на оттоманку*). О, Роза—роза моей души. За что вы со мной такъ жестоки?..

Роза. Я невиновата... барыня не приказали...

Вейсъ. Да что у васъ такое сегодня?

Роза. Танцы какіе-то выдумали... Все готовятся...

Вейсъ. Вотъ оно что!

Роза. Сама барыня танцовать будутъ...

Вейсъ. Съ распущенными локонами?... (*Смѣется.*) Конечно, и нашъ прекрасный Вилля участвуетъ?

Роза. Они-съ и костюмы придумывали!

Вейсъ. Значитъ онъ навѣрное здѣсь будетъ?

Роза. Давно ждутъ-съ!

Вейсъ (*протягивая ноги*). Ниманъ, слышите? Вотъ и прекрасно! Теперь насъ никакая сила отсюда не выгонитъ!

Роза. Задастъ вамъ барыня ходу, да и мнѣ влетитъ! (*Уходитъ, пожимая плечами.*)

Ним. Однако!

Вейсъ. Удивлены? Поражены? Ну, вотъ еще! Стану я здѣсь церемониться... Въ такихъ домахъ, профессоръ, не церемонятся!..

Ним. Я понимаю... вы—другое дѣло!.. Въ качествѣ стараго знакомаго... это такъ! Но я... я... первый разъ въ домѣ, вникните въ мое положеніе... (*Смѣется.*)

Вейсъ. Ха, ха, ха! Теперь ужъ поздно... поздно, профессоръ! Разъ вы мнѣ ввѣрились,—у васъ нѣтъ своей воли! (*Съ напускной серьезностью.*) И, наконецъ, позвольте вамъ замѣтить, развѣ я не заслужилъ этого довѣрія, я, который чуть-ли не въ продолженіе четырехъ ужъ слишкомъ лѣтъ ругаю ругательски ваши картины въ своихъ обозрѣніяхъ... И ужъ если, не смотря на это, вы все-таки обратились ко мнѣ, а не къ кому другому...

Ним. Я пріѣхалъ только сегодня утромъ...

Вейсъ. Оправданій не требуется! Я говорилъ вовсе не съ цѣлью дѣлать упреки... Ну-съ, вопросъ о довѣріи исчерпанъ!.. Перейдемъ къ сути! Вы меня спросили: дружище Вейсъ, не знаете-ли вы, гдѣ живетъ паша гордость, слава Германіи—Вилли? Что я вамъ отвѣтилъ?—И понятія не имѣю, потому что развѣ можетъ быть интересно — знать, гдѣ живутъ мужчи-

ны!.. Но за то, гдѣ ихъ можно поймать,— это совсѣмъ другое дѣло!.. Здѣсь, любезнѣйшій профессоръ, здѣсь, въ этомъ самомъ львиномъ логовищѣ или, лучше сказать, въ этой роскошной клѣткѣ львицы... Вотъ гдѣ его можно найдти въ любые часы дня и ночи!..

Ним. Что онъ тутъ позабылъ, хотѣлось бы знать!

Вейсъ. Вы вѣдь, кажется, въ одно время были въ академіи?

Ним. (*киваетъ головой*). Да, въ одно! Я немножко поздно вздумалъ учиться! Впрочемъ, съ Вилли мы познакомились еще до академіи. Я даже гостилъ раза два у стариковъ, въ ихъ бывшемъ помѣстьѣ... Потерялъ же я его изъ виду съ тѣхъ поръ, какъ получилъ мѣсто въ Карльсруэ, хотя Вилли и писалъ мнѣ... когда съ его отцомъ случилось это несчастіе...

Вейсъ. Навѣрное, деньги понадобились?

Ним. (*послѣ нѣкотораго замѣшательства*). Н...нѣтъ!

Вейсъ. Ахъ, какой вы чудакъ! Что-жъ тутъ особеннаго! Мы всѣ въ долгу, какъ въ шелку!

Ним. Было и еще письмо... Послѣ брюссельской выставки, на которой онъ получилъ медаль...

Вейсъ. За „Гибель Содома“?...

Ним. Вотъ, вотъ! За нее...

Вейсъ. Вы видѣли эту картину? (*Нимань киваетъ головой.*) Не видали? Отлично! Хотите взглянуть?

Ним. Два года только и мечтаю объ этомъ!

Вейсъ (*вскакиваетъ и указываетъ*). Да вотъ же она! Смотрите!

Ним. (*Подходитъ нерѣшительно*). Будетъ вамъ... дурачиться.

Вейсъ. Ха, ха, ха! Онъ не вѣритъ! Смотрите же... вотъ, вотъ... сюда... Ну, что?...

Ним. (*Становится около дверей, въ большомъ волненіи*). Неужели, неужели! Да, да! Она и есть!

Вейсъ. Интересно-бы узнать ваше мнѣніе... Сюжетъ, разумѣется, избитый... Какъ вамъ нравится, напр., этотъ Лотъ, окруженный своими быками и ослами? А вотъ и его супруга... конечно ужъ въ видѣ соляного столба... Но лучше всего эти три огненныя точки на заднемъ планѣ! Что они изображаютъ?... Я склоненъ думать, что три горящія спички... Впрочемъ тогда еще спичекъ не было... Значитъ, что-нибудь другое... Надо спросить Вилли!.. (*Насмѣшливо.*) Да! Не мало нужно мужества проникнуться этой идеей... Смотрите... вотъ что, дѣйствительно, хорошо... эти мужчины и женщины... среди разрушающихся улицъ и дымящихся домовъ... (*Увлекаясь.*) Они, очевидно, еще не очнулись отъ безумствъ послѣдней ночной оргіи, и, нагіе, опьяненные, едва-едва начинаютъ сознавать весь ужасъ своего положенія... Обратите вниманіе на эту группу справа... Что за лица, что за позы! Это—воплощенное сладострастіе... Вотъ гдѣ вылился весь талантъ Вилли!..

Ним. Да, да! Замѣчательно! Я никогда не буду въ состояніи сдѣлать и сотой доли... Интересно-бы знать, надъ чѣмъ онъ теперь работаетъ?

Вейсъ. Вѣдь вы же слышали: танцуетъ кадрили и сочиняетъ для нихъ костюмы...

Ним. У васъ все шутки!

Вейсъ. Ни на одну іоту!

Ним. Если же это правда—то ужасная правда!

Вейсъ. Ничуть не бывало!.. Это—просто извѣстный законъ творчества, его же не прейдеши. Изволите-ли видѣть, каждый человѣкъ, будь онъ хоть семи пядей во лбу, развивается только до опредѣленнаго предѣла, за которымъ слѣдуетъ уже не прогрессъ, а регрессъ. Въ томъ то вся и штука, (о которую, кстати сказать, разбиваютъ свои башки множество геніевъ), чтобы умѣть остановиться во время и тутъ-же постараться прикончить свои разсчеты съ земною юдолью... Тогда ореолъ геніальности останется за вами на вѣки, въ противномъ случаѣ, толпа очень быстро развѣнчиваетъ своего любимца и онъ превращается изъ орла въ мокрую курицу... Вотъ напримѣръ—вашъ покорнѣйшій слуга... Конечно, не въ Берлинѣ, а въ провинціи, было время, когда мною очень и очень интересовались... Обо мнѣ писали, спорили... и въ качествѣ лирика я занималъ почетное мѣсто въ библіотекахъ нашихъ почтенныхъ бюргершъ, которыя чтили меня во всякомъ случаѣ ужъ не ниже „Подарка молодымъ хозяйкамъ“... Слыхали, есть такая чревоспасительная книжка?.. И что-же?.. Не съумѣлъ я во время остановиться... и въ результатѣ—одна грусть... Положимъ, лирику я давно забросилъ и теперь не вздыхаю, а кусаюсь... Тѣмъ не менѣе: увы!—Мои сочиненія по цѣлымъ годамъ валяются на полкахъ книжныхъ магазиновъ, не находя себѣ покупателей... Да я и самъ положительно чувствую какое-то истощеніе силъ, духовную немощь, что-ли, и ужъ если на то пошло, право, иной разъ подумываю—не пора-ли поставить крестъ на своемъ писательствѣ и заняться—ну хоть бы плеваніемъ въ потолокъ!

Ним. Неужели и Вилли такой?

Вейсъ. Чѣмъ же онъ лучше другихъ!

Ним. Но вѣдь я его знаю прекрасно: какъ онъ могъ дойти до подобнаго состоянія?

Вейсъ. O sancta simplicitas! Откуда вы явились, профессоръ?.. Ужъ не съ луны-ли? Позвольте васъ спросить: черезъ кого гибнетъ всегда нашъ братъ, мужчина? А?.. Что? Не знаете? (*Входитъ Барциновскій.*)

ЯВЛЕНІЕ II-е.

Тѣ же и Барциновскій.

Вейсъ. Вотъ кто вамъ скажетъ... *(Протягиваетъ небрежно руку.)* Вы извините? *(Спускаетъ лѣниво ноги.)* Откуда, mon cher, идетъ гибель мужской половины рода человѣческаго, какъ вы думаете?

Бар. Хэ, хэ, хэ! Откуда?!. Вотъ, вотъ и вотъ! *(Показываетъ по очереди на голову, сердце и желудокъ.)*

Вейсъ. Въ послѣднемъ отношеніи вы полный банкротъ и въ состояніи отправиться ad patres отъ кружки молока!

Бар. Шутникъ! Хэ, хэ, хэ! Завидный характеръ! *(Треплетъ его по плечу.)* Все же вы славный малый! *(Къ Ниману.)* Отчего васъ давно не видно? Такой рѣдкій гость стали. Не хорошо, очень не хорошо забывать своихъ друзей... Пожалуйста, бросьте эти церемоніи, приходите какъ нибудь запросто... прямо къ обѣду!

Ним. *(смущенъ)*. Извините... Я не имѣю...

Бар. Времени? Полноте! Развѣ это отговорка!..

Вейсъ. Господа!.. Вы совсѣмъ забыли о моемъ вопросѣ. Чрезъ кого гибнетъ мужчина? Чрезъ кого? Черезъ женщину, господа, черезъ женщину! Какъ вы сами не могли догадаться!

Бар. Ну, разумѣется! Это такъ естественно, что не стоило и говорить! Я ожидалъ, что вы придумаете что-нибудь поостроумнѣе! Кстати, какой анекдотецъ мнѣ разсказывали вчера на биржѣ... Слушайте!

Вейсъ. Нѣтъ ужъ, пожалуйста, увольте!.. Навѣрное какая нибудь весьма свѣтская архисальность... Въ другой разъ... *(Указываетъ на Нимана.)* Нашъ общій другъ цѣломудренъ какъ... какъ весталка...

Бар. Пшъ! Какъ хотите! А будете жалѣть послѣ... *(Съ напускной торжественностью.)* Милостивые государи! Такъ какъ, разумѣется, вы явились вовсе не ко мнѣ...

Вейсъ. То можете и не стѣсняться... Какъ будто-бы вы васъ не видали...

Бар. Не всякая острота удачна, Вейсъ! И такъ... *(Жметъ руки и уходитъ.)*

Вейсъ. Всякихъ благъ, земныхъ и небесныхъ!

Ним. Кто это?

Вейсъ. Ха, ха, ха! Хозяинъ дома! А что?..

Ним. Вы меня и не представили?!.

Вейсъ. Не безпокойтесь: этого вовсе не требуется... Я ужъ вамъ сказалъ, что здѣсь церемоній не полагается...

Ним. Онъ, очевидно, принялъ меня за кого-то другого!

Вейсъ. Ничуть! C'est la manière de parler... Онъ никогда не даетъ себѣ труда запоминать лица своихъ гостей... Да и, наконецъ, здѣсь бываетъ такое множество разныхъ особей мужеска и женска пола, что, дѣйствительно, нѣтъ никакой возможности всѣхъ запомнить... Вы знаете, я даже не совсѣмъ увѣренъ въ отношеніи къ самому себѣ... Честное слово!..

Ним. Чѣмъ онъ занимается?

Вейсъ. Обдѣлываетъ разныя дѣлишки!

Ним. Напримѣръ?

Вейсъ. Какъ видите, хорошія!

Ним. Я хотѣлъ сказать: въ какомъ родѣ?..

Вейсъ. Я никогда не интересуюсь чужими секретами...

Ним. И здѣсь Вилли проводитъ все время!

Вейсъ. Пожалуйста, не торопитесь съ заключеніями... Вы еще не имѣете понятія о самомъ интересномъ въ этомъ домѣ—о здѣшнихъ дамахъ... Тотъ, кого вы имѣли счастіе сейчасъ лицезрѣть, не больше, какъ ходячій бумажникъ...Его я трактуютъ съ этой точки зрѣнія... такъ что гостямъ показываютъ только въ исключительныхъ случаяхъ, когда требуется соблюсти представительность, а все остальное время держатъ подъ спудомъ, потому что этотъ господинъ обладаетъ препепріятной способностью — всюду вносить за собой атмосферу бульварной кокотки, отъ которой гостиная m-me Барциновской совсѣмъ ужъ тускнѣетъ.

Ним. И эта женщина...

Вейсъ *(прищмокивая)*. Эта женщина! Гм-гмъ! Это—единственная въ своемъ родѣ женщина! Нервы и тщеславіе... Бурные, страстные порывы и въ тоже врема, клянусь честью, она холодна, какъ собачій носъ... Изволите-ли видѣть, главная наша слабость—мнить себя геніемъ-охранителемъ всѣхъ великихъ людей... Но это—такія неблагодарныя твари: облекутся въ свои тоги величія, покажутся разъ, другой въ нашей гостиной... и помнинай какъ звали! Больше ихъ и не заманишь. Впрочемъ, мы очень скоро утѣшаемся и если коварный рокъ не хочетъ, чтобы мы были геніями великихъ, то никто намъ не мѣшаетъ быть демонами маленькихъ... И мы ихъ мучаемъ... до изнеможенія мучаемъ!.. Затѣмъ, изволите-ли видѣть, здѣсь есть еще одна племянница, настоящій чертенокъ... шаловливый, граціозный, если хотите даже прелестный чертенокъ, но съ воображеніемъ, которое успѣли развратить въ достаточной степени!.. Въ общемъ, увидите сами, здѣсь восхитительно... Спеціальность—бельгійскія пулярдки... Только черезъ-чуръ ужь сдобрены трюфелями... Перетрюфелены... А вы вѣдь знаете, трюфели...

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и Китти.

Кит. *(за сценой)*. Да гдѣ же онъ? Куда опять запропастился?

Вейсъ. Рекомендую—племянница!

Кит. (*входя, у двери*). А, наконецъ-то! Ахъ вы—безсовѣстный, безсовѣстный человѣкъ! (*входитъ.*)

Вейсъ (*указывая на Нимана*). Ай, ай, ай! При постороннихъ-то!

Кит. Ну, что-жъ за бѣда! (*Ниману.*) Здѣсь и не такія вещи говорятся. Мы всѣ—враги условностей...

Вейсъ (*представляя*). Профессоръ Ниманъ. Фрейлейнъ Таттенбергъ..

Кит. А дальше?.. Все по порядку... Лѣта...

Вейсъ. 18.

Кит. Особыя примѣты...

Вейсъ. Разыгрываетъ изъ себя наивность...

Кит. Вотъ видите, профессоръ, что это за несносный человѣкъ!

Вейсъ. Полмилліона приданаго и наслѣдство послѣ трехъ бездѣтныхъ тетокъ...

Кит. Прекрасно! Дальше...

Вейсъ. Жаждетъ обзавестись муженькомъ.

Кит. (*Ниману*). Нѣтъ ли у васъ кого нибудь на примѣтѣ?..

Вейсъ. Ну-съ, кажется, все!

Кит. (*жметъ ему руку*). Очень, очень благодарна! И еще говорятъ, что онъ неудачный лирикъ! Я брежу, зачитываюсь имъ!.. Выучила наизустъ всѣ его произведенія. Помните, у васъ есть... (*Съ чувствомъ.*) „Если есть у тебя еще мать“! Нѣтъ, не такъ, что-то въ этомъ родѣ. Только я всегда и все перепутаю... И все-таки, онъ очень, очень милъ, этотъ противный Вейсъ! Вы знаете, профессоръ, онъ даже написалъ мнѣ экспромтъ на вѣеръ...

Дитя! Пришла пора спросить
Кого ты хочешь полюбить?
Кто дастъ на то тебѣ отвѣтъ,
Тому пришли ты свой привѣтъ.

Ха, ха, ха! Какъ вы ихъ находите?

Ним. (*удивленно посматриваетъ на Вейса*). Очень, очень мило!..

Кит. Что до меня, то я нахожу ихъ совершенно непозволительными, и право не понимаю, что меня удерживаетъ—сломать этотъ вѣеръ и выбросить его за окошко... Какъ будто не могъ придумать что нибудь поумнѣе! Ахъ, эти поэты! Ужасный народъ! Я даже до сихъ поръ еще не опредѣлила, къ какому роду ихъ слѣдуетъ причислить. Я знаю только одно, что они совсѣмъ, совсѣмъ не мужчины! О, далеко нѣтъ! А такъ, нѣчто среднее... нѣчто къ родѣ старыхъ тетокъ... Вы не находите? (*Пауза.*) Ха, ха, ха! Всѣ молчатъ... Я, кажется, опять сказала какую-то несообразность! Все мое несчастіе—никогда не умѣю во время остановиться! Судя по вашему галстуку, вы, должно быть, художникъ, профессоръ?

Ним. (*смѣясь*). Вы угадали!..

Кит. И, конечно, имѣете понятіе о „Гибели Содома“?

Ним. Только что ею любовался!

Кит. Да, картина—прелесть; но за то тотъ, кто ее создалъ... совсѣмъ дрянцо человѣкъ!

Ним. Коротко и ясно!..

Кит. Я съ нимъ, къ несчастью, знакома... Если бы вы только могли представить, что онъ о себѣ воображаетъ!.. Мы съ нимъ немножко не сошлись во взглядахъ: онъ меня считаетъ за маленькую дѣвочку, я его—за самаго обыкновеннаго смертнаго... Ну, да это ни для кого не интересно! Ахъ, профессоръ, если бы вы только знали, какъ испорченъ свѣтъ: никто, никто изъ солидныхъ мужчинъ не хочетъ ухаживать за нами, несчастными дѣвушками, а всѣ увиваются только около дамъ! Это ужасно!.. Положимъ, тетя Адда вполнѣ заслуживаетъ, чтобы... Вы вѣдь знаете тетю Адду?..

Ним. Къ сожалѣнію, не имѣлъ еще удовольствія...

Кит. Писаная красавица... А ужъ умница,—такая умница, что бѣда! Одного только не понимаю, какъ она можетъ переносить этого Яникова! Рѣшительно не понимаю... Положимъ, всѣ говорятъ, что онъ къ ней неравнодушенъ... Ну, что-жъ? Развѣ это къ чему нибудь обязываетъ... И представьте, онъ торчитъ у насъ чуть ли не цѣлыя сутки, совсѣмъ бросилъ работу, только и занимается, что разными пустяками... Хорошъ геній!

Вейсъ. Однако, вы не очень то... Профессоръ—другъ и пріятель Вилли...

Кит. (*оторопѣвъ*). Какъ такъ! Вы развѣ съ нимъ знакомы? Вотъ это мило съ моей стороны, да и съ вашей, Вейсъ,—очень, очень хорошо: молчать и не предупредить. Впрочемъ, что же! Я говорила отъ чистаго сердца. Можете передавать ему, если угодно! Мнѣ досадно одно—если я вамъ сдѣлала непріятность.

Вейсъ. Ну, развѣ на такихъ малютокъ обижаются!

Кит. Не смѣйте такъ говорить! Слышите. Нѣтъ, отчего всѣ со мной обращаются, какъ съ ребенкомъ. Это ужасно! И обидно, и зло беретъ. Ну, хорошо! Вотъ нарочно не буду обращать вниманія. Посмотримъ, кто побѣдитъ! Вы не думайте, профессоръ, ну, право же, въ сущности говоря, я—славный малый, и вовсе не виновата, если этого никто не замѣчаетъ.

ЯВЛЕНІЕ IV-е.

Тѣ же и Роза.

Роза (*Вейсу*). Васъ барыня просятъ-съ! (*Уходитъ.*)

Кит. Ага! Ужъ и достанется же вамъ!

Вейсъ (*Китти*). Надѣюсь, вы съумѣете

воспользоваться tête-à-tête'омъ, чтобы хорошенько вскружить ему голову... Рекомендую— отецъ семейства—игра стоитъ свѣчъ! (*Уходитъ.*)

Ним. (*въ догонку*). Послушайте!

Кит. (*весело*). Ха, ха, ха! Отличились!

Ним. Вы, кажется, въ восторгѣ отъ его шутки?

Кит. Если хотите знать правду — нѣтъ!.. Но всѣ его считаютъ за остряка... Я сжилась съ этой мыслью.

Ним. Простите за нескромный вопросъ: вы здѣсь и выросли?

Кит. Нѣтъ... Здѣсь я всего около года... Я росла въ деревнѣ, у одной старой тетки... Но тамъ была такая скучища, что я не выдержала и удрала, промѣнявъ, какъ видите, деревенскую патріархальность на городскую культуру...

Ним Такъ-таки и удрали?

Кит. Такъ-таки и удрала! Что-жъ тутъ особеннаго? Вы меня еще не знаете...

Ним. Ну-съ, и, повидимому, эта культура пришлась вамъ по вкусу?

Кит. Даже очень! (*Смотритъ на него удивленно.*) Почему-жъ бы ей мнѣ и не понравиться? (*Мѣняя тонъ.*) А вы давно знакомы съ Яниковымъ?

Ним. Лѣтъ восемь...

Кит. Неужели онъ всегда былъ такой... такой... какъ бы сказать...

Ним. Я васъ понимаю...—Нѣтъ, нѣтъ!

Кит. Любопытно знать, что-то онъ изъ себя представлялъ прежде?

Ним. Вы слыхали что-нибудь о „Нибелунгахъ?“

Кит. Еще-бы!

Ним. Ну-съ! Такъ всѣ мы звали его Зигфридомъ.

Кит. Развѣ онъ былъ похожъ?

Ним. Какъ двѣ капли воды: такіе же темные кудри, такой же заразительный смѣхъ, который покорялъ ему всѣ сердца... Ахъ, какъ бы я хотѣлъ его снова услышать!

Кит. (*съ неудовольствіемъ*). Предупреждаю— разочаруетесь! Его теперешній смѣхъ вовсе не привлекателенъ.

Ним. Не перемѣнить ли намъ разговоръ? Кажется, вы не особенно довольны темой?

Кит. Нѣтъ, отчего-же! Я сама ее затронула... (*Пауза.*) Скажите, профессоръ... только откровенно... какого вы обо мнѣ мнѣнія?..

Ним. Откровенно?!

Кит. Ну, разумѣется! Иначе выйдетъ пошлость...

Ним. (*подумавъ*). Вы... вы... бутонъ... котораго... который раскрытъ раньше времени чьей-то грубой рукою.

Кит. (*остановилась въ изумленіи*). Ну, знаете! Я никакъ не ожидала...

ЯВЛЕНІЕ V-е.

Тѣ-же, Вейсъ и Адда.

Адда (*бьетъ слегка по плечу Вейса носовымъ платкомъ, въ то время, какъ тотъ шепчетъ ей что-то на ухо*). Ахъ, очень рада васъ видѣть, профессоръ... Les amis de nos amis... Садитесь, пожалуста! (*Протягиваетъ руку Ниману, тотъ кланяется.*)

Ним. Простите, я никогда бы не осмѣлился...

Адда. Пожалуйста, пожалуйста! Только вы не должны сердиться, если мы васъ оставимъ ненадолго въ одиночествѣ... пока идетъ репетиція. Однако, вашъ другъ, какъ видно, не отличается аккуратностью. Впрочемъ, вся вина падаетъ на меня, потому что *я* теперь занимаюсь его воспитаніемъ...

Вейсъ (*съ комическимъ жестомъ*). О, да, да!

Адда. Да замолчите-ли вы, наконецъ, воплощенная дерзость!

Вейсъ. Немножко больше снисходительности, неисправимая идеалистка!

Адда. Онъ опять за то же! Какъ скучно! Профессоръ, выбираю васъ въ судьи, разрѣшите наши безконечные споры: признаете вы дружбу между мужчиной и женщиной... конечно чистую, безкорыстную?

Ним. (*просто*) Отчего-же, если это напримѣръ мужъ и жена. (*Всѣ смѣются. Китти больше всѣхъ, но потомъ, словно опомнившись, вдругъ смолкаетъ.*) Развѣ я сказалъ что нибудь смѣшное?

Вейсъ. Старая исторія! Самыя удачныя остроты говорятся всегда невзначай!

Адда. Съ нами нужно много терпѣнія, профессоръ! Мы понимаемъ вещи совсѣмъ по своему... Бредимъ натурализмомъ и въ то же время все натуральное намъ кажется смѣшной нелѣпицей.

Вейсъ. А смѣшная нелѣпица— чѣмъ то въ высшей степени натуральнымъ. Вотъ и разберитесь! Впрочемъ, что-жъ тутъ удивительнаго: мы живемъ въ царство смѣха... Смѣемся, остримъ, издѣваемся надо всѣмъ и всюду... Вѣдь завѣтнаго у насъ ничего нѣтъ, не такъли? Острое словцо и взрывъ смѣха замѣнили намъ и природу, и правду, и нравственность... все, рѣшительно все... (*Въ еще болѣе приподнятомъ тонѣ.*) А потому, м. г. и м. г.! (*оглядывается вокругъ и схватываетъ вазу съ цвѣтами*) подымаю бокалъ—да здравствуютъ смѣхъ и шутка! Ура!... (*Слуги входятъ гости.*)

ЯВЛЕНІЕ VI-е.

Тѣ же, Эльза Мейеръ, Бетти Шенлейнъ, Бруно Зюскиндъ, Зигфридъ Мейеръ, потомъ Роза.

Адда (*идетъ на встрѣчу*). Наконецъ-то! (*Здоровается.*)

Эльза (*въ дверяхъ*). Ахъ, Зигфридъ! Пожалуйста, принесите мнѣ носовой платокъ... Я его забыла тамъ! (*Здороваются.*) Вотъ и мы!

Бет. (*осматривая присутствующихъ въ лорнетку*). А гдѣ же нашъ Вилли?

Бруно (*насмѣшливо*). Да! Гдѣ же нашъ Вилли?

Адда (*представляя*). Позвольте вамъ представить: профессоръ Ниманъ... Госпожа Шенлейнъ... Госпожа Мейеръ... Господинъ Зюскиндъ...

Вейсъ. Ученый докторъ трехъ факультетовъ!

Бруно. Не обращайте на него вниманія, профессоръ! Всѣ знаютъ, какъ мало я придаю значенія своему докторству.

Эльза (*томно*). А гдѣ же Зигфридъ? (*Зигфридъ входитъ.*) Профессоръ Ниманъ... Позвольте васъ познакомить... Мой beau-frère — Мейеръ...

Зигф. (*на распѣвъ*). Зигфридомъ звать меня должны!..

Кит. Почему же непремѣнно „должны“?

Зигф. Да, должны! Изволите ли видѣть, когда мои родители... гм!.. произвели меня на свѣтъ... (*Всѣ смѣются.*)

Эльза. Хорошъ, очень хорошъ!

Роза (*входя*). Барыня-съ, танцмейстеръ пришелъ...

Адда. Пускай подождетъ! (*Роза уходитъ.*)

Бет. Однако, со стороны Вилли это не особенно деликатно.

Адда. Ну, развѣ можно обижаться на нашу молодежь!.. Онъ навѣрное чѣмъ-нибудь занятъ...

Бруно. Ужъ не украшеніемъ ли своей новой студіи?.. (*Адда нервно пожимаетъ плечами.*)

Вейсъ. Какъ, что, гдѣ? Вотъ такъ новость!

Бруно. Какже! Тутъ цѣлая исторія. Былъ я вчера у Дробишца...

Вейсъ (*дѣлая знаки Ниману*). Ну, и что же?..

Бруно. Возвращаюсь домой и встрѣчаю цѣлый караванъ съ мебелью. Чего-чего только тамъ не было... Словно изъ „Тысячи и одной ночи“. Я вѣдь понимаю кое-что въ мебели...

Кит. А на какомъ факультетѣ, позвольте спросить, преподаются эти мебельныя науки?

Бруно (*ядовито*). На томъ же самомъ, гдѣ насъ учили складывать оружіе передъ женскимъ любопытствомъ... (*Къ обществу.*) Да! Чего-чего только тамъ не было: какіе стулья, столы, гардины, хрусталь, бронза, ковры. Я былъ вполнѣ увѣренъ, что все это предназначается для какой нибудь (*озабоченно поглядываетъ на Китти*) интересной дамочки...

Бет. Ахъ, Китти ничего въ этомъ не понимаетъ!

Кит. Конечно, я могу имѣть понятіе только о неинтересныхъ.

Бруно. И представьте мое удивленіе, когда я узнаю, что все это направляется къ новую студію Вилли! (*Всѣ удивляются, пересмѣиваются и перемигиваются.*)

Адда (*перемѣняя разговоръ*). Надѣюсь, профессоръ, вы не откажетесь быть на нашемъ праздникѣ?

Ним. Вы очень любезны. (*Идутъ въ глубину сцены; около Вейса группа, они что-то разсказываетъ, всѣ хохочутъ.*)

Кит. (*подходя къ Вейсу*). Зачѣмъ вы разсказываете такія вещи, которыя мнѣ нельзя слушать?

Вейсъ. Рано, рано, еще успѣете! Выростите немножко, а то у насъ и такъ дѣвушки вступаютъ въ свѣтъ какими-то молоденькими вдовушками!

Кит. Вы думаете? Впрочемъ я и безъ васъ все поняла! (*Пожимаетъ плечами и отходитъ.*)

Вейсъ. Господа! Идея! Хотите, я замѣню Вилли?

Адда. Да развѣ вы умѣете танцовать?

Вейсъ (*обиженно*). Нѣтъ, не умѣю!

Всѣ (*окружаютъ Вейса, смѣются и перебиваютъ другъ друга*). Тѣмъ лучше! Тѣмъ лучше! Ха, ха, ха! Вотъ будетъ смѣшно.

Адда (*Ниману*). Ну-съ, вы, надѣюсь, простите, мы васъ оставимъ одного... Воображаю, какое нелестное мнѣніе вы о насъ составили!.. (*Всѣ одинъ за другимъ уходятъ.*)

Вейсъ (*Ниману*). Ха, ха, ха! Что-то вы теперь скажете по поводу всей этой дьявольской кухни?

Ним. Кажется, вы заварили кашу!

Вейсъ. Нѣтъ, милѣе всего то, что здѣсь изъясняются на извощичьемъ жаргонѣ и это считается fine-fleur'омъ благовоспитанности! (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ VII-е.

Ниманъ, *потомъ* **Вилли.**

Ним. Да, нечего сказать! Что здѣсь только творится!.. Нѣтъ, Вилли, нѣтъ! Мы должны поговорить съ тобой серьезно! (*За сценой раздаются звуки музыки, шарканье ногъ, смѣхъ и говоръ.*)

Вил. (*входитъ справа и, не замѣчая Нимана, становится передъ зеркаломъ и расчесываетъ усы и бороду*). Ну, теперь поскачемъ?! (*Увидѣвъ Нимана.*) Pardon!

Ним. Вилли! Да развѣ ты меня не узнаешь?

Вил. (*бросается къ нему и порывисто обнимаетъ.*) Ниманъ! Дружище! Ты какъ здѣсь? Нѣтъ, это удивительно! Въ этомъ домѣ.... прежде, чѣмъ у меня?...

Ним. Видишь ли, мнѣ сказали, что тебя здѣсь легче найти...

Вил. Дружище, дружище! Какъ давно я не жалъ твою честную руку. Все бы, можетъ, пошло иначе.

Ним. Ну! Ты теперь, я слышалъ, знаменитость, сила!

Вил. (*нервно*). Сила! Да, во мнѣ была когда-то сила... Нѣтъ, не будемъ лучше объ этомъ говорить.—Послѣ, самъ все разскажу... Какъ ты устроился?... Гдѣ живешь?...

Ним. Ничего! Такъ себѣ. Получилъ профессуру въ Карльсруэ... Работаю... Счастливъ... Двое ребятъ...

Вил. Кстати... Я передъ тобой сильно виноватъ: ты меня извѣщалъ о своей свадьбѣ, а я—такой свинтусъ, даже и не поздравилъ... Ужъ двое говоришь? Когда это ты успѣлъ?

Ним. (*улыбаясь*) Тонкій намекъ на счетъ потомства? Такъ, дружище, сложились обстоятельства... Черезъ чуръ увлекся натурой... (вѣдь жена раньше служила у меня натурщицей..) и... и... первый ребенокъ у насъ родился ровно на девять мѣсяцевъ раньше нашей свадьбы. Впрочемъ, для меня этотъ казусъ прошелъ совсѣмъ безслѣдно и я остался все той же золотой серединой, какъ, бывало, говаривалъ нашъ великій учитель!

Вил. (*Съ одушевленіемъ*). Да, нашъ великій учитель!

Ним. Эге-ге-ге, дружище! Если ты говоришь это такимъ тономъ, значитъ, далеко еще не все потеряно!

Вил. Ахъ, что за чудное было время!

Ним. Помнишь, какъ онъ бралъ тебя иногда за вихоръ и приговаривалъ: малый и не подозрѣваетъ, что въ немъ таится! Онъ обязанъ работать вдесятеро больше другихъ!

Вил. Еще-бы не помнить!

Ним. А гдѣ же теперь его крошка Клерхенъ, которую онъ поручилъ твоему вниманію?

Вил. У насъ, у насъ... до сихъ поръ!

Ним. И все такая же бѣлокурая?

Вил. Такая же!

Ним. Ну, а твои старики?...

Вил. Плохо! У отца грошовое мѣсто... Мать возится съ пансіонерами... У насъ ихъ полный домъ... Всѣ такъ за мною ухаживаютъ, что просто силъ не хватаетъ—выносить столько любви... Хочу бѣжать!

Ним. Куда? Не на набережную-ли?

Вил. Ты откуда знаешь?

Ним. Здѣсь услыхалъ!

Вил. Здѣсь? Значитъ, ужъ пронюхали!

ЯВЛЕНІЕ VIII-е.

Тѣ же и Китти (*просовываетъ голову черезъ портьеру*).

Кит. Ну, вотъ и этотъ господинъ! (*Входитъ.*) Наконецъ-то! Отчего-жъ вы къ намъ не являетесь? Тетя давно ждетъ...

Вил. Будьте любезны, передайте ей, что сегодня я рѣшительно не въ состояніи... Придумайте, что хотите...

Кит. Очень, очень мило съ вашей стороны! (*уходитъ*).

Ним. Слушай, ты, кажется, хватилъ черезъ край!

Вил. Ахъ, мнѣ рѣшительно все равно!

Ним. Гм! Ты, какъ видится, не очень-то уважаешь...

Вил. Уважаю! Ха, ха, ха! Это слово не существуетъ въ здѣшнемъ лексиконѣ... Мы довольствуемся безупречно-изящной впѣшностью... И чѣмъ она изящнѣе, тѣмъ больше чести для ея обладателя, будь онъ хоть самымъ отъявленнымъ животнымъ...

Ним. Однако, дружище! Я тебя совсѣмъ не узнаю... И какъ ты можешь работать съ такими мыслями?...

Вил. Да кто тебѣ сказалъ, что я работаю?... И не думаю, и не желаю вовсе! Зачѣмъ... Для чего?... чтобы пополнить комплектъ рисовальщиковъ?... Ихъ и безъ меня довольно на бѣломъ свѣтѣ... Нѣтъ, Ниманъ! Нашъ алтарь оскудѣлъ... Священный огнь потухъ... Искусство развѣнчано и богъ его полетѣлъ вверхъ тормашками...

Ним. А вѣра въ самого себя, въ свое призваніе?

Вил. Ха, ха, ха! Въ призваніе?... Въ себя?... Ха, ха, ха!...

Ним. Ты просто нездоровъ, дружище!

Вил. Удивительно! Они точно сговорились! Да нѣтъ же, неправда! Это вздоръ, выдумки! Ну, посмотри на меня, развѣ я похожъ на больного? Спроси, наконецъ, женщинъ! Не даромъ же онѣ говорятъ, что я *умѣю* любить... А развѣ больные умѣютъ?.. О, если-бъ ты только зналъ, какое неудержимое стремленіе къ грѣху живетъ въ этихъ женщинахъ... Имъ даже не нуженъ бѣсъ, который бы ихъ подталкивалъ: онѣ сами летятъ въ пропасть, какъ снѣжная лавина! И онѣ всѣ мои—всѣ до единой... Ни одного лишняго слова, ни одной улыбки, лишь стоитъ обмѣняться взглядомъ, какъ ты уже чувствуешь (*сдвигаетъ и раздвигаетъ пальцы лѣвой руки**), что она твоя... Вся... Вся... И все таки нѣтъ удовлетворенія, потому что чѣмъ больше ты имѣешь, тѣмъ все больше и больше хочется имѣть... Съ ума сойти можно! «И въ обладаніи томлюсь желаніемъ», какъ говоритъ Фаустъ... Да, въ самомъ дѣлѣ, сколько во всемъ этомъ фаустовскаго!..

Ним. Ну, если хочешь знать правду, дружище, такъ фаустовскаго въ тебѣ очень мало, а вотъ, что ты кутила-мученикъ и бабникъ, это правда.

Вил. Ха, ха, ха! Ты думаешь?

---

*) Излюбленный жестъ Вилли.

Ним. Убѣжденъ! Навѣрное и сейчасъ путаешься съ какой нибудь бабенкой...

Вил. А! Тебѣ ужъ насплетничали...

Ним. Никто и ничего...

Вил. Здѣсь говорятъ, что я—ея любовникъ! Гнусное этой сплетни нѣтъ ничего на свѣтѣ... Правда, она имѣетъ надо мной вліяніе, но я подчинился ей добровольно... и... и, наконецъ, наши отношенія настолько сложны... что, право, трудно быть судьей... (*Горячо.*) Во всякомъ случаѣ, я открыто заявляю всѣмъ и каждому, что эта женщина—моя счастливая звѣзда.

Ним. (*съ иронією*). И съ какимъ жаромъ заявляешь! Надѣюсь, по крайней мѣрѣ, что ни одна капля твоей бурной жизни не попадаетъ на нашъ семейный очагъ!

Вил. О, разумѣется! Старики живутъ совсѣмъ иною жизнью...

Ним. И, слава Богу! Тсс! Сюда идутъ! (*Музыка за сценой стихаетъ, смѣхъ слышится все ближе и ближе... Портьера раздвигается и изъ залы вся гости выходятъ въ салонъ.*)

ЯВЛЕНІЕ IX-е.

Тѣ же, Адда, Китти, Бетти, Эльза, Бруно, Зигфридъ, Вейсъ и лакеи.

Адда (*впереди всѣхъ, въ костюмѣ Кармэнъ, идетъ, напѣвая извѣстную арію изъ армэнъ: «Любовь—дитя, она шутя» и т. д.*).

Кит. Тетя! У тебя совсѣмъ распустились волосы...

Адда. Пускай! (*Шаловливо трясетъ головой, отчего локоны распускаются во всѣ стороны.*)

Вейсъ. Нѣтъ, ужъ какъ хотите! Если подражать, то либо Норѣ, либо Франсильонъ, а обѣимъ вмѣстѣ—это... это... полное извращеніе стиля... (*Лакеи разносятъ фрукты и угощенія.*)

Адда (*бросается въ кресло и обращается къ Вилли*). И камъ не стыдно? Сейчасъ цѣлуйте руку... Впрочемъ нѣтъ, не стоите! Вы не повѣрите, профессоръ, какъ трудно прививается къ нему воспитаніе... несчастный страдаетъ манією геніальности... Это самая несносная болѣзнь.. (*Китти.*) Пожалуйста, по прежнему! (*Китти зашпиливаетъ локоны.*) Mercі, милочка! (*Всѣмъ*) Но имѣйте терпѣніе, я ему живо обрѣжу крылышки!...

Вейсъ. О, Далила, Далила!

Зиг. (*поднимая бокалъ*) Mesdames et messieurs! Пью за здоровье идеалиста, посвятившаго себя безкорыстному служенію искусству... Это такая рѣдкость въ наше время, что вы навѣрное поинтересуетесь узнать его имя... Извольте: я готовъ удовлетворить ваше законное любопытство! Пью здоровье творца «Содома»... (*Всѣ смѣются; Вилли и Адда перекидываются взглядомъ*). Я хотѣлъ сказать творца «Гибели Содома»...

Вил. (*съ принужденнымъ смѣхомъ.*) На васъ рѣшительно нельзя сердиться!

Бет. Однако, пора. Прощайте... До понедѣльника! (*Смѣдуютъ рукопожатія.*)

Ним. Ты остаешься?

Вил. (*уныло*). Придется.

Ним. Зайди ко мнѣ сегодня... я буду ждать... До свиданья.

Бруно (*Зигфриду*). И распечетъ же она его сейчасъ ва всѣ корки! (*Вилли.*) А вы развѣ не съ нами?

Адда. Разумѣется, нѣтъ... Г-нъ Яшковъ! На васъ накладывается штрафъ и вы должны будете прорепетировать танцы solo. Слышите?

Кит. (*наблюдавшая за обоими*). Какъ это противно! (*Бруно, Зигфридъ, Бетти, Эльза и Ниманъ прощаются и уходятъ со смѣхомъ и шутками.*)

Вейсъ (*идетъ послѣдній и обращается къ Вилли, который стоитъ, облокотившись на каминъ*). Ну, теперь держитесь! (*Уходитъ.*)

Кит. Я вамъ не нужна, тетя?

Адда. Нѣтъ. А что?... Да! Черезъ часъ мы пойдемъ гулять.

Кит. Какъ хочешь!...

Адда (*тихо*). Что съ тобой?

Кит. Ничего! (*Уходитъ, посылая по дорогѣ холодный поклонъ Вилли. Тотъ отвѣчаетъ тѣмъ же.*)

Вилли. Если я не ошибаюсь, тебѣ нужно со мной поговорить?

Адда (*ложась на кушетку*). Да, мой другъ! Не ошибаешься. Я хотѣла тебѣ сказать, что ты начинаешь нестерпимо зазнаваться!

Вил. И больше ничего?!

Адда. И больше ничего!

Вил. Значитъ, я могу уходить?

Адда. Вилли!

Вил. Ахъ, еще не все?!..

Адда. Къ чему этотъ тонъ? Развѣ ты не самъ ставишь меня въ необходимость дѣлать тебѣ упреки!

Вил. Позволишь закурить?

Адда. Пожалуйста! Закури и для меня! Я немного протянусь... Ужасно устала... Прикрой мнѣ ноги мѣхомъ! Mercі! (*Разваливается и роняетъ папиросу; Вилли поднимаетъ.*) Mercі! Да, что я хотѣла сказать?! Садись поближе! Съ нѣкоторыхъ поръ ты мнѣ просто дѣйствуешь на нервы:—отказываешь въ самыхъ пустякахъ, заставляешь себя ждать. Вчера я по твоей милости чуть не простудилась, простоявъ цѣлыхъ полчаса на морозѣ.

Вил. Извини, пожалуйста... я.. и...

Адда. Да! Потрудись, по крайней мѣрѣ, найти оправданіе... сохрани хоть внѣшнюю

форму приличій... Если же наши отношенія тебя утомляютъ... скажи лучше прямо!

Вил. Ты угадала... Мнѣ положительно нестерпима та роль, которую я принужденъ играть въ твоемъ домѣ... Во первыхъ, мужъ...

Адда (*поводитъ плечами*). Ужъ не боишься-ли ты его пистолетовъ?..

Вил. Разумѣется, нѣтъ, но и не вижу особеннаго удовольствія служить оселкомъ для его остротъ, которыя я долженъ проглатывать молча.

Адда. Стоитъ ли обращать вниманіе на такіе пустяки!.. Я для тебя жертвую большимъ и... и не ставлю себѣ въ особенную заслугу...

Вил. Тѣмъ не менѣе предупреждаю, Адда, что въ одинъ прекрасный день это кончится скандаломъ.

Адда. Все, что хочешь, но не скандалъ, Вилли. . Скандала я не потерплю!

Вил. Видишь, видишь! Но должна же ты, наконецъ, понять, что у каждаго мущины есть самолюбіе, благодаря которому его только и уважаютъ. Отними его у него—и онъ обратится въ мразь, ничтожество... Неужели ты хочешь, чтобъ и со мной произошла такая метаморфоза, потому что, вѣдь и въ самомъ дѣлѣ, если я буду выслушивать хладнокровно всѣ тѣ мерзости и гадости, которыя мнѣ преподносятъ твои милые знакомые, такъ мое самолюбіе очутится въ концѣ концовъ у чорта на куличкахъ... Пойми это! Вѣдь ты же сама тогда первая перестанешь меня уважать! Да вотъ, не дальше, какъ сегодня... Помнишь, ты какъ-то просила, чтобы я подыскалъ себѣ отдѣльную мастерскую, гдѣ мы могли бы видѣться безъ помѣхи. Помнишь? Я согласился, но вѣдь не иначе, какъ подъ условіемъ—сохранить это въ тайнѣ...

Адда. Да, да! Представь! Но, увѣряю тебя, я тутъ не причемъ... Вышло какое-то непріятное недоразумѣніе.

Вил. И однако эти случайности повторяются чуть не ежедневно... Если и дальше пойдетъ такимъ же образомъ,—я за себя не ручаюсь. Право, не достаетъ еще, что-бы всѣ заговорили, что ты платишь за мою квартиру. (*Съ отвращеніемъ.*) Нечего сказать! Достукался!

Адда (*ласкаясь*). Если-бъ ты меня любилъ хоть немножко больше...

Вил. (*горячо*). Если-бы я любилъ тебя до безумія, то и въ такомъ случаѣ разыгрывать роль Альфонса... Слуга покорный!

Адда. Ты не волнуйся и не кричи! Ну, чего тебѣ отъ меня нужно?

Вил. Одного, только одного, Адда—сознанія, что я опять сдѣлался честнымъ человѣкомъ...

Адда. Къ чему это самоуниженіе?

Вил. Я не хочу быть трутнемъ... Я хочу снова работать, что бы чувствовать, что я живу, а не прозябаю, какъ одалиска въ гаремѣ... Повѣришь-ли, бываютъ минуты, когда я завидую послѣднему поденщику. Гдѣ онѣ, гдѣ мои прежнія силы!?.. На что я истратилъ ихъ?!.. На что... трачу теперь!? Гдѣ та отзывчивость и свѣжесть впечатлѣнія? Все притупилось... пресытилось...

Адда (*нервно*). Ты просто выдохся, мой милый!

Вил. Что ты хочешь этимъ сказать?

Адда. Только развиваю твою мысль. Слушай, будемъ говорить серьезно. Ты ищешь... я ужъ и не знаю, какъ опредѣлить это... состояніе... Это—не счастье, нѣтъ, а такъ себѣ, какое-то мѣщанское, пошлое разгильдяйство въ халатѣ и туфляхъ. Этого, конечно, я дать тебѣ не могу...

Вил. Ахъ, Адда, ты совсѣмъ меня не понимаешь. Покой, душевный покой, вотъ что мнѣ нужно!

Адда. Въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же дѣло стало—женись!

Вил. И ты совѣтуешь это совершенно равнодушно!

Адда. Какой онъ еще мальчикъ! Да пойми же, наконецъ, что я давнымъ-давно живу однимъ только желаніемъ быть и оставаться на вѣки твоимъ другомъ... Только!.. А все остальное, что ты можешь мнѣ дать, какъ мущина, право, для меня не представляетъ никакого интереса. Но ты не оцѣнилъ какъ слѣдуетъ моихъ отношеній, и на каждомъ шагу меня обманываешь... Успокойся, я знаю все и, пожалуйста, не подумай, что я на тебя за это въ претензіи! Никогда! Ты—баловень судьбы и съ твоей стороны было-бы просто не разсчетливо, даже глупо, пренебрегать ея подачками. Но и я съ своей стороны тоже хочу принять мѣры... Надѣюсь, что имѣю на это право!.. Сколько я выстрадала и вытерпѣла, это—другой вопросъ...

Вил. Адда! Ты какая-то необыкновенная женщина!

Адда. Самая обыкновенная! Но, дѣйствительно, я женщина въ полномъ смыслѣ этого слова и готова на всякія жертвы для любимаго человѣка.

Вил. (*страстно*). Дѣлай со мной, что хочешь!

Адда. Прежде всего, конечно, надо выбрать дѣвушку съ хорошимъ состояніемъ, потому что жениться на бѣдной въ твоемъ положеніи было бы непростительной глупостью. Затѣмъ, надо, чтобы твоя жена и я, мы понимали другъ друга. (*Вилли смотритъ недовѣрчиво.*) Ты что?

Вил. Я?! — Ничего!

Адда (*задумавшись*). У меня даже есть на примѣтѣ...

Вил. Не секретъ?

Адда. Но жаль, изъ этого, пожалуй, ничего не выйдетъ: она тебя за что-то не взлюбила.

Вил. Догадываюсь! Ты говоришь про Китти... Нечего сказать, выбрала: она ужъ и теперь за нами подсматриваетъ.

Адда. Какой вздоръ: Китти ничего не подозрѣваетъ! Вы-бы заняли второй этажъ. Каждый бы день видѣлись. Да развѣ ты умѣешь ухаживать? Нѣтъ, нѣтъ, ничего изъ этого не выйдетъ: у тебя слишкомъ суровый, неприступный видъ для моей дѣвочки...

Вил. Мнѣ и въ голову не приходило!

Адда. А вотъ, постарайся! (*Горячо.*) Милый! Дорогой! Ты долженъ это сдѣлать!

Вил. Хорошо, хотя, признаться, я тебя совсѣмъ не понимаю. Настоящій ты сфинксъ, право!

ЯВЛЕНІЕ X-е.

Тѣ же и Китти.

Кит. Тетя Адда! Пора... (*Вилли холодно.*) Мосье Яниковъ, быть можетъ, тоже не откажется?..

Вил. Я бы очень желалъ, но боюсь испортить вамъ удовольствіе.

Кит. Вы удивительно проницательны...

Вил. Въ такомъ случаѣ—до свиданья...

Адда (*тихо*). И это называется—постараться!

Вил. Не могу... Понимаешь-ли, не въ силахъ! (*Уходитъ.*)

Адда. Что-же мы стоимъ?

Кит. Тетечка! Я должна тебѣ все, все сказать... Вѣдь ты на меня не разсердишься? Право, я не думаю ничего дурнаго, но зачѣмъ ты его оставляешь, когда всѣ уходятъ?.. Ты не подумай что нибудь... Я вовсе не о томъ, что ты съ нимъ остаешься одна... Это мнѣ совсѣмъ все равно... Только... (*Всхлипываетъ и опускается на стулъ.*) Зачѣмъ онъ такъ со мной обращается?!.. Точно съ дѣвочкой... Право же... я ему ничего не сдѣ...ла..ла!.. (*Плачетъ.*)

Адда (*про себя*). А-а! Ну, это значительно упрощаетъ дѣло! (*Нѣжно.*) Дѣточка моя! У тебя навѣрное что-то на сердцѣ?

(*Занавѣсъ.*)

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ДЕКОРАЦІЯ.

Комната, нѣчто среднее между кабинетомъ и столовой.—Посреди большой, раздвинутый столъ, надъ которымъ виситъ старинная лампа съ зеленымъ абажуромъ.—Справа шкафъ съ оружіемъ, слѣва—горка съ трубками и рядомъ съ нею большой старинный буфетъ.—На лѣво—диванъ. Надъ диваномъ портреты стариковъ Яниковыхъ.—На другихъ стѣнахъ картины въ золоченыхъ дешевенькихъ рамахъ.—На буфетѣ чучело совы, на шкафу съ оружіемъ—орла.—Нѣсколько клѣтокъ съ канарейками.—На предиванномъ столикѣ лежитъ разное бѣлье.—Солнце черезъ окно ярко освѣщаетъ всю комнату.—Передъ однимъ изъ оконъ—дѣдовское кресло.

ЯВЛЕНІЕ I-е.

Яникова (*сидитъ въ креслѣ, окруженная дѣтьми*). Теодоръ Франкъ, Луи Метцнеръ, Фрицъ Домке. (*У дѣтей въ рукахъ книги и папки.*) Ниманъ (*сидитъ на диванѣ*), Яниковъ (*въ креслѣ, облокотившись на спинку, дремлетъ*), потомъ Мина.

Луи (*отвѣчаетъ урокъ, заикаясь и постоянно останавливаясь*). Calypso écoutait avec étonnement des paroles si sages.—Ce qui la charmait le plus, était de voir que Télémaque écoutait avec étonnement des paroles si sages.—Ce qui la char... (*Останавливается смущенный. Всѣ смѣются.*)

Я-ва. Ахъ, ты, егоза, егоза! Опять не знаешь? (*Входитъ Мина.*) Тебѣ что?

Мина. Со стола убирать?

Я-ва. Убирай... Барышня и безъ скатерти побушаетъ...

Мина. А баринъ?

Я-ва. (*покачивая головой, Ниману*). Чего бы я только ни дала, кажется, чтобы Вилли въ послѣдній день отобѣдалъ съ нами! (*Мина убираетъ посуду и скатерть.*)

Ним. (*успокаивая*). Вѣрно нельзя было!

Я-ва. (*горько*). Да, вѣрно нельзя! Ну, дѣти! Можете уходить! Теперь безъ четверти два...

Фран. Подпишите намъ билеты.

Яник. Что, билеты? Сейчасъ! (*Подписываетъ.*) Чтобы въ слѣдующую субботу не было ни одного замѣчанія! (*Дѣти кланяются и убѣгаютъ.*) Фрицъ, ты что же остался? Развѣ у тебя нѣтъ на завтра уроковъ? Поди ко мнѣ! (*Усаживаетъ его къ себѣ на колѣни и гладитъ по головкѣ.*)

Фр. (*лѣтъ 9-ти*). Я яблочка хочу...

Я-ва. Яблочка?! Ну, подожди! Сейчасъ придетъ тетя Клара и дастъ намъ яблочка...

Фр. Хорошо! (*Уходитъ. Сзади на цыпочкахъ проходятъ два молодыхъ человѣка тоже въ гимназическихъ мундирахъ, съ книгами подъ мышкой, дѣлаютъ поклонъ и скрываются направо.*)

Я-ва. До свиданія, дѣти!

Ним. Это вѣрно гранды вашего королевства?

Я-ва (*улыбаясь*). Да! Оба—семиклассники!

Ним. Такъ, такъ!

Я-ва (*крѣпко жметъ ему руку*). Дайте еще разъ пожать вашу руку... Давно мы не видались съ вами, Ниманъ, давно! Сколько воды утекло за это время... Сколько горя мы видѣли! Но я, какъ видите, все такая-же... духомъ не падаю... Вотъ завела себѣ цыплятокъ и няньчусь съ ними... У мужа—маленькое мѣстечко... Горькій это хлѣбъ, что говорить... скудный хлѣбъ...

Ним. Тсс! Онъ, кажется, бредитъ!

Я-въ (*сквозь сонъ*). Утреннее молоко... на холодъ...

Я-ва. Видите... Даже и во снѣ покоя не знаетъ... (*Смотритъ на часы.*) Черезъ шесть минутъ я его разбужу... Пускай еще подремлетъ... Да, времячко настало!.. Пора бы старымъ костямъ и на покой, да до отдыха-ли тутъ...

Ним. Трудно вамъ, трудно!

Я-ва. И то еще благодаримъ Бога: хоть Вилли-то могли поставить на ноги!

Ним. Да! Теперь знаменитость!

Я-ва. Не говорите! Я и не рада этому; совсѣмъ отъ дому отбился! И работу забросилъ... Такъ его и тянетъ на улицу... Да и къ намъ, старикамъ, совсѣмъ иначе сталъ относиться! Вы знаете, на него иногда находятъ такія минуты, что просто страшно за него дѣлается... И вѣдь безъ всякой причины... Такъ себѣ... А помните, какъ, бывало, онъ умѣлъ смѣяться!

Ним. Еще-бы не помнить!

Я-ва (*тихо*). Я вамъ все разскажу... (*Бьетъ два часа.*) Пора! Потомъ! (*Будитъ мужа.*) Адольфъ!

Я-въ (*съ просонокъ*). А?.. Гдѣ-же 17-я повозка?

Я-ва. Адольфъ! Проснись!

Я-въ (*озираясь*). Да, да, да! Такъ, такъ! Что случилось? Ага, вспомнилъ! Этотъ мерзавецъ прокнасилъ... (*Выступаетъ впередъ.*) Нѣтъ, вы только представьте себѣ, профессоръ, шесть литровъ сливокъ! Въ февралѣ-то! Какъ вамъ покажется! Просто сладу съ народомъ нѣтъ!

Я-ва (*подавая кофей*). На, выпей горяченькаго!

Я-въ (*прихлебывая*). Гдѣ же опять Вилли? Отчего онъ не обѣдалъ съ нами?

Я-ва. Вилли отозванъ!

Я-въ А! Такъ, такъ! Это другое дѣло! И везетъ-же ему, профессоръ! Въ самомъ лучшемъ обществѣ принятъ! Да, а какія сливки, если-бы вы знали! Есть, изволите-ли видѣть, множество сортовъ молока, но самымъ лучшимъ считается, такъ называемое, альпійское—травяное...

Я-ва (*подаетъ пальто*). Ты опоздаешь, Адольфъ!

Я-въ (*одѣвается*). Сейчасъ, сейчасъ! Я вхожу въ подробности, такъ какъ всякое знаніе полезно... (*Жена повязываетъ ему шею шарфомъ.*) Ужъ я знаю, что тебѣ хочется на меня поворчать, а? Она у меня ужасная ворчунья стала! (*Цѣлуетъ жену.*) Да! Такъ вотъ эти то сливки парень и прокнасилъ! Каналья! До свиданья, профессоръ. Когда мы увидимся?

Ним. Скоро, скоро! (*Яниковъ уходитъ.*)

Я-ва. Ну, развѣ не обидно видѣть, какъ онъ съ каждымъ днемъ опускается въ этомъ болотѣ...

Ним. Вы хотѣли разсказать мнѣ...

Я-ва. Ахъ, да! Должно быть, съ недѣлю тому назадъ, Вилли забылъ на столѣ письмо... Я его и прочла... Конечно, это стыдно, не хорошо... Но я—мать, профессоръ!.. Ахъ, что тамъ было написано! Я до сихъ поръ не могу себѣ представить, какъ можно унижаться до такой степени! У этой особы положительно нѣтъ ни стыда, ни совѣсти. Но хуже всего то, что она кругомъ опутала Вилли! Вотъ, взгляните! Ужъ опять получено; она ему каждый день пишетъ. (*Схватываетъ письмо и бросаетъ его снова на столъ.*) И духи-то какіе непріятные!

Ним. А вы не знаете, кто она?

Я-ва. И понятія не имѣю... Письмо было безъ подписи... Да развѣ въ имени дѣло! Навѣрно какая-нибудь сквернавка!

Ним. Вѣдь вамъ, конечно, извѣстны всѣ дома, гдѣ бываетъ Вилли?

Я-ва. Какъ вамъ сказать: и да, и нѣтъ! Я знаю ихъ только по этимъ приглашеніямъ. (*Показываетъ карточки.*)

Ним. Развѣ Вилли ничего не разсказываетъ?

Я-ва (*съ усмѣшкой*). Нѣтъ! Онъ только предупреждаетъ, что его въ такой то день не будетъ дома и больше ничего. Тѣмъ все и кончается, потому что я вовсе не желаю, чтобы онъ замѣчалъ, какъ мнѣ подъ часъ бываетъ непріятно...

Ним. Вы ничего не слыхали про нѣкую госпожу Барциновскую?

Я-ва (*живо*). Какже, какже! Это — одна здѣшняя аристократка... Я имѣла удовольствіе ее видѣть... Вилли показывалъ... О! Когда онъ у нея въ домѣ,—я совершенно покойна... Она столько сдѣлала для Вилли... Мы такъ ей обязаны... Вѣдь это она купила у него большую картину...

Ним. И, кажется, и его самого вмѣстѣ съ нею!

Я-ва. Что вы, что вы!

Ним. Я пошутилъ! Что же, осталось у него что-нибудь отъ этой продажи? (*Я—ва качаетъ головой.*) На какія же средства онъ живетъ?

Я-ва. Чѣмъ живетъ? Ему объ этомъ не приходится заботиться, потому что думаемъ за него—мы... Вотъ уѣдетъ, тогда другое дѣло! Пускай живетъ, какъ хочетъ...

ЯВЛЕНІЕ II-е.

Тѣ же и Клерхенъ.

Клер. (*увидя незнакомаго человѣка, останавливается въ смущеніи*). Вотъ и я, мамочка! (*Бѣжитъ къ дверямъ своей комнаты.*)

Я-ва. Куда-жъ ты бѣжишь отъ насъ? Поди сюда, Клерхенъ!

Клер. Сейчасъ, сейчасъ, мамуся! (*Уходитъ.*)

Ним. Неужели это Клерхенъ?

Я-ва. Да, она! Совсѣмъ взрослая дѣвица! Только—дичекъ ужасный!

Ним. И узнать нельзя!

Я-ва (*подходя къ двери*). Клерхевъ, что же ты?

Клер. (*за сценой*). Сейчасъ, мамочка!

Я-ва (*отворяя двери*). Ты развѣ не узнала? Это твой старинный знакомый! Не строй, пожалуйста, такихъ глазъ! Иди же! Не хорошо! Будь умница! (*Вытаскиваетъ Клерхенъ за руку.*)

ЯВЛЕНІЕ III-е.

Тѣ же и Клерхенъ.

Я-ва. Ну, узнаешь? (*Клерхенъ качаетъ головой.*)

Ним. Я вамъ помогу: вспомните-ка хорошенько, какъ вы приносили намъ завтраки... А голубую кружку забыли? А Молли забыли?

Клер. Ахъ, такъ это вы!..

Ним. Наконецъ-то!

Клер. Господинъ Нимапъ! (*Въ смущеніи протягиваетъ ему руку.*)

Ним. Онъ, онъ самый! Теперь вспомнили?

Клер. Какже, какже! Но это было такъ давно...

Ним. Что вы ужъ успѣли меня позабыть?

Клер. Ахъ, я совсѣмъ не о томъ... (*Яниковой.*) Мамочка! Вилли и въ самомъ дѣлѣ завтра уѣзжаетъ?..

Я-ва. Говорилъ!

Клер. А Крамеръ еще не приходилъ?

Я-ва. Нѣтъ, а что?

Клер. (*смущенно*)! Такъ! Ничего! Мнѣ можно идти... Я ужасно голодна!

Ним. Мы еще увидимся, надѣюсь?

Клер. Разумѣется!

Ним. (*ласково киваетъ ей головой.*) До свиданья, до свиданья! (*Клерхенъ уходитъ.*)

Ним. Прелестное созданіе!

Я-ва. Да! Удивительно симпатичная дѣвушка! Я къ ней ужасно привязалась... Плохо бѣдняжкѣ было, пока она болталась по чужимъ людямъ... Вилли, конечно, при всемъ желаніи не могъ ничего подѣлать... Какая онъ нянька! За нимъ самимъ смотрѣть нужно... Такъ бы, пожалуй, и пропала—да, мы пожалѣли:—какъ ни трудно было... взяли къ себѣ... вотъ и выростили... Умница... скромная... сердечная... Ахъ! Я ужъ такъ и быть разскажу вамъ всѣ ваши секреты... Мы влюблены...

Ним. (*перебивая*). Въ Вилли?

Я-ва. Нѣ-нѣтъ! Вилли для насъ божокъ, на котораго мы чуть не молимся! Нѣтъ... Нашъ рыцарь попроще — Крамеръ... Помните вы его?

Ним. (*вспоминая*). Крамеръ?! Крамеръ?! Кто такой? А! Школьный товарищъ Вилли? (*Яникова киваетъ головой.*) Что же онъ изъ себя представляетъ?

Я-ва. Такъ себѣ: ни то, ни се! Ничего изъ него не вышло!

Ним. Это жаль! (*Задумчиво.*) Да, что я хотѣлъ сказать?!.. И они живутъ здѣсь вмѣстѣ?

Я-ва. Кто они? Крамеръ?.. Что-жъ изъ этого! Въ моемъ домѣ, милый профессоръ, это не опасно...

Ним. Не опасно?.. Я не о Крамерѣ... (*Крамеръ входитъ быстро, запыхавшись.*)

ЯВЛЕНІЕ IV-е.

Тѣ же и Крамеръ.

Крам. (*не обращая вниманія на Нимана*). Клерхенъ дома?

Я-ва. Что съ вами, Крамеръ?

Крам. Дома?

Я-ва. Сейчасъ пришла!

Крам. И... и... ничего... покойна?

Я-ва. Развѣ что-нибудь случилось? (*Крамеръ хочетъ уходить.*) Да куда же вы? Постойте...

Крам. Ничего, ничего! Послѣ все узнаете! (*Нимапу.*) Честь имѣю кланяться. (*Уходитъ.*)

Я-ва (*растерянно*). Ничего не понимаю! Повертѣлся, нашумѣлъ и исчезъ...

Ним. (*берется за шляпу*). Я вамъ не буду мѣшать.

Я-ва. Простите!.. Этотъ сумасшедшій совсѣмъ сбилъ меня съ толку. Не забудьте же мою просьбу, профессоръ! На васъ—вся моя надежда... Вы всегда имѣли на него громадное вліяніе.

Ним. Попытаемся... отчего же! Падать духомъ рано! Мы еще услышимъ его прежній смѣхъ, услышимъ! (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ V-е.

Яникова, *потомъ* Крамеръ *и* Клерхенъ.

Я-ва. Дай-то Богъ! (*Кричитъ въ дверь, куда вошелъ Крамеръ.*) Крамеръ! Подите ко мнѣ на минутку. (*Крамеръ входитъ.*) Ну, говорите, что случилось?

Крам. (*съ тетрадью въ рукѣ*). Право-же, ничего особеннаго! Такъ... пустяки!

Я-ва. И вамъ не стыдно ради пустяковъ пугать меня, старуху!

Крам. (*смущенно*). Простите... виноватъ... (*Цѣлуетъ руку.*) Это... это... потому, что я и самъ не успѣлъ еще опомниться.

Я-ва. Значитъ, что-нибудь да было? (*Клерхенъ просовываетъ голову въ дверь; Крамеръ дѣлаетъ знаки Яниковой, чтобы та молчала.*)

Клер. Ушелъ?

Я-ва. Кто? Ниманъ?--Ушелъ!

Клер. Ну такъ я дообѣдаю съ вами. (*Скрывается.*)

Крам. Право же ничего особеннаго... А, такъ вотъ это кто! Я и не узналъ... Опять пріѣхалъ съ своей ученостью!

Я-ва. Крамеръ! Вы все еще ревнуете его къ Вилли?

Крам. Разумѣется!.. Вилли теперь совсѣмъ для насъ потерянъ...

Клер. (*несетъ тарелку, салфетку и ставитъ все это на столъ.*) Здравствуйте, Крамеръ!

Крам. (*просіявъ*). Ахъ, виноватъ! (*Жметъ руку.*)

Клер. Что съ вами? На васъ лица нѣтъ!

Крам. Я?!

Клер. Опять ученики напроказили?

Крам. Да! Цѣлая исторія вышла!

Я-ва (*собирая вещи и уходя*). Клерхенъ! Ты, какъ докончишь, приди помочь уложить чемоданъ... Слышишь?..

Клер. Приду, приду, мамочка!

Крам. (*вставъ со стула*). И я пойду...

Клер. А вы куда?

Крам. Надо приготовиться... Видите? (*Показывая на тетрадку.*)

Клер. Такъ вы и въ самомъ дѣлѣ рѣшились?

Крам. Какже, завтра въ нашемъ кружкѣ!

Клер. И вамъ не страшно?

Крам. Вѣдь я не для себя это дѣлаю, для Вилли! Вы знаете, какую я выбралъ тему? «Развитіе германскаго искусства въ связи со взглядомъ на живопись предпослѣдняго десятилѣтія XIX вѣка». Каково заглавьице, не правда-ли!

Клер. (*не отрываясь отъ тарелки*). Немного длинно!

Крам. Зато основательно!.. И хоть мнѣ, конечно, не приходится хвалить самого себя, но право же (*хлопая по тетрадкѣ.*) тутъ есть недурныя мѣста... Слушайте... (*Перелистываетъ.*) Вотъ напр. это! (*Читая съ выраженіемъ.*) «И эти новые пути, м. г., суждено было открыть одному молодому художнику, который воплотилъ въ себѣ могущественную творческую силу знойнаго романскаго колорита съ глубокими, освященными славнымъ прошлымъ, традиціями нѣмецкой школы... Этотъ молодой художникъ, м. г., впервые показалъ намъ свой орлиный полетъ въ картинѣ «Гибель Содома», удостоенной, какъ вамъ не безъизвѣстно, на брюссельской выставкѣ первой награды... Зовутъ его—Вильгельмъ Яниковъ!»

Клер. Очень... очень хорошо! Прелесть! (*Шутя.*) Только повѣрятъ ли вамъ?

Крам. Еще-бы! Всѣ знаютъ, что я не способенъ на рекламу и говорю, что думаю!.. Да, кстати!.. Вилли навѣрно уѣзжаетъ?

Клер. Вотъ ужъ не понимаю: зачѣмъ это дѣлается! Развѣ ему здѣсь плохо?

Крам. Этого мы и не поймемъ никогда!.. Вѣдь геніи живутъ своей особенной жизнью... (*Увлекается и позируетъ*). Вѣчно скитаться въ тщетныхъ поискахъ за идеалами, вѣчно чувствовать себя неудовлетворенными, вѣчно желать чего-то недостижимаго, вѣчно чувствовать... чувствовать.. (*размахиваетъ руками, подыскивая выраженіе*) вѣчно чувствовать себя, э... э... ну да! я уже сказалъ неудовлетворенными... Такимъ былъ лордъ Байронъ у англичанъ... Лермонтовъ у русскихъ... Таковъ и Вилли...

Клер. Говорятъ, въ такихъ то именно и влюбляются женщины.

Крам. (*сразу мѣняя тонъ*). Какъ кошки!

Клер. (*таинственно*). Крамеръ!

Крам. Что?

Клер. Тамъ опять письмо. И какъ надушено. Сюда слышно...

Крам. (*разсматривая письмо*). Судя по почерку, все отъ той же...

Клер. Слушайте! Я читала, не помню только гдѣ. Знаю, что въ одномъ стихотвореніи... Тамъ изображенъ былъ герой, въ котораго тоже всѣ влюблялись... (*Декламируетъ.*)

Прижимаясь и воркуя,
Рыцарь бросилъ прочь весло...
Пышетъ страстью поцѣлуя
Дѣвы томное чело!

Пышетъ страстью поцѣлуя... Брр! (*Клерхенъ всю передергиваетъ.*) Какъ страшно!

Крам. Ну, это не про насъ писано! Мы не способны на такую страсть!

Клер. И потомъ, Крамеръ! Ахъ, вы такой хорошій, право! Съ вами такъ легко говорится: всегда найдешь сочувствіе! По моему, все таки, въ концѣ концовъ, Вилли понадобится свой уголокъ... когда... когда... онъ перебѣсится... Я тоже объ этомъ читала...

Крам. (*задумчиво*). Очень можетъ быть!

Клер. Знаете, что мнѣ пришло въ голову! Ему бы слѣдовало имѣть около себя такихъ двухъ человѣчковъ, которые и его-бы любили... и другъ друга тоже. . одинаково...

Крам. Для чего?...

Клер. А вотъ сейчасъ скажу... Что-бы онъ могъ у нихъ укрыться, все равно, какъ у себя дома...

Крам. (*нерѣшительно*). Ну-да! Вотъ... вродѣ насъ...

Клер. (*съ замѣшательствомъ*). Вы говорите—продѣ насъ...

Крам. Д-да! Какъ вы... и я...

Клер. (*смущенная*). А что... дамы... могутъ быть въ вашемъ кружкѣ? (*Вилли незамѣтно подходитъ къ Клерхенъ и дѣлая знаки Крамеру, чтобы тотъ молчалъ, становится за ея стуломъ*).

ЯВЛЕНІЕ VI-е.

Тѣ же и Рилли.

Крам. Вы развѣ хотѣли-бы тамъ быть?

Клер. Ужасно хочется! (*Вилли спутываетъ ей волосы*). А, Вилли, Вилли! Это ты... ты. Ужъ я знаю!

Вил. А вотъ и неправда!

Клер. Ха, ха, ха! Кто жъ другой посмѣетъ!

Вил. (*шутливо грозясь на Крамера*). Видишь, Крамеръ, какъ не хорошо... Изъ-за тебя мнѣ приходится получать замѣчанія.

Крам. Что ты сочиняешь!

Вил. (*увидавъ письмо*). Опять! Это чортъ знаетъ, что такое! Надѣюсь, господа, мы другъ другу не помѣшаемъ?... (*Садится и читаетъ про себя.*) «Сегодня я обязательно должна съ тобою видѣться. Будь къ 8-ми часамъ возлѣ твоей новой студіи» (*Вслухъ.*) Ни минуты покоя! (*Рветъ письмо на мелкіе кусочки и бросаетъ ею въ корзинку. Клерхенъ собираетъ посуду и уходитъ. Вилли идетъ всмѣдъ за нею.*)

Крам. Вилли! Мнѣ нужно съ тобой переговорить! Только ты, пожалуйста, не разсердись...

Вил. Въ чемъ дѣло?

Крам. Дѣло слишкомъ серьезно...

Вил. Вотъ какъ?!..

Крам. Одинъ негодяй... изъ твоихъ знакомыхъ... ты, пожалуйста, не разсердись... Одинъ мерзавецъ вздумалъ преслѣдовать... ее... Ты понимаешь, кого?..

Вил. Ровно ничего не понимаю!..

Крам. Ну... ее... Клерхенъ...

Вил. А!.. Кто-жъ это такой?

Крам. Фамиліи не знаю... Сегодня онъ у меня вырвался... Но ты ему передай, если онъ попадется мнѣ еще разъ, ужъ я живымъ его не выпущу... сссобаку!.. Такъ и передай... Слышишь?...

Вил. Да кому же передать?..

Крам. Кому? Его ты узнаешь по хорошей отмѣтивѣ подъ глазомъ... Она не скоро у него пройдетъ... Видаетесь вы у этой... какъ ее, Барциновской... Онъ не разъ тебя провожалъ оттуда... Я васъ частенько встрѣчалъ вмѣстѣ.

Вил. Все это прекрасно, мой другъ, и негодяя проучить, конечно, слѣдовало; но интересно знать, на какомъ основаніи ты-то разыгрываешь изъ себя прекраснаго рыцаря?.. Вѣдь я ужъ давно замѣтилъ, какими глазами ты смотришь на Клерхенъ... И потомъ, говорятъ, ты ей проходу не даешь! Никто не смѣй подойти, никто не смѣй заговорить... Для этого, мой другъ, нужно имѣть прежде всего—право... Вѣдь если ты бѣгаешь за ней, какъ бульдогъ, и бросаешься на каждаго встрѣчнаго съ разинутой пастью, только потому, что боишься самъ упустить лакомый кусочекъ...

Крам. (*съ ужасомъ*). Вилли! Вилли! Побойся Бога!

Вил. Въ такомъ случаѣ, потрудись объясниться!

Крам. Видишь ли, Вилли, я прекрасно знаю себѣ цѣну: я—нуль, ничтожество, да у меня и нѣтъ ничего...

Вил. Гм... гм!

Крам. Ты не подумай, что я намекаю...

Вил. Нѣтъ, нѣтъ, что ты! Я прекрасно помню, что я передъ тобой кругомъ въ долгу и никогда не забуду, Крамеръ, твоихъ услугъ...

Крам. Ахъ, я совсѣмъ не о томъ!.. Но если бы у меня были деньги...

Вил. Ты бы могъ открыть частную школу, которая давала бы средства къ жизни... Это само собой разумѣется.

Крам. Тогда бы я чувствовалъ себя совершенно иначе, а теперь...

Вил. Понимаю, понимаю!.. Резонъ! Денегъ сейчасъ у меня нѣтъ, но скоро будутъ, и я тебѣ возвращу все, до послѣдняго пфеннига. Даже скорѣе, чѣмъ ты, можетъ быть, ожидаешь... Хочешь знать новость?—Я самъ собираюсь жениться...

Крам. (*удивленно*). Ты... жениться?... Да ты не шутишь?

Вил. Какія тутъ шутки! Я говорю совершенно серьезно. Это бракъ не по страсти, а по разсудку, но во всякомъ случаѣ я не думаю откладывать дѣло въ долгій ящикъ... Между прочимъ,—полмилліона приданаго...

Крам. (*дрожащимъ голосомъ*). Полмилліона!

Вил. Надѣюсь, хватитъ съ тобой раскваситься! Однако, это пока секретъ. Смотри, не проболтайся. Поговоримъ лучше о тебѣ... Какъ относится къ твоимъ ухаживаніямъ Клерхенъ?.. Ты съ ней объяснялся?

Крам. Представь, не могу!.. Сколько разъ начиналъ, ничего не выходитъ! Полмилліона!

Вил. Хочешь, я за тебя объяснюсь?

Крам. Вилли!.. Голубчикъ! Вотъ если-бы въ самомъ дѣлѣ!.. Замолви за меня словечко. Ахъ, одно только словечко въ мою пользу и мы будемъ квиты! Впрочемъ, мы ужъ давно квиты... Даже скорѣй я твой должникъ... Ну, конечно! Развѣ можно цѣнить за деньги твою дружбу... Вилли... Голубчикъ!

Вил. Хорошо! Ступай прогуляться и приходи сюда черезъ полчасика, а я въ это время постараюсь переговорить съ Клерхенъ... Къ твоему приходу все и будетъ кончено... Слышишь?

Крам. (*кидается въ объятія*). Вилли... Если ты... добьешься, если ты... я...

Вил. (*шутя толкаетъ его*). Полно... Задушишь... Ну, маршъ!.. Черезъ полчаса!.. (*Крамеръ, счастливый, уходитъ.*)

Вилли (*усаживается въ кресло*). Хоть одно доброе дѣло сдѣлать... А вѣдь лучшаго мужа и желать нечего для Клерхенъ! (*Задумывается. Входитъ Клерхенъ на цыпочкахъ, осторожно подходитъ къ столу, беретъ кой-какія вещи и возвращается обратно.*)

ЯВЛЕНІЕ VII-е.

Вилли и Клерхенъ.

Вил. Погоди минутку!

Клер. Я думала—ты спишь? (*Подходитъ совсѣмъ близко.*)

Вил. Дай мнѣ руку! (*Притягиваетъ ее къ себѣ.*) Вѣдь ты меня любишь?..

Клер. Кого же мнѣ и любить, если не тебя...

Вил. И вѣришь?

Клер. (*горячо*). Во всемъ!

Вил. (*цѣлуетъ руку*). Вотъ, спасибо! Именно такого отвѣта я и ожидалъ... Слушай же... Двигайся ближе... Такъ тебѣ удобно?.. Облокотись на меня... Не бойся! Слушай внимательно... Я съ тобой долженъ говорить очень серьезно... Думала ли ты когда нибудь о любви? (*Клерхенъ киваетъ головой.*) Что-жъ ты о ней думала?

Клер. Что думала? Какъ тебѣ сказать... Очень трудно... Мнѣ всегда представлялось, что любовь — это... что-то... земное... Ну, какъ яркое солнышко... Всѣхъ-то оно грѣетъ, всѣмъ-то свѣтитъ... И все остальное только тогда и оживаетъ, когда на него взглянетъ солнышко...

Вил. Батюшки, какіе мы философы!.. Я и не подозрѣвалъ... Отчего мы такъ рѣдко съ тобой болтаемъ?

Клер. (*кокетливо*). Оттого, что ты занятъ другими, а меня совсѣмъ не замѣчаешь. .

Вил. Кѣмъ же это, позвольте васъ спросить?

Клер. Ну, ну, ладно! Ужъ мы знаемъ!... Вотъ я такъ не такая: я все время о тебѣ думаю... Особенно по ночамъ, когда всѣ улягутся... Въ домѣ тишина... Я и начну себѣ представлять: гдѣ-то ты теперь, что-то ты дѣлаешь, съ кѣмъ разговариваешь, какая у тебя дама. (*Мечтательно.*) Брильянты такъ и горятъ на ней, а глаза-то еще больше... Это оттого, что ты ей говоришь разныя любезности. А потомъ она возьметъ твою руку и начнетъ ее тихо-тихо пожимать, но такъ, конечно, чтобы никто не замѣтилъ. Это значитъ: «я васъ люблю».

Вил. (*шутя*). И откуда она все знаетъ, плутовка! Ну, разсказывай дальше...

Клер. А дальше не скажу.

Вил. Это почему?...

Клер. Нельзя...

Вил. Нельзя?... Ахъ, плутовка, плутовка! Ну! А если бы тебѣ кто нибудь шепнулъ на ушко: «я... васъ... люблю.»

Клер. (*весело*). Ха, ха, ха! Я бы ужасно обрадовалась! Но въ томъ-то и бѣда, что никто не шепнетъ...

Вил. Напрасно такъ думаешь! Совсѣмъ напрасно... Вотъ, первый—Крамеръ!

Клер. (*конфузясь*). Крамеръ?!

Вил. Ты бы обрадовалась?

Клер. Даже очень!

Вил. Вотъ какъ! Тебѣ, значитъ, онъ нравится?

Клер. Онъ такъ хорошо ко мнѣ относится... И такой добрый... Славный...

Вил. Ну, а если бы кто нибудь другой?

Клер. Не безпокойся: никто не польстится на безприданницу...

Вил. Напримѣръ, одинъ изъ нашихъ семиклассвиковъ...

Клер. Имъ еще учиться надо...

Вил. Или вотъ Нимапъ...

Клер. Женатый-то! Вотъ было бы хорошо!

Вил. Наконецъ,—я самъ! (*Клерхенъ хохочетъ.*) Что-жъ тутъ смѣшного?

Клер. Ты? Ха, ха, ха! Но вѣдь ты—вотъ (*показываетъ рукой вверхъ*), а я—вотъ (*опускаетъ ее книзу.*)

Вил И все-таки допустимъ, что это случилось...

Клер. Во-первыхъ, ты не сказалъ бы мнѣ: я люблю в а с ъ, а сказалъ бы просто: я, т е б я л ю б л ю.

Вил. (*тихо, но съ чувствомъ*). Ну вотъ! Я и говорю: я тебя люблю!

Клер. (*смущенно*). Вилли! И тебѣ не стыдно?

Вил (*прижимаясь*). Кошечка ты моя!

Клер. (*стараясь перейти въ шутливый тонъ*). Ты и всѣмъ говоришь тоже самое?

Вил. (*пересиливая себя*). Что я дѣлаю! Что я дѣлаю! (*Пауза.*) Слушай, Клерхенъ! Вотъ что! Я, конечно, пошутилъ... Ты не сердишься?

Клер. (*просто*). Нѣ-ѣтъ, за что?

Вил Я сейчасъ только говорилъ съ Крамеромъ...

Клер. Вилли... Бросимъ этотъ разговоръ... Ты такъ на меня смотришь... Лучше пусти меня...

Вил. (*нетерпѣливо*). Глупости!.. Сиди смирно! Неужели ты думаешь, что я себѣ позволю что нибудь лишнее?

Клер. (*кладетъ голову на плечо Вилли*). Ахъ, Вилли... Вилли... Какъ хорошо мнѣ теперь!

Вил. Чѣмъ же я виноватъ, что ты такая красавица!.. И развѣ можно утерпѣть, чтобы не расцѣловать эти голубенькіе глазки! (*Цѣлуетъ.*) А, ты сопротивляешься... Хорошо же! За это въ наказаніе еще и щечки, и губки. (*Крѣпко цѣлуетъ, Клерхенъ вся дрожитъ отъ охватившаго ее чувства.*) Что съ тобой..? Ты дрожишь? Клерхенъ! (*Въ комнатѣ Крамера слышны шаги. Вилли вздрагиваетъ, освобождается отъ объятій и шепчетъ.*) Глупенькая, ты сердишься? Плачешь?

Клер. (*словно во снѣ*). Нѣтъ, нѣтъ!

Вил. Посмотри же на меня... Я, конечно, немного увлекся... Это не хорошо... (*Отстраняетъ ее отъ себя.*) Ну, вотъ мы и опять... братишка и сестренка... Какъ будто-бъ ничего и не было... Слышишь?..

Клер. (*по прежнему*). Да, не было!

Вил. Что же отвѣтить Крамеру?

Клер. (*вздрагивая*). Крамеру?! Что хочешь!

Вил. Какъ, что хочешь?...

Клер. Все... что хочешь! Мнѣ все равно.

Вил. (*подумавъ*). А! Вотъ оно что!... Ну, хорошо! Зачѣмъ себя связывать... Съ него достаточно пока и надежды!

Клер. (*машинально*). Да! Пускай надѣется!

Вил. На этомъ и кончимъ! (*Подходитъ къ двери.*) Крамеръ! Гдѣ ты? Поди же сюда! Вѣдь ты ужъ давно тутъ вертишься.

ЯВЛЕНІЕ VIII-е.

Тѣ же и Крамеръ (*очень взволнованъ, входитъ и нерѣшительно оглядываетъ присутствующихъ*).

Вил. (*тоже взволнованно*). Что, братъ, трусишь? Право, онъ боится, что его сейчасъ укусятъ... Дайте же другъ другу руки!

Крам. Неужели?... правда?... Клерхенъ... Вѣдь я ничтожество... нищій!

Клер. (*тихо*). Да, Крамеръ!

Вил. (*про себя*). Хорошо еще, что я во время остановился!..

Крам. (*горячо*). Ну, пускай-ка теперь кто нибудь осмѣлится къ вамъ подойти... Задушу его, какъ ссобб...

Клер. (*вскрикиваетъ и дѣлаетъ движеніе къ Вилли, какъ бы ища въ немъ защиты*).

Крам. (*испуганно*). Господи! Что я говорю... я—я вѣдь пошутилъ!

Вил. (*идетъ къ лѣвымъ дверямъ*). О, люди, люди! Ха, ха, ха! Жалкія тварь! (*Смѣхъ его раздается еще долго за сценой; Клерхенъ въ отчаяніи, Крамеръ смущенъ. Картина.*)

Занавѣсъ тихо опускается.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

КАРТИНА ПЕРВАЯ.

Декорація 2-го дѣйствія. Вечеръ. Въ комнатѣ отъ солнечнаго заката — красно-желтое освѣщеніе. Въ раскрытое окно видны крыши домовъ.

ЯВЛЕНІЕ I-е.

Вил. (*сидитъ на подоконникѣ и задумчиво смотритъ въ окно*). Г-жа Яникова (*выходитъ слѣва въ пальто и шляпкѣ. Хочетъ подойти къ Вилли, но возвращается назадъ*).

Я-ва. Вилли!

Вил. (*вздрогнувъ*). Что тебѣ?

Я-ва. Фракъ и сорочка—на кровати... Смотри, не опоздай!

Вил. Ты—съ Клерхенъ?

Я-ва. Нѣтъ, одна.

Вил. Возьми ее съ собой...

Я-ва. Ей некогда... да я и одна схожу...

Вил. У меня сердце будетъ покойнѣе...

Я-ва. Что за вздоръ! Вѣдь она у себя—дома... и ты съ нею...

Вил. (*разсѣянно.*) Да, да! Правда!

Я-ва. Потомъ Нинанъ придетъ... Пожалуйста, не поссорьтесь...

Вил. Ну, вотъ!

Я-ва. Прощай же!

Вил. (*не слѣзая съ окна*). До-свиданья, мамочка! Приходи скорѣе! (*Я-ва уходитъ*). Ахъ, солнце, солнце! Если бы ты могло и меня воскресить! (*Въ корридорѣ слышны голоса Нимана и г-жи Яниковой.*)

ЯВЛЕНІЕ II-е.

Нинанъ, Вилли.

Ним. (*Въ растворенную дверь видно, какъ онъ прощается съ г-жей Яниковой, послѣ чего та уходитъ*). Здравствуй! (*Жметъ другъ

другу руки.) Наконецъ-то мы съ тобой поговоримъ всласть! Ужъ и задамъ же я тебѣ гонку!

Вил. Сдѣлай одолженіе! Только поскорѣе!

Ним. Ишь, какъ его разбираетъ! Съ чего-бы начать!

Вил. Ну, разумѣется съ той проповѣди, которую ты, навѣрно, успѣлъ сочинить по дорогѣ. Жаль только одно—пришелъ ты немного поздно: мнѣ ужъ все сказали оттуда! (*Показываетъ за окно*) Посмотри на этотъ чудный свѣтовой эффектъ... Какъ мягко скользятъ по крышамъ потухающіе лучи... Что за роскошные полутоны... Какъ стелется этотъ дымъ, сливаясь съ вечернимъ сумракомъ... Вотъ-бы на полотно!...

Ним. Зачѣмъ же дѣло стало? Бери краски...

Вил. Да! И со всѣми бушующими страстями... Тамъ, надъ ними... въ этомъ обманчивомъ покоѣ эфира... Вѣдь каждое облачко дыма—перебродившая страсть... Каждая крыша—затвердѣвшее скудоміе... А что дѣлается подъ крышами?!... Развѣ можно передать холсту?.. Гдѣ найдешь краски, гдѣ..?!

Ним. Прости меня, дружище, но я, честное слово, рѣшительно ничего не вижу, кромѣ дѣйствительно краснваго солнечнаго освѣщенія...

Вил. Потому что ты не художникъ, Ниманъ, а былъ и останешься бездушнымъ умникомъ...

Ним. Это для меня открытіе!

Вил. Вѣрно, вѣрно! Ну, поднималась ли въ тебѣ хоть когда нибудь буря негодованія на наше подлое время, когда кругомъ и всюду торжествуетъ самая жалкая посредственность, хватало ли у тебя духу—ужъ не идти противъ толпы—гдѣ намъ!—не идти, по крайней мѣрѣ, вслѣдъ за нею, не покланяться ея идоламъ, не восторгаться ея восторгами, пошлыми, избитыми... Ударилъ ли ты хоть пальцъ о пальцъ, чтобы вывести эту дикую, темную массу съ ея милліонами предразсудковъ изъ того мрака...

Ним. Очень мило! Дальше! Впрочемъ, виноватъ, я перебью: сколько тебѣ лѣтъ?

Вил. 27... А что?

Ним. А не 17?! Странно! Удивительно, какъ ты отсталъ отъ жизни и пережевываешь теперь старье, которое я давнымъ давно успѣлъ истоптать, чуть ли не со школьными подошвами! Но позволь, дружe, и тебѣ задать нѣсколько вопросовъ... Неужели, и въ самомъ дѣлѣ, нужно обладать какой то необычайной, духовной мощью, чтобы заводить интрижки съ замужней женщиной? А? Что ты на это скажешь?—устроивать аркадскіе уголки... наслаждаться краденой любовью... и въ видѣ десерта громить порочность людей и прокливать свое время..? Ужъ не для успокоенія ли своей совѣсти это продѣлывается..? Какъ ты на этотъ счетъ думаешь? А между нами говоря, этимъ пока и ограничивается вся доблесть нѣкоторыхъ громовержцевъ...

Вил. (*задѣтый за живое*). Ты думаешь? А дивное вдохновеніе?.. А мощные порывы, подвигающіе генія на величайшія творенія?.. Это ни во что не считается?

Ним. Да кто тебѣ сказалъ, что всѣ эти порывы и стремленія—исключительная привиллегія геніевъ!?.. Ужъ будто простымъ смертнымъ они и недоступны... Вздоръ, друже, вздоръ!.. Имя имъ не геніальность, а—молодость! Что же касается до твоей геніальности, т.-е. конечно, не твоей лично, а того, что ты называешь этимъ именемъ, такъ грошъ ей цѣна, мѣдный ломаный грошъ, потому что современные геніи ведутъ свою родословную прямехонько отъ разныхъ тетушекъ и дядюшекъ! Стоитъ только какому нибудь молокососу выбиться на свѣтъ Божій и заявить, что кленовый листъ не все равно, что липовый, какъ сейчасъ же тетеньки заахаютъ, дяденьки заохаютъ и прокричатъ на всю Европу: мы открыли геній, мы открыли геній! Ну, а ужъ разъ кто геній—значитъ для него и законы не писаны. Онъ—выше ихъ! Помилуйте, у геніевъ свои законы. И пошли, и пошли! А тутъ еще подвернутся эти барынькн, развратныя, испорченныя до мозга костей... И откуда онѣ берутся! Налетятъ словно воронье на падаль! Генію кадятъ, восхищаются каждой его глупостью, проглатываютъ всѣ его дерзости... И чѣмъ онъ грубѣе, тѣмъ, видите-ли, геніальнѣе... Что за нелѣпость такая... Ну, ее къ чорту, въ самомъ дѣлѣ!

Вил. Если это намекъ на Адду, то тебѣ ужъ кстати не мѣшало бы припомнить и ея вчерашнія слова...

Ним. На счетъ упрямства геніевъ, что-ли? Ха, ха, ха! Отъ котораго она тебя будтобы лѣчитъ!? Да?! Ну такъ знай же, дружище, что даже не нужно быть психологомъ, чтобы понять, какая это все комедія и взаимное самообморочиванье... Повѣрь мнѣ, что женщины, вродѣ этой Барциновской, самый опасный сортъ для нашего брата... Что ты влюбленъ въ нее—я въ этомъ не сомнѣваюсь... какъ кошка въ сало... И не смотря на то, я тебѣ прямо скажу, что она своего рода паразитъ, такъ сказать, художническій паразитъ, да! Пожалуйста, не волнуйся! Вѣдь барынька тебя насквозь видитъ... и давно уже цѣликомъ разгадала... Неужели ты воображаешь, что послѣ этого ты можешь представлять для нея хоть какой-нибудь интересъ?.. Пожалуйста, не обижайся...Я вовсе не хочу тебя обидѣть... Но дѣло въ томъ, что, потерявъ для нея всякую цѣну, какъ мужчина, ты ей остался нуженъ, какъ предметъ, какъ вещь, которую можно эксплоатировать. Да! Эксплоатировать... Конечно, не матерьяльно... Она въ этомъ не нуждается, а ей нужна слава—нужно считаться

твоей покровительницей, патронессой, чтобы имѣть возможность говорить, что это *она* тебя вывела въ люди, что безъ нея ты былъ-бы ничтожествомъ, маляромъ, рисовалъ бы однѣ вывѣски... вотъ въ чемъ вся штука...

Вил. Въ тебѣ говорятъ будни, Нимандъ!

Ним. Положимъ, за то ты—счастливчикъ, дитя праздника, успѣха! А такому—двѣ дороги: либо князь, либо нразь.. И мы еще посмотримъ...

Вил. Что-жъ я долженъ по твоему дѣлать?

Ним. (*серьезно*). И ты еще спрашиваешь, ты, который слоняешься изъ угла въ уголъ!?.. Стыдись!

Вил. (*волнуясь*). Ахъ, не напоминай мнѣ о моемъ бездѣльничаньи... Я и такъ весь измучился... до... до... не знаю до чего... Порой я и самъ думаю, что я—погибшій человѣкъ. Но, нѣтъ, мнѣ нужно только одно, что бы кто-нибудь разбудилъ меня и снова толкнулъ на ту дорогу, съ которой я сбился... Нѣтъ, нѣтъ, Нимандъ! Ты ошибаешься: во мнѣ еще живъ тотъ духъ, который вдохновлялъ меня для „Гибели Содома“. И если бы я только могъ стряхнуть съ себя цѣпи, сковавшія меня по рукамъ и ногамъ ..

Ним. Не будь ты такой тряпицей,—ничего нѣтъ легче! Брось это общество... эту жизнь... Вотъ и все! Но это главное, потому что нельзя быть въ одно и то же время художникомъ, и купаться въ грязи... Ты говоришь, что изучилъ женщинъ... Вѣрю! Вотъ и выбери себѣ среди нихъ подругу жизни, но такую, которая бы тебя дѣйствительно разбудила и толкнула на прежнюю дорогу... Разумѣется, она прежде всего должна быть чистымъ, невиннымъ созданіемъ, и ты тогда почувствуешь, какъ въ твою душу хлынутъ потокомъ и сила, и счастье, и любовь!..

Вил. Ахъ, если бы такъ! (*Смотритъ на дверь Клерхенъ и говоритъ про себя.*) Если-бы она... около меня... (*Вслухъ, нервно.*) Нѣтъ!.. У меня и это расплывется... Словно я проклятый какой то... Ахъ, ужасно, ужасно жить съ такимъ сознаніемъ! (*Нимандъ.*) Доволенъ? торжествуешь?! Разбередилъ таки мои раны... Зачѣмъ? кто тебя просилъ объ этомъ!? И все-таки: не хочу я жить твоей пошленькой серединой... Ненавижу я ее... Слышишь ли, не-на-ви-жу... (*Нимандъ пожимаетъ плечами; Вилли нервно ходитъ по комнатѣ. Пауза. Вилли бросается въ объятія.*) Прости... Прости! Говори, говори еще! Ты такъ хорошо говоришь! Пожалѣй только меня!.. Видишь, какой я несчастный... Но я стряхну съ себя эту немощь... Я выздоровѣю и снова буду свободенъ, снова расправлю свои крылья... снова полечу за славой...

Ним. Да такъ-ли?

Вил. Никто не удержитъ меня отъ разрыва... И сегодня-же, сегодня... конецъ!

Ним. Главное, нельзя-ли безъ свиданья! Это самая опасная штука... Опять запутаешься, пожалуй!.. Я не требую никакихъ клятвъ...

Вил. (*подаетъ ему руку.*) Сегодня же... Вотъ увидишь!

Ним. Больше мнѣ ничего не нужно!.. Значитъ, я могу отправляться спокойно?! (*Кладетъ ему руку на плечо.*) И когда мой Зигфридъ засмѣется снова...

Вил. (*нервно*). Ха, ха, ха!

Ним. Ну, только не такъ! Ты совсѣмъ отвыкъ, какъ видно! Au bon courage, mon cher! (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ III-е.

(*Въ комнатѣ совсѣмъ стемнѣло.*)

Вилли, потомъ Клерхенъ.

Вил. (*обращаясь къ комнатѣ Клерхенъ*). Да! Вотъ кто-бы могъ меня спасти!

Клер. (*показывается въ дверяхъ; оба вздрагиваютъ и нѣкоторое время безмолвно стоятъ другъ противъ друга*). Я .. хотѣла... зажечь лампу.

Вил. (*смущенно*) Да, въ самомъ дѣлѣ! Совсѣмъ уже темно. Зажги, зажги!

Клер. Сейчасъ. (*Ищетъ спички.*)

Вил. Ты что ищешь? Спички! Возьми мои! (*Подаетъ.*)

Клер. (*боязливо беретъ коробку, становится на стулъ и поднимаетъ стекло.*)

Вил. Какъ она хороша! Какъ чудно хороша! (*Клерхенъ роняетъ коробку; Вилли поднимаетъ и хочетъ встать на стулъ.*) Постой! Я помогу!

Клер. Нѣтъ, нѣтъ... не надо... я сама!

Вил. Клерхенъ!.. Ты не сердишься на меня за давешнее?..

Клер. (*озирается на дверь Крамера*). Молчи... ради Бога! Не надо, не надо говорить объ этомъ?

Вил. Крамеръ дома?

Клер. (*испуганно*). Вилли, Вилли! Ты — опять хочешь..? Пожалѣй меня! (*Звонокъ. Оба вздрагиваютъ. Клерхенъ соскакиваетъ со стула и торопливо уходитъ, избѣгая Вилли. Тотъ прислушивается, пожимаетъ плечами и тоже быстро уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ IV-е

Клерхенъ, Адда и Китти.

Адда. Здѣсь можно подождать?

Клер. (*растерянно*). Пожалуйста!

Адда. А г-нъ Яниковъ дома? Нельзя ли ему о насъ сказать?

Клер. Я скажу.

Кит. Вы—если не ошибаюсь—mademoiselle Фрёлихъ?

Клер. Да, это я!

Адда (*разсматриваетъ ее въ лорнетку*). Очень, очень мила. (*Клерхенъ уходитъ.*)

Кит. Тетечка, зачѣмъ ты меня сюда привела? Мнѣ, кажется, это ужъ слишкомъ: точно мы навязываемся!

Адда. Вѣдь ты же сама просила?..

Кит. Положимъ, что такъ! Но я себѣ представляла это совершенно иначе... Ужъ здѣсь черезъ чуръ патріархально!.. Точь въ точь какъ у тети, въ деревнѣ. Я давно не видала ничего подобнаго... Здѣсь нельзя такъ... право!.. Точно мы внесли съ собой что-то нехорошее...

Адда (*треплѐтъ ее по щекѣ*). Ну, ну, успокойся! Это, мой другъ, лихорадка влюбленныхъ...

ЯВЛЕНІЕ V-е.

Тѣ же, Вилли, *за нимъ* Клерхенъ.

Вил. (*смущенно*). А! Честь имѣю кланяться... Вы очень любезны...

Адда. Не ожидали?

Вил. Помилуйте, развѣ я смѣлъ когда-нибудь надѣяться...

Адда. Ахъ, я и моя племянница—вы знакомы? (*Слѣдуютъ чопорные поклоны, Китти удивленно посматриваетъ на Адду.*)—мы давно уже собирались засвидѣтельствовать свое уваженіе вашей матушкѣ.

Вил. Къ сожалѣнію, ее сейчасъ нѣтъ дома...

Адда. О, отъ меня не такъ-то легко отдѣлаться! Мы подождемъ... Не правда-ли, Китти?

Кит. Конечно, тетя! Я очень рада!

Адда. Вотъ и отлично! (*Клерхенъ*). Мы васъ не задерживаемъ... У молодежи всегда найдутся секреты и ей скучно сидѣть съ стариками. Не правда ли, милочка? А ты, Китти, приди за мной.

Клер. (*Китти*). Пойдемте въ мою комнату...

Кит. Дайте мнѣ вашу руку.

Клер. Съ удовольствіемъ. (*Китти ревниво оглядывается на Вилли и они уходятъ.*)

Вил. (*про себя*). Сегодня или никогда!

Адда. Какая славная Клерхенъ! Я тебя ревную! (*Грозитъ ему пальцемъ.*)

Вил. (*невольно рѣзко*). Ахъ, пожалуйста!

Адда. А!? Ты, кажется, опять не въ своей тарелкѣ! Ужъ не начинаете ли вы злоупотреблять, г-нъ гевій, вашимъ правомъ третировать насъ, скромныхъ жевщинъ? А? Какъ вы думаете!

Вил. Ничего я не думаю! Одинъ вопросъ, Адда! Что значитъ это посѣщеніе? Вѣдь между мной и тобой разъ на всегда было условлено...

Адда. Не говорить ли намъ лучше на «вы»?

Вил. Здѣсь нѣтъ обыкновенія подслушивать.

Адда. Прекрасное правило! Въ такомъ случаѣ, продолжай!

Вил. Никто изъ моихъ домашнихъ не долженъ даже и подозрѣвать о нашихъ отношеніяхъ...

Адда. Это было раньше... теперь я передумала!

Вил. Адда! Зачѣмъ ты хочешь сдѣлать нашу разлуку еще болѣе тяжелой...

Адда (*выступая*). Разлуку?.. (*Смѣясь.*) Но вѣдь мы уже разлучены...

Вил. Нѣтъ, нѣтъ, ты только вникни... Такъ нельзя... Мало того, чтобы сказать: ты свободенъ... Надо *сдѣлать* человѣка свободнымъ... Я вѣдь все, все понимаю... и цѣль твоего посѣщенія... и визитъ твоей племянницы... Адда! Это будетъ пытка на медленномъ огнѣ... Умоляю тебя. . Позволь мнѣ идти своей дорогой!...

Адда. Развѣ ты не властенъ... Я у тебя... стоитъ только указать мнѣ на дверь...

Вил. Къ чему этотъ тонъ, Адда! Или ты не видишь, сколько борьбы внесъ я въ свою жизнь, какъ ревниво слѣжу за собой, за каждымъ своимъ шагомъ, чтобы не прорвалось наружу... все... все... что тамъ накипѣло... Но теперь вопросъ идетъ о жизни и смерти... Скажи лучше прямо: «я требую, чтобы ты оставался моимъ рабомъ...» Тогда я бы зналъ, что дѣлать съ собою... не стоялъ бы на томъ распутьи, на какомъ стою... и либо съумѣлъ бы стряхнуть съ себя твои оковы, либо...

Адда. Ха, ха, ха! Вотъ и прекрасно: я требую, чтобы ты оставался моимъ рабомъ! Доволенъ?

Вил. (*сначала порывается что-то сказать, но потомъ безпомощно опускается на стулъ*).

Адда. Успокойся, мой взрослый младенецъ, ничего мнѣ отъ тебя не надо и ничего я не требую... Вотъ что! Бросимъ лучше этотъ разговоръ и потолкуемъ по просту, по дружески... Ты говоришь, что намъ необходимо разстаться... Убѣди меня въ этомъ, потому что я не вижу основавія, и... и... я исчезну съ твоей дороги, какъ будто-бъ (*задорно*) твоя ненависть стерла меня съ лица земли...

Вил. Что-жъ ты предпримешь?

Адда. Обо мнѣ не безпокойся! Я не стану искать смерти, потому что и жизни не придаю рѣшительно никакого значенія... Все равно, какъ и тебѣ, мой младенчикъ... говоря между нами... Да, ты ребенокъ, совсѣмъ ребенокъ! И какого превосходнаго семьянина изъ тебя еще можно выкроить, если только ты отъ меня избавишься!.. Представляю себѣ твою жизнь: каждый годъ... по ребенку и по дюжинѣ картинъ. Сюжеты, конечно, самые невинные, преимущественно буколическіе... Восходъ

солнца... Бабушка и внучки... Возвращеніе солдата... Развѣ такъ трудно подыскать трогательные а, главное, приличные сюжеты?.. Спроси объ этомъ у своего друга Ницина... Онъ скажетъ то же, что и я!

Вил. (*задумчиво*). А все-таки лучше, чѣмъ бездѣльничать!

Адда. И это говоритъ кто же? Мой гордый Вилли! Ха, ха, ха! Однако, тебя ужъ, кажется, довольно прочно пришпилили... Ну, въ такомъ случаѣ... о чемъ же намъ толковать!.. Желаю тебѣ всякаго счастья... наплодить кучу ребятъ... не быть подъ башмакомъ у своей супруги... и... не вспоминать иногда о той безумной женщинѣ, которая хотѣла сдѣлать изъ тебя рыцаря, а нашла, (*пожимая плечами*) ты знаешь самъ, что она нашла ..

Вил. (*хочетъ возражать, но закусываетъ губы и молчитъ.*)

Адда (*съ внутренней болью, но сохраняя по прежнему тонъ снисходительной нѣжности*). Этакое упрямство! Капризы!.. Мальчикъ! (*Становится около него и гладитъ по головѣ.*) А вѣдь я тебя когда-то очень, очень любила! Что собственно любила, право не знаю!.. Рѣшительно не понимаю... Глаза?— Нѣтъ!— Носъ... усы.. губы..? Гу-убы! Опѣ такъ холодно всегда говорили и такъ горячо цѣловали!.. (*Вилли вздрагиваетъ.*) Чего ты испугался? Вѣдь я же тебя больше не люблю... Ха, ха, ха!... Ну, прощай!..

Вил. (*послѣ борьбы, не глядя на Адду*). Прощай!

Адда (*идетъ къ дверямъ и возвращается обратно*). Да! Такъ какъ мы больше не увидимся—вотъ ключъ!

Вил. Какой ключъ?

Адда (*точно не разслышавъ вопроса*). Жаль!.. А я-то старалась устроить наше гнѣздышко... Мнѣ ужасно хотѣлось самой ввести тебя туда.

Вил. Какъ? Ты думаешь, что я и теперь еще...

Адда. Ну, разумѣется! Это должно остаться по прежнему... Да и что тутъ особеннаго! Все равно, всѣ уже знаютъ, что эта мастерская —для тебя... И, наконецъ, если ты откажешься, съ этимъ, конечно, сейчасъ же свяжутъ нашъ разрывъ... выйдетъ сплетня, которая можетъ повредить и мнѣ, и тебѣ... Я-то что! Дѣло не во мнѣ... Я всегда съумѣю наказать сплетника... Ну, а ты?!.. И притомъ, я вовсе не желаю, чтобы о тебѣ говорили что-нибудь дурное..

Вил. (*безпомощно*). Боже мой, Боже! Что это за женщина!

Адда. Да, мой другъ! Вовсе не легко ликвидировать дѣла такой старой фирмы, какъ наша! Вина всегда крѣпко связываетъ преступниковъ! Не скоро разрубишь этотъ узелъ!

Вил. Мучительница!

Адда. Мы можемъ избѣгать другъ друга, ненавидѣть отъ всей души, но увы! все-таки я—принадлежу тебѣ, а ты —мнѣ! Это наше проклятіе или наше благословеніе... считай, какъ хочешь!

Вил. Проклятіе, Адда, проклятіе!

Адда. Почему? Напрасно такъ думаешь .. Все будетъ зависѣть отъ тебя самого... отъ (*съ усмѣшкой*) твоего послушанія... Ну, разсуди! Что я отъ тебя требую?—Ничего! Что я тебѣ даю?—Все! И вѣдь не забудь, что такое status quo не измѣнялось съ перваго же дня нашего знакомства. Развѣ я когда нибудь требовала отъ тебя хоть малѣйшей взаимности?.. Заслуживала-ли я ее,—это... вопросъ другой! Нѣтъ! Я только просила объ одномъ: позволь мнѣ тебя любить! Можно-ли быть болѣе скромной въ своихъ желаніяхъ?.. Теперь я даже и этого не хочу... понимаешь-ли не не прошу, а просто не хочу... Одного я только не въ состояніи перенести, что бы твоя гордость изсякла, какъ пничтожный ручей... Сегодня— ты кумиръ... Тебѣ все можно.. все дается... передъ тобой всѣ преклоняются.. потому что... это идетъ къ тебѣ...

Вил. Ха, ха, ха! Ты думаешь?

Адда. Развѣ я говорю неправду?... Развѣ не всѣ у твоихъ ногъ: и мужчины, и женщины! И это обаяніе, эту власть надъ толпой... ты хочешь промѣнять на...

Вил. Хорошо, Адда! Слушай же... Я чувствую, что не въ состояніи стряхнуть съ себя твои чары... Ты сама пріучила меня смотрѣть на все твоими глазами, думать твоей головой... Во мнѣ «меня» больше не существуетъ! Вилли Явикова нѣтъ... Есть второе изданіе Адды Барциновской... Быть можетъ я себя презираю теперь... Не въ этомъ дѣло! Я рабъ, да! жалкій, покорный рабъ... Вотъ что осталось отъ моего „я!“... Все же, что ты говорила про общую вину и про цѣпи... или комедія, которой ты сама не вѣришь, или... или... можетъ быть, это и правда, въ такомъ случаѣ ужасная правда!... То или другое... я не знаю... не вникнулъ... Да и не все ли равно!.. Я слишкомъ усталъ для борьбы... У меня болитъ каждый нервъ... и тутъ, и тамъ... (*Показываетъ на голову и грудь.*) Я жажду только одного—покоя... Покоя во что бы то ни стало! Давай мнѣ ту женщину, съ которой ты хочешь меня запречь... (*Смотритъ на дверь направо.*) Хотя бы и ту, что тамъ! Мнѣ все равно... Я не пикну. (*Со скрежетомъ.*) Я надѣну ярмо добровольно... (*Горячо.*) Но горе тебѣ, если ты хоть на іоту обманешь меня впослѣдствіи... Я отдаю тебѣ свою свободу... Но творчество... понимаешь... (*беретъ ее за плечи*) вдохновеніе... мой талантъ... принадлежатъ одному мнѣ... Слышишь... Къ нему не прикасайся...

или... вли... (*Прислушивается; слышно, какъ отворяютъ дверь. Упавшимъ голосомъ.*) Моя мать!

Адда. (*испуганно*). Уходи, уходи! Посмотри, на что ты похожъ! Уходи лучше совсѣмъ взъ дома: тебя не должны такимъ видѣть... Что-жъ ты стоишь? У тебя вѣтъ предлога? (*Вилли качаетъ головой*). А твой обѣдъ? Ты забылъ? (*Вилли хватается за голову.*) Иди, иди! (*Проталкиваетъ его въ дверь и съ глубокимъ вздохомъ падаетъ въ кресло.*)

ЯВЛЕНІЕ VI-е.

Адда и г-жа Яникова (*съ покупками въ рукахъ*).

Адда (*привставая*). Простите, что... такъ... безъ приглашенія...

Я-ва. Чѣмъ могу служить?

Адда. Я—Адда Барцивовская.

Я-ва. Ахъ, я васъ сразу и не узнала! Садитесь, пожалуйста! Очень, очень рада!

Адда. Вы развѣ меня звали раньше?

Я-ва. Какже, Вилли показывалъ на выставкѣ... помните, въ Брюсселѣ... Ахъ, онъ такъ много вамъ обязавъ!

Адда. Что вы, что вы!

ЯВЛЕНІЕ VII-е.

Тѣ же, Китти и Клерхенъ.

Кит. Тетя, намъ пора!... (*Останавливается и кланяется г-жѣ Яниковой.*)

Адда. Позвольте вамъ представить — моя племянница. .

Я-ва (*сердечно*). Очень, очень рада! (*Китти нагибается, чтобы поцѣловать руку, но г-жа Яникова отдергиваетъ ее и цѣлуетъ Китти въ лобъ.*) Прошу васъ! (*Указываетъ на стулъ.*)

Адда. Нѣтъ, ужъ вы извините! Китти пора домой... Мы вѣдь давно у васъ... Вотъ что, душечка, поѣзжай одна и пришли за мной карету, а я немного побуду.

Я-ва. Ну, что же дѣлать! Надѣюсь, мы еще увидимся?

Китти. Если позволите—съ большимъ удовольствіемъ.

Я-ва. (*сердечно*). Клерхевъ будетъ очень рада... (*Клерхенъ.*) Ты проводишь? (*Клерхенъ киваетъ головой.*)

Кит. (*по дорогѣ*). Ахъ, у васъ такъ мило!

Клер. (*растерянно*). Вы находите? (*Уходятъ вмѣстѣ.*)

Я-ва. Простите, я только взгляну:—дома-ли Вилли?..

Адда. Онъ только что передъ вами былъ здѣсь и извинялся, что боится опоздать на обѣдъ...

Я-ва. Да, да! Я и забыла!

Адда. Мы, конечно, его не задерживали. (*Клерхенъ возвращается обратно.*)

Я-ва. Ужъ вы простите! Онъ ведетъ такую разсѣянную жизнь... У него такъ много знакомыхъ... некогда и работать!

Адда. Да, да! Совсѣмъ пересталъ работать... И я его журила. Вы знаете, я на него смотрю совсѣмъ, какъ на сына... Что-жъ тутъ такого?... Развѣ я не гожусь ему въ мамевьки?..

Я-ва. Ахъ, вы такъ добры... Такое принимаете участіе... Я не знаю, какъ и благодарить васъ...

Адда. Ваши слова — лучшая награда... Знаете что, хотите – заключимъ союзъ, чтобы заставить его снова работать?

Я-ва (*смѣясь*). Еще бы! Очень рада!

Адда. Его просто слѣдуетъ женить. Мнѣ давно уже приходила въ голову эта мысль.

Я-ва. Ну, вотъ! Ну, вотъ! И я говорю то же самое... Серьезная жена, съ характеромъ, навѣрно съумѣла бы взять его въ руки... потому что... характера въ немъ...

Адда. Очень мало! Это и я замѣтила! Зачѣмъ же дѣло стало... Я даже готова обратиться въ сваху... Ха, ха, ха! Хотите, женимъ его на моей племянницѣ...? Что вы на это скажете? Она вамъ понравилась?...

Я-ва. Пресимпатичная дѣвушка! Но, быть можетъ, онъ то ей вовсе не нравится?..

Адда (*смѣется*). Вы говорите: не нравится?—Влюблена! Бредитъ имъ!

Я-ва. Да что вы!

Адда. Кажется, и онъ не равнодушенъ... Серьезно!... Отчего жъ бы и не соединиться двумъ любящимъ сердцамъ! За чей—хорошее приданое... Конечно, прежде всего мы должны будемъ познакомиться оффиціально, чтобы удовлетворить требованіямъ этой богемы—свѣта.

Я-ва. Право, у меня въ головѣ все перепуталось... Я ужъ и не знаю: шутите вы... или говорите серьезно. Такъ вышло странно, необычайно, скоро...

Адда. Нѣтъ, вы только представьте себѣ, какъ будетъ хорошо! Лучшаго мужа для Китти я и не придумаю, тѣмъ болѣе, что на Вилли (вы позволите мнѣ такъ его называть?) я привыкла смотрѣть совсѣмъ, какъ на родного!

Я-ва. Вы такъ добры, такъ добры!

Адда. Знакомство ваше можетъ устроиться очень легко: на нашемъ праздникѣ, въ повседѣльникъ. Надѣюсь, вы не откажетесь васъ посѣтить?..

Я-ва. Я... съ своей стороны, конечно, нѣтъ... Но мой мужъ... Онъ такой щепетильный!

Адда. Щепетильный? Хорошо! Мы ему пришлемъ особенное приглашеніе... Да чего лучше? У васъ найдется листикъ бумаги? Давайте, я сейчасъ напишу.

Я-ва. Ахъ, какъ вы любезны! Съ вами такъ легко себя чувствуешь, точно мы сто лѣтъ знакомы. (*Приноситъ перо, чернильницу и*

бумагу; Адда садится къ столу и начинаетъ писать.)

Адда. У меня ужъ такой характеръ.

Я-ва (*нерѣшительно*). Въ такомъ случаѣ и я буду съ вами откровенна...

Адда. Пожалуйста!

Я-ва. Конечно, можетъ быть, изъ этого ничего и не выйдетъ, но все-таки... я должна сказать, что мой сынъ далеко не такъ безупреченъ, какъ...

Адда (*не отрываясь отъ письма*). Въ какомъ смыслѣ—я не понимаю!

Я-ва. Мой сынъ... мнѣ, какъ матери, очень тяжело въ этомъ признаваться... мой сынъ... но въ жизни я никогда и никого еще не обманывала... у него... есть любовница...

Адда (*испуганно*). Любовница?! (*Сдерживаясь.*) И вы ее знаете... т. е. я хотѣла сказать, вы ее когда нибудь видѣли?

Я-ва. О, нѣтъ, нѣтъ!

Адда. Такъ, можетъ, это только одно предположеніе? Можетъ быть, просто—мифъ. Ну, такъ и предоставимъ ее своей судьбѣ! (*Продолжаетъ писать. Пауза.*) Вотъ прочтите: хорошо?

Я-ва (*читаетъ и, узнавъ почеркъ, съ ужасомъ смотритъ на бумагу; Адда въ изумленіи, не понимаетъ въ чемъ дѣло; картина*).

Адда. Надѣюсь, вашъ супругъ останется доволенъ?

Я-ва (*смотритъ то на бумагу, то на Адду, хватается за голову, кидается къ столу, гдѣ лежало письмо, ищетъ его по всей комнатѣ, подбѣгаетъ къ корзинкѣ, роется, пока не находитъ конверта Адды и сравниваетъ почеркъ*) Это вы писали?

Адда (*сильно смущена*). Да... я!

Я-ва. Значитъ, это... вы?

Адда (*становится въ рѣшительную позу*). Звачитъ, это я!

Я-ва. (*строго*). Сударыня!... Не злоупотребляйте же моей деликатностью...

Адда. Мое присутствіе васъ оскорбляетъ?! Хорошо, я уйду, но не прежде, чѣмъ вы меня выслушаете.

Я-ва. Нѣтъ, не надо, не надо!

Адда (*молящимъ голосомъ*). Вы не откажете мнѣ въ этомъ! Клянусь вамъ, — я пришла сюда, движимая только добрымъ чувствомъ... Я не хотѣла васъ оскорблять... я не могла думать, что это такъ выйдетъ...

Я-ва. Что же вамъ отъ меня нужно?..

Адда. Я знаю, что въ вашихъ глазахъ я недостойная жен... нѣтъ... хуже, гаже! Но за что, за что? Неужели только за то, что и мнѣ хотѣлось извѣдать счастья, что и мнѣ..

Я-ва. И это вы называете счастьемъ!

Адда. Не судите такъ строго! Ваша жизнь никогда не шла наперекоръ природѣ: вы любили и васъ любили! Меня же никто еще не любилъ! А развѣ я не такая же жена, не такая же мать!

Я-ва. И у нея есть дѣти!

Адда. Каждая минута моей жизни была отравлена. А сердце жаждало любви... И я ухватилась за Вилли... Кто посмѣетъ обвинять меня въ этомъ? Развѣ любить—преступленіе? И развѣ я виновата передъ своимъ мужемъ, который давно уже промѣнялъ меня на кокотокъ, изъ за котораго я должна была отослать отъ себя дѣтей, чтобы они не дышали тѣмъ развращеннымъ воздухомъ, который царитъ въ нашемъ домѣ? Развѣ мало безсонныхъ ночей провела я, кусая подушку отъ тоски и злобы!.. Пожалѣйте же, пожалѣйте меня! (*Разражается рыданіями.*) Теперь все рухнуло! Но, нѣтъ! Вы мать! Вы не захотите его несчастія... Я готова на всякія жертвы!.. Вѣрьте,—въ этомъ бракѣ—все его спасеніе! Вы не отвергнете моей просьбы... Вы должны, должны мнѣ помочь!..

Я-ва. (*возмущенно*). Да сохрани меня Богъ!

Адда. Такъ вы не хотите? И вы не боитесь за него? Нисколько? Ха, ха, ха! Знайте же, что онъ весь въ моихъ рукахъ... и если... мнѣ захочется покончить разсчеты съ жизнью... Боже! Я сама не знаю, что говорю...

Я-ва (*въ волненіи*). Оставьте меня... Прошу васъ...

Адда. Хорошо, я уйду, но вы не забудете мою просьбу... Я не требую содѣйствія, я прошу только не мѣшать идти всему своимъ чередомъ... Прощайте... (*Идетъ и останавливается.*) Вы даже не хотите дать мнѣ руку на прощанье! Но если-бъ вы только знали, какъ я несчастна! Пожалѣйте же меня. (*Беретъ руку и долго-долго цѣлуетъ.*) Благодарю васъ... Благодарю! Прощайте! (*Быстро уходитъ; изъ другой двери показывается Вилли.*)

ЯВЛЕНІЕ VIII-е.

Г-жа Яникова, *потомъ* Вилли.

Я-ва (*шатаясь, идетъ къ столу, съ ужасомъ вытирая руку о носовой платокъ*). Какъ, ты еще не ушелъ?

Вил. (*во фракѣ, неестественно веселъ; движенія безпокойныя, быстро оглядывается*). Барцивовская уѣхала? Ну, что? Понравилась? Прекрасная женщина, не правда ли? И съ большимъ умомъ... Что-жъ ты молчишь? Ты еще сердишься? (*Смотритъ на часы.*) Опоздалъ, опоздалъ! До свиданья! Ну, полно! Тебѣ грустно, что мы разстаемся? (*Яникова киваетъ головой.*) Что дѣлать! Рано или поздно, а вѣдь это должно бы было случиться! (*Цѣлуетъ.*) Ну, перестань! Поцѣлуй меня! До свиданья! (*Уходитъ.*)

Я-ва. Нѣтъ у меня больше сына! (*Плачетъ.*)

(*Занавѣсъ.*)

КАРТИНА ВТОРАЯ.

Комната первой картины, но въ ней совершенно темно.—Изъ комнаты Крамера черезъ матовое окно видънъ свѣтъ.— При поднятіи занавѣси на стѣнныхъ часахъ бьетъ четыре; вслѣдъ за ними будильникъ.—Изъ комнаты Крамера слышно, какъ онъ монотонно твердитъ свою рѣчь: „и эти новые пути, м. г., долженъ былъ открыть нѣмецкому искусству молодой художникъ“ *и т. д. Разговоръ на сценѣ ведется вполголоса, чтобы не разбудить спящихъ.*

ЯВЛЕНІЕ I-е.

Яникова и Яниковъ.

Я-ва (*въ темномъ капотѣ и ночномъ чепчикѣ входитъ съ маленькой лампочкой въ рукахъ и зажигаетъ керосинку*). А Вилли все еще нѣтъ!

Я-въ (*просовывая въ дверь голову*). Марихенъ!

Я-ва. Что тебѣ?

Я-въ. Гдѣ чистое полотенце?

Я-ва. Сейчасъ иду! (*Уходитъ съ лампочкой; изъ комнаты Крамера доносится его голосъ*).

Я-въ (*безъ сюртука, къ одной жилеткѣ, въ туфляхъ, тщательно вытирается полотенцемъ, щелкая зубами*). Брр, фррр! Вотъ такъ холодище! Брр! Нечего сказать!

Я-ва (*снова ставитъ лампу на столъ и завязываетъ ему галстукъ*). Да постой же хоть минуточку на мѣстѣ!

Я-въ. Ну, ты опять что-то мудришь! Мои молочницы, пожалуй, съ ума сойдутъ отъ этого галстуха! Хэ-хэ-хэ! Ты не приревнуешь? Не бойся, не бойся, не измѣню!

Я-ва И какъ ему не совѣстно молоть всякую чепуху! (*Отходитъ къ керосинкѣ.*)

Я-въ (*приноситъ сапоги*). Ну-ка! Попытаемся! Эй, вы, пріятели! Извольте слушаться! (*Кряхтитъ, кашляетъ, но сапоги не мѣзутъ.*)

Я-ва. Ради Бога, Адольфъ! Сколько разъ я тебя просила? Ты же самъ знаешь, какъ это тебѣ вредно! (*Гладитъ и стучитъ по спинѣ; потомъ сама надѣваетъ ему сапоги.*)

Я-въ. Удивительно! Еще въ прошломъ году могъ! А нынче нѣтъ! Видно умирать пора!

Я-ва. Какія глупости!

Я-въ. Если бы я могъ хоть высыпаться какъ слѣдуетъ! Навѣрно силы прибавилось бы! Да! Трудно на старости лѣтъ! (*Жена надѣваетъ на него сюртукъ.*) Тсс! Слышишь?

Я-ва (*испуганно*). Гдѣ? Что? (*Прислушивается.*) Ахъ, это Крамеръ опять заработался!

Я-въ. Гм! А вѣдь Вилли лучше всѣхъ насъ живется! Онъ можетъ спать сколько влѣзетъ! Везетъ малому! Какъ бы не разбудить его!

Я-ва Не бойся, не бойся! Къ нему не слышно! (*Подноситъ молоко.*) Пей, а то простынетъ.

Я-въ. Не угостить-ли и Крамера?.. (*Стучитъ въ его дверь.*) Крамеръ, будетъ вамъ! (*Пріотворяетъ дверь.*) Ну, рррр...

ЯВЛЕНІЕ II-е.

Тѣ же и Крамеръ.

Крам. (*съ шарфомъ на шеѣ, дрожитъ, сонный*). Доброе утро!

Я-въ. Ишь, полунощникъ! Озябли? Не хотите ли горяченькаго?

Крам. Если не обижу?

Я-ва (*подавая стаканъ*). Всѣмъ хватитъ!

Я-въ. Присаживайтесь! Прекрасный напитокъ! Только осторожнѣе, не обожгитесь! Ну, что? Каково? Самое лучшее молоко... Такъ называемое альпійское! Во первыхъ, коровы у насъ настоящей швейцарской породы, а во вторыхъ, сѣно на фермѣ покупается всегда первый сортъ.

Я-ва. Тебѣ пора, Адольфъ!

Я-въ. А? Что? Развѣ ужъ пробило четыре? Да! Такъ и есть! Ну, хорошо! До другого раза. (*Жена приноситъ шубу и надѣваетъ шарфъ.*)

Крам. (*вставая*). Согрѣлся! Большое, вамъ спасибо! До свиданья!

Я-ва. Вы бы ложились! Пора вѣдь! Измучаетесь!...

Крам. Ничего! Надо непремѣнно приготовить... Завтра придется говорить... Наизусть всегда лучше, чѣмъ по тетрадкѣ. Больше эффекта! Наконецъ-то узнаютъ, что такое Вилли Яниковъ! (*Яникова дѣлаетъ нервное движеніе.*)

Я-въ. Интересно! Если же вамъ вздумается когда нибудь держать рѣчь о молочномъ хозяйствѣ, обратитесь ко мнѣ... У меня масса матерьяла. Ну, прощайте! Я пошелъ! (*Уходитъ; жена провожаетъ его до двери; Крамеръ на цыпочкахъ проходитъ къ себѣ и останавливается ненадолго у двери Клерхенъ.*)

Крам. (*съ лаской*). Спи! Спи! Я—бодрствую! (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ III-е.

Яникова (*хочетъ потушить лампочку, но останавливается.*) Нѣтъ! Пускай лучше горитъ, а то еще паткнется на что нибудь! (*Усталыми шагами идетъ къ себѣ.*)

ЯВЛЕНІЕ IV-е.

Вилли и Яниковъ.

Я-въ. (*осторожно вводитъ подгулявшаго Вилли*). Тсс... Тише... А я думалъ, что ты спишь!

Вил. Я немножко кутнулъ...

Я-въ. Тсс!.. Не разбуди мать! Она тоже думаетъ, что ты спишь! Ну, ну! Съ кѣмъ не случается! (*Помогаетъ ему снять съ себя шубу.*) Только не слѣдуетъ объ этомъ болтать: пускай остается между нами. Понимаешь? Можешь ты самъ снять ботинки? (*Вилли киваетъ головой.*) Ну, и отлично! Тутъ бы и я спасовалъ! Прошлый годъ еще могъ... А нынче... Не взыщи! Тише! Выспись хорошенько! Завтра все какъ рукой сниметъ! Съ кѣмъ этого не бываетъ. Только, чтобы мать... тс! тс! Ну, прощай! Мнѣ пора!

Вил. Мегçі... Прощай... Я и самъ... (*Яниковъ уходитъ.*)

Вилли (*снимаетъ галстухъ въ нетерпѣніи рветъ его на куски и бросаетъ на полъ*). И такъ, чертъ побери, завтра запрягаюсь въ ярмо!.. Завтра захлестнетъ меня грязью съ ногъ до головы... Жалкій ты, жалкій человѣчишко! (*Задумывается.*) Ха, ха, ха! Ну, развѣ не филистеръ этотъ Нимавъ! Жить, чтобы наслаждаться... чтобы быть кумиромъ для толпы, чтобы она носила тебя на рукахъ... Да! Это я понимаю!.. И глупо было бы не воспользоваться удобнымъ случаемъ... Ну ихъ къ черту, всѣ эти условныя добродѣтели! Я— не монахъ... Я— талантъ! Для меня все возможно... я все смѣю... потому что... Ха, ха, ха! Да потому что это ко мнѣ идетъ! (*Подходитъ къ двери Клерхенъ.*) Но вотъ что для тебя невозможно... Обладать ею... Да, невозможно... Ха, ха, ха! Развѣ это не курьезно?! Все можно, а этого нельзя... Нельзя!... Вотъ подите же, нельзя... Ха, ха, ха! Точно тутъ стоитъ кто нибудь на стражѣ и преграждаетъ путь... Да почему же? Развѣ такъ трудно перешагнуть этотъ порогъ... Идіотъ... Мерзавецъ! Ты пьянъ, какъ сапожникъ!... Стыдись! (*Задумывается и снова подходитъ къ двери*). Здѣсь—моя судьба... вся моя будущность! Что, если я перешагну?.. (*Съ ужасомъ отступаетъ.*) Нѣтъ, нѣтъ! Тысячу, милліонъ разъ нѣтъ! (*Уходитъ какъ можно дальше, но потомъ медленно приближается.*) Ахъ это сильнѣе меня! Но я знаю, что сдѣлаю! Просто войду и только разбужу... только разбужу... больше ничего... Что же тутъ такого?.. Когда она была больна, я дѣлалъ то же самое тысячи разъ... А потомъ... во всемъ, во всемъ ей признаюсь... всю душу раскрою передъ ней... она пойметъ... она вольетъ въ меня бодрость. (*Отворяетъ дверь и входитъ въ комнату Клерхенъ такъ, что зрителямъ ее видно.*) Клерхенъ! (*Шепотомъ.*) Клерхенъ! (*въ комнатѣ Крамеро слышенъ шумъ; Вилли испуганно прислушивается и, войдя въ комнату Клерхенъ, затворяетъ за собой дверь.*)

ЯВЛЕНІЕ V-е.

Крамеръ (*одинъ; входитъ съ лампой въ рукахъ, взволнованъ*). Что случилось? Клерхенъ! Что съ вами? (*Прислушивается, все тихо.*) Вѣрно опять приснилось! Меня, кажется, преслѣдуютъ видѣнія... Ну, конечно! (*Возвращается въ комнату.*) Новые пути, м. г.! новые пути... (*Бьетъ себя по лбу.*) Все перезабылъ... Новые пути... (*Уходитъ, повторяя про себя рѣчь*).

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Комната перваго дѣйствія. Лампы подъ красными абажурами окрашиваютъ все въ розовый полусвѣтъ. При входѣ дѣйствующихъ лицъ, черезъ открывающіяся портьеры, видно большое оживленіе въ ярко освѣщенной залѣ; слышны говоръ и смѣхъ. На роялѣ играютъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Бруно и Зигфридъ *сидятъ, развалившись въ креслахъ, и курятъ. У Зигфрида на лбу черная повязка.*

Зиг. Бруно!

Бруно. Э!

Зиг. Ты усталъ? (*Бруно киваетъ головой. Пауза; Зигфридъ напѣваетъ тихонько, размахивая въ тактъ руками.*) Божественное созданіе!

Бруно (*съ раздраженіемъ*). Кто?

Зиг. Зиглинда!

Бруно. А! (*Пауза.*)

Зиг. Бруно!

Бруно. Да ну тебя! Надоѣлъ!

Зиг. А вѣдь покормили недурно!

Бруно. Такъ себѣ! Могли бы и лучше!

Зиг. Волжская стерлядь .. Малтійская зелень... Нормандскій фазанъ... Чортъ возьми. Настоящій домашній обѣдецъ! (*Ковыряетъ въ зубахъ. Пауза.*) Бруно!

Бруно. Вотъ привязался!

Зиг. Послѣдній вопросъ! Скажи, пожалуйста, въ какихъ ты отношеніяхъ съ Китти?..

Бруно. А тебѣ какое дѣло! Въ никакихъ!

Зиг. Чего злишься?

Бруно. Я уйду!

Зиг. Ты, братъ, ни финти, у васъ что-то было!

Бруно. Ничего особеннаго!

Зиг. Будто бы тогда ты ее и не поцѣловалъ?

Бруно. Что-жъ изъ этого! Тѣмъ дѣло и кончилось!

Зиг. Можешь утѣшиться: точь въ точь, какъ у меня! Я тоже испыталъ сіе удовольствіе и тоже пока на этомъ пріостановился...

Бруно. Вотъ какъ! Съ чѣмъ васъ и поздравляю...

Зиг. Да ты, пожалуйста, не злись!.. Я для тебя не опасенъ... Видишь, какъ это случилось: играли мы съ ней на бильярдѣ...

Бруно. Ну?

Зиг. Ну, я и сдѣлалъ карамболь по ея пухленькимъ губкамъ.

Бруно (*дѣлаетъ жестъ, изображающій пощечину.*). А она не сдѣлала того же по твоимъ аленькимъ щечкамъ?

Зиг. Почти... Но я ловко отпарировалъ ударъ и онъ пролетѣлъ мимо...

Бруно. Счастье! (*Пауза.*)

Зиг. Бруно!

Бруно. Право, я сейчасъ уйду!

Зиг. Погоди!.. Дѣло очень серьезное.. Можно говорить откровенно?..

Бруно. Что еще?

Зиг. Ты... ничего не замѣчаешь? Чѣмъ то особеннымъ пахнетъ въ воздухѣ..,

Бруно. На счетъ...?

Зиг. Ну, конечно, Китти!

Бруно. Еще бы! Я не слѣпой!

Зиг. Нѣтъ, какова наша Аддочка, а?

Бруно. Да, нечего сказать! (*Смѣется и пожимаетъ плечами.*) Бабецъ!

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и Вейсъ.

Вейсъ. А, други сердечные! Far niente! А обѣдецъ вышелъ на славу!

Зиг. Такъ себѣ!

Вейсъ. Это что за украшеніе? Гдѣ вы поймали?

Зиг. Проказы амура!

Вейсъ. Ха, ха, ха! Уплата по счету!

Зиг. Развѣ я могъ знать впередъ, что у ней есть женишокъ...

Бруно. Какъ вамъ нравится здѣшняя публика?...

Вейсъ. Я—врагъ критики!

Бруно. Нѣтъ, каковы дамы! Какъ на подборъ...

Вейсъ. Дамы?—Я пока не видалъ ни одной...Быть можетъ, вы хотѣли выразиться какъ нибудь иначе?

Зиг. Отчего вы безъ супруги?

Вейсъ. Вотъ еще что выдумали... Во первыхъ, я пріѣхалъ сюда повеселиться... а во вторыхъ... entre nous... привезти сюда свою жену—это... это... рискъ не малый... Чужую—дѣло другое! (*Проходитъ на другую сторону, мица пепельницу.*) Ну, ужъ и сосѣда же мнѣ Богъ послалъ за столомъ...

Бруно. Вы гдѣ сидѣли?

Вейсъ. Въ голубой... Чортъ его возьми совсѣмъ! Всѣ уши прожужжалъ о какомъ то альпійскомъ молокѣ... Совѣтуетъ пить вмѣсто шампанскаго... Я ужъ думалъ,—не членъ ли онъ Общества трезвости, но, оказывается, старикашка дуетъ лафитъ почище нашего...

Бруно. Я васъ видѣлъ: знаете это кто?

Вейсъ. Кто?..

Бруно. Родитель Вилли.

Вейсъ (*удивленно.*) Вотъ какъ! (*Свиститъ.*) Ну, Аддочка! Молодчинище!

Зиг. Наклентъ она ему носъ, вотъ увидите!

Бруно. А маменьку видѣли?

Вейсъ. Развѣ она тоже здѣсь?

Бруно. Ну, разумѣется...

Зиг. Вотъ и разберите эту женщину!

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же, Барциновскій и Яниковъ (*навеселѣ, идетъ подъ руку съ хозяиномъ*).

Я-въ. Да, да, вы благородный человѣкъ! Я считаю... (*Бормочетъ про себя что-то невнятное.*)

Бар. Сядемте-ка лучше, милѣйшій! (*Усаживаетъ его на кресло и обращается къ гостямъ.*) Надѣюсь, гг., вамъ не скучно?

Всѣ трое. { Развѣ здѣсь бываетъ скучно!
Помилуйте!
Мы отдыхаемъ отъ веселья.

Бар. Признаться, и мнѣ очень весело!

Бруно. А какъ здѣсь-то хорошо! (*Указываетъ на кушетку.*)

Бар. Увы! Не для меня это ложе! Меня призываютъ высшія обязанности .. Ну-съ, такъ какъ вы, очевидно, изволите бездѣльничать, то вотъ... поручаю вашему вниманію... (*Указывая на Яникова.*)

Вейсъ. Ладно, ладно, отправляйтесь!

Бар. Вы, гг., надѣюсь, успѣли познакомиться... Г-нъ Яниковъ... Докторъ Вейсъ... Докторъ Зюскиндъ... Г-нъ Мейеръ... (*Происходитъ рекомендація; Барциновскій дѣлаетъ нѣсколько шаговъ по сценѣ, затѣмъ быстро оборачивается назадъ.*) Ахъ, да! Чуть было не забылъ! А вѣдь, обѣдецъ вышелъ недурепъ!

Всѣ. Очень, очень!

Бар. Такъ сказать, настоящій домашній обѣдъ!

Зиг. Вы опоздали: это моя острота!

Бар. Вѣчно поперекъ дороги! (*Смѣется и уходитъ.*)

Я-въ. Постойте, постойте, и я съ вами!

Вейсъ (*загораживая дорогу Яникову.*) Позвольто, развѣ вы не хотите раздѣлить нашу компанію?..

Я-въ. Ахъ, это вы! Я и не узналъ... Видите ли, сегодня я немножко тово... Вы, надѣюсь, не въ претензіи? И притомъ здѣсь такая масса гостей... Право, не трудно спутаться.. Знаете-ли, когда привыкнешь къ молоку...

Вейсъ (*тихо*). Поѣхало!..

Я-въ Но, между нами, я не всегда пилъ только молоко... Мнѣ, если хотите, наплевать на него... (*Плюетъ.*) Тьфу! И все тутъ... Наплевать! Потому что даже настоящее альпійское... травяное... пстъ! Развѣ можетъ идти въ сравненіи хотя-бы съ мозельвейномъ... (*Общій смѣхъ.*)

Вейсъ. Резонъ!

Я-въ (*заговаривается*). Да! Все это было пережито! Жаль, что мы не познакомились раньше... Вы не смотрите, что я теперь выгляжу калѣкой... Было время, когда никто во всемъ околодкѣ не танцевалъ мазурки лучше моего... Вы, кажется, не вѣрите?!.. Напрасно! А вѣдь вовсе не такъ-то легко прослыть хорошимъ мазуристомъ!.. Что за удивительный танецъ...

Вейсъ. Къ сожалѣнію, я имѣю о немъ очень смутное понятіе.

Я-въ. А вотъ я вамъ покажу! Хотите?! (*Напѣваетъ и танцуетъ.*)

Бруно. Неподражаемо! Bravo, bis, bis!

Зиг. (*хохочетъ до упаду*). Будетъ, довольно! Онъ меня уморитъ!

Я-въ. Уфъ! Хорошенькаго понемножку! А давненько таки я не танцевалъ! Не могу, нѣтъ! Знаете, до чего дѣло дошло: сапогъ самъ спять не въ силахъ! Вилли подсмѣивается... Ахъ, г.г., какой у него язычекъ, если-бъ вы знали... А давно ли, кажется, я его драллъ за вихоръ! Ха, ха, ха! Какъ сейчасъ помню! Жила у меня въ усадьбѣ дѣвка — Катериной звали! Ну, просто — яблочко наливное: косы — вотъ (*показываетъ кулакъ*) икры. . . . . ну, словомъ, кровь съ молокомъ дѣвка! Вотъ я и вижу, что малый не промахъ; пріударять началъ... Знаете, такіе глазищи строитъ... даромъ, что мальчишка, подростокъ... еле еле пятнадцать стукнуло! Какъ вамъ покажется! Мнѣ и смѣшно, но вѣдь надо же... Беру его за шиворотъ, какъ щенка, и говорю: „мальчишка ты этакій, ну что ты сопишь надъ дѣвкой по цѣлымъ часамъ, а?“ А онъ... Нѣтъ, какъ бы вы думали, что онъ отвѣтилъ?! Ха, ха, ха! И теперь еще не могу вспомнить безъ смѣха. Вскочилъ какъ какой-нибудь Карлъ Мооръ и кричитъ на всю усадьбу: „папочка, дѣлай со мной, что хочешь, лишай наслѣдства, прокляни, но позволь жениться на Катеринѣ!» Да! (*Сквозь смѣхъ и слезы.*) Вотъ что значитъ судьба. Не тогда, такъ теперь, а все-таки приходится жениться на Катеринѣ. (*Гости посматриваютъ другъ на друга.*) Но теперь совсѣмъ другое дѣло... Совсѣмъ, совсѣмъ...

Зиг. Да, да, конечно! Не хотите ли сыграть со мной партію въ пикетъ?

Я-въ. А развѣ можно? Въ такомъ случаѣ... съ удовольствіемъ.

Зиг. Вотъ и отлично! Двигаемся... (*Ведетъ его вльво.*)

Я-въ (*пошатываясь*). Вы... вы... истинно благородный человѣкъ. (*Уходятъ.*)

Бруно. Нда-съ! Такъ это значитъ ужъ рѣшено! (*Оборачиваясь къ Вейсу.*) А вы не сыграете?

Вейсъ. Нѣтъ, я сейчасъ уѣзжаю!

Бруно. Что такъ рано? (*Уходитъ въ среднюю дверь*)

Вейсъ (*меланхолично*). Если-бы мой поэтическій талантъ не выдохся, можно-бъ было написать претрогательное стихотвореньице... Ne que voulez vous, que j'y fasse!

ЯВЛЕНІЕ IV-е.

Вейсъ, Ниманъ, г-жа Яникова.

Ним. Виноватъ! Вы не видали г-на Яникова?

Вейсъ. Онъ только что ушелъ играть въ карты.

Я-ва. А гдѣ здѣсь играютъ?

Вейсъ. Позвольте вамъ быть полезнымъ...

Я ва. Будьте любезны... Попросите его сюда...

Вейсъ. Сію минуту! (*Уходитъ.*)

Я-ва. Куда мы съ вами попали, профессоръ!? Что за общество, что за нравы!.. Это какая-то гостиница, кафе-шантанъ. Я дожила до сѣдыхъ волосъ, но ничего подобнаго не видывала! Положительно, я раскаиваюсь, что послушалась Вилли! Но онъ такъ меня просилъ...

Ним. Признаюсь я былъ пораженъ, увидѣвъ васъ здѣсь.

Я-ва. Не будемъ говорить объ этомъ! У меня просто голова кругомъ ходитъ! Этотъ

бракъ... Дай Богъ, чтобы онъ принесъ счастье Вилли!.. Вы съ нимъ говорили?

Ним. Какже! Тутъ совершается нѣчто непонятное... Во первыхъ, что это за скороспѣлая любовь..? Откуда она у нихъ могла появиться..? такъ вдругъ... точно съ неба свалилась...? А во вторыхъ, вмѣсто того, чтобы радоваться, у Вилли такой видъ, будто онъ собирается ринуться въ пропасть. Все это ненормально. Одно съ другимъ не вяжется. По моему, вы обязаны принять всѣ мѣры, чтобы расторгнуть этотъ неестественный бракъ и прежде всего предупредить обо всемъ дѣвушку.

Я-ва. Развѣ это легко мнѣ..?! Впрочемъ, что-жъ! Хорошо, я попытаюсь.

Ним. Нѣтъ! Каковы здѣсь дамы!

Я-ва. И не говорите! Я чувствую себя просто неловко въ ихъ присутствіи. Развѣ я имъ пара въ своемъ поношевномъ платьѣ и старомодномъ чепцѣ?.. Настоящая карикатура. (*Нимань отрицательно покачиваетъ головой.*) Ну, вотъ! Какъ будто бы я не понимаю! Никогда себѣ не прощу, что переступила порогъ этого дома! Отлично и безъ насъ бы обошлись... Вилли не маленькій! Воленъ дѣлать, что вздумается... И вѣдь отличный предлогъ былъ не ѣздить... Вы знаете: Клерхенъ у насъ захворала!

Ним. Что съ ней?

Я-ва. Не говорите! Сегодня и съ постели не вставала... Все плачетъ!

ЯВЛЕНІЕ V-е.

Тѣ-же и Вейсъ.

Вейсъ. Будьте покойны! Вашъ супругъ счастливъ и доволенъ. Онъ въ крупномъ выигрышѣ: цѣлыхъ 18 пфенинговъ.

Я-ва. Благодарю васъ, докторъ! (*Проходятъ вмѣстѣ съ Нимаюмъ влѣво*)

ЯВЛЕНІЕ VI-е.

Вейсъ, Вилли, Дробишъ (*оба послѣдніе входятъ вмѣстѣ*), *потомъ* **лакей.**

Дроб. Не хорошо, не хорошо! А все оттого, что вы меня забыли! Пульсъ 116... Гм! Видите-ли, *пока* я вамъ еще не нуженъ... но... гм!.. вамъ слѣдуетъ наблюдать за собой... у васъ острый порокъ сердца...

Вейсъ. Господа, я вамъ не мѣшаю?

Вил. У насъ нѣтъ секретовъ!

Дроб. Видите-ли, милѣйшій! Спокойствіе— это квинтъ-эссенція человѣческаго существованія. И я бы вамъ посовѣтывалъ не какъ докторъ, а какъ вашъ другъ, стараться избѣгать по возможности всякихъ волненій и... шампанскаго... Посидѣли бы вы недѣльку другую дома! Въ самомъ дѣлѣ...

ЯВЛЕНІЕ VII-е.

Тѣ-же и Адда.

Вейсъ. А! Чѣмъ дальше вечеръ — тѣмъ очаровательнѣе хозяйка...

Адда. Вы опять съ любезностями!..

Вейсъ. Pardon! Я хотѣлъ сказать: чѣмъ дальше хозяйка, тѣмъ очаровательнѣе вечеръ!

Адда. Ха, ха, ха! Это на васъ больше похоже! Докторъ! У меня лихорадка! Есть у васъ съ собой бромъ или хининъ?

Дроб. И то, и другое! (*Подаетъ порошки.*) Что угодно?

Адда. Мегсі! Одно слово, monsieur Яниковъ. (*Отходитъ съ нимъ направо. Дробишъ говоритъ что-то Вейсу, многозначительно покачивая головой въ сторону Вилли.*) Ну, что? Объяснились? Съ чѣмъ можно поздравить?

Вил. Все еще нѣтъ!

Адда. Какъ это скучно! Вы же сидѣли за обѣдомъ рядомъ. Неужели не нашли удобнаго случая..? Поторопитесь... Время не терпитъ!

Вил. Мать все узнала!

Адда. Знаю...

Вил. И не смотря на это, я все таки долженъ?..

Адда. Все таки долженъ!

Вил. (*пожимая плечами*) Хорошо! (*Уходитъ влѣво.*)

Дроб. (*вслѣдъ*). Послушайтесь же меня, дружище! (*Уходитъ.*)

Вейсъ (*подходитъ къ Аддѣ и становится противъ нея, скрестивъ руки.*) Гм!

Адда. Ахъ, вы сейчасъ ужасно напоминаете египетскаго сфинкса... Будьте любезны, прикажите дать мнѣ воды...

Вейсъ (*подходя къ дверямъ.*) Стаканъ воды.

Адда. Мегсі! Ну-съ, а пока ее принесутъ,— мы поболтаемъ.

Вейсъ. О чемъ прикажете?.. О желѣзной дорогѣ, парламентскихъ дебатахъ, литературѣ, кружевахъ, юбкахъ..?

Адда. Этотъ человѣкъ обращается со мной, какъ я не знаю съ кѣмъ...

Вейсъ. Допустимъ, что мы выбрали литературу.. Читали вы новое стихотвореніе Поля Гейзе?.. Оно называется: „Вольныя пташки“ (*декламируетъ*).

Таинственно шепчутся вольныя пташки,
Гнѣздышко свивъ на вершинѣ сосны...

Тутъ же летаютъ козявки, букашки... Ну, это я ужъ присочинилъ отъ себя... (*Приносятъ воду.*) Вотъ, не угодно-ли! Вмѣсто продолженія... Почти одно и то же! А знаете, какая мнѣ идея пришла сейчасъ въ голову! Ну, развѣ я и вы—тоже не вольныя пташки, которыя свили свое гнѣздо..?

Адда. Вы хотите сказать — *наши* гнѣзда..?

Вейсъ. Пускай будетъ по вашему: наши гнѣзда на вершинѣ познанія человѣческой глупости.

Адда. A propos! Я надѣюсь, вы меня пожалѣете и не заставите выслушивать любовныя признанія? Помните, какъ вчера?

Вейсъ. Не надѣйтесь: это еще впереди! Пока же я хочу дать вамъ маленькій совѣтъ, и совсѣмъ даромъ—отъ чистаго сердца! Повѣрьте благородному человѣку, какъ говоритъ старый Яниковъ!

Адда. Въ чемъ дѣло, поторопитесь... Меня ждутъ!

Вейсъ. Минутку терпѣнія! Одну минутку! Вы уже разъ удостоили меня своего довѣрія! Ахъ, это былъ счастливѣйшій день въ моей жизни! Помните—насчетъ Вилли!.. Благодаря мнѣ, его появленіе въ вашей гостинной вышло, по истинѣ, блестящимъ! Хотите, мы съ такимъ же пуфомъ его отсюда и сплавимъ!

Адда. Вы, мой другъ, суете вашъ прелестный носикъ...

Вейсъ. Туда, куда не слѣдуетъ... Допустимъ... Но вѣдь какъ бы это вышло чудесно; у меня уже есть на него охотники: одинъ американецъ, у котораго сундуки ломомъ—ломятся отъ долларовъ... Ему, изволите-ли видѣть, нуженъ художникъ съ именемъ, чтобы размалевать дворецъ...

Адда. Ни за что!

Вейсъ. Это почему?

Адда. Никогда!

Вейсъ. Да какого еще рожна, съ позволенія сказать, вамъ еще отъ него нужно!? Вѣдь это одинъ капризъ...

Адда. Молчите!

Вейсъ. Честное слово, капризъ? Вѣдь я все прекрасно вижу и понимаю... Вамъ самой ужасно хотѣлось бы какъ-нибудь съ нимъ раздѣлаться... И, право, въ концѣ концовъ исторія кончится тѣмъ, что погибнетъ и онъ, да и... что съ вами?..

Адда (*разражается истерическими рыданіями*). Такъ... ничего... нервы...

Вейсъ. Полноте! Успокойтесь! Выпейте воды! Ахъ, ужъ эти дамскія нервы! (*Адда судорожно глотаетъ воду.*) Ну, такъ что же вамъ отъ него, въ самомъ дѣлѣ, нужно? Хотите я отвѣчу за васъ?—Вы и сами не знаете! Положительно! Въ этомъ то весь и секретъ! Точь въ точь, какъ нѣкоторые чудаки, читая книгу и дойдя до послѣдней главы, ни за что не рѣшаются ее закончить, и придумываютъ, Богъ знаетъ, какой вздоръ, чтобы только подольше оттянуть чтеніе. Захлопните книгу—вотъ вамъ и лѣкарство!

Адда. И вы думаете, что любовь...

Вейсъ. Любовь! Какая еще тамъ любовь! И кто только выдумалъ это глупое слово! Любви нѣтъ, есть—нервы!

Адда. Но вѣдь и мнѣ же хочется испытать счастья!..

Вейсъ. А вы знаете, во что вамъ обходится это нескромное желаніе? Слышали, что про васъ говорятъ? Не далѣе, какъ сегодня... здѣсь...

Адда. Я никогда не обращаю вниманія на сплетни разныхъ негодяевъ...

Вейсъ. Да! Сегодня они негодяи... Это вѣрно! Я одинъ васъ понимаю, и могу смѣло сказать въ лицо всѣмъ и каждому, что сегодня—они къ вамъ несправедливы. Но завтра... черезъ мѣсяцъ... годъ... Они окажутся правыми!

Адда. И вы думаете, что тѣ обязанности, которыя я беру на себя..?

Вейсъ. Не болѣе, какъ плодъ вашего воображенія... хуже... каприза... Право, послушайтесь меня. Покончите-ка лучше разомъ! Помолвку, разумѣется, по боку... Вилли всучимъ американцу... Повѣрьте, что съ вами говоритъ человѣкъ опыта, который уже испыталъ однажды прелесть остаться за флагомъ... Разумѣется, я никого въ этомъ не обвиняю... Отнюдь нѣтъ! Самъ виноватъ: прозѣвалъ удобный моментъ! Смотрите же, не прозѣвайте и вы...

Адда. А если бы и такъ! Что-жъ изъ этого?

Вейсъ. Положимъ, *для васъ* ничего особеннаго, потому что мы съ вами такія натуры, для которыхъ ни трагедіи, ни драмы—не существуютъ. Пожмемъ плечами, кинемъ презрительную улыбку, примемъ усыпительнаго, завалимся на кушетку и...

Адда. Что-жъ вы остановились?

Вейсъ. И завтра же около насъ появится новый рыцарь. Вотъ и все! (*Цѣлуетъ руку.*) Не забудьте тогда и о моемъ грѣшномъ существованіи! (*Уходитъ.*)

Адда (*одна*). Нѣтъ, нѣтъ! Быть можетъ, онъ и правъ, но разстаться съ Вилли... теперь... нѣтъ, не хватитъ силъ! (*Входитъ Китти.*)

ЯВЛЕНІЕ VIII-е.

Адда и Китти.

Кит. (*въ большомъ волненіи кидается на шею Аддѣ*). Ахъ, тетя! Когда же онъ, наконецъ, начнетъ объясняться!? Я боюсь, тетя!

Адда. Чего, глупенькая?

Кит. Сама не знаю... И всетаки мнѣ такъ хорошо, такъ хорошо теперь!

Адда. Вотъ, видишь! (*Цѣлуетъ ее въ лобъ; слѣва показывается Вилли.*) Поздно, поздно! (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ IX-е.

Китти и Вилли.

(*Пауза.*)

Кит. Вамъ не здоровится? У васъ такой видъ...

Вил. Такъ себѣ... пустяки! Если позволи-

те—я сяду!.. У насъ еще впереди кадриль, если не ошибаюсь? Я очень радъ, что мы встрѣтились—наединѣ... Мнѣ нужно кое-что сказать вамъ... Можетъ быть, вы уже знаете, что именно?

Кит. (*смущенно*). Тетя дала мнѣ понять—если впрочемъ...

Вил. (*ледянымъ тономъ*). Очень благодаренъ вашей тетѣ, очень!.. Это, по крайней мѣрѣ, избавляетъ меня отъ многословія... Не ожидайте пылкихъ признаній... Я столько лгалъ въ своей жизни, что даже самая ложь опротивѣла... Что я говорю! Нѣтъ, нѣтъ! Простите! Я совсѣмъ не то хотѣлъ сказать... Ну, да! Словомъ, я васъ люблю... Это говорятъ всѣ, начиная съ вашей тети... И прекрасно! Я очень радъ п... предлагаю вамъ свою руку. Положимъ, не дорого она теперь стоитъ! (*Вертитъ передъ собой руку.*) Видите, она и суха, и желта, и дрожитъ... и работать отвыкла... Но мнѣ тоже сказала ваша тетя, что вы не прочь.. гм!.. какъ бы выразиться?—Ну, да! пріобрѣсти ее въ свое владѣніе!—Что-жъ! О вкусахъ не спорятъ!

Кит. Зачѣмъ вы это говорите, m-eur Яниковъ!

Вил. Развѣ вамъ не нравится?

Кит. И вы еще спрашиваете! А хотите знать, какого *я* мнѣнія объ этой рукѣ?..

Вил. Любопытно!

Кит. Только вы не разсердитесь, потому что такъ не принято...

Вил. Сдѣлайте одолженіе... не церемоньтесь!

Кит. Вотъ! (*Быстро цѣлуетъ руку.*)

Вил. (*отдергивая*). Что вы дѣлаете!

Кит. Развѣ не эта рука создала «Гибель Содома»!

Вил. Ахъ, не напоминайте мнѣ, пожалуйста!

Кит. Вамъ непріятно?

Вил. Болѣе, чѣмъ непріятно! Вы удивлены?.. Ну, да! Потому что вы еще ребенокъ и вамъ не понять этого чувства.

Кит. Напрасно такъ думаете! Вамъ непріятно просто потому, что... что... васъ гложетъ теперь тоска... и зависть... (вѣдь правда?) къ тому Вилли Яникову, который работалъ когда-то, а... теперь бездѣльничаетъ...

Вил. Ну, зачѣмъ вы повторяете слова вашей тети?..

Кит. А вотъ, представьте, что это вовсе не ея слова... Далеко нѣтъ! Она гораздо лучшаго о васъ мнѣнія, и все еще воображаетъ, что вы геній, особенно когда вы начинаете болтать разныя глупости...

Вил. А! Въ такомъ случаѣ, постарался мой другъ Нимапъ...

Кит. Какъ вамъ непремѣнно хочется навязать мнѣ чужія мысли! Въ томъ-то и бѣда, что вы все еще смотрите на меня, какъ на крошку... на ребенка... А знаете, что думаетъ про васъ этотъ ребенокъ?

Вил. Слушаю-съ...

Кит. А вотъ что: лучше бы было, въ тысячу разъ лучше, стоять вамъ за мольбертомъ, чѣмъ разыгрывать роль дурачка въ гостиной тети Адды!

Вил. Великолѣпно! Нѣтъ, отчего вы раньше такъ со мной не говорили!

Кит. Ха, ха, ха! Вспомните-ка лучше какъ вы то со мной обращались? Настоящій олимпіецъ! Право, въ концѣ концовъ, я и сама привыкла къ мысли, что я—ничтожество... пустая вѣтренная дѣвчонка—и только! И потомъ, знаете... откровенно говоря, если бъ оно оказалось и на самомъ дѣлѣ—не было бы рѣшительно ничего удивительнаго... Вы меня понимаете? (*Вилли дѣлаетъ отрицательный знакъ.*) Ну, такъ я вамъ объясню! Вѣдь мнѣ все равно... Я здѣсь рѣшительно никого не боюсь... Можете, хоть сейчасъ бѣжать и насплетничать тетѣ Аддѣ... Здѣсь такая грязь... такая тина... что ужасъ, ужасъ! Представьте, мнѣ говорили даже, будто тетя и вы—въ любовной связи... Конечно *я* этому не повѣрила!

Вил. Еще-бы!

Кит. Хотя, предупреждаю, я страшно ревнива! Вы только подумайте: я даже успѣла приревновать васъ... къ вашей пріемной сестрѣ... Что за прелесть! Я ее полюбила съ перваго взгляда... Мы вѣдь обѣ сиротки!

Вил. (*хватаясь за голову.*) Съ ума можно сойти!

Кит. Да что, въ самомъ дѣлѣ, съ вами! Ха, ха, ха! Не правда ли, какое у насъ смѣшное любовное объясненіе! Вы точно ложку уксусу проглотили... Я — разболталась, какъ сорока .. Стоитъ мнѣ начать откровенничать, я просто не знаю удержу. Какъ хотите, но вы должны меня дослушать! Въ этомъ домѣ такой ужъ удушливый воздухъ, что, хочешь-не хочешь, а дѣлаешь глупости! Напр. я... Вы знаете, я даже цѣловалась съ мужчинами... Вы не вѣрите? Даю вамъ слово! Господи! Еще и сейчасъ, какъ вспомню, просто дрожь пробѣгаетъ: вѣдь я была на одномъ волоскѣ отъ гибели!.. А ужъ про любовныя письма и не спрашивайте! Да, чего только я здѣсь не услышала, о чемъ не узнала! Оттого и сама сдѣлалась такая... Но нѣтъ худа безъ добра: я, по крайней мѣрѣ, знаю теперь жизнь... Да... и съумѣю бороться!... Вы не вѣрите?

Вил. Нѣтъ, я не *узнаю* васъ!

Кит. Вотъ еще что: у меня будетъ къ вамъ большая просьба... Когда мы пожевимся—вѣдь вы же женитесь на мнѣ, не правда ли? (*Вилли киваетъ головой*). Въ такомъ случаѣ, въ нашемъ разговорѣ вовсе нѣтъ ничего неприличнаго!

Вил. (*улыбаясь.*) Ничего!

Кит. Ну, такъ вотъ! Когда мы поженимся—

вонъ, вонъ отсюда!.. Подальше, какъ можно дальше... Хорошо? Надѣюсь, вы не сочтете это за неблагодарность по отношенію къ тетѣ...

Вил. Конечно нѣтъ!

Кит. (*радостно*). Ахъ, какъ я рада! Я такъ боялась, что вы не согласитесь! Впрочемъ, нѣтъ! Я была увѣрена, что вы и сами будете рады... Иначе и быть не могло! Слушайте же! За это я вамъ сейчасъ скажу еще большую — большую тайну... Идите сюда... Поближе... (*Понизивъ голосъ*). Я давно бы убѣжала отсюда, если бъ не вы! Поняли? Не ожидали? Ха, ха, ха! Знаете, какъ я всегда представляла себѣ насъ обоихъ? Точно мы двѣ заблудшія души, которыя никакъ не могутъ порознь найдти дорогу къ небу... А вмѣстѣ найдутъ...

Вил. (*схватывается за сердце*) Ахъ!

Кит. Опять?! Не вздумайте у меня расхвораться! Или нѣтъ, ничего! Я васъ выхожу! Ахъ какъ я буду васъ любить... Да что же вы все молчите, Вилли!?

Вил. Дайте мнѣ вашу руку... и... простите меня... Мнѣ стыдно теперь за себя... Какъ мало я васъ зналъ!... О, и я буду васъ любить! Что-то говоритъ мнѣ, что именно васъ... тебя мнѣ и не доставало! Къ тебѣ я съумѣю привязаться... но ты... ты-то не бросишь меня?... (*Китти, улыбаясь, качаетъ головой*). Ахъ, это было-бы ужасно! Видишь ли—я все потерялъ! Не спрашивай: какъ, отчего, почему?... Не надо, не надо объ этомъ и думать! И ты должна будешь замѣнить мнѣ все... все! О, тогда я снова начну работать... Снова!... И ты увидишь, что во мнѣ не изсякъ еще источникъ вдохновеній... (*прижимаетъ ее къ себѣ*). Такъ ты моя?.. и любишь?

Кит. Люблю!... (*За сценой слышны голоса.*) Сюда идутъ!

Вил. Моя! Моя!

Кит. Постой...будетъ! Кажется Вейсъ идетъ! Я не хочу попасть ему на зубокъ... Уйди... Оставь меня одну... (*Вилли цѣлуетъ ее и уходитъ; Китти усаживается въ кресло и разсматриваетъ альбомъ; входитъ г-жа Яникова*).

ЯВЛЕНІЕ X-е.

Китти и г-жа Яникова.

Я-ва. Простите, я вамъ не помѣшаю?

Кит. (*вздрагивая*) Нѣтъ, нѣтъ, пожалуйста... Мы сейчасъ только разговаривали съ Вилли... Вы конечно догадываетесь—о чемъ...

Я-ва. И мой сынъ сказалъ вамъ все...

Кит. Все, все!

Я-ва. И что же?

Кит. Зачѣмъ вы смотрите на меня такъ строго? Я понимаю: вамъ трудно чувствовать ко мнѣ хоть что нибудь, похожее на любовь... но...

Я-ва. Такъ вы, значитъ, знаете?

Кит. Что?

Я-ва. Она еще спрашиваетъ! Боже мой! Что я должна отвѣчать... (*Тихо*) Что вы обмануты...

Кит. Я?... Нѣтъ!... Да!... Какъ обманута... кѣмъ... что вы хотите этимъ сказать?..

Я-ва. Такъ онъ скрылъ отъ васъ?..

Кит. Господи!... Да не мучьте вы меня!..

Я-ва. Нѣтъ, не могу... Я не въ силахъ!... (*Въ волненіи.*) Слушайте же: ваша тетя его любов...ни...ца!

Кит. Такъ, значитъ, это правда?!.. Любовница! Это ужасно! Но, вы, вы—не должны бы были говорить мнѣ объ этомъ! И онъ отрекся... обманулъ... Боже, Боже! О, я видала различныя пары: видала мужей, обманывавшихъ своихъ женъ, видала женъ, наставлявшихъ рога своимъ мужьямъ... Все это въ порядкѣ вещей... Но что-бы падругаться такъ надъ беззащитной дѣвушкой... нѣтъ... это слишкомъ, слишкомъ! (*Кидается съ рыданіемъ на кушетку*).

Я-ва. (*склоняясь надъ нею*) Бѣдная дѣвушка! Развѣ мнѣ, родной матери, легко было рѣшиться... Но это...мой долгъ... Лучше раньше, чѣмъ послѣ... Повѣрьте, какъ ни сильно вы страдаете, мнѣ еще тяжелѣе вашего... Я—мать его!

Кит. Умоляю васъ, оставьте меня одну... Какъ благодѣянія прошу... Уйдите... Уйдите...

Я-ва. (*хочетъ что то сказать, но не можетъ и медленно уходитъ*).

Кит. (*нѣсколько мгновеній лежитъ неподвижно, потомъ стремительно вскакиваетъ и отираетъ слезы*). Вонъ, вонъ отсюда! Ни одной секунды дольше! Ахъ, если бы только у меня были деньги... Тамъ... въ письменномъ столѣ есть... Но чтобы ихъ достать, я должна пройдти мимо... Нѣтъ, ни за что! Я не хочу ее видѣть... Гадко... противно! Любовница! О, неужели я должна еще здѣсь оставаться... (*Слѣва входитъ Роза.*)

ЯВЛЕНІЕ XI-е.

Китти и Роза.

Роза. Барышня, въ швейцарской какой-то господинъ — незнакомый — непремѣнно хочетъ войдти... Гансъ его не пускаетъ...

Кит. Есть у васъ деньги?

Роза. Деньги?... Какія у насъ деньги!

Кит. Нѣтъ? Ну, такъ принесите сюда поскорѣй мой теплый платокъ... только, чтобъ никто не замѣтилъ... Слышите?

Роза. Слушаю-съ! (*Уходитъ.*)

Кит. На мнѣ есть брильянты... Денегъ дастъ и швейцаръ...

Роза (*возвратившись*). Извольте...

Кит. Если меня хватятся, скажите, что я пошла купить... впрочемъ... все равно, что хотите придумайте...

Роза. Барышня, что это вы вздумали?.. Ночью-то!..

Кит. Не ваше дѣло... Да! Вотъ еще что... (*Задумывается.*) Впрочемъ, ничего... Да, да!.. Такъ и скажите! (*Уходитъ.*)

Роза. Что за чудеса! Ужъ не рехнулась ли она! (*Хочетъ бѣжать вслѣдъ.*)

ЯВЛЕНІЕ XII-е.

Роза, Вилли, г-жа Яникова и Ниманъ (*послѣдніе трое выходятъ изъ среднихъ дверей*).

Вил. Китти! (*Розѣ.*) Вы не видали барышню?

Роза. Онѣ-съ ушли... купить что-то... или прогуляться...

Вил. Что вы путаете? Давно ли?... Когда?

Роза. Только что передъ вами...

Вил. А, только что! (*Бѣжитъ къ дверямъ.*)

Я-ва. Куда ты? (*Удерживаетъ.*) Вилли! Послушай! Подожди.

Ним. (*хватаетъ его за руку*). Опомнись... Слышишь, Вилли!

Вил. Пустите, пустите меня! Что вы понимаете въ томъ счастьи, котораго я жажду..?! Вы—жалкій моралистъ... филистеръ...

Ним. Ругайся, ругайся, а все-таки я тебя не пущу!

Вил. (*вырываясь*). Пустите, говорятъ вамъ... Я догоню ее... я все скажу и добьюсь, добьюсь своего... А! Вы не хотите! (*Происходитъ борьба.*) Да, дашь ли ты мнѣ, наконецъ, дорогу! (*Въ комнату вбѣгаетъ Крамеръ.*)

ЯВЛЕНІЕ XIII-е.

Тѣ же и Крамеръ.

Я-ва. Крамеръ!? Вы зачѣмъ!?

Вил. А! (*вырывается и убѣгаетъ.*)

Крам. (*страшно взволнованъ*). Клерхенъ здѣсь?

Я-ва. Какъ, здѣсь?

Крам. Ну, да! Она переодѣлась въ бальное платье и сказала, что идетъ сюда...

Я-ва. Боже милостивый! Ниманъ, слышите...

Ним. Говорятъ же вамъ, что ее нѣтъ здѣсь!

Крам. Такъ гдѣ же она?.. гдѣ?..

Я-ва. Убѣжала!... А, теперь я все понимаю! Несчастная!

ЯВЛЕНІЕ XIV-е.

Тѣ же Адда и гости.

Адда (*раскрывая портьеру и хлопая въ ладоши*). Господа, кадриль, кадриль! (*Дѣлаетъ шагъ впередъ и изумленно осматривается вокругъ; изъ залы выходятъ гости.*)

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Новая мастерская Вилли. Обстановка роскошная: звѣриныя шкуры, восточные ковры, дорогая мебель, старинное оружіе, мольбертъ, каминъ, кушетки подъ балдахиномъ, другая на переднемъ планѣ. Направо окно и дверь. На двери виситъ приподнятая портьера, такъ что видна спальня, освѣщенная цвѣтнымъ фонаремъ. Въ каминѣ слабый огонь—единственное освѣщеніе—такъ что на сценѣ полумракъ.

ЯВЛЕНІЕ I-е.

(*При поднятіи занавѣса сцена пуста. Слышно, какъ снаружи отпираютъ дверь, затѣмъ входитъ* **Вилли**, *поддерживая* **Китти**, *которая въ изнеможеніи прислонилась къ нему на плечо. Оба направляются къ кушеткѣ, стоящей возлѣ камина, на которую Китти и ложится. Вилли сбрасываетъ съ себя шубу на стулъ, шляпу на другой и спускаетъ занавѣски въ спальню.*)

Вил. Китти! (*Отъ нея нѣтъ; Вилли становится передъ ней на колѣни.*) Китти! Славная моя .. дорогая... Ну, приди же въ себя... Скажи хоть одно словечко! (*Любовно гладитъ ея руку.*)

Кит. (*словно пробуждаясь*). Гдѣ я?

Вил. Тамъ, гдѣ и должна быть... гдѣ ждутъ тебя и любовь, и счастье, и радость... безъ конца... дорогая!

Кит. Но какъ я сюда попала?...

Вил. Дѣточка моя! Она все забыла! Помнишь, какъ грохотала надъ нами буря... какъ небо бороздили тучи... Пускай бушуетъ вѣтеръ... Пускай огненная лава пойдетъ вмѣсто дождя... Намъ не страшно! Тѣмъ горячей я сожму въ своихъ объятіяхъ мою Китти, тѣмъ крѣпче прижмется она ко моей груди... Правда, вѣдь правда? (*Китти дрожитъ и плотнѣе закутывается въ платокъ.*) Ты дрожишь!?.. Ты все еще сердишься!? Китти, ты должна простить мнѣ...

Кит. Простить?

Вил. (*улыбаясь*). Неужели нѣтъ? Если-бъ ты только знала, какъ не легко мнѣ это до-

сталось!.. Я и не подозрѣвалъ, что ты такая упрямая...

Кит. И вы теперь рады? (*Боязливо осматривается кругомъ.*) Нѣтъ... нѣтъ... пустите... я не хочу здѣсь оставаться... Мнѣ страшно.

Вил. Будь же благоразумнѣй!

Кит. Что вамъ отъ меня нужно? Слышите? Пустите меня... Мучитель!

Вил. Китти, Китти! Опомнись! Что мы дорогой говорили?

Кит. Говорили вы... только вы... одинъ... И насильно! Я ничего не хотѣла слушать... Я васъ гнала отъ себя... а вы все шли и шли...

Вил. (*со смѣхомъ*). Конечно, я шелъ, что же мнѣ оставалось дѣлать!

Кит. (*горячо*). Вы воспользовались моей слабостью... Это не честно... (*Быстро встаетъ и хочетъ бѣжать; Вилли догоняетъ.*) Пустите меня! (*Происходитъ борьба.*)

Вил. (*твердо*). Нѣтъ, не пущу!

Кит. Я закричу... (*Кричитъ.*) Помогите! помогите!

Вил. Ха, ха, ха! Не помогутъ... Перестаньте... Мы одни въ цѣломъ домѣ... Никто не услышитъ...

Кит. Негодяй!

Вил. Прекрасно! А все-таки я васъ не выпущу! Послушай! Будемъ говорить подружески! Быть можетъ, въ первый разъ въ своей жизни, но сегодня я могу поручиться честью за свое поведеніе... Тебя здѣсь никто не тронетъ и пальцемъ... Клянусь! Останься же, Китти, останься! Неужели въ твоемъ сердцѣ не найдется жалости?..

Кит. Къ любовнику моей тетки?..

Вил. Забудь объ этомъ!.. Развѣ мы не хотѣли начать новую жизнь?.. Развѣ не ты сама говорила, что мы двѣ заблудшія души?.. И теперь ты же первая хочешь бросить меня въ ту минуту, когда передо мной промелькнули лучи счастья?... (*Китти молчитъ.*) И развѣ ты не обѣщала простить мнѣ все прошлое?.. Вспомни-ка!.. Развѣ я не предупреждалъ тебя, какой я жалкій, ничтожный, истрепанный человѣчишко? Что ты мнѣ отвѣчала на это? За что ты отталкиваешь теперь? Развѣ это не жестоко! О, у меня много еще нашлось бы сказать тебѣ... но я молчу, молчу, потому что вижу, какъ улыбка скользитъ по лицу моей Китти... какъ ласково свѣтятся ея глазки... потому что она любитъ этого негоднаго Вилли... потому что... правда, вѣдь правду я говорю? О, я безконечно счастливъ... я... (*Задумывается.*) Нѣтъ, нѣтъ! Не надо объ этомъ и думать!... Не надо!... Слушай, Китти, когда-то я умѣлъ хорошо смѣяться... Ха, ха, ха! Нѣтъ не такъ... но это придетъ, придетъ еще... Чего ты дрожишь? (*Китти молчитъ.*) Все боишься? Да? (*Китти качаетъ головой.*) Или холодно?

Кит. (*робко*). Холодно!

Вил. Сними же свой мокрый платокъ! Постой... Тутъ у меня есть пледъ! Ты даже и не переодѣлась! (*Приноситъ пледъ и укутываетъ.*) Вотъ такъ... Теперь подвинемъ кресло къ каминѣ... тамъ есть еще огонь... (*Подвигаетъ кресло; вдругъ останавливается и со стономъ хватается за грудь.*)

Кит. Что съ тобой... что съ вами?

Вил. Ничего! Но отчего ты не хочешь говорить мнѣ «ты»? (*Съ улыбкой.*) Все равно ужъ не поможетъ! (*Садится въ кресло рядомъ.*) Обрати вниманіе: что за удивительная вещь, этотъ огонь, дружочекъ! Нѣтъ, я лучше скажу: женушка, потому что этотъ огонь — первый въ нашемъ союзѣ... Ахъ, какъ свято я буду чтить его всю нашу жизнь! Да! Ниманъ настоящій оселъ съ своими взглядами! (*Нервно*). Ну, что бы я сталъ дѣлать, если бы ты вздумала разыгрывать невинность! Ничего бы тогда у насъ и не вышло! Я попрежнему думалъ бы о тебѣ, какъ о самой обыкновенной барышнѣ... А развѣ *такая* жена нужна человѣку, который близокъ къ гибели!? Нѣтъ! Все на свѣтѣ идетъ къ лучшему! И тебя самъ Богъ мнѣ послалъ... Иначе это и быть не можетъ! Ну, скажи, неужели ты все еще хочешь уйти?

Кит. Нѣтъ, Вилли!.. Я остаюсь... Ты такой несчастный...

Вил. Наконецъ-то! (*Привлекаетъ ее къ себѣ.*) Знаешь, что мнѣ сейчасъ представилось? Сидимъ мы съ тобой, точно сказочныя дѣти... на необитаемомъ островѣ... Кругомъ бушуетъ море... небо все тучами заволокло... а мы, точно на зло всему, счастливы и довольны... Да, на зло всему, что носитъ на себѣ печать условности, на зло всѣмъ пошлымъ приличіямъ и глупымъ обычаямъ, которые только мѣшаютъ людямъ наслаждаться счастьемъ... Какая же имъ цѣна послѣ этого!.. Ну, теперь спустимся на землю! Прежде всего, твой опекунъ...

Кит. Онъ очень мало интересуется мною...

Вил. Можетъ быть, онъ передастъ свои права (*останавливается*) тетѣ Ад...

Кит. Ничего, ничего, договаривай! Ея имя еще часто будетъ произноситься между нами! Не скоро улетучится этотъ призракъ...

Вил. Но онъ улетучится, не правда-ли?

Кит. Будь покоенъ! Отъ меня ты больше никогда не услышишь упрека.

Вил. Умница моя! Ну, а теперь о себѣ разскажу... Я получилъ очень выгодное предложеніе черезъ Вейса... Одинъ американецъ желаетъ разукрасить свой дворецъ.. Тутъ можно много заработать... Какъ только мы обвѣнчаемся, такъ и махнемъ...

Кит. Да, да! Подальше, подальше отсюда! (*На улицѣ слышенъ шумъ.*) Что тамъ такое?..

Вил. Шумятъ... Должно быть, какой-нибудь пьяница...

Кит. Мнѣ страшно... Зажги, пожалуйста, огонь...

Вил. Какая же ты трусиха! (*Зажигаетъ лампу*).

Кит. Меня просто гнететъ этотъ полумракъ, да и все здѣсь не нравится! (*Шумъ на улицѣ удаляется*).

Вил. Я теперь самъ ненавижу эту студію. И какъ только я могъ думать, что въ этомъ гробу можно работать!

Кит. Сколько тутъ оружія!

Вил. Завтра же переѣдемъ въ меблированныя комнаты и примемся за работу! Ну, скажи... но откровенно. Какъ ты думаешь: способенъ я еще на что нибудь?

Кит. Въ этомъ я никогда и не сомнѣвалась!

Вил. Да, да! Я еще чувствую въ себѣ довольно силы. (*Показываетъ на руки.*) Еще могутъ, могутъ поработать! Ха, ха, ха! Все было бы хорошо, если-бъ... (*задумывается.*)

Кит. О чемъ ты задумался?

Вил. Нѣтъ, не надо, не надо объ этомъ думать!.. Такъ себѣ... ничего!

Кит. (*ласкаясь*). Ну, разсмѣйся же еще разочекъ. Ну, ну... ты такъ хорошо смѣешься!

Вил. (*пробуетъ*). Ха, ха, ха! Нѣтъ, не выходитъ... Это все не то... (*Шумъ за сценой снова усиливается.*) Что такое, въ самомъ дѣлѣ?...

Кит. (*Прижимаясь къ Вилли*). Ужъ не за мной ли?...

Вил. Пускай попробуютъ! (*Идутъ вмѣстѣ къ окну.*) Эге! Да тутъ цѣлая компанія!

Кит. Смотри, они идутъ сюда! (*Сильный звонокъ въ колокольчикъ. Китти вскрикиваетъ и прижимается къ Вилли.*) Это за мной, навѣрно за мной!

Вил. Не бойся! Я съумѣю указать имъ на дверь. (*Отворяетъ окно.*) Кто звонитъ?

Голосъ Крамера (*за сценой*). Вилли! Отвори!

Вил. Что случилось?

Голосъ Крамера. Скорѣе! Скорѣе!

Вил. (*захлопываетъ окно*). Не безпокойся! Это одинъ мой пріятель... Спрячься пока... вотъ хоть сюда! (*Китти прячется за драпировку. Вилли уходитъ. Пауза. Китти выходитъ изъ за драпировки и прислушивается... Раздается крикъ Вилли... Снова тишина, потомъ слышны чьи-то невѣрные шаги. Китти прячется.*)

ЯВЛЕНІЕ II-е.

Китти, Вилли, *потомъ* **Крамеръ.**

Вил. (*съ искаженнымъ лицомъ, испуганный стоитъ въ дверяхъ.*) Туда! Туда! Не сюда! (*Захлопываетъ дверь и бѣжитъ черезъ всю сцену къ камину; бросается на кушетку, слышны рыданія; за сценой глухіе голоса и шаги.*)

Кит. (*выскакиваетъ изъ за занавѣски*). Что случилось? (*Вилли молчитъ; изъ спальни показывается Крамеръ, блѣдный, выпачканный.*)

Крам. Вилли! Пойди же сюда!..

Кит. (*отдергиваетъ занавѣску и вскрикиваетъ*). Она!.. Она!.. (*Выбѣгаетъ изъ комнаты.*)

Крам. Успокойся же... Надо быть мужественнѣй... Я потерялъ больше...

Кит. (*входитъ снова*). Она—мертвая?..

Крам. Что? Что вамъ нужно? Кто вы?..

Кит. Не все-ли равно! Она умерла?

Крам. Развѣ вы не видите?

Кит. Гдѣ вы нашли?

Крам. Здѣсь, въ капалѣ...

Кит. Послали за докторомъ? Быть можетъ, не все еще потеряно?

Крам. Сейчасъ приведутъ... Но ужъ поздно! (*Въ изнеможеніи опускается въ кресло.*) Ужъ никто теперь не поможетъ!

Вил. (*упавшимъ голосомъ*). Китти!

Кит. Что тебѣ?

Вил. Дома—мать въ неизвѣстности... Съѣзди—приготовь...

Кит. Да, да! Слѣдуетъ...

Крам. Не безпокойтесь... ее извѣстятъ...

Вил. Нѣтъ... Я буду покойнѣе, если сдѣлаешь это ты... Съѣзди... Швейцаръ проводитъ... Только переодѣнься... Такъ нельзя!.. Попроси у его жены какое-нибудь платье. Тамъ и переночуй... Я тебя прошу...

Кит. Несчастная дѣвушка!.. И какъ она могла рѣшиться! А я еще ей позавидовала. Ну, до свиданія... до завтра...

Вил. Да... до завтра!

Кит. (*хочетъ поцѣловать Вилли*). Поцѣлуй же на прощанье...

Вил. (*со страхомъ*). Нѣтъ... нѣтъ... Не прикасайся... Грѣхъ... Нельзя...

Кит. Вилли... Что съ тобой, Вилли?!

Вил. Иди! Иди! (*Китти медленно уходитъ, оборачивается назадъ, пристально смотритъ на Вилли, хочетъ что-то сказать, машетъ рукой и уходитъ.*) Вотъ! Вотъ! Рухнула и послѣдняя надежда! Что же мнѣ остается дѣлать?.. (*Становится на колѣна передъ занавѣской и прячетъ въ нее свое лицо.*) Клерхевъ, сжалься! Я—подлецъ... мерзавецъ... негодяй... но я не хотѣлъ быть твоимъ убійцей...

Крам. Вилли! Опомнись! Что ты говоришь?

Вил. (*вставая*). А! Ты думаешь, что я спятилъ?!.. Слушай, дружище! Я многимъ тебѣ обязанъ: ты и голодалъ ради меня, и холодалъ, и всю жизнь себѣ испортилъ. Окажи же послѣдвюю услугу: убей меня, убей какъ собаку!

Крам. Одумайся, Вилли! Что съ тобой!?

Вил. (*рѣзко перебивая*). Да, да, да! Я не могу выносить больше... Меня душитъ... жжетъ... Ахъ! Съ ума сойти можно... (*Хватаетъ его за руку.*) Смотри... смотри... Это дѣло моихъ рукъ... Я, одинъ я, виноватъ въ ея смерти...

Крам. Ты... мнѣ... мою...

Вил. (*изступленно*). Она меня любила вся, понимаешь-ли, вся отдалась мнѣ. Да, да, наканунѣ моей помолвки! Что же ей оставалось дѣлать?! И она пришла къ моему дому... и утопилась... И вотъ, она здѣсь... мертвая, но все-таки здѣсь... словно хозяйка...

Крам. Такъ это правда!? Ты... убійца?! . Повтори... (*Схватываетъ его за грудь и душитъ.*) Ссоббака... Гадина... А, ты хрипишь... Я задушу тебя своими руками... змѣя... (*Дико.*) За что ты ее погубилъ? За что?.. (*Кидается къ Клерхенъ.*) Клерхенъ, Клерхенъ! (*Убѣгаетъ.*)

Вил. (*медленно поднимается на колѣна*). Такъ—все кончилось!.. (*Утираетъ губы.*) А! Кровь!? Ужъ не конецъ ли?! Ну, что-жъ... «Гибель Содома»... Конецъ... Голубка моя... прости... прости... Проклятая баба... ты меня погубила!.. Какъ здѣсь тихо... темно... точно въ гробу... Никого нѣтъ... Да! Сколько любви я видѣлъ въ жизни... и вотъ: умирать пришлось одинокимъ... Неужели въ самомъ дѣлѣ смерть? Нѣтъ... это просто обморокъ... упадокъ силъ... и Крамеръ сильно сдавилъ горло... Сейчасъ же примусь за работу... Вѣдь мнѣ столько еще нужно сдѣлать... (*Съ усиліемъ приподнимается.*) Ахъ, какъ прекрасна она... даже и мертвая... Словно—спитъ... тихимъ, сладкимъ сномъ... Я долженъ сейчасъ же сдѣлать эскизъ... на память... О чемъ? Нѣтъ, не надо, не надо объ этомъ и думать! (*Шатаясь, идетъ къ мольберту и схватываетъ карандашъ.*) Что это... туманъ... звонъ... кого-то хоронятъ... Неужели—смерть... Нѣтъ, нѣтъ! Я не хочу умирать... Не хочу... Спасите... Прочь... Я работать хочу... Китти... Я... хо... чу... ра... бо... та... ть... (*Опрокидывается назадъ, захватывая съ собой и мольбертъ.*)

7733

Общее число ролей. Роли дѣтскія и выходныя.	Число дѣйствій. Названіе пьесъ и декорацій.	Число ролей. Старыхъ. Мужскихъ.	Старыхъ. Женскихъ.	Молодыхъ. Мужскихъ.	Молодыхъ. Женскихъ.
3 м., 1 ж.	**Угнетенная невинность,** ком.-шут. съ пѣн., перед. съ нѣм. В. Крылова.—Комната.	2 ком.	—	1 люб.	1 ing. ком.
2 м., 2 ж.	**Увіе башмаки,** вод., перев. съ фр. П. Ѳедорова.—Комната.	—	—	1 люб.,1 пр.	2 ing. ком.
3 м., 4 ж.	**Умъ за разумъ зашелъ,** орнг. ком., Н. Леонтьева.—Комната.	1 ком.	1 ком., 1.	1 ком. люб., 1 ком.	1 ing. ком., 1 gr. d.
2 м.	**У профессора драматическаго искусства,** сцена-діалогъ.	—	—	1 рез. др., 1 пр.	—
3 м., 3 ж.	**Упрямство и настойчивость,** ком., Бенедикта, перед. съ нѣм. Г. Стойкова.—Комната. *Примѣчаніе.* Та же комедія въ другой передѣлкѣ, въ 3 д., наз. „Слава Богу, что мужъ лапоть сплелъ".	1 ком.	1 gr. d. ком.	1 люб., 1 пр.	1 gr. d. ком., 1 ing. ком.
5 м., 1 ж., вых. 1 м.	**Утка и стаканъ воды,** вод., перед. съ фр. П. Ѳедорова.—Комната.	1 ком.	—	1 люб., 1 пр., 2	1 ing. ком.
5 м., 1 ж.	**Утро дѣлового человѣка,** сц., Гоголя.—Комната.	2 ком.	1 gr. d.	3.	—
3 м., 2 ж.	**Утро послѣ свадьбы,** вод., перев. съ фр. кн. Е. Урусова.—Комната.	—	—	1 люб., 1 ком., 1 пр.	1 ing. ком., 1.
3 м., 5 ж.	**Уѣздный Шекспиръ,** ком., И. Гурлянда.—Комната. („Артистъ" № 6).	1 рез. ком.	2 ком.	2 рез. ком.	1 ing., 2 ком.
4 м., 2 ж.	**Фальшивая тревога, или Все то хорошо, что весело кончается,** шут.-вод., И. П. Зазулина.—Комната.	2 ком.	—	1 ком., 1 пр.	2 ing. ком.
4 м., 2 ж.	**Фальшивая тревога, или Не шути огнемъ—обожжешься,** ком., П. Каратыгина.—Комната.	1 ком., 1 рез.	—	1 люб., 1.	1 gr d. ком., 1 ing.
8 м., 3 ж., вых. 8 м.	**Филатка и Мирошка—соперники, или Четыре жениха и одна невѣста,** вод., П. Григорьева.—Деревня.	3 ком., 1.	1.	1 люб, 2 пр., 1.	1 gr. d., 1.
3 м., 2 ж.	**Фортункинъ, или Мужъ съ мѣста, а другой на мѣсто,** вод., перед. съ фр. Д. Ленскаго.—Комната.	—	—	2 люб., 1.	1 gr. d. ком., 1 ing. ком.
3 м., 2 ж.	**Фотографъ-любитель,** шутка, Э. Э. Матерна.—Садъ, въ немъ домъ и бесѣдка. („Артистъ" № 6).	1 ком.	—	1 л., 1 ком.	2 ing. ком.
4 м., 2 ж.	**Фофочка,** вод., подраж. фр. К. Тарновскаго и П. Вѣгичева.—Комната. *Примѣчаніе.* Этотъ же водевиль, въ другой передѣлкѣ, назыв. „Зять подъ надзоромъ".	1 ком.	—	1 люб., 1 рез., 1.	2 gr. d. ком.
5 м., 3 ж.	**Хлопчатая бумага, или У страха глаза велики,** вод., Г. Б.—Комната.	1 ком., 1.	2 ком.	1 люб., 1 пр., (пѣш.) 1.	1 ing. ком.
2 м., 1 ж.	**Холостой и женатый,** ком. съ куплетами, перев. съ фр. Ѳ. Руднева.—Комната.	—	—	1 люб., 1 пр.	1 ing. ком.
4 м., 3 ж.	**Хороша и дурна, и глупа и умна,** вод., перед. съ фр. Д. Ленскимъ.—Комната.	1 рез., 2 ком.	1 ком.	1 люб.	1 ing. ком.
8 м., 4 ж.	**Хорошъ Петербургъ, да друзья одолѣли,** ком.-вод., П. Григорьева 2-го.—Комната.	—	1 ком.	2 пр. (куп.), 6.	1 ing. ком., 2.
7 м., 3 ж., вых. 1 м.	**Хоть тресни, а женись,** ком., Мольера въ стихахъ, перев. Д. Ленскаго.—Улица.	1 ком. рез., 4 ком.	—	2 люб.	1 ing. ком., 2.
3 м., 3 ж.	**Хоть умри, а найди дочкѣ мужа,** вод. перед. съ фр. С. Байкова.—Комната. *Примѣчаніе.* Этотъ же водевиль, въ другомъ переводѣ, назыв. „Слѣдствіе перваго брака".	1 ком.	1 ком.	1 пр., 1 ком.	2 ing. ком.
1 м., 1 ж.	**Хочу быть актрисой, или Двое за шестерыхъ,** шут.-вод., П. Ѳедорова.—Комната.	—	—	1 люб.	1 ing. ком.
4 м., 2 ж., дѣт. 1 м. 14 л.	**Цирульникъ изъ Рогожской и парикмахеръ съ Кузнецкаго моста,** вод. съ куплет.—Комната.	2 ком.	1 gr. d. ком.	1 ком., 1.	1 ing.

ЧЕРЕЗЪ КОНТОРУ НАШЕГО ЖУРНАЛА МОГУТЪ БЫТЬ ВЫПИСЫВАЕМЫ:

„Въ память С. А. Юрьева“, сборникъ, изданный друзьями покойнаго. Цѣна 2 руб. 50 коп. (Осталось небольшое количество экземпл.)

Собраніе сочиненій А. Н. Островскаго, новое изданіе въ 10 томахъ. Цѣна 16 р.

„Сборникъ въ пользу голодающихъ“, изданіе редакціи журнала „Русская Мысль“. Цѣна 1 руб., съ пересылкою 1 руб. 25 коп.

„Арсеній Гуровъ“, др. въ 5 д. В. М. Михеева. Цѣна комплекта въ 14 экземпл. (по числу ролей)—7 руб.

„Въ слѣдующій разъ“, монологъ въ 1 д. Грене д'Анкура, перев. съ французскаго Ѳ. А. Куманина. Цѣна 30 коп.

„Въ сонномъ царствѣ“, ком. И. Я. Гурлянда. Цѣна комплекта въ 12 экз. (по числу ролей) — 6 руб.

„Господа Театралы“, ком. въ 1 д. И. Л. Щеглова. Цѣна 1 руб.

„Для публичнаго чтенія“, стихотворенія П. И. Кичеева. („Европейскій театръ“ № 1). Цѣна 1 руб.

„Жоржинька“, ком.-шутка въ 2 д. Чека. Цѣна 50 к.

„Жрица искусства“ „Свободная художница“, комедія въ 4 д. Е. П. Карпова. Цѣна комплекта въ 16 экз. (по числу ролей)—8 руб.

„Звѣзда Севильи“, трагед. Лопе де-Вега, переводъ С. А. Юрьева. Цѣна 1 р.

„Изъ жизни мелкихъ людей“. Юмористическіе очерки П. М. Невѣжина. Цѣна 1 руб.

„Ксенія и Лжедмитрій“, драма въ 5 д. и 7 карт., въ стихахъ. Н. Пушкарева. („Европейскій театръ № 1). Цѣна 1 руб.

„Ликвидація“, ком. въ 1 д. Пальерона. Перед. Э. Маттернъ („Европейскій театръ“ № 1). Цѣна 1 руб.

„Милостники и опальные“, драма въ 4 д. и 5 карт., въ стихахъ, и другія стихотворенія. М. И. Лаврова. Цѣна 2 руб.

„На земской нивѣ“, др. въ 5 д. Е. П. Карпова. Цѣна 50 коп.

„Немезида“, ком. въ 4 д. Николая Александровича. („Европейскій театръ“ № 1). Цѣна 1 руб.

„Перекати поле“, ком. П. Гнѣдича. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Перовъ В. Г. 60 фототипій съ его картинъ, съ біографіей, написанной г. Собко. Изданіе Д. А. Ровинскаго. Цѣна 10 руб., въ перепл. 12 р.

„Ранняя осень“, др. Е. П. Карпова. Цѣна комплекта въ 10 экземпл. (по числу ролей) — 5 руб.

„Сильнодѣйствующее средство“ или „Лучше поздно, чѣмъ никогда“ („Doktor Klaus“), ком. въ 5 д. Аронжа, передѣл. съ нѣмецкаго Ѳ. А. Куманинымъ. Цѣна 1 руб. 50 коп., для подписчиковъ нашего журнала—1 руб.

„Тяжкая доля“, др. въ 4 д. и 5 карт. Е. П. Карпова. Цѣна 50 коп.

„Цитварный ребенокъ“, вод. въ 1 д. В. Холостова. Цѣна 40 коп.

„Честь“, ком. въ 4 д. Г. Зудермана, переводъ Н. К. Цѣна комплекта въ 16 экз. (по числу ролей)—8 руб.

Фотографическіе кабинетные портреты артистовъ Н. А. Никулиной, М. К. Заньковецкой, А. И. Южина и Н. И. Музиля. Цѣна по 1 руб., для подписчиковъ по 65 к.

и всѣ драматическія произведенія, существующія въ продажѣ.

Гг. подписчики на журналъ „АРТИСТЪ“ за пересылку не платятъ.

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ въ 19 день Мая 1889 года ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕ соизволилъ на открытіе при Комитетѣ Общества Русскихъ Драматическихъ Писателей и Оперныхъ Композиторовъ повсемѣстнаго по Имперіи сбора пожертвованій на сооруженіе

въ городѣ Москвѣ

ПАМЯТНИКА

покойному драматическому писателю

А. Н. ОСТРОВСКОМУ.

О такомъ ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕМЪ соизволеніи Комитетъ Общества Русскихъ Драматическихъ Писателей и Оперныхъ Композиторовъ, поставляя въ общую извѣстность, покорнѣйше проситъ адресовать денежныя пожертвованія въ Москву казначею Общества д. с. с. Аполлону Александровичу Майкову.

Стр.

Корреспонденціи изъ Мерана и Вѣны 172

XII. ХРОНИКА 177

ПРИЛОЖЕНІЯ:

XIII. ЕЛКА, ком. въ 1 д. **Вл. Ив. Немировича-Данченко** 1

XIV. ЛѢТНЯЯ КАРТИНКА въ 1 д., **Т. Л. Куперникъ** 14

XV. ГИБЕЛЬ СОДОМА, драма въ 5-ти д., **Г. Зудермана**, переводъ П. К. . 20

XVI. ПОДЪ ОБЛАКАМИ, картина **А. А. Киселева** . . . . } (Фототипіи гг. Шереръ, Набгольцъ и К° въ Москвѣ).

XVII. ГР. Л. Н. ТОЛСТОЙ ВЪ СВОЕМЪ КАБИНЕТѢ, картина **И. Е. Рѣпина**. }

XVIII. ПОДРУГИ, картина **Н. А. Ярошенко** (фототипія Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К° въ Москвѣ).

XIX. СКАЗКА О ЗОЛОТОМЪ ПѢТУШКѢ. А. С. Пушкина, *акварель* гр. **Θ. Л. Соллогуба**. Листъ 6-й.

Клише картинъ, заставокъ и виньетокъ исполнены фирмами Баше въ Парижѣ, Бонъ въ Берлинѣ и П. О. Яблонскаго въ Петербургѣ.

Отъ редакціи.

Редакція и **контора** (Москва, Страстной бульваръ, д. Адельгеймъ) **открыта** ежедневно, отъ 11 до 5-ти часовъ дня, а по воскресеньямъ отъ 12 до 1 часу.—Личныя **объясненія съ редакторомъ** по понедѣльникамъ и пятницамъ отъ 12 до 1 часу дня.

Редакція **отвѣчаетъ только на тѣ письма**, къ которымъ приложены почтовыя марки.

За перемѣну адреса уплачивается 25 коп. **Билеты на полученіе журнала высылаются** только тѣмъ иногороднимъ подписчикамъ, которые приложатъ при высылкѣ подписки—19 коп. почтовыми марками.

Жалобы на неполученіе какой-либо книги журнала обращаются **исключительно** въ редакцію, съ указаніемъ нумера, напечатаннаго на адресѣ подписчика, и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала не была получена.—Жалобы должны быть сообщаемы въ редакцію не позже полученія слѣдующей книги.

Книгопродавцамъ дѣлается уступка по 50 коп. съ годового экземпляра. **Кредита** и **разсрочекъ** по доставленнымъ ими подпискамъ **не допускается.**

Доставленныя въ редакцію **статьи** должны быть подписаны авторомъ и снабжены его адресомъ.—Статьи, присланныя въ редакцію безъ обозначенія условій гонорара, считаются безплатными.—**Гонораръ** уплачивается **только** за статьи, уже напечатанныя въ журналѣ, и по истеченіи двухъ недѣль со дня выхода книжки. **Авансы не выдаются.**—Сочиненія, принятыя для напечатанія въ журналѣ, подлежатъ, въ случаѣ надобности, **сокращенію** и **исправленію.**—Сочиненія, признанныя редакціей неудобными къ помѣщенію въ журналѣ, **возвращаются** авторамъ безъ объясненія причинъ.—**Обратная пересылка** такихъ произведеній ихъ авторамъ производится на счетъ авторовъ.—Сочиненія, признанныя редакціей неудобными для напечатанія въ журналѣ, **хранятся** въ редакціи втеченіе **шести** мѣсяцевъ и затѣмъ уничтожаются; мелкія же статьи, объемомъ менѣе печатнаго полулиста журнала, храненію не подлежатъ.

Гг. артисты, ищущіе ангажемента, и гг. антрепренеры, ищущіе артистовъ, благоволятъ присылать въ редакцію свои заявленія, которыя безплатно печатаются въ журналѣ.

Дозволено цензурою. Москва, октябрь 1892 г.

„АРТИСТЪ“

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „Дневника Артиста“

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕМѢСЯЧНО ДВѢНАДЦАТЬ РАЗЪ ВЪ ГОДЪ.

Съ сентября по апрѣль выходятъ книжки *„Артиста“* въ 25—35 листовъ, а съ апрѣля по сентябрь въ томъ же форматѣ и по той же программѣ—*„Дневника Артиста“* книжками отъ 5 до 8 лист.

Подписная цѣна **на годъ** съ января (7 кн. «Артиста» и 5 кн. «Дневника Артиста»)—**10 р.**, съ доставкой и пересылкой **12 р.**, за границу—**14 р.**

вмѣстѣ съ „Театральною Библіотекой“ на годъ (7 книгъ „Артиста“, 5 кн. „Дневника Артиста“ и 12 книгъ „Театр. Библіотеки“) 13 р., съ перес. 16 р., за границу 18 руб.

Для лицъ, подписавшихся въ редакціи, допускается РАЗСРОЧКА: при подпискѣ **4** руб., и затѣмъ ежемѣсячно по **2** руб. до полной уплаты всей подписной суммы, а при подпискѣ вмѣстѣ съ „Театральной Библіотекой“—при подпискѣ **5** р. и затѣмъ ежемѣсячно по **3** р. до полной уплаты всей суммы.

Для учащихся въ спеціально-театральныхъ, музыкальныхъ и художественныхъ школахъ подписная цѣна на „Артистъ“ на годъ **9** р., съ пересылкой **10** р.

Отдѣльные нумера „Артиста“ по 2 рубля,

„Дневника Артиста“ по 1 руб.

ОБЪЯВЛЕНІЯ принимаются съ платою за каждый разъ 25 руб. за цѣлую страницу; 15 руб. за половину; 10 р. за $^1/_4$ и 5 р. за $^1/_8$ страницы.

„Театральная Библіотека“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ПРОГРАММА.

1) Драматическія произведенія (трагедіи, драмы, комедіи и водевили), **одобренныя** драматическою цензурою **для представленія безусловно**; 2) монологи, сцены и стихотворенія, одобренные драматическою цензурою къ публичнымъ чтеніямъ; 3) практическія указанія режиссерамъ.

Въ каждой книгѣ помѣщается отъ 4 до 8 актовъ драматическихъ произведеній.

Отдѣльные нумера по 1 руб.

Цѣна за томъ (4 книжки)—3 рубля.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На 12 мѣс.	На 8 мѣс.	На 4 мѣсяца.
Безъ доставки	3 руб.	2 руб.	1 руб. 50 к.
Съ доставкой	4 „	3 „	2 „ — „

Подписка принимается **только** отъ подписчиковъ на журналъ „Артистъ“.

Разсрочка на „Артистъ“ и „Театральную Библіотеку“: при подпискѣ **5** р. и затѣмъ ежемѣсячно по **3** р.

Подписка принимается и отдѣльные нумера продаются **въ конторѣ редакціи (Москва, Страстной бульваръ, д. Адельгеймъ)**, въ отдѣленіяхъ конторы: въ кн. маг. „Новаго Времени“, Карбасникова и Т-ва Вольфъ и въ конторѣ Н. Н. Печковской (Москва, Петровскія линіи) и, кромѣ того, въ книжной лавкѣ Московскаго Большого театра, а также во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ, музыкальныхъ и эстампныхъ магазинахъ въ С.-Петербургѣ и Москвѣ; въ Кіевѣ у г. Оглоблина; въ Казани у г. Дубровина; въ Костромѣ у г. Бекенева; въ Варшавѣ у г. Карбасникова; въ Орлѣ и Курскѣ у г. Кашкина.

Иногородніе благоволятъ обращаться исключительно въ контору редакціи.

Издатель Ѳ. А. Куманинъ. Отвѣтственный редакторъ Е. Е. Коршъ.